

ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГИИ–2020:

**Психолого-педагогическое сопровождение личности
в современной образовательной среде**

Гомель
2020

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

**«ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГИИ– 2020»:
Психолого-педагогическое сопровождение личности
в современной образовательной среде**

Международная научно-практическая конференция
(Гомель, 25 июня 2020 года)

Сборник материалов

Научное электронное издание

Гомель
ГГУ имени Ф. Скорины
2020

ISBN 978-985-577-694-0

УДК 159.9(082)

Векторы психологии–2020 : Психолого-педагогическое сопровождение личности в современной образовательной среде [Электронный ресурс] : междунар. науч.-практ. конф. (Гомель, 25 июня 2020 года) : сборник материалов / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Т. Г. Шатюк (гл. ред.) [и др.]. – Электрон. текст. дан. (объем 6,17 Mb). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – Систем. требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>. – Загл. с экрана.

ISBN 978-985-577-694-0

В сборник материалов конференции, организованной кафедрой социальной и педагогической психологии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», включены научные доклады, в которых рассматриваются проблемы психолого-педагогического сопровождения личности в фокусе образовательной, социальной и профессиональной среды. Акцентируется внимание на вопросах формирования здорового образа жизни, психологии развития личности в семейном социуме, психолого-педагогического сопровождения личности в сложной жизненной ситуации, уделено внимание проблемам профессионального развития личности и другим междисциплинарным исследованиям современной психологии.

Адресуется научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам, студентам, специалистам социально-психолого-педагогической службы.

Сборник издается в соответствии с оригиналом-макетом, подготовленным редакционной коллегией при участии редакционно-издательского отдела ГГУ им. Ф. Скорины.

Редакционная коллегия:

Т. Г. Шатюк (главный редактор),
Н. Г. Новак (заместитель главного редактора),
О. А. Короткевич (ответственный секретарь),
В. П. Горленко, Е. В. Одинокина, О. В. Маркевич, М. В. Терещенко,
Н. И. Колтышева, Ю. А. Шевцова

ГГУ им. Ф. Скорины
246019, Гомель, ул. Советская, 104
Тел.: 50-49-03, 57-94-79
[http:// conference.gsu.by](http://conference.gsu.by)

© Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Абдуллаева О. С., Бекназарова С. С. Психолого-педагогические основы организация процесса подготовки студентов к педагогической деятельности с позиции современных подходов.....	9
Андриенко О. А. О необходимости развития лидерских качеств в младшем школьном возрасте.....	12
Галямова Э. Х. Шакирова И. М. Влияние когнитивных стилей на процесс обучения математике.....	15
Каушан А., Филатов Д. Б., Чобан-Пилецкая А. М. Сущность духовно-нравственного воспитания в современном образовании в контексте православных традиций.....	18
Лямина Е. А. Основные проблемы общения в учебных заведениях.....	23
Новак Н. Г., Герасимова Н. В. Жизненные ценности современных студентов.....	24
Церковский А. Л. О программе формирования конкурентоспособности выпускника ВГМУ.....	25
Шатюк Т. Г. Роль СНИЛ «Альянс» в создании модели «Университет 4.0».....	29

Студенческие доклады

Авдейчик М. В. Особенности мотивации поступления в УВО студентов педагогических и непедagogических специальностей.....	33
Барновицкий К. В. Психолого-экологический аспект воспитания курсантов МЧС.....	36
Бычкова Е. А. Проявления психосоматической симптоматики у подростков во взаимосвязи с симптоматикой расстройства адаптации.....	39
Выдровская В. В. Психология влияния информационных технологий на развитие памяти.....	42
Грекова К. С. Влияние отклоняющегося поведения на развитие младших школьников.....	44
Игнатович А. И. Эмоциональный интеллект студентов-психологов.....	47
Ковалёва Е. В., Афанасьев В. В. Академическая успеваемость, уровень стресса и стрессоустойчивости у студентов медицинского университета.....	52
Колдунова Е. В. Ксенофобия и ригидность у студентов и старшеклассников.....	55
Копачёва М. А. Проявления социальной тревожности у студентов с различной активностью в социальных сетях.....	58
Лукашев А. И. Взаимосвязь симптоматики расстройства адаптации и проявлений социально-психологической адаптации, а также депрессии у подростков.....	62
Матюшенко А. А. Влияние мотивации на обучение студентов.....	65
Наливайко А. А. Психолого-педагогические аспекты тревожности старшеклассников.....	68
Нарук Д. Г. Психологическая коррекция эмоционального интеллекта и стиля саморегуляции юношей и девушек.....	71
Парфёнова Е. С. Стратегии преодоления стресса социально тревожных студентов.....	74
Редюк А. Н. Агрессия и агрессивность у студентов склонных к реакции обиды.....	77
Сафронова А. А. Взаимосвязь проявления буллинга и социального интеллекта в подростковом возрасте.....	79
Стракович В. В. Специфика лидерских способностей студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта.....	83
Шихалова А. В. Детерминанты, необходимые для реализации личностного потенциала.....	85
Шугай М. В. Особенности восприятия социальной поддержки у студентов с различным уровнем социальной тревожности.....	90

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Буцько А. В. Специфика применения пиар-мероприятий для продвижения здорового образа жизни.....	94
Горленко В. П. Игровая деятельность как средство формирования здорового образа жизни дошкольников.....	97
Журавлева А. Е., Аржанникова А. О. Качества личности как предиктор формирования интернет-зависимости в юношеском возрасте.....	99
Журавлева А. Е., Потапенко М. Н. Личностные особенности юношей и девушек с компьютерно-игровой зависимостью.....	103
Колтышева Н. И., Коржуева О. Н. Психологические особенности склонных к алкогольной зависимости подростков.....	106
Цыркунова Г. М., Буцько А. В. Современные тенденции в организации информационных кампаний по профилактике ВИЧ-инфекции.....	108
Швацкий А. Ю. Формирование здорового образа жизни обучающихся младшего школьного возраста в системе дополнительного образования.....	110
Шевцова Ю. А., Фесюк Н. С. Анализ результатов исследования особенностей Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям.....	114

Студенческие доклады

Блинков Е. Р. Социально-психологические факторы формирования нехимических аддикций.....	116
Борека А. Н. Особенности социально-психологической адаптации студентов, склонных к Интернет-зависимости.....	118
Довнар Ю. В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением.....	120
Замула А. И. Взаимосвязь жизнестойкости и уровня эмоционального интеллекта.....	123
Земченок Н. А. Взаимосвязь когнитивно-поведенческих паттернов лиц с нарушениями пище..	125
Змушко А. А. Влияние семейного окружение на развитие подросткового курения.....	127
Капора Д. В. Депрессивная симптоматика спортсменов в зависимости от социально-перцептивной оценки личностно-деятельностных особенностей тренера.....	129
Короткевич А. В. Высокий уровень тревожности, как предиктор несформированной коммуникативной компетентности.....	132
Кричевцова М. С. Психологическое благополучие личности как социально-психологический феномен.....	134
Романова Т. С. Зависимое и созависимое поведение: теоретический аспект.....	137
Счастливая Е. А. Коррекция личностной направленности старшеклассников, склонных к отклоняющемуся поведению.....	140

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОМ СОЦИУМЕ

Ачинович Т. И., Драк Е. С. Источники смысла жизни у людей пожилого возраста.....	144
Андриенко О. А., Зубкова С. Н. О взаимоотношениях современных подростков с родителями.....	147
Горленко В. П. Комплексно-целевая программа работы с родителями по нравственному саморазвитию обучающихся из категорий социального риска.....	150
Гребень Н. Ф. Ценности, установки и эмпатические способности социальных родителей.....	153
Лупекина Е. А. Социальные нормы просоциального поведения приемных родителей.....	157
Мельникова О. Н., Зубова Т. М. Психологические особенности подростков из неполных семей.....	160
Пылишева И. А. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности младшего школьника из неблагополучной семьи.....	163

Рудакова Ю. С. Семейные традиции как основополагающий фактор развития личности ребенка.....	166
Терещенко М. В., Шепелёва М. В. Эмпирическое исследование ролевых ожиданий и притязаний супругов.....	169
Шундикова Е. В. Результаты изучения семейных ценностей и взаимоотношений в современных семьях.....	171

Студенческие доклады

Андреева А. Д. Закономерности формирования супружеской пары в молодости.....	174
Анушкевич М. Г. Особенности эмоционального интеллекта у детей-сирот, воспитывающихся в приемных семьях.....	176
Боровикова Д. Д. Особенности удовлетворенности браком в семьях до рождения ребенка и с маленькими детьми.....	179
Григорьева В. А. Воспитание качеств семьянина у детей 5–6 лет в коммуникативной и игровой деятельности.....	181
Ефремова Н. А. Психологические особенности семейных отношений в повторном браке.....	184
Златова Н. С. Психологические особенности отношения подростков к родителям в неполных семьях.....	187
Зубкова С. Н. Взаимоотношения в семье как фактор формирования агрессивного поведения подростков.....	191
Магонова Л. В. Половые особенности романтической привязанности у взрослых, состоящих в брачных отношениях.....	193
Невретдинова А. Агрессивное поведение детей дошкольного возраста в зависимости от уровня материнской отверженности.....	197
Рабченко В. О. Роль детско-родительских отношений в формировании эмпатии подростков.....	200
Рубчеля В. А. Ролевые ожидания и притязания супругов как факторы семейного благополучия.....	203
Сосновская Т. С. Психология развития личности в семейном социуме.....	205
Стельмак Е. И. Психологическая характеристика тревожности и самооценки подростков из биологических и приемных семей.....	207
Сысоева А. В. Выраженность кризиса трёх лет у детей из семей с разным стилем воспитания.....	210
Хвалько П. И. Особенности межличностного взаимодействия со сверстниками у подростков из семей с разным стилем воспитания.....	213
Шулепова М. В. Конфликтность у подростков, находящихся в социально опасном положении.....	216
Юдина Т. А. Особенности родительского воспитания и оценки внутрисемейных отношений детьми в приёмной семье.....	221

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Зенько Н. Н. Рискогенные факторы как предпосылка возникновения обучающихся из категорий социального риска.....	225
Казимирский Г. Л. Психологическая помощь личности посредством сказкотерапии.....	227
Колтышева Н. И., Самара Н. В. Особенности внутриличностного конфликта у склонных к наркотической зависимости подростков.....	230
Король Н. А., Данилова Ж. Л. Влияние акцентуаций характера на поведение студентов в ситуации конфликта.....	233
Лямин Д. П. Влияние социальных установок на формирование поведенческого мотива индивида.....	236

Одинокина Е. В. Анализ эффективности программы развития жизнестойкости и стрессоустойчивости юношей и девушек с высоким уровнем переживания субъективного одиночества.....	239
Сосновская Т. И. Онлайн-тренинг «Системно-векторная психология Юрия Бурлана» как метод психологической помощи.....	243

Студенческие доклады

Азарко Т. В. Виктимность современных подростков в сети интернет.....	245
Бондаренко О. Е. Особенности психологического здоровья и жизнестойкости нарко- и алкоголезависимых.....	248
Горбачевский А. Е. Стрессоустойчивость личности в зрелом возрасте: понятие и способы коррекции.....	251
Дубоделова О. А. Копинг-поведение и уровень психологического благополучия в период взрослости.....	252
Жарков А. В. Виктимная деформация личности как предиктор аутоагрессивного поведения девушек, обучающихся в учреждениях специального среднего образования.....	255
Зарецкая Е. А. Психологический аспект изучения отношения к опасности юношей и девушек с разным уровнем доверия.....	258
Козина В. В. Особенности привязанности у детей-воспитанников социально-педагогических центров.....	262
Курашова М. А. Социально-психологическая адаптация и сопровождение солдат срочной службы внутренних войск.....	265
Кухар Е. Н. Теоретический аспект проблемы кибербуллинга среди подростков.....	268
Лагодич Т. Ю. Характеристика жизнестойкости медицинских работников среднего звена	270
Мазепина В. Ю. Уровень эмпатии и выбор стратегий поведения в конфликтной ситуации у подростков.....	273
Огурцова И. А. Психологический потенциал использования пет-терапии в повышении стрессоустойчивости.....	276
Пискун С. В. Психологические детерминанты формирования аддиктивного поведения молодежи.....	279
Плащева А. Г. Депрессия, тревожность и одиночество как детерминанты суицидального риска.....	281
Позднякова Т. М. Взаимосвязь скрытого насилия в отношениях и конформизма.....	284
Свило Я. В. Последствия развода родителей для детей младшего школьного возраста.....	286
Тихиня А. Е. Психопрофилактика психологического неблагополучия студентов-сирот.....	288
Чуранов М. С. Влияние игрушек-антистресс на состояние человека.....	291

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Студенческие доклады

Белякова А. В. Влияние эстетического воспитания на уровень креативности младших школьников с интеллектуальной недостаточностью.....	294
Винникова Н. В. Социально-психологические факторы депрессии.....	297
Гаева И. С. Коррекция эмоциональной сферы детей с аутизмом средствами арт-терапии.....	300
Примачек О. А. Образно-логическое мышление у детей с общим недоразвитием речи.....	304
Филипченко К. В. Система социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во вспомогательной школе.....	306
Худякова Е. С. Снижение уровня алекситимии у подростков с ограниченными возможностями.....	310

ПСИХОЛОГИЯ ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ

Тратинко К. А. Гендерные особенности самоотношения и самоактуализации в юношеском возрасте.....	313
Тратинко Т. В., Клыга О. Г. Гендерные особенности мотивации к спортивной деятельности у юниоров.....	316
Хакимова Н. Г., Гумерова М. М. Профессиональная идентичность как фактор профессионального становления педагога.....	319

Студенческие доклады

Александровская В. А. Гендерные особенности самоотношения в юношеском возрасте.....	322
Владынцева А. С. Взаимосвязь гендера и мотивации в спорте.....	325
Канюшанец В. В. Гендерные особенности мотивов профессиональной карьеры будущих специалистов экономического профиля.....	329
Музыченко Д. Д. Проявление сексуальности у людей с дисморфофобической симптоматикой.....	332
Пырх С. В. Психологические особенности сексуального поведения девушек с разным типом отношения к матери и отцу.....	334
Соломаненко А. Ю. Гендерные особенности психосоматических проявлений больных кожными заболеваниями.....	337
Шапошникова Д. С. Психологические особенности сексуального поведения в юношей и девушек из семей с разным типом сексуального воспитания.....	339
Шевченко И. А. Гендерные особенности развития эмоционального интеллекта у младших школьников.....	343

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Ахременко И. Н. Различия в понимании психологической готовности личности к профессиональной деятельности.....	346
Бантюкова Е. М. Роль системы мониторинга служебной деятельности курсантов для повышения качества подготовки выпускников военных факультетов.....	349
Гапанович-Кайдалова Е. В. Образ идеального учителя глазами слушателей педагогических специальностей.....	352
Короткевич О. А. Профессионально значимые качества студентов-экономистов как будущих руководителей.....	354

Студенческие доклады

Амельченко М. М. Повышение уровня стрессоустойчивости педагогов по средствам проведения тренинга «Ресурсы стрессоустойчивости».....	356
Бардыга Т. Н. Коррекция тревожности и агрессивности у среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет.....	359
Булдачёва А. С. Взаимосвязь эмоционального выгорания и эмпатии у медицинских сестёр.....	362
Вендорф И. К. Взаимосвязь стиля руководства и удовлетворенности трудовой деятельностью.....	366
Горбунова Е. М. Особенности профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов на разных этапах профессионализации.....	369
Грицук В. А. Мотивы выбора профессии у старшеклассников с разной временной перспективой.....	372
Католикова П. К. Влияние уровня коммуникативных способностей на тип профессиональной направленности студентов.....	375

Косьянова О. В. Взаимосвязь между профессиональным выгоранием и направленностью личности учителя.....	377
Мазур Ю. С. Особенности эмоционального выгорания и жизнестойкости у сотрудников скорой медицинской помощи.....	381
Паулкина Д. П. Психологические особенности формирования виктимного поведения у сотрудников ФСИН России.....	385
Суглоб Ю. Г. Теоретический анализ профессионального стресса и выгорания сотрудников, проходящих службу по контракту.....	387
Сшанова А. В. Влияние психологических особенностей личности на профессиональное самоопределение.....	390
Чудакова А. В. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и лидерских способностей.....	392
Шарников Е. С. Характеристики эмоционального интеллекта у студентов IT-специальностей.....	395
Юртаева Е. Р. Психология профессионального становления личности.....	398

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Бубнов М. В. Процесс принятия политических решений как предмет междисциплинарных исследований в рамках современной психологии.....	401
Маркевич О. В., Сидоренко А. В. Качество жизни и смысложизненные ориентации пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями.....	404
Степанькова А. В. Реализация учреждениями государственного санитарного надзора Гомельской области профилактических проектов с лицами третьего возраста.....	407
Щекудова С. С., Андрусь О. В. Тревожность и агрессивность у лиц среднего и пожилого возраста.....	410

Студенческие доклады

Борисенко Д. С. Особенности жизнестойкости у юношей и девушек с различным уровнем эмоционального интеллекта.....	413
Вергаль И. С. Взаимосвязь психологического благополучия и уровня самораскрытия в межличностном общении.....	416
Выходцева Е. А. Психологическое здоровье и стрессоустойчивость военнослужащих с разной выслугой лет.....	420
Гатальская Н. В. Особенности мотивации в сетевом бизнесе.....	424
Гатальская Н. В. Особенности перфекционизма в сетевом бизнесе.....	427
Захаркевич А. П. Взаимосвязь психологической подготовленности и мотивов к занятию спортом у спортсменов студенческих команд.....	431
Захаркевич А. П. Социально-психологический портрет студентов-спортсменов университетских спортивных команд.....	434
Лопатина Е. В. Особенности кибербуллинга у подростков.....	437
Миронюк Н. А. Взаимосвязь уровня психологического благополучия и отношения к деньгам у подростков.....	441
Науменко И. Н. Взаимосвязь самооценки и агрессивного поведения у юношей и девушек.....	444
Пазынич М. А. Взаимосвязь репрезентативной системы и мотивации студентов.....	447
Сузько М. Н. Проявление неуставных взаимоотношений в воинских коллективах с различным стилем руководства.....	449
Трудкова В. С. Жизнестойкость у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста.....	452

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

О. С. Абдуллаева

Наманганский инженерно-строительный институт,
г. Наманган, Узбекистан

С. С. Бекназарова

Ташкентский университет информационных технологий имени Мухаммада ал-Хоразми,
г. Ташкент, Узбекистан

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ

В статье приводятся теоретические основы ряда исследовательских работ в области проблем профессиональной педагогической подготовки, профессионального образования, педагогических условий подготовки к педагогической деятельности, а также требования к современному педагогу и совершенствования учебного процесса. Приводятся факторы и педагогические условия процесса подготовки к педагогической деятельности студентов по направлению профессионального образования.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, преподаватель, студент, профессиональное образование.

Профессиональная подготовка к педагогической деятельности студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования составляет органическую часть развития общества, важнейшее звено общей системы непрерывного образования и воспитания [1]. По нашему мнению, эффективность формирования профессионально-значимых качеств личности преподавателей и педагогов профессионального образования зависит не только от научной организации и управления педагогическими процессами, но и от взаимосвязанности и взаимообусловленности мотивационных процессов к педагогической деятельности и установки студентов к работе в образовательных учреждениях. Вышеизложенная необходимость требует совершенствования технологии организации и управления процессом подготовки студентов к педагогической деятельности для системы среднего специального профессионального образования.

Анализ системы профессионально-педагогической подготовки студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования, педагогической деятельности педагогов профессионального образования, молодых специалистов высших образовательных учреждений и средних специальных, профессиональных образовательных учреждений, показывает неполную степень заинтересованности специалистов к профессии преподавателя, нехватку необходимых знаний, умений, навыков в направлении научно-педагогической деятельности; включение молодых специалистов в практико-педагогическую деятельность вызывает трудности, что является следствием недостаточного внимания в подготовке преподавателей к педагогической деятельности; недостаточно эффективную обучающую деятельность; низкую готовность педагогических кадров к непрерывному профессиональному росту, к самообразованию, требуемому в течение всех лет профессиональной деятельности и т. д. [2, с. 105].

Свидетельства того, что процесс подготовки к педагогической деятельности студентов по направлению профессионального образования недостаточно эффективен, выявленные в нашем исследовании, таковы: не усовершенствованы учебные программы и технологии в области подготовки к педагогической деятельности студентов, соответствующие интегративной природе средних специальных, профессиональных образовательных учреждений; не разработана инновационная тактика подготовки к педагогической деятельности студентов; не упорядочены модели современного педагога (тьютор, ингибитор, фасилитатор, модератор, супервайзер);

при подготовке студентов отсутствует системный подход к организации мотивационных процессов по формированию необходимых навыков и заинтересованности к педагогической деятельности [3, с. 189].

С целью разрешения вышеуказанных задач необходим учет предпосылок и факторов, создание условий, которые будут способствовать повышению эффективности процесса подготовки к педагогической деятельности студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования.

Эффективность процесса подготовки к педагогической деятельности определяется на основе установления отношения комплекса ее результатов к ресурсным затратам, учета их соответствия социальному заказу, тенденциям развития, условиям реализации. Эффективное решение педагогических проблем зависит от четко поставленной цели. Следовательно, основная цель высшего образовательного учреждения по направлению профессионального образования не только, а может быть и не столько в том, чтобы вооружить своего выпускника знаниями, сколько в том, чтобы обеспечить его профессиональную готовность воспитывать, передавать знания, учить, включать самого учащегося в процесс активного овладения знаниями, добываясь уже в стенах высшего образовательного учреждения гарантированной готовности выпускника к педагогической деятельности.

Процесс подготовки будущих преподавателей профессионального образования к педагогической деятельности не может быть осуществлен без наличия высокого уровня научного потенциала, учебно-методического и материально-технического обеспечения. Это одно из основных условий и глобальный фактор перехода к интенсификации образовательного процесса в высших образовательных учреждениях.

Исследование показало необходимость создания следующих условий, способствующих повышению эффективности процесса подготовки к педагогической деятельности: структурирование учебного материала по принципу модульности и концентризма; усиление методических основ процесса подготовки к педагогической деятельности; установление межпредметных и внутрицикловых связей; сочетание различных форм организации учебного процесса, согласование их содержания, форм и методов организации; использование комплекса методов и средств обучения (проведение самостоятельной работы творческого и исследовательского характера, проблемный подход в обучении, разработка и решение педагогических задач, анализ педагогических ситуаций, изучение и анализ педагогического опыта, система практических заданий) [4].

Рассматривая содержание профессиональной деятельности преподавателя, исследователи подчеркивают роль мотивов деятельности, в частности интереса. Потребность заниматься определенным видом деятельности является движущей силой формирования и развития личности, самосовершенствования и саморазвития педагога. Эффективность педагогической подготовки студентов по направлению профессионального образования, как и всей педагогической деятельности, во многом определяется профессионально-педагогической направленностью личности – ее наличием или отсутствием.

В научной литературе констатируется, что нередко студенты педагогических высших образовательных учреждений не видят себя в будущем педагогами, не связывают будущую деятельность с профессией преподавателя, считая её «дополнительной», «запасной». То же самое можно сказать и о студентах высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования – их интерес к педагогическому труду не всегда высок. Педагогическая направленность студентов по направлению профессионального образования, как важный компонент профессиональной готовности требует к себе особого внимания. Одной из основных задач обучения в высшем образовательном учреждении является формирование профессионально-педагогической компетентности, устойчивого интереса к профессии, творческого педагогического мышления.

Таким образом, для обеспечения развития и усовершенствования процесса подготовки к педагогической деятельности будущих педагогов профессионального образования необходимо

принять во внимание в качестве сложной педагогической системы такие процессы, как «интерес к профессии», «педагогическая направленность», «мотивационные процессы», «процессы подготовки к педагогической деятельности».

Педагогическая практика показывает, что большинство студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования, заканчивая последний курс института, еще не до конца определились, будут ли они заниматься педагогической деятельностью в будущем. У многих из них недостаточно сформированы профессионально-значимые качества, что снижает их интерес к педагогической деятельности. В результате выпускники становятся не вполне компетентными педагогами. Многие студенты высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования думают, что в будущем они станут не педагогами, а представителями других профессий. Опираясь на такое мышление, они недостаточно уделяют внимания к изучению педагогических дисциплин.

Педагогическими исследованиями установлено, что развитость у студентов интереса к будущей профессиональной педагогической деятельности обеспечивает формирование необходимых профессиональных качеств, поскольку данный процесс теснейшим образом связан со всеми компонентами структуры личности – потребностями, мотивами, установками, ценностными ориентациями.

По нашему мнению, для формирования положительного отношения студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования к педагогической деятельности необходимо организовать мотивационные процессы. Мотивационные процессы служат формированию интересов к изучению педагогических дисциплин, а также формированию мотивов к педагогической деятельности. Мотивационные процессы необходимо организовать как с первого учебного года, так и в непрерывном образовательном процессе в остальные годы обучения. Основной задачей мотивационных процессов является формирование и развитие потребностей у будущих преподавателей в приобретении педагогических знаний, в выработке рефлексивных умений и навыков для организации педагогической деятельности.

На наш взгляд, в мотивационных процессах для развития личности будущего преподавателя необходимо на научной основе выявить особенности мотивов, изучить, какие мотивы формируют у студентов потребность к изучению педагогических дисциплин, а какие – служат формированию интересов к педагогической деятельности. В некоторых педагогических исследованиях мотивы рассматриваются как различные побуждения – осознанные интересы, потребности, морально-психологические установки, соотнесенные с убеждениями, чувствами, помыслами, наконец, как побуждение к деятельности, связанной с удовлетворением потребностей.

По мнению учёных, мотив возникает как под влиянием внешних требований, так и под воздействием собственных желаний, интересов и потребностей. Мотивация – не только стимул целостного развития личности будущего преподавателя, но и фактор ее дальнейшего совершенствования. Мотивация – источник активности, прежде всего интеллектуальной, творческой. Это важное внутреннее условие саморазвития. Наконец, мотивация – показатель развития многих важных качеств личности. И, конечно, мотивы – показатель внутренней логики духовной жизни личности, обусловленной практическо-деятельностным отношением к данной учебной и предстоящей педагогической деятельности. Это процесс самодвижения личности в условиях ее формирования, развития, деятельности.

Таким образом, важными опорными понятиями в подготовке к педагогической деятельности студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования являются: «интерес к профессии», «педагогическая направленность», «мотивационные процессы», «процессы подготовки к педагогической деятельности», а также взаимосвязь этих понятий.

Приведенный анализ теоретических работ и исследований по вопросам подготовки к педагогической деятельности позволяет указать следующие показатели повышения эффективности процесса подготовки к педагогической деятельности:

- учебная мотивация, заинтересованное отношение, любовь к своей профессии, педагогическая направленность;
- необходимость обеспечения взаимосвязи, непрерывности вышеуказанных процессов;
- самостоятельная творческая активность, способность к саморазвитию, самосовершенствованию, самореализации;
- использование системного подхода в организации мотивационных процессов по формированию интереса к педагогической деятельности и необходимых навыков;
- использование инновационной технологии, служащей повышению эффективности подготовки будущих педагогов профессионального образования.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в подготовке студентов высших образовательных учреждений по направлению профессионального образования имеется ряд нерешенных проблем. К их числу относится и проблема повышения эффективности процесса подготовки студентов к педагогической деятельности с применением современных подходов.

Список использованных источников

1 Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах / Ташкент : Akademnashr, 2017. – 28 с.

2 Абдуллаева, О. С. Педагогическая компетентность педагога профессионального (на примере специальности 5330200 «Информатика и информационные технологии») : учебное пособие / О. С. Абдуллаева. – Germany : LAP Lambert Academic publishing & Co. KG, Saarbrücken, 2018. – 105 с.

3 Абдуллаева, О. С. Технологии повышения учебно-воспитательного процесса профессиональных колледжей и академических лицеев (на примере изучения курса информатики и информационных технологий) : монография / О. С. Абдуллаева. – Ташкент : Издательство Навруз, 2016. – 189 с.

4 Абдуллаева, О. С. Технологии повышения эффективности процесса подготовки к педагогической деятельности студентов по направлению профессионального образования : дис... д-ра философии (PhD) по педагогических наукам : 13.00.01 / О. С. Абдуллаева. – Наманган, 2018. – 156 л.

О. А. Андриенко

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ,
г. Орск, Россия

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Проблема развития лидерских качеств у детей в младшем школьном возрасте представляет собой актуальную проблему психологического развития в данный период. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования лидерских качеств обучающихся начальной школы. Результаты диагностики показали, что у большинства младших школьников лидерские способности находятся на невысоком уровне развития.

Ключевые слова: лидерство в младшем школьном возрасте, диагностика лидерских качеств обучающихся.

В настоящее время все более актуальной становится проблема развития и формирования лидерских качеств у подрастающего поколения. В связи с этим, современное образование должно опираться на личностно-ориентированный подход, где ребенок является центром внимания [1]. Ю.В. Луханина отмечает, что лидерские качества младших школьников являются залогом эффективного лидерского поведения. Их структура включает в себя несколько компонентов: а) когнитивный; б) компетентностно-деятельностный; в) поведенческий [2]. Г. Фортунатов сделал попытку разделения всех детей на лидеров, организаторов, активистов, исполнителей, одиночек, бунтарей и затравленных членов группы [3].

Л. Н. Галигузова в своей работе отмечает, что дети-лидеры достаточно общительны, с ними одноклассники (одноклассники) взаимодействуют, поддерживают предложенные идеи, при этом взаимодействие окрашено позитивными эмоциями [4].

Давно известно, что лидеры подразделяются на ситуативных и постоянных, это касается и детей-лидеров. По мнению А. С. Залужного, дети от природы склонны к лидерству, и при определенных условиях каждый может применить на себя данную роль [5].

Д.В. Менджеричка затрагивая проблему качеств ребенка-лидера, подчеркивает, что он проявляет заинтересованность в окружающих его людях, участвует в различных мероприятиях, пытается руководить, но при этом может не обладать особыми талантами. Мы видим, что лидерские качества у детей не обязательно опираются на трудолюбие и интеллектуальные способности [6]. В детском коллективе часто выбирают в качестве лидера ребенка, который всегда заинтересован в других, стремится участвовать в различных мероприятиях и руководить, хотя в то же время он может не обладать особыми талантами в области обучения. Таким образом, лидерские качества у детей не всегда связаны с трудолюбием и интеллектуальными способностями. Кроме того, независимость, присущая ребенку-лидеру, часто кажется вызовом для педагога [7]. Ребенок может стать лидером в группе, превосходя других даже по одному качеству [8].

Е. И. Тихомирова дает описание ребенка-лидера: 1) стабильная лидерская позиция (активность, инициативность, способность принимать решения быстро и самостоятельно); 2) переменная лидерская позиция (зависимость от поддержки других) [9]. Эти типы лидеров отличаются личной инициативой в решении встать во главе других. Характерно, что в начальной школе личная инициатива детей и их самостоятельное принятие решений присутствуют редко. Младшие школьники в наибольшей степени ориентированы на мнение учителя и сверстников, они также боятся негативной оценки со стороны других и не способны реализовать свои планы, отстаивать свое мнение и выдвигать различные идеи. Подавление инициативы школьника со стороны взрослых, постоянное её корректирование, непринятие особенно остро стоит не только в начальной школе, но и в старших классах.

Таким образом, лидеры младшего школьного возраста могут проявить себя различными способами, а зависит это от личностных особенностей ребенка, отношения с педагогами, семейных обстоятельств, а также от готовности группы к реализации инициатив лидерства и спроса на лидерство [10].

У ребенка-лидера выделяют следующие особенности деятельности и психики: особый стиль мышления и аналитический склад ума, самостоятельность, ответственность, наличие собственного мнения, умение решать конфликты, умение привлекать внимание сверстников [11].

Наше исследование проводилось на базе школ №6, №15 г. Орска. В исследовании принимали участие учащиеся четвертых классов в количестве 90 человек. Цель исследования: изучить особенности развития лидерских качеств у детей младшего школьного возраста. Первоначально нами была проведена методика «Социометрия». Цель данной методики заключается в том, чтобы выявить лидеров в группе. В исследуемых классах 18,9% (17 человек) обучающихся занимают наиболее активную позицию, они являются лидерами и предпочитаемыми членами группы. Большинство учащихся всех исследуемых классов имеют пассивную позицию в коллективе.

После проведения данной методики и беседы с классными руководителями из исследуемых классов были отобраны 17 человек, имеющие наиболее активную позицию в жизни класса, занимающие в классе позиции лидеров и предпочитаемых.

Далее, на уже сформированной группе, была проведена методика «Я-лидер» Е. С. Федорова, О. В. Еремина, модифицированная Т. А. Мироновой.

Данная методика показала, что у 5,9% испытуемых средний уровень развития умения управлять собой, осознавать поставленных перед собой цели, а у 94,1% - низкий уровень; у 29,4% испытуемых средний уровень развития умения решать разного рода проблемы, а у 70,6% диагностирован низкий уровень; у 17,6% испытуемых умение находить творческий подход, оказывать влияние на окружающих находится на среднем уровне, а у 82,4% - на низком; у 11,8% младших школьников средне развито знание особенностей организаторской работы, а у 88,2% оно развито слабо; у 17,6% уровень развития организаторских способностей на среднем уровне, а у 82,4% они развиты слабо; у 23,5% детей умение работать в коллективе находится на среднем уровне, а у 76,5% оно недостаточно развито.

Далее была проведена методика «Самооценка лидерства». Данная методика показала, что у 41,2% (7 человек) испытуемых лидерские способности находятся на среднем уровне развития, у 58,8% (10 человека) на низком уровне.

Таким образом, результаты диагностики сформированной группы активистов показали, что у большинства обучающихся лидерские способности находятся на невысоком уровне развития.

Список использованных источников

1 Прихожан, А. М. Возрастная и педагогическая психология : хрестоматия / А. М. Прихожан. – М. : Академия, 1998. – 255 с.

2 Луханина, Ю. В. Особенности проявления лидерских качеств младших школьников / Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: международная научно-практическая заочная конференция (30 октября 2016, г. Белгород) : сборник статей. Белгород: ООО «ГиК», 2016. – С. 168–170.

3 Макарова, О. А. Феномен лидерства в коллективе младших школьников / О. А. Макарова // Молодой ученый. – 2015. – № 7. – С. 680–683.

4 Галигузова, Л. Н. Проблема социальной изоляции детей / Л. Н. Галигузова. – М., 1996. – 217 с.

5 Залужный, А. С. Детский коллектив и методы его изучения / А. С. Залужный. – М., 1931. – 145 с.

6 Менджерицкая, Д. В. Творческая игра как средство нравственного воспитания / Д. В. Менджерицкая – М.: 1963. – С. 150–162.

7 Нгуен, З. Н. Роль образовательной среды в формировании лидерских качеств младшего школьника / З. Н. Нгуен // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 2. – С. 57–65.

8 Новикова, Н. А. Развитие лидерских качеств младшего школьника во внеурочной деятельности / Н. А. Новикова / Научные исследования: от теории к практике: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – № 3 (9). – С. 118–121.

9 Винокурова, О. В. Развитие лидерских качеств в младшем школьном возрасте / О. В. Винокурова, О. А. Фролушкина / Психология и педагогика: актуальные проблемы и тенденции развития: материалы III Международной научно-практической конференции (13-14 ноября 2017 г.) / Отв. ред. А. А. Долгова. – ООО «Изд-во РИТМ», Воронеж, 2017. – С. 303–307.

10 Ткаченко, Е. И. Раскрытие лидерского потенциала в процессе внеурочной деятельности у младших школьников / Е. И. Ткаченко // Научный журнал. – 2018. – № 2 – С. 131–132.

11 Ильин В. А. Психология лидерства / В. А. Ильин. – М. : Юрайт, 2015. – 311 с.

Э. Х. Галямова, И. М. Шакирова

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны, Россия

ВЛИЯНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ

В статье рассматривается проблема взаимосвязи когнитивного стиля обучающегося с его способностью к обучению. Поиск решения проблемы затруднений детей в освоении математических знаний осуществляется с точки зрения психологических исследований индивидуальных особенностей. Приведены примеры постановки задач для более успешного усвоения материала с учетом когнитивной особенности обучающегося.

Ключевые слова: когнитивные стили, полнезависимость, полнезависимость, решение математических задач, связь когнитивного стиля с обучением.

В многочисленных психолого-педагогических исследованиях и научных трудах не раз поднимался вопрос о необходимости учета индивидуальных особенностей личности в процессе обучения. Наиболее эффективным подходом, позволяющим побороть затруднения в математике, является организация образовательного процесса с учетом познавательных особенностей обучающихся. Психофизиологические качества индивидуума отражаются на особенностях освоения, понимания и преобразования материала, что, в свою очередь, является одним из ключевых аспектов в изучении математики. Большинство ошибок, связанных с восприятием и анализом информации, зачастую обусловлены неправильным выбором стиля подачи информации без учета особенностей обучающихся [1].

Требуемая в данном случае индивидуализация процесса обучения влечет за собой корректировку дидактических, а также методических материалов, которая позволит получить положительные результаты с учетом психофизических особенностей. Часть вопросов современного математического образования, безусловно, также может быть решена с помощью рекомендаций психологов. В своих работах А. Л. Сиротюк [2] пришла к заключению, что учителя в своей практике не принимают во внимание возможности развития и особенности правого полушария.

Проблема учета когнитивных стилей в индивидуализации процесса обучения математике достаточно нова. В исследованиях психологов [3–6] отражены научные доводы о взаимосвязи когнитивных стилей с межполушарной асимметрией и уровнем интеллекта. Отражение когнитивных стилей в индивидуальных особенностях познавательных процессов и способах мышления сказывается на успешности ученика в процессе его обучения. Таким образом, учитывая особенности когнитивных стилей в образовательном процессе, можно лучше понять математическую основу рассуждений ученика, выявить причины затруднений и организовать методическую помощь.

Анализ школьной практики обучения математике показывает, что содержание ориентировано на формальную сторону предмета с акцентом на алгебраизацию курса. Представители нейропедагогики фокусируют проблемы современного образования в организации процесса обучения без учета специфики работы левого и правого полушария. К необходимости переоценки устоявшихся взглядов на систему математического образования в направлении развития образного мышления детей способствовали исследования особенностей функциональной асимметрии мозга.

Работа левого полушария позволяет человеку манипулировать такими формальными абстракциями, как цифры и математические формулы. Исследования психологов показали, что левое полушарие специализировано на оперировании условными знаками, а правое – на оперировании образами реальных предметов. Работа правого полушария связана с синтетическим характером мышления, которая проявляется целостным охватом объектов восприятия, а работа левого полушария – аналитическим характером мышления. По

мере развития ребенка происходит усовершенствование механизмов межполушарной асимметрии.

В ходе исследования изучены работы психологов, связывающих особенности мышления с деятельностью правого и левого полушарий мозга. К примеру, В. С. Ротенберг делает вывод, что «преобладающее развитие функций того или иного полушария оказывает огромное влияние на склад ума человека» [5]. Его попытки объяснить затруднения некоторых детей при изучении математики сводятся к указанию на ошибку большинства учителей в игнорировании роли образного мышления и попыток развития познавательных возможностей. Бетти Лу Ливер отмечает, что «ориентированная на ученика система преподавания, требующая от учителя внимательного отношения к стилям обучения, выходит за рамки метода, за рамки учебника, за рамки классной комнаты и даже за рамки учителя, так как ориентирована на источник успеха или неуспеха в обучении – на самого учащегося» [3].

Наиболее разработанными и важными для понимания обучения функциональной линии являются дифференцированность поля с параметрами «полезависимость» (от англ. field dependence) и «полenezависимость» (от англ. field independence). Полезависимость-полenezависимость – один из параметров когнитивного стиля личности (его перцептивного компонента), для диагностики которого применяются две основные методики, разработанные Г. Уиткином (тест стержня и рамки) и тест замаскированных (или включенных) фигур [4].

Благодаря многочисленным зарубежным и российским исследованиям удалось выяснить [6], что полезависимым учащимся легче даются математические текстовые задачи с чертежами, рисунками. Полenezависимые ученики, в свою очередь, менее чувствительны к замечаниям, более самостоятельны и самомотивированы в обучении. У них в более легкой форме проходит адаптация к изменению ситуации.

Американский психолог Б. Л. Ливер, автор ряда книг и статей, посвященных, в том числе, когнитивным стилям, сформулировала предпочитаемые виды заданий для обоих видов: а) полезависимым предпочтительны сочинения на свободную тему, математические задания в словах, упражнения с использованием индукции, текстовые прикладные задачи; б) полenezависимым наиболее комфортно решать вопросы с выбором ответа, выполнять задания на заполнение пустых мест, математические вычисления вне контекста [3].

Здесь также необходимо добавить, что классификация когнитивных стилей не заканчивается на полезависимых и полenezависимых. Отметим, в свою очередь, такие стили, как: доминирование полушарий (правое/левое), при котором для «левополушарных» характерна склонность к точным наукам, тогда как «правополушарные» ученики обладают пространственным воображением и тяготеют к искусству; аналитики (анализируют, дифференцируют задачу на части) и синтетика (напротив, интегрируют, собирают целое из частей); визуалы (воспринимают информацию зрительно), аудиалы (учатся посредством восприятия информации на слух) и кинестетики (познают все эмпирическим путем).

Основную развивающую задачу проектирования процесса обучения с учетом индивидуальных особенностей исследователи видят в изменении уровня стилевых проявлений школьников [1]. В процессе ее решения предлагается использование различных способов освоения и преобразования математического материала, улучшение адаптации форм подачи информации.

В курсе алгебры и начала анализа в старших классах школы преобладает формальный и аналитический подходы к изучению функций. Вектор обучения направлен на запоминание определений, понятий, различных свойств без графических иллюстраций примеров при этом. Отметим также ключевую роль аналитического способа задания функции и, как следствие, недостаточное внимание графическому способу. Максимальное графическое представление функций, по мнению педагогов, представлено в учебных пособиях и материалах под редакцией

А.Г. Мордковича, что, в свою очередь, позволяет оценить положительную подготовку выпускников по данной серии учебников. Формальное владение функциональными понятиями первокурсников, выявленное в ходе изучения дисциплины «Основы математического анализа», направило наше внимание к данной проблеме и активизировало поиск решения в тесной взаимосвязи с психологией обучения.

Выделим некоторые особенности организации изучения линии функции с учетом психофизиологических особенностей обучающихся, а именно когнитивных стилей. Говоря о когнитивных стилях, подразумеваем особенности познавательных процессов, которые проявляются в различных способах задания функции, в постановке конкретных задач. Когнитивные стили объясняют, как человек воспринимает и перерабатывает информацию, что делает их привлекательными для исследования с позиции методики обучения.

Для организации работы с дидактическим материалом рекомендуется включать задания на комбинацию разных познавательных стилей при одинаковом математическом содержании. Например, при составлении заданий на закрепление свойств функции в каждом задании рекомендовано включать взаимобратное действие. Приведем примеры заданий.

1. При изучении области определения функции прямым действием будет указание выделить области определения представленных графиков функций, а обратное действие состоит в схематичном построении графика функции по заданным промежуткам или соотношению их с предложенным набором графиков функций на рисунке.

2. При изучении свойств функций прямое задание: выписать промежутки возрастания и убывания по заданному графику, а обратным является требование нарисовать схематично график функции, возрастающей или убывающей на указанных промежутках.

3. В теме «Производная функции» прямым заданием будет установление соответствия график функции – график производной, а обратным: по заданному графику производной описать свойства функции.

Анализ психолого-педагогические исследования и экспериментальные данные по обучению с учетом особенностей когнитивного стиля наводят на мысль о перспективности исследований в данном направлении. Выявленные связи между когнитивным стилем и особенностями обучения должны стать основой для индивидуализации этого процесса с целью повышения его эффективности.

Список использованных источников

1 Сиротюк, А. Л. Обучение детей с учетом психофизиологии / : Практик. руководство для учителей и родителей / А.Л. Сиротюк. - М. : Сфера, 2000. - 122 с.

2 Сиротюк, А. Л. Нейропсихологическое и психофизиологическое сопровождение обучения / А. Л. Сиротюк. – М. : ТЦ Сфера, 2003. – 288 с.

3 Ливер, Б. Л. Обучение всего класса / Б. Л. Ливер. – Новосибирск, 1994.

4 Петрова, И. Н. Полезависимые и полenezависимые обучаемые: приемы и формы педагогического подхода / И. Н. Петрова // Вестник МГТУ, 2014. - № 2. – С. 30–33.

5 Ротенберг, В. С. Мозг. Обучение. Здоровье. Книга для учителя / В. С. Ротенберг, С. М. Бондаренко. – М. : Просвещение, 1989. – 239 с.

6 Шкуратова, И. П. Когнитивный стиль как фактор успешности обучения и общения в учебной сфере / И. П. Шкуратова // Личность в деятельности и общении, 1997. – С. 115–128.

А. Каушан

Государственный педагогический университет Иона Крянгэ,
г. Тирасполь, Молдова

Д. Б. Филатов

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
г. Москва, Россия

А. М. Чобан-Пилецкая

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
г. Тирасполь, Молдова

СУЩНОСТЬ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ

В статье рассмотрены основные факторы культурно-нравственных ценностей православия в воспитании личности учащихся, в контексте процесса развития национально-региональной системы воспитания. Воспитательным полем, в котором рассматриваются ценности православия, избирается культура. Целью статьи является выявление, анализ и определение теоретических основ воспитания духовно-нравственных ценностей учащихся в контексте православных традиций и совокупность педагогических условий, обеспечивающих эффективность этого процесса.

Ключевые слова: духовность, нравственность, парадигма воспитания, личность, воспитание, мировоззрение, православная культура, современное образование.

В системе молдавского образования в настоящее время начала функционировать новая культура воспитания, характеризующаяся такими особенностями, как историческая преемственность поколений, сохранение и развитие национальных культур, воспитание бережного отношения к историческому наследию народа Молдовы; воспитание патриотов Молдовы, граждан правового, демократического, социального государства, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов; формирование культуры миро- и межличностных отношений; формирование у детей и молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитие культуры межэтнических отношений; воспитание здорового образа жизни, развитие детского и юношеского спорта; экологическое воспитание, формирование бережного отношения к природе.

Важной причиной в исследуемой тематике является методология общей системы учебно-воспитательного процесса, на основании мировоззрения которым определяется вектор решения воспитательных задач. Педагогическая деятельность включает в себя целостность и системность. Характеристика педагогической деятельности является целесообразность, последовательность, в совокупности структурных и функциональных подсистем. В комплексе основных проблем педагогики входит духовное фундаментальное мировоззрение не как компонента, оказывающего содействие на образовательный процесс, а как один из основополагающим фактором. Из этого следует необходимость проведения анализа сторон природы духовности человека. Рассмотрение воздействия духовных ориентиров нравственной природы личности, а также внесение результатов анализа в современное научное миропонимание.

На основании творения святых Отцов и учителей Православной Церкви, мы видим «именно в святости достигается полная гармония человеческой природы, что в педагогических изысканиях последнего времени именуется «целостностью человеческой природы»» [1]. Это способствует расширению диапазона исследуемых сторон мировой педагогической мысли, укрепляет связь нынешние современные личностно ориентированные образовательные технологии с традиционными исторически сложившимися духовно - нравственными формами обучения и воспитания. Из этого следует важность в конкретном случае этих реалий и исходящей из них алгоритм воспитательной методики, теории и практики.

Нынешняя практика гласит о необходимости внесения в содержание учебного процесса поддержания духовных традиций, возрождения духовно - нравственных и научных традиций отечественной психологии и педагогики, которые требуют глубокого истолкования в свете святоотеческой мысли.

Мировая история Православной Церкви приоткрывает бесценную сокровищницу своих антропологических истин. Следует отметить, что на сегодняшний день они остаются недостаточно изученными научной педагогической мыслью и не учтенные в построении учебного процесса, который теряет силу без знания истинной природы человека, без учёта взаимодействия духовного роста личности с психологическим и физическим развитием, без уточнения необходимости духовного образа жизни, которая формируют нравственные устои становления личности.

Следует отметить, несмотря на внушительный научный фонд по изучению проблематики, существуют и противоречия между необходимостью исследования духовно-нравственного воспитания в национальной школе и недостаточностью разработанности в педагогической теории и практике. Данное противоречие выдвигает важность изучения, заключающееся в диагностировании организационно - педагогических условий, содействующий повышению уровня духовно - нравственного воспитания учащихся в современной школе в контексте православных традиций [2, р. 86].

Определим основные критерии духовно-нравственной культуры личности (таблица 1).

Таблица 1 – Критерии духовно-нравственной культуры личности

Наименование критериев	Характеристика критериев
Когнитивные	уровень мотивации школьника, его отношение к миру, стране, людям, самому себе
Поведенческие	уровень реализации знаний в различных видах деятельности (в учебе, общении, труде, спорте, творчестве)

Укрепление личности подразумевает восприятие определенных ценностей, некоторых принципов нравственности и этичности.

Православная традиция для Молдовы – это основная религия, которая передает в себе богатство нравственного потенциала, исторических, социальных, мировоззренческих, педагогических, а также психоаналитических знаний.

Цель – повысить уровень духовно-нравственного воспитания школьника посредством православной культуры в школе.

Данная парадигма предполагает внесение современной педагогической практики обще – целевую программу духовно-нравственного образовательного процесса школьников в контексте православных традиций. Многостороннее понятие «парадигмы» позволяет исследовать методологические, теоретические и методические аспекты проблематики.

Фундаментальная методология – это методическая парадигма научных знаний, которая отвечает на вопрос возможность и способность в нововведении формированию личность человека. Фундаментальность парадигмы и ее методика, определяется, или основывается на системном подходе. Следует отметить, что в следствии применения данного подхода: отражается динамика, оценка развития личности учащихся. Как результативность мониторируется улучшение воспитательного процесса в контексте воздействия на духовно-нравственные ценности и составляет дополнительные обеспечение воспитательного процесса.

Молдавский педагог Пыслару Влад аргументирует, что по признаку «соотношение обучения и воспитания», отражающему содержание воспитательной деятельности выделяет следующие формы организации воспитательного процесса: воспитательный процесс полностью

отождествляется с учебным; воспитательный процесс организуется как дополнительный по отношению к учебному [2, р. 86].

Результаты исследования

По мнению автора, воспитательный процесс может быть результативным, только в том случае, если в процессе обучения будут применяться дополнительно дополнительные систематические критерии, которые имеют вектор развития личности.

Воспитание, направленное на развитие личности школьника, не может не быть гуманистическим. Именно гуманистическая парадигма рассматривает человека как самоценность, он «есть существо, преодолевающее свою ограниченность», с другой стороны и, этика единства всего сущего, «коллективная личности» и отношение к человеку как к гражданину общечеловеческого братства, с другой.

В социальной потребности включения в деятельность по преобразованию действительности материалистическая философия видит истоки саморазвития человека. Преобразуя окружающий мир, он изменяет и самого себя. Идеям саморазвития человека посвящены исследования В. Пыслару, А. Кара, М. Мынку, И. Хорга. Приведенные нами постулаты использованы в реализации парадигмы через принципы, объективные по происхождению и субъективные по применению. Применяется при реализации основных функций: ориентировочно-прогностическая (выборность и алгоритм достижения целей); и функция звена, которая связывает между собой теоретическую и практические основы (предопределенность и результативность, воспитание в данной деятельности).

Составным элементом управления духовно-нравственным воспитанием школьников является выбор методов взаимодействия. В. Пыслару, Л. Папук, А. Кара в своем исследовании указывает на субъективные обстоятельства, препятствующие эффективности воспитательного воздействия: исторически сложившаяся у многих педагогов установка на воспитательное воздействие как на обработку объекта - подростка довольно ограниченным набором методов: поощрением, наказанием, системой соревнований, а на учебную деятельность как на основную, практически единственную общественно оцениваемую функцию школы, на классно-урочную организацию учебно-воспитательной работы как на единственную опору.

Авторы парадигмы предусматривают, что через развитие духовность, нравственность и образование становится следствием задача статности духовно-нравственному образованию, как аналогические: экологии, экономики, право. Нужно отметить, что в контексте преподавания разных модулей, которые векторно ориентированы на просвещение личности в конечном итоге должны обеспечивать главный компонент духовность и нравственность. Предусмотрены в будущем, в курикуллумах тематика исследований: концепция национальной школы, оценка и анализ основ педагогического образования, которые ориентируются на христианскую педагогику и психологию. Отражение религиозно историко-национальных традиций форм жизни. В будущем эта методика способна будет повысить уровень духо-нравственной парадигмы на основе православных традиций в обществе.

Список использованных источников

1 Корзинкин, А. А. Духовно-нравственная концепция воспитания личности и современное образование: дис. ... канд. психол. наук : 13.00.01 / А. А. Корзинкин. – Общая педагогика, история педагогики и образования, Курск, 1999. – 166 л.

2 Pâslaru, VI. Identity end Tolerance. În: Educating Tolerance in Multien cultural Societes: Roundtable Discussi on Materials, Chişinău, October 3-7, 2001/ Institute for Public Policy – Moldova, East East Program of the Open Society Institute – Budapest, Ch. Arc, 2002. – p. 86.

Е. А. Лямина

Белорусский государственный педагогический университет имени М.Танка,
г. Минск, Беларусь

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В статье автор раскрывает основные причины проблем, возникающих в процессе общения в учебных заведениях Республики Беларусь. Статья написана на основе опыта, полученного в ходе работы в средних и учебных заведениях г. Минска, а также в БГПУ имени М. Танка. Актуальность статьи обусловлена ее практической направленностью, позволяющей понять причины непонимания между оппонентами в процессе коммуникации и своевременно предотвратить конфликтные ситуации.

Ключевые слова: коммуникация, общение, психологический барьер, социальная группа, поколение Z.

В современном обществе, особенно в молодежной среде, многие сталкиваются со сложностями межличностного общения, понимания друг друга, что в некоторых случаях приводит не только к проблемам в профессионально-деловой сфере индивида, но и к его психологической неустойчивости, неустроенности личной жизни, замкнутости. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что общение присуще всем видам деятельности человека [1], и тем более определяет его успешность в обучении. Общение включает в себя не только процесс обмена информацией, но и социальную перцепцию (восприятие) партнерами друг друга, выражающуюся в последующих действиях в отношении собеседника [2]. Особую актуальность процесс коммуникации приобретает в системе образования, где от уровня взаимодействия между обучающимся и преподавателем (учителем, воспитателем) зависит качество подготовки специалиста. Следовательно, в данном случае основной целью общения можно считать обмен информацией.

Нередко, особенно в педагогической практике, бывают моменты, когда до сведения обучаемого доводятся, на первый взгляд, очевидные и понятные вещи, но, тем не менее, он не может понять, что от него требуется. Педагог объясняет еще раз, но результат все тот же, его не понимают. Такие случаи могут не только привести к слабому усвоению материала учеником, но и в целом к конфликту между ним и учителем. В результате обобщения практического опыта работы в средних учебных заведениях на различных должностях, основными причинами такого непонимания можно считать следующие.

1. Педагог недостаточно четко выражает свою мысль. Собеседник не может уловить, о чем собственно ему говорят. Это, как правило, происходит по двум причинам. Во-первых, в ходе беседы произносится слишком много слов, не связанных с темой разговора. Это отвлекает от восприятия основной темы и реципиенту очень трудно уловить суть монолога собеседника (рассеивание внимания). Во-вторых, педагог экономит на контексте, и в результате не полностью раскрывается суть обсуждаемой темы.

2. Недостаточная осведомленность одного из собеседников по теме диалога. Педагог объясняет собеседнику позиции, которые очевидны и понятны для него, но, в силу отсутствия определенных (иногда базовых) знаний по теме, собеседник просто физически не может его понять.

3. Разный взгляд на предмет диалога исходя из своего социального окружения. Часто такое наблюдается в среде студентов. Казалось бы, все поступали в один вуз, все выполняли одни и те же тестовые задания, примерно уровень знаний у всех одинаков, но в первые месяцы учебы происходят конфликты, что называется, «на пустом месте», из-за социальных барьеров восприятия [3].

4. Различные лексические особенности языка общения из разных социальных групп. Несомненно, что сформированность определенного лексикона зависит от социального окружения человека. Самый яркий пример – это так называемая слэнговая речь, присущая, в том числе и представителям различных профессий. Особенно это становится актуальным по мере развития интернет-технологий и принятых там сокращений, заимствований и т. д. («ЛОЛ», «ИМХО»),

которые постепенно входят в лексику подростков, особенно представителей так называемого «поколения Z».

5. *Краеугольный камень педагогики – возрастной барьер восприятия.* Особенно это актуально при общении молодых педагогов с родителями учеников. В некоторых случаях два совершенно нормальных, воспитанных человека, в равной степени удовлетворительно владеющих языком и способных вести диалог на определенную тему, тем не менее, не могут договориться. Старший по возрасту собеседник в данном случае будет отстаивать позиции лидера и более умного, опытного человека, а его визави должен прислушиваться к мнению старшего и соглашаться, несмотря на более высокую степень компетентности младшего в обсуждаемой сфере (например, в педагогике).

Этот стереотип сложился исходя из того, как правило, диалог со старшим строится по инициативе и по теме, предложенной именно старшим, или, иногда младшим, но в этом случае с расчетом, что старший собеседник предположительно знает больше и может просветить. В свою очередь, собеседник, младший по возрасту, может занять позицию: «Я уже взрослый, чего он меня все время поучает, я сам знаю, как надо, это моя жизнь, как хочу, так и делаю, сам решу, что он вообще понимает, прошлый век»

6. *Разница в социальном положении.* Здесь также необходимо брать в расчет множество дифференциаций. Кроме финансового достатка, необходимо учитывать статус и образованность семьи и социального окружения, уровень эстетического воспитания, разницу в возрасте родителей, братьев, сестер и пр. В этом случае можно выделить три типа коммуникативного поведения.

Первый тип. Ребенок из очень обеспеченной семьи, где финансовое благополучие сформировалось путем спонтанных доходов, и семья из среднего класса, резко перешла в статус олигархов. В таких случаях говорят: денег заработал, а воспитание прикупить забыл. Ребенок просто будет копировать поведение родителей, выпячивать деньги семьи и строить свое поведение в обществе по увиденным шаблонам. Например, на одной из лекций в университете весьма отстающая студентка на предложение преподавателя позаниматься дополнительно и перестать прогуливать лекции, попыталась показать свое превосходство сравнением автомобилей ее и преподавателя.

Второй тип. Человек с низким социальным статусом и низким уровнем достатка, несмотря на все затрачиваемые усилия, не может заработать приличных денег, их все время не хватает, он борется, но при этом остается добрым и открытым для диалога. Жизненное кредо таких людей: «так сложилась судьба». Не наше дело, главное, он не обвиняет никого, он приятный собеседник, часто весьма образованный, с ним можно поговорить и не получить нравучений.

Третий тип. Обозленный на весь мир, обвиняющий в своих проблемах других. Есть множество людей вполне себе неплохо живущих, но сам факт, того, что кому-то живется лучше, не дает им покоя. Такие люди неспособны конструктивно строить диалог с собеседником, так как жизненная позиция обвинителя часто приводит к межличностным конфликтам.

Подводя итог, можно сказать, что описанные выше барьеры социального общения являются в настоящее время наиболее часто встречающимися в различных учебных заведениях. Понимание причин возникновения непонимания между собеседниками позволит своевременно предотвратить конфликт и плодотворно сказаться на образовательном процессе в целом.

Список использованных источников

1 Леонтьев, А. А. Деятельность общения как объект научного исследования / А. А. Леонтьев // Психология общения. – М. : Смысл, 1999. – 365 с.

2 Психология общения : энциклопедический словарь / Российской акад. образования, Психологический ин-т ; под общ. ред. А. А. Бодалёва. – М. : Когито-Центр, 2015. – 672 с.

3. Шиффман, Х. Ощущение и восприятие / Х. Шиффман. – СПб. : Питер, 2003. – 928 с.

Н. Г. Новак

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,

Н. В. Герасимова

Гомельский государственный колледж бытового обслуживания,

г. Гомель, Беларусь

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается тема жизненных ценностей студентов. Описаны результаты изучения жизненных ценностей личности раннего юношеского возраста. Приводится сравнительная характеристика жизненных ценностей студентов и обучающихся колледжа.

Ключевые слова: юность, жизненные ценности, студенты.

Согласно современным исследованиям, ценности личности рассматриваются как критерии, которые используются людьми для выбора и обоснования своих действий, а также для оценки других людей, себя и событий. На формирование системы ценностей оказывают влияние многие факторы: семья и малые социальные группы, экономические и социально-культурные отношения, жизнедеятельность субъекта, пол, возраст, условия жизни [1].

На каждом возрастном этапе, характеризующемся сменой социальной ситуации развития, та или иная социальная структура становится доминирующей в формировании системы ценностей личности. Юноша стремится зафиксировать свою внутреннюю позицию по отношению к себе, другим людям и моральным ценностям.

Как показывают психологические исследования, у лиц юношеского возраста система ценностей характеризуется динамичностью: освоение социальных ролей, стремление к переменам, поиск идентичности, самоопределение – вот лишь немногие термины, в содержании которых раскрывается столь многообразное явление как изменение ценностей личности. Факт такой динамики фиксируется в исследованиях К. А. Абульхановой, Б. С. Братуся, М. Р. Гинсбург, А. Н. Бражниковой, О. С. Дейнека, В. Н. Пищука, Ю. В. Тищенко и др.

Исследование жизненных ценностей респондентов проводилось на базе учреждений образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» и «Гомельский государственный профессионально-технический колледж бытового обслуживания».

В выборку вошли 340 респондентов юношеского возраста, в том числе 190 человек в возрасте 17–18 лет (обучающиеся 1 и 3 курсов колледжа) и 150 в возрасте 20–21 года (студенты 1 и 4 курсов).

Для реализации цели исследования применялась психодиагностическая методика «Иерархия жизненных ценностей» (Г. В. Резапкина). Графически результаты исследования представлены на рисунке 1. Из рисунка видно, что высокий уровень значимости имеют ценности: «семья» (57 %), «служение» (16 %), «отдых» (15 %). Низкий уровень значимости имеют следующие ценности: «слава» (61 %), «творчество» (55 %) и «материальная обеспеченность» (43 %). Таким образом, по результатам данной методики, представители выборки в большей степени ориентированы на ценность семьи, служения и отдыха, а в меньшей – на славу, творчество и материальное обеспечение.

На основе представленных результатов можно сделать определенные выводы. Так, наиболее высокую позицию в иерархии жизненных ценностей респондентов занимает семья. Для меньшего числа студентов 4 курса (42%) имеют высокую значимость вопросы семейного уклада родительской семьи и своей будущей. Жизненная ценность «служение» для студентов 1 курса (27%) имеет более важное значение, чем для старшекурсников (5%), которые в меньшей степени готовы жертвовать своими интересами ради интересов других людей. В выборке обучающихся колледжа данная ценность значима для 16 % опрошенных, причем, независимо от курса обучения. Напомним, что данная ценность характерна для духовно зрелых людей, в ином случае приверженность подобному поведению может свидетельствовать о наивном подражании и

уподоблении лицам духовно притягательного склада характера. Ориентация на отдых и развлечения является важной, как минимум, для каждого десятого из опрошенных.

В выборке студентов 1 и 4 курсов нет значимых различий, в то же время обучающихся 4 курса, указавших на ценность отдыха, в два раза больше по сравнению с выборкой первокурсников (22% и 10% соответственно).

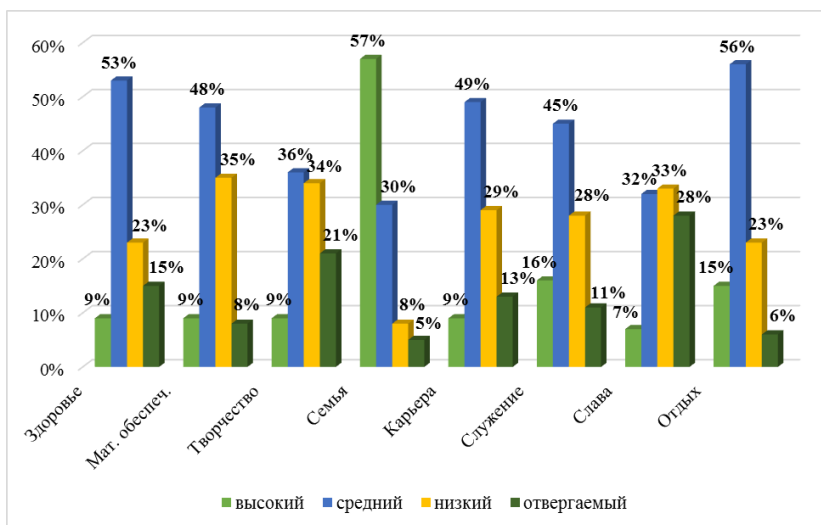

Рисунок 1 – Показатели уровня значимости жизненных ценностей респондентов

Результаты сравнения жизненных ценностей студентов и обучающихся колледжа представлены на рисунке 2.

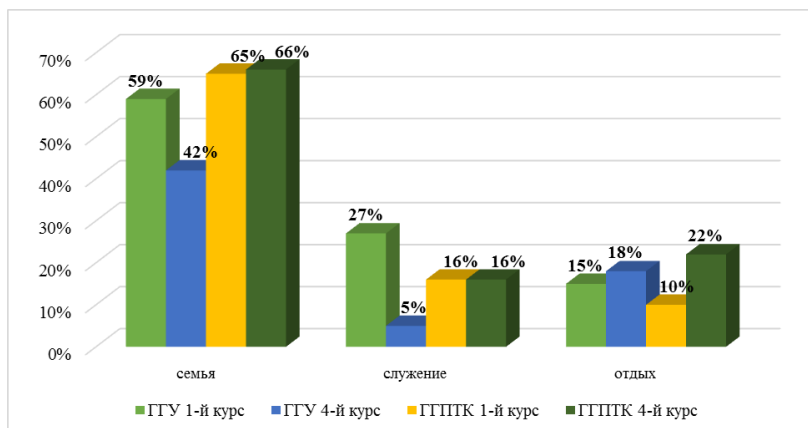

Рисунок 2 – Сопоставление результатов изучения доминирующих ценностей респондентов

Для большей части опрошенных характерна ориентация на ценность семьи, служения и отдыха. В наименьшей степени в ценностной иерархии студентов выражено стремление к славе, творчеству и материальному обеспечению. Следовательно, для опрошенных лиц юношеского возраста не свойственно тщеславие и они не нуждаются в постоянной поддержке в виде внимания со стороны окружающих. Для них характерна уверенность в себе и опора на собственные силы и возможности.

Потребность в прославлении часто связывают с людьми искусства, повышенная значимость этой жизненной ценности блокирует творческие способности, разрушает отношения с близкими людьми. Творчество – это всегда созидание нового, неизведанного. Оно предполагает риск и ответственность – за ошибку, неудачу, ложные надежды и иллюзии. Эта та сфера жизни человека,

где возможно раскрытие личностного потенциала в абсолютно разных формах искусства и деятельности.

Для юношеского возраста раскрытие творческого потенциала является важным, однако в погоне за «дешёвым» удовольствием и комфортом сквозь потоки информации сложно заметить себя и свои истинные желания, потребности. Материальная же сфера предполагает вознаграждение, которое зависит от квалификации специалиста, опыта работы и профессиональных достижений. Низкая значимость ценности данной жизненной сферы предполагает, что человек не стремится найти работу с высоким материальным поощрением.

Можно предположить, что полученные результаты обусловлены низкой степенью вовлеченности в самостоятельную взрослую жизнь и профессиональную деятельность, а также с переизбытком свободы и дефицитом ответственности за собственное развитие, которые характерны для данного возрастного этапа развития личности.

Список использованных источников

1 Захарова А.Н. Методы активизации интеллектуального и творческого потенциала личности: учебное пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 60 с.

А. Л. Церковский

Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет,
г. Витебск, Беларусь

О ПРОГРАММЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКА ВГМУ

В статье рассматривается подход к созданию программы формирования конкурентоспособности как интегральной характеристики выпускника ВГМУ. Автор использует в качестве основы процесс адаптации студента-медика к образовательному процессу в университете. Содержательную часть программы определяют результаты исследования отдельных компонентов конкурентоспособности студентов ВГМУ.

Ключевые слова: программа формирования конкурентоспособности студента-медика, адаптационный процесс, этапы образовательного процесса.

Важнейшей задачей, стоящей перед системой высшего образования Республики Беларусь, является «формирование активной, здоровой, конкурентоспособной личности профессионала и гражданина» [1]. С нашей точки зрения наиболее целесообразно при рассмотрении любых аспектов проблемы конкурентоспособности личности придерживаться следующего определения конкурентоспособности: «Конкурентоспособность – это социально ориентированная система способностей, свойств и качеств личности, характеризующая ее потенциальные возможности в достижении успеха (в учебе, профессиональной и внепрофессиональной жизнедеятельности), определяющая адекватное индивидуальное поведение в динамически изменяющихся условиях, обеспечивающая внутреннюю уверенность в себе, гармонию с собой и окружающим миром» [2].

В качестве решения этой задачи может служить создание в учреждении образования университетского типа программы формирования конкурентоспособности (КС) выпускника. С 2016 года сотрудниками кафедры психологии и педагогики с курсом ФПК и ПК проводится исследование конкурентоспособности студентов (КС) в рамках НИР «Разработать программу формирования конкурентоспособности выпускника УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (ВГМУ)».

С помощью специально созданной анкеты, направленной на изучение стратегических и тактических механизмов формирования КС студентов ВГМУ, были получены результаты, представленные в работе «Стратегические и тактические механизмы формирования конкурентоспособности студентов ВГМУ» [3].

В 2017–2019 гг. проводилось изучение базового уровня КС студентов (в том числе сравнительная и гендерная характеристика у студентов младших и старших курсов) с помощью теста В. И. Андреева «Каков уровень вашей конкурентоспособности» по десяти системообразующим качествам: 1) четкость целей и ценностных ориентаций; 2) трудолюбие; 3) творческое отношение к делу; 4) способность к риску; 5) независимость; 6) способность быть лидером; 7) стремление к непрерывному саморазвитию; 8) стрессоустойчивость; 9) стремление к непрерывному профессиональному росту; 10) стремление к высокому качеству конечного продукта своего труда (А. Л. Церковский и др., 2017).

Кроме этого, исследовались структурные компоненты КС студентов: мотивационный (акмеологическая направленность личности), содержательный (компетентность личности) и операциональный (конкурентоопределяющие свойства личности) [4–6]. Результаты исследования КС указывают на повышение от курса к курсу как ее количественных (базового уровня и системообразующих качеств КС), так и качественных (характеристики структурных компонентов КС: акмеологической направленности личности, компетентности личности и конкурентоопределяющих личностных свойств) показателей. Это свидетельствует о наличии в ВГМУ благоприятных условий для формирования КС выпускника.

С целью формирования конкурентоспособной личности студента-медика в 2017 году на СДО был «запущен» проект «Моя конкурентоспособность». Этот проект предусматривает самостоятельное участие студентов в самоанкетировании, самодиагностике и выборе из 17 предлагаемых «своих» актуальных направлений формирования «своей» конкурентоспособности [7]. Каждое из направлений включает в себя информацию о самом направлении, полезные статьи и книги, а также подборку тренинговых упражнений. Ежегодно в этом проекте принимает участие более 600 студентов.

Важным шагом к созданию программы формирования конкурентоспособности студентов ВГМУ является использование в образовательном процессе с 2018 года учебной дисциплины «Основы формирования конкурентоспособности студента медицинского университета». Данная дисциплина акцентирует внимание студентов на том, что в основе приобретения ими академических, социально-личностных и профессиональных компетенций лежит способность к овладению методами приобретения и осмысления знаний: современных взглядов на проблему конкурентоспособности; роли творческого саморазвития и творческой самореализации студента в формировании его конкурентоспособности; основных направлений формирования их конкурентоспособности.

Для более успешного овладения данной учебной дисциплиной для студентов ВГМУ в 2018 году изданы методические рекомендации «Конкурентоспособность студента медицинского университета» [8].

На основании проведенного исследования КС студентов ВГМУ, а также с учетом условий, способствующих успешному ее формированию (проект «Моя конкурентоспособность», учебная дисциплина «Основы формирования конкурентоспособности студента медицинского университета», методические рекомендации «Конкурентоспособность студента медицинского университета»), можно сформулировать следующие задачи, стоящие перед созданием программы формирования конкурентоспособности выпускника ВГМУ: формирование потребности в обучении, в качественном профессиональном образовании, в полноценном личностном развитии, самопознании, самореализации; приобретение навыков эффективного общения, эффективного поведения в конкурентной среде; повышение уровня рефлексивности и уверенности в себе; развитие конкурентоопределяющих свойств личности; формирование знаний и практических умений по целеполаганию, саморегуляции и осознанному планированию профессионального пути.

По нашему мнению, в основе формирования КС студента лежит процесс его адаптации к образовательному процессу ВГМУ. Этот адаптационный процесс носит фазовый характер.

В объектную фазу (абитуриенты, студенты «младших» курсов) осуществляется знакомство с особенностями процесса обучения в условиях новой образовательной системы, ознакомление с историей ВГМУ, предназначением различных форм образовательного процесса, рациональной организацией самостоятельной деятельности, культурой умственного труда, со структурой и логикой учебного плана для правильной ориентации на все компоненты образовательного процесса. Данной фазе адаптации соответствует разъяснительный этап формирования КС будущего выпускника ВГМУ. На этом этапе особое внимание уделяется студентам-первокурсникам («как назовешь корабль, так он и поплывет»), формированию и развитию мотивационного компонента КС (акмеологической направленности личности студента).

Среди мероприятий, проводимых на этом этапе, можно отметить:

- 1) «День открытых дверей» для абитуриентов;
- 2) деятельность деканата довузовской подготовки;
- 3) ознакомление ответственными лицами студентов 1-х курсов с порядком обучения и общественной жизнью студентов УО «ВГМУ» в «День знаний»;
- 4) работа институтов кураторства и тьюторства;
- 5) «Информационный справочник для студентов-первокурсников ВГМУ»;
- 6) сайт ВГМУ (раздел «Первокурснику»), проект кафедры психологии и педагогики «Моя конкурентоспособность», анонимное анкетирование по определению уровня профессионального ориентирования);
- 7) социально-педагогическая и психологическая служба (социально-психологический тренинг «Навигатор первокурсника»);
- 8) деятельность отдела по воспитательной работе с молодежью (через подразделения – кафедры, музей истории ВГМУ, пресс-центр, студенческий клуб, профком студентов, спортивный клуб, студенческие советы общежитий, оперативный молодежный отряд).

В субъектно-функциональную фазу («средние» курсы) студенту необходимо овладеть функциями своей социальной роли: учебно-познавательной, общественно-профессиональной, участника коллективных отношений, субъекта образовательного процесса, культурно-эстетической, оздоровительной. В этой фазе особое внимание уделяется овладению умениями, навыками полноценного выполнения своих функций. В целом для этой фазы характерна зрелость студента и его преобразование в «полноценного» студента: он способен теперь уже не только осваивать условия быта, учения, деятельности, но и участвовать в реализации основных задач образовательного процесса.

Данная фаза адаптации соответствует этапу функциональной реализации студента. На этом этапе основное внимание уделяется формированию содержательного (компетентность личности) и операционального (конкурентоопределяющие свойства личности) компонентов КС. Формированию этих компонентов способствует:

- 1) сотрудничество с товарищами по группе, органами студенческого самоуправления, куратором, преподавателями, работниками деканата;
- 2) помощь отстающим товарищам,
- 3) участие в создании нужного нравственно-интеллектуального микроклимата в академической группе.

То есть, продолжая оставаться объектом обучения и воспитания, приобщения к профессии, студент призван занять позицию активного субъекта образовательного процесса, участвующего в осуществлении его задач и дальнейшем совершенствовании.

В качестве методологической основы формирования КС на этом этапе выступают: учебная дисциплина «Основы формирования конкурентоспособности студента медицинского университета» и методические рекомендации «Конкурентоспособность студента медицинского университета».

В субъектную фазу («старшие» курсы) студент:

1) осознает и реализует цели, задачи, установки образовательно-научно-профессионально-воспитательного процесса в ВГМУ;

2) овладевает основными процедурами и общей культурой интеллектуального труда, самостоятельной деятельности;

3) овладевает функциями своей социальной роли, стремится к самообразованию, приобщению к профессии на основе разностороннего саморазвития личности в качестве будущего специалиста-интеллекта;

4) целесообразно организует личный бюджет времени для успешной реализации системы функций своей социальной роли;

5) достигает высокой академической успеваемости;

6) достигает в учебе чувства удовлетворенности;

7) развивает оптимистические представления о возможностях успешного овладения избранной профессией.

Эта фаза адаптации соответствует этапу самореализации студента. Именно на этом этапе осуществляется интеграция всех компонентов КС и «запускаются» self-процессы: процессы развития, образования и воспитания постепенно трансформируются в процессы саморазвития, самообразование и самовоспитание. Все это способствует развитию культурного сознания (В. А. Аверин, 1997), как основы высокого уровня КС выпускника ВГМУ [2].

С нашей точки зрения, в ВГМУ созданы необходимые условия (творческая информационно-образовательная среда) для эффективного прохождения студентами этапов формирования своей КС, а также осуществления собственной успешной самореализации.

Список использованных источников

1 Кройтор, С. Н. Высшее образование РБ в мировом контексте: проблемы повышения качества и конкурентоспособности / С. Н. Кройтор // Диалог цивилизаций в условиях глобальной экологической нестабильности : материалы междунар. науч. конф. молодых ученых (Минск, 24 мая 2012 года). – Минск: БГУ, 2013. – С. 361–364.

2 Шаповалов, В. И. Конкурентоспособность личности в парадигме инновационного педагогического менеджмента / В. И. Шаповалов // Ярославский педагогический вестник. – 2003. – № 4. – С. 61–69.

3 Церковский, А. Л. Стратегические и тактические механизмы формирования конкурентоспособности студентов ВГМУ / А. Л. Церковский // Вестник фармации. – 2016. – № 4. – С. 94–98.

4 Церковский, А. Л. Акмеологическая направленность личности студента ВГМУ как компонент его конкурентоспособности / А. Л. Церковский [и др.] // Вестник ВГМУ. – 2017. – Том 16. – № 6. – С. 131–137.

5 Церковский, А. Л. Компетентность личности как структурный компонент конкурентоспособности студента лечебного факультета ВГМУ / А. Л. Церковский [и др.] // Вестник ВГМУ. – 2018. – Том 17. – № 4. – С. 96–104.

6 Церковский, А. Л. Об операциональном компоненте конкурентоспособности студента ВГМУ / А. Л. Церковский [и др.] // Вестник фармации. – 2020. – № 1 (87). – С. 100–104.

7 Церковский, А. Л. Роль проекта «Моя конкурентоспособность» в формировании профессиональной компетентности будущих врачей и провизоров / А. Л. Церковский // Инновационные обучающие технологии и медицине: сборник материалов республ. научно-практ. конф. с международным участием. – Витебск: ВГМУ, 2017. – С. 281–284.

8 Церковский, А. Л. Конкурентоспособность студента медицинского университета : методические рекомендации / А. Л. Церковский. – Витебск: ВГМУ, 2018. – 67 с.

Т. Г. Шатюк

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

РОЛЬ СНИЛ «АЛЬЯНС» В СОЗДАНИИ МОДЕЛИ «УНИВЕРСИТЕТ 4.0»

В статье дается характеристика направлений деятельности студенческой научно-исследовательской лаборатории «Альянс», представлены история ее создания, и основные результаты и достижения. Научная работа по созданию модели психологического сопровождения студентов университета, включающей практико-ориентированное, волонтерское и проективно-креативное направления способствуют формированию модели «Университет 4.0».

Ключевые слова: студенческая научно-исследовательская лаборатория, практико-ориентированная деятельность, волонтерская деятельность, проективно-креативная деятельность, модель «Университет 4.0»

Современной тенденцией развития высшего образования является трансформация университетов моделей «Университет 2.0», «Университет 3.0» в модель «Университет 4.0». При реализации такой модели университеты организуют не только образовательный и научный процессы, но становятся инновационной площадкой для реализации стартапов и других предпринимательских инициатив, коммерциализируют научные разработки, имеют тесные связи с предприятиями и организациями, что позволяет проводить практико-ориентированное обучение. Четвертой составляющей в данной модели становится проективно-креативная деятельность университета, которая формирует и определяет социокультурную среду региона.

Студенческая научно-исследовательская лаборатория «Альянс», которая функционирует при кафедре социальной и педагогической психологии, изначально была создана в рамках научно-учебно-практической лаборатории прикладной психологии на факультете психологии и довузовской подготовки в 1999 году, в 2001 г. как самостоятельное подразделение кафедры социальной и педагогической психологии факультета психологии и довузовской подготовки (создана Центральным советом НИРС учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» 13.05.1999г., протокол № 1, решение утверждено ректором университета 18.05.1999г., обновленное положение о СНИЛ «Альянс» утверждено приказом ректора университета № 792 от 30.05.2019).

СНИЛ создана в целях привлечения студенческой молодёжи к активному участию в научно-исследовательской, творческой, научно-практической деятельности (разработка и внедрение результатов) в современных областях психологии для улучшения качества их профессиональной подготовки.

За продуктивную и творческую работу студенческой научно-исследовательской лаборатории «Альянс» в 2003 году был присужден грант специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов. Получение гранта позволило укрепить материально-техническую базу лаборатории, что позволило организовать и успешно реализовывать ряд научно-исследовательских и волонтерских проектов.

В 2010 году за активную и плодотворную научно-исследовательскую деятельность студенческая научно-исследовательская лаборатория «Альянс» была награждена грантом специального фонда Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов.

СНИЛ «Альянс» реализует следующие виды деятельности: научно-исследовательская, волонтерская, учебно-профессиональная и практическая.

В структуре СНИЛ «Альянс» можно выделить следующие группы: организационная; научно-исследовательская; учебно-профессиональная; волонтерская; редакционно-издательская; информационно-коммуникативная; проективно-креативная.

На протяжении своей деятельности лаборатория развивает научно-практические направления исследований: «Личностные и процессуально-технологические основы профессионального становления студентов вузов»; «Социально-психологические факторы, определяющие психологическое благополучие в юности», «Проблемы психологического здоровья современной молодежи». В настоящее время исследуется тема «Психолого-педагогическое сопровождение личности в современной образовательной среде».

Показателями эффективности научно-исследовательской деятельности стали значимые достижения, представленные далее.

1. Выявление основных психологических проблем студентов университета, затрудняющих процесс формирования готовности к профессиональной деятельности: конфликтные ситуации, возникающие в семье; проблемы общения и отношений; трудности при самостоятельном принятии решения; развитие терпимости к людям и т.д.

2. Оптимизация и обоснование модели психологического сопровождения студентов университета, включающей следующие направления работы: практическая деятельность; учебная и воспитательная деятельность; научно-исследовательская деятельность; методическая деятельность; сотрудничество с заинтересованными лицами и организациями; издательская деятельность; деятельность по разработке проектов программ по организации рабочих мест и развитию деятельности службы психологического сопровождения; взаимодействие со средствами массовой информации и информационная поддержка через Internet, хозрасчетная деятельность.

3. Разработка основных векторов (структурирование позитивной Я-концепции личности, выработка умения анализировать и находить конструктивное разрешение экзистенциальных проблем и затруднений, развитие волевой сферы и т.д.) и форм (психодиагностической, консультативной, научно-методической и других видов работы) осуществления психологического сопровождения студентов университета.

4. Выявление факторов, минимизирующих стресс в студенческий период и создающих препятствия в профессиональном становлении.

Студенты-члены СНИЛ «Альянс» принимают активное участие в международных, республиканских, региональных, межвузовских и внутривузовских научно-практических конференциях, семинарах, конкурсах и других научных мероприятиях, публикуют результаты своих научных исследований в сборниках научных работ студентов, магистрантов и аспирантов учреждения образования «ГГУ имени Ф. Скорины» «Творчество молодых» и «Дни студенческой науки».

Результативность СНИЛ «Альянс» в течение последних 2-х лет представлена следующими показателями. Участниками СНИЛ «Альянс» опубликовано 513 научных работ, из них: статья в журнале РБ из перечня ВАК – 3; статья в рецензируемых сборниках и журналах, не включенных в перечень ВАК – 49; статья в рецензируемых сборниках для молодых ученых и студентов – 177; материалы конференций, не относящихся к студенческим – 152; материалы студенческих конференций – 132.

Участниками СНИЛ «Альянс» принято участие в 46 конференциях (международных – 41, республиканских – 4, региональных – 1), в 16 научных и социальных форумах, конкурсах (кроме Республиканского), олимпиадах, получено 224 диплома.

При участии СНИЛ «Альянс» в июне 2019 года была организована и проведена I Международная научно-практическая конференция «Векторы психологии», в рамках которой состоялся международный конкурс «Векторы психологии» на лучший научный доклад студентов, магистрантов и аспирантов и издан сборник конференции, а также конкурс «Быть здоровым – мой выбор» совместно с ГУ «Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья».

Готовится к изданию второй сборник научных трудов участников конференции. При поддержке руководства университета конференция и конкурс будут проводиться ежегодно.

Каждый год студенческие дипломные, магистерские и курсовые работы представляются на Республиканский конкурс научных работ студентов учреждений высшего образования Республики Беларусь и получают высокую оценку комиссии.

На республиканский конкурс научных работ 2018 года было представлено 26 работ, 2 из них были удостоены 1-й категории, получили диплом 2-й категории – 20 работ, 3 работы получили диплом 3-й категории. В 2019 году к участию в конкурсе научных работ студентов Республики Беларусь было представлено 32 студенческие научные работы, 1 из них удостоена звания лауреата, 3 – 1-й категории, 18 работ – 2-й категории, 10 работ – 3-й категории.

Научные результаты находят применение в социальной, проектной и волонтерской деятельности студентов-членов СНИЛ «Альянс» и, в свою очередь, дают возможность получать разнообразные эмпирические данные.

Под руководством преподавателей кафедры социальной и педагогической психологии СНИЛ «Альянс» развивает более 20 волонтерских проектов, в том числе «Векторы психологии», «Психологическая мастерская», «ЗА здоровы лад жыцця», «Молодежь за Безопасность», «Папа может», «Безопасное детство», «Руки доброты», «Я теперь студент», «Адаптация иностранных студентов», «Я – такой же, как и ты», «Профилактика вместе», «Мы – за жизнь!», «Профилактика негативных явлений в молодежной среде (ИПП)», «Психологическая профилактика аддиктивного поведения в студенческой среде», «Мой стиль жизни сегодня – мое здоровье и успех завтра!», «Социально-психологическая ресоциализация ветеранов войны, труда и инвалидов посредством ретротерапии».

Кроме этого, действует «Клуб молодой семьи». Особой популярностью у студентов непсихологического профиля пользуется «Психологический клуб». Создан и активно функционирует студенческий интегративный психологический театр «MOON». Участники СНИЛ «Альянс» являются победителями всевозможных конкурсов социальной тематики.

С целью повышения профессиональной компетентности студентов, реализации научно-исследовательской деятельности и волонтерского движения были открыты филиалы кафедры на следующих базах: ГУО «Гомельский областной центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации» (заведующий Н.И. Колтышева), ГУ «Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья» (заведующий Н.Г. Новак), ГУ «Центр социального обслуживания населения Центрального района г. Гомеля» (заведующий О.А. Короткевич), которые, наряду с другими учреждениями образования и здравоохранения, предприятиями и организациями Республики Беларусь, выступают площадками практических работ студентов.

Результаты деятельности регулярно освещаются в газетах «Гомельский университет», «Гомельская праўда», «Настаўніцкая газета», «Гомельские ведомости», «Гомельский университет» и других средствах массовой информации.

Основные достижения участников СНИЛ «Альянс»:

- подготовлено и опубликовано 513 научных работ;
- получено 45 актов о внедрении результатов НИОКР в образовательный процесс;
- опубликовано в СМИ о СНИЛ «Альянс» 24 материала;
- Республиканский конкурс научных работ студентов: 57 работ, из которых звание «лауреат» получил 1 участник, 5 работ были удостоены 1-й категории, 38 работ – 2-й категории, 13 работ – 3-й категории;
- II Международный конкурс научно-исследовательских работ студентов, магистрантов, аспирантов «Человек и мир» (Россия, г. Пермь, 2018 г.): 2 победителя, 6 призеров;
- III Международный конкурс научно-исследовательских работ студентов, магистрантов, аспирантов «Человек и мир» (Россия, г. Пермь, 2019): 5 победителей, 11 призеров;

- Международный научный конкурс-форум обучающихся «Молодежь в науке и творчестве» (Гжель, 25 апреля 2018 г.): 1 лауреат, 7 призеров;
- Международный научный конкурс-форум обучающихся «Молодежь в науке и творчестве» (Гжель, 3 апреля 2019 г.): 1 лауреат, 13 призеров;
- Международный научный конкурс-форум обучающихся «Молодежь в науке и творчестве» (Гжель, 8 апреля 2020 г.): 1 лауреат, 13 призеров;
- Международный студенческий конкурс на лучший научный доклад в рамках I Международной научно-практической конференции «Векторы психологии» 22 июля 2019 года: 14 победителей, 17 призеров;
- Международный научный конкурс (Казахстан, 2019): 1 победитель;
- Международный студенческий конкурс «Развитие личности в современном обществе с позиции культурно-исторической психологии Л.С. Выготского» в рамках «Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного образования в наследии Л.С. Выготского»: 1 победитель, 5 призеров;
- конкурс научных работ студентов в рамках Всероссийской научной студенческой конференции по техническим, гуманитарным и естественным наукам (г. Чебоксары): 2 диплома 1-й степени;
- XV Международный конкурс научных работ PTScience (г. Москва): 1 лауреат;
- Международная гуманитарная олимпиада SmartSkills (г. Орск): 1 лауреат;
- Международный студенческий конкурс им. Л.С. Выготского (г. Москва): 1 лауреат;
- Международный конкурс научных работ учащихся и студентов «Мы и МИР» (г. Череповец): 1 победитель, 3 призера;
- Республиканский конкурс социальной рекламы «Молодежный взгляд» в номинациях «Социальный видеоролик» и «Социальный плакат» Министерства образования Республики Беларусь: 2 диплома победителей;
- областной конкурс МЧС «Студенты. Безопасность. Будущее»: 3 призера;
- конкурс по профориентации: 1 призер;
- открытый городской конкурс баннеров «Профилактика алкоголизма и насилия в семье»: 1 победитель;
- Республиканский конкурс «Волонтер года-18»: волонтерский отряд «ЗА здоровы лад жыцця»: диплом 2-й степени.

Таким образом, участие студентов факультета психологии и педагогики в работе студенческой лаборатории дает возможность не только укреплять свою теоретическую базу, расширять профессиональную эрудицию, но и закреплять профессиональные умения и навыки, развивать собственную социально-психологическую активность, что позволяет студентам-членам СНИЛ «Альянс» достигать успехов в будущей профессиональной деятельности и в жизни в целом. СНИЛ может стать площадкой для молодежных инициатив и инноваций, в особенности в сфере социальных проектов.

Экономическая выгода разрабатываемых проектов и моделей психологического сопровождения студентов университета носит отсроченный и опосредованный характер в формировании психологического здоровья личности и нации в целом, что позволяет в дальнейшем обеспечить высокую эффективность жизни как с точки зрения развития человеческого потенциала личности, так и для развития ее как профессионала-специалиста.

Студенческие доклады

М. В. Авдейчик

Научный руководитель: **О. В. Маркевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПОСТУПЛЕНИЯ В УВО СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ И НЕПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Данная статья посвящена изучению особенностей мотивации поступления в учреждения высшего образования студентов педагогических и непедagogических специальностей.

Ключевые слова: мотивация, научные подходы, получение образования, студенты педагогической специальности, студенты непедagogической специальности.

Любую форму поведения человека можно объяснить, как внутренними, так и внешними причинами. В первом случае исходным и конечным пунктом объяснения выступают психологические свойства субъекта, во втором – внешние условия и обстоятельства его деятельности. В первом случае речь идет о мотивах, потребностях, целях, намерениях, желаниях и интересах человека. Во втором случае мы имеем дело со стимулами, исходящими из сложившейся ситуации. Те психологические факторы, которые были как бы изнутри, от человека определяют его поведение, называют личностными диспозициями. Соответственно, можно говорить о диспозиционной и ситуационной мотивациях как аналогах внутренней и внешней детерминации поведения. Мотивация помогает объяснить целенаправленность действий, организованность и устойчивость целостной деятельности, которая направлена на достижение определенной цели [1]. В отличие от мотивации, мотив принадлежит самому субъекту поведения и является его устойчивым личностным свойством, которое изнутри побуждает к совершению определенных действий. Также мотив можно определить как понятие, которое в обобщенном виде представляет множество диспозиций. Более подробно на определении мотивов и их классификации в рамках данной работы мы остановимся ниже.

Ш. Ричи и П. Мартин выделили двенадцать основных потребностей человека, которые могут выступать в качестве мотиватора. Потребности выделены в мотивационные факторы. На основе мотивационных факторов может быть построен мотивационный профиль каждого из сотрудников. По мнению авторов, потребностей сотрудников может быть гораздо больше, чем 12, соответственно, может быть увеличено количество мотивационных факторов сотрудника [2, с. 65].

Мотив представляет собой внутреннее побуждение к деятельности и реализацию данной деятельности. Движущей силой мотива выступает потребность. Потребность представляет собой состояние нужды в чем либо, желание человека обладать определенными благами. Мотив является более узким понятием в отношении мотивации. Мотивация находит отражение в разных сферах жизни человека. Разные авторы изучали различные аспекты данного понятия, предлагая свои теории и концепции. К примеру, теория мотивации Б. Скиннера основывается на прошлом опыте человека. Важно, чтобы прошлый опыт выполнения задания имел положительный характер. Это выступает своего рода мотиватором деятельности. Если же прошлый опыт носил отрицательный характер, то человек может отказаться от выполнения деятельности или выбрать другой способ, при этом результат будет ему неизвестен. Вызывает критику именно использование прошлого опыта, который может влиять на настоящую деятельность. Здесь важно учитывать и условия, и сложившуюся ситуацию. Не обязательно неудача в прошлом также может возникнуть и на теперешнем этапе реализации поставленной цели [3, с. 58].

Любая профессиональная деятельность предполагает наличие уникальных и специфичных знаний в своей области. При этом спектр и уровень этих знаний может быть достаточно широким. Ни для кого не является секретом, что зачастую в обществе принято считать, что своего рода «транслятором» знаний подрастающему поколению может быть воспитатель, учитель или же преподаватель среднего или высшего учебного заведения. Правомерно возникает вопрос – насколько это правильно и справедливо, если передавать знания может и другой человек, профессионал и мастер своего дела. Попробуем раскрыть этот вопрос более обстоятельно и глубоко. Как известно, педагог – это специалист, имеющий соответствующий диплом, звание или регалии. Он в совершенстве владеет спецификой своего предмета, обладает методикой преподавания дисциплины в плане теории или практики. Более того, для педагога свойственен научный подход при передаче знаний, умений или навыков. Или же обратим внимание на воспитателя в детском саду или каком-либо коррекционно-развивающем центре. В данном случае также осуществляется передача знаний, правил поведения, осуществляются действия, направленные на гармоничное и всестороннее развитие воспитанника. Учитель в школе также несет своим ученикам уникальные знания по своему предмету в контексте методологии той науки или школы, представителем которой он является. Это представлен один аспект рассматриваемой нами темы, здесь именно профессионал педагог выполняет свою работу.

Для изучения мотивации поступления в УВО студентов педагогических и непдагогических специальностей было проведено исследование, в котором приняли участие 40 студентов высших учебных заведений, 20 из которых являются студентами педагогических специальностей, 20 – студенты непдагогических специальностей. На первом этапе работы были изучены особенности мотивации обучения в вузе у студентов педагогических специальностей. Для этого была использована методика Т. И. Ильиной, которая направлена на изучение мотивации обучения в вузе. Результаты, которые были получены в ходе исследования, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты изучения мотивации обучения в вузе у студентов педагогических специальностей

Мотивация обучения в вузе	Среднее значение	Стандартное отклонение
Приобретение знаний	9,76	0,78
Овладение профессией	7,56	0,45
Получение диплома	6,34	0,75

Как видно из представленной таблицы, преобладающим мотивом студентов педагогических специальностей является приобретение знаний, предполагающее совершенствование своих знаний, умений и навыков в педагогической профессии.

Далее представлены результаты изучения мотивации обучения в вузе у студентов непдагогических специальностей.

Таблица 2 – Результаты изучения мотивации обучения в вузе у студентов непдагогических специальностей

Мотивация обучения в вузе	Среднее значение	Стандартное отклонение
Приобретение знаний	8,86	0,85
Овладение профессией	8,12	0,84
Получение диплома	9,12	0,69

Как видно из представленной таблицы, преобладающим мотивом студентов непдагогических специальностей является получение диплома, предполагающее наличие подтверждающего документа об образовании.

На следующем этапе работы были изучены социально-психологические установки личности испытуемых в мотивационно-потребностной сфере. Ниже представлены результаты, полученные в группе студентов педагогических специальностей.

Таблица 3 – Результаты изучения социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере у студентов педагогических специальностей

Установки	Среднее значение
Ориентация на процесс	8,4
Ориентация на результат	7,7
Ориентация на альтруизм	7,4
Ориентация на эгоизм	6,4
Ориентация на труд	8,7
Ориентация на свободу	7,2
Ориентация на власть	6,7
Ориентация на деньги	7,5

Как видно из представленной таблицы, для группы студентов педагогических специальностей наибольшую значимость составляют ориентация на труд (8,7), ориентация на процесс (8,4) и ориентация на результат (7,7). Далее представлены результаты изучения социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере у студентов непедагогических специальностей

Таблица 4 – результаты изучения социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере у студентов непедагогических специальностей

Установки	Среднее значение
Ориентация на процесс	7,3
Ориентация на результат	8,1
Ориентация на альтруизм	6,4
Ориентация на эгоизм	7,3
Ориентация на труд	8,3
Ориентация на свободу	8,5
Ориентация на власть	8,6
Ориентация на деньги	7,8

Как видно из представленной таблицы, для студентов непедагогических специальностей наиболее значимыми являются установка на власть (8,6), ориентация на свободу (8,5), ориентация на труд (8,3) и ориентация на результат (8,1). В результате эмпирического исследования было выявлено, что существуют различия мотивации поступления в учреждения высшего образования у студентов педагогических и непедагогических специальностей.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования можно сделать вывод, что преобладающим мотивом студентов педагогических специальностей является приобретение знаний, предполагающее совершенствование своих знаний, умений и навыков в педагогической профессии. Преобладающим мотивом студентов непедагогических специальностей является получение диплома, предполагающее наличие подтверждающего документа об образовании.

Список использованных источников

1 Вилюнас, В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 106 с.

2 Деркач, А. А. Формирование мотивации акмеологической компетенции кадров управления / А. А. Деркач // Личностно-профессиональное развитие персонала. – М. : Изд-во РАГС. – 2010. – 198 с.

3 Глейтман, Г. И. Основы психологии / Г. И. Глейтман; под ред. В. Ю. Большакова, В. Н. Дружинина. – СПб. : Речь. – 2001. – 212 с.

К. В. Барновицкий

Научный руководитель: **Е. Г. Сарасеко**, канд. биол. наук, доцент

Гомельский филиал государственного учреждения образования

«Университет гражданской защиты

Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь»,

г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОСПИТАНИЯ КУРСАНТОВ МЧС

Философ Демокрит писал, что природа и воспитание подобны. Воспитание перестраивает человека и, преобразуя, создает ему вторую природу. Знание законов природы, причин возникновения природных и техногенных явлений, владение навыками расчета экологических рисков, экологического ущерба как никогда важны в эпоху глобализации. Работник МЧС, умеющий предвидеть возникновение катастрофы, а также грамотно ликвидировать её последствия с меньшим нанесением экологического вреда окружающей среде, наиболее востребован при устройстве на работу по сравнению с обычным сотрудником. В статье рассматриваются современные подходы воспитания экологически грамотного сотрудника МЧС, владеющего навыками безопасности личности.

Ключевые слова: экологическая культура, чрезвычайные ситуации, экологические риски, методика оценки геоморфологического риска.

При построении модели информационной компетентности специалиста по чрезвычайным ситуациям (ЧС) целесообразно исходить из информационной модели процесса ликвидации ЧС:

- информации о цели ликвидации ЧС – задания и команды, поступающие из центра оперативного управления;

- инструментальной информации – система отображения информации о внешней среде;

- неинструментальной информации – звуки, запахи, температуры и т.д.

Следовательно, информационную компетентность спасателя можно интерпретировать как:

- способность к восприятию и пониманию информации об окружающей среде и текущей обстановке;

- владению современными способами поиска, обработки, обобщения и интерпретации информации для принятия решения в экстремальных условиях ЧС [2].

Экологическая культура студента (спасателя) формируется при интеграции трех направлений: экологического сознания, экологического воспитания, экологического образования. Только при совмещении и обоюдном развитии всех трех компонентов возможно формирование целостной, экологически культурной и гармонично развитой личности студента [1].

Экологическая культура – это способ жизнеобеспечения, при котором общество формирует потребности и способы их реализации, не создающие угрозы жизни на Земле, самой системы духовных ценностей, этических принципов, экономических механизмов, правовых норм и социальных институтов. Данные отношения культуры и природы очень сложные. Эта сложность пронизывает жизнь человека, который выступает соединительным звеном между природой

и культурой. Ведь человеку свойственны и природные и культурные формы проявления. При этом культура человека определяет его природу [1].

В сознании каждого человека должны быть заложены определенные моральные и ценностные принципы работы с природой, которые прикрепляются знаниями о том, как человек может положительно или негативно влиять на окружающий мир. Человек должен понимать, что все природные ресурсы исчерпаемы, что негативное воздействие на природу необходимо искоренять, или же бороться с последствиями человеческого воздействия [3].

Воспитание экологически грамотного человека должно начинаться в домашних условиях с юного возраста и продолжаться в течение всей его сознательной жизни на различных уровнях обучения – дошкольные воспитательные учреждения, учреждения средней школы, гимназии, колледжи, высшие учебные учреждения и т.д. [6].

Для реализации данной цели на лекциях по дисциплине «Охрана окружающей среды» в стенах высшего учебного учреждения Гомельского филиала Университета гражданской защиты МЧС Беларуси слушателям технических специальностей (спасателям) к изучению предлагается ряд проблемных экологических вопросов, которые могут возникнуть на территории Республики Беларусь: виды загрязнений при ЧС природного и техногенного характера; экологические последствия лесных и торфяных пожаров, пожаров на территориях загрязненных радионуклидами, разливов нефти и нефтепродуктов; последствия ЧС экологического характера [6].

В ходе изложения материала, преподаватель использует такие педагогические приемы как проблемный ввод в лекцию, прием новизны, выделение основных положений, а также применяет аудиовизуальные средства активизации внимания обучающихся: слайды презентации, учебный видеофильм, структурно-логические схемы и таблицы. В результате вопросно-ответного изложения лекции у слушателей складывается представление об ЧС экологического характера – чрезвычайных ситуациях, связанных с: изменением состояния суши (почвы, недр, ландшафта); изменением состава и свойств атмосферы (воздушной среды); изменением состояния гидросферы (водной среды); изменением состояния биосферы [6].

Дополнив свои знания о том, что при ЧС природного и техногенного характера загрязнение окружающей среды может быть: ингредиентным, параметрическим, биоценоотическим и стационально-деструкционным слушатели развивают у себя неформальную логику мышления и умение творчески использовать учебную, научную и справочную литературу. При этом самостоятельное решение экологических задач, условие которых озвучивается на занятии, позволяет воспитать у обучающихся уважение к своей будущей профессии, развить творческое мышление, научить объективно оценивать окружающие события и должным образом вести себя в сложившейся ситуации в зоне ЧС [6].

Достичь уменьшения нанесения экологического ущерба окружающей среде (воде, почве, воздуху, биосфере в целом) можно за счет проведения оценки экологических рисков.

Под экологическим риском принято оценивать вероятность наступления событий, которые имеют неблагоприятные последствия для природной среды. Эти события вызваны негативными воздействиями хозяйственной или иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера [5].

Основными региональными экологическими проблемами Республики Беларусь являются проблемы: радиоактивного загрязнения территории в результате катастрофы на ЧАЭС; образования антропогенных песчаных почв на месте бывших торфяных почв; экологических рисков загрязнения поверхностных и подземных вод, воздушной среды и почв солями калия, натрия, кальция, магния от деятельности РУП «ПО Беларуськалий» (Старобинское месторождение калийных солей); загрязнения атмосферного воздуха аварийно-химическими опасными веществами в крупных городах и промышленных центрах республики; наличия умеренно загрязненных рек – реки Свислочь ниже г. Минска, Днепр ниже гг. Могилева и Быхова, Узы ниже г. Гомеля, Мухавца ниже г.п. Жабинка, Лошицы в г. Минске и др.; внедрения химико-техногенной системы земледелия (внесение ненормированных повышенных доз

известковых и минеральных удобрений, применение пестицидов, гербицидов); явления землетрясений [4].

Для качественной и эффективной разработки программ и планов принятия действенных решений по предупреждению и ликвидации ЧС необходимо знать и получать вовремя точную и оперативную информацию об опасном природном явлении, аварии или опасном техногенном происшествии и т.д. При этом информация должна носить опережающее отражение вероятности возникновения и развития чрезвычайной ситуации на основе анализа возможных причин ее возникновения, её источника в прошлом и настоящем [7].

Отследить возникновение геологических явлений ЧС природного характера можно с помощью, например, аэрокосмических снимков. Аэрокосмические снимки дают разнообразную и ценную информацию, касающуюся прямых и косвенных индикаторов, которые выступают как основные морфологические и морфометрические характеристики рельефа.

Например, о распространении обвально-осыпных явлений можно судить по крутизне и скалистости склонов, по резкости гребней хребтов, глубине расчленения и обнаженности рельефа. Участки подмыва крутых склонов и выхода у подножий грунтовых вод, а также ступенчатость склонов – вероятные признаки оползневых процессов. Строение русел и рельефа пойм, сопряжение склонов и днищ долин указывают на направленность эрозионно-аккумулятивных процессов в долинах. Важное значение здесь приобретают прямые индикаторы – формы рельефа, созданные теми или иными процессами. Признаки дешифрования форм-индикаторов меняются в зависимости от ландшафтных особенностей района, условий съемки и параметров снимков и хорошо изложены в научной работе [7]. Предоставленную информацию могут использовать в своей работе сотрудники МЧС.

В XXI веке путь экологизации специалистов МЧС должен идти параллельно с преподавательской, научно-исследовательской, организационной и управленческой деятельностью, направленной на улучшение качества жизни людей, сохранение природы и минимизацию экологического ущерба окружающей среды. Психологический аспект в этой работе должен выражаться в совпадении жизненных целей и ценностей растущего поколения с формируемыми в образовательном процессе отношениями, установками и аспектами сознания относительно безопасности человека с точки зрения свойств личности, характеризующих ее возможности в обеспечении своей безопасности.

Список использованных источников

1 Байнина, Ю. В. Формирование экологической культуры через интерактивные методы (на примере региональной инновационной площадки «Формирование экологической культуры студентов профессиональных образовательных организаций на примере ГАПОУ «Забайкальский горный колледж имени М.И. Агошкова») / Ю. В. Байнина // Сб. статей Межд. науч.-методического конкурса (29 декабря 2019 г.): Преподаватель года 2019. – В 2-х частях. – Часть 2. – Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2019. – С. 310–316.

2 Гапанович-Кайдалов, Н. В. Проблема информационной компетентности спасателя / Н. В. Гапанович-Кайдалов // Чрезвычайные ситуации: теория, практика, инновации: матер. Межд. науч.-практ. конф. : Гомель, 19-20 мая 2016 г. / М-во по чрезвычайн. ситуациям Респ. Беларусь, ГУО «Гом. инж. ин-т» МЧС Респ. Беларусь; редкол.: А. Э. Набатова. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2016. – С. 333–335.

3 Захаров, В. М. Формирование экологической культуры и развитие молодежного движения / В. М. Захаров. – М. : Акрополь, 2008. – 340 с.

4 Морзак, Г. И. Экологические риски и предотвращение чрезвычайных ситуаций в Беларуси / Г. И. Морзак // Сб. трудов Межд. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию со дня рожд. д-ра тех. наук, проф. Богатова Бориса Александровича: Перспективы и инновации в горном деле; редкол.: А. М. Маляревич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2018. – С. 203–208.

5 Осинцева, Н. В. Географический подход к оценке экологических рисков инвестиционно-привлекательных территорий / Н. В. Осинцева, З. Н. Квасникова // Непрерывное географическое образование: новые технологии в системе высшей и средней школы : матер. III Межд. науч.-практич. конф. (Гомель, 21-22 апреля 2011 г.) / М-во образования Респ. Беларусь, УО «Гомельский государственный ун-т им. Ф. Скорины»; ред. коллегия: Г. Н. Каропа, Т. В. Авдоница, С. В. Артеменко [и др.]. – Гомель: УО «Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины», 2011. – С. 158–159.

6 Сарасеко, Е. Г. Охрана окружающей среды в процессе обучения специалистов водителей автомобиля (6 разряд) / Е. Г. Сарасеко // Менеджмент безопасности жизнедеятельности: перспективы развития и проблемы преподавания: сб. матер. тезисов I открытой Респ. интернет-конф. (Гомель, 9-13 декабря 2019 г.) / Гомельский ф-л ун-та гражд. защиты МЧС Беларуси; орг. ком-т: А. В. Ключников, В. Ф. Тимошков, Е. Г. Сарасеко [и др.]. – Гомель: Гомельский ф-л Ун-та гражд. защиты МЧС Беларуси, 2019. – С. 72–74.

7 Ясовеев, М. Г. Методика экологических исследований / М. Г. Ясовеев, А. И. Калашникова. – Минск: ИВЦ Минфина, 2018. – 232 с.

Е. А. Бычкова

Научный руководитель: **А. Н. Крутолевич**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЯ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЙ СИМПТОМАТИКИ У ПОДРОСТКОВ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С СИМПТОМАТИКОЙ РАССТРОЙСТВА АДАПТАЦИИ

Статья посвящена теоретическому и практическому анализу психосоматических проявлений. В статье рассмотрен термин «расстройство адаптации», а также симптоматика расстройства адаптации. Рассматривается проблема психосоматических проявлений, их взаимосвязь с расстройством адаптации.

Ключевые слова: психосоматическая симптоматика, расстройство адаптации, подростки, стресс, озабоченность проблемой, неспособность адаптироваться, эмоции.

Для развития психосоматических нарушений особенно важно, что при эмоциональном стрессе происходят изменения во всей многоуровневой системе регулирования психофизиологических соотношений. На разных уровнях этой системы регулирование осуществляется преимущественно психологическими или преимущественно физиологическими механизмами. Для формирования психосоматических расстройств при эмоциональном стрессе существенны изменения на каждом из взаимосвязанных уровней, а подходы к терапии психосоматических расстройств должны учитывать эти изменения [1, с. 53].

Во второй половине XX в. научные исследования и клиническая практика способствовали повышению интереса к психосоматической проблематике. Согласно Дж. А. Фава (Болонский университет) и Н. Сонино (Падуанский университет) доминирующая модель болезни сегодня, как и 30 лет назад, по-прежнему биомедицинская, причем молекулярная биология является основной научной дисциплиной. Однако появляется все больше данных о значимости роли стрессовых событий в жизни в модуляции индивидуальной уязвимости к болезням.

Тридцать лет назад Джордж Л. Энгель, отец североамериканской психосоматической медицины, подчеркнул несоответствия и ограничения традиционной биомедицинской модели к здоровью человека и высказался за одобрение психосоматического (биопсихосоциального) подхода. Статья, опубликованная в журнале «Science», привлекла почти 2000 цитат.

В редакционной статье, опубликованной в январском номере «Психотерапия и матика», авторы сообщают, что в современном мире в соответствии с биопсихосоциальным подходом

Энгеля изучение каждого заболевания должно включать собственно индивида, его тело, а также среду, в которой он проживает в качестве важных компонентов для всей системы [4].

В жизни современного человека психосоматические расстройства случаются все чаще. И это неудивительно, так как сейчас факторов, ведущих организм к стрессовому состоянию, предостаточно. К ним относятся внезапная болезнь, развод, смерть близкого человека, увольнение с работы, не сдачи экзамена и многое другое.

Учитывая высокую значимость переживания стресса в патогенезе психосоматических расстройств очевидно, что большую роль играет способность организма адаптироваться к различным жизненным ситуациям.

Г. Селье указал на тот факт, что некоторые стрессоры могут быть легко побеждены и даже могут сыграть положительную роль (низкий уровень стресса, определяемый как «эустресс», вызывает увеличение внимания, концентрации или памяти). Затем Г Селье провел различие между «эустрессом» и «дистрессом» (определяемым как отрицательный стресс).

Индивидуальная реакция на стрессор будет зависеть от индивидуальных факторов (возраст, пол, уровень здоровья или психиатрическая сопутствующая патология), такие относительные факторы, как уровень обучения; этические, политические, религиозные убеждения; событие / стрессор также могут влиять. В семейной среде можно найти и другие переменные: наличие или отсутствие аффективной поддержки, сила отношений, экономический статус [8].

МКБ-10 определяет расстройство приспособительных реакций (F-32) как «состояние субъективного дистресса и эмоционального расстройства, создающее трудности для общественной деятельности и поступков, возникающее в период адаптации к значительному изменению в жизни или стрессовому событию».

Стрессовые события делятся на: нарушение целостности социальных связей (тяжелая утрата, разлука), нарушение широкой системы социальной поддержки и ценностей (миграция, статус беженца), обеспечивающие широкий спектр изменений и жизненных перерывов (поступление в школу, приобретение родительский статус, недостижение заветной личной цели, пенсия). МКБ-10 отводит критическую роль в возникновении расстройства стрессовым событиям, но также указывает на влияние индивидуальной предрасположенности или уязвимости. Называются следующие симптомы: «депрессия, настороженность или тревога (или комбинация этих состояний), чувство неспособности справиться с ситуацией, планировать наперед или принять решение остаться в данной ситуации, а также снижение способности действовать в повседневной жизни ". В МКБ-10 указывается на коморбидность расстройства с расстройствами поведения и эмоций, особенно с депрессией [2].

Согласно определению МКБ-11, расстройство адаптации (6B43) – это реакция недостаточной адаптации к стрессовому событию, постоянным психосоциальным трудностям или комбинации стрессовых жизненных ситуаций, которая обычно возникает в течение месяца и имеет тенденцию исчезать в течение 6 месяцев, если фактор стресса не сохраняется в течение длительного периода. Реакция на стресс характеризуется следующими симптомами: 1) озабоченность такими проблемами, как чрезмерное беспокойство, повторяющиеся и болезненные мысли о стрессоре или постоянные мысли о его последствиях, 2) неспособность адаптироваться, то есть симптомы мешают повседневному функционированию, трудности с концентрацией внимания, или нарушения сна, приводящие к снижению работоспособности [5], [7, с. 193].

Целью исследования является изучение взаимосвязи психосоматических проявлений и симптоматики расстройства адаптации.

Для того, чтобы изучить взаимосвязь между расстройством адаптации и соматизацией было применено тестирование с использованием 2 опросников: подростковая версия опросника Расстройство адаптации – новая модель-8 (ADNM-8) и шкала соматизации.

ADNM-8 разработан в 2018 году E. Kazlauskas и др. на основе ADNM-20 и предназначен для оценки выраженности симптоматики расстройства адаптации [6]. Он состоит из

перечня стрессовых ситуаций и двух субшкал: озабоченность проблемой и неспособность адаптироваться.

Опросник выраженности психопатологической симптоматики (Symptom Checklist-90-Revised – SCL-90-R) является валидизированным и находит широкое применение в области клинической психологии. Для нашего исследования мы выбрали первую субшкалу – соматизация – Somatization (SOM) [3].

В исследовании приняли участие 59 учащихся IX-XI классов Государственного учреждения образования «Гимназия №46 г. Гомеля имени Блеза Паскаля». Это были подростки 14-18 лет (16 парней и 43 девушки). Данные были собраны за апрель-май 2019 года.

Для статистической обработки полученных данных был использован критерий Спирмена в компьютерной программе для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 23 (2016).

Была найдена сильная положительная корреляция (0,56) между параметрами «соматизация» с «озабоченность проблемой» на уровне значимости $p=0,01$. Также была обнаружена сильная положительная корреляция (0,58) параметра «соматизация» и «неспособность адаптироваться» на уровне значимости $p=0,003$. Была обнаружена сильная положительная корреляция (0,62) между параметрами «соматизация» с «общий показатель по ADNМ» на уровне значимости $p=0,005$.

Таким образом, были найдены статистически достоверные сильные положительные взаимосвязи между соматизацией и симптоматикой расстройства адаптации.

Полученный результат позволяет предположить, что психосоматические симптомы являются одним из факторов пережитого стресса, а также неспособности личности успешно адаптироваться к социальной среде.

Список использованных источников

1 Березин, Ф. Б. Эмоциональный стресс и психосоматические расстройства. Подходы к терапии / Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников // *Materia medica*. 1996. № 1(9). С. 29–56.

2 МКБ-10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра [Электронный ресурс] : Реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации (F43). – Режим доступа: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4257>. – Дата доступа: 20.03.2020.

3 Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. – СПб. : Питер, 2001. – 272 с.

4 Fava, G. A. The Biopsychosocial Model Thirty Years Later / G. A. Fava, N. Sonino // *Psychother Psychosom*, 2008. – Vol. 77. – P. 1–2.

5 ICD-11 – International Classification of Diseases 11th Revision. The global standard for diagnostic health information [Electronic resource] : 6B43 Adjustment disorder. – Mode of access: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/264310751>. – Date of access: 20.03.2020.

6 Kazlauskas, E. A brief measure of the International Classification of Diseases-11 adjustment disorder: investigation of psychometric properties in an adult help-seeking sample / E. Kazlauskas [et al.] // *Psychopathology*, 51. – № 1. – 2018. – P. 1–6.

7 Maercker, A. Диагностика и классификация расстройств, непосредственно связанных со стрессом: предложения для МКБ-11 / A. Maercker [et al.] // *World Psychiatry*. – 2013. – № 3. – С. 190–197.

8 Selye, H. The evolution of the stress concept / H. Selye. – *American Scientist*. – 1970. – № 61. – P. 692–699.

В. В. Выдровская

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЯ ВЛИЯНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ПАМЯТИ

Статья посвящена изучению психологии влияния информационных технологий на развитие памяти. В ней описывается понятие «память», рассмотрены психологические индивидуально-личностные особенности памяти, а также влияние ИТ на когнитивные процессы.

Ключевые слова: информационные технологии, память, когнитивные процессы.

Сегодня общество, в условиях информатизации, стоит перед серьезной проблемой: моментально заменить старые технологии на новые, экономически и социально целесообразные. Вследствие этого стремительно возрастает потребность общества в подготовке высококачественно новых специалистов, которые успешно владеют современными информационными технологиями, с высоким уровнем самореализации своей индивидуальности в профессии и через профессию, что прямо зависит от уровня и степени профессиональных возможностей. Информационные технологии одновременно являются и путем познания окружающего мира, и орудием воздействия на человека, а так же на его когнитивные процессы такие как восприятие, воображение, память, внимание мышление. Проблема развития когнитивной сферы в условиях всеобщего распространения информационных технологий настаивает на поиске нового в практике и теории образования, новых подходов к дальнейшему развитию содержания, форм, методов и способов обучения.

В связи с этим не теряет своей актуальности проблема оценки влияния информационных технологий на когнитивную сферу человека, и особенно на память молодых людей.

Память – это процессы построения и организации прошлого опыта, допускающие возможным его повторное использование в деятельности или возвращение в сферу сознания. Было установлено, что процессы памяти у всех людей протекают по-разному. В настоящий момент принято выделять две основные группы индивидуальных различий в памяти: к первой группе относят различия в продуктивности заучивания, ко второй – различия так называемых типов памяти. Различия в продуктивности заучивания проявляются в скорости, прочности и точности запоминания, а также в готовности к воспроизведению материала. Так, для людей с сильной памятью характерно быстрое запоминание и длительное сохранение информации.

Сущность проблемы влияния информационных технологий на память человека заключается в том, что на современном этапе развития общества все более и более частой является проблема чрезмерного использования и зависимости людей от современных информационных и компьютерных технологий. Все чаще и чаще можно услышать высказывания о том, что современные компьютерные и другие информационные технологии негативно влияют на когнитивные процессы и в частности на память человека.

Разработкой и изучением данной проблемы занимались Войкуновский А. Е., Бабаева Ю.А., Васильева И. А., Горячев А.В. Кастельс М., Зайцева С.А., Осипова Е. М., Петрова Н. Н., тем не менее на нынешнем этапе развития научного знания изучение данной проблемы влияния информационных технологий на память человека как и прежде является недостаточной.

Впервые проблема психических последствий информационных технологий рассматривалась О.К. Тихомировым и получила дальнейшую разработку в работах его коллег. По мнению О.К. Тихомирова информационные технологии являются психологическим орудием, потому что воздействуют на такие психологические процессы как память, воображение, мышление, восприятие, т.е. они воздействуют на когнитивную сферу. Влияние ИТ на все эти процессы могут быть как положительными, так и отрицательными. При этом, появляется

общение, predetermined информационными технологиями, и «общение» с самими информационными технологиями [1].

При обращении к разбору психологических моментов развития информационных технологий в настоящее время, нужно также придать большое значение социологу и методологу, который объясняет смысл глобальной системы информационных связей М. Кастельсу. Идеолог информационной интеграции вложил в сознательность человеческой элиты понятие вневременности мультимедийного гипертекста. Он аргументированно выразил, что в «информационном обществе» произошла трансформация человеческого времени. Мгновенное распространение информации по всему миру и прямые репортажи с места событий создают «темпоральную мгновенность» культурным и социальным происшествиям. Сдвиг времени в средствах массовой информации, который происходит внутри одного и того же канала связи по выбору зрителя производит коллаж, в котором временное развертывание оборачивается в плоский синхронный горизонт – «вневременность мультимедийного гипертекста». Вневременность мультимедийного гипертекста считается сейчас важнейшей линией развития культуры.

М. Кастельс рассматривает опыт, понимаемый как влияние человеческих субъектов на себя самих, сквозь изменяющееся соотношение между их культурными и биологическими отождествлениями. «Опыт возводится вокруг безграничного поиска пресыщения человеческих нужд и желаний» [с. 52]. В настоящее время ИТ поднимают на неизвестную до сегодняшнего времени высоту значение знания и информационных потоков.

При компьютерной поддержке молодые люди имеют возможность мультимодально впитывать информацию. По сведениям психологических исследований информация, воспринятая таким образом, подлежит более глубокому осознанию [с. 112]. На этом месте значительную роль играет соблюдение принципа наглядности, психологической основой которого является учение И.П. Павлова о первой и второй сигнальных системах. Благодаря использованию компьютерных программ у молодых людей создаются чувственные образы. В коре головного мозга появляются специальные раздражители, влияющие на создание новых связей. Чем больше анализаторов принимает участие в процессе восприятия, тем больше возникают в коре головного мозга временных нервных связей, тем больше появляется условий для более прочного сохранения данного образа в памяти.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что психологическое влияние ИТ на когнитивную сферу пользователей существенно.

Информационные технологии являются психологическим орудием, поскольку влияют на такие психологические процессы как память, воображение, мышление, восприятие, т. е. они влияют на когнитивную сферу в целом.

Процессы когнитивной сферы пользователя постоянно находится в условиях работы, поскольку для работы с информационными технологиями нужна высокая концентрация внимания, наличие кратковременной и оперативной памяти. Значительную роль играют терпение, усидчивость, спокойствие, выдержка, хладнокровие.

Функциональные результаты компьютеризации могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми. Компьютер, который подчиняет деятельность человека, вероятно может привести к психическому развитию человека, но и может привести к формализации, заурядности его мышления, к развитию бездействия, всего исполняющей не свою волю личности, т. е. компьютерное опосредствование может привести не только к прогрессивному, но и к регрессивному развитию психики человека.

Когнитивная сфера молодых людей подвластна еще большему влиянию информационными технологиями, поскольку когнитивные процессы в данном возрасте имеют прерывистую форму развития. Развитие высших психических процессов, или интеллектуальных параметров, длится в течении всего периода ранней зрелости. Развитие когнитивной сферы молодых людей в большой мере имеет индивидуально-обусловленный характер: взрослый человек сам в состоянии осуществлять контролировать над процессом своего интеллектуального развития и добиваться подъема своего профессионального мастерства и творчества. На данный

процесс значительное влияние оказывают различные факторы, к примеру, уровень одаренности человека, степень его образованности и род деятельности.

В связи с вышеизложенным, предполагается, что влияние ИТ на когнитивную сферу молодых людей может проявляться в возрастании объема кратковременной и оперативной памяти, увеличении абстрактно-логической части мышления, развитии воображения, в возрастании концентрации внимания.

Список использованных источников

- 1 Тихомиров, О. К. Психология компьютеризации / О. К. Тихомиров. – Киев, 1988. – 235 с.
- 2 Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 366 с.
- 3 Зайцева, С. А. Информационные технологии в образовании / С. А. Зайцева, В. В. Иванов. – М., 2005. – 120 с.

К. С. Грекова

Научный руководитель: **Н. И. Колгышева**, канд. пед. наук., доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НА РАЗВИТИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В статье идет речь о проблеме отклоняющегося поведения и трудновоспитуемости младших школьников. Дается определение понятию отклоняющегося поведения и его характеристика. Автором показаны результаты исследования трудновоспитуемости младших школьников, приводится её связь с нарушением основных свойств внимания и учебной мотивацией.

Ключевые слова: отклоняющееся поведение, трудновоспитуемость, младшие школьники, учебная мотивация, девиация развития.

Современное школьное обучение предполагает совокупность умственных, эмоциональных и физических нагрузок, которые, в свою очередь, предъявляют определенные требования к психической конституции, интеллектуальным возможностям ребенка и к его личности. Не всегда ребенку удастся соответствовать всем запросам школьной программы, поэтому тема отклоняющегося поведения приобретает в настоящее время все большую актуальность.

Отклоняющееся поведение – это устойчивое отклонение от нормы в поведении, нравственном сознании, учебной деятельности. Проявляется оно, как правило, в неразвитости, необразованности и невоспитанности ребенка, отставании его развития от собственных возможностей, что обусловлено отрицательным влиянием социальной среды и ошибками в воспитании. В младшем школьном возрасте результатом отклоняющегося поведения является, прежде всего, отклонения в учебной мотивации, и как результат – реакция протеста, неповиновение и грубость. Отклоняющееся поведение у детей возникает там, где нет условий для полноценной социализации и индивидуализации личности ребенка. Ключевую роль здесь играет окружающая микросреда, прежде всего, семья, школа, которые порой не только не способствуют социальной адаптации ребенка, но и отрицательно влияют на формирование его личности как субъекта собственной жизни. На практике отклоняющееся поведение влечет ту или иную степень трудновоспитуемости.

С целью анализа степени отклонения в поведении у современных младших школьников было проведено эмпирическое исследование. Были использованы положения концепции интегративного характера проявления трудновоспитуемости, разработанные В. Д. Пуриным [1].

Первый этап исследования заключался в выявлении трудновоспитуемости младших школьников и определении её степени. Выделяют 4 группы школьников:

1) благополучные школьники (нулевая степень трудновоспитуемости) – положительное отношение к учению, асоциальные признаки поведения отсутствуют;

2) первая степень трудновоспитуемости – положительные признаки поведения и отношения к учению, асоциальные отклонения почти отсутствуют, то есть случайны, не типичны для поведения в целом;

3) вторая степень трудновоспитуемости – нестойкое проявление положительных признаков в поведении, причем положительное отношение к коллективу класса может отсутствовать. Нестойкое проявление отрицательных отклонений;

4) третья степень трудновоспитуемости – общественно-трудовая активность и положительное отношение к коллективу отсутствуют. Асоциальные отклонения проявляются стойко.

Так, в результате первого этапа исследования были получены следующие данные: из 146 младших школьников трудновоспитуемость третьей степени наблюдается у 50 (или 34,3%), вторая степень трудновоспитуемости – у 48 (или 32,7%), первая и нулевая степень – у 29 (или 19,8%) и 19 (13,2%) учащихся.

Количественные данные представлены на рисунке 1.

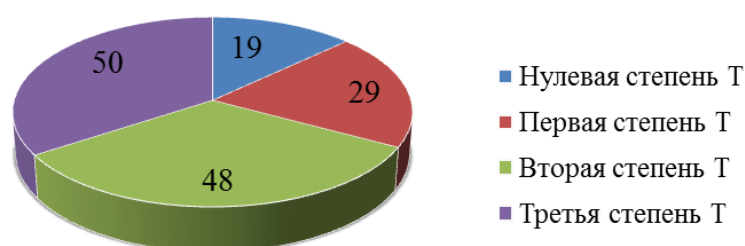

Рисунок 1 – Степень трудновоспитуемости у младших школьников

На втором этапе исследования приняли участие трудновоспитуемые (40 человек) и благополучные (40 человек) младшие школьники. Был проведен тест Тулуз-Пьерона для того, чтобы выявить особенности основных свойств внимания и минимальных мозговых дисфункций [2].

Анализ результатов эмпирического исследования показал, что из 80 младших школьников высокая скорость выполнения теста у 10 (25%), у 22 (55%) – хорошая, у 12 (30%) – средняя, у 29 (72%) – слабая и у 7 (18%) – зона патологии.

Количественные данные отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Уровень скорости (V) выполнения теста Тулуз-Пьерона

Скорость выполнения теста (V)	Трудновоспитуемые младшие школьники (40 чел.)	Благополучные младшие школьники (40 чел.)
Высокая	-	10 (25%)
Хорошая	-	22 (55%)
Средняя, или возрастная	4 (10%)	8 (20%)
Слабая	29 (72%)	-
Патология	7 (18%)	-

Коэффициент точности (К) выполнения теста Тулуз-Пьерона характеризует развитость произвольного внимания и, в особенности, способность к произвольной концентрации. Именно этот показатель (К) необходимо анализировать в первую очередь. Он может зависеть от следующих характеристик: переключение внимания, объем внимания, оперативная память, визуальное мышление, личностные особенности (исполнительность, ответственность, тревожность или, напротив, беспечность, расслабленность).

При анализе результатов теста Тулуз-Пьерона нами были получены следующие результаты по данным 80 младших школьников: 14 школьников (35 %) показали высокую точность выполнения теста, 17 (42 %) – хорошую, 15 (38 %) – возрастную, 30 (75 %) слабую и у 4 (10%) учащихся – зона патологии, что отражено в таблице 2.

Таблица 2 – Уровень точности (К) выполнения теста Тулуз-Пьерона

Точность выполнения теста (К)	Трудновоспитуемые младшие школьники (40 чел.)	Благополучные младшие школьники (40 чел.)
Высокая	-	14 (35 %)
Хорошая	-	17 (42 %)
Средняя, или возрастная	6 (15 %)	9 (23 %)
Слабая	30 (75 %)	-
Патология	4 (10 %)	-

Полученные результаты свидетельствуют о связи между нарушением основных свойств внимания и развитием трудновоспитуемости.

Далее, для изучения особенностей мотивационной сферы младших школьников была использована «Методика диагностики мотивации учения и эмоционального отношения к учению» [3].

Согласно методике, выделяются следующие уровни мотивации учения:

I уровень – продуктивная мотивация с выраженным преобладанием познавательной мотивации учения и положительным эмоциональным отношением к нему;

II уровень – продуктивная мотивация, позитивное отношение к учению, соответствие социальному нормативу;

III уровень – средний уровень с несколько сниженной познавательной мотивацией;

IV уровень – сниженная мотивация, переживание «школьной скуки», отрицательное эмоциональное отношение к учению;

V уровень – резко отрицательное отношение к учению.

В определении степени учебной мотивации приняли участие 90 младших школьников. Были получены следующие результаты: I уровень мотивации установлен у 6 % школьников, II уровень мотивации – у 23 % испытуемых, III уровень учебной мотивации выявлен у 42 % учащихся, IV уровень – у 24 % и V уровень – у 5 % школьников. Количественные данные представлены на рисунке 2.

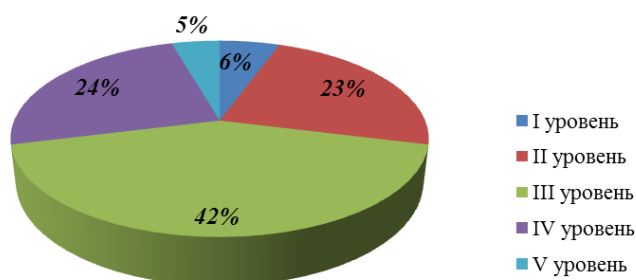

Рисунок 2 – Процентное соотношение учащихся с разными уровнями мотивации

Исходя из результатов исследования мотивационной сферы младших школьников можно выдвинуть гипотезу о том, что существует связь между уровнем учебной мотивации и степенью трудновоспитуемости.

В результате эмпирического исследования было экспериментально установлено, что трудновоспитуемые дети младшего школьного возраста как субъект учебной деятельности характеризуются низким уровнем мотивации достижения, низкой учебно-познавательной активностью, высоким уровнем школьной тревожности, несбалансированностью развития познавательных процессов.

Таким образом, трудновоспитуемость младших школьников, как следствие отклоняющегося поведения, является одной из самых распространенных девиаций развития детей, которая требует комплексного решения, включающего более тщательное исследование степени отклонения в поведении и дальнейшую разработку коррекционных программ.

Список использованных источников

1. Пурин, В. Д. Профилактика и коррекция педагогической запущенности : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Д. Пурин. – М. : Академия, 2008. – 192 с.

2. Ясюкова, Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД. Диагностика и компенсация минимальных мозговых дисфункций: методическое руководство / Л. А. Ясюкова. – СПб. : ГП «ИМАТОН», 1997. – 80 с.

3. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.

А. И. Игнатович

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

В статье рассматривается проблема эмоционального интеллекта личности. Рассматривается понятие «эмоциональный разум» и его структурные составляющие. Приводятся результаты эмпирического исследования эмоционального разума студентов-психологов.

Ключевые слова статьи: эмоциональный интеллект, студенты-психологи, процесс развития эмоционального интеллекта, эмпирическое экспериментальное изучение эмоционального интеллекта студентов-психологов

На нынешнем этапе развития психологической науки изучение эмоционального интеллекта представляется актуальным. Выбранная избирательно проблема обоснована тем, что эмоциональный разум как дисциплина социально-психологического экспериментального изучения является условно сравнительно новым, малоизученным фактором. В данном периоде имеются разные стили в уяснении сути и строения эмоционального разума. Эмоциональный разум исследовали таковые служители науки как: И. Н. Андреева; Д. В. Люсин; Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова. Все-таки цельная скоординированная теоретическая идейная задумка эмоционального разума не исследована в полной мере. Необходимая реальность исследования эмоционального разума диктуется требованиями современного общества, включающая в себя

установление событий, оказывающих влияние на эффективную результативность социального взаимодействия и социально-психологической приспособленности личности.

Проблема эмоциональной культуры человека оставалась и будет актуальной на протяжении всей истории человеческого общества.

В исследованиях российских ученых идея о цельности аффективности и разума нашла отражение в трудах у Л.С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева [2, с. 78–86]. Согласно Л.С. Выготскому сплоченность аффективных и умственных процессов находится, во-первых, в связи и влиянии психики на всех этапах развития человека, во-вторых, в том, что этот контакт является динамическим, каждой ступени развития мышления отвечает своя степень в расширении и развитии аффекта. С. Л. Рубинштейн, разрабатывая идеи Л.С. Выготского, отмечал, что мышление уже само по себе является цельностью эмоционального и рационального [1, с. 15–21].

Все-таки запланированные Л.С. Выготским подходы к соображению цельности аффекта и ума в процессе формирования человека покамест не приобрели подобающей разработки. В доказательство данного не возбраняется повергнуть наборы слов Д.Б. Эльконина про то, что до настоящего момента значимым недочетом на анализе и обсуждении психического формирования человека или малыша появляется разделение между процессами умственного формирования и формирования человека, в том числе и эмоционального.

В нынешнем мире спорные обстоятельства в постижении и выражении эмоциональных переживаний идет довольно напряженно, так как в нем неестественно вводится обожествление оптимального взаимоотношения к жизненному пути, воплощенный в облике некоего образца - стойкого и вроде бы отняты чувства человека. В то же время К.Д. Ушинский, подчеркивая общественный логический подтекст эмоций, замечал, что общественное окружение, беспокоящееся об основании ума, свершает огромный просчет, потому как человек ощущает, чем и как он размышляет [3, с. 57–65]. Впрямь, поклонение приспособленности и большое образование дающий процесс хода не обеспечивают гуманистическое миропонимание и эмоциональную культуру человека.

По собственному понятию Е.Л. Яковлевой, осмысленное понимание своей личности это и есть осмысленное понимание лично своих эмоциональных реакций и состояний, указывающих на персональное отношение человека к случающемуся [4, с. 4–8].

В предмете обсуждения о эмоциональном разуме наблюдаются последующие составляющие:

- умение опознавать собственные эмоциональные потрясения, давать им четкие обозначения и понимать (эмоциональная осведомленность). Данный навык характеризуется не в переживании эмоций, а в их распознавании, осознании и назывании определенным определением, что позволяет идентифицировать, реконструировать, описывать эмоции;

- управление личными эмоциями, умелость осуществлять контроль, заменять уровень выраженности. Данный опыт связан с умением саморегуляции и способности принимать решения;

- самомотивация – умение вызвать внутри себя необходимые эмоциональные потрясения, способствующие выработке энергетической деятельности, желания и сил для действий. Данный опыт и умение разрешает мотивировать самого себя на конкретное проявление инициативы;

- распознавание эмоций находящихся вокруг окружающих, мастерство давать им четкие распознавания, понимать предпосылки их возникновения у любого практически человека (эмпатия). Данный опыт связан с умением лицезреть эмоциональные переживания иных людей;

- управление эмоциями окружающих, мастерство использовать имеющиеся познания о себе и иных людях в целях развертывания существенных условий, вызывающих нужные для индивидуума эмоциональные потрясения (социальная умелость). Данный навык связан с умением вдохновлять иных людей на совершение определенных действий либо осуществление работы.

Сочетание всех наборов позволяет разумному человеку отлично вести взаимодействие с окружающими, понимать себя самого, а также осуществлять управление собственными эмоциональными и душевными состояниями и настроением других людей.

Теоретически описанное изучение проблемы эмоционального разума у студентов актуализировали проведение эмпирического исследования. Исследование проведено на выборке из 80 студентов ГГУ. имени Ф. Скорины в возрасте 18–21 года.

Для диагностики использовалась методика – опросник «Эмоциональный интеллект» Н. Холла.

В ходе эмпирического исследования эмоционального интеллекта студентов-психологов выяснилось, что между всеми шкалами, помимо «Эмоциональной осведомлённости», высокий уровень эмоционального интеллекта характерен небольшому количеству студентов. Большой процент респондентов с низким показателем по интегральному уровню эмоционального интеллекта, а также по шкалам «Контроля своих эмоций» и «Управления эмоциями других» в подтверждении констатирует высказывание о присутствии тенденции к низкому эмоциональному интеллекту среди студентов-психологов и студентов-математиков.

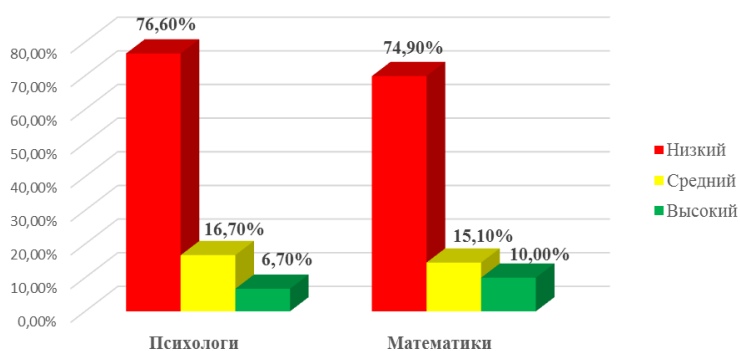

Рисунок 1 – Результаты исследования студентов-психологов и студентов математиков по шкале «Интегративный эмоциональный интеллект» методики А. Н. Холла

Согласно результативным отчетам экспериментального исследования 69 студентов-психологов или 76,60% от всей выборки, обладают низким интегративным уровнем интеллекта. Средним уровнем интегративного эмоционального интеллекта обладают 15 студентов или 16,70%. Наименьшее количество студентов из выборки – 6 студентов или 6,70% имеют высокий уровень эмоционального интеллекта. Таким образом, отчасти подтверждается обозначенное выше утверждение про то, что среди студентов-психологов и студентов-математиков наблюдается высокий процент низкого интегративного эмоционального интеллекта.

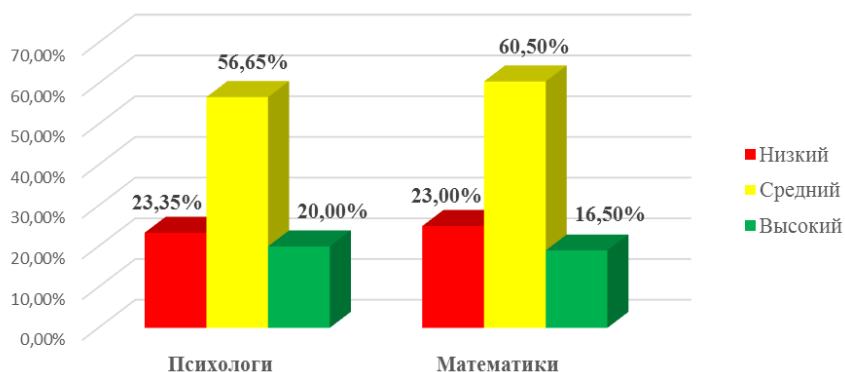

Рисунок 2 – Результаты исследования студентов-психологов и студентов-математиков по шкале «Эмоциональная осведомленность» методики А. Н. Холла

Согласно результативным отчетам экспериментального исследования 51 студент-психолог или 56,65% от всей выборки, обладают средним уровнем эмоциональной осведомленности. Низким уровнем эмоциональной осведомленности 21 студент или 23,35%. Наименьшее

количество студентов из выборки – 20 студентов или 20% имеют высокий уровень эмоциональной осведомленности. Таким образом, отчасти подтверждается обозначенное выше утверждение о том, что у студентов-психологов и студентов-математиков доминирующим является средний уровень эмоциональной осведомленности.

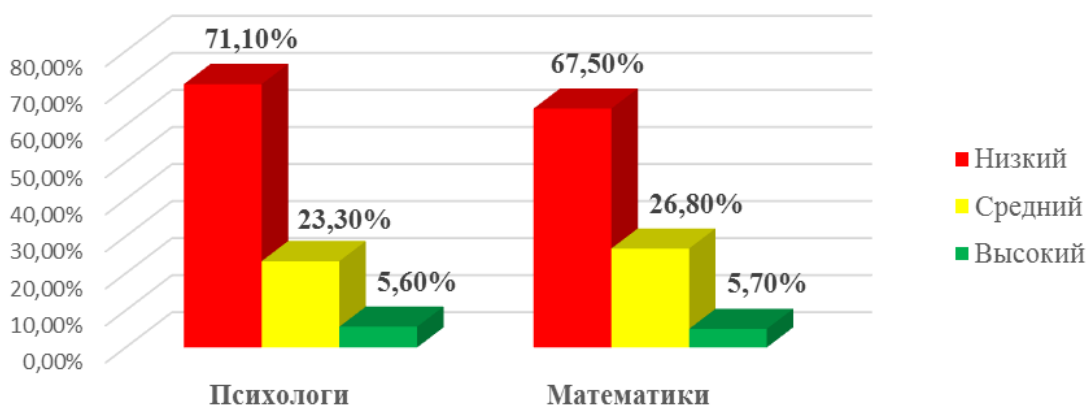

Рисунок 3 – Результаты исследования студентов-психологов и студентов-математиков по шкале «Управление своими эмоциями» методики А. Н. Холла

Согласно результативным отчетам экспериментального исследования 64 студента-психолога или 71,10 % от всей выборки, обладают низким навыком в управлении своими эмоциями. Средним навыком управления своими эмоциями обладают 21 студент или 23,30 %. Наименьшее количество студентов из выборки – 5 студентов или 5,60 % имеют высокий уровень навыка управления своими эмоциями. Таким образом, отчасти подтверждается обозначенное выше утверждение про то, что, среди студентов-психологов и студентов-математиков наблюдается высокий процент низкого навыка в управлении своими эмоциями.

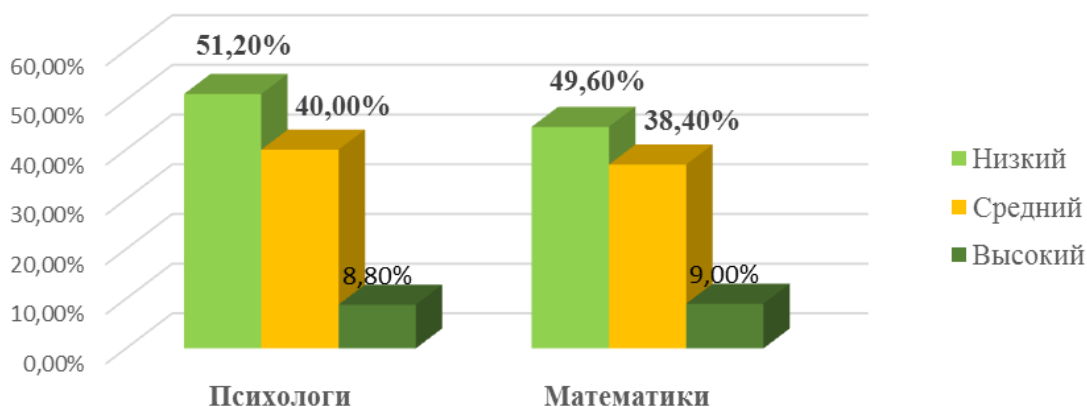

Рисунок 4 – Результаты исследования студентов-психологов и студентов-математиков по шкале «Самотивация» методики А. Н. Холла

Согласно результативным отчетам экспериментального исследования 46 студентов-психологов или 51,20 % от всей выборки, обладают низким уровнем самотивации. Средним уровнем самотивации обладают 36 студентов или 40 %. Наименьшее количество студентов из выборки – 8 студентов или 8,80 % имеют высокий уровень самотивации. Таким образом, отчасти подтверждается обозначенное выше утверждение что, у студентов-психологов и студентов-математиков преобладающей является низкая самотивация.

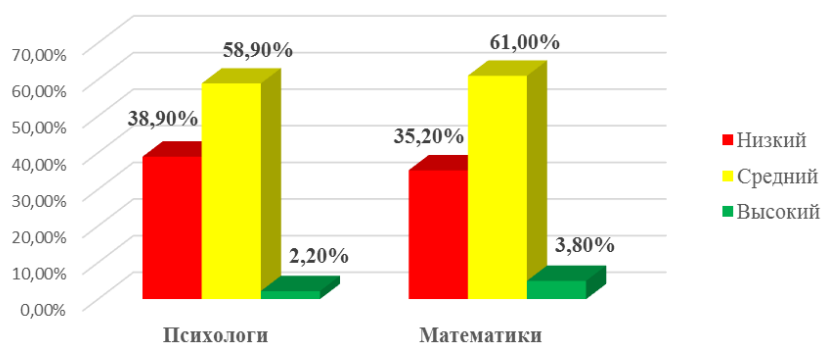

Рисунок 5 – Результаты исследования студентов-психологов и студентов-математиков по шкале «Эмпатия» методики А. Н. Холла

Согласно результативным отчетам экспериментального исследования 53 студента-психолога или 58,90 % от всей выборки, обладают средним уровнем эмпатии. Низкой эмпатией обладают 35 студентов или 38,90 %. Наименьшее количество студентов из выборки – 2 студента или 2,20 % имеют высокий уровень эмпатии. Таким образом, отчасти подтверждается обозначенное выше утверждение про то, что, среди студентов-психологов и студентов-математиков наблюдается высокий процент среднего уровня эмпатии.

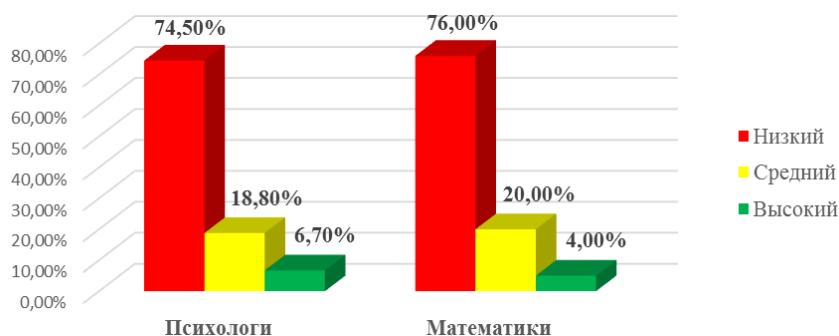

Рисунок 6 – Результаты студентов-психологов и студентов-математиков по шкале «Управление другими эмоциями» методики А. Н. Холла

Согласно результативным отчетам экспериментального исследования 67 студентов-психологов или 74,50% от всей выборки, обладают низким навыком управления другими эмоциями. Средним навыком управления другими эмоциями обладают 17 студентов или 18,80 %. Наименьшее количество студентов из выборки – 6 студентов или 6,70 % имеют высокое управление другими эмоциями. Таким образом, отчасти подтверждается обозначенное выше утверждение про то, что, среди студентов-психологов и студентов-математиков наблюдается высокий процент низкого навыка управления другими эмоциями.

Полученные данные были подвергнуты обработке при помощи U-критерия Манна-Уитни. Полученное эмпирическое значение $U_{\text{эмг}}=690,5$ находится в зоне незначимости ($U_{\text{кр}}=557$ при $p \leq 0,01$, $U_{\text{кр}}=628$ при $p \leq 0,05$), это значит, что различия результатов диагностики по опроснику Н. Холла у студентов-психологов и студентов-математиков не значимы.

Таким образом, по всем шкалам, не считая показателей по «Эмоциональной осведомлённости» и «Эмпатии» выявлены низкие уровни эмоционального интеллекта, поэтому можно утверждать, что как у студентов-психологов, так и у студентов-математиков обнаружена тенденция к невысокой развитости эмоционального интеллекта. Так как эмоциональный интеллект обладает динамическими характеристиками, то имеются шансы развития распознавания, контроля и управления эмоциями.

В окончании отметим, что эмоциональный интеллект представляет совокупность эмоциональных и социальных способностей, таких, как способности к освоению личных эмоций и эмоций иных людей, к управлению эмоциональной сферой и самомотивацией. Все компоненты эмоционального интеллекта связаны, и их тесная связь способствует действенному межличностному взаимодействию. Эмоции имеют мотивирующую силу, заставляя людей действовать. Слово «эмоция» появилось от латинского глагола, что обозначает «шевелиться». Эмоция - это орудие, с помощью которого ведут взаимодействие тело и разум, они неустанно переменяются и двигаются. Так, если мы совершенно функциональны и успешны, они положительны, если нет – эмоциональные волнения «перемещаются» к отрицательному полюсу.

Индивидуумы с высочайшей степенью внутриличностного эмоционального интеллекта: расположены дорожить своими позитивными характеристиками и уважать себя за них; принимают себя вне зависимости от своих плюсов или минусов; автономны и склонны руководствоваться в жизни своими собственными целями, убеждениями, принципами и установками; обнаруживают тенденцию к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально насыщенных контактов с людьми; имеют стремление к приобретению знаний об окружающем мире; способны к целостному восприятию мира и людей, склонны принимать природу человека в целом как позитивную; владеют возможностью жить настоящим – переживать настоящий момент жизни во всей его полноте, ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего.

В настоящее время существует потребность в дальнейшем исследовании эмоционального интеллекта, его конструкции, путей его развития, что позволит более глубокое осмыслить понимание эмоциональных процессов и состояний, возникающих между людьми в процессе межличностного сотрудничества. Развитие эмоционального интеллекта у молодых людей может исследоваться как весомая причина повышения психологической культуры общества в целом.

Список использованных источников

- 1 Айзенк, Г. Ю. Как измерить личность / Г.Ю. Айзенк, Г. Вильсон. – М., 2000. – с.432
- 2 Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М., 2007. – с. 234
- 3 Андреева, И.Н. Черты темперамента как биологические предпосылки эмоционального интеллекта / И.Н. Андреева // Наука і освіта, 2007. – № 8. – С. 4– 8.
- 4 Андреева, И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта / И. Н. Андреева // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Междунар. научно-практ. конф. 26–27 ноября 2004 г., г. Смоленск: В 2 ч. Ч. 1. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2004. – С. 22– 26.

Е. В. Ковалёва, В. В. Афанасьев

Научный руководитель: **И. В. Городецкая**, доктор. мед. наук, профессор
Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет,
г. Витебск, Беларусь

АКАДЕМИЧЕСКАЯ УСПЕВАЕМОСТЬ, УРОВЕНЬ СТРЕССА И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

На основании анализа величин адаптационного потенциала системы кровообращения (рассчитывался по Р. М. Баевскому, 1987), вегетативного индекса Кердо, уровня стрессоустойчивости (определялся по Ю. В. Щербатых, 2005) и стресса (исследовался по методике Ю. В. Щербатых, 2008) установлена корреляция между результатами академической успеваемости студентов 2 курса лечебного факультета учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» и вышеперечисленными параметрами.

Ключевые слова: студенты, успеваемость, стресс, адаптация.

Введение. Одной из наиболее важных причин, вызывающих снижение академической успеваемости студентов, является учебный стресс. К факторам, которые способствуют развитию этого состояния, можно отнести интенсивные умственные нагрузки, нарушение режима сна, ограничение двигательной активности, эмоциональные переживания. Учитывая актуальность проблемы, данная тема была выбрана для исследования студенческим сектором лаборатории инновационной педагогики учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет».

Цель: проанализировать связь между академической успеваемостью, величиной адаптационного потенциала системы кровообращения, вегетативного индекса, уровнем стресса и стрессоустойчивости у студентов 2 курса лечебного факультета.

Материалы и методы. Были проанкетированы 33 студента. Использована методика определения уровня стресса по Ю. В. Щербатых (2008) [1]. Оценка: показатель от 0 до 5 баллов показывает отсутствие стресса, от 6 до 12 баллов – умеренный стресс, от 13 до 24 баллов – выраженное напряжение, от 25 до 40 баллов – сильный стресс, свыше 40 баллов – истощение. Стрессоустойчивость изучали по Ю. В. Щербатых (2005) [2]. Оценка: менее 35 баллов – низкая чувствительность к стрессу, от 35 до 85 баллов – средняя, более 86 баллов – повышенная.

Рассчитаны следующие показатели:

1. Вегетативный индекс Кердо (ВИ) [3] – на основании значений пульса и диастолического давления (ДАД) по формуле:

$$\text{ВИ} = (1 - \text{ДАД} / \text{Пульс}) \times 100$$

Оценка вегетативного индекса Кердо:

от +16 до +30 симпатикотония;

$\geq +31$ выраженная симпатикотония;

от –16 до –30 парасимпатикотония;

≤ -30 выраженная парасимпатикотония;

от –15 до +15 уравновешенность симпатических и парасимпатических влияний.

Показатель нормы: от -10 до +10%.

Трактовка: положительное значение – преобладание симпатических влияний, отрицательное значение – преобладание парасимпатических влияний.

2. Индекс адаптационного потенциала (АП) сердечно-сосудистой системы [4] – по формуле:

$$\text{АП} = 0,0011 * \text{ЧП} + 0,014 * \text{САД} + 0,008 * \text{ДАД} + 0,009 * \text{МТ} - 0,009 * \text{Р} + 0,014 * \text{В} - 0,27$$

где ЧП – частота пульса (уд/мин); САД и ДАД – систолическое и диастолическое артериальное давление (мм рт.ст.); Р – рост (см); МТ – масса тела (кг); В – возраст (лет).

Трактовка: ниже 2,6 баллов – удовлетворительная адаптация; 2,6–3,9 – напряжение механизмов адаптации; 3,10–3,49 – неудовлетворительная адаптация; 3,5 и выше – срыв адаптации.

Результаты исследования. Среди 33 опрошенных студентов 2 курса лечебного факультета – 10 юношей и 23 девушки в возрасте от 18 до 20 лет. На основании рейтинга академической успеваемости респонденты были разделены на три группы: слабоуспевающие (рейтинг 4,0–6,0) – 10 человек (6 юношей и 4 девушки), среднеуспевающие (рейтинг 6,1–8,0) – 13 человек (3 юноши и 10 девушек) и хорошо успевающие студенты (рейтинг 8,1–10,0) – 10 человек (1 юноша и 9 девушек).

Распределение данных о росте, массе тела, величине артериального давления и частоте пульса респондентов в зависимости от величины рейтинга представлены в таблице 1.

Наиболее низкие значения роста и массы тела зарегистрированы в группе хорошо успевающих студентов. По нашему мнению, это обусловлено тем, что 9 из 10 опрошенных – это девушки. Самые низкие показатели величины артериального давления и частоты пульса также были характерны для студентов с высоким рейтингом.

Таблица 1 – Рост, масса тела, величина артериального давления и частота пульса респондентов

Параметры	Группы студентов		
	слабоуспевающие	среднеуспевающие	хорошоуспевающие
Рост, см	173,00 (167,25; 178,75)	168,00 (167,00; 177,00)	165,00 (164,00; 169,50)
Масса тела, кг	72,00 (56,25; 81,50)	58,00 (54,00; 60,00)	57,00 (53,25; 62,00)
Систолическое давление, мм рт. ст.	115,00 (110,00; 120,00)	120,00 (110,00; 120,00)	110,00 (110,00; 119,00)
Диастолическое давление, мм рт. ст.	75,00 (70,00; 83,50)	80,00 (70,00; 80,00)	70,00 (62,50; 78,00)
Пульс, ударов в минуту	76,00 (70,25; 80,00)	75,00 (70,00; 80,00)	73,50 (67,00; 75,75)
Примечание – в таблицах 1 и 2 данные представлены в виде Me (LQ; UQ)			

Во всех группах опрошенных студентов на основании оценки величины вегетативного индекса Кердо установлена уравновешенность симпатических и парасимпатических влияний (таблица 2).

Таблица 2 – Значения вегетативного индекса Кердо, адаптационного потенциала сердечно-сосудистой системы, уровней стрессоустойчивости и стресса у студентов

Показатели	Группы респондентов					
	Слабо-успевающие		Средне-успевающие		Хорошо-успевающие	
	Me (LQ; UQ)	Оценка	Me (LQ; UQ)	Оценка	M (LQ; UQ)	Оценка
Вегетативный индекс Кердо	0,70 (-5,40; 8,70)	УСПВ	0,00 (-14,30; 5,90)	УСПВ	7,30 (-5,00; 11,10)	УСПВ
Адаптационный потенциал	1,40 (1,28; 1,50)	УА	1,30 (1,21; 1,37)	УА	1,20 (1,11; 1,37)	УА
Стрессоустойчивость	125,50 (62,00; 171,25)	ПЧ	72,00 (56,00; 97,00)	СЧ	88,50 (44,75; 105,50)	ПЧ
Уровень стресса	20,00 (15,00; 40,00)	Выраженный	20,00 (14,50; 24,00)	Выраженный	32,00 (29,25; 33,38)	Сильный
Примечание: УСПВ – уравновешенность симпатических и парасимпатических влияний; УА – удовлетворительная адаптация; ПЧ – повышенная чувствительность к стрессу; СЧ – средняя чувствительность к стрессу						

Величина адаптационного потенциала указывает об удовлетворительной адаптации также во всех группах респондентов. Повышенная чувствительность к стрессу зафиксирована в группе слабо- и хорошо успевающих студентов, тогда как в группе среднеуспевающих обнаружен средний уровень стрессочувствительности. Уровень стресса в группах слабо-

и среднеуспевающих студентов был выраженным, тогда как в группе хорошо успевающих его величина свидетельствовала о сильном стрессе. Далее мы отдельно проанализировали тех респондентов, у которых согласно оценке уровня стресса, наблюдается истощение. В группе с низким рейтингом таких студентов было выявлено 3, тогда как в группах со средним и высоким рейтингом только по 1.

Заключение. Отсутствует зависимость выраженности симпатических и парасимпатических влияний от рейтинга студентов. Величина адаптационного потенциала одинакова в группах слабо-, средне- и хорошо успевающих студентов. Уровень стрессочувствительности более высок в группах слабо- и хорошо успевающих студентов, что свидетельствует о снижении их стрессоустойчивости. В группе среднеуспевающих студентов он средний. У всех студентов зарегистрирован выраженный уровень стресса.

Список использованных источников

- 1 Щербатых, Ю. В. Психология стресса и методы коррекции/ Ю. В. Щербатых. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 256 с.
- 2 Щербатых, Ю. В. Психология стресса / Ю. В. Щербатых. – М. : Изд-во Эксмо, 2005. – 304 с.
- 3 Кердо, И. Индекс для оценки вегетативного тонуса, вычисляемый из данных кровообращения / И. Кердо // Спортивна Медицина. – 2009. – № 1–2. – С. 33–44.
- 4 Баевский, Р. М. Оценка адаптационного потенциала системы кровообращения при массовых профилактических исследованиях населения / Р. М. Баевский, А. П. Берсенева, Н. Р. Палеев // Экспресс – информация. – М. : ВНИИМИ, 1987. – 65 с.

Е. В. Колдунова

Научный руководитель: **С. В. Остапчук**, старший преподаватель
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Беларусь

КСЕНОФОБИЯ И РИГИДНОСТЬ У СТУДЕНТОВ И СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В статье рассматривается понятие “ксенофобии” и вид ксенофобии, основанный на этнических различиях. Подчеркивается важность толерантности по отношению к другим народам. Описывается понятие “психической ригидности” и противоречивый характер исследований данной проблемы. Также представлены результаты эмпирического исследования данных феноменов и особенностей их проявления у студентов и старшеклассников.

Ключевые слова: ксенофобия, социальная фобия, психическая ригидность, профилактика ксенофобии.

Проблема ксенофобии является одной из самых широко обсуждаемых и сложных проблем современного мира. Человечество вынуждено сегодня существовать в условиях растущей социальной нестабильности, пандемии и как следствие, углубления экономического кризиса, изменения условий существования личности в социуме, формирования новых параметров социализации личности. На фоне локальных войн и «цветных» революций резко возрастают миграционные потоки.

В тоже время, с развитием процессов глобализации и миграции, более значимыми становятся культурные и индивидуальные особенности. Люди стремятся сохранить уникальность уже знакомого, комфортного и безопасного мира. До сих пор, человек продолжает проводить видимые и невидимые границы, отделяя себя от чужих, незнакомых, таким образом пытаясь справиться со своими страхами и обезопасить себя.

Ксенофобия – это проявление ненависти, неприязни или нетерпимости в отношении кого-либо или чего-либо неизвестного, непривычного [1]. Данный феномен приводит к различным

проявлениям нетерпимости в разных формах. В современном мире наибольшее распространение получил вид ксенофобии, основанный на этнических различиях. Он имеет свою специфику, он действует на уровне отдельной личности, группы, общества и на государственном уровне. Ксенофобия имеет множество причин, как психологических, так и социальных.

По данным ежегодного доклада 2018 года В. Энгеля, отмечается, что, например, в Польше за 2017 год было зарегистрировано 1449 правонарушений. Из них 536 случаев (31,4 %) касались преступлений на почве расовой ненависти, 350 случаев (20,5 %) касались насилия или незаконной угрозы по признаку расы, национальности, этнической принадлежности. Чаще всего жертвами становились мусульмане (328), украинцы (190), евреи (112) [2]. Однако, несмотря на тысячелетние традиции совместного проживания различных народов, Беларусь также, как и другие страны, не свободна от ксенофобии и проявления нетолерантности по отношению к другим народам.

Психическая ригидность является важной чертой личности индивида, которая проявляется как затрудненность в изменении намеченной человеком деятельности в условиях, требующих ее изменений. Данная черта личности значительно осложняет адаптацию индивида. Проявление психической ригидности в структуре личности носит разный характер. Индивид не может изменить свою психическую установку, изменить действие или отношение, реагировать на новую ситуацию, а также поставить себя на место другого человека. Знания о психической ригидности в момент появления и протекания в состоянии эмоциональной напряженности или состояния стресса, имеет большое значение во всех сферах деятельности человека, в том числе и в межрасовых и межрелигиозных взаимодействиях.

По данным исследования Е. Н. Юрасовой для ксенофобов характерна ригидность и полярность мышления [3]. В связи с этим нами было проведено исследование на изучение связи ксенофобии и ригидности у студентов и школьников.

Цель исследования: выявить особенности проявления ксенофобии и ригидности у студентов и школьников.

Выборку исследования составили 90 человек. Студенты гуманитарного и факультета информационных технологий (18 девушек, 25 юношей) УО «Полоцкий государственный университет». Учащиеся 11 и 10 классов (33 девушки, 14 юношей), ГУО «Гимназия №1 г. Новополоцка». В исследовании были использованы следующие методики: «Опросник уровня ксенофобии Е. Н. Юрасова», «Методика измерения ригидности» (Н. В. Киршева, Н. В. Рябчикова). Полученные данные были подвергнуты математико-статистической обработке с помощью критерия U Манна-Уитни, коэффициента ранговой корреляции Спирмена, критерия χ^2 Пирсона.

Для диагностики уровня ксенофобии был использован «Опросник уровня ксенофобии» (Е. Н. Юрасова). По результатам данной методики было выявлено, что среди студентов и школьников большинство имеют средний уровень ксенофобии 48%, низким уровнем ксенофобии обладает 46 % выборки, и высоким уровнем ксенофобии 6%.

Для диагностики уровня ригидности испытуемых была использована «Методика измерения ригидности» (Н. В. Киршева, Н. В. Рябчикова).

По результатам данной методики среди испытуемых одинаковое количество ригидных респондентов: 50% не способны поменять свою точку зрения даже в условиях объективной необходимости изменения и 50% респондентов, проявляющих черты ригидности и мобильности.

По результатам математико-статистической обработки данных с помощью метода ранговой корреляции Спирмена мы не обнаружили статистически значимой взаимосвязи ($p=0,79$ при $r=-0,02$) между ксенофобией и ригидностью у студентов и школьников. Далее был рассмотрен уровень выраженности ксенофобии и ригидности у студентов и школьников. Для этого была проведена математико-статистическая обработка полученных данных с помощью U критерия Манна-Уитни.

Таблица 1 – Различия между студентами и школьниками в уровне ксенофобии и ригидности

Переменные	Сумма рангов		U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости p
	Студенты	Школьники		
Ксенофобия	2248,5	1846,5	718,5	0,01
Ригидность	1748,0	2347,0	802,0	0,09

Из таблицы мы видим, что переменная ксенофобия имеет $p=0,01$. Из этого следует, что взаимосвязь статистически значима. Показатели уровня ксенофобии у студентов выше, чем у школьников. Это означает, что студенты более склонны к проявлению ксенофобии. Для них характерно выражение неприязни, нетерпимости по отношению к человеку другой национальности.

По результатам нашего исследования большинство студентов (79%) и школьников (91%) имеют родственников другой национальности, а также большинство студентов (72%) и школьников (55%) имеют друзей другой национальности. Они любят путешествовать и имеют эту возможность.

Ксенофобия как социальная фобия чаще проявляется в детстве или в момент полового созревания. Множество исследований по мониторингу толерантности и ксенофобии показали, что наименее толерантная и наиболее склонная к ксенофобическим установкам часть общества – старшие школьники и молодежь [4]. В данный период закладываются основы ксенофобического мышления. В детском возрасте появляются предубеждения, когда ребенок начинает понимать различия, например, в цвете кожи.

Низкий уровень ксенофобии, преобладающий у школьников, мы связываем с предположением о том, что существует разница личного опыта в общении с реальными людьми у студентов и школьников. Чем меньше человек взаимодействовал в своей жизни с представителями других народов, рас, тем ниже у него уровень ксенофобии. Т.к. по месту учебы студенты больше взаимодействуют с людьми другой национальности, можно предположить, что такое взаимодействие не всегда носит позитивный характер.

Для выявления выраженности уровня ригидности в зависимости от пола респондентов проводился расчет χ^2 Пирсона. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Значения χ^2 Пирсона для переменных «пол» и «ригидность»

Переменные	Значение χ^2 Пирсона	Уровень значимости p
Пол/ Ригидность	7,64	0,005

Из таблицы мы видим, что уровень $p=0,005 < 0,05$. Из этого следует, что взаимосвязь статистически значима. Девушки оказались более ригидны, чем юноши. Юноши более склонны проявлять черты ригидности и мобильности. Результаты исследований данной проблемы имеют противоречивый характер. Например, Х. Гетцков выявил, что женщины более ригидны, чем мужчины [5]. В исследованиях А. Лачинс и И. Лачинс, У. Виртлер и А. Англеитнер отмечается колебание различий по психической ригидности между полами в зависимости от возраста. Так, например, девушки менее ригидны, чем юноши, но женщины среднего возраста уже ригиднее мужчин. В 70- 80 лет мужчины более ригидны, чем женщины [5, 6]. В поиске ответа на вопрос о причинных различий в проявлениях данного феномена в связи с половым диморфизмом, большая часть исследователей видят их скорее в социальном, чем в биологическом. Также Г. В. Залевский выявил тенденцию к более ригидному поведению девушек в возрасте 12–20 лет. В последующем исследовании в возрастном диапазоне 18–45 лет, была выявлена тенденция к сглаживанию различий между полами с нарастанием возраста, как в норме, так и в патологии [7].

Таким образом, при анализе связи ксенофобии и ригидности у студентов и школьников были получены следующие результаты: у школьников и студентов не обнаружена значимая взаимосвязь между ксенофобией и ригидностью. Существуют значимые различия в уровне ксенофобии у студентов и школьников. Также были обнаружены значимые различия в выраженности уровня ригидности у юношей и девушек. Нам представляется необходимым проведение профилактики расовой и национальной нетерпимости, воспитание терпимости и толерантности в рамках учебного процесса, а также развивать коммуникативные навыки, умения разрешать конфликты ненасильственными методами. Очень важно формировать навыки толерантного сознания, доброжелательного отношения к людям другой национальности.

Список использованных источников

- 1 Апанасюк, Л. А. Ксенофобия как предмет социально-культурного исследования [Электронный ресурс] / Л. А. Апанасюк // Вестник ТГУ. – 2013. – № 12. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/ksenofobiya-kak-predmet-sotsialno-kulturnogo-issledovaniya/viewer>. – Дата доступа: 09.05.2020.
- 2 Энгель, В. Ксенофобия, радикализм и преступления на почве ненависти в Европе / В. Энгель. – М. : Эдитус, 2018. – 106 с.
- 3 Юрасова, Е. Н. Психологические особенности лиц, склонных к экстремизму, терроризму и ксенофобии / Е. Н. Юрасова // Юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 60–68 с.
- 4 Солдатова, Г. У. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии / Г. У. Солдатова, А. В. Макаруч. – М. : Генезис, 2006. – 256 с.
- 5 Guetzkow, H. An analysis of the operation of set in problem solving behavior / H. Guetzkow // Journ. General Psychology. 1991. – Vol. 45. – P. 219–244.
- 6 Luchins, A. Rigidity of behavior / A. Luchins, E. Luchins. – Eugene Oregon, 1989. – 234 p.
- 7 Залевский, Г. В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке и патологии) / Г. В. Залевский. – М. : Томск: Томский государственный университет, 2004. – 460 с.

М. А. Копачёва

Научный руководитель: **С. А. Виноградова**, старший преподаватель
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ АКТИВНОСТЬЮ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье рассматривается социальная тревожность как фактор, взаимосвязанный с активностью в социальных сетях. Автором приводятся данные эмпирического исследования проявлений социальной тревожности студентов с различной активностью в социальных сетях.

Ключевые слова: интернет-пользователи, социальные сети, виртуальная коммуникация, индивидуально-психологические особенности, социальная тревожность, юношеский возраст.

Электронная коммуникация стала неотъемлемым элементом социальной активности современного молодого человека. Рост популярности электронных сетей обусловил необходимость пересмотра феноменологии общения с учетом новых технологических возможностей, изучение психологических особенностей активных пользователей социальных сетей, а также влияние такого рода коммуникации на пользователей.

В то время, как социальные сети могут быть удобным способом поддержания связей, проблема возникает в том случае, если их использование, особенно людьми с определенными личностными особенностями, приводит практически к полному исключению телефонного или личного взаимодействия. По мнению специалистов, возможные негативные последствия интернет-общения таковы: нарушение способности к коммуникации с реальными людьми, утрата самоидентичности, формирование компьютерной и интернет-аддикции, деформация ценностных ориентаций, информационный стресс, неврозы, депрессивные состояния [1–3].

Немаловажным явлением в области психического здоровья является повышение уровня социальной тревожности, которое сопровождается снижением настроения, потерей надежды и социальной изоляцией. Социальные сети создают определенные условия для избегания непосредственных контактов и могут быть привлекательными для людей с высоким уровнем социальной тревоги [4].

Социальная тревожность – сложный конструкт, включающий в себя такие параметры, как повышенная озабоченность оценками со стороны других, высокий уровень стресса в социальных ситуациях, а также избегание этих ситуаций [5].

Один из способов, которым люди с социальной тревожностью злоупотребляют социальными сетями – это замена плохих личных отношений сетевыми связями. Исследователи Lee и Stapinski [6] называют это поведение «гипотезой социальной компенсации». Они обнаружили, что люди с социальной тревогой делают это в ошибочной попытке изобразить свое «истинное Я», сохраняя при этом большую степень анонимности. Исследователи говорят о том, что социальные сети вносят свой вклад в дефицит социальных навыков и повышенную социальную тревожность у молодых людей [5].

В нашем эмпирическом исследовании мы предполагаем, что между социальной тревожностью и временем проведением в социальных сетях существует взаимосвязь. Таким образом, целью исследования стало изучение социальной тревоги у студентов с различной активностью в социальных сетях.

Исследование было проведено в ВГУ имени П. М. Машерова на факультете социальной педагогики и психологии и факультета информационных технологий и математике в количестве 67 человек. В ходе исследования был использован метод анализа научной, психолого-педагогической литературы; психодиагностические методы («Социальная тревожность М. Либовица (LSAS)» в модификации О. А. Сагалковой, Д. В. Труевцева) и для активности, способов и средств общения мы использовали «Анкета активного пользователя». Она включает в себя 12 вопросов, где необходимо выбрать один или несколько вариантов ответа.

В результате проведенного исследования были получены данные свидетельствующие о том, что социальные сети стали неотъемлемой частью жизни молодых людей. Результаты опроса показали, что 100% респондентов имеют аккаунт в социальной сети, а «ВКонтакте» по праву стал истинно молодежной социальной сетью. У многих опрошенных есть аккаунты сразу в нескольких социальных сетях.

Студенты, как молодое поколение, получающее образование, готовое к профессиональному самоопределению, самореализации и преобразованию нашего общества является по ряду причин ключевой аудиторией сегодняшнего интернет-пространства.

По продолжительности времени, проводимого в социальных сетях, были получены следующие данные. Так, 4,5% проводят в социальных сетях меньше 30 минут, 9,0% от 30 минут до 1 часа, 14,9% студентов уделяют социальным сетям от 1 часа до 3, а 23,8% более 3 часов. Не заходят каждый день – 6,9% студентов, находятся постоянно в режиме «онлайн» – 12,0% студентов, не ведут подобные подсчеты – 29,8% студентов. Последняя цифра может свидетельствовать и о не активном использовании данного вида общения, так и о попытке скрыть истинную информацию в случае уже сформированной зависимости.

По методике «Социальная тревожность», были получены результаты «общей социальной тревожности» путем сложения шкал «избегания» и «страха», наглядно представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты распределения студентов на уровни по шкале «Общая социальная тревожность»

Уровень социофобии	Кол-во студентов	А	П	% от общего числа	% А	% П
1 – менее 58 баллов	38	13	12	56,7	52,0	66,6
2 – от 58 до 64 баллов	9	4	1	13,4	16,0	5,6
3 – от 65 до 72 баллов	10	5	3	14,9	20,0	16,7
4 – от 73 до 80 баллов	9	5	1	13,4	12,0	5,6
5 – более 80 баллов	1	0	1	1,6	0,0	5,6

Примечание: А – активные пользователи (более трёх часов, постоянно в режиме «онлайн»); П – пассивные (30 минут и меньше, от 30 минут до 1 часа, от 1 часа до 3 часов).

Как видно из таблицы около 56,7% результатов расположены ниже границы для диагностирования какой бы то ни было степени социофобии. По результатам методики лишь у 1,6% была выявлена серьезная форма социофобии, ещё 13,4% диагностирована генерализованная форма социофобии. Ещё 14,9% находятся в группе с повышенным уровнем социальной тревожности и 13,4% в группе с умеренным уровнем социальной тревожности. Результаты из этой группы не говорят о социофобии как таковой, но могут свидетельствовать о затруднениях в каком-либо конкретном виде деятельности.

Для обнаружения статистически значимых различий, нужно провести сравнительный анализ, что и было проделано далее в нашей работе. Сравнительный анализ у студентов с различной интенсивностью в социальных сетях выявил статистически значимых различий между показателями «Уровень избегания», «Уровень страха и тревоги» и «Общей социальной тревожности».

Таблица 2 – Результаты сравнения показателей у студентов в зависимости от активности нахождения в социальных сетях

Показатели	Проводят в социальных сетях от 1 до 3 часов (N=9)	Проводят в социальных сетях более 3 часов (N=18)	Постоянно находятся в режиме «онлайн» (N=9)
Общая социальная тревожность	18,83	24,65	22,03
Уровень избегания	18,06	25,09	22,00
Уровень страха и тревоги	17,67	25,35	21,94

Из таблицы 2 видно, что студенты, которые проводят в социальных сетях более трёх часов в день или постоянно находятся в режиме «онлайн», имеют более высокие показатели по всем параметрам социальной тревожности. По сравнению с испытуемыми, которые проводят в социальных сетях от одного до трёх часов, имеют высокие показатели страха негативной оценки со стороны окружающих, испытывают большой уровень страха и тревоги в социальных ситуациях, а также чаще их избегают.

Возможно, проводя большое количество времени в социальных сетях, молодые люди избегают каких-либо социальных контактов, которые могут оказаться для них травмирующими, что может способствовать росту их социальной тревоги. Можно предположить, что интенсивность нахождения в социальных сетях обусловлена возможностями, которые перед ними открываются, например, мгновенный обмен сообщениями, аудио, изображениями между пользователями и группой, прослушивание аудио и просмотр видео, участие в различных

сообществах и многое другое. Но это всё может быть проявление некоторой формы активности, которая включает в себя одновременное использование различных функций социальных сетей, а не восприниматься как общение.

В результате проведенного эмпирического исследования и последующего корреляционного анализа можно сделать вывод о том, что между социальной тревогой и интенсивностью нахождения в социальных сетях существует взаимосвязь

Так, установлено, что время в социальных сетях коррелирует с дистрессом ($r = 0,262$, $p < 0,05$), избеганием ($r = 0,307$, $p < 0,05$) и общей социальной тревогой ($r = 0,274$, $p < 0,05$).

По более подробным показателям корреляции отслеживается, что чем больше времени пользователи проводят в социальных сетях, тем в большей степени склонны к избеганию социальных ситуаций и пугающих для них прямых социальных контактов и, всё это способствует росту социальной тревожности.

Виртуальные связи, по мнению многих авторов [2, 7, 8] отличаются не в лучшую сторону по сравнению с личным общением, и в большинстве случаев они являются бедной заменой реальному. Социальные навыки не могут быть развиты, и реальные отношения не могут быть построены за стенами, которые предлагают анонимность и физическое разделение, и, если контакт остается виртуальным, это может только усилить социальную тревогу и изоляцию, которая так часто сопровождает его.

Анализ полученных результатов эмпирического исследования позволил установить связь между социальной тревогой и активностью нахождения в социальных сетях, а данные из анкеты удостоверяет лишний раз в том, что социальные сети стали неотъемлемой частью современного молодого поколения. Мы полагаем, данный феномен заслуживает более тщательного и углубленного изучения.

Выборку нашего исследования представили студенты вуза, для которых была разработана и реализована коррекционная программа, направленная на снижение социальной тревоги у лиц юношеского возраста, которая может быть использована психологами, кураторами высших и средне-специальных учебных заведений при организации работы с учащимися.

Список использованных источников

- 1 Войскунский, А. Е. Психология и интернет / А. Е. Войскунский. – М. : Акрополь, 2010. – 439 с.
- 2 Гордилов, А. В. Виртуальное общение и проблема саморегуляции информационно-коммуникативного поведения личности в интернет-сообществах / А. В. Гордилов // Сборник конференций социосфера. – 2011. – № 17. – С. 15–19.
- 3 Плешаков, В. А. Перспектива развития теории киберсоциализации человека в XXI веке / В. А. Плешаков // Идеи и идеалы. – 2011. – № 3. – С. 47–62.
- 4 Рябкина, З. И. Взаимосвязь личностных характеристик пользователей социальных сетей интернета с особенностями их активности в сети / З. И. Рябкина, Е. И. Богомолова // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 6. – С. 273–275.
- 5 Холмогорова, А. Б. Общение в интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп / А. Б. Холмогорова, Т. В. Авакян, Е. Н. Клименкова, Д. А. Малокова // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – № 4. – С. 102–129.
- 6 Lee, B. W. Seeking safety on the internet: Relationship between social anxiety and problematic internet use / B. W. Lee, A. Stapinski // Anxiety disorders. – 2012. – Vol. 26, № 1. – P. 197–205.
- 7 Бондаренко, Т. А. Общение в виртуальном мире интернета / Т. А. Бондаренко // Вестник ДНТУ. – 2009. – № 9. – С. 216–223.
- 8 Заморский, В. В. Роль социальных сетей в ценностных трансформациях молодежи / В. В. Заморский // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5. – С. 60–63.

А. И. Лукашев

Научный руководитель: **А. Н. Крутолевич**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СИМПТОМАТИКИ РАССТРОЙСТВА АДАПТАЦИИ И ПРОЯВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ, А ТАКЖЕ ДЕПРЕССИИ У ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена исследованию взаимосвязи расстройства адаптации и проявлений социально-психологической адаптации с симптоматикой депрессии. В статье рассматривается феномен расстройства адаптации и два его симптома: озабоченность проблемой и неспособность адаптироваться. Статья раскрывает содержание понятий социально-психологическая адаптация и депрессия. В результате исследования было установлено, что подростки, которые сообщают о более выраженной симптоматике расстройства адаптации, чаще испытывают более тяжелые проявления депрессии и более дезадаптивны.

Ключевые слова: стресс, депрессия, адаптация, расстройство адаптации.

Стресс – неотъемлемая часть жизни современного человека. Темп современной эпохи предъявляет высокие требования к личности, и стремление этим требованиям соответствовать приводит к повышенному переживанию стресса. Г. Селье дал следующее определение стрессу. Стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование [1]. Это значит, что стресс возникает на любое требование окружающей среды, вне зависимости от характеристик этих требований. Стресс вызывается стрессовыми ситуациями, это может быть: физический дискомфорт, боль, испуг, перенапряжение, унижение, конфликты, потеря близкого и т.д. То, как человек реагирует на, неизбежно возникающие на его жизненном пути, стрессовые ситуации, определяет удастся ли ему их разрешить и в какой мере негативный эффект стресса отразится на его здоровье. Способы совладания со стрессом формируются во многом именно в подростковом возрасте, что указывает на особое значение их превентивной коррекции. Если человек не справляется успешно со стрессовыми событиями, то он может обнаружить у себя симптоматику расстройства адаптации.

Расстройство адаптации или расстройство приспособительных реакций является одним из самых распространенных психических расстройств во всем мире, однако в Беларуси оно редко диагностируется. Подобное положение дел обуславливает высокую значимость изучения расстройства адаптации и связанных с ним явлений.

По определению МКБ-11 «расстройство адаптации – это реакция недостаточной адаптации на стрессовое событие, на продолжающиеся психосоциальные трудности или на комбинацию стрессовых жизненных ситуаций, которая, как правило, возникает в течении месяца после и имеет тенденцию к разрешению в течение 6 месяцев, если стрессовый фактор не сохраняется на более длительный срок.

Реакция на стрессор характеризуется симптомами: 1) озабоченностью проблемой, которая заключается в чрезмерном беспокойстве, рецидивирующих и мучительных мыслях о стрессоре или постоянном размышлении о его последствиях, 2) неспособность адаптироваться, т.е. симптомы мешают повседневному функционированию, возникают трудности с концентрацией внимания или нарушения сна, приводящие к нарушению работоспособности. Симптомы также могут быть связаны с потерей интереса к работе, общественной жизни, заботе о других, проведению досуга, приводящему к нарушению в социальном или профессиональном функционировании (ограничение круга общения, конфликты в семье, прогулы на работе и т.д.)» [2, 3, с. 193].

Частота расстройства адаптации колеблется в популяции от 1 до 21 процента, среди пациентов общемедицинской сети – 5-51 процента, среди студентов 14–21 процента. Несмотря на небольшую тяжесть протекания расстройства, при игнорировании его симптомов возможно утяжеление состояния пациента, а также развитие аддиктивного поведения и повышение

суицидального риска [4, с. 64]. Есть данные о связи расстройства адаптации с депрессией, тревогой, алкоголизмом, употреблением наркотиков, суицидальным риском и завершённым самоубийством [5–7].

Расстройство адаптации часто сопровождается: чувством незащищенности, отвержения, вины, беспомощности, пассивности, отрицания, снижением способности к объективной оценке ситуации, ухудшением социального функционирования [4, с. 46–47].

Для того, чтобы более полно рассмотреть феномен адаптации, необходимо изучить его во взаимосвязи с другими нарушениями, такими как депрессия и социально-психологическая дезадаптация. Депрессия это распространенное психическое расстройство, которое представляет из себя период почти каждодневного подавленного настроения, уменьшения интереса к деятельности, как минимум в течение двух недель, сопровождающийся другими симптомами, а именно, трудностями в концентрации внимания, чувством бесполезности, чрезмерным или неадекватным чувством вины, безнадежностью, повторяющимися мыслями о смерти или суициде, изменениями в аппетите или сне, психомоторном возбуждении или торможении, снижении энергии или усталостью [8].

Что касается социально-психологической адаптации, то по определению А. А. Реана «Адаптация – это процесс и результат внутренних изменений, внешнего активного приспособления и самоизменения индивида к новым условиям существования» [9]. А. А. Реан разработал векторную концепцию социальной адаптации. В соответствии с ней были выделены два критерия социальной адаптации: внутренний и внешний. Внутренний критерий включает в себя психоэмоциональную стабильность, личностную комфортность, состояние удовлетворенности, отсутствие дистресса и ощущения угрозы. Внешний критерий связан с соответствием поведения личности с установками и правилами общества, требованиями среды. Личность может быть адаптивной по обоим критериям или иметь дезадаптацию так же по обоим критериям. Однако человек может быть Im-адаптирован (Im – Imaginaty – мнимый) только по одному критерию, имея дезадаптацию по-другому [9]. М. В. Ромм определяет социальную адаптивность по следующим признакам: успешная деятельность; состояние психологического комфорта; возможность полной реализации способностей; достижение самоуважения и уважения в референтной группе [10, с. 183]. Также выделяют ряд других критериев социально-психологической адаптивности личности: удовлетворенность своим социальным статусом, позитивные взаимоотношения в коллективе, наличие адекватной самооценки и т. д. [2, с. 110].

Для изучения связи расстройства адаптации с социально-психологической адаптацией и симптоматикой депрессии было проведено эмпирическое исследование. Были использованы следующие опросники: подростковая версия опросника «Расстройство адаптации – новая модель-8» (ADNM-8), Опросник депрессии А. Бека для подростков и младших школьников и опросник «Социально-психологическая адаптированность» Роджерса-Даймонда. ADNM-8 разработан в 2018 году Е. Kazlauskas и др. на основе ADNM-20 и предназначен для оценки выраженности симптоматики расстройства адаптации [11]. Он состоит из перечня стрессовых ситуаций и двух субшкал: озабоченность проблемой и неспособность адаптироваться. В настоящий момент он адаптируется группой специалистов Вильнюсского и Гомельского государственного университета. Опросник депрессии направлен на выявление симптоматики депрессии [12]. «Социально-психологическая адаптированность» направлена на оценку степени адаптированности-дезаптированности в системе межличностных отношений [13, с. 52].

В исследовании приняли участие 59 учащихся IX–XI классов Государственного учреждения образования «Гимназия №46 г. Гомеля имени Блеза Паскаля». Это были подростки 14–18 лет со средним возрастом 15,5 лет (16 парней и 43 девушки). Все они дали информированное согласие на участие в исследовании. Данные были собраны за апрель-май 2019 года.

Для статистической обработки полученных данных был использован корреляционный критерий Спирмена в компьютерной программе для статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 23 (2016). результаты статистической обработке представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты статистической обработки данных по шкалам ADNМ-8, опроснику депрессии А. Бека и опроснику «Социально-психологическая адаптированность» на предмет взаимосвязи

Шкалы	Шкалы опросника «Социально-психологическая адаптированность»		Опросник депрессии А. Бека
	Адаптивность	Деадаптивность	
Субшкала ADNМ-8 «Озабоченность проблемой»	-0,413**	0,531**	0,681**
Субшкала ADNМ-8 «Неспособность адаптироваться»	-0,472**	0,401*	0,564**
Общий уровень расстройства адаптации по шкале ADNМ-8	-0,471**	0,528**	0,669**
Примечание – * P<0,01; ** P<0,001			

В таблице 1 продемонстрировано, что оба симптома расстройства адаптации, как и его общий уровень, и симптоматика депрессии имеют положительную статистически значимую взаимосвязь. Аналогична ситуация и для состояния деадаптивности, а для адаптивности связь отрицательна. Это значит, что подростки, которые испытывают более выраженную симптоматику расстройства адаптации также переживают более тяжелые симптомы депрессии и проявления деадаптивности, при этом отмечая более низкий уровень адаптивности.

Полученный результат, как и данные о коморбидности других расстройств, может быть объяснен в первую очередь двумя способами. Во-первых, в основе трех психологических состояний могут лежать общие этиологические и патогенетические факторы: физиологическая предрасположенность, стрессовые ситуации, неблагоприятное влияние социальной среды, деадаптивное научение, выученная беспомощность и негативная каузальная атрибуция, дисфункциональные паттерны мышления, руминация и т. д. Во-вторых, не исключено и реципрокное взаимовлияние изучаемых состояний. Так, следствием депрессивного состояния могут выступать нарушения адаптации, так как адаптационные ресурсы подростка существенно снижаются. И наоборот, неспособность к эффективному каждодневному функционированию может стать толчком для развития эмоциональных нарушений.

Полученный результат указывает на важность профилактики расстройства адаптации и учета других нарушений при коррекции в практической работе психолога. Особый акцент при работе следует сделать на предотвращении стрессовых ситуаций в жизни ребенка и формированию адекватных способов совладания с ними.

Список использованный источников

- 1 Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М. : Прогресс, 1979. – 124 с.
- 2 ICD-11 – International Classification of Diseases 11th Revision. The global standard for diagnostic health information [Electronic resource] : 6B43 Adjustment disorder. – Mode of access: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/264310751>. Date of access: 22.08.2019.
- 3 Maercker, A. Диагностика и классификация расстройств, непосредственно связанных со стрессом: предложения для МКБ-11 / А. Маерккер [et al.] // World Psychiatry. – 2013. – № 3. – С. 190–197.
- 4 Шифнер, Н. А. Клинические особенности и варианты динамики расстройств адаптации у студентов / Н. А. Шифнер, А. Е. Бобров, М. А. Кулыгина // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. – 2012. – № 8. – С. 43–61.
- 5 Andreasen, N. C. The predictive value of adjustment disorder: a follow-up study / N. C. Andreasen,

P. R. Hoenk // The American journal of psychiatry. – 1982. – Vol. 139, iss. 5. – P. 584–90.

6 Carta, M. G. Adjustment disorder: epidemiology, diagnosis and treatment / M. G. Carta, G. Balestrieri, A. Murru, M. C. Hardoy // Clinical Practice and Epidemiology in Mental Health. – 2009. – Vol. 9, iss. 15. – P. 1–15.

7 Gradus, J. L. The association between adjustment disorder diagnosed at psychiatric treatment facilities and completed suicide / J. L. Gradus [et al.] // Clinical Epidemiology. – 2010. – Vol. 2. – P. 23–28.

8 ICD-11 – International Classification of Diseases 11th Revision. The global standard for diagnostic health information [Electronic resource] : 6A70 Single episode depressive disorder. – Mode of access: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http%3a%2f%2fid.who.int>. – Date of access: 23.11.2019.

9 Реан, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика / А. А. Реан. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. – 479 с.

10 Ромм, М. В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект / М. В. Ромм. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.

11 Kazlauskas, E. A brief measure of the International Classification of Diseases-11 adjustment disorder: investigation of psychometric properties in an adult help-seeking sample / E. Kazlauskas [et al.] // Psychopathology, 51. – № 1. – 2018. – P. 1–6.

12 Содержание и организация психолого-педагогического сопровождения индивидуального развития воспитанников детских домов и школ-интернатов / И. Н. Пахомова [и др.]; под ред. Л. Г. Александровича [и др.]. – Ярославль : ГОУ ЯО «Центр помощи детям», 2005. – 216 с.

13 Осницкий, А. К. Определение характеристик социальной адаптации / А. К. Осницкий // Психология и школа. – 2004. – № 1. – С. 43–56.

А. А. Матюшенко

Научный руководитель: **Ю. А. Шевцова**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ НА ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ

В статье раскрывается влияние мотивации на обучение студентов, рассматривается классификация учебной мотивации студентов, выделяются факторы (условия), способствующие формированию у студентов положительного мотива к учению.

Ключевые слова: мотивация, обучение, юношеский возраст, студенчество, влияние мотивации на обучение.

Для большинства юных людей, молодость – это еще и студенческая пора, когда им приходится выдерживать довольно большие нагрузки: умственные, физические, нравственные, волевые. Изменение самого студента и его личности, его психологической сферы является основной целью учебной деятельности. Особого внимания заслуживает характеристика мотивов учебной деятельности студентов, так как они непосредственно влияют на качество профессиональной подготовки, на формирование личности специалиста [1].

Понятия «мотив» и «мотивация» у многих авторов отождествляются. Впервые понятие «мотивация» употребил в своем труде А. Шопенгауэр. На данный момент существует много противоречивых мнений, пытающихся на научной основе дать объяснения мотивации. Проблемой мотивации обучения занимались многие отечественные и зарубежные ученые и среди них: В. Г. Асеева, И. А. Васильева и М.Ш. Магомед-Эминова, Е. П. Ильина, В. К. Вилюнаса, А. Н. Леонтьева, П. В. Симонова, П. М. Якобсона; Х. Хекхаузена, Д. В. Аткинсона, А. Г. Маслоу. Существует большое количество теорий мотивации: мотивационные концепции Дж. Роттера, Г. Келли, Х. Хекхаузена, Дж. Аткинсона, Д. Макклелланда, психоаналитические, бихевиористские,

когнитивные, биологизаторские, проблемы мотивации в теории инстинктов, в психологии активности и поведения.

Мотивами, стимулирующими человека к активной деятельности, могут быть самые различные причины. Мотивы – это динамическая система, на которую можно влиять. Даже если выбор профессии студентом был сделан по принуждению и недостаточно осознанно, под влиянием родителей или друзей, то, целенаправленно формируя устойчивую систему мотивов деятельности, можно помочь будущему специалисту в профессиональном становлении. Без мотивации невозможна никакая деятельность. Эффективность учебного процесса непосредственно связана с тем, насколько высока мотивация и высок стимул овладения будущей профессией [2, с. 160].

Состав преподавателей учебного заведения так же отвечает за мотивацию обучения студентов. Для процесса образования важен не только профессионализм преподавателя, но и желание учащегося получать и усваивать информацию, т.е. мотивация к обучению. Зачастую преподаватели думают, что студенты достаточно мотивированы, что они стремятся получить как можно больше знаний. Но это не всегда так, мотивация и достижение цели требует от студента вложения своих ресурсов: времени, сил, стремлений. А как мы уже знаем, люди по природе ленивы и для того чтобы они начали что-то делать, они должны чего-то захотеть, найти цель и таким образом приобрести мотивацию к деятельности.

На мотивацию влияют различные факторы, которые тоже нужно учитывать при организации учебного материала. В случае, если мотивация обучения у студентов низка, это разочаровывает как преподавателей, так и самих студентов. Почему же это происходит. Возможно, преподаватели, сталкиваясь с безынициативным отношением к учебе студентов, не хотят вкладывать столько своих сил в разработку материала для учащихся, и что мы видим в таком случае. Студенты начинают жаловаться на то, что преподаватели не могут передать знания им. Также студенты думают, что преподаватели должны как бы сами вкладывать им в голову знания, таким образом, они являются объектами обучения. А если бы студенты сознательно включались в процесс обучения и являлись уже субъектами, то процесс обучения был бы эффективнее. Важно обращать внимание на то, почему же люди поступают в тот или иной вуз, что ими движет, что мотивирует, ведь от этого зависит успешность обучения. Так же можно рассмотреть мотивацию самих преподавателей, ведь, если у них есть мотивация передать как можно больше знаний студентам и сделать из них профессионалов, то скорее всего, у такого преподавателя будет гораздо больше компетентных учеников, чем у преподавателя с попустительским отношением к преподаванию. Бывает и так, что студенты мотивированы на обучение, но не так как бы хотелось преподавателям, студенты мотивированы на получение оценки, а не на сам результат и получение знаний. В таком случае обучение и сами знания будут весьма поверхностными. Если у учащегося была позитивная мотивация на получение профессиональных знаний, то после обучения, он станет компетентным и успешным в своем деле. Следовательно, чем выше мотивация к учебе, чем она глубже, тем добросовестнее будет обучение и тем больше в нашей стране будет замечательных профессионалов.

Существуют следующая классификация учебной мотивации студентов: познавательные мотивы; широкие социальные мотивы; прагматические мотивы;- профессионально-ценностные мотивы; эстетические мотивы; статусно-позиционные мотивы; коммуникативные мотивы; традиционно-исторические мотивы; утилитарно-практические мотивы; учебно-познавательные мотивы; мотивы социального и личного престижа; неосознанные мотивы. Все, выше перечисленные мотивы, могут проявлять в совокупности или частично, образуя единую мотивацию обучения [2, с. 160-161].

В процессе развития изменяется структура мотива, а так же ее содержание, что происходит из-за изменений преобладающих мотиваторов, чаще всего актуализированных потребностей [3, с. 198].

Среди главных мотивов, обуславливающих мотивацию поступления в вузы, выделяются стремление к общению в молодежной среде высших учебных заведений, значимость выбранной

профессии, ее соответствие интересам абитуриента. Имеются и половые различия. Девушки чаще отмечают большую социальную значимость профессии, широкую сферу ее применения, возможность работать в крупных городах и научных центрах. Юноши чаще указывают на семейные традиции и на то, что выбираемая профессия должна отвечать интересам и склонностям, т.е. мотивация зависит и от пола индивида. Социальные условия жизни существенно влияют на мотивы поступления в вуз. Если для студента доминирующим мотивом является получение престижного диплома, то это свидетельствует о девальвации высшего образования. Еще недавно везде требовался диплом о высшем образовании, и многие студенты поступали в вуз для получения «бумаги», а не самих знаний, просто ради того, чтобы получать повышенную зарплату или иметь статус в обществе выше, чем при получении среднего образования. Хотя на данный момент эти границы размыты. Значимым становится получение диплома, а не приобретение знаний и умений. Обобщив данные различных источников можно выделить наиболее распространенные ведущие мотивы обучения: «профессиональные» и «личного престижа», менее значимы «прагматические» (получить диплом о высшем образовании) и «познавательные». Стоит заметить, на разных курсах роль доминирующих мотивов меняется. На первом курсе ведущий мотив – «профессиональный», на втором – «личного престижа», на третьем и четвертом курсах – оба этих мотива, на четвертом – добавляется и «прагматический». На успешность обучения в большей степени влияли «профессиональный» и «познавательный» мотивы. Для слабоуспевающих студентов были характерны «прагматические» мотивы. Выявлено, что высокая позитивная мотивация может компенсировать фактор недостаточно высоких способностей; но в обратном направлении этот фактор не срабатывает [3, с. 264–265].

Исходя из закона Йеркса-Додсона эффективность учебной деятельности на прямую зависит от силы мотивации. Но такая зависимость сохраняется до некоторого момента, когда мотивация приобретает префикс гипер-, что отрицательно сказывается на эффективности деятельности, т.е. обучении [4, с. 101].

Исследования, посвященные мотивации обучения, говорят о том, что оценка, поощрение, порицание, т.е. различного рода словесные подкрепления, являются воздействиями, мотивирующими учебную деятельность. Однако большинство исследователей приходят к выводу, что такими подкреплениями следует пользоваться очень осторожно, с учетом возрастных и индивидуальных особенностей [5, с. 303].

Всевозможные формы коллективной деятельности учащихся на уроке играют важную роль в становлении мотивации учения. Для ее становления важно включать всех учащихся в активную учебную деятельность. Нужная мотивация может формироваться только в процессе. Однако, приемы, применяемые при индивидуальной форме обучения, не всегда дают должный эффект. Но бывают дети, на которых эти приемы не оказывают ожидаемого действия. Внедрение групповых форм обучения втягивает в активную работу даже таких «глухих» учащихся, так как, попав в группу одноклассников, которые коллективно выполняют задание, ученик не может отказаться выполнять свою часть работы, иначе подвергнется осуждению со стороны товарищей, а их мнением он, как правило, дорожит зачастую даже больше, чем мнением учителя [6].

Выбор профессии зависит от ряда причин: социальных, политических, экономических и т. д. Все это сугубо индивидуально. Разные авторы называют различные мотивы поступления в вуз. Существует следующая классификация учебной мотивации студентов: широкие социальные мотивы, познавательные мотивы, прагматические мотивы, профессионально-ценностные мотивы, эстетические мотивы, статусно-позиционные, коммуникативные мотивы; традиционно-исторические мотивы, утилитарно-практические мотивы, учебно-познавательные мотивы, мотивы социального и личного престижа, неосознанные мотивы.

К сожалению, в процессе обучения допускаются ошибки как самими студентами, так и преподавателями. Например, преподаватели дают студентам много «голых знаний», последние даже не имеют понятия что делать с этими знаниями и как применять их на практике. И если студент не находит применения этим знаниям в будущем, то он естественно теряет интерес, следовательно, мотивацию к обучению. Студенты хотят узнать вещи, которыми бы они могли

пользоваться после обучения, хотят разнообразный процесс обучения, и опять же получать практические знания. Так же очень важно чтобы между студентами и преподавателями был налажен контакт. Бывает и такое, что преподаватели не уважают своих студентов, считая их лентяями и бесперспективными индивидами. Откуда же возьмется мотивация к обучению, если сами преподаватели ее искореняют. Не существует и мотивации обучения к не интересным, по мнению студентов, предметам, это и создает невидимый барьер учебной мотивации.

Список использованных источников

1 Мотивация познавательной деятельности учащихся как эффективное средство их личностного развития мотивации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/opit-po-teme-motivaciya-poznavatelnoy-deyatelnosti-uchaschihsya-kak-effektivnoe-sredstvo-ih-lichnostnogo-razvitiya-1294977.html>. – Дата доступа: 20.03.2019.

2 Мотивация обучения студентов профессиональных учреждений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/98/4633/> – Дата доступа: 20.03.2019.

3 Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 512 с.

4 Гордашников, В. А. Образование и здоровье студентов медицинского колледжа / В. А. Гордашников. – М.: Академия Естествознания, 2009. – 228 с.

5 Гамезо, М. В. Возрастная и педагогическая психология / М. В. Гамезо. – М.: Педагогическое общество России, 2003. – 512 с.

6 Маркова, А. К. Формирование мотивации учения / А. К. Маркова, Т. А. Матис, А. Б. Орлов. – М.: Просвещение, 1990. – 192 с.

А. А. Наливайко

Научный руководитель: **В. Г. Ермаков**, доктор матем. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРЕВОЖНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Данная статья посвящена изучению особенностей тревожности у юношей и девушек. В ней рассмотрены понятия «тревожность», «ребенок», «тревога», а также описаны различия в особенностях личности юношей и девушек с разным уровнем тревожности.

Ключевые слова: тревожность, ситуативная тревожность, личностная личностная, старшеклассники.

В настоящее время число тревожных детей значительно растет, для них характерны повышенная тревожность, незащищенность и эмоциональная нестабильность. Появление и закрепление состояния тревожности зачастую связано с тем, что возрастные потребности ребенка не удовлетворены. Так или иначе, тревожность содержит ярко выраженную возрастную специфику, которую возможно обнаружить в ее источниках, содержании, формах защиты. Для конкретного периода времени есть особые области, объекты реальности, которые имеют все шансы вызывать беспокойство у большинства детей, независимо от присутствия опасности или беспокойства как стойкого образования. Можно привести пример, что маленькие дети боятся темноты, сказочных персонажей или же воображаемых существ. Отсутствие родителей может вызвать беспокойство, например, некоторые родители ходят в кино или отдыхают без детей. Ребенок начинает чувствовать себя брошенным, ему не с кем обсуждать свои проблемы, он не может говорить о своей тревоге, такие дети впоследствии будут бояться одиночества. Однако эта

проблема не ограничивается структурой дошкольного возраста, она не теряет своей актуальности при работе со взрослыми.

Актуальность исследования проблемы тревожности связана с тем, что она не только оказывает влияние на учебную деятельность, но и разрушает личностные структуры ребёнка. Поэтому необходимо вовремя проводить диагностику тревожности, которая будет способствовать формированию адекватного поведения у младших школьников, а также снижению общего уровня тревожности.

Первым, кто выделил и подчеркнул состояние беспокойства и тревоги, был З. Фрейд. Тревога характеризуется как эмоциональное состояние, которое включает в себя переживание ожидания и неопределенности, ощущение слабости. Предоставленная характеристика подчеркивает компоненты рассматриваемого состояния и его внутренние предпосылки.

В данный момент времени исследованию состояния тревожности посвящено множество работ. Особое значение содержит уточнение некоторых теоретических и методологических положений. Как показали почти все исследователи, в первую очередь важно четкое понимание понятий тревоги и состояния личности. Основатель психоанализа З. Фрейд говорил о наличии у человека врожденных влечений – инстинктов, которые воспринимают движущую силу человеческого поведения, поэтому могут определять его настроение. Считается, что возникновение тревоги связано с биологическими нарушениями [1].

К. Хорни утверждала, ребенок ощущает себя в безопасности, если ему ничего не угрожает, это помогает ребенку в дальнейшем нормально развиваться, но если же ребенку что-то угрожает, то он может начать развиваться враждебно по отношению к окружающим его людям, что в дальнейшем приведет к негативному отношению к обществу [2].

А. М. Прихожан указывает, что тревожность – это «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, с предчувствием грозящей опасности» [3, с. 25].

В своей индивидуальной психологии А. Адлер считает, что в основе невроза лежит испуг, боязнь жизни, боязнь любых трудностей, а еще влечение к конкретной позиции в группе людей, которую человек в силу каких-то индивидуальных особенностей не сумел достичь, данным образом можно подметить, собственно, что в основе невроза лежат ситуации, в которых человек в силу обстоятельств проверяет ощущение тревоги [4].

Для изучения аспектов тревожности проводилось исследование на базе государственного учреждения образования «Средняя школа № 67 г. Гомеля». В исследовании приняли участие 35 учащихся в возрасте 15-17 лет.

В качестве психодиагностического инструментария была использована методика субъективной оценки ситуационной (реактивной) и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина. В методике имеются две шкалы: «ситуативная тревожность» (реактивная тревожность как состояние); «личностная тревожность» (как устойчивая характеристика человека). Результаты, которые были получены в ходе исследования, представлены в таблице 1, рисунках 1, 2.

Рисунок 1 – Результаты изучения ситуативной тревожности респондентов

Рисунок 2 – Результаты изучения личностной тревожности респондентов

Таблица 1 – Среднее значение ситуативной и личностной тревожности

Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Среднее значение	
28,5	46,9

Согласно данным, представленным на рисунках и в таблице, преобладающим видом тревожности у старшеклассников является личностная тревожность, то есть устойчивая склонность человека воспринимать ситуацию как угрожающую, реагировать на такие ситуации состоянием тревоги. Среднее значение по данной шкале составляет 46,9 по выборке. Ситуативная тревожность описывается, как напряжение, беспокойство, нервозность. Среднее значение данного вида тревожности составляет 28,5.

У 54 % респондентов выявлен высокий уровень ситуативной тревожности, у 40 % – средний уровень ситуативной тревожности и 6 % опрошенных имеет низкий уровень ситуативной тревожности. Что касается личностной тревожности, то у 6 % старшеклассников низкий уровень личностной тревожности, у 40 % – средний уровень личностной тревожности, 54 % опрошенных имеют высокий уровень личностной тревожности.

Анализируя результаты исследования, можно заключить, что преобладающим видом тревожности у старшеклассников является личностная тревожность. Такие высокие показатели связаны со склонностью человека воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие, реагировать на такие ситуации состоянием тревоги.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что полученные данные считаются основой для последующих исследований по проблеме тревожности. Работу следует осуществлять на уровне всех структурных компонентов тревожности, с ориентацией на ее возрастные и половые «пики» и личные «зоны уязвимости» для каждого ребенка. В профилактике и преодолении тревожности у детей значительную роль играет обеспечение ребенка важным набором средств и методов действий в значимых для него обстановках, выработка персональной действенной модели поведения.

Список использованных источников

- 1 Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд. – М. : Эксмо, 2018. – 480 с.
- 2 Хорни, К. Невротическая личность нашего времени: Самоанализ / К. Хорни; пер. с англ. ; под ред. Г. В. Бурменской. – М. : Прогресс-Универс, 2002. – 286 с.
- 3 Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан. – М. : Воронеж : МОДЭК, 2000. – 273 с.
- 4 Адлер, А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / А. Адлер; пер. с англ. А. А. Валеева, Р. А. Валеевой. – Р/Д.: Феникс, 1998. – 448 с.

Д. Г. Нарук

Научный руководитель: **О. В. Маркевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СТИЛЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

В статье рассматриваются подходы отечественных психологов к проблеме эмоционального интеллекта и стиля саморегуляции. Представлены результаты эмпирического исследования эмоционального интеллекта и стиля саморегуляции юношей и девушек. Также приводятся данные, полученные до и после осуществления коррекционной работы по повышению уровня эмоционального интеллекта и развитию стиля саморегуляции юношей и девушек.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный интеллект, саморегуляция, стиль саморегуляции, поведение, юношеский возраст

В настоящее время социум предъявляет большое количество требований к его членам, особенно к поколению молодых людей. Особое внимание уделяется эффективному взаимодействию юношей и девушек с окружающими, их социальной успешности. Поэтому возникает интерес к изучению способности человека к адаптации в обществе, что обусловлено управлением своим эмоциональным состоянием и поведением. Таким образом, эмоциональный интеллект и саморегуляция поведения являются важными аспектами жизнедеятельности личности, а также ресурсами развития успешной адаптации к условиям изменяющейся среды и эффективной коммуникации.

Среди отечественных ученых проблемой эмоционального интеллекта занимались Г. Г. Гарскова, Э. Л. Носенко, О. И. Власова, С. П. Деревянко, М. А. Манойлова, Г. В. Юсупова, А. П. Лобанов и Е. А. Лобанов и др. Так, например, Г. Г. Гарскова утверждает, что эмоциональный интеллект помогает нам понимать отношения личности, отражаемые в эмоциях, а также управлять ими на основе процессов интеллектуального анализа и синтеза [1, с. 25].

Изучением саморегуляции поведения занимались такие отечественные психологи, как О. А. Конопкин В. И. Степанский, А. К. Осницкий, Ю. С. Жуйков, Н. О. Сипачев, В. И. Моросанова, Р. Р. Сагиев. В данной работе под саморегуляцией мы понимаем систему выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности [2, с. 115]. Эмоциональный интеллект и саморегуляция поведения в юношеском возрасте занимают центральное место во всех сферах жизнедеятельности. Юношеский возраст является активным периодом для развития эмоционального интеллекта и саморегуляции личности.

На основании полученной информации нами было проведено исследование эмоционального интеллекта и стиля саморегуляции юношей и девушек. Также была разработана и проведена коррекционная программа по повышению уровня эмоционального интеллекта и развитию стиля саморегуляции юношей и девушек. После проведения коррекционной работы был осуществлен анализ эффективности данной программы. Эмпирическое исследование проводилось на базе филиала «Гомельский государственный дорожно-строительный колледж имени Ленинского комсомола Белоруссии» УО «РИПО». В исследовании приняли участие 50 юношей и 50 девушек.

Полученные данные по двум методикам отражают преобладание средних показателей в уровне эмоционального интеллекта и саморегуляции поведения юношей и девушек. Однако, значимыми оказались также низкие показатели по методикам.

На рисунке 1 графически представлено соотношение общего уровня развития эмоционального интеллекта юношей и девушек от всей выборки испытуемых (n=100) в процентах. Исходя из рисунка 1, можно увидеть, что в общем уровне эмоционального интеллекта юношей и девушек преобладают средние показатели (50 %, 27 юношей и 23 девушки). Помимо этого, значительное количество испытуемых имеет низкий уровень эмоционального интеллекта, а именно 37% и, соответственно, 37 человек (18 юношей

и 19 девушек). Высокий уровень эмоционального интеллекта был отмечен лишь у 13 % из всей выборки испытуемых (5 юношей и 8 девушек).

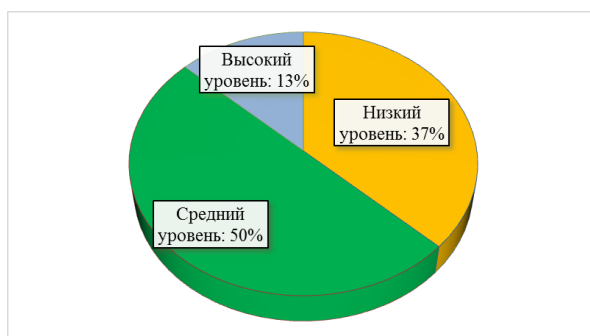

Рисунок 1 – Процентное соотношение общего уровня развития эмоционального интеллекта юношей и девушек

Далее на рисунке 2 представлено процентное соотношение общего уровня развития саморегуляции поведения юношей и девушек.

Рисунок 2 – процентное соотношение общего уровня развития саморегуляции поведения юношей и девушек

Рисунок 2 отражает, что у респондентов преобладает средний уровень общего уровня развития саморегуляции поведения (50%, 26 юношей и 24 девушки). Также нами было выявлено значительное количество испытуемых, имеющих низкие показатели в общем уровне развития саморегуляции поведения (41%, 20 юношей и 21 девушка). Высокий уровень общего уровня развития саморегуляции поведения был обнаружен у 9% опрошенных (4 юноши и 5 девушек). Эти данные стали основанием для разработки и проведения коррекционной программы по повышению уровня эмоционального интеллекта и развитию стиля саморегуляции юношей и девушек.

Для коррекции эмоционального интеллекта и стиля саморегуляции поведения юношей и девушек нами была составлена программа, которая рассчитана на 8 занятий. Длительность каждого занятия 60 минут, периодичность проведения – 2 раза в неделю. В коррекционной работе участвовали 14 человек (6 девушек и 8 юношей), имеющие низкие показатели в уровне эмоционального интеллекта и саморегуляции поведения. Было выбрано такое количество участников, так как оно является наиболее оптимальным для работы. Ведущей идеей коррекционной программы явилась повышение уровня эмоционального интеллекта и развитие стиля саморегуляции юношей и девушек.

Если по результатам первичной диагностики по опроснику эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Д. В. Люсин) у выбранных нами респондентов наблюдалось преобладание низких показателей в общем уровне эмоционального интеллекта (100 % от выборки испытуемых), то по результатам повторной диагностики показатели в общем уровне эмоционального интеллекта

у испытуемых составили: низкий уровень – 0 %, средний уровень – 71,43 %, высокий уровень – 28,57 %. Анализ сопоставления данных, полученных на первичном и вторичном этапах исследования эмоционального интеллекта, показал, что после принятия участия в коррекционной работе общий уровень эмоционального интеллекта у юношей и девушек значительно повысился с низкого уровня до среднего и высокого.

Полученные результаты юношей и девушек по опроснику «Стиль саморегуляции поведения» (В. И. Моросанова) до проведения коррекционной программы также отражают преобладание низких показателей в общем уровне саморегуляции поведения, которые составили 100 % от выборки испытуемых. После проведения коррекционной программы показатели юношей и девушек в процентном соотношении составили: низкий уровень саморегуляции поведения – 7,14 %, средний уровень – 64,29 %, высокий уровень – 28,57 %.

Сопоставительный анализ данных, полученных в результате первичной и вторичной диагностики стиля саморегуляции юношей и девушек, позволяет утверждать, что показатели по опроснику стали значительно выше.

Таким образом, обобщая вышесказанное, можно констатировать, что после проведения коррекционной программы у юношей и девушек наблюдается положительная тенденция к повышению уровня эмоционального интеллекта и саморегуляции поведения. Юноши и девушки стали лучше понимать свои эмоции и эмоции окружающих людей, а также произошло значимое развитие способности к управлению эмоциями.

Кроме этого, повысилась осознанность и взаимосвязанность в общей структуре индивидуальной регуляции поведения юношей и девушек. У испытуемых повысился уровень самостоятельности, гибкости в изменяющихся внутренних и внешних условиях. Также участники программы стали более осознанно подходить к планированию и программированию своей деятельности. Моделирование различных ситуаций для достижения каких-либо целей стало более реалистичным, оценка себя и результатов своей деятельности также стала более адекватной.

Список использованных источников

1 Гарскова, Г. Г. Введение понятия эмоционального интеллекта в психологическую культуру / Г. Г. Гарскова // Тез. науч.-практ. конф. «Ананьевские чтения», Санкт-Петербург, 26-28 октября 1999 г. / Санкт-Петербургский государственный университет; редкол. : А. А. Крылов (отв. ред.) [и др.]. – СПб.: СПбГУ, 1999. – С. 25-26.

2 Моросанова, В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. – М. : Институт психологии РАН, 2007. – 213 с.

Е. С. Парфёнова

Научный руководитель: **И. В. Сильченко**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА СОЦИАЛЬНО ТРЕВОЖНЫХ СТУДЕНТОВ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи копинг-поведения и социальной тревожности у студентов. Установлено, что неконструктивная модель совладающего поведения «избегание» положительно связана с высоким уровнем социальной тревожности, в то время как конструктивная стратегия «ассертивные действия» связана с низким ее уровнем. На основе полученных данных разработана программа психологического-педагогического сопровождения социально тревожных студентов.

Ключевые слова: социальная тревожность, социофобия, копинг-поведение, копинг-стратегии, студенты, ассертивное поведение.

Обучение в вузе предполагает непосредственное взаимодействие с ближайшим социальным окружением. Качество этого взаимодействия во многом определяется такой негативной эмоцией, как социальная тревожность. И. В. Никитина и А. Б. Холмогорова определяют социальную тревожность как «состояние эмоционального дискомфорта, страха, опасения и беспокойства в отношении социальной ситуации и оценки другими людьми» [1].

Социальная тревожность в студенческой популяции стала важной темой исследований западных психологов, в частности, Ф. Зимбардо, Д. Уотсона, Р. Френда, Дж. Кларка, Х. Арковитса, П. Пилкониса, А. Лири, С. Хофмана, Дж. Керана, Дж. Уилсона, Р. Рэппи и других. По итогам опроса, проведенного Ф. Зимбардо среди студентов, около 80 % респондентов в какой-либо момент своей жизни страдали от проявлений социальной тревожности, 40 % опрошенных считали себя подверженными этой проблеме в данный момент [1].

Актуальность проблемы изучения социальной тревожности обусловлена как высокой распространенностью данной проблемы, так и ее негативным влиянием на качество жизни и психическое здоровье молодых людей. О распространенности социальной тревожности у российских студентов свидетельствуют исследования, проведенные в различных московских вузах, которые показали, что более половины студентов испытывают симптомы тревоги средней и высокой степени тяжести (Н. Г. Гаранян 2007; Я. Г. Евдокимова, 2008; М. В. Москва, 2008).

Установлено, что социальная тревожность приводит к трудностям в интерперсональной сфере, которая выражается в дефиците близких поддерживающих межличностных отношений, преобладании формальных, поверхностных контактов, сужении социальной сети и низком уровне эмоциональной поддержки, предшествует заболеванию депрессией и является ее важным предиктором, сказывается на качестве жизни молодых людей, увеличивая риск одиночества, суицида, способствует социальной изоляции [2].

В связи с этим встает вопрос о факторах социальной тревожности, затрудняющих успешное совладание с жизненным стрессом у студентов, или, наоборот, содействующих поддержанию психического здоровья в столь трудный период. На основании анализа данных составлен психологический портрет социально-тревожного студента. Показано, что у студентов с высоким уровнем социальной тревожности наиболее выражены симптомы тревоги и депрессии, выше уровень академического и интерперсонального стресса, более выражены амбивалентность и избегание близкого контакта в отношениях с людьми, снижен уровень социальной поддержки и имеют место наиболее высокие показатели семейных дисфункций [2].

В ряде исследований отмечается зависимость выбора копинг-поведения от уровня социальной тревожности. По мнению многих авторов, студенты с высоким уровнем социальной тревожности преимущественно используют неконструктивные способы совладания со стрессом, в частности, сокращают межличностные контакты, замыкаются в себе. Избегающее поведение, неспособность обратиться за помощью приводят к отставанию в учебном процессе [3]. Таким образом, социальная тревожность может стать серьезной помехой на пути развития и самореализации молодого человека, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Для определения характера связи социальной тревоги и способов совладания у студентов было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 100 студентов 1-3 курсов факультета психологии и педагогики. С помощью опросника социальной тревоги и социофобии (О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев) была определена степень выраженности данного феномена. На рисунке 1 графически представлено процентное соотношение выраженности социальной тревожности у студентов.

Представленные результаты свидетельствуют, что в той или иной степени социальная тревожность присутствует у всех респондентов. Особую тревогу вызывают студенты с клинической социальной фобией, которые составляют 9% выборки, и студенты с высокой социальной тревожностью – 41% студентов.

Рисунок 1 – Процентное соотношение выраженности социальной тревожности у студентов

При этом наиболее высокий уровень тревоги обнаружен по шкалам «постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экстремальных ситуациях» (48 %) и «сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения» (34 %).

Изучение способов преодоления стресса студентами с помощью опросника SACS (автор: С. Хобфолл, адаптация Н. Е. Водопьянова и Е. С. Старченковой). Позволило выявить, что доминирующими моделями поведения являются избегание (70 %) и агрессивные действия (68%).

С помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена установлено, что существует значимая связь между уровнем социальной тревожности и выбором неконструктивных способов стресс совладающего поведения. Так, социальная тревожность положительно коррелирует с «избеганием» ($r = 0.21$; $p \leq 0.05$).

По результатам анализа зарубежной литературы известно, что тревожные личности в стрессовых ситуациях демонстрируют избегающее поведение, направленное на временное облегчение своего беспокойства, а не на устранение внешних факторов стресса посредством проблемно-ориентированного совладания (Rachman и Hodgson, 1996). Это связано со склонностью социально тревожных людей, в ситуациях взаимодействия с другими людьми, воспринимать их как потенциально угрожающие, приводящие неминуемо к негативному оцениванию (критике, осмеянию, отвержению), т.е. склонности испытывать и переживать социальную тревогу, страх оценивания и стремиться избегать такие ситуации.

Отрицательные показатели были выявлены между социальной тревожностью и копинг-стратегией «ассертивные действия» ($r = -0.424$; $p \leq 0.01$). Полученные сведения говорят о том, студенты с высоким уровнем социальной тревожности реже используют такие активные стратегии преодоления, как ассертивные действия. Снижение уровня социальной тревожности увеличивает использование уверенных действий.

Были получены отрицательные корреляции между социальной тревожностью и копинг-стратегией «ассоциальные действия» ($r = -0.215$; $p \leq 0.01$). То есть, при повышении социальной тревоги снижается частота использования ассоциальных действий. И, наоборот, низкий уровень социальной тревожности способствует проявлению ассоциальных действий. Это может быть связано с тем, что ассоциальное поведение обычно осуждается и порицается окружающими как неприемлемое с точки зрения нравственности, а социально тревожные люди обычно испытывают страх перед вниманием со стороны людей даже в сравнительно малых группах и страх столкнуться с возможной негативной оценкой.

Было проведено исследование по выявлению взаимосвязи социальной тревожности по шкалам и копинг-поведения. Положительные корреляции обнаружены между стратегией «избегание» и «тревогой при проявлении инициативы из-за страха критики» ($p \leq 0,01$).

Как отмечают О. А. Сагалакова и Д. В. Труевцев, единство страха критики и избегания является социокультурным феноменом, детерминированный противоречивыми требованиями

и ценностями, ростом числа ситуаций оценивания, с которыми сталкивается человек с самого раннего возраста, а также усугублением последствий неуспешного участия в таких ситуациях, зачастую определяющих все дальнейшее будущее человека без возможности существенно исправить ситуацию. Во многом страх критики как фактор социальной тревожности приводит к вторичным культурно-специфическим расстройствам, в том числе разные типы аутодеструктивного поведения в подростковом, юношеском возрасте, ранней взрослости [4].

Отрицательная корреляционная связь между шкалой «постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях» и таким непродуктивным копингом, как непрямые действия и ассоциальные действия ($r = -0,304$; $p \leq 0,05$), может быть обусловлена тем, что социально тревожные люди заняты анализом прошедшей экспертной ситуации и одновременным желанием избавиться от нерешительности и восполнить нехватку социальных навыков. Они неспособны на какие-либо действия, так как все их мысли заняты проигрыванием прошедшей ситуации. Студенты подвержены внутриличностному конфликту, который заключается в сочетании выраженного мотива достижения, успешной самореализации в ситуациях оценивания и мотива избегания, сопряженного с интенсивной тревогой и страхом оценивания.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что студенты, которые используют продуктивные копинг-стратегии, менее тревожны, а значит, более благополучны в социально взаимодействии.

Список использованных источников

1 Никитина, И. В. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 / И. В. Никитина, А. Б. Холмогорова // Социальная и клиническая психиатрия, 2010. – № 1 (Т. 20). – С. 80–85.

2 Холмогорова, А. Б. Суицидальное поведение в студенческой популяции / А. Б. Холмогорова, Н. Г. Гаранян, Д. А. Горшкова, А. М. Мельник // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 101–110.

3 Краснова, В. В. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация / В. В. Краснова, А. Б. Холмогорова // Психологическая наука и образование. – 2011. – №1. – С. 140–150.

4 Сагалакова, О. А. Психология социального тревожного расстройства / О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев. – Томск: Издательство Том. Ун-та, 2014. – 248 с.

А. Н. Редюк

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

АГРЕССИЯ И АГРЕССИВНОСТЬ У СТУДЕНТОВ, СКЛОННЫХ К РЕАКЦИИ ОБИДЫ

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического анализа обиды как дизъюнктивного чувства, препятствующего здоровой коммуникации, развитию личности студента и получения им качественного образования. Приводятся данные эмпирического исследования на основе методик «Диагностика показателей и форм агрессии» (А. Басса и А. Дарки) и «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильина и П. А. Ковалева), реализованного на базе университетов г. Гомеля.

Ключевые слова: обида, агрессия, агрессивность, студенты, преодоление обиды.

Обида негативно отражается на здоровье и самочувствие студентов, на качестве их взаимоотношений с окружающими людьми, на развитии их личности и на успешности учебного процесса как основного вида деятельности в данном возрастном периоде. Поэтому так важно своевременно организовать помощь студентам в преодолении данного чувства, осознания своих личностных особенностей и обучения конструктивным способам взаимодействия с окружающим миром и самим собой.

Обида – это способ добиться от другого человека удовлетворения собственных потребностей, вызывая чувство вины у партнера, не оправдавшего ожиданий. Это реакция, возникающая в ответ на фрустрацию и депривацию важнейших потребностей индивида. В основе обиды лежит гнев, предназначенный для защиты своих прав в удовлетворении физиологических и личностных потребностей. Но ближайшее окружение не всегда позволяет человеку открыто выражать свое недовольство и агрессию. В таком случае индивид вынужден действовать «обходными», «скрытыми» путями и добиваться того, что ему нужно с помощью воздействия на чувство вины своего партнера [1].

Невозможность реализовать себя – неспособность слышать себя и влиять на ситуацию в нужном для себя направлении, приводит к накоплению агрессии, то есть энергии, позволяющей противостоять препятствиям. Но не реализовавшаяся по назначению энергия блокируется в чувстве обиды на себя, других и жизнь в целом.

Характерной формой выражения обиды выступает ряд негативных эмоций: переживаемых в виде раздражения и возмущения, гнева и ненависти, отвращения и презрения к обидевшему лицу. Обида может принимать как активную, обращенную на других или пассивную, обращенную на себя, форму. Многообразие форм проявления обиды напрямую зависит от психического и функционального состояния человека, от его степени зрелости как личности и от общего уровня культуры.

Сенситивным периодом для развития всех уровней психики и основных социогенных потенциалов является студенческий возраст. В этот сложный и критический период особенно ярко проявляются проблема обиды. Молодые люди очень чувствительны к тому, что думают и как относятся к ним окружающие, потому что именно качество социальных взаимоотношений определяет успешность существования и в конечном итоге степень удовлетворенности своей жизнью. Поэтому в данном возрасте особенно ярко проявляются негативные реакции личности, возрастает ранимость, конфликтность и обидчивость. В качестве компенсации обиды возникают различные агрессивные реакции личности – конфликтность, желание крушить, портить, оскорблять, ранить. Именно агрессия прикрывается обидой.

Агрессия в юношеском возрасте порождается не только фрустрированностью важных личностных потребностей, но физиологическими особенностями данной возрастной группы и неправильными социальными навыками, усвоенными на предыдущих этапах развития.

Теоретический анализ проблемы обиды актуализировал проведение эмпирического исследования «обиды» и «обидчивости» у студентов. Выборку исследования составили 156 юношей и девушек в возрасте 17–21 года, обучающихся в учреждениях высшего образования Республики Беларусь: «Белорусский государственный университет транспорта» и «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

В качестве психодиагностического инструментария были применены методики «Диагностика показателей и форм агрессии» А. Басса и Дарки, «Личностная агрессивность и конфликтность» Е. П. Ильина и П. А. Ковалева. Показатели всех шкал методик были приведены к 10-балльной системе. Респонденты были поделены на две равные группы в зависимости от степени выраженности реакции «обиды». После проверки шкал на нормальность распределения по формулам Е. И. Пустыльника, был осуществлен сравнительный анализ с помощью t-критерия Стьюдента. Результаты расчета представлены в таблице 1.

Анализ полученных результатов позволяет утверждать, что респонденты с высокими показателями по параметру «обида» по сравнению с респондентами из контрольной группы характеризуются повышенной склонностью к «вспыльчивости» ($t = 3,8$), «обидчивости» ($t = 4,8$),

«косвенной агрессии» ($t = 5,0$), «раздражению» ($t = 5,1$), «подозрительности» ($t = 5,7$), «чувству вины» ($t = 5,0$) с высоким уровнем достоверности различий ($p < 0,001$). У них также более выражен показатель «вербальная агрессия» ($t = 3,2$ при $p < 0,01$), «неуступчивость» и «мстительность» ($t = 2,5$ и $t = 2,2$ соответственно при $p < 0,05$).

Таблица 1 – Сравнительный анализ различных характеристик агрессивности и форм агрессии у студентов в выборках с высоким и низким уровнем выраженности реакции обиды

Показатели	Средние баллы по группам		t-критерий Стьюдента	Уровень значимости
	Низкий уровень обиды	Высокий уровень обиды		
Подозрительность	3,41	5,36	5,7	p < 0,001
Раздражение	3,41	5,12	5,1	
Чувство вины	4,91	6,68	5,0	
Косвенная агрессия	4,15	5,57	5,0	
Обидчивость	3,21	4,81	4,8	
Вспыльчивость	4,26	5,71	3,8	
Вербальная агрессия	4,76	5,67	3,2	p < 0,01
Неуступчивость	3,23	3,96	2,5	p < 0,05
Мстительность	4,10	4,83	2,2	
Физическая агрессия	5,10	5,38	1,9	-
Напористость	4,19	4,69	1,6	
Негативизм	4,33	5,08	1,6	
Нетерпимость	3,46	3,92	1,5	
Бескомпромиссность	2,77	3,10	1,0	

Респонденты основной группы более склонны опосредованно выражать накопившееся напряжение (бросание различных предметов, топание ногами, удары кулаком по столу, грубые шутки, озлобленность, сплетни, мрачное состояние и пр.). И в меньшей степени говорить от том, что их действительно волнует. Значимых различий в применении физического воздействия, направленного на причинение вреда, боли и унижений оппоненту в основной и контрольной группе студентов обнаружено не было.

Молодые люди, более склонные к проявлению «обиды», достаточно часто сомневаются в честности и искренности окружающих, они убеждены в том, что им желают нанести вред и страдания, поэтому недоверчиво и настороженно относятся к большинству людей. Они более раздражительны, импульсивны и готовы проявить свои негативные эмоции в ответ на грубость и гнев оппонента.

В основной группе респондентов также более выражен показатель «чувство вины», они чувствуют себя недостаточно уверенными в своей значимости и нужности, поэтому направляет агрессию на себя, чтобы уменьшить риск отвержения со стороны значимых других. А в случае сильной обиды данные студенты более склонны к мщению и неуступчивости.

Более высокие значения по шкале «обидчивость» свидетельствуют о том, что данное свойство прочно закрепилось в качестве доминантной личностной черты, проявляющейся в повышенной обидчивости, направленной на управление другими с помощью собственной беспомощности и приводящая к снижению качества взаимодействия к окружающим миром и людьми.

Таким образом, анализ полученных результатов позволяет утверждать, что респонденты с высокими показателями по параметру «обиды» по сравнению с респондентами из контрольной группы характеризуются повышенной склонностью к «вспыльчивости», «обидчивости»,

«косвенной агрессии», «раздражению», «подозрительности», «чувству вины». У них также более выражен показатель «вербальная агрессия», «неуступчивость» и «мстительность».

Важно отметить, что респондентам с высокими показателями по шкале «обида» свойственны также и более высокие показатели по другим параметрам агрессии и агрессивности. Предотвращение и коррекция агрессивного поведения студентов требует глубокого понимания причин агрессии, свойственной данному возрасту, а также учета их индивидуально-личностных особенностей. Внедрение в процесс обучения различных лекционных, практических, семинарских и коррекционных программ по умению управлять эмоциями будет способствовать развитию личности и значительно обогатит имеющиеся возможности студентов.

Занятия по преодолению обиды должны быть направлены на проработку психотравмирующих факторов, явившихся причиной обиды; развитие умения слушать и слышать себя, свои потребности и мотивы; развитие способности к прямому и экологичному выражению своих эмоций и желаний; развитие умения управления своими эмоциями; повышение самооценки, веры в себя, в свои силы и способности; формирование более адекватного восприятия и принятия себя, других и действительности; расширение поведенческого репертуара в процессе взаимодействия с другими людьми; стимулирование двигательной и творческой деятельности, способствующих раскрытию врожденного потенциала личности.

Таким образом, работа с обидами должна быть направлена прежде всего на удовлетворение потребностей индивида, и тогда высвободившаяся энергия пойдет не на агрессию и восстановление справедливости, а на развитие, что в свою очередь положительно скажется на здоровье и самочувствие студентов, на качестве их взаимоотношений с окружающими, на успешности учебного процесса как основного вида деятельности в исследуемом возрастном периоде.

Список использованный источников

1 Редюк, А. Н. Теоретические аспекты исследования чувства обиды в психологии / А. Н. Редюк // Проблемы и перспективы развития современной науки в странах Европы и Азии : материалы XXIII междунар. науч.-практ. интернет-конф. // Сб. науч. трудов. – Переяслав-Хмельницкий: Переяслав-Хмельницкий гос. пед. ун-т имени Г. Сковороды, 2020. – С. 126–128.

А. А. Сафронова

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРОЯВЛЕНИЯ БУЛЛИНГА И СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассмотрены основные аспекты проблемы буллинга: сущность понятия, ведущие признаки и разновидности. Автором проанализированы основные личностные особенности зачинщиков и жертв буллинга. В статье приводится описание и анализ количественных и статистических данных эмпирического исследования взаимосвязи проявления буллинга и социального интеллекта в подростковом возрасте

Ключевые слова: буллинг, насилие, буллер, жертва, кибербуллинг, социальный интеллект, подростки.

Конфликтные отношения с проявлением разнообразных форм агрессии среди школьников всех возрастов распространены во многих странах. Эта проблема может быть связана с тем, что участниками образовательного процесса являются личностно незрелые субъекты (дети, подростки, юноши), которые еще находятся на пути усвоения основ общественной морали,

формирования уважительного и толерантного отношения к окружающим. С другой стороны, администрация школ и учителя не уделяют должного внимания проблеме школьного буллинга. Д. Олвеус предлагает следующее определение: буллинг – «это особый вид насилия, когда один человек (или группа) физически нападает или угрожает другому человеку (группе), последний из которых слабее и не может себя защитить ни физически, ни морально [1]. Характеристиками буллинга являются: систематическое повторение длительный период времени; субъекты взаимодействия буллинга («буллер» и «жертва») принадлежат к одной социальной системе. Описанные особенности отличают буллинг от случайных конфликтов, ссор или драк.

Виды и проявления буллинга разнообразны: вербальный буллинг (насмешки, присвоение кличек, бесконечные замечания и необъективные оценки, высмеивание, унижение в присутствии других детей и пр.); социальное исключение (бойкот, отторжение, изоляция, отказ от общения с жертвой); физическое насилие (избиение, нанесение ударов, шлепки, подзатыльники, порча отнимание вещей); кибербуллинг (намеренные оскорбления, угрозы, сообщение другим компрометирующих данных с помощью гаджетов) [2].

Жертвой буллинга как правила становится ребёнок, отличающийся от других. Факторами, приводящими к виктимизации, могут стать: физические особенности, отличающиеся модели поведения, выделяющаяся внешность, недостаточно развитые навыки социального взаимодействия, отсутствие опыта жизни в коллективе, проблемы с учёбой и многие другие. В роли инициатора буллинга, как правило, выступают школьники с завышенной самооценкой, стремящиеся к власти и самоутверждению за счет других. Последствия систематического буллинга: утрата уверенности, стресс, психические отклонения разной степени тяжести, самоубийства.

И агрессор, и жертва буллинга имеют определённые проблемы в сфере социального взаимодействия. Мы предположили, что проявления буллинга взаимосвязаны с развитием социального интеллекта. По мнению Дж. Гилфорда, социальный интеллект – это система интеллектуальных способностей, не детерминированную общим интеллектом.

Дж. Гилфорд сосредоточил свои исследования на познании поведения, включив в него шесть факторов: 1) понимание составляющих поведения предполагает восприимчивость к вербальной и невербальной выразительности манеры держаться; 2) понимание разных видов поведения – восприимчивость к дифференциации обобщающих свойств в единой массе внешне проявляемой или ситуативной информации о поведении; 3) понимание отношений поведения – возможность постигать те взаимные позиции, которые существуют между элементами данных о поведении; 4) понимание взаимосвязанных структур поведения – возможность постигать закономерность эволюционирования целостных ситуаций взаимодействия людей, значение их активности в этих случаях; 5) понимание реноваций активности – возможность постижения порвоначального смысла похожего поведения (словесного и несловесного) в разных смысловых контекстах; 6) понимание результатов активности – способность прогнозировать результаты поведения, анализируя известные данные [3].

Эмпирическое исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 72 г. Гомеля». В нем приняли участие 100 подростков (50 мальчиков и 50 девочек), средний возраст которых составил 13,5 лет. Психодиагностические методики: 1) Опросник буллинга «СМОВ» (разработанный Х. Каспером, адаптация С. В. Кривцова, А. Н. Шапкина, А. А. Белич); 2) Методика выявления буллинг-структуры Е. Г. Норкиной; 3) Бланковая методика «Самооценка-25» – СО-25 В. Н. Кунициной.

Для выявления распространенности проявлений буллинга в подростковой среде был использован опросник «СМОВ», результаты исследования представлены в таблице 1.

Часто встречающимися формами проявления буллинга были названы: сверстники и взрослые игнорируют общение (25%); испытывают критику со стороны сверстников и взрослых (35%); не дают свободно общаться другим (15%); оказывают давление на других (15%).

Таблица 1 – Результаты исследования по опроснику «SMOB» Х. Каспера

Шкалы / субшкалы	Уровни		
	низкий	средний	высокий
Шкалы признака буллинга			
не могут свободно общаться	55%	35%	10%
не дают свободно общаться другим	60%	25%	15%
испытывают давление со стороны других	65%	25%	10%
оказывают давление на других	65%	20%	15%
сверстники и взрослые игнорируют общение	50%	25%	25%
отказывают в общении другим	55%	35%	10%
испытывают критику со стороны сверстников и взрослых	50%	15%	35%
критикуют других	70%	20%	10%
получали письменные угрозы	85%	15%	0%
писали письменные угрозы	65%	25%	10%
вынуждены делать то, что неприятно	50%	40%	10%
заставляют других делать то, что неприятно	55%	45%	0%
испытывают угрозы насилия	80%	20%	0%
угрожают насиллием другим	90%	10%	0%
Шкалы частоты буллинга			
больше двух лет назад	100%	0%	0%
больше одного года назад	95%	5%	0%
больше полугода назад	95%	5%	0%
меньше полугода назад	60%	30%	10%
больше двух месяцев назад	60%	40%	0%
меньше двух месяцев назад	80%	15%	5%
меньше одного месяца назад	95%	5%	0%
никогда	80%	20%	0%

Анализ данных, представленных в таблице 2, позволяет говорить о том, что самыми распространёнными ролями в буллинг-структуре являются: наблюдатель (65%); помощник (50%) и защитник (40%). Исполнители ролей наблюдателя и помощника часто не осознают, что их действия в буллинг-процессе наносят столь же глубокий ущерб, что и поведение агрессора.

Таблица 2 – Результаты исследования по методике выявления буллинг-структуры Е. Г. Норкиной

Шкалы	Уровни		
	низкий	средний	высокий
Инициатор	35%	45%	20%
Помощник	10%	40%	50%
Защитник	5%	50%	45%
Жертва	80%	20%	10%
Наблюдатель	15%	20%	65%

Результаты исследования по бланковой методике «Самооценка-25» – СО-25 В. Н. Кунициной представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Результаты исследования по методике «Самооценка-25» – СО-25 В. Н. Кунициной

Свойства	Уровни социального интеллекта		
	низкий	средний	высокий
Предприимчивость	35%	10%	55%
Практичность	25%	15%	60%
Организованность	40%	10%	50%
Сила воли	35%	15%	50%
Самообладание	30%	25%	45%
Хитрость	20%	10%	70%
Проницательность	20%	35%	45%
Предусмотрительность	30%	10%	60%
Дальновидность в отношениях	25%	0%	75%
Интуиция	40%	10%	50%
Выносливость	40%	10%	50%
Безошибочность решений	20%	0%	80%
Умение ладить с людьми	30%	15%	55%
Склонность шутить в беседе, юмор	25%	10%	65%
Соблюдение приличий, воспитанность	35%	15%	50%
Общительность	40%	25%	35%
Умение вести беседу	40%	10%	50%
Уверенность в общении	5%	35%	60%
Знание себя	40%	10%	50%
Знание жизни	35%	0%	65%
Влиятельность	40%	20%	40%
Готовность жертвовать для блага других своими личными интересами	55%	20%	25%
Оптимизм	60%	10%	30%
Способность управлять событиями своей жизни	35%	15%	50%

Данные, представленные в таблице, позволяют сделать следующие выводы: 1) высокий уровень социального интеллекта наблюдается у учащихся, проявляющих следующие черты: предприимчивость, практичность, хитрость, предусмотрительность, дальновидность в отношениях, безошибочность решений, умение ладить с людьми, склонность шутить в беседе, юмор, знание жизни; 2) подростки со средним уровнем социального интеллекта проявляют такие качества, как: уверенность в общении, самообладание, проницательность, общительность, влияние (умение побуждать к принятию решения, изменению точки зрения) и готовность жертвовать для блага других своими личными интересами; 3) для подростков с низким уровнем социального интеллекта характерны такие свойства, как: оптимизм и выносливость.

Для оценки взаимозависимости выраженности ролей буллинг-структуры и уровня социального интеллекта подростков был применен критерий ранговой корреляции Спирмена. Нами было установлено, что подростки с низким уровнем социального интеллекта в буллинг-структуре могут выступать в роли инициатора ($p = 0,017$) и жертвы ($p = 0,093$); подростки со средним уровнем социального интеллекта в ситуации буллинга могут проявлять себя в роли инициатора ($p = 0,055$), помощника ($p = 0,023$), защитника ($p = 0,041$) или наблюдателя ($p = 0,022$); подростки с высоким уровнем социального интеллекта в ситуации буллинга проявляют себя, как защитник ($p = 0,022$) или жертва ($p = 0,011$).

При оценке взаимозависимости выраженности признаков буллинга и уровня социального интеллекта учащихся нами было выявлено: 1) учащиеся с низким уровнем социального интеллекта не могут свободно общаться ($p = 0,018$); не дают свободно общаться другим ($p = 0,043$);

оказывают давление на других ($p = 0,041$); отказывают в общении другим ($p = 0,028$); критикуют других ($p = 0,017$); пишут письменные угрозы ($p = 0,058$); вынуждены делать то, что неприятно и заставляют других делать то, что неприятно ($p = 0,019$ и $0,011$ соответственно); испытывают угрозы насилия и угрожают насилем другим ($p = 0,071$ и $0,016$ соответственно); 2) учащиеся со средним уровнем социального интеллекта не могут свободно общаться ($p = 0,062$); не дают свободно общаться другим ($p = 0,031$); испытывают давление со стороны других и оказывают давление на других ($p = 0,033$ и $0,041$ соответственно); сверстники и взрослые игнорируют их общение ($p = 0,055$); отказывают в общении другим ($p = 0,023$); критикуют других ($p = 0,041$); получали письменные угрозы ($p = 0,091$); вынуждены делать то, что неприятно ($p = 0,022$); испытывают угрозы насилия ($p = 0,061$); 3) учащиеся с высоким уровнем социального интеллекта отказывают в общении другим ($p = 0,019$); испытывают критику со стороны сверстников и взрослых ($p = 0,032$); критикуют других ($p = 0,040$).

При изучении частоты возникновения ситуаций буллинга во взаимосвязи с уровнем социального интеллекта можно сделать следующие выводы: 1) учащиеся с низким уровнем социального интеллекта попадают в ситуации буллинга достаточно часто: от двух месяцев и чаще ($p = 0,041, 0,066, 0,043$); 2) учащиеся, обладающие средним уровнем интеллекта являются участниками буллинга с частотой более чем в 6 месяцев ($p = 0,017, 0,015$), или никогда ($p = 0,062$); 3) учащиеся с высоким уровнем социального интеллекта могут являться участниками буллинга в достаточно большие промежутки времени: более 1-2-х лет назад ($0,017, 0,024$) или никогда ($0,016$). Школьный буллинг существует на протяжении всего существования системы образования, но его проявления постоянно видоизменяются соответственно развитию социальных институтов и технологий. Одним из методов комплексного подхода к профилактике и искоренению проявлений буллинга является развитие социального интеллекта участников образовательного процесса и просветительская работа.

Список использованных источников

1 Аверьянов, А. И. Буллинг как вызов современной школе / А. И. Аверьянов // Modern directions of theoretical and applied researches, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/march-2013>. – Дата доступа: 21.06.2020 г.

2 Жекулина, Т. Травля в школе. Нарративный подход к работе с проблемой / Т. Жекулина. – М.: ООО «Издательство Генезис». – 2018. – 190 с.

3 Кудинова, И. Б. Социальный интеллект как предмет исследования / И. Б. Кудинова, И. С. Вотчин // Сибирский педагогический журнал. – 2005. – №4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-intellekt-kak-predmet-issledovaniya>. – Дата доступа: 22.05.2020 г.

В. В. Стракович

Научный руководитель: **Ю. А. Шевцова**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СПЕЦИФИКА ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматривается уровень эмоционального интеллекта, который определяет характер взаимодействия людей в группе, особую важность это приобретает при взаимодействии лидера и последователей. Лидеру необходимо умение направлять эмоции коллектива в нужное русло – создавать позитивную атмосферу.

Ключевые слова: лидер, лидерство, эмоциональный интеллект, лидерские способности, межличностные отношения.

Проблемы лидерства являются ключевыми для достижения организационной эффективности. С одной стороны, лидерство рассматривается как наличие определенного набора качеств, приписываемых тем, кто успешно оказывает влияние или воздействует на других, с другой, лидерство – это процесс преимущественно не силового воздействия в направлении достижения группой своих целей. Люди, стремящиеся к лидерству, стараются найти способы, позволяющие им максимально быстро добиться успеха и занять лидерские позиции. Люди, идущие за лидером, хотят понять не только, что заставляет их подчиняться его власти, но и как они сами могут влиять на его действия. При этом любой человек оказывается так или иначе вовлечен в отношения «лидер – последователи».

Огромный вклад в исследование данной проблемы внесли идеи Л. И. Айдаровой, Х. Аустин, Г. К. Ашина, Э. Л. Баллачи, В. Беннис, Т. Н. Березиной, Л. И. Божович, И. П. Волкова, П. С. Гуревич, Е. М. Дубовской, Н. С. Жеребовой, Р. Л. Кричевского, Д. Крейч, М. В. Каминской, Н. Н. Обозова, Б. Д. Парыгина, А. В. Петровского, В. В. Селиванова, Н. Ф. Талызиной, Л. И. Уманского, Н. Л. Нагибино, О. К. Филатова и других ученых.

Существуют различные определения лидерства, например, Б. Д. Парыгин понимает под лидерством процесс организации и управления малой социальной группой, который способствует достижению групповых целей [1]. Т. В. Бендас определял лидерство как феномен групповой жизни людей, он проявляется в наделении одного индивида правом оказывать влияние на решение важных групповых задач и на поведение членов группы [2]. С понятием «лидерство» тесно связан другой термин – «лидер». Психолог Дж. П. Кенджеми определил, что лидер – это авторитетный член группы, личностное влияние, которого позволяет ему играть существенную роль в социальных ситуациях.

Люди, которым свойственен высокий уровень эмоционального интеллекта, имеют способности и склонности к высокой осознанности и пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, что в свою очередь позволяет им лучше адаптироваться в социуме и более эффективно выстраивать коммуникацию.

Любой член группы обладает определенным местом в системе отношений членов сообщества друг с другом. Данная позиция может быть названа социально-психологическим статусом. Давайте рассмотрим определение статуса. Итак, статус – это положение человека в системе внутренних отношений, уровень его авторитета в глазах остальных участников. Статус индивида в группе – это социально-психологическая характеристика его положения в системе внутригрупповых отношений, уровень авторитетности для других членов группы. Из отечественных психологов вопросами статуса занимались Т. А. Репина, Я. Л. Коломинский, В. В. Абраменкова.

В ходе анализа психологической литературы мы пришли к выводу о том, что потребность в приобретении и поддержке статуса – одна из важных социальных потребностей в юношеском возрасте. Состояние «аффекта неадекватности» может вызвать угроза утраты имеющегося статуса или невозможность занять определенное положение в структуре групповых отношений [3].

Было проведено исследование взаимосвязи лидерских способностей и эмоционального интеллекта через призму межличностных отношений. В исследовании приняли участие школьники 15–17 лет, общей численностью 60 человек. К ним был применен метод тестирования, в рамках которого применялись три методики: методика социометрического измерения (Дж. Морено); диагностика межличностных отношений (Т. Лири) и методика диагностика лидерских способностей (Жариков Е., Крушельницкий Е.). Была выявлена взаимосвязь лидерских способностей личности с ее статусом в системе межличностных отношений. Также в исследовании принимали участие студенты 18–21 года, общей численностью 80 человек. Был применен метод тестирования, в рамках которого применялись три методики: тест опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев); диагностика эмоционального интеллекта (Н. Холл); диагностика лидерских способностей (Е. Жариков, Е. Крушельницкий).

В ходе проведенного эмпирического исследования было установлено, что преобладающим типом межличностного взаимодействия в группе испытуемых является покорный застенчивый

тип (22 %). Давайте остановимся на этом типе взаимодействия. Как известно, данный тип характерен для личностей, которые склонны к подчинению, щепетильные в вопросах морали и совести, неуверенные в собственных силах, с повышенной склонностью к рефлексии, с заметным преобладанием мотивации избегания неуспеха и низкой мотивацией достижения, и заниженной самооценкой. Из данной выборки 13% испытуемых имеют средний уровень выраженности лидерских способностей.

Меньшее количество из выборки испытуемых получил независимо-доминирующий тип межличностного взаимодействия, был выявлен у одного испытуемого со средним уровнем лидерских способностей. Этот тип сочетается с такими особенностями, как черты самодовольства (или самовлюбленности), дистантность, эгоцентричность, завышенный уровень притязаний, выраженное чувство соперничества, проявляющееся в стремлении занять обособленную позицию в группе.

С высоким уровнем лидерских способностей 10% составил властно-лидирующий тип межличностного отношения. Статус этой группы можно отнести к «звездам». Большой процент набрал статус «предпочитаемые» 53% с властно – лидирующим, покорно-застенчивым, сотрудничающим-конвенциональным и ответственно-великодушным типом межличностного отношения, обладающие разными уровнями лидерских способностей (низким, средним, высоким).

Сопоставив результаты социометрического исследования с данными, полученными при изучении межличностных отношений и лидерских способностей, мы приходим к выводу о том, что социальный статус каждого члена группы не определяет характер восприятия индивидом группы, то есть его отношение к окружающим.

Нас заинтересовал вопрос взаимосвязи эмоционального интеллекта и лидерских способностей. Проанализировав результаты, полученные с помощью методик диагностики эмоционального интеллекта (Н. Холл) и методики диагностики лидерских способностей Е. Жарикова и Е. Крушельницкого среди юношей и девушек 18–21 года, мы выяснили, что для испытуемых более характерно сочетание среднего уровня эмоционального интеллекта и средне выраженный уровень лидерских способностей 29 %. Также большой процент испытуемых имеет низкий эмоциональный интеллект и слабый уровень лидерских способностей. Процентное соотношение испытуемых, обладающих слабым уровнем лидерских способностей и средним уровнем эмоционального интеллекта, составил 21 %. Процентное соотношение испытуемых, которые имеют средний эмоциональный интеллект и сильно выраженный уровень лидерских способностей составляет 16 % испытуемых. Низкий эмоциональный интеллект и средний уровень лидерских способностей имеет 3 % испытуемых. Высокий эмоциональный интеллект и средний уровень лидерских способностей наблюдается у одного испытуемого и составляет 1 % всей выборки. В нашем исследовании были выявлены испытуемые с диктаторским уровнем лидерских способностей, которые имеют высокий эмоциональный интеллект. Процент этих испытуемых составил 4%. Испытуемых с низким уровнем эмоционального интеллекта и сильно выраженными лидерскими способностями выявлено не было. Также не было выявлено испытуемых с высоким уровнем эмоционального интеллекта и слабо выраженными лидерскими способностями. Это говорит о том, что лидерские способности и эмоциональный интеллект неразрывно связаны между собой.

На основании полученных данных, мы можем утверждать, что между эмоциональным интеллектом и лидерскими способностями существует взаимосвязь. Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем больше развиты лидерские способности испытуемых. Чем ниже уровень эмоционального интеллекта, тем меньше развиты лидерские способности испытуемых в юношеском возрасте. От уровня развития эмоционального интеллекта в большой степени зависит успешность и эффективность лидерских способностей. Среднее значение по шкале распознавание эмоций других людей (27%) показывает нам, что испытуемые обладают умением воздействовать на эмоциональное состояние других людей. По шкале эмпатия среднее значение составляет 27 % – это говорит о том,

что у испытуемых наблюдается понимание эмоций других людей, умение сопереживать текущему эмоциональному состоянию другого человека, а также готовность оказать поддержку. Шкала эмоциональной осведомленности и самомотивации (26 %) показывает, что испытуемые осознают и понимают свои эмоции. Меньшее значение составила шкала управление своими эмоциями (23 %). Это может свидетельствовать о том, что в данной группе испытуемых наблюдается небольшой процент обладания навыками эмоциональной отходчивости, эмоциональной гибкости и т.д., другими словами, произвольное управление своими эмоциями и управление своим поведением, за счет управления эмоциями.

Проанализировав научную литературу и сопоставив результаты нашего исследования, мы можем сделать вывод о том, что эмоциональный интеллект и лидерские способности тесно связаны между собой. Лидеры с высоким уровнем эмоционального интеллекта лучше других членов группы анализируют складывающиеся ситуации, более своевременно принимают адекватные решения и гораздо эффективнее остальных претворяют их в жизнь. Испытуемые с высоким уровнем лидерских способностей, обладают определённым типом межличностного взаимодействия. Например, таким как властно-лидирующий, ответственно-великодушный, сотрудничающий-конвенциальный.

Список использованных источников

- 1 Парыгин, Б. Д. Социальная психология. Проблемы методологии, теории и истории (Новое в гуманитарных науках) / Б. Д. Парыгин. – М.: ИГУП, 1999. – 353 с.
- 2 Бендас, Т. В. Психология лидерства: учебное пособие / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2009. 408 с.
- 3 Немов, Р. С. Психология : учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений, в 3-х кн-х. кн. 1 Общие основы психологии / Р. С. Немов. – М.: Просвещение, ВЛАДОС, 1994. – 573 с.

А. В. Шихалова

Научный руководитель: **Н. Н. Дудаль**, старший преподаватель, магистр психол. наук
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Республика Беларусь

ДЕТЕРМИНАНТЫ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

В формировании личностного потенциала имеют значение как внутренние врожденные качества индивида, так и внешние факторы влияния социальной среды. Благодаря внутренней мотивации, наличию сформированных структур и функций, принятию себя и достижению личностной идентичности происходит реализация личностного потенциала. Феномен самодетерминации личности является главной формой проявления личностного потенциала и является базисом, «стержнем» внутренних характеристик личности, который обуславливает выбор пути развития личности.

Ключевые слова: личностные качества, опосредствование, внутренняя мотивация, самодетерминация, адаптация, активность, локус каузальности, личностная зрелость.

Современная психологическая наука рассматривает личностный потенциал как совокупное понятие уровня личностной зрелости, главной формой проявления которого является феномен самодетерминации личности, формирующийся в результате деятельности под влиянием внешних и внутренних факторов.

В своих работах Д.А. Леонтьев рассматривает личностный потенциал, как «определенную систему характеристик индивидуальных психологических особенностей человека, лежащую в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [4].

Следовательно, личностный потенциал является основой, базисом внутренних характеристик личности, которая определяет выбор пути развития личности во всем многообразии потенциальных возможностей и выражает «личностное в личности» [5].

Личностный потенциал индивида, по мнению Д. А. Леонтьев, напрямую не коррелирует с умственным и духовным развитием личности, его содержанием и глубиной. Это суждение находит подтверждение в судьбах талантливых и общепризнанных личностей: Н. В. Гоголь, И. И. Левитан, М. П. Мусоргский, Г. Х. Андерсен, А. А. Блок. Все эти люди были очень ранимые тонкие натуры. В тоже время М. Л. Ростропович, М. М. Плисецкая, А. П. Маресьев, Фрида Кало, несмотря на ожесточенную критику, болезни, политические и природные катаклизмы, прекрасно и продуктивно трудились и владели собой.

Таким образом, основной психологической характеристикой личности, которая участвует в формировании личностного потенциала, является субъективность и овладение собственным поведением через опосредствование.

Из выше перечисленного следует, что основной функцией личностного потенциала является саморегуляция, т.е. овладение своим поведением, а основным ее механизмом — опосредствование.

Очень современна трактовка феномена личностного потенциала в рамках концепции Л.С. Выготского о зонах ближайшего и актуального развития. Под зоной актуального развития ученый понимал степень развития способностей отдельной личности, зона ближайшего развития — это будущее вероятностное развитие личности. Для перехода из зоны актуального в зону ближайшего развития требуется не только стимул, но и внутреннее стремление, согласие индивида к достижениям. Для обеспечения результативного перехода человека из одной зоны в другую, по мнению А. М. Павловой и В. Н. Косырева, важно и целесообразно присутствие сформированных внутренних структур и функций. В своих работах Л.С. Выготский подчеркивает: «Человек не только развивается, но и строит себя» [1].

Непременным условием развития личностного потенциала служит внутренняя мотивация, которая связана с реализацией и удовлетворением конкретного желания, нужды. Теория самодетерминации (личностной автономии) в психологии была предложена американскими учеными Э. Деси и Р. Райаном и устанавливает, что индивид, несмотря на объективные ограничивающие факторы окружающего континуума или воздействия бессознательных интрапсихических процессов, способен чувствовать и воплощать в своем поведении независимость. Понятие самодетерминации взаимосвязано с эмоциями, волей и внутренним стимулом. Внутренний побудитель мотивирует индивида к активности при неимении внешнего подкрепления (поощрения или наказания). В результате чего у индивида формируется три типа локуса каузальности: внутренний (индивид опирается на свой личный отбор), внешний (индивид опирается на внешнее подкрепление: поощрение или наказание) и безличный локус каузальности (отсутствие целедостижения каким-либо путем). В зависимости от преобладания того или иного типа каузальности определяют тип доминирующей мотивации в индивиде.

Тип мотивации в совокупности с познавательными, аффективными и другими психологическими характеристиками выявляются как каузальная ориентация, которая может быть внутренней, внешней или безличной. В действительности у индивида в наличии могут быть все три типа, а личностные отличия проявляются в процентном соотношении того или иного типа каузальности. Мотивационная подсистема (более поздний термин «мотивационный процесс») представляет собой комплекс, складывающийся из чувственного опыта, взглядов на жизнь относительно самого себя, окружающей обстановки и других людей, а также интераций и совместного взаимодействия с окружающим обществом.

Таким образом, американские ученые-психологи Э. Деси и Р. Райан в своей работе утверждают, что «теория самодетерминации связана с диалектическим противостоянием активного «Я» и различных сил, внешних и внутренних, с которыми личность встречается в процессе развития» [2].

Определение психологических потребностей личности было введено в психологическую науку С. Мадди. Ученый выделил три группы потребностей человека: биологические, социальные и психологические. Если у индивида доминируют биологические и социальные потребности, то он и ведет себя сообразно им и выстраивает свою жизнь адаптивно. Если главенствующее положение занимают психологические потребности, формируется объективное содержание собственной жизни в виде целеполаганий и ценностей, то с их помощью строится не только картина мира как она есть, но и картина желательного мира и других возможных миров, а также организация регулирования жизнедеятельности человека.

Обязательной предпосылкой формирования личностного потенциала согласно И. И. Беляковой является принятие себя и личностное самоопределение. Чем выше уровень развития индивида, тем большими ресурсами и возможностями он наделен.

Сотрудники кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС, изучая личностный потенциал, понимает под ним саморегулируемую структуру внутренних обновляемых потенциалов личности. Отечественный психолог В. Н. Марков толкует понятие «личностный потенциал» как психологический феномен комплексно объединенный с мотивами и способностями личности. Способности показывают уже осуществленный потенциал, а мотивы отражают возможности и альтернативы его развития.

Без сомнения, внутренние резервы личности играют огромную роль в процессе развития личностного потенциала. К ним следует отнести:

- врожденные типологические особенности;
- мыслительные способности;
- состояние организма (здоровье);
- мотивационный характер: целеполагание, побуждения, самооценки, установки, уровень притязаний и другие;
- стиль межличностного общения;
- характер, сложившийся в результате взаимосвязи биологических (врожденных) свойств и социального окружения.

Ряд отечественных психологов, в частности С. В. Величко, отмечают, что для согласованной и благополучной взаимосвязи с окружающей средой необходимо умение индивида к приспособлению, адаптации. В своих трудах С. В. Величко подчеркивает, что «адаптивный человек способен скорректировать свои цели и планы, чтобы использовать новые возможности, а также способен согласовывать противоположные требования: единообразия и разнообразия, стабильности и изменения, адаптации и саморегуляции» [3].

Рассматривая формирование личностного потенциала через аспект приспособления, А. Г. Маклаков выделил ряд личностных психологических характеристик, которые отражают соответствие или несоответствие общепринятым нормам и внешним условиям и обеспечивают успешную адаптацию в различных видах деятельности. Автор обратил внимание на следующие характеристики: коммуникативные качества, поведенческая регуляция и соответствие или несоответствие общепринятым нормам и внешним условиям. Именно эти элементы, по мнению А. Г. Маклакова, определяют структуру личностного адаптационного потенциала.

Ряд ученых-психологов, рассматривающих особенности личностного потенциала через призму адаптации, выделяют следующие личностные характеристики: культуру корпоративного мышления, стремление к саморазвитию, групповую сплоченность, повышенную социальную ответственность, сопротивляемость внешним воздействиям, инновационное и продуктивное мышление, оптимистичный стиль поведения, здоровый образ жизни.

Однако такой подход к изучению особенностей личностного потенциала неоднозначен, и возникает дилемма. С одной стороны под личностным потенциалом понимается приспособление

к конкретной социальной ситуации, с другой — общая успешная деятельность. Тем не менее, есть исторические примеры самореализации в ущерб адаптации. Такая ситуация нашла отражение в исследованиях И. И. Ашмарина, который описал биографии знаменитого архитектора Эйфеля и никому не известного почтальона Шеваль. Автор символа и главной достопримечательности Парижа Эйфелевой башни Александр Гюстав Эйфель и скромный почтальон Шеваль, построивший Идеальный дворец являются ярким примером успешной реализации личностного потенциала при практической бесполезности своих творений. Будучи очень одаренными личностями, эти люди самостоятельно реализовались и свели на нет влияние социального окружения, подтверждая тем самым, что самореализация иногда может осуществляться за счет адаптации.

Из вышеперечисленного следует, что для реализации личностного потенциала определенную роль играют врожденные задатки. Однако первую скрипку в этом процессе играет собственная активность личности, на которую воздействует конкретная социальная ситуация и окружение. Важным моментом в формировании потенциала является прохождение периодов возрастных кризисов, особенно подросткового, что особенно влияет на формирование самодетерминации и автономии, свойственной зрелой личности.

Развитие внутренних психологических характеристик, необходимых для успешного формирования и развития личностного потенциала требует неустанной работы, в ходе которой индивид не только ставит и добивается поставленной цели, но и создает благоприятные условия для успешной реализации и саморазвития.

В современных реалиях динамично развивающегося общества изучение личностного потенциала как интегральной характеристики уровня личностной зрелости, его формирования и развития имеет существенное значение. Эмпирические данные, полученные в ходе психологических исследований отечественных и зарубежных психологических школ, свидетельствуют, что потребность в самореализации и автономии является базовой. Чем выше личностный потенциал, тем больше альтернатив для личностного роста и тем более согласованно и гармонично индивид взаимодействуют с окружающим миром. Удовлетворенность в потребности самодетерминации и автономии ведет к благополучию, успешности и здоровью личности. Именно благодаря личностному потенциалу люди с ограниченными способностями, но эффективно их использующие, добиваются гораздо более блестящих результатов, чем одаренные, но не использующие свои задатки в полной мере.

Список использованных источников

1 Выготский, Л. С. Конкретная психология человека / Л. С. Выготский // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 14. – Психология. – 1986. – № 1. – С. 11–21.

2 Deci, E. L. Overview of self-determination theory: an organismic dialectical perspective // Handbook of self-determination research / E. L. Deci, R.M.Ryan (Eds) Rochester, NY : The University of Rochester Press, 2002. – P. 3–33.

3 Величко, С. В. Роль личностного потенциала в процессах социальной реадaptации / С. В. Величко // Перспективные информационные технологии и интеллектуальные системы. – 2004. – №1 – С. 126–300.

4 Леонтьев, Д. А. Личностная зрелость как опосредствование личностного роста / под ред. И. А. Петуховой. – М. : Смысл, 2001. – 161 с.

5 Леонтьев, Д. А. Возможности эмпирического исследования личностного потенциала / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, Е. Н. Осин, А. В. Плотникова, Е. И. Рассказова // Прикладная психология как ресурс социально-экономического развития современной России : материалы межрегион.науч.-практ. конф. – М., 2005. – С. 259–260.

М. В. Шугай

Научный руководитель: **И. В Сильченко**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ У СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ

Статья посвящена изучению особенностей восприятия социальной поддержки у студентов с различным уровнем социальной тревожности. Обнаружена отрицательная корреляционная связь между высоким уровнем социальной тревожности и удовлетворенностью социальной поддержкой. Выделены различия в восприятии социальной поддержки у студентов с низким и высоким уровнем социальной тревожности.

Ключевые слова: социальная тревожность, межличностные отношения, социальная поддержка, студенты

По данным многочисленных эмпирических исследований в зарубежной психологии, обобщенным и систематизированным И. В. Никитиной и А. Б. Холмогоровой, проблема социальной тревожности является широко распространенной среди населения, при этом, наиболее сильно подвержены влиянию данного вида тревожности люди молодого возраста [3]. Под социальной тревожностью А. Б. Холмогорова и В. В. Краснова понимают состояние эмоционального дискомфорта в ситуациях социального взаимодействия [1]. Исследователи отмечают, что люди с высоким уровнем социальной тревожности страдают от ухудшения качества жизни, одиночества, социальной изоляции. Кроме того, страдающие от социальной тревожности гораздо чаще других высказывают суицидальные мысли и предпринимают суицидальные попытки [3; 4].

Психологическое здоровье личности во многом зависит от удовлетворения потребности в общении и групповом принятии. Социальная поддержка является фактором, снижающим негативные переживания. При достаточном уровне социальной поддержки снижается уровень стресса, формируется уверенность в своих силах. Источником социальной поддержки являются стабильные социальные отношения. Однако социально тревожные студенты начинают избегать ситуации взаимодействия с другими людьми, лишая себя возможности установить близкие доверительные отношения [2].

Эмпирическое исследование по изучению восприятия социальной поддержки у студентов с различным уровнем социальной тревожности проводилось на базе Учреждений образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», «Белорусский государственный университет транспорта». В исследовании приняли участие 99 испытуемых в возрасте 19 – 23 лет. Статистическая обработка полученных эмпирических данных осуществлялась с помощью подсчета коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена. Для статистического сравнения групп использовался непараметрический критерий U-Манна-Уитни для независимых выборок.

Уровень социальной тревожности у студентов определялся с помощью методики «Психодиагностический опросник социальной тревоги и социофобии» О. А. Сагалаковой и Д. В. Труевцева [5]. Эмпирические данные выраженности социальной тревожности представлены на рисунке 1.

Из рисунка 1 следует, что у большинства испытуемых (38 %) наблюдается высокий уровень социальной тревожности. При высоком уровне социальной тревожности наблюдается тенденция к избеганию социальных ситуаций, высокое напряжение при участии в специфических социальных ситуациях. Субъективно переживается нехватка коммуникативных навыков. Выражены симптомы эмоционального неблагополучия в виде тревоги, депрессии и суицидальной направленности. У 23 % студентов выражены лишь эпизодические проявления социальной тревожности. Умеренный уровень социальной тревожности выявлен у 20 % студентов. При таком уровне социальной тревожности могут возникать проблемы в социальной адаптации или отдельные ярко выраженные социальные страхи в специфических ситуациях. Социальная смелость и инициативность в большинстве социальных ситуаций, социальная адаптированность, отсутствие страха в ситуации самопредъявления выявлены у 19 % студентов. Такие студенты не страдают от проявлений социальной тревожности.

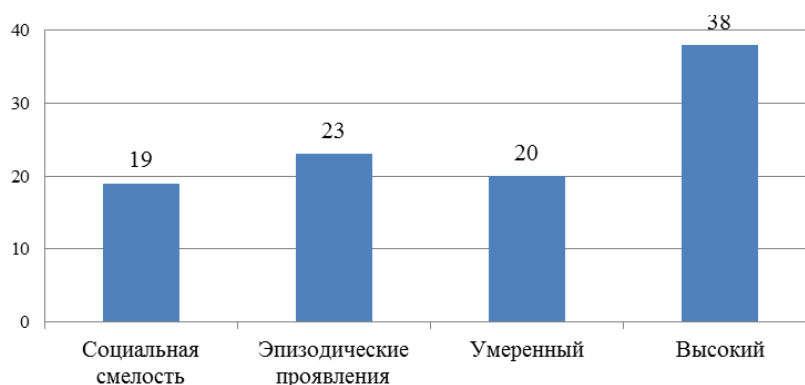

Рисунок 1 – Результаты исследования общего уровня социальной тревожности у студентов (данные представлены в %)

Для диагностики уровня социальной поддержки использовался Опросник «Социальная поддержка – F - SOZU-22» в адаптации А. Б. Холмогоровой и В. А. Петровой [6]. Результаты анализа, представленные на рисунке 2, свидетельствуют о том, что самой доступной для студентов является инструментальная поддержка, что означает возможность получения практической помощи от окружающих людей. На высоком уровне и показатели социальной интеграции, что означает включенность студентов в определенную сеть социальных взаимодействий.

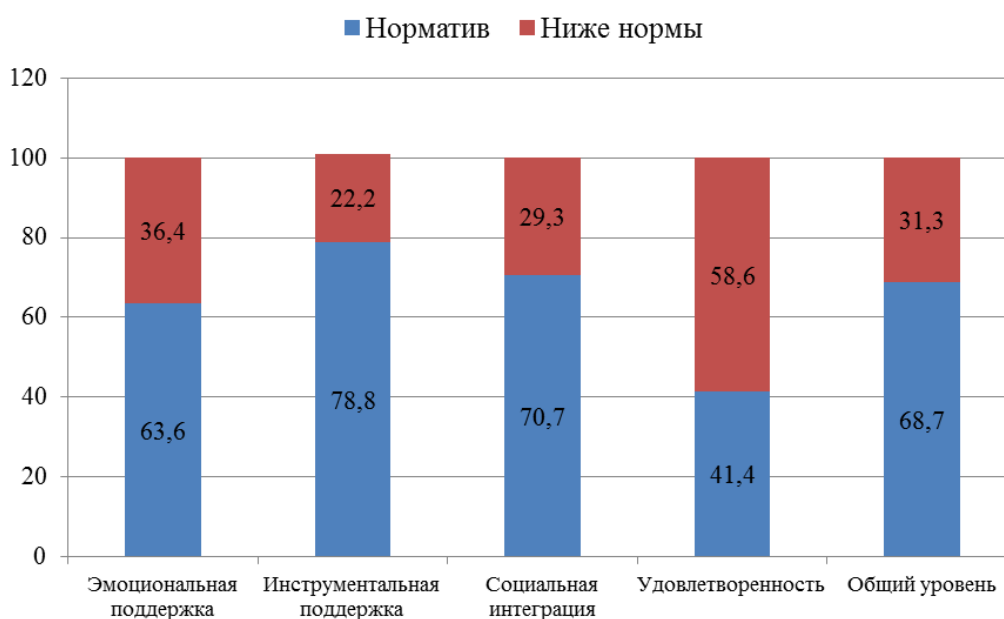

Рисунок 2 – Результаты исследования восприятия студентами социальной поддержки (в %)

Результаты анализа данных по воспринимаемой социальной поддержке говорят о существенном снижении удовлетворенности получаемой поддержкой. Большинство студентов часто ощущают одиночество, хотели бы большего внимания и понимания со стороны окружающих людей.

По результатам анализа шкалы «эмоциональная поддержка», можно предположить, что больше трети студентов испытывают дефицит позитивного чувства близости, доверия, эмоциональной вовлеченности со стороны близких людей. В целом, только 68,7 % студентов воспринимают социальную поддержку как достаточную.

При помощи коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена была получена обратная корреляционная связь между высоким уровнем социальной тревожности и удовлетворенностью социальной поддержкой ($r = -0,33$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что чем выше уровень социальной

тревожности, тем ниже удовлетворенность поддержкой окружения. При повышении уровня социальной тревожности исчезает чувство уверенности и безопасности в отношениях. И наоборот, чем выше удовлетворенность социальной поддержкой, тем ниже уровень социальной тревожности, а значит, разнообразнее социальные сети, и выше эффективность межличностного взаимодействия.

Для удобства расчетов результаты исследования социальной тревожности были объединены в группы по степени нарушения функционирования человека в социуме. С целью выявления достоверности различий между группами студентов с низким и высоким уровнем социальной тревожности по параметрам социальной поддержки применялся критерий U-Манна-Уитни (таблица 1). Как видно из таблицы 1, статистические различия в восприятии эмоциональной поддержки у студентов с низким и высоким уровнем социальной тревожности находятся в зоне неопределённости.

Зафиксированы статистически значимые различия в восприятии инструментальной поддержки у студентов с низким и высоким уровнем социальной тревожности. Более застенчивые студенты отмечают, что у них меньше знакомых, способных оказать практическую, информационную или материальную (деньги или вещи) помощь.

Выявлены статистически значимые различия в восприятии социальной интеграции. Студенты с высоким уровнем социальной тревожности склонны воспринимать наличие и количество социальных связей как недостаточное.

Таблица 1 – Результаты оценки достоверных различий по показателям социальной поддержки у испытуемых с различным уровнем социальной тревожности

Параметры	Средние значения в группе		Uэмп	Уровень значимости
	с низкой социальной тревожностью	с высокой социальной тревожностью		
Эмоциональная поддержка	38,70	36,74	930	p>0,01
Инструментальная поддержка	17,88	16,26	738,5	p≤0,01
Социальная интеграция	30,24	27,34	704	p≤0,01
Удовлетворенность социальной поддержкой	6,73	5,15	703	p≤0,01
Общий показатель социальной поддержки	93,63	85,48	717	p≤0,01
Примечание: Укр. = 861 при p≤0,01, Укр. = 956 при p≤0,05				

Анализ результатов исследования по шкале «Удовлетворенность социальной поддержкой» показал, что существуют различия в группах студентов с различным уровнем социальной тревожности. Более застенчивые студенты чаще чувствуют себя одинокими, не ощущают стабильности, уверенности и безопасности в отношениях с окружающими, считают себя обделенными вниманием и пониманием других людей.

В результате анализа проведенного исследования по общему уровню социальной поддержки выявлено, что существуют различия в группах студентов с различным уровнем социальной тревожности. Можно предположить, что при высоком уровне социальной тревожности снижено удовлетворение таких социальных потребностей, как любовь, дружба, принятие, уважение значимых близких. Нарушается эффективность межличностного взаимодействия, образуется дефицит коммуникативных навыков, формируется т.н. замкнутый круг социальной тревожности.

Таким образом, по результатам проведенного сравнительного анализа можно сделать вывод, что у студентов с различным уровнем социальной тревожности существуют различия

в восприятии поддержки окружающих. Более застенчивые студенты чувствуют гораздо меньшую инструментальную поддержку, не ощущают себя интегрированными в какую-либо группу людей, не удовлетворены качеством своей социальной поддержки, нежели менее застенчивые респонденты.

Поскольку были получены данные, свидетельствующие о недостаточности социальной поддержки у студентов с высоким уровнем социальной тревожности, необходимы мероприятия, направленные на формирование способности поиска социальной поддержки, коррекцию негативных социальных установок, развитие эмпатии, формирование положительной перспективы в ситуациях общения для людей с высокой социальной тревожностью.

Список использованных источников

1 Краснова, В. В. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация [Электронный ресурс] / В. В. Краснова, А. Б. Холмогорова // Электронный журнал «Психолого-педагогические исследования» – 2011 – №1. – Режим доступа: <http://psyedu.ru/journal/2011/1/2060.phtml>. – Дата обращения: 24.04.2020.

2 Краснова, В. В. Социальная тревожность как фактор нарушения интерперсональных отношений и трудностей в учебной деятельности у студентов автореф. дис. ...канд. психол. наук : 19.00.13 / В. В. Краснова; Московский городской психолого-педагогический университет – Москва, 2013. – 26 с.

3 Никитина, И. В. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 / И. В. Никитина, А. Б. Холмогорова // Социальная и клиническая психиатрия, 2010. – № 1 (Т. 20). – С. 80–85.

4 Никитина, И. В. Социальная тревожность у пациентов с расстройствами аффективного спектра / И. В. Никитина, А. Б. Холмогорова, В. В. Краснова // Социальная и клиническая психиатрия, 2012. – № 3 (Т. 22). – С. 30–35.

5 Сагалакова, О. А. Опросник социальной тревоги и социофобии [Электронный ресурс] / О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – N 4 (15). – Режим доступа: <http://medpsy.ru>. – Дата обращения: 24.04.2020.

6 Холмогорова, А. Б. Диагностика уровня социальной поддержки при психических расстройствах: уч. пособие / А. Б. Холмогорова, Г.А. Петрова – МНИИП, 2007. – 20 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

А. В. Бутько

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПИАР-МЕРОПРИЯТИЙ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

В статье рассматриваются цели и средства пиар-кампаний по формированию здорового образа жизни среди населения, так как неблагоприятные тенденции в динамике здоровья молодежи диктуют необходимость поиска различных действенных мер.

Ключевые слова: здоровье, образ жизни, пиар-деятельность, профилактика.

Здоровый образ жизни является актуальной темой дискуссий в обществе и государстве, так как является одной из необходимых составляющих развития каждого человека и всего социума. Наличие таких составляющих здорового образа жизни, как правильное питание, здоровый режим сна и особенно физическая активность, способствует повышению уровня жизни и общего здоровья нации. Повышение значимости физической активности для здоровья происходит благодаря принятию мер по популяризации физической культуры на государственном уровне, с помощью различных законопроектов, а также в общественной жизни при помощи проектов и мероприятий. На сегодняшний день пиар-деятельность (PR) находит применение во всех сферах жизни, и здоровье населения не является исключением. Распространение информации о физической культуре, популяризация среди молодежи и организация инфраструктуры городов – залог формирования физической грамотности и здоровья населения.

Здоровый образ жизни человека – это образ жизни, направленный на сохранение здоровья, предупреждение и профилактику болезней, а также укрепление здоровья и организма человека в целом. Здоровье человека более чем на 60% может зависеть от внешних обстоятельств, качества и образа жизни индивида. Питание, режим сна, уровень активности, стресс, вредные привычки, эпизоды разрушительного поведения – это то, из чего складывается образ жизни человека [1]. Здоровый образ жизни также подразумевает и ментальное здоровье, заботе о котором нужно уделять не меньшее внимание, чем о физическом. Важен отказ от вредных привычек, курения, чрезмерного употребления алкоголя в пользу здорового сна, физических упражнений, эффективной модели правильного питания [2]. В настоящее время общепринятые нормы общества все больше изменяются и перенаправляются в сторону заботы о себе и собственном здоровье. Это приобретает не только тенденцию чего-то популярного и модного, но уже все более осознанного и качественно реализуемого. Все это происходит благодаря повсеместному доступу к информации на тему здоровья и правильного питания, а также благодаря целенаправленной PR-деятельности реализуемой в данной сфере.

В современном мире профессиональную PR деятельность можно назвать одним из необходимых средств эффективной работы любой организации, проекта и сферы. Деятельность специалистов данной сферы связана с формированием и решением таких задач, которые отвечают главной цели всей проводимой работы. Главной же целью выступает формирование благоприятной репутации, впечатления у общественности, положительного образа у аудитории для темы, на которую направлены усилия. Понятие PR реализуется через две главные составляющие работы – управление и коммуникация. Инструмент PR укоренился и приобрел популярность как средство продвижения не только в коммерческой сфере для продуктов и услуг, но также и в социальной сфере для популяризации разнообразных идей и целей, приобщения людей к полезным и знаковым мероприятиям. Не обошла данная тенденция и работу со сферой

здравоохранения, здорового образа жизни и активного образа жизни. Среди основных целей PR по формированию здорового образа жизни, можно назвать следующие: создание позитивного мнения в обществе, связанного с формированием мотивации к занятиям спортом, оздоровлению, развитию физической культуры; стимулирование спроса на услуги по оздоровлению и профилактике, на проведение спортивных мероприятий; реализация законодательных мер по оздоровлению населения и популяризации спорта; повышение уровня осведомленности населения о здоровье и физической культуре.

В любой PR-программе необходимо выработать определенную последовательность в планировании мероприятий. Вначале необходимо установить степень осведомленности и включенности различных групп населения в здоровый образ жизни. Чаще всего специалисты в таких случаях прибегают к опросу или анкетированию населения, результаты которых позволяют выявить интересы людей в этой сфере. Также опросы позволяют сформировать более точные целевые группы для реализации последующих PR-мероприятий.

Выбор целевой группы для конкретного мероприятия может быть осуществлен по возрастному критерию или же по степени приобщенности к здоровому образу жизни в настоящее время. Для второго критерия разделение будет целесообразно по следующим категориям: население, которое имеет скрытые потребности в ведении здорового образа жизни, сохранении и укреплении своего здоровья; население, потребности в изменении образа жизни которого выражены, но попытки по его перемене еще не предпринимаются по каким-либо причинам; население уже интегрированное, ведущее здоровый образ жизни. На этом же этапе работы можно составить информационный план, где будет определена информация, которую необходимо донести до конкретной группы. Анализ психолого-социальных особенностей выбранной целевой группы, на которую будет обращена информация, должен быть основой работы.

На следующем этапе необходимо определиться с каналами воздействия на аудиторию. Необходимо позаботиться, чтобы информация легко воспринималась основными органами чувств, не вызывала затруднений в понимании, была запоминающейся, ориентированной на какие-либо конкретные действия. Непосредственно для популяризации здорового образа жизни используется система положительных ассоциаций, которые часто не содержат сложно выполнимых рекомендаций, требующих мгновенных и больших усилий. Также можно повысить эффективность восприятия аудиторией сообщений с помощью выбора каналов передачи, пользующихся доверием у населения и доступных в первую очередь для выбранной целевой группы. В процессе работы над проблемами идеологического характера могут возникать самые разнообразные проблемы, ведь процесс изменения поведения и привычек человека является сложным и не всегда планомерным. Особенности трудности могут возникать, когда речь заходит о необходимом «искусственном» изменении поведения, которое человек не ощущает дискомфортными. Условно можно выделить некоторые стадии изменения поведения человека, которые варьируются в своей продолжительности.

Первая стадия – человек не понимает и не осознает проблему, не знает почему именно он должен изменить свои привычки. На данной стадии самую важную роль играет информирование и просвещение.

Вторая стадия – индивид признает наличие проблемы, начинает видеть вред собственных привычек, принимает решение об изменении, а поэтому особенно нуждается в одобрении и поддержке со стороны окружающих своих действий.

Третья стадия – стадия активных действий, когда человек обосновывается в своем решении о ведении здорового образа жизни. Информирование на данной стадии играет роль психологической поддержки.

Четвертая стадия – срыв, возможная неудача, когда человеку не удается придерживаться здорового образа жизни. Этот этап наиболее сложный, требует оказания информированной поддержки, часто психологических знаний, индивидуального подхода к решению возникших проблем.

Таким образом, каждый человек в готовности к изменению образа жизни находится на разной стадии: кто-то возможно еще не задумался о роли сохранения здоровья, кто-то уже осознал всю важность, а кто-то уже готов действовать и что-то менять в собственной жизни. Необходимо помнить, что при осуществлении воздействия посредством информации на сознание выбранной аудитории всегда будут присутствовать барьеры, возникшие в последствии эмоционального и психологического состояния аудитории и др.

Можно выделить некоторые препятствия в эффективной реализации PR-программы здорового образа жизни: быстрое удовольствие, которое часто сопутствует негативным привычкам (к примеру, курение или переедание); возможное скептическое отношение к PR-мероприятиям в сфере здорового образа жизни, где ежедневный поток новостей о факторах, угрожающих здоровью, заставляет некоторых людей отказаться от намерений по сохранению и укреплению здоровья, решив, что это бесполезно, следовательно, они перестают воспринимать информацию относительно сохранения и укрепления здоровья; система конкуренции, в которой PR-мероприятиям, направленным на формирование здорового образа жизни, приходится конкурировать с мероприятиями, противоположными им по смыслу.

Практика проведения PR-кампаний по формированию здорового образа жизни также показывает, что наряду с информационной программой в средствах массовой информации очень важно применять образовательные технологии. Присутствие популяризации здорового и активного образа жизни в учебном и воспитательном процессе ведет к более раннему и обоснованному формированию взглядов на данную проблему, обращению человека путем информирования в сторону осознанного выбора в пользу собственного здоровья и благополучия.

Работу с молодежью можно назвать одним из самых перспективных направлений во всей PR-деятельности в сфере популяризации здорового образа жизни. Эта категория населения, помимо своей восприимчивости, также может обеспечить дальнейшее распространение этой идеи среди сверстников и младшего поколения, что будет способствовать наиболее быстрой информируемости и смене взглядов, влекущих за собой глобальные изменения. PR-кампания по формированию здорового образа жизни – это долгосрочная и постоянно действующая информационно-просветительская система мероприятий, которая направлена на работу с различными целевыми группами, имеет задачу информирования, популяризации здорового образа жизни с целью последующего укрепления здоровья человека и формирования ответственности за свою жизнь и ее качество. Деятельность по продвижению здорового образа жизни таким методом все еще является развивающимся направлением. Продуманная PR-кампания может стать эффективным и комплексным средством в достижении целей по осведомленности и компетентности людей в вопросах здоровья, активного образа жизни и спорта, отказа от пагубных привычек.

Использование СМИ, телевидения, радио, а также активное привлечение людей, обладающих авторитетом в качестве источников достоверной информации в вопросе, бесспорно, является действенным механизмом популяризации данного образа жизни. Прививание понимания и необходимости физической культуры и спорта является эффективным путем к улучшению здоровья нации и принятию каждым человеком ответственности за свое здоровье и необходимости действий и развития. Понимание положительного воздействия правил здорового образа жизни является важной частью становления личности, способствует повышению качества жизни и общего уровня здоровья, и как следствие, продолжительности жизни человека.

Список использованных источников

1 Информационная стратегия по продвижению здорового образа жизни в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unicef.by/uploads/tenders/Tender%20NCDs/INFORMACIONNAYA-STRATEGIYA-final.pdf. – Дата доступа: 16.06.2020.

2 Никифоров, Г. С. Психология здоровья / Г. С. Никифоров. – СПб. : Питер, 2006. – 607 с.

В. П. Горленко

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ИГРОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДОШКОЛЬНИКОВ

Раскрывается роль и значение игровой деятельности в формировании здорового образа жизни дошкольников. Дается характеристика основных структурных компонентов сюжетно-ролевой игры. Показывается возможность активизации процесса приобретения дошкольниками здоровьесберегающего опыта через сюжетно-ролевые игры.

Ключевые слова: дошкольник, игра, игровая деятельность, сюжетно-ролевая игра, здоровье, здоровый образ жизни, здоровьесберегающий опыт.

Формирование здорового образа жизни должно происходить непрерывно и целенаправленно. Особенно актуальна эта проблема в период дошкольного детства. Именно на этом этапе формируются характер и система отношений ребенка. «Отношение ребенка к своему здоровью, – пишет Т. В. Ворожко, – является фундаментом, на котором можно будет выстроить здание потребности в здоровом образе жизни. Оно зарождается и развивается в процессе осознания ребенком себя как человека и личности, напрямую зависит от сформированности в его сознании этого понятия» [1, с. 462]. Вот почему в настоящее время одной из приоритетных задач, стоящих перед педагогами, является укрепление, сохранение здоровья и формирование здорового образа жизни детей. Важное значение в формировании здорового образа жизни дошкольников приобретает игра (К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Запорожец, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин). Для более глубокого понимания роли игры в развитии дошкольника обратим внимание на следующие положения.

Социальный характер детской игры. Игра возникает в результате вполне определенных социальных условий жизни ребенка и служит мерой их социальной адаптации. Созданные взрослыми игры, игрушки, игровые техники, правила различных игр передаются из поколения в поколение. К. Д. Ушинский отмечал, что игра для ребенка есть «действительность, и действительность гораздо более интересная, чем та, которая его окружает... Интереснее она для ребенка именно потому, что отчасти есть его собственное создание» [2, с. 353].

Игра как форма организации жизни и деятельности детей. Научное обоснование игры как организации жизни и деятельности детей в детском саду содержится в работах ученых советского периода: психолога. Авторы этих работ считают, что Взрослый, педагог, чтобы управлять и направлять процесс развития ребенка должен находиться в центре его жизни, понимать значимые для него и важные моменты, разделять его интересы (Д. Б. Эльконин, 1978; А. П. Усова, 1976). И все же игра – это в первую очередь самостоятельная деятельность дошкольника, в которой у него есть возможность развивать свою активность и инициативу, формировать навыки самоорганизации в игре.

Игра как средство воспитания. Многочисленные исследования свидетельствуют о том, что при педагогически целесообразном руководстве игра содействует обогащению кругозора дошкольника, развитию образных форм познания, развитию речи, расширению его интересов. Велика роль игры в усвоении норм дисциплинарного поведения и правил взаимоотношений. Посредством включения в игру можно воспитать упряма или эгоиста, а можно достойного гражданина, толерантного человека. С одной стороны, игра – самостоятельная деятельность ребенка, с другой – необходимо внимание взрослых, чтобы игра стала средством его воспитания, обучения и развития.

Детские игры – явление неоднородное и многоликое. С помощью включения дошкольников в активную игровую деятельность можно эффективно решать многочисленные задачи формирования у них *здорового образа жизни*. Эти задачи связаны с формированием у дошкольников элементарных представлений о здоровом образе жизни, воспитанием полезных привычек, развитием потребности в двигательной деятельности, стимулированием развития

творческих способностей и др. В нашу задачу входит рассмотрение *сюжетно-ролевых игр*, которые в той или иной мере способствуют формированию у дошкольников здорового образа жизни и продвигают становление их здоровьесберегающего опыта.

На протяжении всего дошкольного детства, пока ребенок растет и развивается, приобретает новые знания и умения, сюжетно-ролевая игра остается наиболее характерным видом его деятельности. В связи с этим Т. А. Кондрашова пишет: «В ходе сюжетно-ролевой игры ребенок осваивает моральные нормы, мотивы и цели деятельности взрослых, их отношение к труду, людям, вещам. В игре формируется положительное отношение к образу жизни людей, к поступкам, нормам и правилам поведения в обществе, а также расширяется общий кругозор и развивается эмоциональная сфера ребенка» [3, с. 52].

Одна из главных черт сюжетно-ролевой игры – самостоятельность детей. «Основной особенностью сюжетно-ролевой игры, – отмечает Н. В. Краснощекова, – является наличие в ней воображаемой ситуации. Воображаемая ситуация складывается из сюжета и ролей» [4, с. 6]. Сюжетно-ролевая игра имеет определенную структуру. В статье «Влияние сюжетно-ролевой игры на развитие детей дошкольного возраста» ее авторы И. Е. Буршит и А. А. Зайцева пишут, что «сюжетно-ролевая игра имеет свою структуру, в которую входят сюжет, содержание, роль» [5, с. 140].

Сюжет игры. Это та сфера деятельности, которая воспроизводится детьми и отражает определенные действия, события, взаимоотношения и разноплановую деятельность окружающих. При этом игровые действия (готовит обед, делает гимнастику, моет фрукты, лечит людей, учит детей) – рассматриваются как одно из основных средств реализации сюжета. Условно сюжеты делят на бытовые (семья, детсад), производственные (игры в больницу, магазин, парикмахерскую), общественные (игры в библиотеку, музей, школу).

Содержание игры. Это то, что ребенок воспроизводит в деятельности, копируя жизнь взрослых. Сюжетно-ролевые игры на тему здорового образа жизни могут отражать самые различные его направления.

Медицинская активность – «Кто нас лечит», «На приеме у врача», «Скорая помощь», «Вирусы и микробы», «Больница», «Аптека».

Рациональное питание – «Что в моей корзинке», «Овощная сказка», «Сладкая жизнь», «Вредное и полезное», «Витаминное меню», «Съедобное – несъедобное».

Гигиена и навыки самообслуживания – «Мальчик грязнуля», «Уроки Мойдодыра», «Салон красоты», «Каждой вещи свое место», «День и ночь», «Одеваем куклу», «Порядок в доме».

Двигательная активность – «Дровосек», «В стране Здоровейка», «Правильная осанка», «Я – силач», «Мишка лежебока», «Загадочная азбубика».

Психоэмоциональная регуляция – «Кукла Плакса», «Веселый, грустный, сердитый», «Мой дружок песок», «Сказочный герой», «Человек маска», «Изобрази эмоцию».

Безопасная жизнедеятельность – «Опасно – не опасно», «Опасность вокруг нас», «Что мы знаем о вещах», «Сто бед», «Мы – спасатели».

Роль ребенка в игре. Для ребенка игра – это не просто активность, это его позиция, зависящая от сюжета и выбранной роли. В процессе игрового взаимодействия рождаются диалоги, происходит соподчинение мотивов, примеряет роли, которые ему интересны и понятны.

Сюжетно-ролевая игра является ведущим видом деятельности в старшем дошкольном возрасте, который определяет психическое, личностное и социальное развитие ребенка. Именно в игре формируется система отношений ребенка, в том числе – отношение к здоровью. От типа и содержания игр во многом будет зависеть характер дошкольника, его отношение к себе и взаимоотношения с другими (сверстниками и взрослыми).

Список использованных источников

1 Ворожко, Т. В. Приобщение дошкольников к здоровому образу жизни как социально-педагогическая проблема / Т. В. Ворожко // Научно-методический журнал Концепт. – 2015. – Т. 13. – С. 461–462.

2 Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / К. Д. Ушинский; под ред. А. И. Пискунова [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – Т. 1. – 584 с.

3 Кондрашова, Т. А. Сюжетно-ролевая игра как инструмент формирования картины мира дошкольников / Т. А. Кондрашова // Журнал педагогических исследований. – 2017. – Т. 2. – № 1. – С. 49–57.

4 Краснощекова, Н. В. Сюжетно-ролевые игры для детей дошкольного возраста / Н. В. Краснощекова. – 3- изд. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 251 с.

5 Буршит, И. В. Влияние сюжетно-ролевой игры на развитие детей дошкольного возраста / И. В. Буршит, А. А. Зайцева // Символ науки. – 2016. – № 1–2. – С. 139–141.

А. Е. Журавлева, А. О. Аржанникова

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Данная статья посвящена изучению личностных особенностей юношей и девушек с интернет-зависимостью. В ней рассмотрены понятия «зависимость», «аддикция», а также описаны различия в особенностях личности юношей и девушек с разной склонностью к интернет-зависимости.

Ключевые слова: личностные особенности, интернет-зависимость, юношеский возраст.

Актуальность проблемы чрезмерной потребности к использованию интернета стала возрастать в связи с популяризацией всемирной информационной сети. Это привело к тому, что в 90-х годах прошлого века появилась необходимость введения нового вида аддиктивного поведения – интернет-зависимости. На сегодняшний день в мире более 5 млрд. человек являются уникальными пользователями сети Internet как в профессиональной сфере, так и в обыденной жизни. По данным Национального статистического комитета РБ, более 90% белорусской молодёжи имеет доступ к «всемирной паутине», что обусловлено введением новых форм обучения, связанных с использованием информационно-коммуникативных технологий в образовательном процессе высших учебных заведений. В связи с этим проблема зависимости от интернета среди современной молодежи в последние годы стала особенно значимой.

Изначально зависимость – это обычное пристрастие и, после эмоционального удовлетворения, оно становится аддикцией. Само понятие «аддикция» – вид расстройства, которое представляет собой дестабилизирующее поведение [1, с. 18]. Согласно определению М. Кордуэлла [2, с. 29], зависимость – разновидность расстройства личности, при которой возникает потребность в поддержке других людей или опоре на них в связи с неспособностью принятия индивидом простейших самостоятельных решений при одновременном ощущении чувства неадекватности и беспомощности. Общение в интернете формирует у юношей и девушек определённую иллюзию защиты от одиночества, так как в нём можно найти эмоциональную поддержку. Кроме того, зависимость приводит к эмоциональной неустойчивости, поведенческим расстройствам, снижению волевой регуляции.

Зарубежные (М. Кордуэлл, Д. Р. Меерс, М. Орзак) и отечественные (В. Д. Менделевич, Е. В. Змановская, А. Е. Войскунский, В. Ю. Рыбников, А. В. Котляров, А. Ю. Акопов) исследователи утверждают, что интернет-зависимость создаёт ряд проблем для молодых людей: трудности социальной адаптации, снижение учебной мотивации, хроническое чувство усталости, сниженный фон настроения, неспособность контролировать время, проведенное за компьютером и т.д. Кроме того, можно выделить личностные особенности склонных к интернет-зависимости

юношей и девушек, такие как, агрессивность, тревожность, эмоциональная отстраненность, низкий уровень развития коммуникативной компетентности.

Для изучения личностных особенностей юношей и девушек с интернет-зависимостью было проведено исследование, в котором приняли участие студенты учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»: 85 респондентов, обучающихся на факультете психологии и педагогики, филологическом факультете, факультете физики и информационных технологий.

В качестве психодиагностического инструментария были использованы следующие методики: «Шкала Интернет-зависимости» С. Чена (адаптация В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова), которая позволяет изучить психологические детерминанты интернет-зависимости в юношеском возрасте, а также 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (форма С) (адаптация Э. С. Чугуновой) [2, с. 12]. Математико-статистический анализ проводился с использованием t-критерия Стьюдента для оценки различий между выборками.

Результаты исследования общей выборки по шкале Интернет-зависимости С. Чена представлены в таблице 1. Анализ данных, представленных в таблице 1, позволяет сделать следующие выводы: респонденты с минимальным риском возникновения Интернет-зависимого поведения составляют 34% от всей выборки, они проводят минимальное количество времени в сети; 34% опрошенных имеют склонность к возникновению Интернет-зависимого поведения, что создает предпосылки к возникновению интернет-аддикции; юноши и девушки с выраженным и устойчивым паттерном Интернет-зависимого поведения составляют 32%, им свойственен устойчивый паттерн зависимого поведения.

Таблица 1 – Результаты исследования показателя интернет-зависимости студентов по методике «Шкала Интернет-зависимости» С. Чена

Показатель интернет-зависимости	Количество студентов	Количество студентов в %
Минимальный риск	29	34
Склонный	29	34
Зависимый	27	32

Результаты исследования различий личностных особенностей юношей и девушек с разными показателями склонности к интернет-зависимости представлены в таблицах 2 – 4.

Таблица 2 – Показатели различий между группой юношей и девушек с интернет-зависимостью и группой юношей и девушек без интернет-зависимости по каждому из факторов

Фактор	Статистика t-критерия Стьюдента	Среднее значение
MD – самооценка *	2,5	0,66
A – замкнутость – общительность	0,6	1,66
B – интеллект *	5,5	0,63
C – эмоциональная устойчивость	1,7	0,57
E – доминантность – подчиненность *	1,2	0,72
F – сдержанность – экспрессивность	1,6	0,84
G – нравственность *	5,5	0,63
H – социальная смелость	0,9	1,78
I – жестокость – чувствительность	0,5	1,05
L – доверчивость – подозрительность*	0,5	0,94

Продолжение таблицы 2

М – практичность – мечтательность	2,4	0,48
N – простота – утонченность	0,2	0,97
O – спокойствие – тревожность *	2,7	0,37
Q1– консерватизм – радикализм	0,5	0,91
Q2 – конформизм – нонконформизм	0,1	0,57
Q3 – самоконтроль	0,9	0,98
Q4 – расслабленность – напряженность*	3,6	0,28
Примечание: * – достоверно значимые различия между группами испытуемых		

Проанализировав данные в таблице 2, можно сделать вывод, что юноши и девушки с интернет-зависимостью имеют более низкую самооценку, менее общительны, замкнуты в себе. Они менее доверительны по отношению к людям, подозрительны. Предпочитают доминантности подчинение. Молодые люди с интернет-зависимостью имеют низкую чувствительность, некоторую эмоциональную уплощенность. Им характерно недовольство собой, подверженность сомнениям. Однако им свойственна подвижность мышления, высокий уровень воображения, они более спокойны и рассудительны.

Таблица 3 – Показатели различий между группой юношей и девушек с зависимостью и группой респондентов, склонных к зависимости по каждому из факторов

Фактор	Статистика t-критерия Стьюдента	Среднее значение
MD – самооценка	0,4	1,13
A – замкнутость – общительность	0,3	1,42
B – интеллект *	3,9	0,29
C – эмоциональная устойчивость	1,6	0,38
E – доминантность – подчиненность *	0,2	1,51
F – сдержанность – экспрессивность	0,7	0,57
G – нравственность	4,6	0,28
H – социальная смелость	0,2	1,01
Продолжение таблицы 3		
I – жестокость – чувствительность	0,1	0,97
L – доверчивость – подозрительность*	0,3	1,02
M – практичность – мечтательность	0,3	1,12
N – простота – утонченность	0,7	0,69
O – спокойствие – тревожность	1,1	0,93
Q1– консерватизм – радикализм	0,7	0,65
Q2 – конформизм – нонконформизм *	1	0,67
Q3 – самоконтроль	0,7	0,34
Q4 – расслабленность – напряженность	2,3	0,78
Примечание: * – достоверно значимые различия между группами испытуемых		

Проанализировав данные в таблице 3, можно сделать вывод, что юноши со склонностью к зависимости также, как и юноши и девушки с Интернет-зависимостью имеют подвижность мышления, высокий уровень общей культуры, умение оперировать абстракциями, развитые аналитические способности и интеллектуальные интересы. Им свойственно стремление к новым знаниям, отмечается самостоятельность и оригинальность в решении интеллектуальных задач. Однако при этом юношам и девушкам со склонностью к интернет-зависимости свойственны эмоционально-волевая незрелость личности.

Таблица 4 – Показатели различий между группой респондентов с минимальным зависимостью и группой без зависимости по каждому из факторов

Фактор	Статистика t-критерия Стьюдента	Среднее значение
MD – самооценка *	2,2	0,61
A – замкнутость – общительность	0,4	1,52
B – интеллект	2,3	0,66
C – эмоциональная устойчивость *	0,1	1,18
E – доминантность – подчиненность *	1,2	0,79
F – сдержанность – экспрессивность	2,2	0,26
G – нравственность	0,8	0,71
H – социальная смелость *	0,7	1,22
I – жестокость – чувствительность	0,3	1,67
L – доверчивость – подозрительность *	0,2	1,32
M – практичность – мечтательность	2,6	0,45
N – простота – утонченность *	1	0,99
O – спокойствие – тревожность	1,8	0,71
Q1 – консерватизм – радикализм *	0,3	1,03
Q2 – конформизм – неконформизм	1	0,75
Q3 – самоконтроль	0,3	0,96
Q4 – расслабленность – напряженность	1,2	0,33
Примечание: * – достоверно значимые различия между группами испытуемых		

Проанализировав данные в таблице 4, можно сделать вывод, что для юношей и девушек с минимальной склонностью к Интернет-зависимости характерно принятие себя, они знают свои качества и имеют выше самооценку. Юноши и девушки этой категории в большей степени зависимы от мнения других, им характерна некоторая социальная несамостоятельность, однако в отношении мотивации и чувстве долга они склонны проявлять независимость.

Таким образом, в результате эмпирического исследования личностных особенностей юношей и девушек с интернет-зависимостью было выявлено, что респонденты с интернет-зависимостью отличаются замкнутостью и напряжённостью по отношению к другим людям, поэтому с ними труднее наладить контакт. Они эмоционально неустойчивы, импульсивны, что сказывается на близких людях. Данные представители отличаются интровертированной направленностью. В основном они направлены на конкретное практическое мышление. То время как у юношей и девушек с минимальным риском и склонностью к интернет-зависимости отмечается открытость миру и готовность брать на себя ответственность. Они имеют экстравертированную направленность, активны, экспрессивны в общении.

Список использованных источников

- 1 Завалишина, О. В. Интернет-аддикция – одна из актуальных проблем современности / О. В. Завалишина, Н. А. Загуменных, Е. С. Постоева // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 105. – С. 14-24.
- 2 Малыгин, В. Л. Интернет-зависимое поведение, клиника и диагностика / В. Л. Малыгин, Н. С. Хомерики. Е. А. Смирнова, А. А. Антоненко // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. – 2015. – № 8. – С. 86-92.

А. Е. Журавлева, М. Н. Потапенко

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ

Статья посвящена изучению личностных особенностей юношей и девушек с компьютерно-игровой зависимостью. В ней описывается понятие «компьютерно-игровая зависимость», раскрываются причины формирования данного вида зависимого поведения. Также представлены результаты эмпирического исследования особенностей личности студентов, имеющих и не имеющих компьютерно-игровую зависимость.

Ключевые слова: зависимость, компьютерно-игровая зависимость, личностные особенности, юношеский возраст.

В связи с интенсивным развитием компьютерных технологий и сетевых ресурсов в современном обществе постоянно увеличивается количество молодых людей, страдающих от компьютерно-игровой зависимости. Как показывает статистика, более 2 миллиардов человек играют в видеоигры по всему миру и около 10% игроков имеют проблемы с зависимостью. Так, опрос жителей Соединенных Штатов Америки показал, что 64% американцев страдают от компьютерно-игровой зависимости [1].

Современные исследования позволяют понять, что феномен компьютерно-игровой зависимости связан с патологическим использованием компьютерных игр для опосредования игровой деятельности. Отечественные и зарубежные психологи относят компьютерно-игровую зависимость к группе нехимических зависимостей, поскольку объектом данной зависимости является поведенческий паттерн. Тем не менее отдельные исследователи признают компьютерно-игровую зависимость одной из социально опасных аддиктивных форм поведения, так как она может быть причиной развития психопатологических изменений личности и нарушения поведения [2, с. 8–9].

Также можно говорить о разной степени формирования данной зависимости, которая непосредственно связана с типологией компьютерных игр. Считается наиболее вероятным ее возникновение в результате использования ролевых компьютерных игр, приобщение к которым происходит достаточно быстро. Обусловлено это тем, что виртуальный мир удовлетворяет большинство потребностей молодых людей, предлагая легкодоступность и большинство преимуществ перед реальностью за счёт возможности формирования нового идеального образа «Я», анонимности и большому количеству информации [3, с. 86].

В связи с вышеизложенным, следует отметить, что в 2018 году Всемирная организация здравоохранения включила игровое расстройство в 11-й перечень международной классификации болезней, где компьютерно-игровая зависимость обозначается как «Игровое расстройство». Этот диагноз ставится тем, кто в течение 12 месяцев не контролировал свое игровое поведение, ставил игры превыше других интересов и видов деятельности и продолжал играть, несмотря на негативные последствия для собственного здоровья [4].

В последнее время растет число различных исследований компьютерно-игровой зависимости, а также ее влияния на личность игрока. Среди отечественных исследователей компьютерно-игровую зависимость изучали А. Л. Венгер, Ю. Д. Бабаева, К. Янг, Н. И. Алтухова, К. Ю. Галкина. Также был проведен ряд исследований, затрагивающих проблему игр агрессивного характера, их влияния на психическое состояние играющего, авторами которых являются: В. И. Медведев, В. П. Казначеев, Ю. Д. Бабаева, А. В. Войскунский. Некоторые исследователи отмечают и положительный эффект влияния игр на личность: В. Г. Болтянский, Е. П. Велихов, В. В. Рубцов, Е. Ю. Заничковский, Е. И. Машбиц, Ю. Д. Бабаева. Мотивы погружения в компьютерную реальность описаны в работах таких исследователей, как А. Г. Макалатия, Н. Йи, К. Е. Диллом, М. Баллард.

На основе исследований К. С. Янг, М. Гриффитса, С. К. Рыженко, Ю. В. Фомичевой и других было установлено, что существует личностная предрасположенность к увлеченности компьютерными играми. Среди факторов, способствующих возникновению компьютерно-игровой зависимости выделяются следующие: низкая самооценка, малочисленность и бедность социальных контактов, высокий интеллект и творческий потенциал личности, потребность в признании собственной силы другими людьми, сниженная переносимость трудностей повседневной жизни, наряду с хорошей переносимостью кризисных ситуаций, скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством, стереотипность поведения, зависимость и тревожность. Также на формирование зависимости у юношей и подростков может повлиять воспитание в детстве, в частности, психологические травмы, формирование ранней тревоги в связи с эмоциональным напряжением или наличие зависимого поведения у других членов семьи.

Как отмечает К. С. Янг, больше всего подвержены компьютерно-игровой зависимости лица подросткового и юношеского возраста. Как известно, юношество – это период развития человека до полного созревания. В среднем это от 16 до 22 лет. В этом возрасте самоутверждение становится жизненной необходимостью, оно выступает как потребность занять внутреннюю позицию взрослого человека, осознать свое место в обществе, понять себя и свои возможности. Важной целью юношей и девушек становится подтверждение собственной значимости в своих глазах и глазах других. В этом возрасте в сознании закладываются фундаментальные установки, которые проявляются со временем как ценностные ориентиры в жизни.

Также в юности осуществляется интенсивное коммуникабельное развитие, связанное с повышением общительности, снижением остроты межличностных конфликтов, стремлением к обмену информацией, к пониманию, сочувствию, помощи, добрым отношениям, дружескому общению, сдержанности в поведении и др.

Было проведено эмпирическое исследование изучения личностных особенностей юношей и девушек с компьютерно-игровой зависимостью.

В нем приняли участие 78 студентов первого курса, из них 36 обучаются на факультете математики и технологий программирования, 20 – на факультете физики и информационных технологий и 22 на факультете психологии и педагогики в учреждении образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины». Средний возраст респондентов составил 19 лет.

Для выявления наличия компьютерно-игровой зависимости в юношеском возрасте была использована методика «Определение зависимости от компьютерных игр» А. В. Котлярова. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования наличия у респондентов зависимости от компьютерных игр с помощью методики «Определение зависимости от компьютерных игр» А. В. Котлярова

Показатель наличия зависимости	Количество человек	%
Не имеют зависимости	48	61
Имеют зависимость	30	39

Согласно данным, представленным в таблице 1, можно сделать вывод, что у 61% опрошенных отсутствует увлеченность компьютерными играми. Остальные 39% студентов имеют зависимость от компьютерных игр.

Для выявления личностных особенностей юношей и девушек с игровой зависимостью был использован 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (форма С).

Результаты изучения различий личностных особенностей юношей и девушек с компьютерно-игровой зависимостью и без нее представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Показатели различий личностных особенностей юношей и девушек с компьютерно-игровой зависимостью и юношей и девушек без компьютерно-игровой зависимости

Факторы	Статистика t-критерия Стьюдента	Среднее значение
MD – самооценка	0,7	0,008
A – замкнутость – общительность *	5,6	0,009
B – интеллект	0	0,018
C – эмоциональная устойчивость *	3,1	0,013
E – доминантность – подчиненность *	3,3	0,012
F – сдержанность – экспрессивность	2,3	0,016
G – нравственность	0,7	0,011
H – социальная смелость *	4,3	0,010
I – жестокость – чувствительность	1	0,012
L – доверчивость – подозрительность*	3,5	0,006
M – практичность – мечтательность	1,3	0,012
N – простота – утонченность *	3,5	0,008
O – спокойствие – тревожность	1,7	0,013
Q1 – консерватизм – радикализм *	4	0,006
Q2 – конформизм – неконформизм	0,9	0,009
Q3 – самоконтроль	1,1	0,011
Q4 – расслабленность – напряженность	0,2	0,024
Примечание: * – достоверно значимые различия между группами испытуемых		

Полученные результаты в таблице 2 свидетельствуют о том, что юноши и девушки с компьютерно-игровой зависимостью по сравнению с юношами и девушками без компьютерно-игровой зависимости:

- менее общительны, сдержанны, предпочитают работать в одиночестве, вещи их привлекают больше, чем люди, иногда им свойственна критичность, негибкость, жестокость;

- также отмечается, что они более эмоционально неустойчивые, это значит, что они легко раздражаются из-за тех или иных событий или людей, в большинстве случаев не удовлетворены своей жизненной ситуацией, собственным здоровьем;

- им больше свойственна подчиненность, нежели доминантность, они более уступчивы, покорны, часто зависимы, нередко признают свою вину;

- они более робкие, застенчивые, уклончивые, зачастую держатся в стороне, обычно испытывают чувство собственной недостаточности, избегают профессий, связанных с личными контактами, как правило, имеют только одного или двух друзей, не склонны вникать во все, что происходит вокруг них;

- недоверчивые, сомневающиеся, часто погружаются в свое «Я», упрямые, они достаточно осмотрительны в своих действиях, мало заботятся о других людях, плохо работают в группе;

- в большинстве своем они являются консерваторами, им ближе устойчивость по отношению к традициям и сомнения в отношении к новым идеям, сопротивление переменам, узость интеллектуальных интересов, ориентация на конкретную реальную деятельность.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование личностных особенностей юношей и девушек с компьютерно-игровой зависимостью позволяет сделать вывод о том, что такие молодые люди довольно сдержанны в межличностных контактах, они испытывают трудности в непосредственном и социальном общении, замкнуты, направлены на свой внутренний мир. Многим из них свойственна интроверсия – поведение, характеризующее направленностью

жизни на субъективное психическое содержание. Респонденты обладают низкой чувствительностью, поэтому в их характере имеется определенная эмоциональная упрощенность. Им не свойственны романтические порывы и возвышенное мировосприятие. Кроме этого, юноши и девушки с компьютерно-игровой зависимостью обладают конкретным воображением, критичностью и консервативностью в принятии нового, направлены на конкретное практическое мышление.

В качестве положительных моментов следует отметить у таких молодых людей рациональность, практичность, спокойную адекватность в восприятии действительности, уравновешенность и стабильность в поведении, а также четко выраженный прагматизм – направленность на конкретную практическую деятельность и на реальную действительность. Помимо этого, им также свойственна оперативность, подвижность мышления, высокий уровень общей культуры, эрудированность.

Список использованных источников

1 Hull, M. Video Game Addiction Statistics / M. Hull [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.therecoveryvillage.com/process-addiction/video-game-addiction/related/gaming-addiction-statistics>. – Дата доступа: 12.04.2020.

2 Короленко, Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: НГПУ, 2001. – 159 с.

3 Шапкин, С. А. Компьютерная игра: новая область психологических исследований / С. А. Шапкин // Психологический журнал – 1999. – Т. 20. – С 8–88.

4 International Classification of Diseases, 11th Revision (ICD-11) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://icd.who.int/browse11/l-m/en#/http://id.who.int/icd/entity/1448597234>. – Дата доступа: 12.04.2020.

Н. И. Колтышева, О. Н. Коржуева

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СКЛОННЫХ К АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматривается проблема увеличения числа подростков, склонных к аддиктивному поведению. Представлены результаты изучения психологических особенностей склонных к алкогольной зависимости подростков (особенности самооценки, саморегуляции, регуляции поведения, эмоциональное реагирование, ценности).

Ключевые слова: подростки, подростки, склонные к алкогольной зависимости, самооценка, саморегуляция, терминальные ценности.

Алкогольная зависимость является одной из самых глобальных медико-социально-психологических проблем современного общества [1, с. 148]. Ежегодно от непосредственного употребления алкоголя, последствий его негативного воздействия на организм, актов насилия, ДТП, спровоцированных лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения, умирает больше людей, чем от СПИДа и туберкулеза вместе взятых. По данным экспертов ВОЗ 5,9 % всех смертельных исходов в мире ассоциированы с алкоголем [2]. Не смотря на созданную систему профилактики алкоголизма, поощрение трезвого образа жизни, последствия алкогольной зависимости остаются катастрофическими.

В современном мире весьма распространенным явлением можно считать подростковый алкоголизм, который формируется в возрасте от 13 до 18 лет. Наблюдается рост численности подростков, систематически употребляющих алкоголь, наметилась тенденция снижения возраста

приобщения к алкоголю. Средний возраст начала употребления алкоголя составляет 14 лет. Привыкание к спиртным напиткам у подростков происходит гораздо быстрее, нежели у взрослых, что в будущем может привести к социальной нестабильности современного общества.

Проблема распространения алкоголизма в молодежной среде рассматривается в работах многих ученых (В. С. Битенский, Б. С. Братусь, М. Г. Гулямов, В. Т. Кондратенко, А. Е. Личко, А. В. Митюхляев, Н. Г. Найденова, А. В. Погосов, П. И. Сидоров и др.). Большинство авторов определяют подростковый возраст как наиболее уязвимый к негативным воздействиям внешней среды, подверженный стрессовым и конфликтным ситуациям (Я. И. Гишинский, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, Р. М. Грановская, Е. В. Змановская, А. Ю. Егоров и др.). По мнению Г. Навайтис, психологические трудности подростка могут возникать не только в результате физического, полового созревания, но и как следствие кризиса личности или конфликта в общении с близким человеком. Как отмечает Х. Ремшмидт, переживания кризиса могут стать причиной различных форм поведения, характеризующихся снижением адаптивности подростков: отклоняющегося поведения, аддиктивного поведения.

Цель исследования – изучить психологические особенности склонных к алкогольной зависимости подростков. *База исследования* – ГУО «Гимназия № 2 г. Бобруйска». Выборочную совокупность составили 60 подростков 14–15 лет, из них 30 мальчиков и 30 девочек. В соответствии с целью исследования был определен следующий *психодиагностический инструментарий*: тест склонности к зависимому поведению (В. Д. Менделевича); методика измерения самооценки Т. В. Дембо-С. Я. Рубинштейн (модифицированный А. М. Прихожан); тест «Опросник Айзенка» (сокращенный вариант); опросник «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросановой); тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверькова, Е. В. Эйдмана); опросник терминальных ценностей (И. Г. Сенина).

По результатам исследования можно говорить о том, что у 53 % исследуемых нами подростков отсутствует склонность к алкогольной зависимости. У подростков отсутствуют личностные особенности, способствующие развитию данной зависимости. У 37 % подростков отмечаются признаки повышенной склонности к алкогольному зависимому поведению. При неудачно сложившихся жизненных ситуациях возможен риск развития алкогольной зависимости. У 10% подростков выявлена высокая склонность к алкогольному зависимому поведению. У данной части подростков отмечается высокая направленность на употребление спиртных напитков, позитивное отношение к зависимости и черты личности, которые значительно увеличивают риск зависимого алкогольного поведения.

Таким образом, анализ проведенной диагностики склонности к алкогольной аддикции у подростков позволил разделить обследуемых на две подгруппы: подростки, склонные к алкогольной зависимости (СКАЗ) и подростки, не склонные к алкогольной зависимости (НСКАЗ). Группу не склонных к алкогольной зависимости составили подростки, у которых по результатам диагностики отсутствует склонность к алкогольной зависимости (32 человека). Группа склонных к алкогольной зависимости была сформирована из подростков, у которых по результатам диагностики, выявлены признаки повышенной и высокой склонности к алкогольной зависимости (28 подростков).

Следующий этап исследования был направлен на выявление психологических особенностей подростков, склонных к алкогольной зависимости. Проведенное эмпирическое исследование позволило выделить психологические особенности подростков, склонных к алкогольной зависимости, подтвержденные статистически (критерий углового преобразования Фишера). Подростки, склонные к алкогольной зависимости отличаются более низким уровнем самооценки, излишней неуверенностью в себе, собственных силах, робостью, чрезмерной стеснительностью, боязнью высказать собственное мнение, они весьма серьезно относятся к замечаниям, критике со стороны сверстников. Они менее эмоционально устойчивы, более ранимы, не могут справляться со своими отрицательными эмоциями (обидой, тревогой), которые могут у них перейти в гнев и даже агрессию, мстительность. Для таких подростков характерен более низкий уровень индивидуальной саморегуляции (недостаточно развита потребность в осознанном планировании

и программировании своего поведения). Выдвигаемые цели ситуативные, выдвигаются спонтанно, обычно навязаны извне. При отсутствии контроля со стороны других наблюдаются сбои процесса саморегуляции. Импульсивность, неумение планировать и добиваться запланированного приводят к несоответствию полученных результатов целям деятельности.

Подростки, склонные к алкогольной зависимости, отличаются более низким уровнем настойчивости, что проявляется в их повышенной лабильности, неуверенности, сниженном фоне активности, импульсивности. Эти качества могут приводить к непоследовательности и даже разбросанности поведения. Также для них характерен более низкий уровень самообладания, эмоциональная неустойчивость, импульсивность, обидчивость. Более низкий уровень волевой саморегуляции проявляется в слабо развитых способностях овладения собственным поведением в различных ситуациях, неумении сознательно управлять своими действиями, состояниями и побуждениями.

Наиболее выраженными терминальными ценностями подростков, склонных к алкогольной зависимости, являются высокое материальное положение, собственный престиж. Они сильно заинтересованы в мнениях окружающих о себе, так как нуждаются в социальном одобрении своего поведения. Они стремятся к более высокому уровню своего материального благосостояния, считая его условием счастливой жизни и основанием для развития чувства собственной значимости и завышенной самооценки.

Список использованных источников

1 Лобан, И. А. Проблема алкоголизма в Республике Беларусь. Рекомендации по снижению потребления алкоголя населением Республики Беларусь / И. А. Лобан, О. С. Шилович // Наука, техника и образование. – 2016. – № 3. – С. 148–150.

2 Официальный сайт Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.who.int>. – Дата доступа: 12.04.2020.

Г. М. Цыркунова, А. В. Бутько

Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ

В статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема профилактики и предупреждения распространения ВИЧ. Для этой цели необходимо грамотно и в полном объеме использовать возможности информационных кампаний. В статье приведен алгоритм составления и проведения такой кампании.

Ключевые слова: ВИЧ, профилактика, информационная кампания.

Распространение ВИЧ (вирус иммунодефицита человека) оказывает негативный эффект на многие сферы социальной и экономической жизни, ставя под угрозу благополучие целых регионов. Сохранение человеческих жизней и достижение устойчивого развития возможно посредством использования последних методик по противодействию эпидемии ВИЧ, базовым принципом которых является предоставление каждому человеку, независимо от пола, расы и социального благополучия, достоверной, объективной информации.

Цель работы - определить роль информационных кампаний в профилактике ВИЧ.

Путем распространения информации, повышения уровня осведомленности можно изменить отношение человека к определенному явлению или предмету. Поэтому сегодня большое значение в решении социально значимых проблем играют информационные кампании. Информационные

кампании ставят перед собой цель изменить поведение людей посредством целенаправленного просвещения, объединяя ресурсы и взаимодействуя с другими организациями. Создавая общественный резонанс, они содействуют обмену информацией о проблеме, активизируют дискуссии на различных уровнях, таким образом привлекая внимание общественности к способам решения проблемы. При этом взаимодействие с определенной группой людей может быть организовано как с помощью каналов массовой коммуникации, так и через индивидуальное информирование и обучение.

Проведение информационных кампаний, направленных на профилактику ВИЧ, в большинстве случаев обусловлено следующими целями: а) предоставить достоверную информацию о ВИЧ, его профилактике, доступных способах тестирования; б) сформировать модели безопасного поведения; в) создать позитивное личностное отношение к проблеме, в том числе толерантное отношение к ВИЧ-положительным людям. Развитие коммуникационной кампании должно быть стратегическим и соответствовать достижению конкретных и измеримых результатов, поэтому, как правило, эффективная информационная кампания включает в себя комплекс взаимосвязанных мероприятий для ранее определенной в ходе исследования целевой аудитории. Объединенная программа ООН по ВИЧ/СПИД (ЮНЭЙДС) подчеркивает, что на протяжении всей работы необходимо соблюдать такие принципы, как реалистичность поставленных целей; доступность программы для целевой аудитории; внимание к правовым и социокультурным аспектам, которые могут напрямую или косвенно повлиять на эффективность информационной кампании. При этом кампания должна быть ограничена по времени, а ее результаты должны оцениваться по заранее определенным показателям [1].

На начальном этапе разработки любой информационной кампании необходимо обозначить целевую группу, в зависимости от которой специалистами определяются наиболее подходящие каналы коммуникации, формируется предназначенное для передачи сообщение. На данном этапе стал популярен подход, при котором представители целевой группы принимают непосредственное участие в разработке слогана, дизайна продукции, оценивают конечный результат перед запуском информационной кампании, а позже участвуют в непосредственной реализации (в мероприятиях, в видео-, аудиоматериалах и т. д.). Таким образом, сообщение с большей эффективностью будет воспринято целевой аудиторией – кампания будет организована с учетом реальных особенностей и потребностей тех, на кого она направлена.

В настоящее время большое внимание уделяется этапу формирования сообщения информационной кампании. В своих последних рекомендациях ЮНЭЙДС подчеркивает, что послание информационной кампании должно «оказывать поддержку, а не лишать силы», то есть быть позитивным, основанным на положительных образах, не вызывающим страх, но при этом сообщение должно побуждать к конкретным действиям, направленным на сохранение здоровья» [1]. В своих рекомендациях ЮНЭСКО обращает внимание на такие элементы успеха кампании, как понимание целевой аудитории, предварительное тестирование сообщений, а также на организацию конкретных точек по предоставлению услуг (например, информационных центров, позволяющих получить индивидуальную консультацию, сдать анонимный экспресс-тест) и на продвижение фирменных информационных продуктов [2].

Продвижение фирменных информационных продуктов (плакатов, брошюр, листовок, значков и т. д.), эффективно за счет того, что они могут иметь длительный срок хранения, закрепляя таким образом в памяти предоставленную ранее информацию. При этом используемые во время мероприятий информационные продукты в последнее время связываются одной идеей и объединяются в единое целое посредством общего дизайна.

Таким образом, в ходе проведенного исследования нами были сформулированы следующие рекомендации, касающиеся организации информационных кампаний по профилактике ВИЧ-инфекций: во время разработки информационной кампании следует привлекать представителей целевой группы, а также давать им возможность участвовать в непосредственном проведении кампании; послание информационной кампании должно быть позитивным, не вызывающим чувство страха; стоит избегать общих сообщений, не стоит акцентировать внимание только на

массовые каналы коммуникации, их совмещение с индивидуальным информированием, обучением, распространением фирменных информационных продуктов с большей вероятностью приведет к ожидаемому результату.

Список использованных источников

1 Сборник примеров передовой практики здравоохранения в сфере противодействия ВИЧ-инфекции в Европейском регионе ВОЗ // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <http://www.euro.who.int>. – Дата доступа: 03.03.2020.

2 Сборник лучших практик профилактической работы по проблеме ВИЧ / СПИДа среди учащейся и студенческой молодежи / В. Н. Никонович [и др.]. – Минск : Ковчег, 2011. – 72 с.

А. Ю. Швацкий

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ,
г. Орск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ОБУЧАЮЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Данная статья посвящена анализу проблемы здоровьесбережения обучающихся. В частности, рассмотрены понятие и критерии здорового образа жизни человека, определена роль занятий хореографией в сохранении и укреплении здоровья младших школьников. По результатам экспериментального исследования выявлены условия эффективного формирования здорового образа жизни обучающихся младшего школьного возраста на занятиях хореографией.

Ключевые слова: здоровье, обучающийся, младший школьный возраст, хореография, учреждение дополнительного образования

Здоровье – это первая и важнейшая потребность человека. Основным фундаментом будущей личности закладывается в детстве, следовательно, одним из важнейших факторов становления полноценного и успешного человека является сохранение и укрепление здоровья детей от рождения до вступления во взрослую жизнь. Очень важно привить ребёнку навыки здорового образа жизни в раннем возрасте, когда формируются основные качества характера.

Исследования медиков показывают, что состояние здоровья населения, особенно детей, с каждым годом ухудшается: растёт количество детей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, ожирением, нарушением осанки, речи, зрения, деятельности органов дыхания, снижается сопротивляемость организма различного рода заболеваниям.

В связи с этим становится актуальной проблема поиска эффективных путей укрепления и сохранения здоровья детей, коррекции недостатков физического развития, профилактики заболеваний и увеличения двигательной активности как мощного фактора их интеллектуального и эмоционального развития. И не только общеобразовательная школа должна сформировать у каждого обучающегося активную позицию на здоровый образ жизни, но и немалую роль играет здесь деятельность учреждений дополнительного образования.

Изучению проблемы формирования здорового образа жизни обучающихся и разработки образовательных программ, направленных на здоровьесбережение обучающихся, посвящены работы многих авторов (Н. М. Амосов, И. И. Брехман, Г. К. Зайцев, В. В. Колбанов, Ю. П. Лисицын, В. В. Марков, Л. Г. Татарникова, Б. Н. Чумаков и др.). Представленные в научной литературе определения понятия «здоровьесбережения» базируются на категориях поведения человека, способа жизнедеятельности, поддержания здоровья, формирования привычек и др.

Содержание понятия «здоровье обучающегося» в современной психологии и педагогике

определяется как образ существования, закрепленный на уровне сознания человека, который активизируется под воздействием различных субъективных и объективных факторов, благоприятно влияющих на эмоциональное состояние и поведение человека. При этом здоровый образ жизни выступает как мотивационная детерминанта, которая определяет гармоничное развитие всех аспектов личности человека, его самореализацию в социуме и достижение активного долголетия [1].

В. В. Марков указывает, что «здоровый образ жизни – это тип жизнедеятельности человека, который способствует сохранению, укреплению здоровья, или комплекс мероприятий, направленный на укрепление здоровья» [2, с. 1]. Автор анализирует понятие здоровьесбережения, выделяя в его структуре три компонента: физическое здоровье; психическое здоровье; социальное здоровье (нравственное).

Б. Н. Чумаков [3] выделяет три базовых критерия здорового образа жизни человека: потребностный или ценностно-смысловой критерий, операционно-деятельностный, эмоционально-волевой. Первый предполагает наличие у человека знания о здоровье и здоровом образе жизни, понимание им ценности здоровьесбережения. Операционно-деятельностный критерий рассматривается сквозь призму отношения человека к здоровому образу жизни и практической деятельности, которая позволяет заботиться о своем здоровье. Третий критерий определяет готовность человека самоорганизовываться и мобилизовать все психологические ресурсы, чтобы следовать установке на здоровьесбережение и не поддаваться воздействию деструктивных социальных элементов.

В последнее время большинство ученых, работающих в области валеологии, уделяют внимание проблеме формирования здорового образа жизни обучающихся на занятиях хореографией в системе дополнительного образования. Занятия хореографией ориентированы на развитие творческих способностей детей в области танцевального искусства, передачу духовного и культурного опыта человечества, воспитание творческой личности. Основой хореографии является раскрытие творческих способностей обучающихся, их нравственное и художественно-эстетическое развитие через эмоциональное восприятие и образное мышление, подготовка к постижению великого мира искусства, формирование стремления к воссозданию чувственного образа воспринимаемого мира.

Гармоничное развитие обучающихся, всестороннее совершенствование их двигательных способностей, укрепление здоровья является основной целью хореографии. В процессе занятий формируются жизненно важные двигательные умения и навыки, приобретаются специальные знания, воспитываются моральные и волевые качества. Развитие гибкости, координации, музыкальности, наряду с развитием силы и выносливости, формирование красивой фигуры – все это делает хореографию для детей очень привлекательной [4].

Роль хореографии в развитии ребёнка важна и многогранна. В укреплении здоровья, физических сил она гармонично, равномерно и с одинаковой степенью активности развивает все группы мышц, в том числе и лицевых (мимика). Основой хореографии является танец – форма организации танцевальных движений. Среди всех искусств, в единстве с которыми развивается танец, музыка наиболее близка ему по обобщенности, ассоциативности и структурным закономерностям.

С целью выявления условий эффективной организации здоровьесберегающей деятельности обучающихся младшего школьного возраста нами было проведено экспериментальное исследование на базе Центра развития творчества детей и юношества «Искра» г.Орска Оренбургской области. В исследовании принимали участие обучающиеся 7–8 лет в количестве 24 человек. Исследование проводилось в три этапа: диагностический, формирующий и контрольный.

Диагностирующий этап эксперимента был ориентирован на установление начального состояния таких показателей физического здоровья испытуемых, как: состояние осанки, шага, гибкости, стопы у детей в начале эксперимента. За основу исследования мы взяли «Методику

определения осанки», «Методику определения балетного шага», «Методику определения гибкости», «Методику исследования стопы» [5].

Результаты диагностики показывают, что большинство учащихся имеют средний уровень состояния осанки, шага, гибкости, стопы. Так, в группе испытуемых 16% обучающихся имеют высокий уровень состояния осанки, шага, гибкости, стопы, 50% – средний уровень. Низкий уровень был зафиксирован у 34% обучающихся.

Целью формирующего эксперимента стало сохранение и укрепление здоровья детей младшего школьного возраста средствами хореографии на занятиях в детском объединении. Нами был реализован комплекс занятий, направленных на: развитие и укрепление мышц спины, формирование правильной осанки; развитие гибкости, развитие шага, укрепление стопы; охрана и укрепление общего физического здоровья обучающихся. Работа проходила в несколько этапов.

На первом этапе большая часть каждого занятия, в отличие от других программ по хореографии, опиралась на общеукрепляющие упражнения, на партерный экзерсис, что облегчает быстрое и эффективное формирование устойчивости, выворотности колена и паха, силы ног, гибкости и растяжки у детей 7–8 возраста, овладение простыми элементами историко-бытовых танцев, а также базовыми позициями и движениями классического танца.

На следующем этапе обучающиеся на занятиях продолжают закреплять полученные знания и навыки. Они выполняют упражнения на укрепление общего физического здоровья, но постепенно к ним добавляются упражнения на силу, выносливость, а также предлагаются задания, требующие более сложной техники исполнения. На данном этапе задачи общефизического и ритмического воспитания ребенка решаются в процессе изучения классического экзерсиса, так как он способствует полноценному развитию опорно-двигательного аппарата, равномерному развитию всех мышц корпуса и конечностей, расширяет диапазон танцевальных движений, формирует систему двигательных координаций, улучшает работу органов дыхания и сердечно-сосудистой системы. Добавляются разновидности равновесий, прыжков, растяжки по адаптированной методике освоения этих элементов.

Третий этап предполагает проведение специализированных занятий для детей, проявивших определенные способности к танцу. Обучение характеризуется ускорением темпа выполнения упражнений, усложнением заданий и усовершенствованием изученных движений.

На заключительном – контрольном – этапе опытно-экспериментальной работы мы провели повторную диагностику состояния осанки, шага, гибкости, стопы у обучающихся. Анализ результатов позволяет утверждать, что в группе значительно увеличился процент испытуемых по всем компонентам здорового образа жизни. Так, количество испытуемых, у которых состояние здоровья находится на высоком уровне, возросло с 16% до 25%, средний уровень был зафиксирован у 58% обучающихся, а число детей, имеющих низкий уровень состояния здоровья, сократилось в два раза – с 34% до 17%.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что занятия по хореографии, проводимые в учреждениях дополнительного образования, являются эффективным средством укрепления здоровья детей младшего школьного возраста при условии, что учитываются их возрастные и индивидуальные особенности физического здоровья, а также систематически используются общеразвивающие упражнения, партерный экзерсис и элементы классического танца.

Список использованных источников

1 Сухарев, А. Г. Двигательная активность и здоровье подрастающего поколения / А. Г. Сухарев. – М. : КНОРУС, 2012. – 312 с.

2 Марков, В. В. Основы здорового образа жизни и профилактика болезней: учеб. пособие для студ. пед. вузов / В. В. Марков. – М. : Академия, 2017. – 320 с.

3 Чумаков, Б. Н. Валеология: учеб. пособие / Б. Н. Чумаков. – М. : Педагогическое общество России, 2010. – 407 с.

4 Иваницкая, И. Н. Двигательная активность и здоровье детей / И. Н. Иваницкая. – Самара : Медицина, 2016. – 145 с.

5 Котельникова, Е. Г. Биомеханика хореографических упражнений : метод. реком. для педагогов / Е. Г. Котельникова. – Самара : Медицина, 2008. – 249 с.

Ю. А. Шевцова, Н. С. Фесюк

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ Я-КОНЦЕПЦИИ ДЕВУШЕК, СКЛОННЫХ К ПИЩЕВЫМ АДДИКЦИЯМ

В статье представлен анализ результатов эмпирического исследования особенностей Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям, по методике диагностики склонности к 13 видам зависимостей Г. В. Лозовой и методике измерения самооценки Дембо-Рубинштейн (модифицированной А. М. Прихожан).

Ключевые слова: Я-концепция, пищевые аддикции, склонность к пищевым аддикциям, самооценка, самооценка у девушек, склонных к пищевым аддикциям.

Эмпирическое исследование особенностей Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям, было проведено на базе ГУО «Средняя школа № 30 г. Бобруйска». Выборочную совокупность составили 100 девушек учащихся 10–11-х классов. Целью исследования было изучение особенностей Я-концепции девушек, склонных к пищевым аддикциям. В соответствии с целью исследования был определен следующий психодиагностический инструментарий: методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г. В. Лозовой); методика измерения самооценки Дембо-Рубинштейн (модифицированный А. М. Прихожан).

Результаты исследования склонности к пищевым аддикциям у девушек, полученные с помощью методики диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г. В. Лозовой), представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты определения склонности к пищевым аддикциям у девушек, полученные с помощью методики диагностики склонности к 13 видам зависимостей (Г. В. Лозовой)

Степень выраженности	Количество человек (n = 100)
низкая	54
средняя	24
высокая	22

Анализ данных показал, что у 54% исследуемых нами девушек отсутствует склонность к пищевой аддикции, в то время как у 24% девушек выявлена средняя степень склонности к пищевой аддикции, у 22% – высокая степень склонности. Данная часть девушек довольно часто принимает пищу не от голода, а для получения удовольствия, они постоянно думают о еде, представляют себе разные вкусы, если еда очень вкусная, то они не могут удержаться от добавки, при походе в магазин не могут удержаться, чтобы не купить что-нибудь вкусненькое.

В результате диагностики склонности к пищевым аддикциям респонденты были условно разделены на две подгруппы.

1. Девушки, склонные к пищевым аддикциям (СКПА). Группа склонных к пищевым аддикциям была сформирована из девушек со средней и высокой степенью выраженности пищевых аддикций, в общем количестве 46 человек.

2. Девушки не склонные к пищевым аддикциям (НСКПА). Группу не склонных к пищевым аддикциям составили девушки, склонность к пищевой зависимости у которых отсутствует, в общем количестве 54 человека.

Следующий этап исследования был направлен на изучение особенностей Я-концепции девушек, склонным к пищевым аддикциям.

Результаты исследования самооценки как компонента Я-концепции у девушек, склонных к пищевым аддикциям, полученные с помощью методики измерения самооценки Дембо-Рубинштейн (в адаптации А. М. Прихожан), представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования самооценки респондентов

Уровень самооценки	Девушки		Достоверность различий (φ*-углового преобразования Фишера)
	СКПА (n = 46)	НСКПА (n= 54)	
Низкий уровень	18	4	φ эмп = 3.987 при $p \leq 0,01$
Средний уровень (норма)	15	30	φ эмп = 2.332 при $p \leq 0,01$
Высокий уровень (норма)	10	16	различия отсутствуют ($p > 0,05$)
Очень высокий	3	4	различия отсутствуют ($p > 0,05$)

Анализ данных показал, что у 39 % девушек, склонных к пищевым аддикциям отмечается низкий уровень самооценки (недооценка себя). Данная часть девушек отличается излишней неуверенностью в себе, собственных силах, робостью, чрезмерной стеснительностью, боязнью высказать собственное мнение.

Средний уровень самооценки (в пределах нормы), проявляющийся в адекватной оценке своих личностных качеств и способностей, выявлен у 33 % девушек, склонных к пищевым аддикциям, и 56 % девушек, не склонных к пищевым аддикциям. Это говорит о том, что у данной части девушек сформировано адекватное отношение к себе, они умеют оценивать себя и свою деятельность, учитывая при этом свои слабые и сильные стороны.

У 22 % девушек, склонных к пищевым аддикциям и 30 % девушек, не склонных к пищевым аддикциям, выявлена высокая самооценка (в пределах нормы).

У 6 % девушек, склонных к пищевым аддикциям, и 7 % девушек, не склонных к пищевым аддикциям, отмечается очень высокий уровень самооценки, что обозначает личностную незрелость, неумение правильно оценить результаты своей деятельности, сравнивать себя с другими, а также говорит о склонности переоценивать собственный реальный потенциал.

Такая самооценка может показывать на существенные искажения в формировании личности – «закрытости для опыта», нечувствительности к своим ошибкам, неудачам, замечаниям и оценкам окружающих.

С помощью критерий φ*-углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия между девушками, склонными к пищевым аддикциям, и девушками, несклонными к пищевым аддикциям, в следующих уровнях самооценки:

– низкий уровень: $\phi^*_{эмп} = 3.987 > \phi^*_{кр} = 1.64$ при $p \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 3.987 > \phi^*_{кр} = 2.31$ при $p \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля девушек, склонных к пищевым

аддикциям, у которых выявлен низкий уровень самооценки, статистически значимо больше, чем доля девушек, не склонных к пищевым аддикциям (при $p \leq 0,01$);

– средний уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2.332 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2.332 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $p \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля девушек, не склонных к пищевым аддикциям, у которых выявлен средний уровень самооценки, статистически значимо больше, чем доля девушек, склонных к пищевым аддикциям (при $p \leq 0,01$).

На основании результатов изучения Я-концепции девушек, склонных к пищевой зависимости и девушек, не склонных к пищевой зависимости, полученные с помощью методики изучения особенностей Я-концепции (Е. Пирс, Д. Харрис, А.М. Прихожан), позволяют сделать соответствующие выводы.

1. Девушки, склонные к пищевым аддикциям, отличаются низкой самооценкой, неуверенностью в себе, собственных силах, робостью, стеснительностью, что свидетельствует о крайнем неблагополучии в развитии их личности.

2. Девушки отличаются низкой самооценкой внешности, физических качеств. Они озабочены своим внешним видом, не довольны своей фигурой, а также отдельными чертами своей внешности. Отмечается слишком критичное отношение к себе. Низкая самооценка собственной внешности является фактором риска, т. к. может быть причиной низкой общей самооценки, общей неудовлетворенностью собой.

3. У них отмечается низкая самооценка популярности среди сверстников. Девушки считают, что они не пользуются авторитетом в классе, сверстники не считаются с ними, порой смеются над ними. Также им кажется, что они не нравятся представителям противоположного пола. Относятся к себе как к неспособному вызвать уважение у окружающих, как к вызывающему у других людей осуждение и порицание. Одобрение, поддержка от других не ожидаются. Это свидетельствует о неудовлетворенности их потребности в общении.

4. Отмечается переживание неудовлетворенности своим положением в семье. По мнению девушек, их родители редко прислушиваются к ним, ждут от них слишком многого, а им в свое время трудно оправдать их ожидания. Родители не подчеркивают положительные стороны испытуемых, акцентируют внимание только на отрицательных поступках и качествах.

5. Для девушек характерен неблагоприятный вариант самоотношения. У них отмечается негативный фон отношения к себе, склонность относиться к себе излишне критично. Их беспокоит собственная внешность, они хотели бы изменить ее.

В условиях, когда самооценка личности не находит опоры в социуме, когда его оценка другими (сверстниками, родителями) низка (в их понимании), когда отмечается критичное, негативное отношение к себе, когда отсутствует реализация одной из фундаментальных потребностей человека – потребности в общении, уважении, у человека развивается резкое ощущение личностного дискомфорта.

Личность не может пребывать постоянно в состоянии острого дискомфорта и дистресса, и девушки не могут не искать выхода из сложившейся ситуации. Для кого-то этим выходом является пищевая зависимость, проявляющаяся либо в нервной анорексии (девушки боятся набрать вес и считают, что похудение решит все их проблемы, а также выбирают неадекватные способы избавления от лишнего веса, тем самым стремятся к контролю и достижению «идеального» веса, при том, что это стремление превращается в так называемую «идею фикс»), либо нервной булимии (у девушек отмечается непреодолимое влечение к пище, что может отражать как противостояние реальности, в частности, снятие симптомов тревоги, депрессии при невротических расстройствах, так и уход от нее).

Студенческие доклады

Е. Р. Блинков

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕХИМИЧЕСКИХ ФОРМ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья посвящена проблеме влияния социально-психологических факторов на формирование нехимических форм аддиктивного поведения. На основе результатов теоретического анализа представлена современная классификация поведенческих аддикций, рассмотрены формы нехимического аддиктивного поведения и факторы, сопутствующие развитию нехимических форм аддиктивного поведения.

Ключевые слова: аддикт, аддиктивное поведение, нехимическая зависимость.

Значимость изучения проблемы распространения в современном обществе нехимических видов зависимого (аддиктивного) поведения обусловлена рядом факторов. Во-первых, наше время характеризуется существенной скоростью изменений, к которым индивид попросту никак не поспевает приспособиться. Во-вторых, необходимо выявить индивидуально-психологические и индивидуальные характерные черты людей, склонных к нехимическим аддикциям.

Изучение психологических аспектов аддиктивного поведения человека в настоящий период считается более важной задачей психологии, а также педагогики. Невзирая на выраженную значимость этой проблематики, количество системных исследований в области психологии аддиктивного поведения весьма незначительно.

Аддиктивное поведение – одна из форм деструктивного поведения, что выражается в желании к уходу от реальности с помощью изменения своего психического состояния с помощью приема веществ либо постоянной фиксации внимания на определенных объектах или активных типах деятельности, что сопровождается формированием интенсивных эмоций; формы аддикций: химическая, нехимическая, биохимическая.

Изучение лиц, склонных к проявлению 3-х перечисленных выше аддикции, показывает присутствие у данных людей проблем с самооценкой, адекватный уровень которой с целью себе они никак не имеют все шансы определить. Они никак не обладают возможностью уважать себя, имеют проблемы в установлении функциональных пределов между собой и другими людьми. Им присущи трудности с умеренностью в поведении, в проявлении эмоций, в осуществлении активностей и т.д. Таким людям свойственны трудности контроля, при которых они дают возможность другим осуществлять контроль себя или пытаются осуществлять контроль над другими [1, с. 43].

В последние десятилетия проблема зависимого поведения приобрело особую значимость и рассматривается в качестве вызова нынешнему обществу, вступающему в осознанно новый период мировой цивилизации, которую многочисленные авторы именуют «эпохой выживания». Таким образом с одной стороны, закрепляется обширная общераспространенность аддиктивных форм поведения, с другой происходит их рекомбинация в структуре обращаемости за психиатрической также психотерапевтической поддержкой. Удельная масса нехимических зависимостей среди абсолютно всех видов аддикций, стремление к смене одной зависимости на другую у 1-го и того же индивида делает более актуальной проблему исследования различных разновидностей аддикций во относительном аспекте.

Существуют в научной сфере определенные расхождения в трактовке фразы «аддикция». Таким образом авторы исследовательских трудов в этой сфере применяют этот термин в разном значении, из-за чего контекст работы способен меняться: «одни авторы рассматривают аддикцию

равно как синоним зависимости. Другие авторы выделяют аддикцию как начальную стадию развития зависимости, третьи авторы причисляют аддикцию к одной из форм девиантного поведения, однако без образования зависимости. Некоторые эксперты разграничивают аддикцию и зависимость и устанавливают их как независимые понятия, имеющие собственное смысловое содержание».

Изучение психологических аспектов аддиктивного действия индивида в настоящий момент является наиболее важной задачей психологии и педагогики. Невзирая на проявленную значимость этой проблематики, число системных исследований в сфере психологии аддиктивного поведения весьма незначительно [2, с. 34].

Основой появления и формирования аддикций является стремление к изменению психического состояния, которое чем-то неудобно для индивида. Сущность психологической реальности, от которой стремится освободиться индивид, бывает различной, так же, равно как и могут являться разными способы ее избавления, этот факт также определяет возникновение той или иной аддикции [3, с. 86].

Сущность психологической реальности, от которой стремится освободиться индивид, бывает различной, так же, равно как и могут являться разными способы ее избавления, этот факт также определяет возникновение той или иной аддикции. В связи с вышесказанным, целью данного исследования стало изучение форм нехимических аддикций и факторов их развития.

Критериями перехода к нехимическим формам аддиктивного поведения являются: социальные (общедоступность объекта аддикции, обычаи и представления об предмете аддикции, популярность, уровень грозящей ответственности, влияние семьи, дружеского, досугового окружения, кризисные явления в обществе); психологические (тип акцентуации характера, привлекательность возникающих чувств, выработка гедонических установок, страх причинить себе реальный ущерб, недостаток социальных интересов, стремление к самоуважению, аддиктивный вид личности).

Аддикты не редко ощущают проблемы с переносимостью каких-либо проблемных ситуаций. Таким люди находят способ ухода от проблемы искусственным изменением своего сознания и получения позитивных эмоций. Таким образом, у индивида появляется иллюзия решения ситуации. Данный метод способен преобладать над иными способами решения проблемы. Это с легкостью фиксируется в поведении индивида и становится устойчивым методом взаимодействия с реальностью, тем самым препятствует реализации нормального способа решения проблемы. Такой метод имеет наименьшую сопротивляемость с путями решения, что привлекает аддикта. У личности появляется ощущение изолированности от своих проблем, о которых можно позабыть, воспользовавшись способом сконцентрировав свое внимание на каких-либо поступках или объектах. Так же нередко аддиктивная личность имеет проблемы в взаимоотношениях с родными, взаимодействие становится поверхностным. Аддикт отдает предпочтение одиночеству и уходу в себя [4].

Иногда неверно считают, что у людей с подобными зависимостями некрепкая воля. Однако данное мнение неверно, потому как волевые качества аддиктов имеют повышенный показатель. Основная проблема аддиктивного поведения состоит в искаженной, нередко деструктивной направленности сверх-волевых усилий таких людей. Высокоценное и трудноконтролируемое побуждение подкрепит человека повторять аддиктивную модель поведения, несмотря ни на что, и удовлетворять свое стремление каким угодно путем

Текущая ситуация в мире характеризуется существенной скоростью изменений, к которым индивид попросту никак не успевает приспособиться. Общество по-разному относится к житейским трудностям. Как правило, они находят в себе силы преодолеть их без помощи других или с поддержкой друзей и родных. Для определенных состояний эмоционального дискомфорта является непереносимым. Такие люди прибегают к разным химическим и нехимическим веществам, которые обеспечивают быструю охрану от суровой реальности. Нехимическими костылями в жизни данных людей становятся трудоголизм, гэмблинг изменяющие психологическое состояние. Легкость решения проблем непосредственно таким методом весьма

стремительно закрепляется. Формируется аддиктивное поведение. Процесс использования этого или иного вещества, меняющего состояние, берет на себя такие масштабы, что начинает управлять жизнью индивида, делает его беззащитным, уничтожает его организм, прекращает социальные связи, приходит на дно жизни.

Список использованных источников

- 1 Менделевич, В. Д. Руководство по аддиктологии / В. Д. Менделевич. – СПб., 2006. – 250 с.
- 2 Галяутдинова, С. И. К проблеме понимания аддикции и зависимости отечественными и зарубежными исследователями С. И. Галяутдинова, Е. В. Ахмадеева // Вестник Башкирск. ун-та. – 2013. – №1. – С. 232–235.
- 3 Короленко, Ц. Психология зависимости / Ц. Короленко, Н. Дмитриева, Т. Шпикс. – М.: Lambert Academic Publishing, 2007. – 188 с.
- 4 Егоров, А. Ю. Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) / А. Ю. Егоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.narcom.ru/cabinet/online/88.html> – Дата доступа: 22.02.2020.

А. Н. Борека

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ, СКЛОННЫХ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Аддиктивное поведение, как форма отклоняющегося поведения, характеризуется стремлением к уходу от окружающей реальности путем искусственного изменения психического состояния посредством приёма некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности [1, с. 256].

Одной из главных проблем отклонения является то, что стремление вытеснить реальность, становится преобладающим фактором в сознании. Нельзя не отметить, что человеку, который склонен к аддиктивным формам поведения, свойственна несогласованность психологической устойчивости в момент отношений и кризисов. В то время как психологически устойчивые, здоровые люди без особых трудностей адаптируются к обстоятельствам обыденной жизни и посложнее переносят кризисные ситуации. Переломные моменты – кризисы – благодаря их неожиданности, резкости возникновения и ажитации представляю собой барьеры в течении жизненного пути человека. Однако, в то же время и выступают фундаментом, который на протяжении всей жизни выступает почвой, где он познаёт, реализует себя и обретает уверенность в своих силах и самоуважение.

По мнению О. Г. Алексеевца, в юношеском возрасте, значимым фактором развития интернет-зависимости можно рассматривать нарушения эмоционально-когнитивной сферы. Данные когнитивные изменения искажают, изменяют социально-психологические установки личности, его «Я-концепцию».

В литературе, среди личностных характеристик подростков с аддиктивным поведением отмечаются: поиск ощущений либо необходимость в новых переживаниях, и что не менее важное, это стремление подвергаться риску ради поиска этих ощущений [2, с. 25]. Интернет-зависимость – это характерная черта для людей, у которых низкая самооценка, для тех, кто склонен к депрессии, высокой тревожности, для тех, кто был отвержен или не принят своими близкими. Именно поэтому главный мотив ухода от реальности – поиск поддержки вне окружающего мира.

Интернет-зависимые люди в большей степени готовы к риску и достаточно спокойно и уверенно действуют в простых для них ситуациях. Однако, при попадании в ситуацию кризиса, аддикты проявляют открытую агрессию, либо дистанцируются, не принимая никаких решений. Зачастую из-за того, что они не способны контролировать и идентифицировать свои эмоции, совершают необдуманные поступки и т.д., они нуждаются в безусловной поддержке, которую, конечно же, пытаются найти в другой реальности, то есть виртуальной.

Однако, нельзя сказать, что интернет имеет лишь негативную сторону, ведь у него есть и множество плюсов, например, доступность, широкомасштабность, технологичность, многофункциональность, поэтому не стоит воспринимать его, как потенциальную угрозу, потому что «заболевание интернетом» напрямую зависит и от личностных особенностей пользователей.

Например, можно отметить, что Американские ученые заметили, что использование Интернета способствует улучшению работы мозга у пожилых людей, а также людей среднего возраста из-за активизации мозговых центров, которые ответственны за тяжелые суждения и принятие решений, к примеру: какой из предоставленных сайтов следует выбрать для получения определенных данных и т.д.

Не стоит путать зависимость и использование сети интернет в разумных целях, которое определяется такими критериями, как полноценно распределяемый отдых, без постоянной потребности держать девайс возле себя, удовлетворение своих потребностей за границами Интернета, состояние благополучия и т. д. А зависимость проявляется в том, что, только проснувшись, человек стремительно пытается залезть в свой гаджет для того, чтобы проверить почту, социальные сети и т.д., нетерпение снова быть «В сети», негативные высказывания окружающих о количестве проведенного времени в интернете, время, потраченное на проведение в гаджете, превышает время отдыха и др.

Как упоминалось выше, психически устойчивые, здоровые люди в моменты тяжелых ситуаций жизни используют все свои ресурсы для того, чтобы справиться с проблемой и в то же время познать себя, изучить неизученное. То есть, по большому счёту, они ориентируются на реальные, непосредственные контакты, а Интернет-зависимые люди пытаются сбрасывать свою ответственность на других и наоборот углубляются в виртуальность, заменяя реальность.

К сожалению, количество пользователей Интернета с каждым днём становится всё больше и больше, даже несмотря на то, что люди и знают об уже имеющихся или регулярно возникающих профессиональных, личных, социальных, психологических проблемах, например, недосып, пренебрежение профессиональной деятельностью, безразличие по отношению к другим людям, внутрисемейные конфликты и др.), которые возникают при использовании Интернет сетью.

Таким образом, интернет-зависимость – это серьёзная проблема, которая охватывает молодое поколение. Она вызывает такую же опасность, как зависимость от наркотических веществ, употребления алкоголя, табачных изделий, которые пагубно влияют на личность человека, его внутренний мир и социальное окружение.

Список использованных источников

- 1 Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 672 с.
- 2 Алексеев, О. Г. Личностные особенности подростков, склонных к интернет-аддикции / О. Г. Алексеев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 25 – 29.

Ю. В. Довнар

Научный руководитель: **Т. В. Тратинко**, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Данная статья обращается к проблеме эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением. Актуальность данной проблемы заключается в том, что сегодня девиантное поведение несовершеннолетних рассматривается как свидетельство недостатков в воспитательной сфере, сложной социально-экономической ситуации в стране, а совокупность фактов антиобщественного поведения подростков на определенной территории – как серьезный показатель недостатков проводимой профилактической и воспитательной работы. В работе приводятся результаты исследования взаимосвязи эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением. Объектом исследования выступает эмоциональный интеллект и копинг-стратегии у подростков с девиантным поведением, целью – выявление взаимосвязи эмоционального интеллекта с копинг-стратегиями у подростков с девиантным поведением.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, копинг-стратегии, подростки, подростковый возраст, девиантное поведение.

С каждым годом наблюдается тенденция к увеличению числа детей с девиантным поведением. Причины отклонений в поведении ребенка возникают в результате психологической, политической, социально-экономической и экологической нестабильности общества. Также отклонения возникают в связи с усилением влияния псевдокультуры; изменением в содержании ценностных ориентаций молодежи; неблагоприятными семейно-бытовыми отношениями; отсутствием контроля за поведением подростков и чрезмерной занятостью родителей.

Подростковый возраст характеризуется несоответствием трех точек созревания. Половое созревание начинается и заканчивается до того, как наступает окончание общего развития подростка, и до того, как подросток достигает конечной стадии своего социокультурного формирования. Типичные черты подростка: возникновение интроспекции, ведущей к самоанализу; появление особого интереса к своим переживаниям, неудовлетворенность внешним миром, уход в себя, возникновение чувства исключительности, стремление к самоутверждению, противопоставление себя окружающим, конфликты с ними. Это значит, что отклонения в поведении могут быть связаны с изменениями, происходящими в личности подростка. Поскольку психофизическое, психическое, социальное, эмоциональное развитие отличается качественным своеобразием, оно во многом определяет все дальнейшие особенности взросления и поведения подростка [1, с. 40].

Для подростков с девиантным поведением характерны нарушения в эмоционально-волевой сфере личности, неуравновешенность, вспыльчивость, импульсивность, перепады настроения, эмоциональная нестабильность. Неустойчивость эмоциональной сферы, нестабильность характера влияют на взаимоотношения в классе со сверстниками, со взрослыми, которые приводят к частым конфликтам [2, с. 57]. Длительное и интенсивное функционирование в сложных экстремальных условиях приводит к снижению адаптационного потенциала личности, внутриличностным и межличностным конфликтам, деформации личности и девиациям, повышается риск возникновения различного рода депрессий, психосоматических расстройств, аддиктивных явлений, агрессивности и т.п. [3, с. 39]. Успешность совладающего поведения определяется когнитивными ресурсами. Развитие и осуществление базисной копинг-стратегии разрешения проблем невозможно без достаточного уровня мышления. Развитые когнитивные ресурсы позволяют адекватно оценить как стрессогенное событие, так и объем наличных ресурсов для его преодоления [2, с. 78]. Стрессовые ситуации во многом связаны с эмоциями человека, восприятием ситуации, реагированием на нее. В контексте совладающего поведения эмоциональный интеллект практически не исследовался. Установление влияния различных условий и компонентов эмоционального интеллекта на стратегии совладания и социальной

адаптации может рассматриваться как шаг в направлении разрешения данной проблемы, что и обосновывает актуальность нашего исследования.

Нами было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и копинг-стратегиями.

Гипотеза исследования предполагает, что существует особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением, а также существует особенности в характере взаимосвязей между эмоциональным интеллектом и копинг-стратегиями у подростков с девиантным поведением и у подростков с нормативным поведением.

Экспериментальной базой исследования стали средние общеобразовательные школы и школа-интернат. В исследовании приняло участие 70 человек в возрасте 14–17 лет, из которых 35 подростков, состоящие на учете в учреждении образования по причине девиантного поведения и 35 подростков с нормативным поведением, характеризующиеся как благополучные.

Эмпирическое исследование состояло из двух этапов. На первом этапе в ходе исследования эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у подростков с девиантным и нормативным поведением нами были выявлены следующие особенности:

У подростков с девиантным поведением более распространенными копинг-стратегиями являются: бегство (94%), поиск социальной поддержки (26 %) и положительная переоценка (23 %). Менее распространенная копинг-стратегия – принятие ответственности (3 %). В данной группе преобладает низкий уровень эмоционального интеллекта (51 %). Исходя из данных исследования у подростков, характеризующихся как благополучные, более распространенными копинг-стратегиями являются: бегство (100 %), положительная переоценка (63 %), конфронтация (60 %), самоконтроль (60%). Не востребованная копинг-стратегия – принятие ответственности (0 %). Среди подростков, характеризующихся нормативным поведением, было выявлено преобладание низкого уровня эмоционального интеллекта (63%).

Необходимо отметить, что у подростков как с девиантным, так и с нормативным поведением, наиболее часто используемой является копинг-стратегия «бегство», а менее используемой копинг-стратегия «принятие ответственности». Таким образом, мы можем говорить о том, что данные копинг-стратегии характерны для подросткового возраста.

Эмпирическое исследование подразумевало статистическую обработку данных. Достоверность полученных результатов обеспечивалась статистической обработкой результатов, полученных в ходе исследования с помощью расчета ранговой корреляции Спирмена. Корреляционный анализ позволил выявить особенности взаимосвязей у подростков с девиантным и нормативным поведением.

Так было установлено, что для подростков с девиантным поведением характерны следующие взаимосвязи между копинг-стратегиями и показателями эмоционального интеллекта:

– «конфронтация» – «управление чувствами и эмоциями других людей» ($r=-0,366$, $p < 0,05$), «интегральный индекс» ($r=-0,369$, $p < 0,05$);

– «самоконтролем» и «осознанием своих чувств и эмоций» ($r=0,398$, $p < 0,05$);

– «поиском социальной поддержки» и «управлением своими чувствами и эмоциями» ($r=0,374$, $p < 0,05$), «осознанием своих чувств и эмоций» ($r=0,345$, $p < 0,05$);

– «принятием ответственности» и «интегральным индексом» ($r=-0,394$, $p < 0,05$), «осознанием своих чувств и эмоций» ($r=0,493$, $p < 0,05$), «управлением своими чувствами и эмоциями» ($r=0,597$, $p < 0,05$), «осознанием чувств и эмоций других» ($r=-0,376$, $p < 0,05$);

– «бегство/избегание» и «осознанием своих чувств и эмоций» ($r=0,378$, $p < 0,05$) и «управлению своими чувствами и эмоциями» ($r=0,442$, $p < 0,05$);

– «планирование решений» и «осознанием и управлением своими чувствами» ($r=0,629$, $p < 0,05$) и «осознанием и управлением чувствами и эмоциями других людей» ($r=-0,356$, $p < 0,05$), ($r=-0,376$, $p < 0,05$); «интегральным индексом» ($r=-0,536$, $p < 0,05$).

У подростков, характеризующихся нормативным поведением характерны следующие взаимосвязи между стратегиями копинг-стратегий и показателями эмоционального интеллекта:

– «самоконтролем» и «внутриличностным аспектом» ($r=-0,345$, $p < 0,05$), «межличностным аспектом» ($r=-0,587$, $p < 0,05$), «осознанием и управлением чувств и эмоций других людей» ($r=-0,439$, $p < 0,05$), ($r=-0,633$, $p < 0,05$);

– «поиском социальной поддержки» и «осознанием своих чувств и эмоций» ($r=-0,456$, $p < 0,05$), «интегральным индексом» ($r=-0,376$, $p < 0,05$);

– «принятием ответственности» и «осознанием и управлением своих чувств и эмоций» ($r=-0,610$, $p < 0,05$), ($r=-0,376$, $p < 0,05$); «осознанием и управлением чувств и эмоций других людей» ($r=-0,610$, $p < 0,05$), ($r=-0,605$, $p < 0,05$), «внутриличностным аспектом» ($r=-0,575$, $p < 0,05$); «межличностным аспектом» ($r=-0,474$, $p < 0,05$);

– «планирование решений» и «внутриличностным аспектом» ($r=-0,441$, $p < 0,05$), «межличностным аспектом» ($r=-0,552$, $p < 0,05$), «осознанием своих чувств, чувств других людей, управлением чувствами и эмоциями других людей» ($r=-0,558$, $p < 0,05$), ($r=-0,417$, $p < 0,05$), ($r=-0,591$, $p < 0,05$);

– «положительная переоценка» и «осознанием своих чувств, управлением чувствами и эмоциями других людей» ($r=-0,446$, $p < 0,05$), ($r=-0,429$, $p < 0,05$), «внутриличностным аспектом» ($r=-0,412$, $p < 0,05$), «межличностным аспектом» ($r=-0,450$, $p < 0,05$);

– «дистанцированием» и «управлением своими эмоциями и чувствами» ($r=-0,375$, $p < 0,05$).

Таким образом, в ходе эмпирического исследования, гипотеза была подтверждена: существуют особенности в характере взаимосвязей между эмоциональным интеллектом и копинг-стратегиями у подростков с девиантным поведением и у подростков с нормативным поведением. Тем самым, практическая значимость проведенного исследования заключается в активизации внимания к проблеме, в получении эмпирических данных относительно связи эмоционального интеллекта с выбором копинг-стратегий у подростков с девиантным поведением и у подростков, характеризующихся нормативным поведением. На наш взгляд, использование результатов исследования позволит эффективнее осуществлять психолого-педагогическое сопровождение подростков с девиантным поведением. В работе с подростками будет эффективным проведение психокоррекционной программы, направленной по формированию внутренней ответственности.

Комплексный характер работы должен включать в себя следующие направления: освоение образцов социального поведения, основанных на внутренней ответственности личности; понимание и принятие эмоций и чувств; формирование интернальности, носящий перспективный характер.

Одновременно с целью повышения социально-психологической адаптации желательно проводить психокоррекционную работу по следующим направлениям: содействие в изменении отношения к себе и другим; обучение конструктивному анализу ситуации и поведению в трудных жизненных ситуациях; изменение образцов поведения «наученной беспомощности». Подобранные для занятий упражнения должны быть направлены на осознание проблемных для участников программы ситуаций, развитие эмоционально-волевой сферы, уверенности в себе и своих ресурсах, формирование интернальности в следующих областях: достижений, преодоления неудач, планирования деятельности.

Результаты исследования будут полезны как педагогам, так и психологам для решения следующих практических задач:

1) экспресс-диагностика личности с целью выбора метода дальнейшего психотерапевтического, психокоррекционного воздействия, социально-педагогической профилактики девиантного поведения у подростков, а также определение основной проблемной зоны подростка, которая будет являться отражением нарушения эмоциональной сферы и неконструктивным выбором копинг-стратегии;

2) психологическая, социально-педагогическая профилактика и предупреждение развития определенных «личностных» нарушений и проблем, так, при своевременном вмешательстве и сопровождении тенденций к развитию определенных невротических механизмов защиты можно своевременно предпринять меры предупреждения их развития.

Список использованных источников

- 1 Тратинко, Т. В. Социальная работа с несовершеннолетними группы риска: пособие / Т. В. Тратинко, Н. Н. Красовская. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – 263 с.
- 2 Рассказова, Е. И. Копинг-стратегии в структуре личностного потенциала / Е. И. Рассказова, Т. О. Гордеева ; под ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл Москва, 2011. – 299 с.
- 3 Змановская, Е. В. Девиантология / Е. В. Змановская. – М. : Академия, 2006. – 288 с.

А. И. Замула

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И УРОВНЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В данной статье рассматриваются взаимосвязь между уровнем эмоционального интеллекта и жизнестойкостью студентов. В постоянно меняющемся мире при столкновении с жизненными трудностями все люди ведут себя по-разному. Это обусловлено таким личностным качеством как жизнестойкость. Выявление взаимосвязи жизнестойкости и эмоционального интеллекта позволит целенаправленно развивать жизнестойкость у студентов, что является важным условием сохранения психологического здоровья и развития активности в стрессогенных условиях.

Ключевые слова: жизнестойкость, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, эмоции, стресс.

В современном мире любой человек находится под влиянием стрессовых ситуаций. Для того, чтобы справиться с жизненными трудностями ему необходима жизненная сила, или такой психологический феномен, как жизнестойкость, который будет способствовать мобилизации его внутренних ресурсов. Идея жизнестойкости, согласно С. Мадди, подразумевает оптимальную реализацию человеком своих психологических возможностей в неблагоприятных жизненных ситуациях «психологическую живучесть» и «расширенную эффективность» в этих ситуациях [1, с. 212].

К показателям жизнестойкости относятся: самочувствие, психологический климат, самооценка, самоуважение, самосознание, смысл и ценности, постановка цели, воля, стрессоустойчивость, уровень тревожности, стойкость, оптимизм, умение делать выбор, умение принимать решения, умение достигать результата, умение прогнозировать будущее [2, с. 87].

Обобщая определения наиболее ярких представителей, изучавших эмоциональный интеллект, можно сказать, что данный феномен позволяет человеку более точно проследить эмоции как свои, так и других людей и учиться управлять ими, поэтому его развитие необходимо каждому члену общества, в том числе и студентам.

Выявление взаимосвязи жизнестойкости и эмоционального интеллекта позволит целенаправленно развивать жизнестойкость у студентов, что является важным условием сохранения психологического здоровья и развития активности в стрессогенных условиях.

С целью изучения характера взаимосвязи жизнестойкости и уровня эмоционального интеллекта у студентов нами было проведено исследование на базе ГГУ им. Ф. Скорины. Выборочную совокупность в данном исследовании составили 113 юношей и девушек в возрасте от 18 до 22 лет.

На первом этапе с испытуемыми было проведено тестирование по методике Сальвадоре Мадди, адаптированной Д. А. Леонтьевым, для определения выраженности субшкал и общего показателя уровня жизнестойкости. Жизнестойкость оценивается по трем показателям (субшкалам) методики, а также выделяется общий показатель жизнестойкости. Исходя из анализа

полученных результатов можно сделать вывод, что незначительные отклонения от нормы наблюдаются по субшкалам «Вовлеченность» и «Контроль». По шкале «Принятие риска» наблюдаются значения выше среднего. Это говорит о том, что студенты имеют направленность на получение нового опыта; они считают, что новый опыт помогает им в саморазвитии. Данные студенты готовы действовать даже без надежных гарантий успеха. Что касается показателя вовлеченности, то низкие показатели говорят о чувстве одиночества или невозможности быстро адаптироваться в изменяющихся условиях жизнедеятельности, что может способствовать развитию стресса, тревоги и других расстройств. По поводу низких показателей по субшкале «Контроль» можно сказать об ощущении собственной беспомощности, т.е. человек может ощущать то, что он живет не своей жизнью и ничего не может контролировать, принимать решения в своих личностных проблемах и задачах. В последствии может развиваться повышенный стресс, тревога и невозможность совладать с этим, что приведет к апатии, фрустрации, депрессии, психосоматическим заболеваниям.

На втором этапе с испытуемыми было проведено тестирование по методике М. А. Манойловой для выявления выраженности шкал и общего уровня эмоционального интеллекта у студентов. При анализе полученных результатов мы видим низкую способность к пониманию роли собственных чувств (это касается учебы и в общении), невыраженную потребность в понимании своих чувств, студенты имеют заниженную самооценку и неуверены в своих способностях, они имеют сложности в разрешении трудных, фрустрирующих ситуаций, в ситуациях, связанных с межличностным взаимодействием, у них невысокий уровень заинтересованности своим внутренним миром. При этом наблюдается развитая способность управлять своими эмоциями и чувствами, студенты умеют принимать и контролировать свои чувства и эмоции, используют данную способность при достижении поставленных целей, для них характерен высокий уровень развития самоконтроля и умения управлять собой. Респонденты без проблем распознают эмоции других людей, понимать чувства партнеров по общению. Есть предрасположенность к пониманию мира глазами другого человека.

Одобрительное эмоциональное отношение к партнерам по взаимодействию проявляется в приветливости, восхищении, открытости во взаимодействии, оказании помощи, основываясь на общих интересах, темах, взглядах. Одобрительное эмоциональное отношение к партнерам выступает фактором объединения людей и способствует налаживанию и сохранению психологического климата в коллективе. Им характерно умение принимать решения, не ущемляя собственных интересов и не унижая другого. Развита способность к проникновению во внутренний мир другого человека за счет ощущения сопричастности к его переживаниям.

Делая вывод, можно сказать, что по всем шкалам наблюдаются средние показатели, которые могут свидетельствовать о хорошем результате.

На третьем этапе эмпирического исследования благодаря методу корреляции Спирмена была выяснена взаимосвязь между отдельными компонентами жизнестойкости и общим ее показателем и эмоциональным интеллектом.

На основе проведенного исследования с целью определения особенностей жизнестойкости студентов с различными показателями уровня эмоционального интеллекта были сделаны следующие выводы.

1. Все показатели жизнестойкости взаимосвязаны со способностью или умением осознавать свои чувства и эмоции. Умение понимать свои чувства и эмоции, умение осознавать причины переживаний, будет способствовать наполнению своей жизни различными видами деятельности, включению в различные сферы жизнедеятельности и получать максимальное удовольствие и удовлетворение от происходящего с ним. При этом, позитивное настроение, включенность в происходящее, заинтересованность, будет способствовать формированию умения справляться с внутренним напряжением, со стрессами, которые постоянно сопровождают жизнь человека. Полное удовлетворение от жизни, умение контролировать и направлять свои силы в нужное русло, умение принять и успехи, и неудачи в качестве полезного опыта способствуют развитию осознания своих чувств и эмоций.

2. Умение управлять своими эмоциями и поведением позволяет человеку со всей ответственностью смотреть на ситуацию, участвовать в ней и влиять на результат происходящего. Именно поэтому, умение управлять своими эмоциями и чувствами, является необходимым условием жизнестойкости человека. Многие жизненные проблемы, неудачи связаны с тем, что человек не умеет владеть собой в нужный момент, выражать свои эмоции, соответствующие данной ситуации, поэтому необходимо уметь управлять эмоциями, чтобы при столкновении с жизненной неудачей уметь правильно отреагировать. Вовлеченность в жизнь, контроль и принятие риска не связаны с тем, осознает ли человек эмоции других людей, управляет он ими или нет.

4. При развитом эмоциональном интеллекте человек формирует систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром, и эта система позволяет ему продуктивно совладать со стрессами и воспринимать их как менее значимые, поэтому в современном мире необходимо развивать эмоциональный интеллект, а на его фоне и жизнестойкость, т.к. любой человек, в том числе и студенты, подвержены большому количеству стресса.

Таким образом, в нашем исследовании была обнаружена взаимосвязь между некоторыми показателями эмоционального интеллекта и показателями жизнестойкости у студентов.

Список использованных источников

1 Наливайко, Т. В. К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди / Т. В. Наливайко // Вестник интегративной психологии: журнал для психологов. – 2006. – № 4. – С. 211–216.

2 Ванакова, Г. В. Психологическая поддержка развития жизнестойкости студентов: автореф. дис. на соиск. степ. докт. психологич. наук / Г. В. Ванакова; Приамурский Государственный Университет. – Биробиджан, 2014. - 462 с.

Н. А. Земченок

Научный руководитель: Е. А. Лупекина, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНО-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ ЛИЦ С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО КЛИМАТА В СЕМЬЕ

Пищевое поведение представляет собой комплекс наших убеждений и поведенческих стратегий, связанных с приемом пищи. Нарушения пищевого поведения начинают формироваться в подростковом возрасте и имеют разные формы выраженности — от наиболее легких клинических проявлений до выраженных патологий в виде нервной булимии или анорексии.

Ключевые слова: пищевое поведение, анорексия, булимия, аддикции.

Нервная анорексия – достаточно распространенное в настоящее время психическое расстройство, проявляющееся постоянным стремлением пациента контролировать свой вес, а также искаженным представлением о формах своего тела, постоянным страхом ожирения, особым отношением к еде и питанию. Одно из немногих психических расстройств, которое само по себе может привести к смерти пациента [1]. Нервная булимия проявляется повторяющимися приступами обжорства, когда человек за короткое время поглощает огромное количество пищи, хотя он и понимает неправильность такого поведения, но ничего с этим поделать не может [1].

На основании анализа научной литературы можно выделить следующие факторы, влияющие на развитие нарушений пищевого поведения: биологические факторы, как, нарушение

функции нейромедиаторов, которые регулируют пищевое поведение; семейные факторы, среди которых гипо- или гиперопеку; возрастной фактор – в основном это подростки. Стрессовые события в настоящее время считаются важнейшими из факторов развития расстройств пищевого поведения. Стрессовые события: смерть близкого родственника, друга, сексуальное или физическое насилие. Социально-экономический статус рассматривается как фактор риска развития расстройств пищевого поведения, предполагая, что обладание большими ресурсами позволяет человеку активно выбирать диету и снижать вес организма. К факторам культуры относят проживание в индустриально развитой стране, восприятие худобы как главного критерия красоты женщины [2].

Исследование проводилось на базе УО «Гомельский Государственный университет имени Ф. Скорины», а также с помощью сервиса Google Формы. Выборка является гомогенной по полу (участвовали только девушки), средний возраст участниц составил 19 лет. Всего было опрошено 66 человек. Для изучения проявлений нарушений пищевого поведения был взят опросник «Когнитивно-поведенческие паттерны при нарушениях пищевого поведения». Для оценки социального климата в семьях всех типов использовалась методика «Шкала семейного окружения». Методика ШСО была адаптирована С. Ю. Куприяновым в 1985 году.

В исследовании рассматривается вопрос проявлений взаимосвязи когнитивно-поведенческих паттернов лиц с нарушениями пищевого поведения и социального климата в семье. В результате проведенной статистической обработки данных анализ параметров «Сплочённость» и «Избегание оценивания веса» показал обратно пропорциональный коэффициент корреляции $r = -0,29$. Это означает, что чем больше члены семьи заботятся друг о друге, выражают чувства принадлежности, тем меньше человек будет избегать привлечения внимания окружающих к своей фигуре и телу.

В ходе корреляционного анализа двух параметров шкал «Сплочённость» и «Булимия» был выявлен обратно пропорциональный коэффициент корреляции $r = -0,21$. Что означает, чем больше члены семьи заботятся друг о друге, выражают чувства принадлежности, тем меньше у человека будет нарушен контроль во время приёма пищи и склонность к очистительному поведению.

Анализ параметров «Контроль» и «Ограничение пищи как мотив аффиляции» показал обратно пропорциональный коэффициент корреляции $r = -0,20$. Это значит, что чем выше будет степень иерархичности семейной организации, ригидность семейных правил и контроля членами семьи друг друга, тем меньше похудение будет восприниматься как фактор необходимый для реализации потребности в общении, в дружбе и любви.

В ходе корреляционного анализа двух параметров «Ориентация на активный отдых» и «Эмоциогенное НПП» был выявлен положительный коэффициент корреляции $r = 0,24$. Что означает, чем больше в семье занимаются спортом и активным отдыхом, тем больше подросток будет стремиться изменить приёмом пищи своё эмоциональное состояние: заедаю боль, скуку, снижаю страх.

Производился анализ взаимосвязи фактора «Ориентация на активный отдых» и «Самофокусировка внимания на недостатках своего тела» был выявлен положительный коэффициент корреляции $r = 0,23$. Что означает, чем больше семье свойственен активный отдых в семье и спорт, тем больше человек будет проявлять повышенное внимание и самофокусированность на себе, определяющиеся отвращением к собственному телу.

Анализ параметров «Сплочённость» и «Склонность к анорексии» показал обратно пропорциональный коэффициент корреляции $r = -0,29$. Это означает, что чем больше члены семьи заботятся друг о друге, выражают чувства принадлежности, тем меньше человек будет ограничивать своё пищевое поведение, целью которого будет – похудеть «любой ценой».

При анализе взаимосвязи фактора «Ориентация на активный отдых» и «Склонность к анорексии» был выявлен положительный коэффициент корреляции $r = 0,23$. Что означает, чем больше семье свойственен активный отдых в семье и спорт, тем больше человек будет ограничивать своё пищевое поведение, целью которого будет – похудеть «любой ценой».

Таким образом, отношения детей и родителей включаются в общий контекст отношений внутри семьи как системы и представляют собой мощный фактор влияния на формирование будущей взрослой личности. Изучение отношений детей и родителей необходимо для прояснения причин появления у подростка психосоматических заболеваний, в том числе связанных с нарушением пищевого поведения, а также для выстраивания стратегии психотерапевтической помощи подростку. Данные нашего исследования позволяют заключить о том, что девушки, имеющие риски нарушений пищевого поведения, испытывают определенный эмоциональный дискомфорт в подсистеме детско-родительских отношений, вероятно они испытывают недостаток любви и привязанности со стороны родителей, отношения с родителями как значимыми людьми нарушены. Главенствующая роль в воспитании дочери традиционно принадлежит матери. Специфика пищевого поведения девочек, имеющих риски нарушений, представляют собой некий протест, защитную реакцию на неблагоприятные детско-родительские отношения. Таким образом, недостаток привязанности и любви со стороны матери компенсируется ростом рисков возникновения нарушения пищевого поведения у дочери.

Отношения детей и родителей оказывают влияние на формирование стиля пищевого поведения у детей. Постоянное внушение девушке, что иметь излишний вес плохо и для успеха нужно быть худой, толкает ее к увлечению диетами и другим способам снижения веса. Однако не следует забывать в ходе терапии пищевых нарушений и о том, что именно семья может выступить ресурсом для преодоления нарушений пищевого поведения. Если терапия проводится в комплексе, не с одним подростком, а как семейная психотерапия, то шансы пациента на формирование адекватной модели пищевого поведения многократно увеличиваются.

Список использованных источников

1 Коркина, М. В. Дисморфомания в подростковом и юношеском возрасте / М. В. Коркина. – М. : Медицина, 1984. – 250 с.

2 Коркина, М. В. Нервная анорексия непродцессуальной природы / М. В. Коркина // Клиническая динамика неврозов и психопатий. – Санкт Петербург, 1997. – С. 138–148.

А. А. Змушко

Научный руководитель: **А. Н. Крутолевич**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПОДРОСТКОВОГО КУРЕНИЯ

Статья посвящена влиянию внутрисемейных отношений на формирование зависимого поведения подростков от курения. Изучены склонности отношений респондентов к курению. Автором приводятся результаты корреляционного анализа взаимосвязи зависимости от курения и стилями семейных отношений.

Ключевые слова: подростковый возраст, подросток, зависимое поведение, семья, внутрисемейные отношения.

В настоящее время сигарета стала атрибутом многих подростков, сейчас очень часто можно увидеть подростковые компании, где каждый второй стоит с сигаретой либо с электронным парогенератором. Подросткам кажется, что это круто, если ты куришь, ты авторитет, они не задумываются, какой вред может принести выкуренная сигарета. Курение относится к главной причине, которая влияет на ухудшение здоровья подростков, оно связана с ростом различных заболеваний, относящихся к сердечно-сосудистой системе, органов дыхания, пищеварения и онкологических патологий [1]. По данным Всемирной организации здравоохранения стало известно, что более одной трети всего населения являются курильщиками. В Республики Беларусь

среди подростков 13–15 лет курит 31,6%, именно этот возраст считается уязвимым для формирования зависимостей. Эти данные говорят об актуальной проблеме в среде учащихся, она требует всестороннего изучения возможных причин возникновения данной зависимости.

При опросе учащихся 8–10 классов гимназии г. Гомеля на вопрос «Почему школьники начинают курить?» большинство подростков назвали следующие причины: интерес, любопытство, влияние друзей, пример взрослых – когда курят родители, старшие братья и сестры, тети и дяди. По результатам статистического анализа мы пришли к выводу, что почти вдвое больше детей курящих родителей (при сравнении с детьми некурящих родителей) сказали, что они хотели бы курить. Также было выяснено, что в некурящих семьях курящими становятся не более 25% подростков, тогда как в семьях курильщиков количество курящих детей увеличивается вдвое и превышает 50%. В подростковом возрасте такой пример родителей принимается детьми как алгоритм действий и считается образцом взрослого поведения. Поэтому вопрос о вреде курения должен подниматься с самого раннего возраста в виде доходчивой беседы обо всех неблагоприятных последствиях подобного шага в жизни. Также родители должны отдавать себе отчет о воздействии собственного поведения в отношении курения на поведение своих детей в будущем. Поэтому к основным факторам, связанным с подростковым курением, следует отнести семью, а также сложившиеся в ней отношения. Важным фактором является и круг общения подростка. В круг общения зачастую входят близкие друзья, группа людей с которыми подросток тесно общается и также которых он считает авторитетом.

Наиболее сложным объектом для исследования является именно семья, так как она помимо прямого воздействия на подростка может оказывать и косвенное. Во многих исследованиях, связанных с подростковым курением, указываются противоречивые семейные факторы, такие как: состав и опосредованное влияние семьи на выбор друзей, показатели материального достатка, образовательный уровень родителей и т.д. Очень мало исследований, которые изучают влияние внутрисемейных отношений на зависимость подростков от курения.

Целью нашего исследования ставилось определение взаимосвязи между зависимостью от курения и стилями семейных отношений. Основную эмпирическую базу исследования составляют данные, полученные при анкетировании 70 подростков, учащихся гимназии г. Гомеля. Средний возраст опрошенных – 13–16 лет. Именно этот период считается наиболее уязвимым к формированию зависимости.

Нами был сформирован блок методик: методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей, Г. В. Лозовая; опросник «Шкала семейного окружения», С. Ю. Куприянов. Методика диагностики склонности к 13 видам зависимостей является ориентировочной и показывает общую склонность к той или иной зависимости, не являясь основанием для постановки того или иного диагноза. Тест опросника Г. В. Лозовой содержит 70 вопросов, направленных на изучение склонности индивида к 13 видам зависимостей. В основе шкалы семейного окружения (ШСО) лежит оригинальная методика Family Environmental Scale (FES), предложенная R. H. Moos, адаптированная на русский язык С. Ю. Куприяновым в 1985 году. ШСО включает в себя 10 шкал. Социальный климат семьи – это те правила поведения, которые сложились в семье и которые влияют на взаимоотношения в ней.

Анализ результатов исследования склонности подростков к зависимости от курения с помощью «Методики диагностики склонности к 13 видам зависимостей» Г. В. Лозовой показал низкий уровень склонности. По этим данным мы выяснили, что большинство подростков в учреждении, в котором проводилось исследование, не курят, но тем не менее, с каждым днем количество курящих подростков возрастает.

На следующем этапе необходимо было определить и проанализировать взаимосвязь склонности подростков к зависимости от курения и стилей семейных отношений. С целью установления достоверно значимой связи между показателями был применен метод ранговой корреляции Ч. Спирмена. Расчеты производились с использованием программы SPSS. Результаты корреляционного анализа зависимости от курения и стилями семейных отношений представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты корреляционного анализа зависимости от курения и стилей семейных отношений для всей выборки (n=70)

Стиль семейных отношений	Зависимость от курения
Сплоченность	r= 0,110; p= 0,366
Экспрессивность	r= 0,069; p= 0,572
Конфликт	r= 0,122; p= 0,314
Независимость	r= 0,021; p= 0,861
Ориентация на достижения	r= -0,122; p= 0,315
Интеллектуально-культурная ориентация	r= 0,075; p= 0,539
Ориентация на активный отдых	r= -0,228; p= 0,058
Морально-нравственные аспекты	r= -0,076; p= 0,529
Организация	r= 0,014; p= 0,909
Контроль	r= 0,027; p= 0,821

В группе исследуемых достоверные взаимосвязи на уровне статистической значимости $p \leq 0,05$ между зависимостью от курения и стилями семейных отношений выявлено не было. Скорее всего, это связано с тем, что склонность к зависимости от курения у опрошенных была на низком уровне. Тенденция к зависимости между параметрами была выявлена для шкалы «ориентация на активный отдых» ($r = -0,228$, $p = 0,058$). Это указывает на то, что подростки менее склонны к зависимости от курения, где семья принимает участие в различных видах активного отдыха и спорта. По нашему мнению, своевременная диагностика особенностей личности подростков и их последующая коррекция, а также разработка для родителей практических рекомендаций по недопущению подростковой зависимости, могут стать основой профилактики возможных нарушений поведения в период подросткового кризиса, в том числе и склонности к курению.

Список использованных источников

1 Евстифеева, Г. Ю. Эпидемиология поведенческих факторов риска развития хронических неинфекционных заболеваний во взрослой популяции / Г. Ю. Евстифеева // Профилактика неинфекционных заболеваний. – 2003. – № 1. – С. 13–17.

Д. В. Капора

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скоринь»,
г. Гомель, Беларусь

ДЕПРЕССИВНАЯ СИМПТОМАТИКА СПОРТСМЕНОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНОЙ ОЦЕНКИ ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТРЕНЕРА

В статье рассматриваются современные подходы к изучению депрессии и депрессивной симптоматики. Приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи социально-перцептивной оценки личностно-деятельностных особенностей тренера и депрессивной симптоматики спортсменов.

Ключевые слова: депрессия, депрессивная симптоматика, аффективное расстройство, личностно-деятельностные особенности, социально-перцептивная оценка, спортивная деятельность.

Для депрессии характерны такие физиологические проявления, как нарушения сна, функций кишечника, сексуальных потребностей. У больных депрессией нарушается общий энергетический тонус, они чувствуют утомляемость. При соматизированной депрессии человек переживает неприятные ощущения в теле. Если смотреть на такого человека, то в его поведении можно наблюдать пассивность, избегание контактов с людьми, отказ от развлечений.

Проведённые исследования, изучавшие связь между спортом и лечением им же от депрессии, показали, что и разовая тренировка, и длительный курс занятий спортом способствуют снижению показателей депрессии. Существует достаточное количество теорий, которые объясняют то, что спорт помогает выйти из депрессии, но многие из них не находят подтверждения. Например, по мнению ряда авторов, занятия спортом не оказывают значимого воздействия на психоэмоциональное состояние больных депрессией. Лечение депрессии у людей, занимающихся спортом, протекает точно так же, как у людей, не занимающихся спортом и проходящих только медикаментозную терапию [1, с. 32].

Представленные в наке исследования доказывают, что спортсмены подвержены и страдают от депрессии не меньше представителей любой другой профессии. Более того, люди, связанные со спортивной деятельностью, зачастую находятся в состоянии постоянного стресса, в связи с чем преобладание депрессии очень велико. Это обусловлено непредсказуемостью исходов спортивных состязаний, а также жестким процессом тренировок и строгим соблюдением режима. Особенно влияет на эмоциональное состояние спортсмена ответственность перед значимыми соревнованиями. Опытные профессиональные спортсмены понимают, что успех не долговечен.

Но спортсмены реже обращаются за помощью к специалистам. Возможно, это связано с тем, что спортсменам с детства внушают, что спортсмен – это сильный, выносливый человек и ни что его не сломает, а, так же, постоянная занятость спортсмена, его загруженность, режим и т.д. не позволяют выделить достаточное время на восстановление своего эмоционального фона. Т. е., в профессиональном спорте проблемы психики игнорируются, рассматриваются как нестоящие внимания.

Чаще всего профессиональные спортсмены сталкиваются с различными преддикторами возникновения депрессивной симптоматики, а следом и депрессии. Это и постоянные изматывающие тренировки на пределе физических и эмоциональных сил, постоянная потребность в доказательстве своего профессионализма, поддержание формы своего тела, диеты, ограничения и т.д. Низкая самооценка, несоответствие строгим физическим стандартам, регламентированная диета и постоянное негативное давление – все являются частью злополучной комбинации факторов [2]. При этом у спортсмена есть и другие сферы жизни и деятельности, например, семья, учёба, друзья и т. д., которые тоже требуют внимания, времени, эмоционально отдачи.

Спортсмен не может всегда показывать лучшие результаты, следовательно, при неудачах у него возникает функциональная депрессия, характерная для любого человека в рамках нормального психического функционирования, показателями которой являются отрицательные эмоции, изменение ориентиров, мотивации, пассивности, равнодушия к достижениям, результату и, вообще, к спорту. Возникает чувство беспомощности, апатии и вины. Наступает быстрое утомление и на восстановление требуется больше сил, чем обычно. Следовательно, результаты в спорте начинают ухудшаться и ситуация с нестабильным эмоциональным фоном ухудшается. Спортсмен чувствует себя ещё более беспомощным и наступает «застревание» и «погружение» в негативных эмоциях.

В спорте огромное значение имеет взаимодействие в системе спортсмен-тренер. Благоприятная, доверительная атмосфера в данной системе будет способствовать быстрому восстановлению спортсмена после неудач и стремлению к новым достижениям. Но в современном спорте всё чаще возникают ситуации нарушения благоприятного эмоционального фона в данной системе, часто возникают конфликты, связанные с недопониманием, смещением целей, изменением прежних условий и т.д. чаще всего именно тренер находится в более выгодной

позиции и решает конфликт в статусе главного, старшего, при этом, не учитывая желания, потребности или мнение спортсмена, нередко применяется грубая сила для подавления и подчинения спортсмена. Конечно, такие ситуации сказываются на психологическом и психическом состоянии спортсмена.

Для изучения влияния личности тренера на возникновение депрессивной симптоматики у спортсменов мы провели исследование. Мы исследовали профессиональных спортсменов и спортсменов-любителей на наличие депрессивной симптоматики. Для этого нами была проведена диагностика 70 испытуемых по методике «Шкала депрессии А.Бека». в ходе анализа полученных результатов, можно сделать вывод о том, что у спортсменов-профессионалов уровень депрессии выше, чем у спортсменов-любителей. Мы предположили, что именно личность тренера оказывает влияние на депрессивную симптоматику спортсмена, т.к. любители, у которых уровень намного ниже, в случае нарушения эмоционального контакта с тренером или сомнения в его компетентности, могут легко сменить его, уйти в другой клуб, зал или даже поменять вид спорта, в то время как профессиональные спортсмены не имеют такой возможности и вынуждены приспосабливаться к тем условиям, которые уже есть. Тренера спортсмена-любителя, к которому они ходят и платят ему деньги, не так уж и беспокоит значительность их успехов, поэтому он не будет вести себя более снисходительно. Также у таких людей нет цели достичь каких-либо высоких результатов, т.е. нет необходимости каждый день усердно трудиться не всегда на пользу себе, напротив они занимаются для того, чтобы укрепить свое здоровье или подкорректировать фигуру.

Для изучения личностных характеристик тренера, являющихся важными для спортсмена, нами было проведено исследование с помощью методики «Социально-перцептивная оценка личностно-деятельностных особенностей тренера» (Ю.Ханин, А.Стамбулов), которая показывает восприятие и оценку спортсменом своего тренера.

В ходе исследования было выявлено, что 46 % профессиональных спортсменов имеют уровень депрессии от лёгкого до высокого. В то время, как спортсмены-любители 8% имеют лёгкий уровень депрессии. Нами были исследованы следующие параметры восприятия и оценки тренера: гностический параметр, который указывает восприятие и оценку компетентности тренера по мнению спортсмена; эмоциональный параметр отображает эмоциональное восприятие тренера, насколько тренер ему симпатичен; поведенческий отображает особенности реального взаимодействия в системе тренер-спортсмен.

Далее была проведена первичная обработка полученных данных по методу Плохинского. Так как эмпирическое распределение признака не отклоняется от теоретического нормально распределения, то мы применили t-критерий Стьюдента для выявления корреляции между двумя признаками.

Нами была выявлена отрицательная корреляция, которая позволяет утверждать, что восприятие личностных особенностей тренера оказывает влияние на эмоциональное состояние спортсмена-профессионала. В то время как у спортсменов-любителей данной корреляции не выявлено, т.е. восприятие особенностей личности тренера спортсменом-любителем не связано с их эмоциональным фоном. При этом, наиболее значимым фактором в восприятии тренера является гностический параметр, который отображает, наиболее сильно влияющим на спортсменов в обеих группах, является гностический параметр, который отображает восприятие и оценку компетентности тренера по мнению спортсмена.

Список использованных источников

- 1 Moran, M. More Athletes Sprint To Sport Psychiatrists / M. Moran // Psychiatric News. April 4. – 2003. – № 7. – P. 32–38.
- 2 Tofler, I. The Interface between sport psychiatry and sports medicine / I. Tofler, E. D. Morse, M. D. Miller // Saunders (Philadelphia). – 2005. – P. 1–3.

А. В. Короткевич

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЫСОКИЙ УРОВЕНЬ ТРЕВОЖНОСТИ, КАК ПРЕДИКТОР НЕСФОРМИРОВАННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению коммуникативной компетентности. Приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи тревожности и коммуникативной компетентности у младших школьников.

Ключевые слова: коммуникативная культура личности, компетентность, коммуникативный потенциал, педагог, тревожность, коммуникативная компетентность, дети младшего школьного возраста.

Тема коммуникативной компетентности остается популярной для исследования, так как в современном мире людям тяжелее общаться друг с другом и, соответственно, понимать друг друга. С такой проблемой постоянно сталкиваются взрослые. Они не знают, как правильно выразить свои чувства, желания, потребности, не задев чувства дорогого тебе человека или просто товарища. Взрослые читают литературу, посещают курсы как в университете, так и онлайн курсы. Став родителем, они тратят очень много денег на самообучение, чтобы понять себя и своих детей. Поэтому очень важно сформировать и развить коммуникативные навыки в начальных классах, где дети начинают осознавать свои слова, задумываться о последствиях сказанного. Чтобы, столкнувшись с миром взрослых, построенном на межличностном взаимодействии, не упасть лицом вниз и эффективно планировать свою деятельность.

В данной работе мы опираемся на понятие коммуникативной компетентности О. Ю. Голуба. Он пишет, что «под коммуникативной компетентностью понимается совокупность знаний, умений и навыков, включающих: функции общения и особенности коммуникативного процесса; виды общения и основные его характеристики; средства общения: вербальные и невербальные; психологические и коммуникативные типы партнеров, специфику взаимодействия с ними; формы и методы делового взаимодействия; технологии и приемы влияния на людей; методы генерирования идей и интеграции персонала для конструктивной коммуникации; самопрезентацию и стратегии успеха» [1].

Проблема тревожности является одной из ключевых проблем человечества. Это связано с развитием всевозможных гаджетов, умных приложений и возможности достать любую информацию через интернет, что значительно сказывается не только на интеллектуальном уровне детей, но и на их личностных характеристиках. В первую очередь на тревожности. Поэтому, история изучения тревожности довольно длительная.

Так, Р. С. Немов описывал тревожность так, «тревожность – постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека находиться в состоянии повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях».

Т. В. Гузанова выделила восемь основных факторов, влияющих на развитие школьных страхов у детей в начальной школе, ведущих к развитию повышенной тревожности: 1) общая тревожность в школе, выраженная в общем эмоциональном напряжении, связанном с различными формами включения ребенка в новую ситуацию развития; 2) переживание социального стресса, в первую очередь в отношении социальных контактов с одноклассниками; 3) фрустрация потребности в достижении успеха, тормозящая развитие притязаний на успех и достижение высоких результатов; 4) страх самовыражения – эмоциональное напряжение, связанное с затруднениями самораскрытия, самопредъявления, демонстрации своих возможностей; 5) страх ситуации проверки знаний – ребёнок испытывает тревогу и негативные переживания в ситуации, когда он знает, что его оценивают. Особенно, если данная ситуация связана с выступлением на публике (ответ перед всем классом); 6) страх не соответствовать ожиданиям окружающих – тревога по поводу оценки со стороны значимых других, по поводу своих результатов, поступков, идей; из-за боязни

возможности негативных оценок; 7) низкая физиологическая сопротивляемость стрессу, которая способствует возникновению деструктивной реакции в трудной ситуации (озноб, тошнота, диарея, нехватка воздуха, головокружения и т.д.); 8) проблемы и страхи в отношениях с учителями – переживания и тревога ребёнка, снижающий мотивацию и успешность обучения [2, с. 93].

Проанализировав источники, можно описать ряд основных факторов формирования школьной тревожности: изменение привычного распорядка дня школьника; учебные плановые перегрузки; интеллектуальная или физиологическая неспособность учащегося справиться со школьной программой неадекватные ожидания со стороны родителей; завышенные, неадекватные ожидания со стороны родителей и педагогов; негативные или неблагоприятные эмоциональные отношения с педагогами; регулярно повторяющиеся ситуации оценивания; регулярно повторяющиеся оценочно-экзаменационные ситуации; смена школьного коллектива и/или неприятие детским коллективом.

Было выявлено, что дети с высоким уровнем тревожности испытывают дискомфорт в школьной среде обучения. Зачастую такие дети склонны испытывать сложности в процессе адаптации, что мешает нормальному развитию ребенка. У детей наблюдается страх перед опросом и проверкой домашних заданий, что может быть связано с давлением родителей «ты должен быть лучше всех, получать только отличные отметки» и при таком поведении родителей у ребенка может выработаться ненормативное поведение, которое способствует формированию асоциального поведения. Другой реакцией ребенка с повышенной и высокой тревожностью может быть зависимый тип, когда ребенок находит более сильного человека и полностью, безоговорочно ему верит. Также ребенок может замкнуться и никому не открываться. Такой тип поведения неэффективен, так как человек – уникальное существо, у него есть какие-то индивидуальные черты, которых нет у других людей. Ребенок чувствует себя неуверенным в своих силах, ощущает свою закомплексованность и ограниченность и страдает его самооценка. Страх показать себя настолько велик, что зачастую, дети поддаются влиянию социальной среды и теряют все попытки обрести свою индивидуальность или могут стать «грушей для битья» других ребят. Также у детей пропадает инициативность, подавляется креативность. Учатся только, чтобы получить хорошие отметки, а мотивом его школьной деятельности становятся избегание неудач.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на повышенную тревожность у детей младшего школьного возраста, является смена его привычного стиля жизни. Ребенок, посещая садик, уже привык к своим товарищам, он завел множество друзей, освоил правила и нормы поведения, привык к воспитателям и персоналу. Перейдя в школу, ученик сталкивается с неизвестностью. Новая среда, незнакомые дети с родителями, новый классный руководитель, контроль со стороны преподавателя, жалобы, предъявление новых требований и применение санкций и наказаний – приводит к повышению тревожности. Поэтому очень важно в младшем школьном возрасте выявлять признаки высокой тревожности и стремиться стабилизировать их, приводя ребенка в оптимальную выраженность тревожности.

Диагностическое тестирование проводилось на базе ГУО «Средняя школа №38 г. Гомеля». В тестировании принимали участие 92 школьника с первого по четвертые классы. Для изучения школьной тревожности и уровня сформированности коммуникативной компетентности детей младшего школьного возраста были использованы опросник школьной тревожности Филлипса и тест для школьников младшего школьного возраста «Коммуникативная компетентность» (модифицированный Л. С. Колмогоровой вариант теста Михельсона).

В ходе проведенного исследования было выявлено, что высокий процент по шкале «Общая тревожность в классе» составил 26,7%, то есть 24 учащихся. Процент повышенной тревожности составляет 13% или 12 человек. Повышенная тревожность показывает, что дети младшего школьного возраста склонны переживать тревожность, находясь в учреждении образования: трудности в коммуникации с преподавателем и сверстниками, а также в предъявлении себя в группе и последующей оценки учителем знаний школьника. Оптимальный или нормальный уровень тревожности имеют лишь 47,8%, что составляет 43 ученика. Для таких ребят школьная адаптация, школьные правила и требования не являются травмирующими, что благоприятно

сказывается на дальнейшем функционировании и развитии ребенка, формировании коммуникативных навыков беседы с взрослыми и одноклассниками.

Исследование показало, что у значительной части детей уже сформирована коммуникативная компетентность 57,8% или 52 человека, что говорит о подготовленности детей к новым школьным условиям обучения. Следовательно, ребенок уже адаптировался к новой среде, свободно взаимодействует с одноклассниками и знает правила поведения в классе, осознает, что является частью целостного механизма. Процесс длительной и принудительной концентрации внимания не вызывает сложностей. Однако были дети, у которых присутствует агрессивная реакция, что составило 18,9% или 17 человек. Агрессивная реакция указывает на давление на ученика в школе, показывая, что не все выработали «иммунитет» к новым ролям и новой обстановке. Зависимая реакция выявлена у 23,3% или 21 человека, что показывает неспособность детей самостоятельно адаптироваться. Этим детям требовалось постоянное наблюдение со стороны преподавателя в школе и родителей дома. Такие дети обычно малообщительные, замкнутые. У таких детей очень трудно узнать об их самочувствии, поэтому приходится всегда находиться в напряжении и замечать эмоциональные изменения в ребенке. Классному руководителю отводится роль мамы, которая должна помочь ребенку влиться в коллектив одноклассников, помочь в адаптации к учебному процессу.

Результаты показали, что действительно существует связь между коммуникативной компетентностью и уровнем тревожности. Было замечено, что дети с высокой тревожностью имели зависимый или агрессивный тип реакции, а дети с нормальным уровнем тревожности обладали коммуникативным типом реакции. С помощью непараметрического коэффициента Пирсона было установлено, что между уровнем сформированности коммуникативной компетентности и уровнем тревожности существует обратная взаимосвязь: чем выше уровень коммуникативной компетентности, тем ниже уровень тревожности.

Список использованных источников

- 1 Голуб, О. Ю. Теория коммуникации / О. Ю. Голуб, С. В. Тихонова. – М. : Дашков и К, 2011. – 388с.
- 2 Гузанова, Т. В. Проблема метода психологического изучения школьных страхов учащихся начальных классов / Т. В. Гузанова // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 91–96.

М. С. Кричевцова

Научный руководитель: **И. В. Сильченко**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В данной статье рассматривается понятие психологического благополучия. Взаимосвязи благополучия и здоровья. Описывается понятие субъективного благополучия. Выделяют компоненты психологического благополучия. Особенно внимание, выделяется фактору самооотношения.

Ключевые слова: благополучие, психологическое благополучие, субъективное благополучие, психологическое здоровье, компоненты самооотношение, самосознание, самооценка.

Начало исследования проблемы психического благополучия человека особенно активно начало изучаться в рамках позитивной психологии - направления, которое предлагает нам обратить внимание не на изучение отклонений и заболеваний психики, а на его ресурсы. А именно потенциал человека и его позитивную активность. В науке, термин «психологическое благополучие» стал употреблять в своих работах американский психолог Н. Брэдбурн еще

в 1969 году. Он создал модель структуры психологического благополучия, и определил, как баланс, достигаемый переменным преобладанием двух видов несвязанных между собой аффектов – негативного и позитивного, что и является состоянием счастья у человека [1]. Н. Брэдбурн рассматривал более подробно эти два аффекта. Явления, происходящие в жизни, могут нести в себе радость или разочарование, когда, отражаясь в нашем сознании и накапливаются в виде соответственно окрашенного аффекта (негативного или позитивного). И если что-то нас расстраивает, и из-за этого мы переживаем, суммируется в виде негативного аффекта, и те же события нашей повседневной жизни, которые несут для нас радость и счастье, способствуют увеличению позитивного аффекта [1, с.16].

Дает определение психологического благополучия и К. Рифф. Она подразумевала под ним субъективный конструкт осмысленности человеком раскрытия своего потенциала. Она считала, что не все, что приносит нам удовольствие, способствует достижению психологического благополучия. Даже больше, негативный или травмирующий опыт и трудности в жизни, в некоторых случаях могут стать ступенью для повышения психологического благополучия человека – через глубокое осмысление жизни, осознание собственных жизненных целей, установление более гармоничных отношений с другими людьми, обретение способности к сопереживанию [2].

Психологическое благополучие можно рассматривать как показатель психического и психологического здоровья. Термин «психическое здоровье» предложила в обиход И. В. Дубровина. Рассматривая «психическое здоровье», она отмечала, что оно больше связано с отдельными психическими процессами, в то время как «психологическое здоровье» в целом относится к самой личности, но оба этих понятия находятся в тесном взаимодействии между собой [3]. В докладе ВОЗ также, имеется понятие благополучия и здоровья. Там, здоровье было описано как: «... состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезни или немощи». А психическое здоровье рассматривается как «состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей среды и действительности регуляцию поведения и деятельности» [4].

И для полного понимания феномена психологического благополучия нам помогают работы Э. Динера, который в свою очередь, ввел понятие «субъективное благополучие». По его мнению, субъективное благополучие, состоит из трех основных компонентов: удовлетворение, комплекс приятных эмоций (pleasant affect) и комплекс неприятных эмоций (unpleasant affect). Несмотря на схожесть трактовки структуры психологического благополучия и структуры субъективного благополучия, Э. Динер все же не рассматривает их как прямые аналоги. Он считает, что субъективное благополучие – лишь компонент психологического благополучия, отмечая при этом, что для описания последнего необходимо вводить дополнительные характеристики. Так, по мнению автора субъективное благополучие, включает в себя три основных компонента: счастье, мысли об удовлетворении жизнью, положительные эмоции (аффекты) и отрицательные эмоции (аффекты) [5]. В одной из статей, он описывал социальное благополучие как широкую конструкцию, которая, как считается, включает положительный и отрицательный аффект, когнитивную оценку, то есть интеллектуальную оценку различных сфер в жизни. Оно также включает в себя как хорошее, так и плохое настроение. Удовлетворенность и самопринятия своей жизни [5]. Э. Динер считает, что многие люди оценивают происходящие с ними ситуации через понятие «хорошо – плохо», и такая оценка имеет под собой соответствующую эмоцию. Субъективное благополучие как правило должно быть не показателем того, насколько человек погружен в депрессию или тревогу, а также и демонстрировать насколько этот человек может быть счастливее другого. То есть, он приравнивает субъективное благополучие, к переживанию веком счастья. Несмотря на то, что структура психологического благополучия и субъективного благополучия, имеют схожую трактовку Э. Динер не рассматривал их как прямые аналоги друг друга. Он говорил, что субъективное благополучие – лишь компонент психологического благополучия, отмечая при этом, что для описания последнего необходимо вводить дополнительные характеристики [6].

Таким образом, можно говорить о том, что субъективное благополучие, хоть и имеет схожую трактовку с психологическим благополучием, однако является более широким понятием, включающим в себя психологическое благополучие, в качестве одного из параметров. Современная позитивная психология и отдельные зарубежные исследования субъективного и психологического благополучия рассматривают чётко ограниченные факторы, например, физическое и психическое здоровье, знание и понимание мира, хорошая работа, материальное благополучие, свобода и самоопределение, удовлетворительные межличностные отношения [7].

К. Рифф выделяет в структурную модель психологического функционирования следующие компоненты психологического благополучия: самопринятие (положительная оценка себя и своей прошлой жизни), личностный рост (чувство постоянного роста и развития человека как личности); автономия (чувство самоопределения, способность не поддаваться социальному давлению, самостоятельная и независимая оценка себя и своего поведения), компетентность в управлении средой (дословно-мастерство окружающей среды) (способность добиваться желаемого, умение преодолевать трудности на пути реализации своих целей); позитивные отношения с окружающими (наличие дружественных отношений с другими. Способность к эмпатии, цель в жизни (уверенность в том, что жизнь является целенаправленной и значимой. Ценность настоящего, прошлого и будущего времени) [2].

Стоит отметить фактор самопринятие или как его еще можно назвать, самоотношения. Данное понятие в психологии рассматривалось и рассматривается многими отечественными и зарубежными авторами. Самоотношение, или же самооценка, считается одним из элементов самосознания личности, а именно его эмоционально-оценочной частью. Человек, который начинает осознавать себя, выделяться из окружающего мира, определяет свое место в нем. Общество, окружение, социум – это необходимое условие формирования самосознания, потому что человек не может определять себя без сравнения с другими, поэтому мы можем сказать, что самосознание имеет общественный характер. Человек не рождается с осознанием себя, своей личности, процесс формирования знаний о себе осуществляется на протяжении всей его жизни под воздействием многих факторов. В современной психологии не существует единого подхода к определению такого феномена как отношение человека к себе, несмотря на то, что он активно изучается как отечественными, так и зарубежными авторами. Если мы проанализируем большую часть работ, которые посвящены изучению отношения человека к самому себе, мы можем заключить, что понятия самоотношение, много разных описаний данного явления в психологии [8]. Например, можно выделить такие понятия как самоуважение, самооценка, самопринятие, собственно самоотношение, самоуверенность, чувство собственного достоинства, самоудовлетворение, аутосимпатия, самоценность и др.

Сам термин «самоотношение», впервые был использован в психологии грузинским психологом Н.И. Сарджвеладзе [9]. Которое включает в себя конативный, когнитивный и эмоциональный компоненты. Когнитивный, который воспринимает гностическое отношение человека к себе с помощью когнитивных функций (ощущение, восприятие, мышление и т. д.). Эмоциональный, характеризуется знанием себя с определенными чувствами. А конативный, действует как внутренние действия в собственный адрес или как условие готовности для этих действий. Люди с позитивным отношением к себе менее поглощены своими внутренними проблемами и гораздо реже страдают психосоматическими расстройствами. Позитивное устойчивое отношение к себе лежит в основе веры человека в собственные возможности, самостоятельность, энергичность и связано с его готовностью рисковать, что обуславливает оптимизм в отношении ожидания успеха своих действий в ситуации неопределенности [9].

В то же время негативное самоотношение становится источником разных коммуникативных трудностей, так как человек с таким отношением к себе уверен в том, что окружающие его люди плохо относятся к нему. Из-за проблем ценности своего «Я», окружающие проблемы, как правило полностью захватывают его внимание, поэтому уровень активности человека излишне повышается, что затрудняет выбор адекватного способа взаимодействия, а его поведение становится ригидным [10]. Негативное и конфликтное отношение человека к себе определяет его

девиантное поведение: совершение преступлений, наркомании, алкоголизма, агрессивного и суицидального поведения, связанное с неадаптивным асоциальным поведением, является одной из причин отклонение, которая положительно коррелирует с депрессией. Самоотношение существует в трех подходах, с помощью которых можно рассмотреть отношения человека к себе: понимания самоотношения как аффективного компонента самосознания (самоотношение в структуре самосознания), как черты личности (самоотношение в структуре личности), как компонента саморегуляции (самоотношение в системе саморегуляции).

Список использованных источников

- 1 Bradburn, N. The Structure of Psychological well-being / N. Bradburn – Chicago: Aldine Pub. Co, 1969. – P. 320.
- 2 Ryff, C. D, The structure of psychological well-being revisited / C. D. Ryff, C. L. Keyes // J. of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 69, № 12 – P. 719–727.
- 3 Дубровина, И. В. Психологическое здоровье личности в контексте возрастного развития / И. В. Дубровина // Развитие личности. – 2015. – № 2. – С. 67–95.
- 4 Павлоцкая, Я. И. Соотношение психологического благополучия и социально-психологических характеристик личности: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05. / Я. И. Павлоцкая. – Волгоград. 2015. – 183 с
- 5 Lucas, R. E Discriminant validity of well-being measures / R. E. Lucas, E. Diener, E. J. Suh // J. of Personality and Social Psychol. – 1996. – Vol. 64, № 3. – P. 616 – 638.
- 6 Diener, E. Subjective well-being / E. Diener // J. of Psychological Bulletin. – 1984. – Vol. 95. – № 3. – P. 542–575.
- 7 Ширяева, О. С. Психологическое благополучие личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. псих. наук / О. С. Ширяева: Дальневост. гос. ун-т– Хабаровск, 2008. – 21 с.
- 8 Анисимова, О. М. Самооценка в структуре личности студента: автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05. / О. М. Анисимова. – М., 1984. –17 с.
- 9 Сарджвеладзе, Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 206 с.
- 10 Кольшко, А. М. Психология самоотношения: учеб. пособие / А. М. Кольшко. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 102 с.

Т. С. Романова

Научный руководитель: **А. Е. Журавлёва**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ЗАВИСИМОЕ И СОЗАВИСИМОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению зависимого и созависимого поведения людей. В ней описывается понятие «зависимость», «созависимость», раскрываются причины данных явлений.

Ключевые слова: зависимость, созависимость, аддикция.

Понятие «зависимое поведение» в последнее время распространилось не только в научном обществе, но и в повседневной жизни. Зависимость означает привязанность к чему-либо или кому-либо. У каждого человека есть много привязанностей, но зависимостью в психологии обозначается только привязанность, которая имеет определенную выраженность, либо неприемлемую с точки зрения социальных норм, или угрожает здоровью, или которая вызывает

психологическое расстройство его личности. Проблема психологической зависимости является одной из самых сложных в научном отношении, но чрезвычайно актуальной на практике.

Зависимость можно рассматривать как особую форму адаптации к сложной жизненной реальности. Она проявляется в виде бегства от проблем к некоему иллюзорному миру, который не меняет реальность, но меняет людей, со временем ухудшает их переживания, создает новые проблемы. Кроме того, человек перестает контролировать свое поведение, мысли, эмоции. Его существование определяет объект зависимости, что в конечном итоге разрушает жизнь.

Термин «зависимость» относится к сфере права, обозначает «осужденный», «приговоренный», «покорный». Е. А. Николаева выделила термин зависимость как специфическое поведение, общей чертой которого является стремление уйти от реальности путем искусственного изменения психического состояния [1, с.20]. В широком смысле под зависимостью понимают «стремление полагаться на другого в целях получения удовлетворения и/или адаптации».

Анализ литературы позволил выделить биологические, социальные и психологические факторы зависимого поведения. К биологическим факторам относят в основном только химические зависимости. Биологическими особенностями, которые влияют на появление и развитие химических зависимостей, считают: уровень первоначальной толерантности; родовые травмы; частые инфекционные заболевания и также черепно-мозговые травмы в детском возрасте; мозговые расстройства и внутреннее поражение мозга; наследственная отягощенность из-за алкоголизма или наркомании у близких родственников; задержка психического и физического развития. В настоящее время проведенные исследования с большой долей достоверности доказывают, что есть склонность к «межпоколенной» передаче алкогольной зависимости. По некоторым данным вероятность возникновения алкоголизма у детей алкоголиков в 7–15 раз выше, чем в целом по популяции. К социальным факторам, характеризующим зависимое поведение можно причислить макросоциальные факторы – это социально-экономическая устойчивость общества, присутствие моральных ориентиров, ценностей в обществе и т.д. и микросоциальные факторы – это воздействие семьи, ровесников и в целом близкого окружения человека [5].

Изучение психологических особенностей людей, предрасположенных к зависимому поведению затруднено, так как обнаружить, какие психологические особенности личности явились причиной, а какие результатом зависимости, в полной мере может только применение весьма сложного лонгитюдного исследования. Зачастую авторы разных публикаций по вопросам зависимости не разделяют преморбидные и актуальные особенности личности.

К предрасполагающим психологическим факторам формирования зависимости можно отнести: простые формы постоянно протекающих психозов; психопатии, а также акцентуации личности; скрывающиеся депрессии; высокая восприимчивость; сензитивность; неуверенность в себе; эмоциональность; агрессивность.

Выделяются также психологические причины, приводящие к появлению той или иной зависимости. Недостаточная общительность. Человек ощущает ряд проблем при общении: возможно он слишком стеснителен, скромн в общении с противоположным полом, стесняется выражать свои чувства и эмоции. Принятие конкретных веществ, на его взгляд может решить эту проблему: он становится намного раскованным, независимым в проявлении чувств, общительным и т. п.. Повышенная тревожность. Наркотики, например, выступают в роли антидепрессанта, с целью уменьшения уровня беспокойства, как способ забыться, расслабиться. Неумение справляться с собственными, порой очень сильными эмоциями. Некоторые употребляют алкоголь, для того чтобы приглушить свои чувства и эмоции, а некоторые, чтобы сделать их острее.

Чувство боли, страдания. «Три основных класса веществ, вызывающих зависимость – анальгетики-опиаты, седативно-снотворные (включая алкоголь) и стимуляторы (например, кокаин, амфетамины), – обладают мощными и разнообразными психотропными эффектами, которые могут существенно облегчить психическое страдание или полностью избавить от него. Наркоманы используют три класса наркотиков для дифференцированного «самолечения», стремясь избавиться от боли, вызванной аффектами» [2, с. 40].

Зависимое поведение представляет собой одну из патологических особенностей личности (психопатии) включающие в себя параноидное и шизоидное, диссоциальное и эмоционально-неустойчивое, истерическое и ананкастное, тревожное и зависимое расстройства [3, с. 46].

Базисная характеристика аддиктивной личности – зависимость [6, с. 36]. Зависимость считается заболеванием, если вследствие часто повторяющегося приема натурального или синтетического ПАВ у человека возникает состояние периодической или хронической интоксикации, представляющей вред и опасность для них самих или их окружающих; у человека наблюдается почти или совершенно непреодолимо влечение к этому ПАВ (психическая зависимость); человек не в состоянии самостоятельно отказаться от приема ПАВ, или психически и органически настолько зависит от него, что внезапное прекращение приема вызывает физически тяжелое и психически непереносимое состояние (физическая зависимость или абстиненция) [4, с. 14].

Можно выделить следующие объекты, вызывающие зависимости: психоактивные вещества (алкоголь, наркотики и т. д.); активность, включенность в процесс (хобби, игра, работа и т. д.); люди, другие предметы и явления окружающей действительности, вызывающие различные эмоциональные состояния [1, с. 15].

Зависимости к жизни не существует потому, что под зависимостью подразумевается назойливое поведение, сдерживающее индивида в его способностях, вследствие того также заслоняющего от него настоящую жизнь в абсолютно всех её разнообразных проявлениях. Более того, зависимости появляются в основе активных позитивных эмоций, а жизни присущи вдобавок безграничный диапазон небольших положительных чувств, также вся палитра отрицательных переживаний.

По мнению Б. Уайнхолда, созависимость – это приобретенное дисфункциональное поведение, являющееся результатом незавершенности задач раннего детства [6, с. 5]. Созависимым нужны так называемые токсичные эмоции: беспокойство за зависимого, сострадание к нему, периодическое возникновение ощущения позора, вина, обиды, злобы. При удовлетворении данных патологических психологических потребностей у аддикта появляется ощущение наслаждения и облегчения. Созависимыми являются: люди, состоящие в браке либо пребывающие в романтических отношениях с зависимым от наркотических веществ; родители больных зависимостью от наркотических веществ; люди, у которых есть один или оба родителей, больных зависимостью от наркотических веществ; люди, которые росли в эмоционально репрессивных семьях; люди, страдающие зависимостью (до и так же после интенсивного периода болезни).

Созависимый человек игнорирует себя вплоть до абсолютной утраты собственного «Я». Созависимость обуславливается зависимостью от других людей. Согласно мнению психологов, более 90 % взрослых людей мучаются от созависимости. Выделяют следующие психологические характеристики созависимых: низкая самооценка, компульсивное желание контролировать жизнь других, желание заботиться и спасать других, негативные чувства (страх столкновения с реальностью, страх одиночества, страх, что случится самое худшее, страх потери контроля над жизнью), отрицание наличия у партнера проблем с алкоголем, психосоматические заболевания [7, с. 4].

Таким образом, семья является одним из более важных факторов риска и избегания зависимости. Основная значимость относится не степени материального благополучия, социальному статусу и т.д., а психологическим нюансам – внутрисемейным взаимоотношениям. Люди с зависимым поведением всегда отрицают свои проблемы или не связывают их с опасными зависимостями. Они думают, что их вызывающее привыкание поведение – не что иное, как «баловство», что они могут избавиться от этой зависимости в любое время. В детском и подростковом возрасте всё больше начинают курить, выпивать, принимать наркотические вещества, чтобы показать и доказать другим, что они уже «взрослые», «крутые», а с другой стороны, чтобы не быть «белой вороной» среди сверстников. Созависимость является отражением зависимости, и проявляет себя такими же симптомами. Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева

отмечают, что в последнее время все больше отечественных и зарубежных исследователей сходятся во мнении о том, что созависимость это самостоятельная форма аддикции, но более глубокая и труднее поддающаяся коррекции.

Список использованных источников

- 1 Николаева, Е. А. Аддиктология. Теоретические и экспериментальные исследования формирования аддикции / Е. А. Николаева, В. Г. Каменская. – М.: Форум, 2015. – 208 с.
- 2 Самохвалов, В. П. Психиатрия: учеб. пособие / В. П. Самохвалов. – Р.-на-Д.: Феникс, 2002. – 576 с.
- 3 Даулинг, С. Психология и лечение зависимого поведения / пер. с англ. Р. Р. Муртазина; под ред. А. Ф. Ускова. – М.: Класс, 2000. – 240 с.
- 4 Хриптович, В. А. Homo addictus: человек аддиктивный : учеб.-метод. пособие / В. А. Хриптович. – Минск: РИВШ, 2011. – 195 с.
- 5 Менделевич, В. Д. Руководство по аддиктологии / В. Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007. – 768 с. –
- 6 Уайнхолд, Б. Освобождение от созависимости. / Б. Уайнхолд, Д. Уайнхолд / пер. с англ. А. Г. Чеславской. – М.: Класс, 2002. – 224 с.
- 7 Москаленко, В. Д. Созависимость: характеристики и практика преодоления / Н. Н. Иванец; под ред. Н. Н. Иванца. – М.: Медпрактика, 2001. – 30 с.

Е. А. Счастливая

Научный руководитель: **О. В. Маркевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КОРРЕКЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ, СКЛОННЫХ К ОТКЛОНЯЮЩЕМУСЯ ПОВЕДЕНИЮ

В статье рассматривается личностная направленность старшеклассников и отклоняющееся поведение. Автором приводятся данные эмпирического исследования личностной направленности старшеклассников, склонных к отклоняющемуся поведению до и после проведения коррекционной программы по улучшению личностной направленности старшеклассников, склонных к отклоняющемуся поведению.

Ключевые слова: личностная направленность, отклоняющееся поведение, старшеклассники, коррекция личной направленности, коррекционная программа.

На сегодняшний день формирование личности старшеклассника происходит в условиях некоторой социальной нестабильности. Непринятие общественных норм как личностной ценности неизбежно выступает в качестве предпосылки социальных девиаций и социально-психологической дезадаптации. Говоря о направленности, имеется в виду система устойчивых поведенческих характеристик, которые формируются под воздействием воспитания, образования, ближайшей социальной среды проживания. Составляющими направленности являются: смысловой компонент, характеризующий ее предметное содержание, и динамический компонент, так называемое «напряжение», связанное с источником направленности [1, с. 160].

По мнению Т. А. Шиловой и Л. И. Костеревой, ведущими видами направленности старшеклассников являются коллективистская, когда мотивы связаны с целями коллектива, общества, и личностная направленность [2, с. 123]. Изменения в поведении старшеклассника можно объяснить не только в контексте психологической и биологической перестройки организма, но и как процесс его вхождения в социум, в жизнь взрослого человека [3, с. 215].

Таким образом, причины отклоняющегося поведения следует искать в процессе социализации, точнее, его нарушении. Данное поведение может возникнуть в том случае, если взрослые люди ведут себя со старшеклассниками как с детьми, не обращая внимание на их потребности. В этом случае стремление к взрослой жизни может исказиться, что может повлечь за собой такие действия как курение, употребление спиртных напитков и т.д.

При организации эмпирического исследования в число респондентов были включены испытуемые ГУО «Средняя школа № 38» г. Гомеля. Выборка составила 80 человек в возрасте от 15 до 17 лет, среди них 40 юношей и 40 девушек.

На первом этапе исследования проводилось диагностическое обследование испытуемых по методике «Склонность к отклоняющемуся поведению (СОП)» А. Н. Орел. По шкале «Установка на социальную желательность» на высоком уровне установки 21 респондент, что свидетельствует о том, что старшеклассники не соответствуют социальным установкам. Данные шкалы «Склонность к аддиктивному поведению» показывают, что 20 испытуемых предрасположены к зависимостям. По шкале «Склонность к преодолению норм и правил» высокий уровень установки у 18 опрошенных, это те старшеклассники, которые могут идти в разрез социальным нормам и правилам. Данные шкалы «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» свидетельствуют о том, что 22 респондента склонны к риску и причинению себе вреда. Шкала «Склонность к агрессии и насилию» выявила, что 15 испытуемых склонны к агрессии и насилию во взаимодействии с другими людьми.

Обработка результатов по шкале «Волевого контроля эмоциональных реакций» показывает, что 24 старшеклассника не способны контролировать свои эмоциональные реакции. Данные шкалы «Склонность к делинквентному поведению» показывают, что 20 человек склонны совершить противоправное действие.

Таким образом, по результатам исследования была выявлена группа старшеклассников с высоким уровнем склонности к отклоняющемуся поведению. Отмечено, что отклоняющееся поведение касается нарушения социальных норм. Все значения, полученные по результатам обработки, свидетельствуют о хорошем социальном контроле и жестком самоконтроле поведенческих реакций и чувственных влечений. Однако, значения по шкале установки на социальную желательность говорят о тенденции давать социально-желательные ответы, стремлении показать себя в лучшем свете и пр. Отмечается ярко выраженная тенденция к употреблению алкогольных и других веществ (аддиктивное поведение), а также имеется предрасположенность и к другим видам отклоняющегося поведения. Следовательно, можно предположить, что юноши и девушки испытывают трудности в переживании возрастного кризиса. Они остро нуждаются в тесном общении со сверстниками, поэтому пытаются самоутвердиться в их глазах путем совершения как мелких проделок, так и правонарушений, употребляя запрещенные вещества, являясь при этом высокоэмоциональными и чувствительными людьми.

На втором этапе исследования проводилось диагностическое обследование испытуемых по методике «МЭДНЛ» (модификация методики В. Смекалы и М. Кучеры на выявление личностной направленности).

В данной выборке респондентов направленность на себя (НС) преобладает у 48 опрошенных старшеклассников. Данный результат свидетельствует об увеличении интереса к собственной личности, своему внутреннему миру, что является центральной частью самоопределения и соответствует характеристикам данного возрастного этапа. Данные респонденты составляют большинство в группе испытуемых.

Направленность на общение (ВД) диагностирована у 23 опрошенных старшеклассников. Полученное значение говорит о повышенном интересе испытуемых к общению и взаимодействию с окружающими, поиск значимых собеседников, потребность в круге людей с общими интересами, что полностью подтверждает теорию о ведущей деятельности в рассматриваемом жизненном периоде.

В свою очередь, направленность на дело (НЗ) наблюдается у 9 респондентов. У таких старшеклассников важным становится профессиональное определение, силы направляются

на профессиональное обучение, увеличивается интерес к деятельности, готовность «делать», а не «говорить».

В результате исследований было выявлено, что в группе испытуемых наблюдается устойчивое разделение старшеклассников на склонных к отклоняющемуся поведению (20 человек) и старшеклассников без отклоняющегося поведения (60 человек).

Это свидетельствует о том, что на данном возрастном этапе старшеклассники проявляют особый интерес к собственной личности, своему внутреннему миру, что обуславливает их желание нравиться окружающим, как сверстникам, так и взрослым. Для них важно получать хорошее и лояльное отношение со стороны преподавателей, родителей, но при этом и иметь авторитет в глазах друзей. По этой причине очень часто такой обучающийся в семье и школе может проявлять себя исключительно с положительной стороны, при этом в среде сверстников употреблять запрещенные вещества, совершать правонарушения, проявлять агрессивные реакции в отношении окружающих с целью обозначения собственной значимости и утверждения в данной социальной группе. Также полученный результат свидетельствует о неискренности, возможной склонности ко лжи и обману, желании исказить результаты с целью произведения положительного впечатления.

Руководствуясь полученными результатами, была разработана коррекционная программа улучшения личностной направленности старшеклассников, склонных к отклоняющемуся поведению. Данная программа состоит из 7 занятий. Каждое занятие имеет продолжительность 1–1,5 часа. Численность группы составила 20 человек, из них 9 девушек и 11 юношей.

После цикла коррекционных занятий было проведено повторное обследование испытуемой группы путем использования методики «Склонность к отклоняющемуся поведению». По шкале «Установка на социальную желательность» после проведения коррекционной работы число респондентов с высоким уровнем установки, а именно старшеклассников, не соответствующих социальным нормам поведения, снизилось на 4 человека. Данные шкалы «Склонность к аддиктивному поведению» показывают, что после проведения коррекционной работы число старшеклассников снизилось на 9 человек. По шкале «Склонность к преодолению норм и правил» число респондентов после проведения коррекционной работы снизилось на 9 человек. Это говорит о том, что старшеклассников, которые могут идти в разрез социальным нормам и правилам, стало меньше. Данные шкалы «Склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению» свидетельствуют о том, что старшеклассников, склонных к риску и причинению себе вреда, после проведения коррекционной работы снизилось на 10 человек. Шкала «Склонность к агрессии и насилию» выявила, что испытуемых, склонных к агрессии и насилию во взаимодействии с другими людьми, стало меньше на 7 человек. Обработка результатов по шкале «Волевой контроль эмоциональных реакций» показала, что старшеклассников, не способных контролировать свои эмоциональные реакции, стало меньше на 8 человек. Данные шкалы «Склонность к делинквентному поведению» показали, что респондентов, склонных совершить противоправное (делинквентное) поведение, снизилось на 6 человек.

Проведя сравнительный анализ первичной и повторной диагностики, мы выяснили, что количество старшеклассников, находящихся на высоком уровне склонности к отклоняющемуся поведению, уменьшилось. Качественный анализ характеристики отклоняющегося поведения старшеклассников, участвовавших в реализации исследования, показал высокую динамику изменений, что говорит о возможности коррекции отклоняющегося поведения школьников с помощью коррекционных программ. Проведение повторного исследования по методике «МЭДНЛ» на выявление личностной направленности показал следующие результаты. После проведения коррекционной программы численность старшеклассников с отклоняющимся поведением по шкале направленность на себя (НС) снизилась на 6 человек, соответственно, у этих испытуемых понизился интерес к собственной личности и появился интерес на общение и взаимодействие с окружающими, на поиск значимых собеседников, потребность в круге людей с общими интересами, о чем свидетельствует рост численности старшеклассников

с направленностью на общение (ВД). По шкале направленность на дело (НЗ) число старшеклассников с отклоняющимся поведением в результате коррекционной работы не изменилось. Полагаем, что для коррекции направленности на дело для старшеклассников необходимо организовывать коррекционную работу, связанную с дальнейшей профориентацией.

Таким образом, по результатам исследования мы можем сделать вывод о том, что подобранная коррекционная программа способствовала снижению отклоняющихся проявлений в группе старшеклассников с отклоняющимся поведением. Высокий уровень отклонений в поведении обучающихся в группе снизился. У старшеклассников была скорректирована личностная направленность, повысился интерес к общению и взаимодействию с окружающими, снизилась направленность на себя.

Список использованных источников

1 Волков, Б. С. Возрастная психология. В 2 ч. Ч. 2 : От младшего школьного возраста до юношества / Б. С. Волков. – М. : Владос, 2010. – 343 с.

2 Молчанов, С. В. Психология подросткового и юношеского возраста: учебник для академического бакалавриата / С. В. Молчанов. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 351 с.

3 Шахова, И. П. Характеристика направленности личности в подростковом и юношеском возрастах / И. П. Шахова // Вестник МГОУ. Серия : Психологические науки. – 2010. – № 3. – С. 159–167.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОМ СОЦИУМЕ

Т.И. Ачинович, Е.С. Драк

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ИСТОЧНИКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ У ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

В данной работе представлены результаты исследования особенностей смысла жизни у людей пожилого возраста, проживающих с родственниками и одиноко проживающих. Проведен сравнительный анализ оценки значимости источников смысла жизни, а также показателей композитных и интегральных индексов нереалистичности смысла жизни у пожилых людей, проживающих с родственниками и одиноко проживающих.

Ключевые слова: смысл жизни, источники смысла жизни, нереалистичность смысла жизни, люди пожилого возраста.

Одной из важных потребностей человека является потребность в осмыслении собственной жизни, понимании того, зачем он живет. Феномен смысла жизни – наиболее адекватное, концентрированное проявление личности, его смысложизненных ориентаций. Процесс поиска и обретения смысла жизни невозможен без установления определенного отношения человека к самому себе. Смысл жизни представляет собой психологическую основу поступков и деяний человека, детерминируя его жизнедеятельность и активизируя поведение. Осмысление прожитой жизни является одной из составляющих пожилого возраста. Однако следует отметить остроту проблем психологического характера в пожилом возрасте, когда личность уже не востребована обществом в качестве трудового потенциала, социальным окружением.

В. Э. Чудновский отмечает, что в пожилом возрасте на содержание смысла жизни оказывают влияние неблагоприятные факторы: ухудшение здоровья, убывающие жизненные силы, укороченная биологическая перспектива [1]. В современных условиях под давлением общественных катаклизмов происходит наложение социального кризиса на возрастной. В. Э. Чудновский пишет о расслоении старшего поколения: у одних пожилых людей более отчетливо выступают широкие социальные смыслы, у других лиц пожилого возраста обнаруживается ломка смысла жизни, его сужение до элементарного желания выжить [1].

Считается, что в позднем возрасте человек обретает мудрость и жизненный опыт, вполне достаточный для того, чтобы самостоятельно решить проблему смысла жизни, при этом главная его точка опоры переносится из мира вещественного в сферу духовного [2].

Наличие смысла в жизни – это веское и необходимое, но само по себе не достаточное основание для субъективной удовлетворенности жизнью. Осмысленная жизнь становится удовлетворительной и счастливой лишь при условии продуктивного осуществления личностью ее смысла. Если же личность не способна продуктивно реализовать имеющийся смысл, он превращается из фактора удовлетворения в источник несчастья и страданий [3].

Цель исследования: определить особенности смысла жизни и чувства переживания одиночества у людей пожилого возраста, проживающих с родственниками и одиноко проживающих. *Гипотеза исследования:* существуют различия в содержательных и структурно-функциональных свойствах смысла жизни у лиц пожилого возраста, проживающих с родственниками и одиноко проживающих. Исследование проводилось на базе государственного учреждения «Территориальный центр социального обслуживания населения Московского района г. Минска». Выборку испытуемых составили 60 человек пожилого возраста. Из них 30 человек, проживающих с родственниками (15 мужчин в возрасте от 65 до 70 лет и 15 женщин в возрасте от 60 до 70 лет), и 30 человек одиноко проживающих (15 мужчин в возрасте от 65 до 70 лет и 15 женщин в возрасте от 60 до 70 лет). Для выявления содержательных и структурно-функциональных свойств смысла жизни у пожилых людей была использована методика

«Источники смысла жизни» К. В. Карпинского. В качестве методов статистической обработки данных применялся U-критерий Манна-Уитни.

При анализе полученных данных было определено, что количество выбранных ценностей испытуемыми варьировалось от 3 до 8. В основном все испытуемые выбирали 5–6 ценностей. При этом из тех ценностей, которые отмечались наиболее часто следует отметить такие, как «здоровье», «счастье», «дети», «дружба», «общение», «справедливость», «природа».

Для более подробного анализа рассмотрим степень оценки личностной значимости и важности отдельных ценностей, как источников смысла жизни, у лиц пожилого возраста, которые были выбраны в ходе исследования более 5-ти раз. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Степень оценки значимости источников смысла жизни у пожилых людей, проживающих с родственниками и одиноко проживающих

Источники смысла жизни	Среднее значение	
	Проживающие с родственниками	Одиноко проживающие
Здоровье	6,4	6,5
Счастье	6,6	6,2
Справедливость	6,1	6,5
Общение	5,7	6,3
Дружба	5,4	6,1
Дети	6,4	5,3
Природа	5,9	5,1

Из выбранных ценностей у пожилых людей, проживающих совместно с родственниками и одиноко проживающими, нагрузка в основном на такие ценности, как «здоровье», «счастье», «справедливость». Пожилые люди высоко оценивают обретение душевного покоя. У них актуальны переживания удовлетворенности собственной жизнью и собой. Для пожилых людей важно сохранять позитивный настрой, надеяться на лучшее, что бы ни происходило.

Также пожилыми людьми из выборки особое значение придается ценности здоровья. Для них важно хорошее физическое и психическое самочувствие, поддержка и укрепление здоровья, оздоровление. Можно отметить ориентацию пожилых людей на ценность «справедливость», которая заключается в важности для пожилого человека необходимости добиваться справедливости и быть справедливым в отношении других людей. Это можно объяснить тем, что жизненный опыт, который есть у пожилых людей способствует их стремлению к равным возможностям для себя и для всех.

Для одиноко проживающих пожилых людей актуальную ценность имеет «общение», «дружба». Данные пожилые люди особо ценят поддержку теплых и доверительных отношений с другими людьми. Они отмечают значимость для себя радости от общения, возможности заведения новых знакомств, расширения контактов и связей. Эта ценность приобретает значимость именно при одиноком проживании пожилого человека.

В свою очередь, у людей, проживающих с родственниками, повышенную значимость приобретают такие ценности, как «дети», «природа». Для данной группы пожилых людей важно передать жизненный опыт следующим поколениям. Для них высокую степень значимости имеет возможность научить всему лучшему, что они умеют, своих детей и внуков. Также для данной группы пожилых людей важность обретает наслаждение красотой природы, жизнь в гармонии и единстве с природой, забота о животных.

Далее рассмотрим показатели композитных и интегральных индексов нереалистичности смысла жизни (таблица 2). Композитные индексы отражают нереалистичность смысла жизни, которая проявляется по отношению к предметным условиям жизни (IND_{npЖ}) и индивидуальным возможностям и особенностям личности (IND_{npЛ}); в плоскости

рефлексивного сознания (IND_{нрP}) и в контексте практической деятельности (IND_{нрД}). Интегральный индекс (IND_{нрИ}) определяется как сумма значений четырех базовых индексов и отражает общий уровень нереалистичности смысла жизни. Чем больше величина базового, композитного или интегрального индекса, тем более нереалистичным является смысл жизни испытуемого.

Таблица 2 – Средние значения композитных и интегральных индексов нереалистичности смысла жизни

Категория испытуемых	IND _{нрЖ}	IND _{нрЛ}	IND _{нрP}	IND _{нрД}	IND _{нрИ}
Проживающие с родственниками	3,1	3,0	3,1	2,9	6,0
Одинок проживающие	3,7	3,9	3,6	4,0	7,6

Из таблицы видно, что у людей пожилого возраста, которые проживают с родственниками, смысл жизни более реалистичен.

Анализ результатов расчета U-критерия Манна-Уитни позволяет говорить, что существуют статистически значимые различия в показателях индекса IND_{нрЖ} ($U=591$, $p \leq 0.05$). Это говорит о большей нереалистичности смысла жизни у людей пожилого возраста, которые проживают одиноко, по отношению к предметным условиям жизни. Внешние предметные обстоятельства, которые влияют на особенности жизни в одиноком проживании (отсутствие постоянной поддержки близких, психологический дискомфорт), повышают степень смысложизненного кризиса. Для пожилых людей, проживающих с родственниками, характерна компенсация влияния внешних предметных обстоятельств на риск развития смысложизненного кризиса посредством нахождения в комфортных психологических условиях в окружении семьи.

Также выявлены статистически значимые различия в показателях индекса IND_{нрЛ} ($U=663$, $p \leq 0.01$). Это свидетельствует о большей нереалистичности смысла жизни у людей пожилого возраста, которые проживают одиноко, по отношению к своим индивидуальным возможностям и особенностям личности. Для лиц пожилого возраста, которые проживают с родственниками, свойственно более реалистично оценивать свои возможности в ходе преодоления возможного смысложизненного кризиса в период социальной адаптации.

Определены статистически значимые различия в показателях индекса IND_{нрД} ($U=663$, $p \leq 0.01$). Это показывает большую нереалистичность смысла жизни у людей пожилого возраста, которые проживают одиноко, в контексте практической деятельности. Жизненные условия, в которых находятся пожилые люди, проживающие с родственниками (психологический комфорт, ориентация на семейные ценности, систематическая поддержка родственников в проблемах, связанных со здоровьем, с увлечениями), позволяют им находить больше смысла в жизни.

Выявлены статистически значимые различия в показателях интегрального индекса IND_{нрИ} ($U=637,5$, $p \leq 0.01$). Это говорит о большей нереалистичности смысла жизни в целом у людей пожилого возраста, которые проживают одиноко, по сравнению с пожилыми людьми, проживающими с родственниками. Для лиц пожилого возраста, которые проживают с родственниками, характерна содержательная адекватность реальным жизненным обстоятельствам. В то же время для тех пожилых людей, которые проживают одиноко, фиксируется более высокая степень нереалистичности смысла жизни, что, в свою очередь, может быть источником смысложизненного кризиса. Это обстоятельство свидетельствует о возможных регрессивных тенденциях в личностном развитии.

Таким образом, результаты исследования показали, что у людей пожилого возраста, которые проживают с родственниками, большая удовлетворенность прожитой жизнью. У тех людей пожилого возраста, которые проживают одиноко, отмечается большая неудовлетворенность

и ощущение бессмысленности. Это демонстрируют различия по базовым индексам, которые отражают разные грани нереалистичности смысла жизни испытуемых: для людей пожилого возраста, которые проживают с родственниками, по сравнению с пожилыми людьми, одиноко проживающими, фиксируется более высокая степень личностной значимости смысложизненных ценностей, более высокая степень соответствия ценностей индивидуальным особенностям и возможностям, более высокая степень согласованности смысложизненных ценностей с реальными условиями и обстоятельствами жизни.

Для лиц пожилого возраста, которые проживают одиноко, высока вероятность смысложизненного кризиса, возникшего под влиянием таких факторов, как внешние предметные обстоятельства, отношение к своим индивидуальным возможностям и особенностям личности, практическая деятельность.

На основании результатов исследования были разработаны рекомендации для специалистов, которые работают с лицами пожилого возраста, направленные на создание условий по преодолению смысложизненного кризиса. Работа с данным контингентом испытуемых должна проходить с учетом их индивидуальных и возрастных особенностей и быть систематической.

Список использованных источников

1 Чудновский, В. Э. Психологические проблемы смысла жизни и акме (возрастной, профессиональный и социореабилитационный аспекты) / В. Э. Чудновский // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2008. – Т. 1. – № 2. – С. 50–59.

2 Жучкова, С. М. Психологическая помощь пожилым людям в поиске смысложизненных ориентаций / С. М. Жучкова // Ученые записки РГСУ. – 2011. – № 7. – С. 228–234.

3 Карпинский, К. В. Ценностные конфликты и смысложизненный кризис в развитии личности [Электронный ресурс] / К. В. Карпинский // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 5. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php /num/2011n5-19/553-karpinskii19.html>. – Дата доступа: 15.06.2020.

О. А. Андриенко, С. Н. Зубкова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ,
г. Орск, Россия

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ С РОДИТЕЛЯМИ

Проблема детско-родительских отношений представляет собой наиболее актуальную проблему психологического развития в период подросткового возраста. Острота и важность данной проблемы напрямую связана с главной дилеммой развития: подросток стремится к эмансипации от родителей, но при этом нуждается в принятии и поддержке с их стороны. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования особенностей взаимоотношений современных подростков с родителями.

Ключевые слова: подростковый возраст, семья, воспитание, взаимоотношения с родителями.

Актуальность проблемы взаимоотношений современных подростков с родителями обусловлена тем, что в настоящее время молодое поколение обучают люди, относящиеся к совершенно другому поколению и, как следствие, возникают конфликты и недопонимания. Существующая в настоящее время система воспитания, которая ранее показывала хорошие результаты, на данный момент не может в полной мере решать задачи развития и воспитания подрастающего поколения. Родителям трудно находить подход к детям, которые не воспринимают их классические ценности. Это связано с тем, что два поколения не могут найти

взаимопонимания. Зачастую подростки не желают принимать ценности другого поколения в качестве образца [1].

В то же время связь между родителями и детьми является одной из самых сильных человеческих связей. Ведь развитие подростка и помощь ему напрямую связаны с особенностями взаимоотношений в семье. Особенности семейной жизни оказывают больше влияние на формирование личности в период подросткового возраста, наибольшее влияние оказывает позиция, которую в процессе воспитания будут занимать родители [2].

Так, в подростковом возрасте имеют место психологические новообразования, которые отличают подростка от ребенка, но при этом он еще не переходит в «разряд взрослых», а находится на промежуточном этапе [3]. При этом особенности восприятия и мыслительных процессов отличают современных подростков от предыдущих поколений [4]. Основопологающим отличием нового поколения является умение применять новейшие технологии на более высоком уровне [5].

В ходе проведенных исследований были выделены три основные психологические проблемы взаимоотношений современных подростков с родителями.

1. *Излишняя опека, или гиперопека.* В данном случае опека представляет собой излишнее стремление родителей к проявлению заботы, ограждению подростка от разного рода трудностей и уход за подростком как за маленьким ребенком. В таких семьях ребенок чувствует себя крайне подавленно, покорно, не проявляет никакой инициативы. Вероятно, что подросток не будет счастлив в кругу сверстников, так как он не готов к трудностям, возникающим на его жизненном пути.

2. *Мнимое «мирное сосуществование».* Внешне семья выглядит вполне благополучной: у всех членов семьи свои дела и обязанности, которые они успешно выполняют, у всех свои достижения и успехи, и соответственно, у каждого свои проблемы. Никто из членов семьи не нарушает границы другого. Дети в подобных семьях зачастую чувствуют себя никому не нужными, одинокими и несчастными, ведь при столкновении с какими-либо проблемами им не с кем обсудить свои переживания.

3. *Родительская диктатура* и непонимание экзистенциальной пустоты окружающего мира. Такое отношение не может в полной мере обеспечить ребенка духовным, нравственным и экзистенциальным бытием в мире и соответствующим потенциалом для дальнейшего целостного личностного развития [6].

Имеется множество разнообразных видов конфликта родители-дети, но при этом их отличительной чертой является наличие определенного способа контроля, при котором одни члены семьи подавляются другими. При обращении к подростку с приказом и насилием родители обязательно столкнутся с сопротивлением с его стороны, которое может выражаться посредством грубости, лицемерия и обмана, так и откровенной ненавистью. Авторитетные родители, игнорирующие мнение и интересы ребенка, тем самым лишая его права голоса, формируют у него такие черты личности, как эгоизм, эмоциональную и нравственную аномию и инфантилизм [7].

Таким образом, для данного поколения подростков вхождение в этот возрастной период представляет собой экзистенциально трудную задачу, помимо решения типичных, во все времена решаемых задач созревания и психологического взросления. В это время в самосознании происходят значительные изменения: появляется противоречивое и малорефлексируемое подростком чувство взрослости, которое становится центральным новообразованием подросткового возраста. Возникает желание если не быть, то хотя бы казаться и считаться взрослым. Отстаивая свои новые права, подросток ограждает многие сферы своей жизни от контроля родителей, что часто приводит к непониманию в отношениях [8].

Целью нашего исследования явилось изучение особенностей взаимоотношений современных подростков с родителями. Работа проводилась на базе МОАУ «СОШ № 15 г. Орска». В исследовании приняли участие учащиеся 7-х классов в количестве 42 человека. Для выявления особенностей взаимоотношений современных подростков с родителями использовалась методика «Родителей оценивают дети» И. А. Фурманова и А. А. Аладына.

В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты: у 21,4 % учащихся не было выявлено никаких отклонений в воспитании; у 28,6% подростков в воспитании присутствует отклонение по шкале «гиперпротекция»: она характеризуется тем, что родители уделяют ребенку все свое время, силы и внимание; у 14,3% опрошенных в воспитании присутствует отклонение по шкале «гипопротекция»: она характеризуется тем, что подросток оказывается на периферии внимания родителей, им «не до него»; у 35,7% респондентов в воспитании присутствует отклонение по шкале «потворствование»: оно характеризуется тем, что родители стремятся к удовлетворению всех потребностей подростка, они удовлетворяют все его желания; у 14,3% подростков в воспитании присутствует отклонение по шкале «чрезмерность требований-обязанностей»: в этом случае требования к подростку крайне велики и не соответствуют его возможностям, в связи с чем появляется риск психотравматизации; у 28,6 % испытуемых в воспитании присутствует отклонение по шкале «недостаточность требований-запретов»: в этом случае ребенку «все можно», а если существуют какие-либо запреты, то подросток с легкостью их нарушает; у 14,3% подростков в воспитании присутствует отклонение по шкале «минимальность санкций»: родители предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их редко; у 28,6% обучающихся в воспитании присутствует отклонение по шкале «воспитательная неуверенность родителя»: власть в семье принадлежит подростку. Родители «идут на поводу» у подростка, уступают даже в тех вопросах, в которых уступать никак нельзя; у 14,3% опрошенных в воспитании присутствует отклонение по шкале «проекция на ребенка собственных нежелательных качеств»: родитель в подростке как бы видит черты характера, которые чувствует, но не признает в самом себе, на основании чего возникают конфликты во взаимоотношениях.

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что во взаимоотношениях родителей с подростками преимущественно присутствуют такие особенности, как: воспитательная неуверенность родителя, недостаточность требований-запретов, потворствование и гиперпротекция. Это говорит нам о том, что в настоящее время родители склонны уделять подросткам крайне много внимания, они стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей подростка, происходит перераспределение власти в семье между родителями и подростком в пользу последнего, что в конечном итоге может нести за собой крайне неблагоприятные последствия.

Список использованных источников

- 1 Кофейникова, Ю. Л. Психолого-педагогические проблемы образования поколения Z в современном социокультурном контексте / Ю. Л. Кофейникова // Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2015. – № 3. – С. 70.
- 2 Милованов, К. Ю. Научно-методическое сопровождение одаренных детей в национальной системе образования / К. Ю. Милованов, Е. Е. Никитина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2017. – № 2(8). – С. 70–81.
- 3 Байярд, Р. Ваш беспокойный подросток / Р. Байярд, Д. Байярд – М. : Академический проект, 2013. – 208 с.
- 4 Кречина, А. А. Особенности взаимоотношений подростков с родителями / А. А. Кречина, И. В. Эльрих // Профессиональное образование и общество. – 2018. – № 3(27). – С. 151–156.
- 5 Арнаутова, Е. А. Особенности взаимоотношений подростков цифрового поколения с родителями / Е. А. Арнаутова // Коллекция гуманитарных исследований. – 2018. – № 5 (14). – С. 40–45.
- 6 Тимошук, И. Г. Типичные проблемы во взаимоотношениях родителей с современными детьми-подростками / И. Г. Тимошук, П. С. Гожан // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2016. – № 3(5). – С. 118–123.

7 Авдеева, Н. Н. Актуальные направления исследований взаимоотношений подростков с родителями / Н. Н. Авдеева, Б. Я. Хоффман // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8. – № 4. – С. 69–78.

8 Никитина, Е. Е. Научно-методическое и педагогическое наследие В. Я. Стоюнина: актуальность, проблематика, новизна / К. Ю. Милованов, Е. Е. Никитина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2017. – Т. 1. – № 1(35). – С. 15–25.

В. П. Горленко

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КОМПЛЕКСНО-ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ ПО НРАВСТВЕННОМУ САМОРАЗВИТИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Представлена комплексно-целевая программа работы с родителями по нравственному саморазвитию обучающихся из категорий социального риска. Делается акцент на выделении основных компонентов программы и дается их краткая характеристика.

Ключевые слова: развитие, саморазвитие, нравственное саморазвитие, обучающиеся, родители, программа.

Успех нравственного воспитания детей зависит от характера *субъективного нравственного пространства*, в котором они живут. В него входят отношения и общение в коллективе, семье, с друзьями, учителями, отношение к себе, природе, внешнему миру, труду, образу жизни. Как только ребенок вступает во взаимоотношения с окружающим миром, у него сразу образуются реальные объективные взаимосвязи и взаимозависимости, которые находят отражение в субъективном нравственном восприятии и образуют для него субъективное нравственное пространство.

В целях повышения качества взаимодействия педагогов и родителей по организации нравственного развития и саморазвития обучающихся из категорий социального риска нами была разработана комплексно-целевая программа «*Нравственное саморазвитие*». Основное назначение программы – работа школы с родителями по снижению социальных рисков при организации процессов нравственного развития и саморазвития обучающихся. Программа имеет четко очерченные ориентиры и включает в себя следующие структурные компоненты: цель и задачи программы; принципы взаимодействия школы и семьи; позиционные условия взаимодействия с родителями; приоритетные направления; условия реализации программы; формы работы с семьей; план реализации программы; предполагаемые результаты.

Рассмотрим более детально указанные компоненты программы с учетом решения проблемы нравственного развития и саморазвития обучающихся из категорий социального риска.

Цель и задачи программы. *Цель* программы: развитие сотрудничества между школой и семьей по ослаблению факторов риска для социализации и нравственного благополучия школьников. *Задачи* программы: изучение образа жизни семьи каждого обучающегося из категории социального риска; выявление особенности семейного воспитания школьников из групп социального риска; поиск путей оптимизации педагогического взаимодействия школы и семьи по нравственному саморазвитию школьников из категорий социального риска; активизация воспитательного потенциала семьи в нравственном развитии и саморазвитии школьников.

Принципы взаимодействия школы и семьи. Конкретизация принципов взаимодействия школы и семьи в вопросах нравственного развития и саморазвития учащихся в педагогическом пространстве выглядит следующим образом: признание преимущественного права родителей на воспитание, обучение, охрану здоровья своих детей; культуросообразность на основе

общечеловеческих ценностей; сохранение традиций семейного воспитания; системность, позволяющая обеспечить целостность нравственного становления ребенка; открытость, постоянство контактов педагогов с родителями, доступность для родителей информации об эффективности процесса нравственного воспитания.

Позиционные условия организации взаимодействия с родителями. Педагогическая позиция в работе с семьями, где обнаружился риск для социализации и нравственного развития детей, должна отражать следующие качественные параметры: во-первых, забота о нравственной безопасности детей и минимизации социальных рисков для их жизнедеятельности; во-вторых, подчеркнутое безусловно уважительное отношение к родителям – вне зависимости от неудач ребенка, социального положения родителей, факторов риска семейного неблагополучия; в-третьих, конструктивность взаимодействия (не ограничиваться личностными характеристиками ученика, указывать на конкретные пути семьи для повышения уровня нравственной воспитанности ребенка); в-четвертых, оптимистическая направленность взаимодействия, утверждающая веру в силы ребенка и достижения им определенных высот в нравственном развитии и саморазвитии.

Приоритетные направления в работе школы с семьей по реализации программы. Эти направления преимущественно включают в себя следующие виды деятельности [1]: постоянное изучение условий жизнедеятельности детей из категорий социального риска; психолого-педагогическое просвещение родителей по вопросам имеющихся в семье факторов социального риска для ребенка в сфере его нравственного развития; ознакомление родителей с содержанием работы педагогов школы по организации нравственного развития и саморазвития обучающихся из групп социального риска; вовлечение родителей в совместную с детьми деятельность на школьном пространстве; активизация и коррекция семейного воспитания через работу с родительским активом, дифференцированная и индивидуальная помощь родителям в работе с выявленными детьми группы риска; обобщение и распространение позитивного опыта семейного воспитания в работе с детьми группы риска; совместная выработка наиболее адекватных направлений совершенствования нравственного воспитания школьников.

Условия реализации программы. Организация совместной деятельности школы и семьи по нравственному развитию и саморазвитию детей из групп социального риска может стать эффективной при соблюдении условий:

- установление партнерских отношений с семьей каждого учащегося из категорий социального риска, создание атмосферы взаимоподдержки и общности интересов;
- создание системы просветительской деятельности с родителями, дети которых зачислены в ту или иную группу риска;
- насыщение работы с родителями различными формами взаимодействия и совместной деятельности по решению проблемы нравственного развития и саморазвития детей из групп риска;
- повышение родительской компетентности в вопросах неблагополучия в детско-родительских отношениях, создание благоприятной среды для нравственной безопасности ребенка;
- активное включение в работу по реализации программы нравственного саморазвития обучающихся из категорий социального риска педагога-психолога, социального педагога, учителей, классных руководителей, администрации школы, а также специалистов учреждений социально-педагогической помощи семье.

Формы работы с родителями в педагогическом пространстве учреждения образования. В основном все многообразие форм работы с родителями по осмыслению ими процессов нравственного саморазвития сводится к психолого-педагогическому просвещению, которое может иметь коллективный, групповой и индивидуальный характер. *Коллективные* формы: родительские лектории, университет педагогических знаний, общешкольные и классные родительские собрания, дни открытых дверей, тематические конференции, родительские

вечера, семейные клубы, родительские объединения, досуговые мероприятия, коллективные творческие дела [2].

Групповые формы: мастер-классы, педагогические практикумы, этические семинары, родительские тренинги, ролевые игры, педагогические дискуссии, открытые уроки, родительские ринги, микрогрупповые собрания. *Индивидуальные* формы: беседы, посещение на дому, переписка с родителями, родительские субботы, тематические индивидуальные консультации, консультации по приглашению, фактологические обсуждения, информационные советы [3].

План реализации программы. Программа реализуется в четыре этапа и охватывает четыре четверти учебного года.

Первый этап (сентябрь – октябрь). На этом этапе осуществляется психолого-педагогическое просвещение родителей в обогащении их знаниями в области влияния на развитие детей многообразных социальных рисков. *Форма работы:* родительский лекторий «Риски социализации детей в семейной жизнедеятельности». *Цель:* последовательное продвижение родителей в области знаний о факторах риска для социализации и нравственного развития ребенка (социально-экономических, социально-демографических, медико-биологических, психолого-педагогических, криминогенных), показателях факторов риска (малообеспеченность семьи, занятость родителей в сфере трудовой деятельности, неблагоприятные жилищно-бытовые условия, неполная семья, многодетная семья, инвалидность родителей, неблагоприятный социально-психологический климат в семье и коллективе сверстников, криминальная субкультура и др.).

Второй этап (ноябрь – декабрь). Этот этап работы используется для осмысления родителями процессов нравственного развития и саморазвития детей, формирования и становления их нравственного сознания и поведения. *Форма работы:* родительские собрания различной направленности (консультативные, обучающие, проблемные, дистанционные). *Цель:* последовательное продвижение родителей в области знаний о процессах нравственного развития и саморазвития школьников. *Обсуждаемые вопросы:* эталоны нравственного поведения; мотивация нравственных и безнравственных действий и поступков; нравственная саморегуляция, нравственная безопасность ребенка в семье; контуры нравственности современной молодежи; нравственная культура родителей и др.

Третий этап (январь – март). Содержание этого этапа работы может быть использовано для актуализации проблемы нравственного развития и саморазвития детей школьного возраста через предоставление возможности для обмена взглядами и мнениями по данному вопросу, обсуждения непонятных и спорных моментов. *Форма работы:* коллективная дискуссия (обсуждение-диалог, альтернативное мнение, диспут, анализ прожективных и реальных ситуаций). *Цель:* формирование у родителей осознанных представлений, взглядов и убеждений о необходимости родительской заботы о нравственной безопасности детей. На обсуждение выносятся вопросы: можно ли говорить о нравственном регрессе современной молодежи; надо ли создавать в семье нравственные законы; нужно ли ребенку предоставлять нравственную свободу; присущ ли современным школьникам нравственный инфантилизм и др.

Четвертый этап (апрель – май). Этот этап работы предполагает разъяснение родителям негативных личностных, характерологических и поведенческих особенностей детей, которые так или иначе осложняют процессы их нравственного развития и саморазвития. *Форма работы:* индивидуальные тематические консультации, консультации по приглашению, родительские субботы. *Цель:* оптимизация и совершенствование детско-родительских отношений. *Обсуждаемые вопросы:* как избавить ребенка от ложных представлений о нравственном и безнравственном; как обучать детей нравственным образцам поведения; как научить ребенка отстаивать свою нравственную правоту; как научить ребенка быть нравственно активным и др.

Предполагаемые результаты. Во-первых, внедрение комплексно-целевой программы «Нравственное саморазвитие» создаст условия для формирования родительской компетентности в вопросах нравственного саморазвития школьников, оказавшихся в ситуации социального риска. Во-вторых, программа будет способствовать повышению психолого-педагогической культуры родителей и более эффективной реализации функций семьи. В-третьих, программа позволит

выполнять компенсирующую функцию в нравственном саморазвитии, которая связана с созданием противодействующих сил в нравственной семейной микросреде школьника.

Комплексно-целевая программа «Нравственное саморазвитие» прошла частичную апробацию в работе с родителями обучающихся, отнесенных в группу социального риска. Внедрение программы осуществлялось в ГУО «Средняя школа № 2 г. Гомеля имени Г. М. Склезнева». В ней принимали участие родители семиклассников, входящих в экспериментальную группу. Были реализованы все четыре этапа программы, на которых осуществлялось психолого-педагогическое просвещение родителей в обогащении их знаниями о влиянии на развитие детей социальных рисков и осмыслении ими процессов нравственного развития и саморазвития, включение родителей в дискуссионные формы работы по вопросам характерологических и поведенческих особенностей детей, организация консультаций для родителей по оптимизации детско-родительских отношений.

Список использованных источников

1 Щекина, О. А. Социальное и педагогическое взаимодействие семьи и школы: современный контекст / О. А. Щекина // Научное мнение. – 2014. – № 11. – С. 57–60.

2 Белина, В. К. Формы работы классного руководителя с родителями в современной школе / В. К. Белина // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. – 2015. – № 2. – С. 10–13.

3 Евсеенкова, Е. Е. Новые формы работы с родителями как эффективный способ воспитать успешную личность / Е. Е. Евсеенкова, Г. Е. Зорина // Преемственность в образовании. – 2018. – № 19. – С. 66–74.

Н. Ф. Гребень

Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
г. Минск, Беларусь

ЦЕННОСТИ, УСТАНОВКИ И ЭМПАТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

В статье поднимается проблема социально-психологических особенностей социальных родителей, которые принято рассматривать и как профессионально важные качества. Автором представлены данные эмпирического исследования ценностей, социальной фрустрированности и установок, эмпатических способностей социальных родителей. Приводится сравнение выраженности данных психологических особенностей у социальных мам и пап. На основании полученных данных делается вывод о необходимости уделять большее внимание социально-психологическим качествам социальных родителей.

Ключевые слова: социальные ценности, социальные установки, эмпатические способности, социальные родители, различия.

В настоящее время пристальное внимание уделяется вопросам воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, так называемых социальных сирот. Долгое время приоритетными в этом отношении считались закрытые учреждения интернатного типа. Однако опыт показал, что эта форма воспитания имеет скорее больше минусов, чем плюсов. Поэтому в связи с широким распространением зарубежного опыта в решении социальных проблем различных категорий населения на государственном уровне сегодня особое значение придается развитию семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. В связи с этим были введены такие понятия, как «социальное родительство», «профессиональное замещающее родительство». К социальным или замещающим родителям принято относить граждан, возмездно или безвозмездно оказывающих услуги по опеке и воспитанию детей (включая приемные и патронатные семьи). Говорить о замещающем родительстве как о профессиональном можно,

когда: происходит достаточно жесткий отбор кандидатов в замещающие родители, организовано их непрерывное обучение, замещающим родителям, как профессионалам, оказывается поддержка со стороны службы сопровождения замещающих семей, происходит контроль и оценка деятельности замещающего родителя, замещающие родители получают денежное вознаграждение за свой труд [1]. Однако в белорусском обществе наблюдается определенного рода дефицит социальных родителей, нередки случаи, когда ими становятся случайные люди. Так, за последние несколько лет многие социальные родители были отстранены от своих должностных обязанностей за несоблюдение прав ребенка. Кроме того, имели место и случаи возбуждения уголовных дел в отношении социальных родителей. Несмотря на то, что на практике институт замещающего родительства функционирует в нашей стране уже несколько десятилетий, данная проблемная область остается по-прежнему малоизученной. Основной массив имеющихся исследований посвящен отбору кандидатов в приемные родители, в то время как уже состоявшиеся родители изучаются значительно реже. Согласно эмпирическим данным, эффективность приемных родителей связана с особенностями их ценностно-мотивационной сферы. Показано, что успешные приемные родители более альтруистичны, социально ориентированы, их планы на будущее связаны с заботой и потребностями приемных детей. Неэффективные приемные родители больше озабочены своими личными переживаниями [2].

Собственно, эти данные послужили отправной точкой нашего исследования, целью которого мы обозначили изучить такие социально-психологические особенности социальных родителей как ценностные ориентации, социальная фрустрированность, установки, эмпатические способности. Перечисленные категории обычно рассматриваются как профессионально важные качества приемных родителей.

Материал и методы исследования. Выборку исследования составили 30 социальных родителей в возрасте от 27 до 57 лет. Среди них 21 социальная мама и 9 социальных отцов, трудоустроенные на момент исследования в ГУО «Детская деревня «Истоки». Для выявления социально-психологических особенностей замещающих родителей были использованы следующие методики: «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» (Н. П. Фетискин) [3]; «Диагностика уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана» (модификация В. В. Бойко) [4]; «Шкала дисфункциональности» (Д. Вейсман) [5]; «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» (В. В. Бойко) [4]. При статистической обработке информации были применены описательные статистики, частотный анализ. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета программ SPSS 17 for Windows.

Полученные данные по методике «Экспресс-диагностика социальных ценностей» показали, что социальные родители высоко оценили значимость в их жизни таких ценностей, как профессиональные, финансовые, семейные, интеллектуальные. Наиболее значимой социальной ценностью у социальных родителей являются семейные ценности, а наименее важными – духовные и общественные ценности (таблица 1).

Таблица 1 – Описательная статистика результатов диагностики социальных ценностей у социальных родителей

Субшкалы шкалы дисфункциональности	Среднее, М	Стандартное отклонение, σ	Минимум	Максимум	Ранг
Профессиональные	171	34,97	100	200	3
Финансовые	173,3	36,7	90	200	2
Семейные	182	22,49	130	200	1
Социальные	129,6	37,27	50	200	5
Общественные	78,6	42,64	10	150	8
Духовные	82	52,54	20	180	7
Физические	103,6	47,45	20	200	6
Интеллектуальные	155,3	39,1	90	200	4

При этом явных различий между социальными мамами и социальными папами не наблюдается. Структура ценностного профиля у социальных мам и пап примерно одинаковая, а наиболее значимые различия отслеживаются по финансовым, социальным, интеллектуальным и духовным ценностям. Так, для социальных отцов более значимыми выступают финансовые, социальные и интеллектуальные ценности, а для социальных мам – духовные.

Анализируя описательные статистики по данным методики «Шкала дисфункциональности» (таблица 2), отметим, что большинство социальных установок социальных родителей располагается в зоне психологической устойчивости. Это одобрение, любовь, достижения, всемогущество и одиночество, при этом средние значения по всем перечисленным шкалам невысокие – не превышают 4 баллов из 10 максимальных. Это значит, что социальные родители обладают здоровым чувством собственного достоинства, относятся к любви как к желаемому, но помимо этого у них есть много других, не менее важных интересов. К зоне уязвимости социальных родителей относятся такие установки, как безупречность и ярлыки.

По данным шкалам были получены отрицательные значения, характеризующие социальных родителей как людей, требующих от себя безупречности и ориентированных на общепринятые атрибуты благополучия – успех, любовь, счастье и т.д. Но поскольку чаще всего такие потребности недостижимы, то это порождает состояние недовольства жизнью и увеличивает риск развития депрессивных состояний. При этом по большинству обозначенных в тесте шкал – ободрение, любовь, достижения, одиночество, социальные установки отцов – оказались выше, чем у мам. Социальные отцы менее зависимы от одобрения и любви со стороны окружающих, от личных достижений, будь то работа или увлечения, от других людей в плане осознания ответственности за самого себя.

Таблица 2 – Описательная статистика результатов диагностики социальных установок у социальных родителей

Субшкалы шкалы дисфункциональности	Среднее, М	Стандартное отклонение, σ	Min	Max
Одобрение	1,7	4,33	-5	10
Любовь	3,16	5,36	-9	10
Достижения	1,43	4,24	-8	10
Безупречность	-1,33	3,58	-6	8
Ярлыки	-0,93	5,40	-10	9
Всемогущество	3,43	3,49	-4	10
Одиночество	1,3	4,51	-9	9

В ходе исследования социальной фрустрированности социальных родителей с помощью методики «Диагностика уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана» было установлено среднее значение индекса социальной фрустрированности (ИСФ) равное $1,47 \pm 0,76$ балла, что соответствует пониженному уровню фрустрированности. Среднее значение ИСФ у социальных мам оказалось выше, чем у социальных пап (1,63 к 1,13 баллам). Такое положение дел может быть связано с большей функциональной загруженностью социальных матерей по сравнению с социальными отцами.

Частотный анализ результатов исследования социальной фрустрированности показал (рисунок 1), что у большинства опрошенных наблюдается пониженный уровень социальной фрустрированности – 30 % от всей выборки. У 25,6 % респондентов зафиксирован очень низкий ИСФ; у 16,6 % опрошенных – неопределенный ИСФ; умеренный и отсутствующий ИСФ зафиксированы у 13,4 % выборки каждый; повышенный и очень высокий уровни ИСФ не были установлены вовсе. Настораживает тот факт, что у 13,4 % социальных родителей ИСФ вовсе отсутствует. Это может быть связано как с установкой на социально желаемые ответы, так и низким уровнем жизни, предполагающим невысокие запросы в социальной сфере. Тем

не менее полученные данные позволяют заключить, что в целом социальные родители удовлетворены своими социальными достижениями в основных сферах жизнедеятельности, а имеющийся у них дисбаланс должен способствовать их личностному и профессиональному росту.

Рисунок 1 – Распределение социальных родителей по уровням выраженности индекса социальной фрустрированности

Описательная статистика по первичным данным опросника «Методика диагностики уровня эмпатических способностей» показала, что для социальных родителей характерен заниженный уровень развития эмпатических способностей ($M \pm \sigma = 19,5 \pm 5,39$ баллов). При этом уровень развития эмпатических способностей у социальных матерей значительно выше, чем у социальных отцов (20,57 к 17 баллам).

Частотный анализ показателей эмпатии по обозначенным в методике уровня определил следующее распределение (рисунок 2). У большинства социальных родителей, что составило 46,4 %, наблюдается средний уровень развития эмпатических способностей; у 40 % диагностированных – заниженный; у 13,4 % опрошенных – низкий.

Высокий уровень развития эмпатии не был обнаружен ни у одного социального родителя. Эти данные позволяют охарактеризовать исследуемых как людей, не очень чувствительных в межличностных отношениях, склонных скорее судить о других по их поступкам, чем доверять своим личным впечатлениям. Им не чужды эмоциональные проявления, но чаще они держит их под самоконтролем, что периодически мешает им полноценно воспринимать людей. Более того многие социальные родители и вовсе испытывают затруднения в установлении контактов с людьми, т. к. они слишком центрированы на себе, с иронией относятся к сентиментальным проявлениям, болезненно переносят критику в свой адрес.

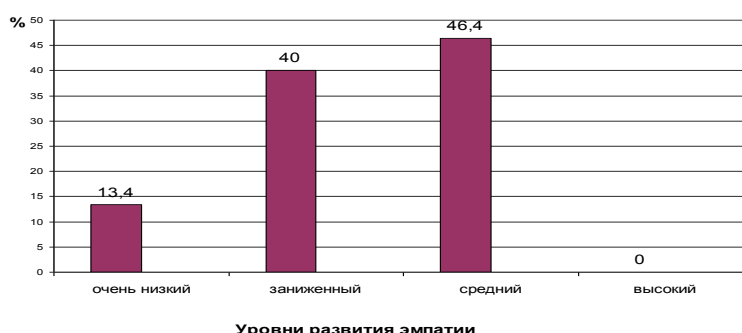

Рисунок 2 – Показатели эмпатических способностей у социальных родителей

Таким образом, в ходе проведенного эмпирического исследования были выявлены следующие социально-психологические особенности социальных родителей. В профиле ценностей социальных родителей наиболее значимыми являются семейные ценности, несколько меньше финансовые и профессиональные, а наименее важными – духовные и общественные.

У большинства социальных родителей наблюдается пониженный уровень социальной фрустрированности и рациональные социальные установки, что обеспечивают их носителям психологическую устойчивость. Уязвимость социальных родителей связана с их устремлением быть безупречными и следовать общепринятым критериям благополучия. Развитость эмпатических способностей социальных родителей соответствует среднему уровню с тенденцией к низкому. В целом социально-психологические особенности социальных отцов отличаются большим благополучием по сравнению с социальными матерями. Так, уровень социальной фрустрированности, риск дисфункциональности у социальных мам выше, чем у отцов. Социальные ценности матерей и отцов практически не различаются, в то время как уровень развития эмпатических способностей у социальных матерей оказался выше, чем у социальных отцов. Полученные данные в большей степени носят ориентировочный характер и могут послужить основанием для постановки дальнейших исследований, направленных на выявление социально-психологических особенностей социальных родителей. Такого рода исследования необходимы для выработки наиболее объективных критериев профессионального отбора кандидатов в замещающие родители, разработки программ по формированию их профессионально важных качеств.

Список использованных источников

- 1 Семейные формы устройства детей-сирот на воспитание: пособие для замещающих родителей / сост. Г. И. Руденкова [и др.]. – Минск : Дизапресс, 2003. – 71 с.
- 2 Николаева, Е. И. Психология семьи : учебник для вузов / Е. И. Николаева. – СПб. : Питер, 2013. – 336 с.
- 3 Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Мануйлов, Г. М. Козлов. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2005. – 490 с.
- 4 Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. – М. : Филинь, 1996. – 472 с.
- 5 Бернс, Д. Хорошее самочувствие: Новая терапия настроений / Д. Бернс; пер. с англ. Л. Славина. – М. : Вече, Персей, АСТ, 1995. – 400 с.

Е. А. Лупекина

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРИЕМНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

В данной статье рассматривается понятие «приемная семья», профессия приемного родителя как вариант просоциального поведения. Исследуется выраженность социальных норм просоциального поведения, усвоение которых является необходимым условием помогающего поведения. В статье приводятся результаты исследования оценки уровня присвоения социальных норм просоциального поведения жёнами, работающими приемными родителями, и жёнами, воспитывающими только кровных детей.

Ключевые слова: приемная семья, приемные родители, социальные нормы просоциального поведения.

Одним из принципов социальной политики Республики Беларусь в отношении детей-сирот является приоритетное отношение к семейным формам устройства. В Беларуси созданы различные формы замещающих семей. Одна из них – приемная семья. В настоящее время в психолого-педагогической литературе можно выделить понятие «приемная семья», понимаемое в широком контексте. Это так называемый традиционный подход.

Согласно данному подходу И. Н. Курбацкий указывает, что «приемные дети – дети, оставшиеся без родительского попечения, и принятые в новые семейные коллективы, или

воспитываемые с участием нового члена семьи – отчима или мачехи, а также других лиц, заменяющих родителей, в условиях отношений усыновления, опеки (попечительства) [1, с. 36]. Согласно данному определению приемной семьей может называться любая форма семейного устройства ребенка-сироты, а также семья, в которой ребенок является приемным по отношению к одному из родителей.

Проблема соотношения законодательного и традиционного толкования данного термина разрешена в результате согласования обеих позиций путем введения широкого и узкого понятий приемной семьи. Узкое понимание понятия «приемная семья» основывается на современном семейном законодательстве и трактуется как форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В Республике Беларусь приемная семья – это модель семейного устройства детей-сирот, где труд родителей оплачивается государством. Положение о приёмной семье утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1678. В западных странах (Великобритании, Швеции, Германии и др.) подобная практика ведётся несколько десятилетий.

В Республике Беларусь численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся на воспитании в семьях (в детских домах семейного типа, опекунских и приемных семьях) на конец 2019 г. составила 14869 [2]. В целом в Республике проживают чуть более 18 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Воспитание детей с особенной судьбой на условиях создания приемной семьи – это профессиональная деятельность, ответственная и серьезная работа, которая требует значительных личностных ресурсов от родителя [3]. Ключевым моментом мотивации человека, работающего приемным родителем, является желание помочь детям-сиротам, т. е. просоциальность поведения.

На наш взгляд, внешнее подкрепление в виде заработной платы приемного родителя и детского пособия не является достаточным для того, чтобы человек принял решение стать приемным родителем. Сегодняшнее положение дел таково, что все, кто хотел работать приемным родителем, уже это сделали, а новые кандидаты находятся с трудом. Так, на примере Гомельской области приемные родители – это женщины, более 60 % из которых в возрасте старше 50 лет, воспитывающие детей от 11 до 18 лет (72 %). Новых кандидаток на роль приемного родителя за год обучается на более 5–10 человек.

Профессия приемного родителя рассматривается нами как вариант просоциального поведения. Нас интересует вопрос, почему одни люди готовы принять на воспитание чужого ребенка и делают это, а другие – нет. В данной статье мы остановимся лишь на одном аспекте заявленной проблемы, а именно на том, как различаются социальные нормы приемных родителей и обычных родителей, воспитывающих кровных детей.

Просоциальное поведение – это любые действия, направленные на благополучие других людей. По мнению Х. Хекхаузена, просоциальное поведение следует анализировать с точки зрения нескольких важных моментов, одним из которых являются личностные нормы, задающие эталоны оценки субъектом своего альтруистического поступка (не совпадающие в общем случае с нормативными эталонами, предписываемыми обществом) [4].

К социальным нормам просоциального поведения относят: норму социальной ответственности, норму взаимности, норму справедливости, норму «затраты-вознаграждения» [5]. Эти нормы присущи любому обществу. Они представляют собой базу нравственного, культурного взаимодействия между людьми, а также являются основой для просоциального поведения. Человек, живя в обществе, усваивает социальные нормы и в конечном итоге выстраивает свое поведение в соответствии с ними. Данный механизм социализации в том числе касается и усвоения просоциальных норм поведения.

Рассмотрим нормы просоциального поведения подробнее.

Норма социальной ответственности предполагает, что люди должны помогать более слабым, оказавшимся в трудной ситуации, нуждающимся в помощи. Эта норма требует просоциального поведения во всех случаях, когда нуждающийся в помощи находится в зависимости от человека, который может оказать помощь.

Норма взаимности транслирует представление о том, что люди ожидают от других ответной помощи, в обмен на их собственную предыдущую помощь. «Я помог тебе, а теперь ты помоги мне».

Норма справедливости – это представление людей о том, что каждый человек получает вознаграждение в том объеме, в котором он принял личное участие в совместной деятельности.

Норма «затраты-вознаграждения» связана с тем, что человек, оказавшись в ситуации выбора: помогать или нет – соизмеряет затраты личных ресурсов с личностным дистрессом и оказанием помощи в чрезвычайных ситуациях. Т.е. очевидцы тяжелого положения жертвы чрезвычайных обстоятельств будут испытывать негативное эмоциональное возбуждение и захотят предоставить помощь, чтобы ослабить личный дистресс.

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что существуют различия в выраженности социальных норм женщин, работающих продолжительное время приемными родителями, в отличие от женщин, не проявляющих продолжительного целенаправленного помогающего поведения.

Исследование проводилось в 2019 г. на базе учреждения образования «Гомельский городской социально-педагогический центр», одной из основных сфер деятельности которого является подбор и подготовка кандидатов в приемные родители (родители-воспитатели), создание приемной семьи (и других форм замещения), психолого-педагогическое сопровождение приемной семьи.

В исследовании приняли участие:

– приемные родители и родители-воспитатели детских домов семейного типа г. Гомеля – 51 женщина, средний возраст – 46 лет, стаж работы приемным родителем – более 5 лет, образование – средне-специальное;

– слушатели Института повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» в количестве 30 человек и их родители (30 человек); все опрошенные – женщины, средний возраст – 38 лет, наличие биологических детей – 2, образование – высшее и средне-специальное.

Методика исследования – «Социальные нормы просоциального поведения», разработанная И. А. Фурмановым, Н. В. Кухтовой. Для статистической обработки данных использовался t-критерия Стьюдента.

По результатам нашего исследования показатели нормы социальной ответственности, нормы взаимности, нормы справедливости, нормы «затраты-вознаграждения» между группами женщин, работающих приемными родителями, и женщин, воспитывающих только кровных детей, не отличаются (таблица 1). Таким образом, наша гипотеза не подтвердилась.

Таблица 1 – Присвоения социальных норм, средние показатели по двум выборкам

Социальные нормы	Женщины, работающие приемными родителями	Женщины, воспитывающие только кровных детей	Различия
Норма социальной ответственности	12,49	11,45	$t_{Эмп} = 1,4$ $t_{кр} = 1,97$ при $p \leq 0,05$
Норма взаимности	4,35	4,85	$t_{Эмп} = 1$ $t_{кр} = 1,97$ при $p \leq 0,05$
Норма справедливости	11,04	10,55	$t_{Эмп} = 0,6$ $t_{кр} = 1,97$ при $p \leq 0,05$
Норма «затраты-вознаграждения»	8,53	8,33	$t_{Эмп} = 0,3$ $t_{кр} = 1,97$ при $p \leq 0,05$

На наш взгляд, результаты исследования можно объяснить принадлежностью обеих выборок опрошенных к одному социокультурному слою. Одна и та же культура, одни и те же социальные нормы, принятые в нашем обществе и социализированные данными представительницами социума. Вероятно, причины приемного родительства как просоциального поведения в меньшей степени связаны с усвоенными социальными нормами.

Список использованных источников

- 1 Курбацкий, И. Н. Педагогическое и правовое толкование понятия «приемная семья» / И. Н. Курбацкий // Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 35–40.
- 2 Статистический ежегодник Республики Беларусь 2019 / пред. ред. кол. И. В. Медведева // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2019. – 472 с.
- 3 Лупекина, Е. А. Личностные качества эффективных приёмных родителей / Е. А. Лупекина // Адукацыя і выхаванне. – 2018. – № 7. – С. 37–43.
- 4 Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб., 2003.
- 5 Кухтова, Н. В. Феномен просоциального поведения в современной психологии: монография / Н. В. Кухтова. – Saarbrücken : LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 135 с.

О. Н. Мельникова, Т. М. Зубова

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ ИЗ НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Статья посвящена проблеме психологических особенностей подростков из полных и неполных семей разного типа. Представлены результаты исследования подростков мужского и женского пола по методикам 14-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант), опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантлеев). Описаны различия в особенностях личности мальчиков и девочек из полных и неполных семей, а также различия в особенностях самооотношения данных подростков.

Ключевые слова: семья, неполная семья, психологические особенности, подросток, материнская семья, отцовская семья, осиротевшая семья, внебрачная семья, разведенная семья, распавшаяся семья.

Семья представляет собой главнейший фактор социализации, основу для гармоничного и целостного развития детей, оказывает решающее влияние на формирование личности, закладывая фундамент важнейших человеческих качеств. Однако если раньше воспитание осуществлялось преимущественно в полных семьях, то в настоящее время ситуация кардинально изменилась. В современном мире классическая форма семьи, состоящая из отца, матери и ребенка (детей), постепенно уступает место семье другого уменьшенного состава – один родитель и дети. Такую семью принято называть неполной. Источником увеличения количества неполных семей (чаще материнских) являются, как правило, разводы и внебрачные рождения.

В официальных документах государства неполная семья предстает как негативная тенденция, симптом кризиса института семьи и традиционных устоев, что, в свою очередь, считается угрозой демографической безопасности страны. Так, в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2016–2020 годы указывается: «Низкий уровень рождаемости в стране совпал с кризисом института семьи. Почти половина заключаемых браков распадается. Каждый пятый ребенок рождается у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке. В этих условиях одной из первоочередных задач демографической политики должно стать возрождение авторитета семьи, семейных ценностей [1, с. 819]. Несмотря на существование неполных семей, состоящих из отца с детьми, чаще всего это семьи, в которых

есть только мать, испытывающая «хронический эмоциональный стресс, усугубляющийся постоянной занятостью и хронической усталостью».

В настоящее время увеличивается количество неполных семей. Согласно данным статистики, в Республике Беларусь в январе 2019 года на 66215 браков приходилось 32 006 разводов. В общей сложности около 50% всех браков заканчиваются разводами [2]. И часто речь идет не только о разводах родителей друг с другом, но и о влиянии расставания родителей на детей. Около 40% всех белорусских семей имеет детей в возрасте до 18 лет [2].

Специфический образ жизни в семье с одним родителем отражается на воспитательном процессе. Жизнь в неполной семье является источником многочисленных психолого-педагогических, медико-социальных, социально-правовых и материально-бытовых проблем. Особенно остро эти трудности могут проявляться в подростковом возрасте. В отрочестве семейные взаимоотношения переходят на новый этап: «социальный опыт, получаемый в семье, активно перерабатывается и становится источником индивидуального развития подростка». То есть именно в подростковом возрасте могут произойти существенные изменения в личности подростка.

Наиболее чувствительными к воздействию неадекватной семейной обстановки оказываются стержневые образования личности подростка – его представления о себе, самооотношение, самооценка, образ себя. Деформация личностной сферы ребенка (заниженная самооценка, неуверенность в себе, замкнутость, склонность к агрессии как средству защиты, низкая успеваемость как следствие проблемного осуществления учебной деятельности, склонность к асоциальному поведению) приводит его к социальной дезадаптации, которая получает выражение в трудностях коммуникаций, в девиантном поведении, преступности. Также одним из негативных последствий развода является то, что матери приходится выполнять материнские и отцовские функции, что приводит к невозможности реализации этих функций в полном объеме. Искажение функции приводит к негармоничным стилям семейного воспитания и нарушению эмоционального взаимодействия матери и ребенка, что, в свою очередь, отражается на развитии ребенка и его поведении.

Анализу влияния жизнедеятельности неполной семьи на развитие личности ребенка посвящены современные работы М. Ю. Арутюнян, И. В. Дубровиной, М. И. Лисиной, В. С. Мухиной, Е. О. Смирновой, В. С. Собкиной, Л. Б. Шнейдер, В. А. Юницкого, И. Ф. Дементьевой, А. М. Демидова, О. М. Здравомысловой, И. Лангеймер, З. Матейчик и др.

С целью выявления психологических особенностей подростков из неполных семей на базе учреждения образования «Средняя школа № 25 г. Гомеля» было организовано и проведено исследование, в котором приняли участие 120 учащихся 12–13 лет.

Выборочная совокупность была условно разделена на две группы. Первую из них составили 60 подростков, воспитывающихся в неполных семьях (30 мальчиков и 30 девочек), а именно 37 подростков из материнских разведенных семей, 16 подростков из материнских внебрачных семей, 4 подростка из отцовских осиротевших семей, 3 подростка из материнских осиротевших семей. Вторую группу составили 60 подростков из полных семей (30 мальчиков и 30 девочек).

Теоретический анализ психолого-педагогической литературы и цель исследования определили состав психодиагностического инструментария: 14-факторный личностный опросник Р. Кеттелла (подростковый вариант); опросник самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев).

В результате проведенного исследования были выявлены статистически значимые различия у мальчиков подросткового возраста из неполных и полных семей по Фактору С «эмоциональная устойчивость» ($\varphi^*_{эмп} = 2.652$ при $p \leq 0,01$), по Фактору I «реализм-сензитивность» ($\varphi^*_{эмп} = 2.115$ при $p \leq 0,05$), по Фактору О «самоуверенность-склонность к чувству вины» ($\varphi^*_{эмп} = 1.84$ при $p \leq 0,05$), по Фактору Q2 «степень групповой зависимости» ($\varphi^*_{эмп} = 2.359$ при $p \leq 0,01$).

У девочек подросткового возраста из неполных и полных семей также были выявлены статистически значимые различия по Фактору С «эмоциональная устойчивость» ($\varphi^*_{эмп} = 1.929$ при $p \leq 0,01$), по Фактору Н «робость, застенчивость – смелость, авантюризм» ($\varphi^*_{эмп} = 2.44$ при

$\rho \leq 0,01$), по Фактору I «реализм-сензитивность» ($\varphi^*_{эмп} = 2.92$ при $\rho \leq 0,01$), по Фактору O «самоуверенность-склонность к чувству вины» ($\varphi^*_{эмп} = 2.374$ при $\rho \leq 0,01$).

При исследовании самооотношения у мальчиков подросткового возраста из неполных и полных семей с помощью опросника самооотношения (В. В. Столин, С. Р. Пантилеев) были выявлены статистически значимые различия по Шкала S (глобальное самооотношение) ($\varphi^*_{эмп} = 1.878$ при $\rho \leq 0,05$) и по шкале II (аутосимпатия) ($\varphi^*_{эмп} = 1.878$ при $\rho \leq 0,05$). Результаты исследования самооотношения у девочек подросткового возраста из неполных и полных семей, показали статистически значимые различия по шкалам Шкала S (глобальное самооотношение) ($\varphi^*_{эмп} = 1.929$ при $\rho \leq 0,05$), I (самоуважение) ($\varphi^*_{эмп} = 2.44$ при $\rho \leq 0,01$); II (аутосимпатия) ($\varphi^*_{эмп} = 2.44$ при $\rho \leq 0,01$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило определить следующие психологические особенности мальчиков и девочек подросткового возраста из неполных семей.

1. Мальчики и девочки подросткового возраста из неполных семей эмоционально менее устойчивы, раздражительны, они легко расстраиваются. Их поведение весьма изменчиво. Активно реагируют на неудовлетворение своих потребностей, требуя немедленного решения проблем, удовлетворения потребностей. Они отличаются высокой эмоциональной чувствительностью, повышенной тревожностью. Подвержены депрессивным состояниям, преобладанию плохого настроения, им свойственны мрачные предчувствия, размышления, беспокойство. У них развито субъективное чувство из-за того, что их не принимает группа. Легко поддаются влиянию других, недостаточно самостоятельны, зависимы. Нуждаются в поддержке и помощи. Для них характерна враждебность по отношению к собственному «Я», что свидетельствует о таких эмоциональных реакциях на себя, как раздражение, презрение, вынесение самоприговоров. Характерна низкая самооценка, акцентируют внимание на собственных недостатках.

2. Девочки из неполных семей подросткового возраста более застенчивы, сдержанны, не любят привлекать к себе внимание. Для них характерно подсознательное чувство вины, а также чувство собственной неполноценности. Стараются не привлекать к себе внимания, не готовы к самовыражению при людях. У них не хватает веры в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценку своих возможностей, они не способны контролировать свою жизнь.

3. Мальчики подросткового возраста из неполных семей более зависимы от окружающих, ведомы, менее решительны, нуждаются в поддержке группы.

Необходимо отметить, что кроме выявленных психологических особенностей подростков из неполных семей, большинство мальчиков и девочек из неполных семей, также, как и подростков из полных семей, отличаются экстравертированностью, общительностью, доброжелательностью, склонностью к сотрудничеству, внимательностью к людям. У большинства подростков независимо от состава семьи выражен самоинтерес. Они близки сами себе, у них отмечается интерес к собственным мыслям и чувствам, уверены в своей интересности для других, а также ожидают позитивного отношения от других. У девочек из неполных семей также, как и у девочек из полных семей, хорошо развит самоконтроль. Их поведение социально точное, соответствующее образу своего Я, заботятся о собственной репутации.

Результаты нашего исследования совпадают и не противоречат результатам исследования других авторов, таких, как М. М. Далгатова, М. М. Джабраилова, З. М. Хизроева [2], К. Б. Зуева [3], Т. А. Канарейкина [4], которые отмечают, что мальчики-подростки из неполных семей отличаются большей психологической зависимостью от окружающих, пониженным уровнем самоконтроля, импульсивностью, трудностями в общении, переживанием чувства одиночества и отверженности, негативным самоощущением. У девочек из неполных семей отмечается повышенный уровень тревожности, обостренное чувство долга, экспрессивность, сниженный самоконтроль, они отличаются повышенной агрессивностью. Дети из неполных семей имеют менее благополучную картину эмоционально-личностной сферы в сравнении с их сверстниками из полных семей. Для подростков из неполных семей характерны такие индивидуально-типологические особенности личности, как межличностная тревожность, вербальная агрессия, негативизм, экстраверсия, ригидность, сензитивность, агрессивность, эмотивность.

Однако данная проблема требует дальнейшего изучения. В рамках исследуемой проблемы интересно было бы изучить психологические особенности подростков из неполной семьи в сравнении с подростками из полной конфликтной и неконфликтной семьи. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов в деятельности практических психологов, психотерапевтов в практике семейного консультирования в работе с неполными семьями.

Список использованных источников

1 Андрияшко, М. В. Программа демографической безопасности 2016 – 2020 / М. В. Андрияшко // Социальная защита и здоровье личности в контексте реализации прав человека: наука, образование, практика: материалы Международной научно-практической конференции, Республика Беларусь (Минск, 26 – 27 ноября 2015 г.) – Минск : БГУ, 2016. – С. 818–821.

2 Далгатов, М. М. Исследование эмоциональной сферы подростков из неполных и смешанных семей с помощью проективной методики «Рисунок семьи» / М. М. Далгатов, М. М. Джабраилова, З. М. Хизроева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2015. – № 1. – С. 9–16.

3 Зуев, К. Б. Психологические особенности подростков из неполных семей / К. Б. Зуев // ВТГУ. – 2009. – № 3. – С. 329–342.

4 Канарейкина, Т. А. Особенности личностного развития и агрессивного поведения девочек-подростков из неполных семей / Т. А. Канарейкина, Е. М. Сорокина // Глобальный научный потенциал. – 2016. – № 4. – С. 5–9.

5 Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Браки, разводы и общие коэффициенты брачности и разводимости. – Минск, 2018. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 08.02.2020.

И. А. Пылишева

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА ИЗ НЕБЛАГОПОЛУЧНОЙ СЕМЬИ

В статье указывается, что причины семейного неблагополучия носят комплексный характер. Они взаимосвязаны между собой, поэтому выбор форм и методов психологического воздействия будет зависеть от выявленного ведущего фактора семейного неблагополучия. Главным направлением помощи неблагополучным семьям по развитию личности младшего школьника является психологическое сопровождение, которое включает различные виды деятельности педагога-психолога учреждения образования.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, неблагополучная семья, этапы и формы работы с неблагополучной семьей, развитие личности младшего школьника, игра, метод арт-терапии.

Психолого-педагогическое сопровождение имеет свои особенности в зависимости от типа семьи, возраста, особенностей жизненной ситуации ребёнка, состояния здоровья, наличия или отсутствия определённого жизненного и социального опыта родителей. Проблемы развития личности младшего школьника в неблагополучной семье заключаются в том, что семейное неблагополучие оказывает значительное влияние на негативное развитие личности ребенка, приводит к различным деформациям личности, общения и поведения. Главной особенностью неблагополучной семьи является ее отрицательное, десоциализирующее, разрушительное влияние на формирование личности ребёнка, которое приводит к его виктимизации и физическим, психическим, поведенческим отклонениям.

Основные направления работы педагога-психолога по развитию личности младшего школьника из неблагополучной семьи включают следующие виды деятельности: психодиагностика (изучение причин семейного неблагополучия и отношения к ребенку в семье; определение социально-педагогических и психологических проблем, негативно воздействующих на становление и развитие личности ребенка в семье); психопрофилактика (повышение психологической компетентности каждого участника педагогического процесса); консультирование (консультирование родителей по вопросам выбора адекватного стиля семейного воспитания); психокоррекция (оптимизация детско-родительских отношений; коррекция нарушения личностного развития ребенка); психолого-педагогическое просвещение родителей (информирование родителей, овладение психолого-педагогическими знаниями, осуществление посредничества в кризисных ситуациях для семьи и ребенка и др.).

Эффективность работы в семье зависит от степени установления контакта и доверительности отношений с родителями. Причины семейного неблагополучия носят комплексный характер и взаимосвязаны между собой, поэтому выбор форм и методов психологического воздействия будет зависеть от выявленного ведущего фактора семейного неблагополучия. Работа в неблагополучных семьях проводится поэтапно. На *первом этапе* педагог-психолог устанавливает контакт с родителями и ребенком, формирует положительные основы для сотрудничества, где в качестве основных средств выступают: беседа на предмет установления сроков следующей встречи (родители приглашаются в школу); посещение на дому, знакомство с родителями, родственниками, ближайшим социальным окружением семьи и др.

На *втором этапе* осуществляется изучение семьи, в рамках которого проводится социально-педагогическая и психологическая диагностика семьи, изучаются материальное обеспечение и жилищно-бытовые условия, уточняется информация о родителях, их социальном статусе, о ближайших родственниках несовершеннолетнего, взаимоотношения между взрослыми в семье, знание родителями методов и приемов воспитательного воздействия. Диагностика причин семейного неблагополучия осуществляется посредством посещения на дому, обследования жилищно-бытовых условий, консультации, бесед, анкетирования, использования методов психологической диагностики (тесты, проективные методики и т.д.). На этапе проведения диагностики с помощью подобранных методов выявляются лица, требующие повышенного психолого-педагогического внимания, и неблагополучные семьи. На основании полученных данных строится профиль класса с указанием типов неблагополучных семей.

На *третьем этапе* проводится обработка результатов социально-педагогической и психологической диагностики с установлением ведущей причины семейного неблагополучия. Исходя из полученных данных, разрабатывается психопрофилактическая и консультативная часть мероприятий по работе с неблагополучными семьями. На четвертом этапе педагог-психолог осуществляет выбор форм, методов и путей их применения в зависимости от ведущей причины неблагополучия. На пятом этапе осуществляется наблюдение за семьей с позиций отслеживания динамики развития взаимоотношений, улучшения психологического микроклимата в семье [1, 2].

Психопрофилактическое и консультативное направление проводится не только с родителями, но и с ребёнком, индивидуально или в группе. При необходимости планируется психологическая коррекция. Главным направлением помощи неблагополучным семьям является психологическое сопровождение. Согласно Р. В. Овчаровой, психологическое сопровождение – это комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мер, которые представлены различными психологическими методами и приёмами, которые осуществляются с целью обеспечения оптимальных социально-психологических условий для сохранения психологического здоровья семьи и полноценного развития личности ребёнка в семье [3]. Психологическое сопровождение предполагает поиск скрытых ресурсов развития человека или семьи, опору на его (её) собственные возможности и создание на этой основе психологических условий для саморазвития. Другой важнейшей особенностью сопровождения является принцип активности самого субъекта.

В своей деятельности педагог-психолог реализует различные методы и формы работы с неблагополучной семьёй. Формы – это внешнее проявление организации взаимодействия. Метод –

это совокупность приемов, способов, принципов, с помощью которых определяются пути достижения целей. Работа с детьми из неблагополучных семей включает следующие формы работы: групповые формы работы (тренинги, семинары, групповые консультации, упражнения, ролевые игры, совместная работа с родителями); индивидуальные формы работы, включающие коррекцию поведения и широкий диапазон воздействий (беседа, анкетирование, коррекционно-развивающие занятия).

Огромная роль в развитии личности младшего школьника из неблагополучной семьи принадлежит игре. Так, А. Н. Леонтьев указывал на то, что игра является видом деятельности, который возникает на определенном этапе онтогенеза и направлен на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением. Личностные качества ребёнка формируются в активной деятельности, которая определяет интересы, отношение к действительности, особенности взаимоотношений с окружающими людьми. В младшем школьном возрасте ребёнок в игре имеет наибольшую возможность быть самостоятельным, реализовывать и углублять свои знания и умения. Игра позволяет ребёнку ощутить себя субъектом, проявить и развить свою личность. Чтобы развитие личности младших школьников через игру было гармоничным, необходимо соблюдать три правила: игры для младших школьников должны быть эмоционально позитивными или нейтральными; игры, в которых от детей требуется то, чего нельзя совершать в реальной жизни, могут исказить представления ребёнка о добре и зле; детские игры должны быть предназначены для развития различных способностей, умений, навыков.

Широко используется в психокоррекционной работе метод арт-терапии. Арт-терапия как направление связано с воздействием различных средств искусства на ребёнка и используется как самостоятельно, так и в сочетании с психологическими, педагогическими, социальными и другими средствами. Арт-терапия выполняет следующие функции: *катарсическую* – освобождает от негативных эмоций и психических состояний; *регулятивную* – моделирует положительное психоэмоциональное состояние; *коммуникативно-рефлексивную* – обеспечивает коррекцию трудностей в установлении и поддержании контактов, формирование самооценки и личностных качеств.

Терапия искусством включает в себя следующие направления: игровую терапию, которая реализуется через игру; изотерапию, т.е. воздействие средствами изобразительного искусства (рисованием, лепкой, декоративно-прикладным искусством); иммаготерапию (воздействие через театрализацию), музыкотерапию (основное средство – восприятие музыки, пение); куклотерапию, т. е. воздействие через использование куклы; сказкотерапию, реализуемую через анализ и сочинение сказок; кинезиотерапию и танцевальную терапию (терапия средствами движений и танца) [4].

Таким образом, основными формами работы педагога-психолога по развитию личности младшего школьника из неблагополучной семьи являются: групповая (тренинги, совместная работа с родителями) и индивидуальная (беседа, анкетирование, коррекционно-развивающие занятия). Огромная роль в развитии личности младшего школьника из неблагополучной семьи принадлежит игре, которая выполняет ряд важных функций: коррекция и развитие в физической, эмоциональной и интеллектуальной сферах личности, а также гармонизация внутреннего мира.

Список использованных источников

- 1 Шихмирзаева, С. Н. Особенности работы педагога-психолога в неблагополучных семьях / С. Н. Шихмирзаева // Известия Дагестанского гос. пед. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 154–159.
- 2 Шульга, Т. Н. Работа с неблагополучной семьей / Т. Н. Шульга – Москва : Дрофа, 2005. – 254 с.
- 3 Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства / Р. В. Овчарова – Москва : Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 319 с.
- 4 Осипова, А. А. Общая психокоррекция / А. А. Осипова – Москва : Сфера, 2002. – 510 с.

Ю. С. Рудакова

Орский гуманитарно-технологический институт, филиал ОГУ,
г. Орск, Россия

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Проблема развития личности ребенка в семье стоит очень остро, так как система семейного воспитания в последнее время претерпевает значительные изменения. Утрачиваются такие понятия, как семейные традиции, семейный уклад. В статье представлены материалы, раскрывающие суть и значимость семейных традиций в развитии личности ребенка. Наблюдения показывают, что семейные традиции являются важным фактором и неотъемлемой частью в становлении личности ребенка.

Ключевые слова: семья, традиции, формирование личность, семейное воспитание.

Семья – как ветви на дереве, где мы все развиваемся в разных направлениях, но наши корни остаются прежними – гласит народная мудрость. Главенствующая роль семьи в формировании личности ребенка отводится во многих законодательных документах: в Конвенции о правах ребёнка, Конституции Российской Федерации, Законе «Об образовании», Семейном кодексе. В этих документах говорится о том, что первую и главную роль в развитии детей играет семья, а уже потом образовательные учреждения, функция которых помочь родителям в воспитании ребенка.

Семья является одним из главных и важных факторов в формировании личности. Семья закладывает в ребенка духовные ценности, модель поведения в обществе. Малыш, как губка, впитывает все то, что видит в своем доме и при общении вне стен дома пытается подражать родителям или старшим братьям и сестрам, если таковые имеются. Поэтому очень важно, чтобы ребенок чувствовал себя комфортно в семье, рос в любви и во взаимопонимании, в признании и уважении, испытывал чувство защищенности.

По мнению С. А. Беличевой, благополучие в семье в той или иной степени практически всегда ведёт к благополучию психического развития ребёнка и, прежде всего, к гармонии созревания эмоционально-волевой сферы, т. е. преимущественно характера человека [1].

Одной из особенностей семейного воспитания является разновозрастность членов семьи, что указывает на различные ценностные ориентации, различные идеалы и убеждения. Это в чем-то схожие, в чем-то различные взгляды, намерения, жизненные ценности. Но всех их объединяют, как правило, семейные традиции, обычаи, которые передаются из поколения в поколения. Которые несут в себе всю ту любовь и радость, переживания и заботу друг о друге, все то, что так необходимо при развитии и становлении личности ребенка.

Но в настоящее время, очень трудно говорить о такой модели семьи, которую можно было наблюдать даже 20 лет назад. Современные семьи развиваются в очень противоречивых условиях. Наблюдаются процессы, которые приводят к разладу в семье, возникают различные проблемы, на решение которых, у молодых семей не всегда хватает сил и опыта. И, как следствие этого, повышается количество разводов, отрицательно влияющих на психику детей, увеличивается число семей, имеющих одного ребенка. Многие дети отдаляются от родителей, замыкаются в себе, начинаются проблемы в поведении и взаимопонимании родителей и ребенка. Поэтому очень важно на современном этапе развития общества возрождение и сохранение семейных традиций, изменение взглядов на семью в целом.

Семейные традиции очень важны для ребенка, даже скорее именно для ребенка, нежели взрослого. Такие незначительные на первый взгляд традиции и ритуалы, как чтение сказки перед сном или мытье рук перед едой, прогулка перед обедом и многие другие помогают ребенку ориентироваться во времени, чувствовать любовь родителей, осознавать свою значимость в семье. Когда такие обряды повторяются постоянно, ребенок чувствует стабильность, комфорт, спокойствие, что все идет своим чередом, а соответственно и безопасность нахождения среди

родных. Малейшее нарушение привычного для ребенка ритма приводит к расстройствам, беспокойству, что сразу сказывается на его поведении [2].

Таких традиций может быть множество: изготовление праздничной открытки для бабушки, папа, который каждый новый год играет роль деда Мороза, совместное украшение новогодней елки, воскресный пасхальный обед, совместные поездки за город, чтение перед сном и многое другое. Для взрослого человека они порой незаметны, больше напоминают привычку, а вот для ребенка это очень важные события.

Во время моей работы в школе мне часто приходилось наблюдать, как события, происходящие в семьях, влияют на развитие детей, и как важно поддерживать ту самую атмосферу благополучия и взаимопонимания. Будучи классным руководителем, я с радостью и умилением выслушивала рассказы учеников о том, как они вместе с родителями украшали новогоднюю елку или ездили к бабушке на семейный обед. Ребята наперебой рассказывали о том, как проходили их семейные праздники, делились эмоциями и впечатлениями. В этих рассказах чувствовалась любовь и радость, уверенность и благополучие. Но так было, к сожалению, не у всех. Находились и такие ребята, которым нечего было рассказать, в их глазах можно было уловить грусть и разочарование. Эти дети чувствовали себя ненужными, незащищенными. Это соответственно сказывалось и на их поведении. Они вели себя более агрессивно со своими сверстниками, пытались всячески привлечь внимание к себе, а некоторые, наоборот, замыкались в себе и очень плохо шли на контакт.

Проведя опрос о семейных традициях, получила не радостные цифры. Поддерживают семейные традиции, как оказалось, всего лишь 40% семей моего класса, 35% тех, кто хотел бы, но не всегда получается проводить какие-то совместные мероприятия. А 25% – это семьи, которые не имеют никаких традиций и считают это абсолютно ненужным. Во время проведения классных собраний и личных бесед с родителями выяснилось, что многим из них не хватает времени на общение с ребенком, другие говорили о том, что ребенок уже взрослый и сам справляется со своими проблемами. Причин называлось много, но, ни один из таких родителей даже и не задумался о том, насколько это общение важно для ребенка.

Многим из родителей было трудно ответить на вопрос: есть ли в их семье традиции? Как оказалось, что большая часть из них, совершая какие-то совместные действия регулярно, даже и не задумывались о важности таких моментов. Таких традиций множество, если быть внимательнее к ним. Как выяснилось, одни часто пекут пироги совместно с ребенком, другие делают кормушки и в течение всей зимы кормят птичек, ходят по выходным в бассейн, на вечерние прогулки, участвуют в параде, посвященного великой победе, готовят открытки для бабушки и т. д.

С. А. Шмаков выделяет ряд признаков семейных традиций.

1) *длительность, повторяемость в общественной практике, привычность в восприятии семьи, одобрение семьей* (традиции).

2) *своеобразие, самобытность* (традиции не признают канонов и потому открывают путь к творчеству).

3) *наличие неизменной идеи, стабильность отдельных элементов, передающихся от одного поколения к другому* (семейный досуг) [3].

Трепетное и внимательное отношение к традициям важно на любом этапе формирования личности, постоянное соблюдение и выполнение их учит ребенка с уважением относиться к своим обещаниям, держать слово, быть ответственным. Семейные традиции, взаимоотношения и сама атмосфера семьи – это своего рода инструменты того, как ребенок будет воспринимать окружающий его мир. Он может представляться ему бесконечным праздником, а может жизнь будет казаться ему скучной, одноцветной, неблагодарной. Чтобы ребенок чувствовал себя комфортно, благополучно и испытывал спокойствие, нужна и соответствующая атмосфера, которую можно создать благодаря семейным традициям. Но этот результат будет достигнут, если традиции не несут в себе ограничения и запреты. Речь идет только о тех традициях, которые несут

любовь, тепло и радость, учат уважению старшего поколения, о тех мероприятиях, где ребенок ощущает себя нужным и любимым [4].

При создании традиций в своей семье важно помнить, что традиции должны нести в себе любовь и радость, ощущение праздника. Нужно, чтобы ребенок с удовольствием принимал участие в семейных мероприятиях и ждал с нетерпением наступления очередного события. Жесткие традиции лишь угнетают, даже если это и не связано с праздниками, а имеют отношения к укладу будничных дней. Строгие рамки не позволяют чувствовать ребенку себя комфортно. Традиции должны быть в радость и не нужно подгонять их под какие-то определенные рамки и сценарии [4].

Можно создать свои традиции, характерные именно вашей семье. Подумайте, что вы и члены вашей семьи можете делать хорошо. Присмотритесь к детям, обратите внимание на то, что им интересно. Попробуйте вовлечь их в свои занятия. Для начала можно попробовать приготовить семейный обед и вовлечь в этот процесс всех членов семьи. Дети с удовольствием будут возиться на кухне, мыть и чистить продукты, накрывать на стол. И, конечно же, уборка тоже должна быть совместной. Также можно начать гулять перед обедом или сном, выбрав определенный маршрут или наоборот каждый раз находить какой-то новый путь. Гуляя, обращать внимание на разные мелочи, окружающие вас, на облака и животных, растения и т. д. Такие прогулки могут быть пешими, на велосипедах или на роликах. Зимой – это могут быть лыжи или санки. Возьмите за правило читать ребенку перед сном, или ребенок может сам читать вам, если может, но вы обязательно должны слушать и находиться рядом. Если это подросток, просто поговорите с ним, чтобы ребенок чувствовал, что им интересуются. И со временем он сам будет ждать вечера, чтобы поделиться с вами своими переживаниями.

Независимо от того, стараетесь ли вы сохранить старые домашние традиции, которые дороги вам и вашей семье, или пытаетесь создать что-то новое, необходимо знать, что детство формирует ребенка на всю жизнь. При создании семейного уклада главное помнить, что чрезмерная строгость не дает свободы развития ребенка, заставляет все время находиться в напряжении. Развивается страх сделать что-то не так, как хотят родители. Отсутствие же семейных традиций и порядков, которые помогают ребенку чувствовать любовь, уважение, безопасность и стабильность приводит к тому, что малыш чувствует незащищенность, ненужность и боится окружающего его мира [5].

Очень важно, чтобы ребенок не только слова слышал от родителей, но и видел примеры поведения. Ребенок со временем начинает подражать взрослым и желательно, чтобы это были положительные примеры. Благодаря семейным традициям в ребенке можно развить замечательные качества. Любовь к близким, взаимоуважение, благородство и др. Благодаря семье ребенок учится вести себя в различных ситуациях, получает первый жизненный опыт [2].

Таким образом, семейные традиции – это важный инструмент в создании норм и ценностей, которые являются неотъемлемой частью в развитии личности ребенка.

Список использованных источников

- 1 Беличева, С. А. Основы превентивной психологии / С. А. Беличева. – М., 1992. – 222 с.
- 2 Гаранина, Т. П. Семейные традиции и их роль в воспитании детей / Т. П. Гаранина. – Минск, 1983. – 17 с.
- 3 Шмаков, С. А. Игры учащихся – феномен культуры / С. А. Шмаков. – М., 1994. – 238 с.
- 4 Выготский, Л. С. Игра и её роль в психическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Вопросы психологии, 1966 – № 6. – С. 62–77.
- 5 Каптерев, П. Ф. О семейном воспитании / П. Ф. Каптерев; сост. : Н. Н. Андреева. – М., 2000. – 165 с.

М.В. Терещенко

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

М. В. Шепелёва

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины,
г. Киев, Украина

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛЕВЫХ ОЖИДАНИЙ И ПРИТЯЗАНИЙ СУПРУГОВ

Статья посвящена эмпирическому исследованию ролевых ожиданий и притязаний супругов в браке. Описаны основные представления мужчин и женщин о ролевых представлениях и ценностях брака и семьи. Очерчены перспективы дальнейших исследований данной темы.

Ключевые слова: представление о семейной жизни, ролевые ожидания, ролевые притязания, семейные ценности, семейные функции

Проблеме исследования супружеских и семейных отношений уделяется достаточно много внимания в психологии, социологии, философии. В то же время растет количество семейных конфликтов, разводов, измен, ощущение «одиначества вдвоем» (Н. Хамитов). Одной из главных причин разрушительных тенденций в семье может выступать несогласованность представлений супругов о семейных ценностях и ролях. Иерархия семейных ценностей супругов и представление о каждой ценности – высший уровень совместимости супругов [1].

Каждый человек имеет представления о себе, мире, о семейных взаимоотношениях и других аспектах жизни. К. Г. Юнг писал о том, что «представление, которое складывается у человека о мире, является образом того, что он называет миром. Именно на этот образ, исходя из его особенностей, человек ориентируется в своей адаптации» [2, с. 223]. Таким образом, сознательно или бессознательно создаются определенные представления и установки о семейной жизни, образ супруга/супруги, детей, взаимоотношений. Как отмечает К. Г. Юнг, на создание этих представлений влияют наши родители, а, соответственно, индивидуальное и коллективное бессознательное. Семейные установки, традиции, мифы, сценарии влияют на ожидания и представления о браке, семье. Е. И. Головаха и Н. В. Панина говорят, что «поэтому так нелегко проходит первый этап создания молодой семьи, что каждый из супругов приходит в нее со своими семейными традициями. Сами по себе традиции каждой семьи ничем не хуже других, но сосуществовать вместе они могут не всегда» [3, с. 30]. Согласование представлений о семейной жизни – одна из главных функций образа мира супругов.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования согласования ролевых ожиданий и притязаний супругов. В исследовании приняли участие 59 супружеских пар, 27 из них находятся в браке от 1 до 5 лет, возраст мужчин: 23–30 лет, женщин: 20–27; остальные пары находятся в браке от 15 до 25 лет, возраст мужчин 41–50 лет, женщин 35–56. Мужчины, состоящие в браке 1–5 лет, в среднем, не завывают, но и не занижают значение интимно-сексуальной функции. Женщины же несколько занижают значение этой функции, что не очень характерно для молодых супругов. Личностная идентификация важна как для мужчин, так и для женщин, хотя у женщин значительно выше балл по этой шкале. То, что у женщин ожидания общности интересов, потребностей, ценностных ориентаций, способов проведения свободного времени более значимы, чем для мужчин, является довольно типичным в исследовании семейных отношений, так как отмечается большая чувствительность и желание идентификации со своим партнером именно у женщин. Мужчины же стремятся быть более независимыми.

Следующая шкала, как и последующие, шкалы имеет две подшкалы. Подшкала «ролевые ожидания» рассматривается как степень ожидания от партнера активного выполнения бытовых вопросов. Ролевые ожидания мужчин по бытовым вопросам ниже, чем ролевые притязания, что отражает установку на собственное активное участие в ведении домашнего быта. Мужчины хотят

быть активными в хозяйственно-бытовых вопросах. В то же время женщины считают, что они должны быть более активными в решении бытовых вопросов, чем они этого ожидают от мужчин. Что касается родительско-воспитательной функции, то мужчины от своей жены ожидают меньше по сравнению со своей готовностью взять на себя обязанности по воспитанию детей. Такая готовность мужчин взять на себя больше обязанностей по воспитанию детей сама по себе носит положительный характер и может свидетельствовать о готовности и желании стать отцом. Женщины же почти одинаково ожидают от партнера и сами стремятся реализовывать свои обязанности по воспитанию детей. Представление о социальной активности свидетельствует о том, что ожидания мужчин больше, чем их притязания. Ожидания женщин, также, выше, чем их притязания. В этом могут возникнуть определенные противоречия, когда супруги ожидают от другого большей социальной активности, чем осуществляют сами и в тоже время готовы брать на себя функцию родителя.

Рассмотрим результаты *эмоционально-психотерапевтической* функции. И мужчины, и женщины ожидают от партнера того, что он возьмет на себя роль эмоционального лидера семьи в вопросах: коррекции психологического климата, оказании моральной и эмоциональной поддержки, создании психотерапевтической атмосферы. Это может свидетельствовать о том, что супруги не совсем готовы к решению эмоциональных проблем и оказанию друг другу моральной поддержки так, как требуют и ждут этого от партнера. Что касается внешнего вида, то типичным является то, что мужчины ожидают от женщин большей привлекательности, чем стремятся сами современно и красиво одеваться. Женщины же, наоборот, ожидают от мужчин меньшей готовности на привлекательный вид, чем сами стремятся быть привлекательными.

Рассмотрим ролевые ожидания и притязания супругов, состоящих в браке от 15 до 25 лет. Предоставление о сексуальной гармонии как условия супружеского счастья значительно больше у мужчин, чем у женщин, что может порождать некоторую несогласованность в семейных ценностях супругов. Личная идентификация с партнером по браку имеет гораздо большее значение для женщин, чем для мужчин.

Если сравнивать с супругами, состоящими в браке от 1 до 5 лет, то расхождение в значении личностной идентификации с партнером увеличилось (для мужчин увеличилась значимость личностной автономии, а женщины стремятся еще больше к идентификации с партнером).

Ролевые ожидания мужчин по хозяйственно-бытовой ценности ниже, чем «ролевые притязания». У женщин ожидания ниже, чем притязания, что отражает их готовность принять на себя ожидания мужчин по вопросам хозяйственно-бытовой функции, а это, в свою очередь, демонстрирует согласованность действий супругов по этой функции.

Следующая функция – *родительско-воспитательная*. У мужчин ожидания значительно больше, чем притязания; у женщин притязания выше, чем ожидания, что также не вызывает значительных противоречий в реализации этой функции. Что касается социальной активности, то притязания у мужчин выше, чем ожидания, то есть они стремятся к реализации этой функции и возлагают ее на себя. Женщины, поддерживая мужчин, предпочитают ожидания больше, чем притязания в этой функции, что также не вызывает противоречий у супругов. Ожидания мужчин в эмоционально-психотерапевтическом вопросе значительно выше, чем их притязания, что свидетельствует об их нежелании брать на себя роль эмоционального лидера в семье. Женщины же все равно ожидают и стремятся быть семейным «психотерапевтом». Желание мужчин иметь привлекательного партнера больше, чем их стремление быть привлекательными. Женщины ожидают от партнера меньше, чем сами стремятся хорошо выглядеть. Что же касается согласованности семейных ценностей супругов, то можно сказать, что у супругов, состоящих в браке от 1 до 5 лет супружеской жизни несогласованностей значительно больше, чем у супругов, состоящих в браке от 15 до 25 лет.

Несогласованность почти во всех сферах семейной жизни наблюдается в более молодых супружеских парах. Чаще всего супруги не могут прийти к согласию в интимно-сексуальной сфере, так как женщины несколько занижают значение этой функции в браке. Также существует несогласованность в личностной идентификации с партнером по браку – мужчины несколько

занижают значение общности интересов, ценностных ориентаций, способов проведения свободного времени. Возможно, существует связь между занижением у мужчин личностной идентификации с женой и недооценкой женщинами интимно-сексуальной ценности. Несогласованность фиксируется и в таких сферах семейной жизни, как хозяйственно-бытовая и социальная активность. Для женщин функция социальной активности более значима, чем для мужчин. Возможно, женщины ориентированы на рождение детей и более обеспокоены материальным положением в семье.

Следующая функция, в которой есть несогласованность, – *эмоционально-психотерапевтическая*. Эта функция является более важной для женщин, мужчины же хотят, чтобы их жены отвечали за создание и поддержку психологического климата в семье. В свою очередь, женщины также ожидают, что мужчины возьмут на себя это обязательство. Также можно сказать, что женщины больше мужчин стремятся быть привлекательными и уделяют этой сфере больше внимания, что также порождает некоторую несогласованность в ценности внешней привлекательности. Что же касается тех сфер, в которых несогласованность супругов, состоящих в браке от 15 до 25 лет, то их всего две – это интимно-сексуальная и личностная идентификация с партнером по браку. Мужчины придают большее значение интимно-сексуальной сфере и несколько занижают значение личностной идентификации с женой. Женщины же наоборот – занижают, по сравнению с мужчинами, значение интимно-сексуальной и придают большее значение личностной идентификации. Стоит еще раз подчеркнуть, что, возможно, между этими сферами семейной жизни является значимая связь.

В других же сферах не наблюдается рассогласования. Это можно объяснить тем, что супруги уже длительное время вместе и достаточно хорошо смогли согласовать между собой бытовые, родительско-воспитательные, социальные, психотерапевтические сферы семейной жизни. Перспективой дальнейшего исследования может быть выявление факторов ролевых ожиданий и притязаний супругов в браке.

Список использованных источников

- 1 Хамитов, Н. В. Одиночество женское и мужское: Опыт вживания в проблему / Хамитов Н. В. – М. : Торсинг, 2004. – 444 с.
- 2 Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. – М. : Прогресс, 2006. – 331 с.
- 3 Головаха, И. Е. Психология человеческого взаимопонимания / И. Е. Головаха, Н. В. Панина. – К. Политиздат Украины, 1989. – 189с.

Е. В. Шундикова

Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья,
г. Гомель, Беларусь

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СЕМЬЯХ

В статье представлен анализ социологического исследования по изучению семейных ценностей и особенностей взаимоотношений населения области.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, взаимоотношения, семейные конфликты, воспитательные цели.

Семья является основным элементом общества, хранительницей человеческих ценностей, культуры и исторической преемственности поколений, фактором стабильности и развития. В целях изучения семейных ценностей и особенностей взаимоотношений в семье был проведен

социологический опрос среди населения Гомельской области. В анкетировании приняли участие 1 111 респондентов (32 % мужчин и 68 % женщин).

Семья оказывает большое значение на психологическое здоровье детей. Психологическое здоровье или нездоровье ребёнка тесно связано с климатом семьи, или психологической атмосферой, и зависит от характера взаимоотношений в семье. Теплая, душевная, дружеская атмосфера в семье преобладает у 69% участников опроса. Дискомфортная и конфликтная обстановка выявлена у 5% респондентов. В вопросе влияния атмосферы семьи на психологическое здоровье членов семьи стоит отметить умение каждого члена семьи выстраивать такие взаимоотношения, которые образуют положительную семейную обстановку, позитивное психологическое пространство семьи. Отношения строятся на равных, все проблемы решаются совместно в 53 % опрошенных семей. Есть четкое распределение сфер влияния в 16% семей, глава семьи решает все вопросы в 17 % семей. Решения принимаются стихийно в 17% семей, выражена борьба за власть у 2%.

Распределение проблем со здоровьем у членов семьи представлены в таблице 1. Из данных, представленных в таблице 1, видно, что 22 % детей в опрошенных семьях часто болеют. Проблемы лишнего веса чаще встречаются у женщин (18%), чем у мужчин (12%). Также у женщин более выражена утомляемость (24%).

Таблица 1 – Проблемы со здоровьем у членов семьи (%)

Проблемы	Муж	Жена	Дети
Ослабленное здоровье, часто болеет	9	14	22
Проблема веса	12	18	5
Плохой сон	11	16	5
Плохой аппетит	3	9	12
Повышенная утомляемость	19	24	13
Недостатки зрения, слуха	9	13	13
Хронические болезни, врачебный учет	9	11	10
Нервные проблемы, учет невропатолога	2	3	1
Психическая неуравновешенность, душевные расстройства	2	3	1

У 11% опрошенных выявлены частые конфликты в семье. Никогда не бывает конфликтов в семьях у 21% респондентов. Темы конфликтов в семьях представлены на рисунке 1.

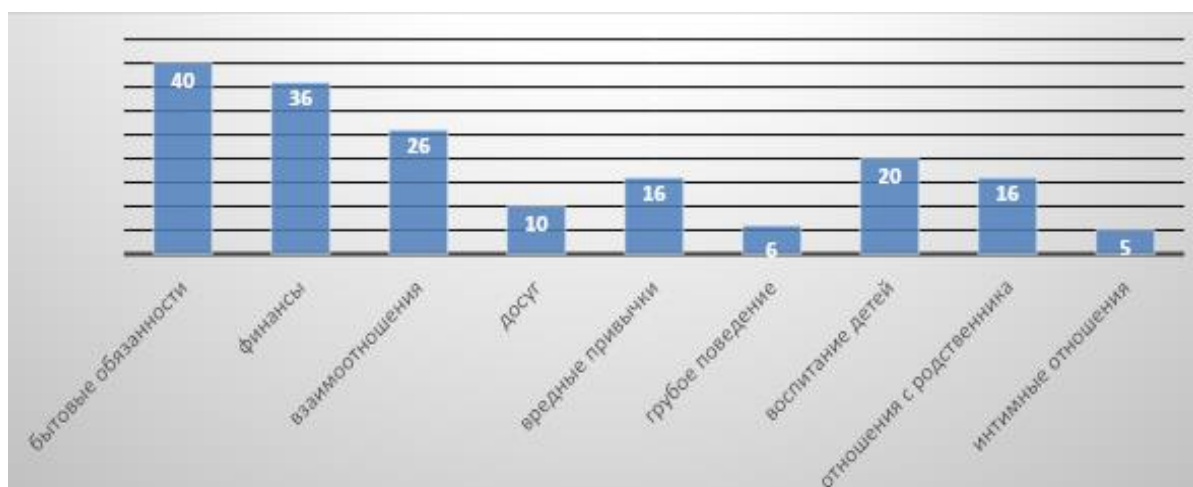

Рисунок 1 – Причины конфликтов в семьях (%)

Из данных, представленных на рисунке 1, видно, что наиболее часто конфликты происходят на фоне бытовых (40 %) и финансовых обязанностей (36%), на тему взаимоотношения между партнёрами (26 %) и позиции воспитания детей (20 %). Воспитанием детей в 35 % семей занимается мать, в 6 % – отец. Данная обязанность распределена между обоими родителями в 39 % семей. В 12 % семей присматривают за детьми бабушки и дедушки, в 4 % – старшие братья и сестры. Наиболее важными воспитательными целями в семье признаны следующие: здоровье (60 %), хорошая учеба (35 %), приспособленность к жизни (35 %), прилежание и дисциплина (34 %). Воспитательные цели в семье не ставятся в 5 % семей.

Создание семьи и воспитание ценностей – тяжелая задача. Она требует большой самоотдачи и кропотливого многолетнего труда. Именно в семье закладываются такие качества, как верность своим идеалам, друзьям и родственникам, преданность своему отечеству, любовь и вера, доброта и щедрость, ответственность и взаимопомощь, уважительное отношение не только к старшим, но и ко всем окружающим. Простые правила и моральные устои, формируясь в пределах родного дома, переносятся затем и в общество. Семейные ценности формируют культуру человека, делают общество более гуманным. Распределение семейных ценностей у респондентов по значимости представлены на рисунке 2.

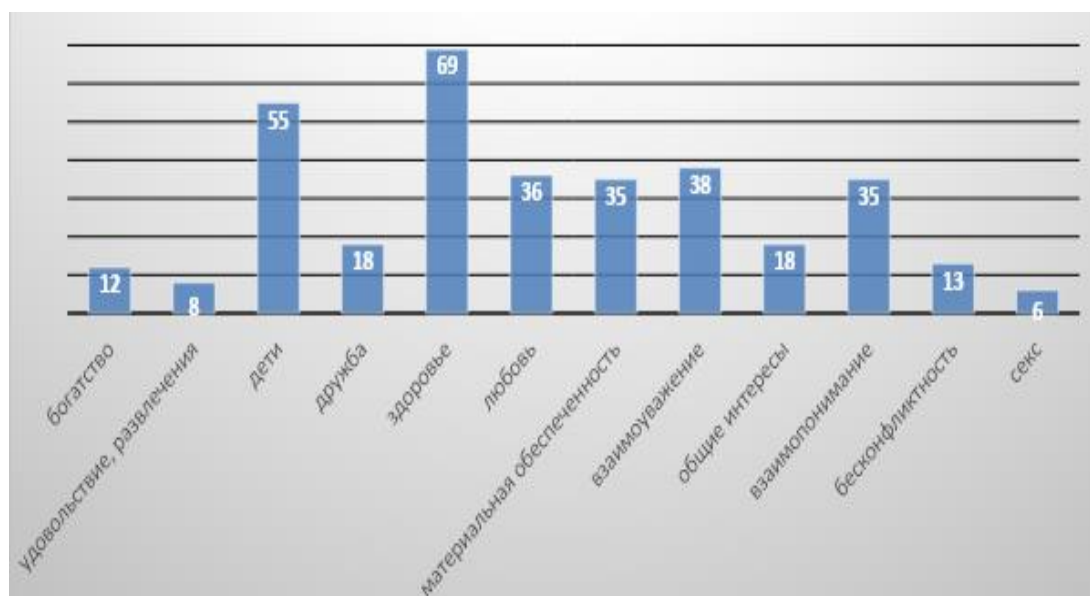

Рисунок 2 – Семейные ценности респондентов (%)

Из данных, представленных на рисунке 2, видно, что наиболее значимыми семейными ценностями у участников опроса являются здоровье (69 %), дети (55 %) и взаимное уважение (38 %). Наименьшую значимость имеют удовольствия и развлечения (8 %) и секс (6%).

Социальная поддержка семей при рождении и воспитании детей – одно из ключевых направлений государственной политики Республики Беларусь. В стране сформирована система правовых гарантий и социальных льгот семьям, воспитывающим детей, являющаяся одной из наиболее стабильных среди стран Содружества Независимых Государств. Главной задачей государства является формирование в обществе модели благополучной, успешной семьи с двумя и более детьми, способной к духовно-нравственному саморазвитию и самореализации. Семья как основной элемент общества была и остается хранительницей человеческих ценностей, культуры и исторической преемственности поколений, фактором стабильности и развития. Семья – источник любви, уважения, солидарности и привязанности, то, на чем строится любое цивилизованное общество, без чего не может существовать человек. Благополучие семьи – вот мерило развития и прогресса страны.

Студенческие доклады

А. Д. Андреева

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ В МОЛОДОСТИ

Данная статья посвящена изучению закономерности формированию супружеских пар в молодости. В ней рассмотрены понятия «семья», «брак» и так же описаны факторы семейного благополучия в молодой семье.

Ключевые слова: брак, семья, супруги, мужчина, женщина.

Вопросы семейной политики, проблемы сохранения и укрепления семьи, проблемы демографии, консолидации и возрождения традиционных основ семьи, нравственности общества, духовно-нравственного воспитания молодежи являются одними из самых актуальных сегодня. Брачные отношения, на мой взгляд, довольно сложный, но в то же время интересный аспект семейной жизни. Формирование этих отношений – довольно длительный и кропотливый процесс, который начинается со знакомства будущих супругов и продолжается до вступления в брак до старости. Это никогда не заканчивается, потому что отношения постоянно развиваются и меняются, они проходят определенные фазы и периоды, а благополучие семьи зависит от качества этих фаз и периодов. Зная специфику и суть каждого периода, можно гармонизировать отношения в семье, оказать им действенную помощь.

Попытки рассмотреть качество брака через удовлетворение потребностей супругов вполне очевидны, поскольку потребности человека формируются в процессе усвоения социальной реальности и формирования их личности. В психологии традиционно значительная часть исследований посвящена изучению семьи и супружеских отношений. Родственные дисциплины (семейное право, социология и демография) также проявляют интерес к негативным явлениям в развитии института семьи, поэтому их достижения и результаты активно используются психологией для создания и совершенствования моделей современной семьи.

Брак – это добровольный, равноправный союз женщин и мужчин с целью создания семьи. Брак социально признан и санкционирован законом или обычаем, цель которого – создание семьи, легализация ее в обществе. Брак – это социальная форма отношений между мужчиной и женщиной, которая исторически изменилась [1].

Наиболее распространенными и популярными в зарубежной социальной психологии были теории дополнительных потребностей Р. Винча, теория «ролевой-ценностно-стимулированной» Б. Мурштейна, инструментальная теория выбора супруга Р. Сентерса, «фильтры» А. Керкгофа и К. Дэвиса, «круговая теория любви» А. Рейс.

Теория дополнительных потребностей (дополнительных потребностей) Р. Винча основана на старом принципе, как и мир, который гласит, что противоположности притягиваются. Р. Винч пишет, что каждый, выбирая супругов, ищет того, от кого ожидает максимального удовлетворения своих потребностей. Влюбленные должны иметь общие социальные характеристики и психологически дополнять друг друга. Удовлетворение, награда и удовольствие рассматриваются как силы, сближающие будущих супругов. Эта теория заключается не в том, что каждый может найти себе пару, которая полностью удовлетворит его потребности. Это помогает понять, почему все находят привлекательными лишь некоторые из всей «выбранной области». Согласно этой теории, например, кроткая женщина может быть привлекательна для сильного мужчины, а спокойный и нежный мужчина любит энергичных и прямых женщин.

Инструментальная теория выбора супруга, разработанная Р. Сентерсом, также ставит на первое место удовлетворение потребностей, но в то же время утверждает, что одни потребности более важны, чем другие, некоторые более характерны для мужчин, чем для женщин, и наоборот.

По словам Р. Сентерса, человека тянет к тому, у кого есть потребности, аналогичные его собственным, и он дополняет их.

Теория «роли побудительной ценности» или «обмена и максимальной выгоды» Б. Мурштейна получила, пожалуй, наиболее распространенная среди исследователей. Он основан на двух важных предпосылках. Первый заключается в том, что на каждом этапе развития отношений между партнерами сила отношений зависит от так называемого равенства обмена. То есть существует своего рода учет плюсов и минусов, активов и пассивов каждого партнера. В результате, хотя партнеры могут не осознавать этого, устанавливается определенный баланс между положительными и отрицательными характеристиками каждого из них. Если активы или стимулы для вступления в брак превышают обязательства, принимается решение о вступлении в брачный союз. Вторая предпосылка заключается в том, что выбор брака включает в себя ряд последовательных этапов, которые молодые люди должны пройти. Кто не выполняет условия каждого этапа, исключается из «игры» [2].

Жизненный цикл семьи – это история семейной жизни, ее продолжительность, ее собственная динамика; Семейная жизнь, отражающая частоту и регулярность семейных событий. Семейные события, в свою очередь, являются наиболее важными событиями в семейной жизни, которые существенно влияют на изменение структуры семьи. Организация семейных мероприятий – важный шаг в семейном цикле. Существует несколько классификаций этапов жизненного цикла семьи. Кроме того, они очень часто исходят из специфики задач, которые семья как группа должна решать на каждом этапе, чтобы она продолжала функционировать без перебоев [3].

К *мотивам создания семьи* относятся следующие: любовь; влечение иметь постоянного сексуального партнера; психологические причины; желание иметь детей; решение бытовых проблем; сложившиеся обстоятельства.

Для анализа семейной системы целесообразно рассмотреть характеристики различных уровней ее функционирования: *индивидуальный уровень* характеризует функционирование отдельного члена семьи как элемента семейной системы; *микросистемный уровень* относится к функционированию нуклеарной (ядерной) семьи, включающей в себя родителей и их детей; *макросистемный уровень* описывает функционирование расширенной семьи, состоящей из трех и более поколений; *мегасистемный уровень* соответствует функционированию семьи на границе с социальным окружением.

Многие молодые семьи отказываются заводить второго или третьего ребенка по финансовым причинам. В целом тяжелое материальное положение во многом препятствует гармоничному развитию и воспитанию молодой семьи. Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете материальное положение своей семьи?» 16,2% заявили, что живут хорошо, ни в чем не отрицая, 31,0% – денег в основном хватает, но для покупки дорогих вещей нужны сбережения, а 52,8% респондентов заявили, что им нужны только еда и одежда. Это означает, что не все семьи могут позволить себе крупные покупки. Основной доход в семьях приносят оба супруга в равной степени. Несмотря на то, что более половины молодых семей бедны, многие (41,0%) уверены, что их материальное положение улучшится в следующем году. Почти треть респондентов заявили, что их финансовое положение не изменилось, другие затруднились ответить [4]. Следовательно, на основе плохо сформулированных желаний и требований должен быть составлен действующий «брачный договор», содержание которого известно каждому из партнеров и оба готовы его соблюдать. Таким образом, «брачный договор» – это ожидание супругов по отношению друг к другу, которое, если они не знают и не выражают слов, может помешать формированию внутрисемейного общения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что супружеские отношения – очень сложный процесс, требующий довольно значительных затрат, в том числе психологических. Имея информацию о закономерностях, стадиях и стадиях развития и существования семейных отношений, уровень эффективности помощи супругам и семье в целом значительно возрастает. Для самих супругов эта информация позволяет им правильно и гармонично развивать, и выстраивать свои отношения, благоприятно преодолевать кризисные фазы брака и сохранять

целостность семьи. В наши дни включение в семью больше не является необходимым фактором психологического и физического выживания. Личность приобрела относительную независимость от семьи, изменилось восприятие семейных отношений. Самыми важными были не семейные отношения, а супружеские отношения, основанные на свободном выборе. Они центральные в семье.

Список использованных источников

- 1 Андреева, Т. В. Психология семьи : учеб. пособие / Т. В. Андреева, – СПб. : Речь. 2010. – 384 с.
- 2 Вержибок, Г. В. Гендерное воспитание в семье и школе: пособие для педагогов / Г. В. Вержибок; под общ. ред. А. С. Лаптенка. Мн., 2016. – 248 с.
- 3 Карабанова, О. А. Психология семейных отношений: учеб. пособие / О. А. Карабанова, – Самара, 2001. – 320 с.
- 4 Шилов, И. Ю. Фамилистика. Психология и педагогика семьи: учеб. издание / И. Ю. Шилов, – СПб., 2000. – 220 с.

М. Г. Анушкевич

Научный руководитель: **Т. В. Тратинко**, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ДЕТЕЙ-СИРОТ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ПРИЕМНЫХ СЕМЬЯХ

Особенности эмоционального интеллекта детей, воспитывающихся в приемных семьях, обусловлены наличием депривации, в том числе, оказывающую влияние на и их последующую социализацию и интеграцию в общество. В статье представлены результаты эмпирического исследования, позволяющие выявить особенности эмоционального интеллекта у детей-сирот, воспитывающихся в приемных семьях.

Ключевые слова: приемная семья, эмоциональный интеллект, дети-сироты.

Актуальность изучения особенностей эмоционального интеллекта у детей, воспитывающихся в приемных семьях, обусловлена тем, что в ситуации изъятия из биологической семьи, отсутствия эмоциональных отношений со значимыми взрослыми, дефицита тепла, уважения и доверия по отношению к ребенку, нарушается формирование его личностных структур, определяющих характер социального взаимодействия, поведенческие стратегии, психоэмоциональное и психосоциальное здоровье.

В современных условиях социальность становится важнейшим фактором, определяющим успешность человеческой жизни. Ключевым моментом межличностных взаимоотношений выступает умение понимать, воспринимать и регулировать эмоции как свои, так и окружающих людей. Эмоциональный интеллект является основой социальной успешности личности, лежит в основе собственного эмоционального благополучия и гармоничных отношений с окружающими, способствует более эффективной ориентации в мире и адаптации в социуме. Сегодня в области защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, происходят разнообразные изменения, связанные, в первую очередь, с обеспечением и сохранением психологического и педагогического благополучия и развития детей, обеспечение которого возможно благодаря воспитанию детей в замещающих семьях.

Замещающая семья как инструмент деинституализации детей-сирот представлена в работах исследователей Н. Н. Красовской, В. В. Мартыновой, В. Н. Ослон, Т. В. Тратинко и др. По мнению авторов, в развитии интеллектуальной, эмоциональной сфер, а также в особенностях поведения

детей-сирот существует определенная специфика, которая интерпретируется не как отставание в психическом развитии, а как качественно иной его характер, проявляющийся в несформированности внутреннего, идеального, субъективного плана психики, в связанности мышления; в мотивации поведенческих реакций внешней ситуацией. Вследствие депривационного воздействия у детей-сирот формируется ряд специфических личностных особенностей: неразвитость познавательных и учебных интересов, иждивенческая позиция, выученная беспомощность, низкий уровень адаптивности, неспособность к самостоятельному разрешению жизненных трудностей, неспособность формировать близкие и продуктивные отношения с окружающими, обедненная эмоциональная сфера [1–3].

Эмоциональный интеллект представляет собой совокупность способностей к отслеживанию своих и чужих чувств и эмоций, их пониманию и использованию данных знаний для более эффективного мышления и принятия оптимальных решений. К наиболее разработанным концепциям эмоционального интеллекта относятся: теория эмоционально-интеллектуальных способностей Дж. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо, теория эмоциональной компетентности Д. Гоулмена, некогнитивная теория эмоционального интеллекта Р. Бар-Она, двухкомпонентная теория эмоционального интеллекта [4].

С целью выявления особенностей эмоционального интеллекта у детей-сирот, воспитывающихся в приемных семьях, нами было проведено исследование. В исследовании приняли участие 70 подростков в возрасте от 13 до 16 лет. В первую группу были включены 35 подростков, воспитывающихся в приемных семьях, возраст испытуемых – от 13 до 16 лет, срок пребывания в приемной семье от 3 до 7 лет. Вторую группу составили 35 подростков, воспитывающихся в кровных семьях, возраст испытуемых от 13 до 16 лет, семьи характеризуются в учреждении образования как благополучные. В исследовании применялась стандартизированная психодиагностическая методика диагностики эмоционального интеллекта (МЭИ) М. А. Манойловой.

В соответствии с полученными данными, в группе подростков, воспитывающихся в приемных семьях, наиболее развитым компонентом эмоционального интеллекта является осознание своих чувств и эмоций, находящееся на границе низкого и среднего уровня выраженности (4,03). Данная тенденция свидетельствует о том, что для подростков, воспитывающихся в приемных семьях, характерны: недостаточно выраженная потребность в самопознании и самонаблюдении, сниженная оценка собственных способностей, неадекватное представление о восприятии себя другими людьми. У них недостаточно развиты рефлексия, способность к пониманию чувств, мыслей, мотивов поведения и точки зрения других людей. Подростки, воспитывающиеся в приемных семьях, в недостаточной степени опираются на интуицию в общении и деятельности, демонстрируют пассивность и ригидность коммуникации.

Низкая способность к осознанию чувств и эмоций других людей у подростков из приемных семей (3,89) проявляется недостаточным развитием ориентации на другого человека, несформированностью механизма идентификации. Они не способны к сопереживанию, проявлению межличностной симпатии, одобрительного эмоционального отношения к партнерам по взаимодействию, не склонны проявлять приветливость, открытость, оказывать помощь другим людям.

Низкая способность к управлению чувствами и эмоциями других людей в группе подростков, воспитывающихся в приемных семьях (3,74), говорит об их неспособности оптимизировать состояние партнера по общению, проникать во внутренний мир другого человека за счет ощущения сопричастности к его переживаниям. Им присущи необъективность, неуверенность в своих силах, дефицит психологической гибкости при выстраивании отношений, неспособность предвидеть развитие событий и результаты собственной деятельности.

Низкий уровень способности управлять своими чувствами и эмоциями у подростков, воспитывающихся в приемных семьях (3,71) проявляется импульсивностью, неспособностью контролировать свое психоэмоциональное состояние, недостаточным пониманием собственных эмоциональных состояний и чувств других людей. Они обладают низкой

наблюдательностью в общении, проявляют нетерпимость к ценностям, взглядам, позициям и образу жизни других людей.

Группа подростков, воспитывающихся в кровных семьях, характеризуется средним уровнем выраженности по следующим шкалам: осознания своих чувств и эмоций (5,29); способности к управлению своими чувствами и эмоциями (5,11); способности к осознанию чувств и эмоций других людей (4,94); управления чувствами и эмоциями других людей (4,91).

Для подростков, воспитывающихся в приемных семьях, характерен низкий уровень внутриличностного (3,87) и межличностного (3,81) аспектов эмоционального интеллекта, в то время как у подростков из кровных семей данные показатели находятся в пределах среднего уровня выраженности (5,2 и 4,93, соответственно). Подростки, воспитывающихся в приемных семьях, обладают низким уровнем эмоционального интеллекта (4), у подростков из кровных семей показатель соответствует среднему уровню (5,23).

Таким образом, в ходе диагностики эмоционального интеллекта мы установили, что у подростков, воспитывающихся в приемных семьях, средние значения по всем показателям эмоционального интеллекта ниже, чем у подростков из кровных семей. Это позволяет нам заключить, что подростки из приемных семей отличаются менее развитым эмоциональным интеллектом, сниженным благополучием в эмоциональной сфере. В связи с тем, что в качестве гипотезы исследования было выдвинуто предположение о существовании различий в показателях эмоционального интеллекта у детей-сирот, воспитывающихся в приемных семьях (т.е. имеющих в анамнезе социальную и материнскую депривацию) и у детей, воспитывающихся в кровной благополучной семье, нами проводилась статистическая обработка полученных данных. Наиболее выраженные различия ($p < 0,001$) установлены по интегральному показателю эмоционального интеллекта ($t=5,06$), индексу внутриличностного аспекта эмоционального интеллекта ($t=4,62$). Высокий уровень статистических различий ($p < 0,01$) также выявлен по индексу межличностного аспекта эмоционального интеллекта ($t=3,36$), шкалам осознания своих чувств и эмоций ($t=2,94$), управления своими чувствами и эмоциями ($t=3,11$), управления чувствами и эмоциями других людей ($t=2,68$). Существуют статистически значимые различия на уровне $p < 0,05$ по шкале осознания чувств и эмоций других людей ($t=2,29$).

Данные особенности обусловлены спецификой социальной ситуации развития детей-сирот, материнской депривацией, дефицитом позитивного социального опыта и степенью эмоционально насыщенных социальных отношений.

Исходя из результатов проведенного исследования, могут быть предложены следующие направления работы по развитию эмоционального интеллекта у детей, воспитывающихся в приемных семьях:

- организация социально-психологической работы по развитию у подростков самосознания, способностей к самоанализу, формирование навыков рефлексии;
- стимулирование процесса личностного развития, реализация творческого личностного потенциала, достижение оптимального уровня жизнедеятельности, способствование процессу самовыражения и развития способностей каждого подростка, повышение уверенности в себе; поощрение стремлений к саморазвитию и самоактуализации;
- организация систематической социально-психологической помощи приемным семьям, предполагающая систематический мониторинг, содействие в разрешении семейных затруднений, преодоление семейных конфликтов, стабилизацию позитивного эмоционального фона семьи;
- развитие коммуникативных навыков, эмпатии, толерантности, способности к принятию других, повышение конфликтологической компетентности;
- коррекция неконструктивных когнитивно-аффективных поведенческих паттернов и стратегий, посредством обогащения позитивного социального опыта, обучения техникам эффективного общения, оказания помощи в установлении и поддержании позитивных межличностных коммуникаций посредством организации тренинга коммуникативных навыков;
- повышение уровня эмоциональной устойчивости, самооценки и уверенности в себе, гармонизация психоэмоционального состояния, содействие в разрешении личностных проблем,

проработка, принятие и отреагирование негативного опыта, формирование устойчивого фона настроения, обучение техникам позитивного мышления;

- коррекция импульсивности, преодоление предвзятости по отношению к окружающим, обучение методам коррекции своего психоэмоционального состояния (аутогенная тренировка, релаксация мышц по Джекобсону, аутосуггестия, дыхательные и медитативные техники, когнитивная проработка и др.);

- формирование социальной ориентации, установки на сотрудничество и конструктивное взаимодействие, повышение субъективной значимости гуманистических ценностей, развитие альтруизма, поощрение просоциального поведения;

- развитие аналитических способностей, прогностического мышления, интернального локуса контроля, обучение технологиям планирования.

Для реализации поставленных задач целесообразно сочетать различные формы и методы социально-психологической, психологической и педагогической работы, наиболее эффективными из которых являются: групповые тренинги, ведение дневников самонаблюдения; индивидуальная коррекционная работа; введение санкций и предпочтений за конструктивное и неконструктивное поведение.

Список использованных источников

1 Ослон, В. Н. Жизнеустройство детей-сирот. Профессионально замещающая семья / В. Н. Ослон. – М. : Генезис, 2006. – 368 с.

2 Красовская, Н. Н. Деинституализация как условие формирования социальной адаптации детей-сирот / Н. Н. Красовская // Сацьяльна-педагогічна работа. – 2012. – № 6. – С. 8–11.

3 Тратинко, Т. В. Социальная работа с несовершеннолетними группы риска : пособие / Т. В. Тратинко, Н. Н. Красовская. – Минск: Институт бизнеса БГУ, 2018. – 263 с.

4 Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И. Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78–86.

Д. Д. Боровикова

Научный руководитель: **Т. И. Ачинович**, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ В СЕМЬЯХ ДО РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА И С МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ

В данной работе освещается проблема удовлетворенности браком в семьях до рождения ребенка и с маленькими детьми. В публикации проанализированы психологические и социальные факторы, которые влияют на удовлетворенность браком на данных этапах жизненного цикла семьи. Информация статьи может быть использована психологами при проведении диагностических и коррекционных работ с супружеской парой в стадии конфликта, нормативных кризисов и развода.

Ключевые слова: факторы удовлетворенности браком; жизненный цикл семьи; устойчивость брака.

Семья – маленькая ячейка общества, которая имеет огромное значение в жизни каждого человека, ведь характер взаимоотношений в семье влияет не только на физическое и психологическое благополучие пар, но и на развития их детей. По данным статистического ежегодника Республики Беларусь, в 2019 году в нашей стране было зарегистрировано 62,7 тысячи браков, количество разводов составило 34,5 тысячи. Это свидетельствует о том, что больше половины браков в нашей стране распадается. Росту числа разводов способствует, прежде всего, неудовлетворенность браком у супругов, приводящая к постоянным конфликтным ситуациям.

Поэтому проблема сохранения и укрепления института семьи является одной из самых важных и актуальных в современном мире [1].

Изучая подходы различных авторов к определению понятия «удовлетворенность браком» (В. А. Сысенко, В. В. Бойко, А. В. Шавлов, Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) было обнаружено, что в психологической науке не выстроено единого подхода к его определению. Многие определяют удовлетворенность браком как субъективную оценку каждым из супругов характера их взаимоотношений, т.е. эмоционально-оценочным отношением супругов к семье. Но наиболее полное определение удовлетворенности браком дает С. И. Голод: «Удовлетворенность браком, очевидно, складывается как результат адекватной реализации представления (образа) о семье, сложившегося в сознании человека под влиянием встреч с различными событиями, составляющими его опыт (действительный или символический) в данной сфере деятельности» [2]. Е. В. Столярская и О. Г. Жук выделили ряд факторов, влияющих на удовлетворенность браком. В частности, существует связь между стадией жизненного цикла семьи и степенью удовлетворенности браком: минимальная удовлетворенность браком наблюдается в семьях с детьми младенческого возраста, максимальная – до рождения детей. Удовлетворенность браком снижается в переходные периоды жизненного цикла семьи и в семьях с маленькими детьми. Динамика изменения степени субъективной удовлетворенности браком может быть отображена с помощью 11-образной кривой – в начале, в течение первых двух десятилетий существования семьи, удовлетворенность браком постепенно понижается, достигая своего минимального значения в парах со стажем семейной жизни от 12 до 18 лет, а затем возрастает, но уже более резко. Так же существует взаимосвязь уровня самоактуализации личности супругов и удовлетворенности браком на разных этапах жизненного цикла семьи [3].

Для определенной стадии жизненного цикла факторы, влияющие на удовлетворенность брака, будут разные. Так, например, на стадии «семья без детей» будут важны такие факторы, как: наличие собственного жилья, хорошие взаимоотношения с родственниками, теплые отношения супругов друг к другу, сексуальная удовлетворенность, общие взгляды и ценности. Для этапа «семья с маленькими детьми» будут важны, следующие факторы: расширение жилья, справедливое распределение семейных обязанностей и ролей, общие взгляды и ценности (в частности на воспитание), достаточный уровень материального дохода семьи, проведение совместного времени, досуга, возможность строить карьеру, повышать социальный статус, возможность самореализации [4].

Цель данной работы – выявить особенности удовлетворенности браком в семьях до рождения ребенка и с маленькими детьми (до подросткового возраста). В проведенном исследовании была выдвинута гипотеза о том, что степень удовлетворенности браком в семьях до рождения ребенка выше, чем в семьях с маленькими детьми. Выборку составила группа из 10 пар (20 человек), которые состоят в браке от 1 до 4 лет и не имеют детей, а также группа из 10 пар (20 человек), которые состоят в браке от 1 до 9 лет и имеют в среднем 1–2 ребенка (до подросткового возраста). Средний возраст детей составил 4,5 года. Для изучения степени удовлетворенности браком был использован тест-опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко [5]. Данная методика позволяет выявить оценку супругами взаимоотношений в семье. Для статистической обработки полученных эмпирических данных был использован U-критерий Манна-Уитни.

В первой группе, семьи до рождения ребенка, практически полная удовлетворенность браком характерна для 11 (55 %) человек, которые не имеют детей, что может значить о возможности удовлетворения потребностей супругов на данном этапе жизненного цикла семьи. Значительная неудовлетворенность браком фиксируется лишь у 1 (5 %) испытуемого данной группы. Это может быть следствием резкого расхождения между реально жизнью семьи и ожиданиями индивида, а также результат чрезмерно завышенных ожиданий в отношении брака и партнера. При этом, следует отметить, что у 3 (30 %) пар отмечаются различия в степени удовлетворенности браком, это может свидетельствовать о том, что муж и жена по-разному могут

оценивать уровень удовлетворенности браком. У всех остальных пар (80 %) наблюдается одинаковый уровень удовлетворенности браком.

Во второй группе, семьи с маленькими детьми (до подросткового возраста), 11 (55 %) опрошенных, которые имеют маленьких детей (до подросткового возраста) практически полную удовлетворены браком. Полная неудовлетворенность браком присуща 1 паре (10 %). Это может говорить о том, что неудовлетворенность браком не приводит к его нестабильности. Для традиционных семей вполне типичен стабильный брак при полной неудовлетворенности супругов своими отношениями. Следует также отметить, что различия в степени удовлетворенности браком наблюдаются у 2 пар (20 %), у всех остальных пар (90 %) данной группы отслеживается одинаковый уровень удовлетворенности.

В результате проведенного исследования выдвинутая гипотеза не нашла свое подтверждение. Расчёт U-критерия Манна-Уитни не выявил статистически значимых различий в показателях удовлетворенности браком в семьях до рождения ребенка и с маленькими детьми (до подросткового возраста). На основании этого можно говорить, что различий в уровне удовлетворенности браком в семьях до рождения ребенка и семьи с маленьким ребенком не были найдены в данном исследовании. Наша гипотеза опровергнута.

Таким образом рост количества разводов в нашей стране и одновременно сокращение заключаемых браков свидетельствует о неблагополучии института семьи. Настоящее исследование показало, что требуется дальнейшее изучение удовлетворенности браком супругами в зависимости от различных факторов, влияющих на удовлетворенность браком и способствующие укреплению семейных отношений.

Список использованных источников

1 Беларусь в цифрах. Статистический справочник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол. : И. В. Медведева [и др.]. – Мн., 2020.

2 Шнейдер, Л. Б. Семья: оглядываясь вперед / Л. Б. Шнейдер. – СПб. : Питер, 2013. – 368 с.

3 Столярская, Е. В. Взаимосвязь удовлетворенности браком и уровня самоактуализации личности супругов на разных этапах жизненного цикла семьи / Е. В. Столярская, О. Г. Жук // Психологический журнал : ежеквартальное научно-практическое издание / учр. : Республиканский центр проблем человека. – 2010. – № 1(25). – С. 41–46.

4 Левченко, М. А. Факторы удовлетворенности браком на разных этапах жизненного цикла семьи / М. А. Левченко // Бюллетень науки и практики. – 2017. – № 9. – С. 243 – 279.

5 Олифирова, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифирова, Т. А. Зинкевич-Куземкин, Т. Ф. Валента. – Речь : СПб., 2007 – 360 с.

В. А. Григорьева

Научный руководитель: **О. В. Удова**, канд. психол. наук, доцент

Педагогический институт, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия

ВОСПИТАНИЕ КАЧЕСТВ СЕМЬЯНИНА У ДЕТЕЙ 5–6 ЛЕТ В КОММУНИКАТИВНОЙ И ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрывается проблема воспитания качеств семьянина у детей 5–6 лет в коммуникативной и игровой деятельности. Автором рассмотрены подходы к определению понятия «семьянин» и качеств, его характеризующим. Представлены особенности проявления качеств семьянина у детей 5–6 лет. Выделены условия воспитания качеств семьянина у детей 5–6 лет в коммуникативной и игровой деятельности.

Ключевые слова: дети, воспитание, семьянин, качества семьянина, коммуникативная деятельность, игровая деятельность.

Важнейшая социальная функция современной семьи – воспитание будущего семьянина, то есть подготовка подрастающего поколения к семейной жизни. Семья является основным источником опыта семейной жизни, который исследуется изнутри, видится глазами участника всех событий, происходящих в семье. Семья занимает центральное место среди микросоциальных факторов, влияющих на формирование жизненных планов.

Проанализировав литературу по вопросу воспитания качеств семьянина у детей 5-6 лет в коммуникативной и игровой деятельности, мы выделили основное понятие «семьянин». Данное понятие рассматривается Е. И. Зритневой, как существующий в общественном сознании образ человека, который характеризуется высокой степенью ответственности за семью и ее членов, развитыми способностями и умениями, необходимыми в семейной жизни, гибкостью в семейном общении. Будучи культурно-детерминированным, идеал семьянина базируется на основополагающих семейных ценностях конкретной культуры и отражает представления личности о самореализации в семье, в соответствии с личностной системой потребностей и ценностных ориентаций. И. П. Подласый выделяет конкретные качества семьянина такие как: трудолюбие, ответственность, тактичность, вежливость, культура общения, умение держать себя в обществе, опрятность, чистоплотность, гигиенические навыки, здоровье, привычка к активному образу жизни, умение организовывать и проводить досуг, разносторонняя образованность, знание правовых норм, законов, знание практической психологии, этики, умение воспитывать детей, психосексуальная подготовленность, готовность вступить в брак и выполнять семейные обязанности, уважение к своим родителям, престарелым людям. Мы уделили внимание воспитанию таких качеств семьянина, как трудолюбие, вежливость, умение держать себя в обществе, опрятность, привычка к активному образу жизни, уважение к своим родителям, престарелым людям, так как возраст детей, участвующих в нашем исследовании – 5–6 лет.

Для выявления особенностей проявления обозначенных качеств семьянина был подобран диагностический инструментарий с учетом следующих критериев: эмоциональный критерий проявляется детьми 5–6 лет в отношении к себе как к сыну/дочери; будущему отцу/матери; будущему мужу/жене; когнитивный критерий проявляется в представлении детьми 5–6 лет о семейных ролях, функциях каждого члена семьи; поведенческий критерий проявляется в способности детей 5–6 лет соответствовать роли сына/дочери, а также примерять на себя роли отца/матери; мужа/жены (таблица 1).

Таблица 1 – Диагностический инструментарий проявления детьми 5–6 лет качеств семьянина

Критерии	Методы	Название методики
Эмоциональный	Опрос, беседа	1. «Методика идентификации детей с родителями» (А. И. Захаров)
Когнитивный	Наблюдение, беседа	2. «Семья в будущем» (Г. Я. Кудрина)
Поведенческий	Наблюдение	3. Педагогическое наблюдение за игрой в семью

Обобщив результаты методик, мы определили общий уровень проявления детьми 5–6 лет качеств семьянина (рисунок 1).

Результаты показали, что 50% обладают низким уровнем проявления качеств семьянина. Низкий уровень характеризуется тем, что дети, не способны примерять на себя роли отца/матери, сына/дочери, мужа/жены. У них отсутствуют представления о семейных ролях, функциях каждого члена семьи. Отношение к себе как к сыну/дочери негативное (предпочитают быть другими членами семьи или домашними животными); не представляют себя будущими отцами/матерями, мужьями/женами. 25 % детей способны примерять на себя и в неполной степени раскрыть роли отца/матери, сына/дочери, мужа/жены. Имеют неполные представления о семейных ролях, функциях каждого члена семьи. У этих детей амбивалентное, но чаще отрицательное отношение к своей роли (сына/дочери) в семье. Свою будущую семью они не представляют. Полагают, что

будут также детьми в созданных ими семьях, а, следовательно, роль будущего семьянина не представляют. И лишь 25% детей в полной степени демонстрируют качества семьянина. Они ответственны, самостоятельны, заботятся о близких. Способны примерить на себя и раскрыть в полной степени роли отца/матери, мужа/жены. Имеют представления почти обо всех семейных ролях (называют не менее 6-ти ролей), функциях каждого члена семьи. Позитивно относятся к себе как к сыну/дочери, говорят о взаимоотношениях в семье. Воспринимают себя в будущем в качестве отца/матери; мужа/жены.

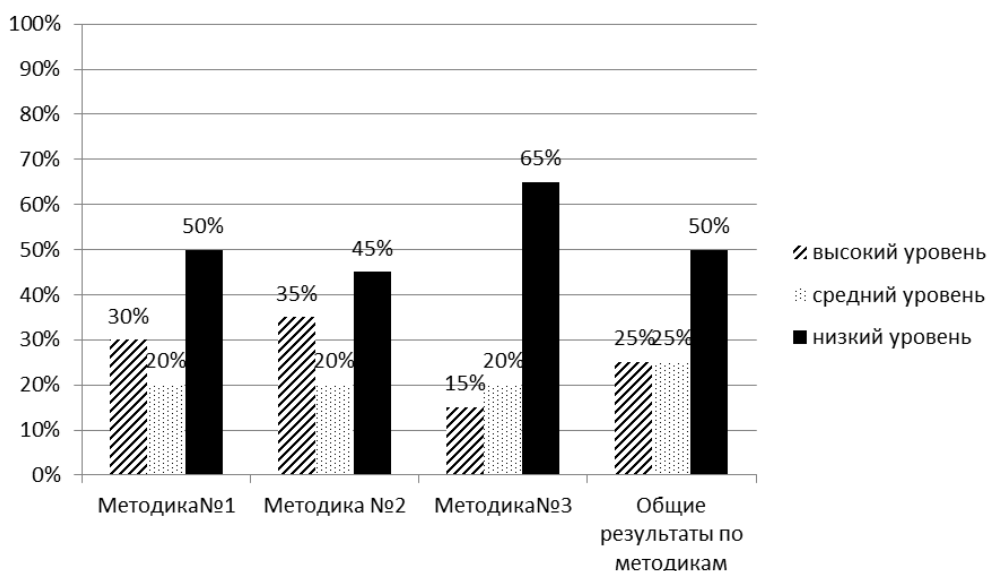

Рисунок 1 – Уровень проявления детьми 5–6 лет качеств семьянина

В результате проведенной диагностической процедуры мы определили особенности проявления качеств семьянина у детей 5–6 лет, выявили трудности в формировании данной области представлений и разработали тактическое планирование с учетом культурных практик, заявленных в теме исследования.

Мероприятия формирующего этапа исследования направлены на воспитание качеств семьянина у детей 5-6 лет в коммуникативной и игровой деятельности. Деятельность строилась с учетом возрастных особенностей детей, их интересов и желаний. В основе – темы недели детского сада, в котором проводилось исследование. Учитывая приоритет семейного воспитания, особенно в решении задач исследования, активно привлекали к нашей работе родителей воспитанников.

Приведем примеры фрагментов тактического планирования (таблицы 2 и 3) мероприятий по формированию качеств семьянина с детьми старшей группы.

Таблица 2 – Тактическое планирование по воспитанию качеств семьянина у детей 5-6 лет в коммуникативной деятельности

Тема деятельности	Культурно-смысловой контекст и форма организации	Тип работы
Мамин праздник. Семья	Коммуникативная: чтение и разучивание стихотворений для конкурса чтецов «Минута славы». Тематика – стихи о маме и бабушке	Работа по словесному образцу

Планируя работу с детьми, мы обращались к материалам, представленным в пособии Л. В. Карцева «Семьеведение», а также Е. К. Ривиной «Знакомим дошкольников с семьей и родословной».

Таблица 3 – Тактическое планирование по воспитанию качеств семьянина у детей 5–6 лет в игровой деятельности

Тема деятельности	Культурно-смысловой контекст и форма организации	Тип работы
Мамин праздник. Семья	Игровая: сюжетно-ролевая игра «Поможем маме помыть детскую посуду»	Проведение сюжетно-ролевой игры, в которой дети проигрывают ситуации на основе словесных описаний целей и условий деятельности

В результате внедрения данного планирования в образовательный процесс детского сада, мы стремились добиться повышения уровня проявления качеств семьянина детьми 5–6 лет, сформировать такие личностные качества, как: вежливость, умение держать себя в обществе, опрятность, уважение к своим родителям и др.

Таким образом, проделанная нами работа, позволила выявить особенности проявления качеств семьянина детьми 5–6 лет. Мы определили, что рассматриваемый вопрос является проблемой, так как 50% детей имеют низкий уровень проявления данных качеств. Мы получили подтверждение, что процессу воспитания качеств семьянина у детей дошкольного возраста не уделяется достаточно внимания в дошкольном учреждении и спланировали работу, которая будет направлена на повышение уровня проявления качеств семьянина у детей 5–6 лет.

Список используемых источников

- 1 Зритнева, Е. И. Воспитание будущего семьянина в современной России: автореф. дис. канд. пед. наук / Е. И. Зритнева. – Ставрополь, 2006. – 47 с.
- 3 Подласый, И. П. Педагогика [Текст] / И. П. Подласый. – М.: ГИЦ Владос, 2002. – 463 с.

Н. А. Ефремова

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОВТОРНОМ БРАКЕ

Статья посвящена изучению психологических особенностей семейных отношений в повторном браке. Обнаружена большая степень удовлетворенности повторным браком, чем первым.

Ключевые слова: семейные отношения, брак, повторный брак, семейные отношения в повторном браке.

Семья, образующаяся в повторном браке, имеет свои особенности. Семейные отношения могут осложниться рядом глубоких и устойчивых противоречий: между прежними установками и необходимостью выбрать новые; между опытом прежней жизни и новыми семейными отношениями; между привычками, которые привносит в семью каждый из супругов, и необходимостью примириться с ними, либо избавиться от них. Противоречие может также возникнуть между супружеской и родительской любовью, если в предыдущем браке есть ребенок. [1].

Выборку исследования составили 40 испытуемых, из них 20 человек состоят в браке впервые и 20 человек состоят в повторном браке. Возраст опрашиваемых находится в пределах от 28 до 46 лет.

Результаты данных по методике «Опросник удовлетворенности браком» В. В Столина представлены на рисунке 1.

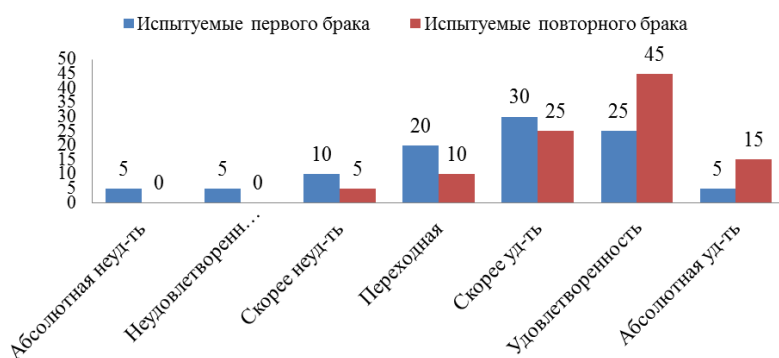

Рисунок 1 – Степень удовлетворенности браком у двух групп испытуемых (%)

Из данных, представленных на рисунке 1, видно, что наибольший удельный вес испытуемых, состоящих в браке впервые, испытывает скорее удовлетворенность браком (30%). Удовлетворены браком 25% опрошенных, при этом, у 20% испытуемых выявлена неудовлетворительная характеристика брака.

У 45% испытуемых, состоящих в повторном браке, выявлена удовлетворенность своим союзом, что составляет наибольший удельный вес. Скорее удовлетворены браком 25% респондентов, 15% опрошенных испытывают абсолютную удовлетворенность браком.

Статистическая обработка данных удовлетворенности браком по методике «Опросник удовлетворенности браком» в двух группах испытуемых показала, что существуют значимые различия удовлетворенности браком у испытуемых, состоящих в браке впервые, и испытуемых, состоящих в повторном браке ($p \leq 0,01$).

Таким образом, в результате анализа эмпирических данных было обнаружено, что испытуемые, находящиеся в повторном браке, по сравнению с испытуемыми (где $U_{кр} = 2,71$ при $U_{эм} = 2,84$; $p \leq 0,01$, $U_{кр} = 2,02$ при $p \leq 0,05$), состоящими в браке впервые, в большей степени удовлетворены своим союзом.

Результаты данных по шкале «понимание» опросника А. Н. Волковой «Понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность» представлены на рисунке 3.

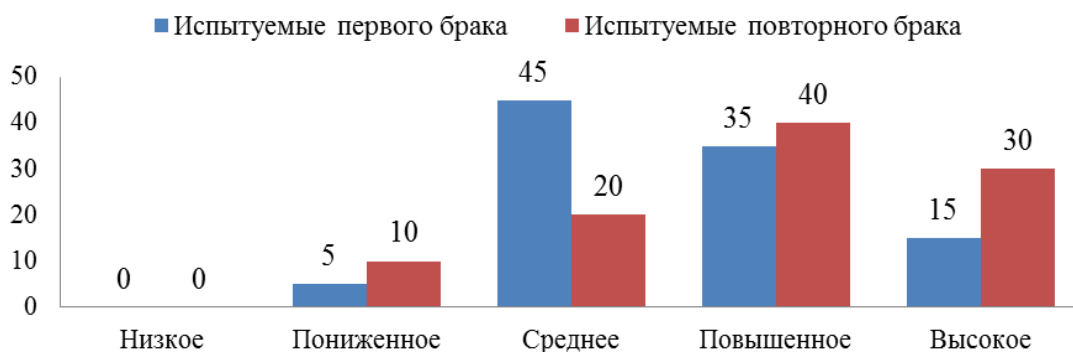

Рисунок 3 – Показатели шкалы «понимание» в браке у двух групп испытуемых в (%)

Из данных, представленных на рисунке 3, видно, что у супругов, состоящих в повторном браке, более выражено понимание партнера (70%), чем у супругов, находящихся в браке впервые (50%). Это говорит о преобладании у супругов в повторном браке ясной картины личности партнера, умения правильно интерпретировать его поведение.

Результаты данных по шкале «эмоциональное притяжение» представлены на рисунке 4.

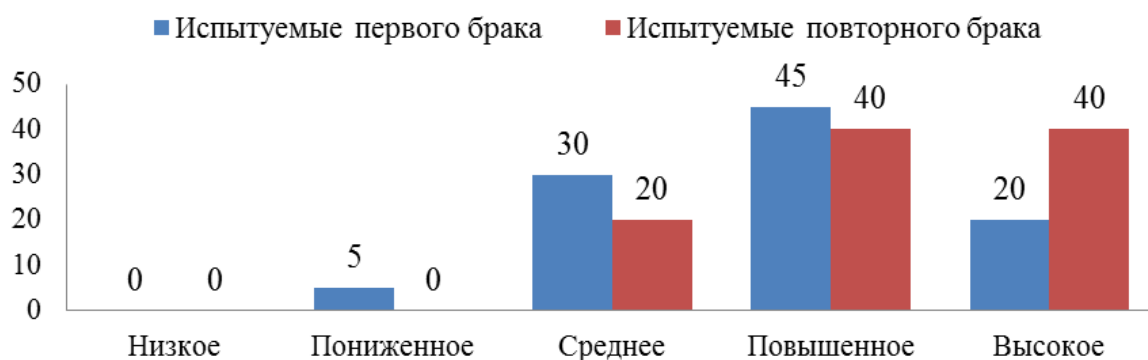

Рисунок 4 – Показатели шкалы «эмоциональное притяжение» в браке у двух групп испытуемых (%)

Из данных, представленных на рисунке 4, видно, что у супругов, состоящих в повторном браке, более выражено эмоциональное притяжение к партнеру (80%), чем у супругов, находящихся в браке впервые (65%). Это говорит о том, что супруги в повторном браке высоко оценивают привлекательность партнера, имеют желание общаться с ним.

Результаты данных по шкале «авторитетность» представлены на рисунке 5.

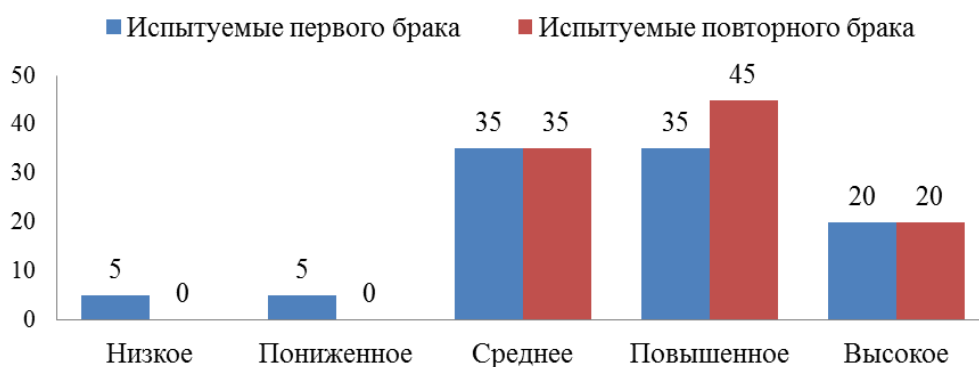

Рисунок 5 – Показатели по шкале «авторитетность» в браке

Из данных, представленных на рисунке 5, видно, что у супругов, состоящих в повторном браке (65%), и у супругов, находящихся в браке впервые (55%) показатель авторитетности супруга находится на высоком уровне. На основании данных статистической обработки по t-критерию Стьюдента, где $U_{кр} = 2,71$ при $p \leq 0,01$, $U_{кр} = 2,02$ при $p \leq 0,05$ установлено, что существуют значимые различия в понимании ($p \leq 0,01$) и эмоциональном притяжении ($p \leq 0,01$) супругов, состоящих в браке впервые, и супругов, состоящих в повторном браке.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования можно сделать вывод, что испытуемые, находящиеся в повторном браке, по сравнению с испытуемыми, состоящими в браке впервые, в большей степени удовлетворены своим союзом. У испытуемых, находящихся в повторном браке, по сравнению с испытуемыми, состоящими в браке впервые, выявлена ясная картина личности партнера, субъективное ощущение знания его личных особенностей. В данных семейных парах отсутствуют затруднения в интерпретации поведения, мыслей, чувств и намерений партнера, умении легко их учитывать при общении с партнером. Респонденты, находящиеся в повторном браке, испытывают повышенное желание общаться с партнером по браку, высоко оценивают его привлекательность. По опроснику удовлетворенности браком, отмечаем, что супруги считают свой повторный брак благополучным и удовлетворены им.

По методике ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность) отмечаем, что в повторном браке отсутствуют затруднения в интерпретации поведения, мыслей, чувств и

намерений партнера. Преобладает ясная картина личности партнера, субъективное ощущение знания его личных особенностей. У испытуемых выявлено повышенное желание общаться с партнером по браку, они высоко оценивают привлекательность партнера. Имеют уважение к своему партнеру, принимают партнера как личность, разделяют его мировоззрение, интересы, мнения и принимают их как эталон.

Таким образом, можно говорить о благополучных показателях оценки повторного брака у супругов, о понимании, эмоциональном притяжении, уважении партнеров в повторном браке. Это связано с тем, что такие браки заключаются людьми, как правило, зрелыми, имеющими опыт брачной семейной жизни, более трезво оценивающими людей, их поступки, лиц противоположного пола, ориентирующимися на вечные общечеловеческие ценности. Выбор супруга осуществляется здраво, тщательно, с учетом совместимости интересов и потребностей.

Список использованных источников

1 Олифиревич, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифиревич, Т. Ф. Велента, Т. А. Зинкевич-Куземкина. – СПб. : Речь, 2016. – 360 с.

Н. С. Златова

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ К РОДИТЕЛЯМ В НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ

Статья посвящена изучению психологических особенностей отношения подростков к родителям в неполных семьях. Приведены результаты сравнительного анализа особенностей отношения к родителям подростков из полных и неполных семей.

Ключевые слова: подростковый возраст, неполная семья, детско-родительские отношения.

Актуальность проблемы исследования обусловлена тенденцией роста неполных семей в структуре современного белорусского общества. Как отмечает П. М. Фридман, современная семья претерпела серьезные изменения: уменьшился ее размер и количество детей, не столь велики стали роли старшего брата и сестры, не безоговорочно влияние старшего поколения. Резко возросло количество разводов. Республика Беларусь по данным международной статистики занимает одно из лидирующих мест в рейтинге разводов [1].

Воспитание детей в неполной семье обладает рядом особенностей. Вследствие отсутствия одного из родителей, оставшемуся приходится брать на себя решение всех материальных и бытовых проблем семьи. При этом ему необходимо также восполнять возникший дефицит воспитательного влияния на детей [2]. Совмещения всех этих задач весьма затруднительно. Поэтому большинство неполных семей испытывают материально-бытовые трудности и сталкиваются с педагогическими проблемами. В неполной семье для будущих супругов отсутствует главное – пример брачных отношений. Поэтому отсутствует для детей – будущих супругов и родителей – определенная возможность формирования культуры чувств, отношений, характерных для взаимоотношений мужа и жены [3].

Выборку исследования составили 40 испытуемых в возрасте 12–14 лет, из них 20 подростков из полных семей и 20 подростков из неполных разведенных материнских семей. Исследование проводилось на базе ГУО «Головинская средняя школа» Гомельского района.

Результаты данных методики «Поведение родителей и отношение подростков к ним», представленные на рисунке 1, свидетельствуют о том, что по шкале позитивного интереса у подростков из полных семей средний показатель, что свидетельствует о позитивном интересе в отношениях родителей и ребенка, отсутствии грубой силы. Доминируют теплые дружеские отношения. У подростков из неполных семей показатель выше среднего, что свидетельствует о том, что, по мнению подростков, родители стремятся достигнуть расположения ребенка и почитания их авторитета, прибегая к догмам и учениям. В таких отношениях могут присутствовать резкие перепады от вседозволенности до суровых наказаний.

По шкале директивности выявлено, что подростки из полных семей считают, что родители направляют их на путь истинный, заставляя подчиняться нормам и правилам поведения, принятым в обществе и определенной культуре, вкладывая в их душу заповеди морали. По мнению подростков из неполных семей, их родители не проявляют тенденцию к лидерству, путем завоевания авторитета, основанного на фактических достижениях и доминантном стиле общения. Здесь отсутствует тенденция к применению своей власти, контроль со стороны родителей ослаблен. Можно говорить о низкой власти в управлении и коррекции поведения ребенка.

По шкале враждебности выявлено, подростки из полных и неполных семей считают, что родители соглашаются с общепринятым мнением, придерживаются конвенций, стремятся удовлетворить требования других быть «хорошим» родителем и поддерживать положительные отношения. В то же время по отношению к ребенку родители в меру строги и педантичны.

По шкале автономности у подростков из полных семей выявлено мнение о родителях как о лидерах, но достигаемых, доступных для взаимодействия с ними. Они участвуют в решении проблем семьи и в удовлетворении потребностей членов семьи. Подростков из неполных семей воспринимают родителей как отгороженных от проблем семьи, существующими параллельно с остальными членами семьи. Отношение с ребенком проявляется в формальном отношении к воспитанию, в излишней беспристрастности в процессе общения.

По шкале непоследовательности у подростков из полных семей показатели находятся на среднем уровне. Это значит, что, по мнению подростков из полных семей, их родители последовательны и деликатны в применяемых воспитательных мерах. У подростков из неполных семей измеряемое качество выше среднего, то есть родители представляются как непредсказуемые, в их поведении могут проявляться противоречащие друг другу психологические тенденции.

По показателям фактора близости можно сделать вывод, что, по мнению подростков из полных и неполных семей, родители проявляют теплые чувства и принимают своего ребенка. По показателям фактора критики – родители из полных семей заинтересованы жизнью ребенка и контролируют процесс его воспитания. Подростки из неполных семей считают, что у родителей отсутствует высокая заинтересованность в жизни ребенка и контроль за его воспитанием.

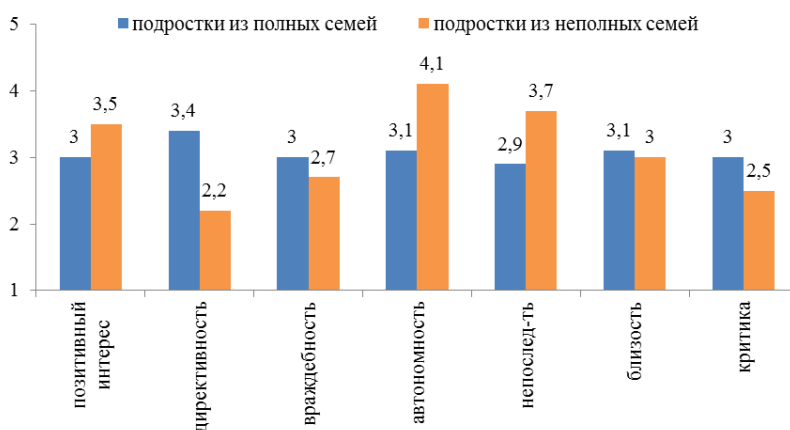

Рисунок 1 – Средние баллы отношения к родителям по шкалам методики «ПОР» у подростков двух групп

На основании данных статистической обработки по t-критерию Стьюдента, где $U_{кр} = 2,71$ при $p \leq 0,01$, $U_{кр} = 2,02$ при $p \leq 0,05$ установлено, что существуют различия в отношении к родителям у подростков из полных и неполных семей по признакам позитивного интереса ($p \leq 0,05$), директивности ($p \leq 0,01$), автономности ($p \leq 0,01$), непоследовательности ($p \leq 0,01$) и критики ($p \leq 0,01$).

Результаты данных методики «Взаимодействие родитель-ребенок» представлены на рисунке 2.

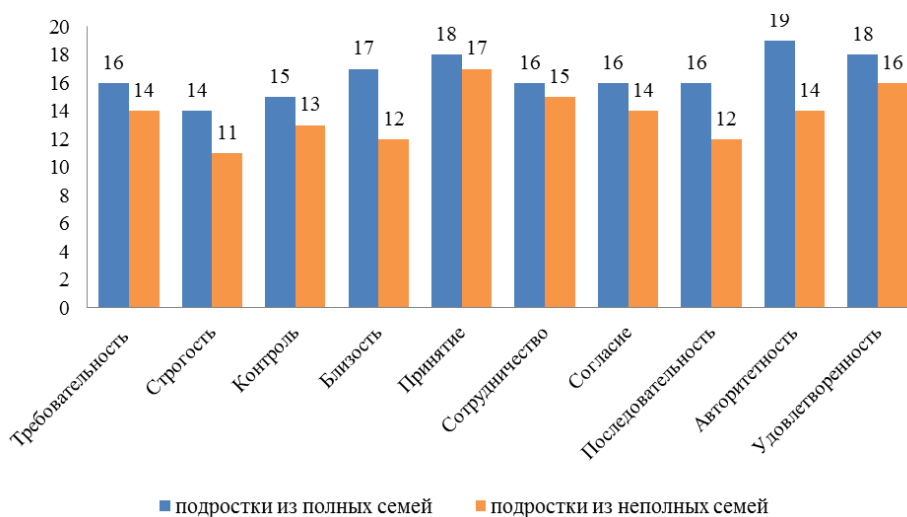

Рисунок 2 – Средние баллы отношения к родителям по шкалам методики «ВРР» у подростков двух групп

Из данных, представленных на рисунке 2, видно, что данные по шкале «нетребовательность-требовательность» свидетельствуют о том, что, по мнению подростков из неполных семей, их родители менее требовательны к своим детям.

По шкале «мягкость-строгость родителей» можно судить о том, что подростки из неполных семей воспринимают родителей менее суровыми и строгими в мерах, применяемых к ребенку, с более мягкими правилами, устанавливаемых во взаимоотношениях с ребенком, в степени принуждения детей к чему-либо, чем у подростков из полных семей.

Результаты шкалы «автономность-контроль по отношению к ребенку» свидетельствуют о том, что, по мнению подростков из неполных семей, у родителей низкий контроль за их поведением. Родители из неполных семей стремятся привить ребенку самостоятельность.

Данные по шкале «эмоциональная дистанция-эмоциональная близость ребенка к родителям» свидетельствуют о том, что подростки из неполных семей считают, что недостаточно близки с родителями, не готовы делиться с ними важными и сокровенными мыслями.

Данные по шкале «отвержение-принятие ребенка родителями» свидетельствуют о том, что поведение родителей оценивается ребенком как принимающее его личностные качества и поведенческие проявления.

По шкале «отсутствие сотрудничества-сотрудничество» у подростков из полных и неполных семей сотрудничество является составляющей частью взаимодействия с родителями. По мнению подростков, у родителей из неполных семей этот признак менее выражен, чем у родителей из полных семей.

Шкала «несогласие-согласие между ребенком и родителями» описывает характер взаимодействия между родителями и ребенком и отражает частоту и степень согласия между ними в различных жизненных ситуациях. По мнению подростков, у родителей из неполных семей этот признак менее выражен, чем у родителей из полных семей.

Данные шкалы «непоследовательность-последовательность родителей» свидетельствуют о том, что родители из неполных семей воспринимаются подростками непоследовательными и не постоянными в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений по отношению к ребенку.

Результаты шкалы «авторитетность родителей» показывают, что для подростков из неполных семей авторитет родителей не является достаточно выраженным.

Шкала «удовлетворенность отношениями ребенка с родителями» показывает, что подростки из полной семьи удовлетворены отношениями с родителями, а подростки из неполной семьи обладают средней степенью удовлетворенности отношений с родителями, что может свидетельствовать о нарушениях в структуре родительско-детских отношений, возможных конфликтах или об обеспокоенности сложившейся семейной ситуацией.

На основании данных статистической обработки по t-критерию Стьюдента, где $U_{кр} = 2,71$ при $p \leq 0,01$, $U_{кр} = 2,02$ при $p \leq 0,05$ установлено, что существуют различия в отношении к родителям у подростков из полных и неполных семей по признакам требовательности ($p \leq 0,01$), строгости ($p \leq 0,01$), контроля ($p \leq 0,01$), эмоциональной близости ($p \leq 0,01$), согласия ($p \leq 0,01$), последовательности ($p \leq 0,01$), авторитетности ($p \leq 0,01$), удовлетворенности отношениями ($p \leq 0,01$).

На основании данных проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы. По мнению подростков из неполных семей, их родители непоследовательны в мерах воспитания, нетребовательны, эмоционально дистанцированы, в отношении преобладает несогласие в различных жизненных ситуациях. Авторитет родителей у подростков не выражен, они обладают средней степенью удовлетворенности детско-родительских отношений.

Подростки из неполных семей считают, что родители в недостаточной мере заинтересованы их жизнью. Родители подростков из неполных семей непоследовательны и не постоянны в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений по отношению к ребенку. У подростков из неполных семей родители представляются, отгороженными от проблем семьи, существующими параллельно с остальными членами семьи. Отношение с ребенком проявляется в формальном отношении к воспитанию, в излишней беспристрастности в процессе общения. Родители представляются как непредсказуемые, в их поведении могут проявляться противоречащие друг другу психологические тенденции. Подростки из неполных семей считают, что недостаточно близки с родителями, не готовы делиться с ними важными и сокровенными мыслями. Родительский авторитет не выражен.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что семья является важнейшим, первичным институтом социализации подрастающего поколения. Значима не среда вообще, а микросреда, то есть те определенные микроотношения, которые складываются у подростка с членами семьи. Нет практически ни одного социального или психологического аспекта поведения подростков, который не зависел бы от их семейных условий в настоящем или прошлом. Особенности взаимодействия ребенка с родителями, степень их отзывчивости, наличие эмоциональных связей оказывают влияние, как на протяжении всего периода детства, так и в дальнейшей жизни, являются своеобразным эталоном построения отношений ребенка с другими людьми.

Список использованных источников

1 Антипова, Е. А. Браки и разводы в Беларуси: анализ демографических тенденций на основе данных официальной статистики / Е. А. Антипова, Л. П. Шахотько. – Минск : В.И.З.А. Групп, 2019. – 80 с.

2 Матейчек, З. Некоторые психологические проблемы воспитания детей в неполной семье / З. Матейчик // Воспитание детей в неполной семье. – 2014. – № 1. – С. 70–98.

3 Викторов, О. И. Неполная семья и воспитание / О. И. Викторов, Я. Г. Николаев. – М. : Академия, 2017. – 209 с.

С. Н. Зубкова

Научный руководитель: **О. А. Андриенко**, канд. пед. наук
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ,
г. Орск, Россия

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В настоящее время все больший интерес приобретает проблема возникновения, развития и закрепления агрессивности в подростковом возрасте, а также взаимосвязь данного феномена с взаимоотношениями подростков с родителями и типом семейного воспитания. В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования влияния особенностей взаимоотношений в семье на агрессивное поведение подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, агрессивное поведение, тревожность, семейные взаимоотношения.

Подростковый возраст представляет собой один из сложнейших периодов в онтогенезе человека. Это связано с тем, что в этот период происходит кардинальная перестройка уже сложившихся психологических структур. В это время характерна активная работа над собой, формирование нравственного сознания, идеалов, развитие самосознания личности [1]. В настоящее время у подростков зачастую встречается повышенная тревожность, жестокость и агрессивность [2]. Это во многом является следствием недостаточно благополучных, эмоционально близких и теплых отношений с родителями. Ведь семья представляет собой первый ориентир в ценностном становлении личности ребёнка, его отношении к окружающей действительности.

Роль семейных взаимоотношений в становлении и развитии ребёнка обусловлена, тем, что это первый специфический образец общественных отношений, с которыми сталкивается ребенок. Именно в семье ребенок проходит первичную социализацию. Основываясь на примере взаимоотношений в семье, он учится взаимодействовать с окружающими, обучается поведению и формам отношений, которые сохраняются у него на протяжении всей жизни. Особенности реакции родителей на неправильное поведение ребенка, особенности взаимоотношений между родителями, уровень гармонии в семье, характер взаимоотношений с братьями и сестрами – это факторы, предопределяющие агрессивное поведение ребенка, как в семье, так и за ее пределами.

По мнению Е. О. Смирновой детско-родительские отношения характеризуются сильной эмоциональной зависимостью, как для ребенка, так и для родителей. При этом отношения изменяются в зависимости от возраста ребенка, именно поэтому детско-родительские отношения всегда следует рассматривать в контексте возраста [3]. При неблагоприятно складывающихся отношениях ребенка с родителями, отсутствии удовлетворения потребности в принятии, может весомо деформироваться развитие личности ребенка. Так, особенности взаимоотношений подростка с родителями сказываются на эмоциональной сфере ребенка, на его конфликтности, что впоследствии выступает как условие формирования доброжелательных взаимоотношений [4]. Особенности эмоциональной сферы подростка в некоторой степени являются продуктом семейных взаимоотношений на предыдущих возрастных этапах [5]. Что будет нести для подростка процесс сепарации от родительской семьи – облегчение, желание освободиться от гнета и опеки, или взаимоуважение, принятие и благодарность, во многом зависит от того, насколько благополучно складывались взаимоотношения на протяжении всей жизни ребенка.

Таким образом, атмосфера напряженности и конфликтности в семье оказывает на подростка отрицательное влияние. Дисгармоничные отношения в семье дают ему образцы агрессивности, непостоянства и враждебности [6]. Неудовлетворение основных потребностей детей быстро проявляется в нарушениях поведения ребенка и в формировании негативных черт личности.

Целью нашего исследования явилось изучение влияния особенностей взаимоотношений в семье на формирование агрессивного поведения подростков. Работа проводилась на базе МОАУ «СОШ №15 г.Орска». В исследовании приняли участие учащиеся 7-го класса, в количестве

21 человек. В исследовании использовались следующие методики: «Анкета для родителей», «Опросник враждебности Басса-Дарки».

В ходе проведения методики «Анкета для родителей» были получены следующие результаты: у 19% учащихся родители придерживаются демократического стиля воспитания. Данный стиль воспитания зачастую считают наиболее правильным. Он подразумевает, что ребенок – это самостоятельная и самобытная личность. В семье с детьми общаются, предъявляют умеренные дисциплинарные требования, оказывают любовь и поддержку, возлагают надежды, но не принуждают насильно к достижению целей; у 42,9 % учащихся родители придерживаются либерального стиля воспитания. Он характеризуется недостатком опеки и контроля над ребенком. В семье спокойные отношения, от ребёнка ничего не требуют, но нет одной важной части воспитания: правил и границ; у 38,1 % учащихся родители придерживаются авторитарного стиля воспитания. У родителей на первом месте стоят не интересы ребенка, а его успешное, процветающее будущее. Опираясь на свой жизненный опыт, родители самостоятельно решают, что ребенку лучше носить, как говорить, что делать, чем заниматься. При этом, желания самого ребенка воспринимаются как нечто неважное, несущественное.

Затем была проведена методика «Опросник враждебности Басса-Дарки». В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты: у 42,9 % учащихся высокий уровень физической агрессии, у 28,6 % средний уровень, у 28,6 % низкий уровень; у 52,4 % учащихся высокий уровень вербальной агрессии, у 33,3 % средний уровень, у 14,3 % низкий уровень; у 14,3 % учащихся высокий уровень косвенной агрессии, у 52,4 % средний уровень, у 33,3 % низкий уровень; у 57,2 % учащихся высокий уровень негативизма, у 23,8 % средний уровень, у 19 % низкий уровень; у 38,1% учащихся высокий уровень раздражения, у 38,1 % средний уровень, у 23,8 % низкий уровень; у 71,4 % учащихся высокий уровень подозрительности, у 14,3 % средний уровень, у 14,3 % низкий уровень; у 14,3 % учащихся высокий уровень обиды, у 42,8 % средний уровень, у 42,8 % низкий уровень; у 47,6 % учащихся высокий уровень чувства вины, у 33,3% средний уровень, у 19 % низкий уровень. Также было выявлено, что у 4,8 % учащихся суммарный индекс агрессии выше нормы, у 42,8 % в пределах нормы, у 52,4 % ниже нормы. А суммарный индекс враждебности у 71,4 % учащихся выше нормы, у 19 % в пределах нормы, у 9,5 % ниже нормы.

При сопоставлении полученных данных было выявлено следующее: у 25 % учащихся, с демократическим стилем воспитания, имеется высокий уровень негативизма, у 50 % высокий уровень подозрительности; у 77,8 % учащихся, с либеральным стилем воспитания, имеется высокий уровень физической агрессии, у 33,3 % высокий уровень вербальной агрессии, у 66,7 % высокий уровень негативизма, у 100 % высокий уровень подозрительности, у 33,3% высокий уровень обиды, у 55,5 % высокий уровень чувства вины, у 55,5 % высокий уровень враждебности; у 25 % учащихся, с авторитарным стилем воспитания, высокий уровень физической агрессии, у 100 % высокий уровень вербальной агрессии, у 37,5% высокий уровень косвенной агрессии, у 62,5 % высокий уровень негативизма, у 100 % высокий уровень раздражения, у 50 % высокий уровень подозрительности, у 62,5 % высокий уровень чувства вины, у 12,5 % суммарный индекс агрессии выше нормы, у 87,5 % высокий уровень враждебности.

Таким образом, наиболее разнообразные формы проявления агрессивного поведения наблюдаются при таких стилях воспитания, как либеральный и авторитарный. При либеральном стиле воспитания преобладает физическая агрессия (77,8 %) и подозрительность (100 %), в то время как при авторитарном стиле воспитания преобладает вербальная агрессия (100 %) и раздражение (100 %). При этом для подростков характерна оппозиционная манера поведения, обычно направленная против авторитета или руководства, а также имеет место выражение негативных чувств, как через форму, так и через содержание словесных ответов. Ярко выражены недоверие и осторожность по отношению к людям, основанные на убеждении, что окружающие намерены причинить вред, и имеет место скрытно-вербальная реакция, которой сопутствуют негативные чувства и негативная оценка людей и событий.

При демократическом стиле воспитания преобладают такие особенности агрессивного поведения, которые наиболее характерны для переходного возраста, такие как негативизм и подозрительность, из чего можно сделать вывод о том, что этот стиль воспитания является наиболее оптимальным.

Список использованных источников

- 1 Байкенже, Н. К. Проблемы формирования характера подростков / Н. К. Байкенже // Мировая наука. – 2019. – № 3 (24). – С. 263–266.
- 2 Каширин, В. П. Особенности агрессивного поведения современных подростков-школьников / В. П. Каширин, Д. С. Краснояров // Вестник Российского нового университета. Серия : человек в современном мире. – 2019. – № 1. – С. 41–45.
- 3 Шкилев, С. В. Особенности восприятия семейного воспитания у подростков с различным уровнем агрессивности / С. В. Шкилев // Молодой ученый. – 2017. – № 25 (159). – С. 266–269.
- 4 Ланских, М. В. Формирование конфликтоустойчивости современных студентов / М. В. Ланских, И. А. Кучерявенко, Н. С. Ткаченко // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 51–5. – С. 548–555.
- 5 Казанская, В. Г. Подросток. Трудности взросления / В. Г. Казанская. – СПб., 2008. – 283 с.
- 6 Сурова, Е. В. Особенности проявления агрессии у современных подростков: опыт изучения / Е. В. Сурова // Молодой ученый. – 2018. – № 6 (192). – С. 154–157.

Л. В. Магонова

Научный руководитель: **Е. В. Одиночкина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПОЛОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ У ВЗРОСЛЫХ, СОСТОЯЩИХ В БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассматривается понятие романтической привязанности, раскрываются половые особенности романтической привязанности у взрослых, состоящих в брачных отношениях, отношение к любви у женщин и мужчин.

Ключевые слова: романтическая привязанность, феномен любви, отношение к любви, отношения, любовные отношения, романтические отношения, виды отношений, особенности брачных отношений, брачные отношения, половые особенности.

Проблема изучения супружеских отношений не теряет своей актуальности по причине своей высокой значимости как для внутрисемейных отношений, так и для общества в целом. Важнейшей характеристикой семейных отношений является любовь и романтическая привязанность. Чувство любви служит интегрирующим фактором в функционировании семьи [1]. В качестве родового понятия любовь охватывает достаточно широкий круг эмоциональных явлений, различающихся глубиной, силой, предметной направленностью – от сравнительно слабо выраженных одобрительных отношений до захватывающих человека целиком переживаний, достигающих силы страсти [2].

Рассматривая привязанность в контексте взаимоотношений взрослых людей, О. А. Кувшинова размышляет о том, что изначально исследования привязанности взрослых основывались на допущении, что Дж. Боулби и М. Эйнсворт были правы в двух своих предположениях: 1) сложившиеся в раннем детстве паттерны привязанности в отношениях с родителями остаются относительно стабильными в течение всей жизни; 2) отношения

привязанности взрослых в межличностных отношениях аналогичны привязанности в детско-родительских отношениях [3].

База исследования: ГУО «Ясли-сад № 5 г. Добруша». Выборочную совокупность составили 50 родителей воспитанников ГУО «Ясли-сад № 5 г. Добруша», средний возраст которых составил 30 лет, из них 30 женщин и 20 мужчин.

Результаты исследования измерения романтической привязанности у взрослых, полученные с помощью методики «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых», адаптированной Т. Л. Крюковой и О. А. Екимчик, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования измерения романтической привязанности у взрослых, полученные с помощью методики «Мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых», адаптированной Т. Л. Крюковой и О. А. Екимчик

Компоненты привязанности	Количество		Достоверность различий с помощью критерий ϕ^* -углового преобразования Фишера
	Мужчины (n = 20)	Женщины (n = 30)	
Фрустрация	1	2	-
Стремление к сближению	7	4	$\phi^*_{\text{эмп}} = 1,796$ при $p \leq 0,01$
Самоподдержка	2	5	-
Амбивалентность	1	5	-
Доверие	2	4	-
Ревность	2	9	$\phi^*_{\text{эмп}} = 1,787$ при $p \leq 0,01$
Срастание с партнёром	5	1	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2,356$ при $p \leq 0,01$

На основании данных, представленных в таблице 1, представим на рисунке 1 результаты исследования измерения романтической привязанности у мужчин (в %).

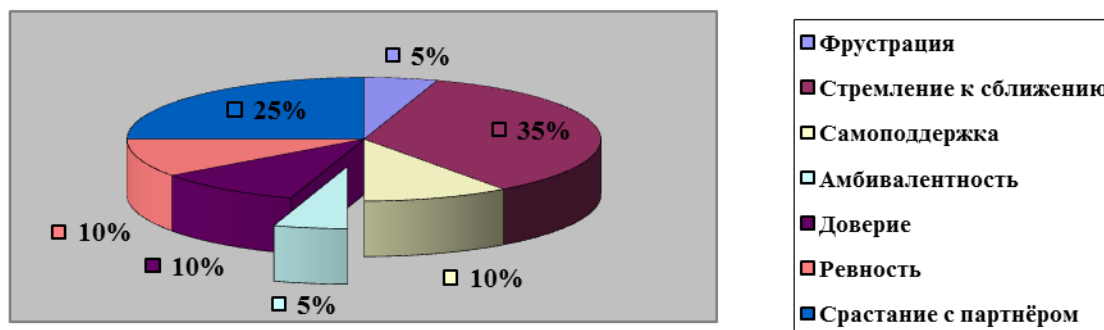

Рисунок 1 – Результаты исследования измерения романтической привязанности у мужчин (в %)

Согласно представленным данным, в целом по выборке эмоционально-поведенческий компонент любви характеризуется яркой выраженностью стремления к близости с любимым человеком и фрустрацией. При этом необходимо отметить, что наибольший разброс имеют такие характеристики взрослой романтической привязанности, как стремление к сближению и амбивалентность. Эмоционально-поведенческий компонент любви у мужчин характеризуется яркой выраженностью высокого стремления к сближению и низкой фрустрацией отношениями, и амбивалентностью, но при этом выражено срастание с партнёром. Следовательно, в проявлении чувства любви мужчина стремится к эмоциональной близости с партнершей, делится с ней положительные эмоции, но в трудных ситуациях ему сложнее просить у нее о помощи и принять взаимозависимость в отношениях. Отношения любви мужчине доставляют радость и

положительные эмоции. В выборке присутствуют мужчины, как стремящиеся к близости со своими любимыми, так и те, кто предпочитает сохранять дистанцию и скрывать свои эмоции.

На основании данных, представленных в таблице 1, представим на рисунке 2 результаты исследования измерения романтической привязанности у женщин (в %). Согласно рисунку 2, у женщин в целом романтическая привязанность характеризуется следующими особенностями: ревностью, амбивалентностью, самоподдержкой, доверием, стремлением к сближению. Следовательно, эмоционально-поведенческий компонент любви у женщин выражен несколько ярче и представляет собой сложное сочетание положительных и отрицательных эмоций, противоречивые чувства к любимому человеку. У женщин выше стандартные отклонения по всем компонентам привязанности, что говорит о большом разбросе в выборке в целом по всем особенностям эмоционального отношения. Наибольший разброс значений зафиксирован по компонентам фрустрация и ревность. Следовательно, среди наших респондентов присутствуют женщины, у которых ярко выражен страх потерять отношения и высокая интенсивность противоречивости чувств к партнеру, так и те, которым данные характеристики привязанности совсем не свойственны.

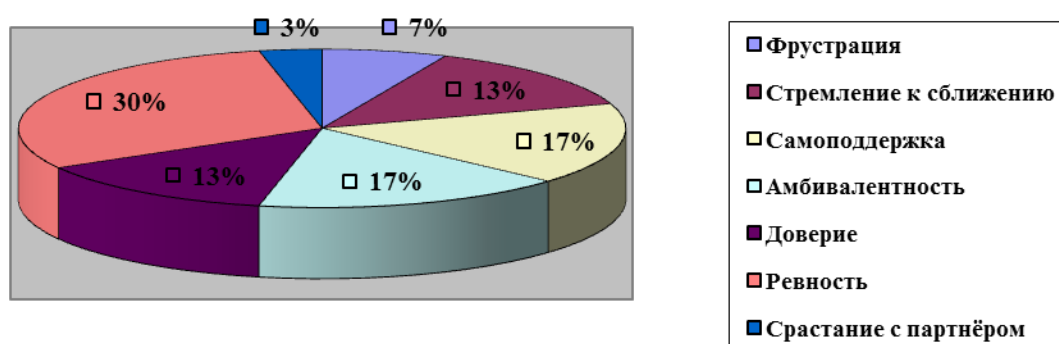

Рисунок 2 – Результаты исследования измерения романтической привязанности у женщин (в %)

Результаты исследования преобладания во взаимоотношениях к партнёру: любовь или симпатия, полученные с помощью методики «Шкала любви и симпатии», адаптированной Л. Я. Гозман и Ю. А. Алешиной, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования преобладания во взаимоотношениях к партнёру: любовь или симпатия, полученные с помощью методики «Шкала любви и симпатии», адаптированной Л. Я. Гозман и Ю. А. Алешиной

Компонент	Количество		Достоверность различий с помощью критерий ϕ^* -углового преобразования Фишера
	Мужчины (n = 20)	Женщины (n = 30)	
Любовь	9	24	$\phi^*_{эмп} = 2,576$ при $\rho \leq 0,01$
Симпатия	11	6	$\phi^*_{эмп} = 2,576$ при $\rho \leq 0,01$

На основании данных, представленных в таблице 2, представим на рисунке 3 результаты исследования преобладания во взаимоотношениях к партнёру любви у мужчин и женщин (в %). Согласно рисунку 3, у 73% женщин и 23% мужчин преобладает любовь в отношениях. Низкий уровень преобладания любви к партнёру со стороны мужчин говорит о слабо выраженном проявлении привязанности и заботы. Высокий уровень преобладания любви к партнёру со стороны женщин говорит о ярко выраженном проявлении привязанности и заботы.

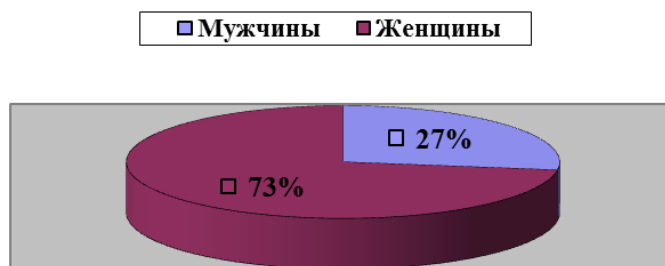

Рисунок 3 – Результаты исследования преобладания во взаимоотношениях к партнёру любви у мужчин и женщин (в %)

На основании данных, представленных в таблице 2, представим на рисунке 4 результаты исследования преобладания во взаимоотношениях к партнёру симпатии у мужчин и женщин (в %).

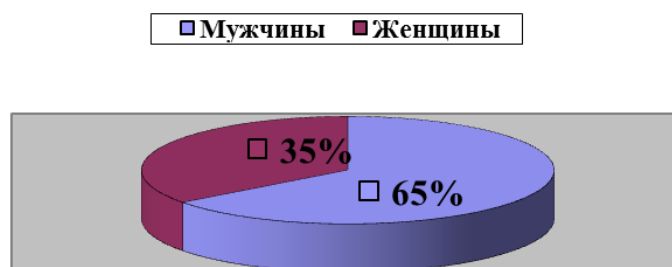

Рисунок 4 – Результаты исследования преобладания во взаимоотношениях к партнёру симпатии у мужчин и женщин (в %)

Согласно рисунку 4, у 65 % мужчин и 35 % женщин преобладает симпатия в отношениях. Низкий уровень преобладания симпатии к партнёру со стороны женщин говорит о слабо выраженном уважении и восхищении партнёром. Высокий уровень преобладания симпатии к партнёру со стороны мужчин говорит о ярко выраженном проявлении уважения и восхищении партнёром.

По результатам анкеты, стало известно, что 5 % женщин чаще всего испытывают комфорт в отношениях и чувствуют себя любимой, нужной и желанной. 25 % женщин испытывают комфорт и дискомфорт одинаково и редко чувствуют себя любимыми и нужными. 11 % женщин считает, что в их отношениях присутствует амбивалентность, ревность, страх быть оставленной, 19 % женщин считает наоборот. 10 % женщин считает, что в их отношениях с партнёром присутствует проблема чрезмерного контроля, недоверия, 20% женщин считает наоборот. 18 % мужчин чаще всего испытывают комфорт в отношениях и чувствуют себя любимым и нужным. 2 % мужчин испытывают комфорт и дискомфорт одинаково и чувствуют, и редко чувствуют себя любимым и нужным. По мнению 4 % мужчин, в их отношениях чаще всего присутствует надёжность, по мнению 5 % – благодарность, по мнению 11 % – удовольствие. 4 % мужчин считает, что в их отношениях присутствует амбивалентность, ревность, страх быть оставленной, 16 % мужчин считает наоборот. 6 % мужчин считает, что в их отношениях присутствует проблема чрезмерного контроля, недоверия, 14 мужчин считает наоборот.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить особенности романтической привязанности у взрослых, состоящих в брачных отношениях: у мужчин в романтических отношениях характерной особенностью является достаточно разный разброс по всем компонентам. Это говорит о том, что в выборке присутствуют мужчины, как стремящиеся к близости со своими любимыми, так и те, кто предпочитает сохранять дистанцию и скрывать свои чувства и эмоции. У женщин в романтических отношениях в целом романтическая привязанность характеризуется следующими особенностями: интенсивным стремлением к близости с партнером, страхом потерять отношения, ревностью, тревожностью, противоречивостью чувств и слабой

дифференцированностью личностных границ с любимым человеком. Следовательно, романтическая привязанность у женщин выражена несколько ярче и представляет собой сложное сочетание положительных и отрицательных эмоций, противоречивые чувства к любимому человеку. У женщин выше показатели, чем у мужчин по всем компонентам привязанности и любви, что говорит о высоком уровне преобладания любви к партнёру со стороны женщин, а также о ярко выраженном проявлении привязанности и заботы. Среди наших респондентов присутствуют женщины, у которых ярко выражен страх потерять отношения и высокая интенсивность противоречивости чувств к партнеру, так и те, которым данные характеристики привязанности совсем не свойственны.

Список использованных источников

- 1 Алешина, Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем совместной жизни : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Ю. Е. Алешина. – Москва, 1985. – 262 с.
- 2 Екимчик, О. А. Когнитивный и эмоциональный и компоненты любви у людей разного возраста : дис.... канд. психол. наук : 19.00.05 / О. А. Екимчик. – Кострома, 2009. – 178 с.
- 3 Кувшинова, О. А. Стиль привязанности и удовлетворенность отношениями у супружеских пар с различным стажем семейной жизни / О. А. Кувшинова, О. А. Сычев // Психолого-педагогическое сопровождение семьи в реалиях современного социокультурного пространства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 26 апреля 2012 г. / Урал. гос. пед. ун-т ; ред.: Н. Н. Васягина [и др.]. – Екатеринбург : УГПУ. – 2012. – С. 206–209.

А. В. Невретдинова

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

АГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ МАТЕРИНСКОЙ ОТВЕРЖЕННОСТИ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению агрессии и эмоционального принятия ребёнка в семье. Приводятся данные эмпирического исследования особенностей агрессивного поведения у детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение.

Ключевые слова: агрессивное поведение, эмоциональное принятие, отвержение, отверженность материю, дети дошкольного возраста, агрессивность, детско-родительские отношения.

Сложная социальная и экономическая обстановка, сложившаяся в настоящее время в обществе, обуславливает рост различных отклонений в личностном развитии и поведении подрастающего поколения. Рост агрессивных тенденций среди людей отражает одну из острейших проблем современности. Наибольшую тревогу вызывают проявления агрессивности в поведении детей, так как дети определяют будущий статус государства и направление движения – в сторону развития или деградации, а, как известно, подрастающее поколение – важнейший объект национально-государственных интересов, один из главных факторов обеспечения социально-экономического и культурного развития Республики Беларусь [1, с. 28].

Агрессивность у детей может формироваться при непосредственном психологически неблагоприятном отношении к нему, а субъективно-избирательный стиль проявлений агрессивности будет зависеть от понимания этих отношений самим ребенком. Поэтому негативный детский опыт, складывающийся при неблагоприятном отношении к нему родителей, становится

предпосылкой, как отмечает А. Фрейд, к обретению им деструктивного поведения, и проявления агрессивности [2, с. 144].

Психологическое здоровье ребёнка, его благополучие, отношение к себе и миру во многом определяются отношением родителей к нему. Родительское отношение состоит из когнитивного, поведенческого и эмоционального компонента. Большое внимание уделяется поведенческому и когнитивному, в то время, как эмоциональный компонент является основой для гармоничного развития личности. Так как эмоциональное принятие ребёнка формирует у ребёнка доверие к миру, доброжелательное отношение к окружающим, т.е. отражается на его эмоциональном, социальном и личностном развитии. С целью изучить агрессивное поведение детей дошкольного возраста в зависимости от степени отверженности в семье матерью нами было проведено исследование на базе ГУО «Ясли-сад № 77 г. Гомеля». Выборочную совокупность составили 123 человека, из них 60 детей старшего дошкольного возраста и их матерей (60), а также 3 воспитателя.

Первый этап исследования был направлен на изучение родительского отношения матерей к детям, а именно проявления «принятия – отвержения», с помощью тест-опросника родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столина). Было установлено, что 60% матерей принимают собственного ребенка. Это принятие проявляется в положительном, позитивном отношении к ребёнку, уважении и признании его индивидуальности, одобрении и поддержке его интересов, палнов, идей и т.д. У 7% матерей выявлены средние баллы по данной шкале. Однако у третьей части матерей (33%) наблюдается проявление отвержения своих детей. По отношению к своему ребёнку они испытывают в основном отрицательные чувства: раздражение, злость, досаду. Такие мамы воспринимают своего ребёнка как неудачника, не верят в его будущее, низко оценивают его способности. Отвержение формирует у ребёнка ощущение ненужности, одиночества, отчуждённости, незащищённости, неуверенности в себе, ребёнок не чувствует поддержки, у него нет опоры в семье.

На основании полученных результатов исследования принятия – отвержения матерями детей дошкольного возраста выборочная совокупность была условно разделена на две группы: первую группу составили семьи, в которых по результатам диагностики были выявлены низкие баллы по «шкале принятие – отвержение», что свидетельствует об отвержении своих детей матерями (в общем количестве 20 семей); вторую группу составили семьи, в которых по результатам диагностики были выявлены высокие и средние баллы по «шкале принятие – отвержение», что свидетельствует о принятии своих детей матерями (в общем количестве 40 семей).

Следующий этап исследования направлен на изучение агрессивного поведения детей дошкольного возраста в зависимости от степени отверженности в семье матерью. Для получения объективной и достоверной информации о наличии агрессивного поведения у исследуемых дошкольников было проведено комплексное исследование с использованием различных методов.

Анализ результатов исследования, полученных в ходе обработки анкет для педагогов «Критерии агрессивности ребёнка» (Г. П. Лаврентьева, Т. М. Титаренко), показал, что у 70 % детей старшего дошкольного возраста, матери которых проявляют отвержение к ним и 17 % детей, матери которых проявляют принятие, выявлен высокий уровень агрессивного поведения. Данная часть детей регулярно в своем поведении вступают в драку, в ссору, любят отдавать приказы сверстникам, подчинять себе, нередко, если что-то не получается, выходят из себя: рвут бумагу, ломают игрушки, бросают вещь, спорят, ругаются со взрослыми, отказываются подчиняться взрослым, винят окружающих в своих ошибках, иногда теряют контроль над собой.

С помощью критерия F^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия в уровне агрессивного поведения детей дошкольного возраста, матери которых проявляют отвержение и матери которых проявляют принятие:

- у детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение, чаще отмечается высокий уровень агрессивного поведения, чем у детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним принятие (при $p \leq 0,01$);

- у детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним принятие, чаще отмечается высокий уровень агрессивного поведения, чем у детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение (при $p \leq 0,01$).

Далее было организовано наблюдение за ситуационно-личностными агрессивными реакциями детей с целью определения уровня выраженности и структуры агрессивного поведения у детей, по методике регистрации проявлений агрессии «Ребенок глазами взрослого» А. А. Романова.

Анализ данных показал, что у большинства исследуемых нами дошкольников, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение (75%) и у 23% дошкольников, матери которых проявляют принятие, отмечается второй уровень выраженности агрессивного поведения, что свидетельствует об опасности закрепления агрессивных реакций как патохарактерологических. Данной части детей требуется помощь в овладении собственным поведением.

Поведение дошкольников со вторым уровнем выраженности агрессивного поведения характеризуется следующими особенностями: у детей отмечаются вегетативные признаки проявления агрессивности: дети краснеют (бледнеют) в состоянии раздражения (гнева); чувствительность к помощи взрослого: замечания в словесной форме не тормозят проявление вербальной и физической агрессии; ребенок говорит, что поступил «плохо», но все равно продолжает вести себя агрессивно; отмечается недостаточность в проявлении гуманных чувств: стремится делать назло другим, проявляет безразличие к страданиям других, стремится причинить другому страдание; чувствительность к агрессии других: проявляет агрессивные реакции первым, первым отнимает игровой предмет, игрушки у другого ребенка, толкается, когда обижают, бьет других детей, если ребенка случайно толкнули; чувствительность к присутствию других: щипается на глазах у всех, толкает сверстника на глазах у всех, ситуация совместной деятельности провоцирует агрессивное поведение у ребенка; физическая агрессия, направленная на предмет: ломают постройку на глазах у всех, стремятся разорвать игровую предметную карточку, книжку, отрывают руки, ноги кукле; проявляется агрессия, направленная на сверстников: толкает других детей, бьет, кусает в состоянии раздражения; агрессия, направленная на себя, проявляющаяся в щипании себя в состоянии фрустрации; беспричинное недоброжелательное отношение к члену семьи; вербальная агрессия, проявляющаяся в том, что дети говорят обидные слова взрослым и детям; отмечаются неупорядоченные проявления агрессии: плюются в состоянии раздражения и т.д. Однако у 77 % детей, матери которых проявляют по отношению к ним принятие, и 25 % детей, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение, выявлен первый уровень агрессивности: у детей нет опасности закрепления ситуативно-личностных реакций агрессии как патохарактерологических, они самостоятельно овладевают собственной агрессивностью.

С помощью критерий F^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия в уровне агрессивного поведения детей дошкольного возраста, матери которых проявляют отвержение, и матери которых проявляют принятие:

- первый уровень: доля детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним принятие, у которых отмечается первый уровень агрессивного поведения, т. е. нет опасности закрепления агрессивности, статистически значимо больше, чем доля детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение (при $p \leq 0,01$);

- второй уровень: доля детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение, у которых отмечается второй уровень агрессивного поведения, то есть опасность закрепления агрессивности, статистически значимо больше, чем доля детей дошкольного возраста, матери которых проявляют по отношению к ним принятие (при $p \leq 0,01$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить агрессивное поведение детей дошкольного возраста в зависимости от принятия или отверженности в семье матерью. Дети, матери которых проявляют по отношению к ним отвержение, которые испытывают в основном отрицательные чувства по отношению к ребенку: раздражение, злость, досаду; воспринимают ребенка как неудачника, не верят в его будущее, низко оценивают его

способности, не дают ощущение защищенности, поддержки в семье, отличаются высоким уровнем развития агрессивного поведения. У детей отмечаются проявления как вербальной, так и физической агрессии. Они любят отдавать приказы сверстникам, подчинять себе, нередко, если что-то не получается, выходят из себя: рвут бумагу, ломают игрушки, бросают вещь, спорят, ругаются со взрослыми, отказываются подчиняться взрослым, винят окружающих в своих ошибках, иногда теряют контроль над собой, быстро реагируют неподобающим образом на различные действия окружающих, которые их нередко раздражают. Дети понимают, что поступают «плохо», но все равно продолжают вести себя агрессивно. У данной части детей отмечается недостаточность в проявлении гуманных чувств: стремятся делать назло другим, проявляют безразличие к страданиям других, стремятся причинить другому страдание. Те же дети, матери которых проявляют по отношению к ним принятие, которое проявляется в положительном отношении к нему, принятии ребенка таким, какой он есть, уважении и признании его индивидуальности, одобрении его интересов, поддержании планов, отличаются низким уровнем агрессивного поведения. Они адаптированы, агрессивно не устремлены, проявляют агрессивное поведение в отдельных случаях, когда ущемляются их интересы.

Список использованных источников

- 1 Будущее страны: дети и молодежь Беларуси / сост. Е. И. Смирнова, В. М. Овсянникова. – Витебск : ГУ «Витебская областная библиотека имени В. И. Ленина», Информационно-библиографический отдел, 2009. – 76 с.
- 2 Фрейд, А. Введение в детский психоанализ / А. Фрейд. – Мн. : Попурри, 2010. – 448 с.

В. О. Рабченко

Научный руководитель: **Н. Н. Красовская**, канд. соц. наук, доцент
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

РОЛЬ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭМПАТИИ ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена актуальной проблеме современного общества – соотношению детско-родительских отношений и эмпатии в подростковом возрасте. Исследования показывают, что ценностно-смысловая сфера, сформированная родителями в детском и подростковом возрасте, оказывают влияние на построение будущей семьи. Существенные сдвиги в жизни общества отражаются на формировании эмпатии современных подростков. Сложность изучения отличительных черт ее проявления у подростков обусловлено тем, что возникают определенные противоречия: в этом возрасте происходит множество изменений, что дает возможность рассматривать данный период, как сенситивный для развития эмпатии.

Ключевые слова: подростковый возраст; семья; детско-родительские отношения; эмпатия.

Подростковый возраст изучается исследователями на протяжении многих лет. В этот период происходит как физическое созревание человека, так и интенсивное формирование его личности, активный рост моральных и интеллектуальных качеств. Формирование эмпатии в подростковом возрасте имеет существенное значение, потому как усиленно развиваются новые взгляды на жизнь и отношения с другими людьми, также жизненные перспективы [1, с.87].

Семья выступает как один из основных источников социального и экономического развития общества. Основное предназначение семьи – это воспитание ребенка, ведь оно зависит от родительской любви к детям и ответных чувств детей к своим родителям. При отсутствии социального и личного опыта, ребёнок не способен дать оценку своему поведению и проявлению личностных качеств других людей.

Первоочередной задачей родителей выступает создание гармоничных отношений, благоприятного психологического климата в семье, ведь без этого формирование здоровой личности ребенка невозможно. Отклонения в семейных отношениях негативно влияют на формирование личности ребенка, его характера, самооценки и других личностных особенностей [2, с.135]. Эмоциональный тон семейного воспитания существует не сам по себе, а в сочетании с определенным видом контроля и дисциплины, которые порождают определенные черты характера.

Различные формы родительского контроля также могут быть представлены как мерило, на одном полюсе которого находится высокая активность, самостоятельность и инициативность ребенка, а на другом – пассивность, зависимость, слепое послушание. Независимо от любой модификации, семья является источником накопления и стабилизации физических и духовных сил.

Учитывая тот факт, что к подростковому возрасту меняется система детско-родительских отношений, то это накладывает отпечаток на формирование личности ребенка. Ведь именно в подростковом возрасте ребенок пытается понять себя, разобраться в своих чувствах, мнениях, отношениях, и со стороны родителей он должен получить поддержку, чтобы становление личности было нормативным.

Эмпатийное, доверительное взаимодействие членов семьи между собой во многом определяет гармоничное развитие личности. Для полного развития способности сопереживать, сочувствовать и помогать другому человеку в семье должна царить атмосфера семейных, дружеских отношений.

В основе развития эмпатии и усвоения нравственных норм лежит возникающее внимание у ребенка на окружающих, обусловленное особенностями общения детей с взрослыми и, прежде всего, с родителями. Эмпатия в детско-родительских отношениях возможна только в том случае, если родители понимают чувства своих детей, участвуют в их жизни и предоставляют им определенную самостоятельность.

Эмпатические отношения родителей облегчают процесс адаптации подростка. В отношениях с взрослыми эмпатия выступает в качестве мотивации поведения, которое меняется вместе с эмоциональным и интеллектуальным развитием ребенка [3, с.71]. Сочувствие у детей, особенно у подростков, сопровождается бескорыстием. Тот, кто более чувствителен к эмоциональному состоянию другого человека, готов помочь, меньше склонен к агрессии. Эмпатия и бескорыстие характерны для детей, чьи родители объясняли им моральные нормы, а не прививали им строгие меры.

Будущее ребенка зависит от воспитательного воздействия семьи и от того, какие качества будут развиты и сформированы у него. Перед родителями стоит выбор: воспитать личность способную слушать и слышать другого, понимать его внутренние переживания, уместно реагировать на настроение собеседника, сочувствовать и помогать ему или же воспитать личность эгоцентричную, склонную к конфликтам, не умеющую устанавливать доброжелательные межличностные отношения с людьми. То есть при воспитании ребенка они должны определиться – будет их ребенок эмпатичным или неэмпатичным. Ребенок является отражением семейных отношений, необходимо воспитывать его на личном примере, становиться для него образцом для подражания, поддерживать и направлять усилия ребенка. Дети, которые имеют близкие и теплые эмоциональные отношения с родителями, чаще делятся с ними своими проблемами (рассказывают ситуации, связанные с проявлением тех или иных эмоций, переживаний), а также чаще слышат о чувствах и эмоциональных состояниях родителей.

Эмпатия оказывает существенное влияние на характер отношения индивида к внешнему миру, к самому себе, к другим людям, регулируя процесс вхождения индивида в общество. Развитие эмпатии – это процесс формирования произвольных моральных мотивов и мотиваций в пользу другого. С помощью эмпатии ребенок переносится в мир чужих переживаний, формирует у себя представление о ценности другого, также развивается и усиливается

потребность в благополучии других людей. С интеллектуальным развитием ребенка и структурированием его личности эмпатия становится источником нравственного развития [4, с. 42].

Было организовано и проведено эмпирическое исследование среди подростков и их родителей с целью выявления взаимосвязи детско-родительских отношений и эмпатии. Для исследования детско-родительских отношений нами был использован тест-опросник ОРО (опросник родительского отношения; А. Я. Варга, В. В. Столин), а для исследования эмпатии подростков использовалась методика диагностики уровня эмпатии (В. В. Бойко).

В ходе исследования было выявлено:

По шкале «Принятие»: 20 (68%) родителей принимают своего ребенка. Для 10 (32%) родителей характерно в отношении детей «Отвержение». Для 7 (23%) опрошенных родителей характерна «Кооперация», то есть они проявляют заинтересованность делами и планами ребенка, стараются помочь ему. «Симбиоз» характерен для 10 (32%) родителей, то есть дистанция в общении с ребенком слишком мала. «Авторитарная социализация» свойственна для 11 (35%) родителей; для них характерна строгая дисциплина, безоговорочное послушание. «Маленький неудачник» характеризует 16 (52%) родителей, то есть они видят своего ребенка младшим по сравнению с реальным возрастом.

В исследуемой группе подростков было выявлено, что у большинства подростков заниженный уровень эмпатии, так как подростки характеризуются эмоциональной неустойчивостью, осложняющей процесс нормативного функционирования эмпатии. Для большинства подростков характерна проникающая способность эмпатии, то есть подростки умеют создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности.

Статистически значимые результаты показывают, что тип отношения «кооперация» отрицательно коррелирует с «установками» ($r = - 0,256, p \leq 0,05$) и «идентификацией» ($r = - 0,395, p \leq 0,05$). А тип родительского отношения «авторитарная гиперсоциализация» отрицательно коррелирует с «уровнем эмпатии» ($r = - 0,282, p \leq 0,05$) и «эмоциональным каналом эмпатии» ($r = - 0,256, p \leq 0,05$), а также положительно коррелирует с «рациональным каналом эмпатии» ($r = 0,286, p \leq 0,05$).

На основании этого можно сказать о том, что заинтересованность своим ребенком, стремление ему помогать и поддерживать во всех начинаниях ведут к активному действию всех каналов эмпатии, однако могут привести к тому, что подростку сложно поставить себя на место другого человека, чтобы понять его переживания. На основании этого можно говорить, что незаинтересованность ребенком, обесценивание его интересов, принижение ребенка и отсутствие стремления удовлетворить его потребности ведут к высокой заинтересованности подростком своим материальным благосостоянием и здоровьем.

В свою очередь, авторитарный стиль воспитания приводит к заниженному уровню эмпатии подростков, также подросток при общении направляет свое внимание, восприятие и мышление на состояние другого человека, его проблемы и поведение. У подростка отсутствует эмоциональная отзывчивость, то есть его способность сопереживать гораздо меньше.

Список использованных источников

- 1 Крайг, Г. Психология развития: учебное пособие / Г. Крайг. – 7-е международное издание. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 992 с.
- 2 Целуйко, В. М. Родители и дети: психология взаимоотношений в семье / В. М. Целуйко. – 2-е изд. – Мозырь: Содействие, 2007. – 223 с.
- 3 Гаврилова, Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии / Т. П. Гаврилова // Вопросы психологии – 2005. – № 2. – С. 65–80.
- 4 Карягина, Т. Д. Проблема формирования эмпатии / Т. Д. Карягина // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 1. – С. – 38–54.

В. А. Рубчєня

Научный руководитель: Т. В. Тратинко, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПРИТЯЗАНИЯ СУПРУГОВ КАК ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

В данной работе автор рассматривает проблему семейного благополучия через определение роли ролевых ожиданий и притязаний супругов. Раскрывая роль факторов семейного благополучия, актуализируется неоднозначность, наличие объективных и субъективных составляющих семейных отношений. В работе представлены результаты эмпирического исследования, подтверждающего роль в семейном благополучии согласованности ролевых ожиданий и притязаний у супругов.

Ключевые слова: семейное благополучие, ролевые ожидания и притязания, факторы благополучия, супруги.

Актуальность исследования обусловлена сложностью явления семейного благополучия, его многозначностью, существованием справедливых и личных составляющих семейных отношений. Проблеме семейного благополучия посвящены научные исследования Ю. Е. Алешина, В. А. Сысенко, В. В. Столин, Л. А. Гозман, Т. В. Тратинко и др. Семейное благополучие понимается авторами как совместимость супругов по смысло-жизненным сферам (самоотношение и самовоприятие, целевые установки, распределения ролей и ответственности, притязания в браке, ценностные ориентации супругов) и обеспечение на этой основе функциональности семейной системы [1, с. 33].

На объективные обстоятельства жизнедеятельности каждой семьи влияет субъективная их оценка супругами, которая определяется социально-психологическим климатом в семье и взаимной удовлетворенностью взаимоотношениями друг с другом. В связи с этим интерес вызывает проблема изучения факторов, влияющих на семейное благополучие.

Возникнувший подход к определению семейного благополучия по ходу современных исследований основывается на некоторых указателях, характеризующих внешние признаки благополучия и неблагополучия: имущественное положение, ссоры, репутация супругов, внутренние особенности. Однако для семьи очень важно личное понимание ее членов о благополучии. Это понимание базируется не только на образе идеальной семьи. Они изменяются супругами на основе признания своих возможностей в воплощении настоящего идеала семейной жизни.

Признание семейного благополучия включает в себя такие элементы, как: удовлетворенность браком, ролевое соответствие у супругов, довольство детско-родительскими отношениями, возмещение требований всех членов семьи. Семья для каждого из ее членов, – это та реальность, которая определяет их состояние здоровья, настроение и действия. И эта реальность не всегда взаимосвязана со статистическими данными доходов, занятости, социального статуса членов семьи, но всегда взаимосвязано с понятием социально-психологического здоровья семьи. Критериями здоровья семьи являются: сходство семейных ценностей, функционально-ролевая согласованность, социально-ролевая адекватность, эмоциональная удовлетворенность и устремленность к семейному долголетию [1, с. 31].

Правильность ролевого поведения супругов связано с соответствием ролевых ожиданий (направление мужа и жены на активное выполнение партнером семейных обязанностей) и ролевых притязаний супругов (личная готовность жены и мужа выполнять семейные роли).

Таким образом, можно предположить, что факторами проблем семьи являются нарушения ожиданий относительно распределения ролей, существующих в семье норм и традиций.

При рассмотрении психологических факторов семейного благополучия мы взяли за основу работы В. С. Торохтий, Л. Савинова, П. Куттера, которые выделили характер и степень выполнения социальных и индивидуальных функций супругами, степень удовлетворенности и согласованности супругов, понятия успеха супружества и здоровой семьи через призму

благополучия и неблагополучия. При исследовании социальных факторов семейного благополучия обратились к Е. В. Бенко, Е. Динер, указывающих на роль внешнего взаимодействия с социумом, окружающей средой, включении в социальное благополучие компонента, описывающего материальное положение семьи, количество детей, условия проживания, состояние здоровья, то есть, объективные факторы [2].

Цель исследования – выявить особенности согласованности ролевых ожиданий и притязаний супругов как факторов семейного благополучия.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что благополучные семьи характеризуются согласованностью ролевых ожиданий и притязаний у супругов, т.е. у благополучных семей статистически значимые различия между ролевыми ожиданиями и притязаниями у супругов отсутствуют.

В ходе исследования нами был использован опросник «Ролевые притязания и ожидания в браке» (А.В. Волковой) и получены следующие результаты:

- для 22 супружеских пар (73 %) характерен средний уровень общей согласованности семейных ценностей;

- показатель «общая ролевая адекватность» у супругов равен 316, а у супруги 302, средние показатели равны 10,5 и 10,07 соответственно; таким образом, мужчины оценивают общую социально-психологическую совместимость в супружеской паре несколько выше, чем женщины.

Проанализируем результаты, полученные по подшкалам «ожиданий» и «притязаний» у супругов:

- у супруги средний показатель по интимно-сексуальной шкале равен 2,27, а у супруга 2,27, что свидетельствует о том, что для супругов данная шкала является наиболее значимой, они считают сексуальные отношения важным условием семейного счастья;

- по выраженности хозяйственно-бытовой шкалы средние показатели у супруга 1,97, а у супруги 2,0, следовательно, можно отметить, что оба супруга ожидают помощь друг от друга, но и сами участвуют в бытовой организации семьи;

- по шкале социальной активности средний показатель у супруга равен 2,0, а у супруги 1,9, что указывает на значимость внесемейных интересов, которые являются основными ценностями в процессе их межличностного взаимодействия;

- по эмоционально-психотерапевтической шкале средний показатель у супруга равен 2,0, а у супруги 2,03, что указывает на обоюдную установку значимости данной позиции в браке;

- по шкале личностной идентификации средний показатель у супруга равен 1,97, у супруга 2,2, следовательно, можно сказать, что супруги учитывают интересы, ценности, потребности друг друга, но супруга проявляет эта в немного большей степени;

- по шкале внешней привлекательности средний показатель у супруга равен 1,7, а у супруги 1,87, что отражает среднюю ориентацию супругов на современные образцы внешнего облика;

- по родительско-воспитательской шкале средний показатель у супруга равен 1,67, а у супруги 1,7, что позволяет судить об отношении супругов к своим родительским обязанностям. Так по показателям данная шкала является наименее выраженной у обоих супругов.

На заключительном этапе исследования нами был проведен статистический анализ полученных данных при помощи расчета t-критерия Стьюдента. По результатам исследования статистически значимые различия между показателями, характеризующими ролевые ожидания и притязания у супругов, не были выявлены. Соответственно можно говорить о том, что семейное благополучие характеризуется высоким уровнем согласованности ролевых ожиданий и притязаний у супругов по значимым семейным сферам.

На основании проведенного исследования нами были разработаны «правила семьи», которым супруги могут следовать в семейной жизни с целью поддержания и развития семейного благополучия. В качестве таковых могут быть: общесемейные собрания, когда все члены семьи собираются вместе и обсуждают свои планы, проблемы, делятся результатами за неделю; список семейных достижений (Для этого можно повесить листок на видное место, например, на холодильник. Каждый член семьи, вспомнив о том, что вы достигли вместе, записывает туда

очередной пункт.); планирование совместного будущего, которое предполагает разработку долгосрочных планов, осуществляемую супругами совместно.; проговаривание ожиданий и желаний супругов, так как если говорить о своих желаниях, больше шансов, что они будут услышаны и поняты супругом(ой); компромисс свободного времени между партнерами (Практически каждому человеку необходимо личное пространство, т.е. ему нужно хотя бы иногда побыть одному. И к этому желанию надо относиться с уважением, пониманием и принятием.)

Список использованной литературы

1 Тратинко, Т. В. Социальная работа с несовершеннолетними группы риска : пособие / Т. В. Тратинко, Н. Н. Красовская. – Минск : Институт бизнеса БГУ, 2018. – 263 с.

2 Олифинович, Н. И. Психология семейных кризисов / Н. И. Олифинович, Т. А. Зинкевич-Куземкин, Т. Ф. Велента . – СПб. : Речь, 2007. – 360 с.

Т. С. Сосновская

Научный руководитель: **Ю. А. Шевцова**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В СЕМЕЙНОМ СОЦИУМЕ

В контексте решения проблем, связанных с современным состоянием семьи, возникает необходимость формирования социологической прогностической модели семьи, отвечающей потребностям данного конкретного общества в данных конкретных условиях его функционирования и развития. Естественно, что самым оптимистичным ожиданиям должна отвечать некая идеальная модель семьи.

Ключевые слова: семья, формирование развития личности, социализация, конфликт, виктимизация, делинквентное поведение, просоциальное поведение, семейное окружение.

Семья – центральный институт воспитания и социализации личности. Основные умения ребенок приобретает в семье – на сознательном уровне посредством развития, либо на неосознаваемом, посредством механизма подражания поведению родителей. В психологии даже возникло представление – семья как форма главного жизненного тренинга. «Семья не является основой социального существования. Основой общественной жизни считается семья счастливая», – кратко отметил в одном из собственных писем Артур Конан Дойл. И это весьма правильно. Мы привыкли говорить, то, что семья считается главным институтом защиты детства, основным условием просоциального формирования личности, также, в конечном счете, важной причиной предстоящего благополучия счастливой жизни ребенка. Однако семья также способна являться условием предстоящих несчастий ребенка, основой его конфликтов с обществом, источником девиантного, но в последнем варианте, и криминального поведения. Помимо этого, семья способна проявить значительное воздействие на виктимизацию личности, существенно увеличивая риски виктимного поведения ребенка. Например, риски сексуального насилия над несовершеннолетними девочками увеличиваются, в случае если в семье доминирует твердый авторитарный стиль отцовского воспитания, базирующийся в абсолютном и безоговорочном подчинении. Недостаточный контроль за ребенком, типичный для так называемого безучастного стиля воспитания, присущ семьям, как с высоким, так и с низким социальным статусом, как полным, так и не полным семьям. Но совместно с этим, непосредственно недостаточный контроль, как было определено во многих исследованиях, значимо коррелирует с делинквентностью и с агрессией. Более того, определено, то, что некачественный контроль со стороны матерей считается наиболее значимым фактором в различении делинквентов и

неделинquentов, нежели неблагоприятное социально-экономическое положение или даже, чем криминальность родителей.

Формирование просоциального поведения личности связано не только лишь с механизмами отсутствия подкрепления либо интенсивного наказания из-за асоциального поведения, однако также обязательно (также способен являться, даже в первую очередь) с активным социальным научением просоциальным формам поведения, конструктивным методам разрешения противоречий. Ведь, как определено в специальных исследованиях, более выраженные отличия среди детей с деструктивным и конструктивным социальным поведением выявляются никак не в личностном предпочтении деструктивных альтернатив, но в незнании конструктивных решений.

Таким образом, процесс социализации конструктивного поведения содержит получение концепции познаний и социальных навыков, но кроме того воспитание концепции индивидуальных диспозиций, установок, на основе которых создается умение реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом. Однако, как конструктивные, так и деструктивные способы поведения в большей степени усваиваются согласно механизму наблюдения за действием «значимых других». А в очень большом возрастном спектре «значимыми другими» как раз и являются родители, также усваиваются их стратегии поведения, наблюдаемые ребенком в семье.

Важным механизмом воздействия семьи в формировании развития социальных девиаций и асоциального поведения личности считается эмоциональное игнорирование ребенком, «неценностное» подход к нему. Таким образом, называемый пассивный или пренебрегающий тип воспитания, при котором дети становятся «ловцами, искателями внимания», наиболее сильно сопряжен с дальнейшей делинквентностью. В определенных исследованиях, было установлено, то, что 79 % детей, бывших «ловцами внимания» в восьмилетнем возрасте, в 15 лет имели проблемы с правопорядком. Имеется огромное количество исследований, которые наглядно демонстрируют взаимозависимость между негативными взаимоотношениями в концепции «родители-ребенок», недостаточностью эмоциональности в семье и социально отклоняющимся формированием личности. Установлено, к примеру, что если у ребенка сформировались негативные взаимоотношения с одним, либо обоими родителями, в случае если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции никак не находят поддержки в оценках родителей, либо в случае если ребенок никак не чувствует родительской поддержки и заботы, то возможность противоправного поведения значительно возрастает, ухудшаются отношения со сверстниками, выражается враждебность по отношению к собственным родителям.

Особенную роль в концепции взаимоотношений детей и подростков, безусловно, принадлежит матери. Таким образом, в одном исследовании было представлено, то что в системе взаимоотношений подростка к социальному окружению (в том числе обуславливалось и отношение к отцу, и кроме того к сверстникам) непосредственно отношение к матери оказалось наиболее положительным. Было определено, что снижение положительного взаимоотношения к матери, повышение отрицательных дескрипторов (данных) при отображении матери коррелирует с единым ростом негативизации абсолютно всех социальных взаимоотношений личности, в том числе также с негативным взаимоотношением к общепризнанным нормам права. Возможно полагать, то что за этим прецедентом стоит фундаментальный феномен проявления полного негативизма (негативизма к абсолютно всем социальным объектам, явлениям и нормам) у тех личностей, для которых свойственно негативное отношение к собственной матери. В целом, как определено в исследовании, негативное отношение к своей матери считается значительным признаком единого неблагоприятного развития личности. Отношение к семье в процессе взросления изменяется. В ходе социализации категория ровесников в существенной степени заменяет родителей (совершается «обесценивание» родителей – согласно формулировке Хельмута Ремшмидта). Перемещение середины социализации из семьи в категорию ровесников приводит к смягчению психологических взаимосвязей с родителями.

Следует отметить, что замечания сравнительно «обесценивания» родителей в подростковом и юношеском возрасте считаются весьма распространенными также, можно отметить, стали

единым местом. Вся эта тенденция, безусловно, точна как общее направление возрастного развития личности. Но глобализация данных взглядов, преувеличивание мысли о «замещении родителей» группой сверстников – не достаточно соответствует реальной психологической картине и считается вредной.

Имеются сведения о том, что, несмотря на то, что родители как центр ориентации также идентификации отходят в данном возрасте на второй план, это принадлежит только к определенным сферам жизни. Для многих молодых людей родители и особенно мать остаются основными эмоционально родными личностями.

Так, в одном исследовании немецких ученых, существовало представление, что в проблемных ситуациях наиболее эмоционально близким, доверенным лицом для подростка, в первую очередь, предназначается мать, а затем, в зависимости от ситуации в разной очередности – отец, подруга или товарищ.

В другом исследовании, сделанном на отечественной выборке, старшеклассники ранжировали, с кем они выбрали бы осуществить собственное свободное время – с родителями, с товарищами, в компании сверстников своего пола, в смешанной компании и т.д. Родители оказались у юношей на последнем месте, у девушек – на втором, третьем месте. Но, отвечая на такой вопрос как, «С кем бы ты стал советоваться в непростой житейской ситуации?» – и юноши, и девочки поставили на первое место мать. На втором месте у юношей оказался отец, у девочек – друг, подруга.

Е. И. Стельмак

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРЕВОЖНОСТИ И САМООЦЕНКИ ПОДРОСТКОВ ИЗ БИОЛОГИЧЕСКИХ И ПРИЕМНЫХ СЕМЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния депривации на развитие эмоциональной и личностной сфер ребенка. Представлены результаты сравнительного анализа тревожности и самооценки подростков из биологических и приемных семей.

Ключевые слова: тревожность, самооценка, подросток, привязанность, приемная семья, биологическая семья.

Влияние разлуки с матерью на психическое развитие и формирование личности детей, воспитывающихся в приемных семьях и детских домах, являлось предметом многих психологических исследований.

Одним из первых, кто изучал влияние условий воспитания в закрытых учреждениях на развитие и социальную адаптацию ребенка, оставшегося без попечения родителей, был Дж. Боулби, он доказал, что проблема заключается в отсутствии возможности установить интимные, эмоционально насыщенные, устойчивые отношения с объектом привязанности. Отсутствие родительской любви и заботы, воспитание в условиях приемной семьи, детского дома приводит к «расстройству привязанности», «психической депривации».

У детей, оставшихся без попечения родителей, развивается психическая депривация, которая характеризуется нарастающими отклонениями в эмоциональном и интеллектуальном развитии, нарушением социальных контактов. Приемным семьям при воспитании детей, оставшихся без попечения родителей, требуется квалифицированная помощь специалистов (психологов, психиатров, социальных работников). Выявление высокого уровня тревожности и низкого уровня самооценки у подростков из приемных семей позволит своевременно скорректировать эмоциональную сферу личности подростка, тем самым благоприятно повлияв на его дальнейшую жизнь.

Проблемы тревожности и самооценки в подростковом возрасте являются ключевыми в вопросах исследования личности подростка, важное значение имеет изучение и исследование их свойств как таковых и во взаимосвязи с другими сторонами личности.

Изучением тревожности занимались как зарубежные, так и отечественные ученые. Среди зарубежных можно отметить таких ученых, как З. Фрейд, А. Адлер, К. Хорни, С. Салливен, Э. Фромм. Среди отечественных – А. М. Прихожан, Р. С. Немов, А. В. Петровский, Б. М. Теплов, Л. И. Божович и другие. Важный вклад в изучение самооценки внесли такие ученые как Р. С. Немов, Т. А. Рыгченко, Г. В. Бороздина, Б. И. Додонов, Я. Л. Коломинский, А. Р. Ратинов, А. В. Захарова и другие.

Цель исследования: изучение тревожности и самооценки подростков из приемных семей.
База исследования: ГУО «Гимназия №36 имени И. Мележа г. Гомеля».

В эмпирическом исследовании приняли участие 90 школьников в возрасте от 11 до 14 лет, 60 из которых воспитывается в биологических семьях и 30 – в приемных.

Психодиагностические методики: методика «Диагностика самооценки» Дембо-Рубинштейна (в модификации А. М. Прихожан); опросник «Методика исследования самоотношения» С. Р. Пантिलеева; методика «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергера, адаптированная Ю. Л. Ханиным; методика «Шкала личностной тревожности» А. М. Прихожан.

В результате исследования были получены показатели самооценки, самоотношения и тревожности подростков из приемных семей. Вполученные данные были подвергнуты статистическому анализу.

Так, при рассмотрении показателей, полученных при помощи методики «Диагностика самооценки» Дембо-Рубинштейна, достоверно значимых различий в сравниваемых группах не выявлено. Результаты статистического анализа о различии показателей самооценки между подростками из приемных и биологических семей по методике «Методика исследования самоотношения» С. Р. Пантилеева представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты статистического анализа показателей самооценки между подростками из приемных и биологических семей

Шкала	X-среднее по приемным	X-среднее по биологическим	$U_{\text{эмп.}}$	Уровень значимости
Открытость*	3.4	4.8	572	$p \leq 0,01$
Самоуверенность*	3.3	5.2	522.5	$p \leq 0,01$
Саморуководство*	3.2	5.8	392.5	$p \leq 0,01$
Зеркальное Я*	3.6	6.7	336	$p \leq 0,01$
Самоценность*	3.1	5.7	357	$p \leq 0,01$
Самопринятие*	4.3	5.8	564.5	$p \leq 0,01$
Самопривязанность*	7.1	5.1	418.5	$p \leq 0,01$
Конфликтность*	6	5.6	511	$p \leq 0,01$
Самообвинение*	7.2	3.6	314.5	$p \leq 0,01$

Примечание: *Достоверно значимые различия между группами испытуемых.

На основании данных статистических расчетов были установлены достоверно значимые различия по показателям «Открытость», «Самоуверенность», «Саморуководство», «Зеркальное Я», «Самоценность», «Самопринятие», «Самопривязанность», «Конфликтность», «Самообвинение», причем данные показатели достоверно ниже в группе подростков из приемных семей (уровень значимости $p \leq 0,01$). Следовательно, подростки из приемных семей, по сравнению с подростками из биологических семей, более ригидны, имеют больше внутренних конфликтов, сомнений в своей способности что-либо изменить, чаще испытывают негативные эмоции по

отношению к себе, чем подростки из биологических семей. Также в сравнении с подростками из биологических семей, подростки из приемных семей более замкнуты, не удовлетворены собой, своими возможностями, сомневаются в своей способности вызывать уважение, более подвержены влиянию обстоятельств, сомневаются в ценности собственной личности, менее склонны испытывать интерес к своему внутреннему миру.

Были рассмотрены показатели, полученные при помощи методики «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» Ч. Д. Спилбергера. Были установлены достоверно значимые различия по шкале «Ситуативная тревожность» (уровень значимости $p \leq 0,01$).

Результаты статистического анализа о различии показателей тревожности между подростками из приемных и биологических семей по методике «Шкала личностной тревожности» А. М. Прихожан, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты статистического анализа о различии показателей тревожности между подростками из приемных и биологических семей («Шкала личностной тревожности» А. М. Прихожан)

Шкала	X-среднее по приемным	X-среднее по биологическим	$U_{\text{эмп.}}$	Уровень значимости
Школьная*	7	4.6	389	$p \leq 0,01$
Самооценочная*	6.9	4.7	371	$p \leq 0,01$
Межличностная*	8.4	5	220	$p \leq 0,01$
Магическая	3.9	4	889.5	$p \geq 0,05$
*Достоверно значимые различия между группами испытуемых.				

На основании данных статистических расчетов были установлены достоверно значимые различия по показателям «Школьная тревожность», «Самооценочная тревожность», «Межличностная тревожность» (уровень значимости $p \leq 0,01$). Данные показатели достоверно выше в группе подростков из приемных семей.

Подростки из приемных семей более склонны, чем подростки из биологических семей, к восприятию угрозы своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагированию весьма выраженным состоянием тревожности. Также они больше подвержены тревожности, связанной с проверкой знаний, ожиданием неблагоприятия, предчувствием опасности в учебных ситуациях. Подростки из приемных семей отличаются возникновением тревоги в ситуациях общения со взрослыми или сверстниками, так как в процессе взаимодействия с другими людьми, они опасаются того, что их самооценка может не согласоваться с оценкой других людей или же она будет носить негативный характер.

Таким образом, подростки из приемных семей, по сравнению с подростками, воспитывающимися в биологических семьях, более ригидны, то есть меньше поддаются изменениям, чувствуют себя менее уверенно, сомневаются в своих способностях, склонны чаще испытывать негативные эмоции по отношению к себе, более замкнуты и скрытны, менее удовлетворены собой, менее склонны испытывать интерес к своему внутреннему миру.

В обширном диапазоне ситуаций подростки из приемных семей склонны к восприятию угрозы своей самооценке. У таких подростков чаще наблюдается подверженность влиянию обстоятельств на их жизнь, сомнение в ценности собственной личности. Также они более склонны переживать состояние эмоционального дискомфорта, связанного с ожиданием неблагоприятия, с предчувствием грозящей опасности в учебных ситуациях, больше опасаются межличностных контактов, как со сверстниками, так и со взрослыми.

А. В. Сысоева

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЫРАЖЕННОСТЬ КРИЗИСА ТРЁХ ЛЕТ У ДЕТЕЙ ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ СТИЛЕМ ВОСПИТАНИЯ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению проблемы кризиса трёх лет и стиля семейного воспитания. Приводятся данные эмпирического исследования характера взаимосвязи выраженность кризиса трёх лет и стилем семейного воспитания.

Ключевые слова: кризис, дошкольный возраст, конфликт, стили семейного воспитания, стратегии семейного воспитания.

Кризис 3-х лет – граница между ранним и дошкольным детством – один из наиболее сложных этапов в жизни детей. Это разрушение устоявшейся системы общественных отношений, кризис выделения своего «Я». Критическим данный возраст считается потому, что в течение всего нескольких месяцев значительно меняются поведение ребенка и его отношения с окружающими людьми [1, с. 67].

Возрастной кризис 3-х лет может также рассматриваться в качестве первого кризиса детско-родительских отношений. Ключевыми характеристиками данного кризиса детско-родительских отношений являются: желание ребенка перевести детско-родительские отношения на новый уровень их развития, в котором ему предоставляется больше самостоятельности от родителей и более значительная роль в построении этих отношений; стремление родителей сохранить опеку над ребенком, оградить его от опасностей, передать собственный опыт поведения [2, с. 67].

С целью изучения взаимосвязи стиля воспитания ребенка и выраженности кризиса трех лет нами было проведено исследование на базе ГУО «Ясли-сад № 28 г. Гомеля». Выборочную совокупность составили 70 семей, воспитывающих ребенка в возрасте трех лет.

Для изучения взаимосвязи стиля воспитания ребенка и выраженности кризиса трех лет использованы следующие методы: Методика «Стратегии семейного воспитания» (О. Кондаша), «Анализ семейных взаимоотношений» (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис) (АСВ) (для родителей детей 3–10 лет), Опросник для измерения выраженности симптомов кризиса трех лет (В. Е. Василенко, Ю. Ю. Уланова). В качестве методов математической статистики использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Первый этап исследования был направлен на изучение стиля семейного воспитания родителей, воспитывающих детей в возрасте трех лет, с помощью методики «Стратегии семейного воспитания» (О. Кондаша).

Было выявлено, что у 54% родителей, воспитывающих ребенка в возрасте трех лет, преобладает демократический стиль воспитания. Данная часть родителей объективно подходит к предъявлению требований ребенку, стараются объяснять их и обсуждать. Готовы пересматривать свои позиции. Родители опираются на возрастные особенности и возможности ребёнка и всячески поощряют его самостоятельность и ответственность. 26% родителей придерживаются авторитарного стиля воспитания. Родители хорошо представляют, каким должен вырасти ребенок, и прилагают к этому максимум усилий. В своих требованиях они весьма категоричны и неуступчивы. Родители ограничивают самостоятельность ребенка. 16% родителей предпочитают либеральный стиль воспитания. Они высоко ценят своего ребенка, считают простительными его слабости. Легко общаются с ним, доверяют ему, не склонны к запретам и ограничениям, предоставляют слишком много свободы. У 4% родителей наиболее выражен индифферентный стиль воспитания. Проблемы воспитания не являются для родителей первостепенными, поскольку у них множество иных забот.

По результатам исследования стиля семейных взаимоотношений у родителей, воспитывающих ребенка в возрасте трех лет, по методике «Анализ семейных взаимоотношений»

Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис было выявлено, что, у родителей, воспитывающихся ребенка 3-х лет, были выявлены следующие нарушения: требования-запреты (52 %), то есть постоянные запреты и указания на то, что ребенку можно делать, а что нельзя, влияют на его деятельность и определяют степень его самостоятельности, возможность самому выбирать способ поведения.

У 44% родителей наблюдается чрезмерная гиперпротекция. Родители уделяют ребенку очень много времени, сил и внимания. Воспитание ребенка стало центральным делом их жизни. У 38% родителей отмечается предпочтение детских качеств в ребенке, что проявляется в стремлении игнорировать взросление детей. Родители снижают уровень требований к ребенку, тем самым стимулируя развитие психического инфантилизма.

У 35% родителей выявлена чрезмерность санкций. Для данной категории родителей характерно применение строгих наказаний, а так же, чрезмерное реагирование даже на незначительные нарушения в поведении. У 33% родителей отмечается неустойчивость стиля воспитания, проявляющаяся в постоянной резкой смене стиля воспитания, приемов воспитания: от очень строгого стиля к либеральному и, наоборот, от значительного внимания к ребенку к эмоциональному отвержению.

У 32% родителей отмечается проявление потворствования ребенка. Они стремятся к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка. Любое желание детей является для них законом. Воспитательная неуверенность отмечается у 25% родителей. То есть, происходит перераспределение власти в семье между родителями и ребенком. В такой семье власть и управление семьей в руках ребёнка. У 24% родителей отмечается игнорирование потребностей ребенка. Такие родители не стремятся удовлетворять потребности ребёнка. Чаще всего это его духовные потребности, особенно потребности в эмоциональном контакте, общении с родителями, в их любви. Требования-обязанности – это перечень повседневных обязанностей ребенка по отношению к себе и по отношению к другим членам семьи.

Недостаточность требований-обязанностей была выявлена у 17% родителей. То есть ребенок имеет минимальное количество обязанностей в семье. Недостаточность требований-запретов к ребенку выявлена у 16% родителей. В этом случае ребенку «все можно». У 16% родителей выявлена чрезмерность требований обязанностей. Требования в такой семье не по силам ребёнку, они не соответствуют его возрастным, интеллектуальным, физическим и другим возможностям. У 16% родителей в воспитании проявляется минимальность санкций. Родители склонны обходиться без наказаний или применять их крайне редко. У 16% родителей отмечается неразвитость родительских чувств, что препятствует интеграции семьи и лежит в основе таких типов нарушения воспитания, как гиперпротекция, эмоциональное отвержение, «повышенная моральная ответственность», жестокое обращение. Расширение сферы родительских чувств выявлено у 14% родителей. Чаще всего такие отношения наступают в семьях, где нарушены отношения между взрослыми, например, в случае развода. У 14% родителей отмечается фобия утраты ребенка. «Слабое место» родителей – такие родители не уверены в своих силах и возможностях, считают, что ребёнок чрезмерно болезненный, «хрупкий» и т.д.

Результаты исследования выраженности кризиса 3 лет, полученные с помощью опросника для измерения выраженности симптомов кризиса трех лет (В. Е. Василенко, Ю. Ю. Уланова) указывают, что у большинства (51%) детей сильно выражены негативистские симптомы кризиса трех лет, у 17% детей негативистские симптомы кризиса трех лет выражены в средней степени, у 32% детей – не выражены. Негативистские симптомы проявляются в том, что ребенок делает наперекор родителям, упрямства, строптивости, отказывается выполнять требования взрослых, словно не слышит их, своеволия, выражения протеста-бунта, деспотизма, ревности и т.д.

У 29% детей сильно выражены конструктивные симптомы кризиса трех лет, у 54% детей выражены в средней степени, у 17% детей – не выражены. Конструктивные симптомы кризиса свидетельствуют о появлении новообразования «гордость за достижения». У детей меняется отношение к предметному миру, ко взрослым, к себе. Дети становятся более настойчивы в достижении результата своей деятельности. В случае неудачи в практической деятельности они не отказываются от задуманного, а обращаются за помощью к взрослому или ищут другое решение,

пытаясь добиться конечной цели. У 29% детей сильно выражены невротические симптомы кризиса трех лет, у 21% детей выражены в средней степени, у 50% детей – не выражены. Невротические реакции проявляются в беспокойном сне, наличии страхов, навязчивых действиях (грызет ногти, сосет палец), затруднении в речи, проявлении эмоциональной возбудимости (участились истерики, появились приступы злости), соматических реакциях (боли в животе, головы).

На заключительном этапе исследования для выявления взаимосвязи между стилем семейного воспитания и выраженности кризиса трех лет нами была проведена статистическая обработка данных с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. Данный коэффициент предназначен для расчета силы и направления линейной зависимости между переменными исследования.

В ходе корреляционного анализа нами были выявлены следующие виды взаимосвязи:

- прямая сильная взаимосвязь между демократическим стилем воспитания и конструктивными симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.764$ при $p \leq 0,01$).
- обратная сильная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания и конструктивными симптомами кризиса трех лет ($r_s = -0.712$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания и негативистскими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.812$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между авторитарным стилем воспитания и невротическими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.728$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между гиперпротекцией и негативистскими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.782$ при $p \leq 0,01$).
- прямая взаимосвязь средней силы между гиперпротекцией и невротическими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.624$ при $p \leq 0,01$).
- обратная сильная взаимосвязь между гиперпротекцией и конструктивными симптомами кризиса трех лет ($r_s = -0.716$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между гипопротекцией и негативистскими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.788$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между гиперпротекцией и невротическими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.734$ при $p \leq 0,01$).
- прямая взаимосвязь средней силы между чрезмерностью требований и негативистскими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.567$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между чрезмерностью требований и невротическими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.701$ при $p \leq 0,01$).
- обратная сильная взаимосвязь между чрезмерностью требований и конструктивными симптомами кризиса трех лет ($r_s = -0.728$ при $p \leq 0,01$).
- прямая сильная взаимосвязь между предпочтением в ребенке детских качеств и негативистскими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.765$ при $p \leq 0,01$).
- прямая взаимосвязь средней силы между предпочтением в ребенке детских качеств и невротическими симптомами кризиса трех лет ($r_s = 0.606$ при $p \leq 0,01$).
- обратная взаимосвязь средней силы между предпочтением в ребенке детских качеств и конструктивными симптомами кризиса трех лет ($r_s = -0.524$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило выявить взаимосвязь стиля воспитания ребенка и выраженности кризиса трех лет. В семьях с демократическим стилем воспитания, у детей сильно выражены конструктивные симптомы кризиса, свидетельствующие о появлении новообразования «гордость за достижения».

У детей, чьи родители придерживаются демократического стиля воспитания, в период кризиса трех лет меняется отношение к предметному миру, к взрослым, к себе. Дети становятся более настойчивыми в достижении результата своей деятельности. В случае неудачи в практической деятельности они не отказываются от задуманного, а обращаются за помощью к взрослому или ищут другое решение, пытаются добиться конечной цели.

Дети в возрасте трех лет стремятся продемонстрировать свои достижения и успехи взрослому, расстраиваются, если взрослый не демонстрирует одобрения его успехов. Родители отмечают, что у детей появилось обостренное чувство собственного достоинства.

У детей, чьи родители используют авторитарный стиль семейного воспитания, а также проявляющих гиперпротекцию, гипопротекцию, чрезмерность требований-запретов, предпочтение в ребенке детских качеств, являются доминирующими неконструктивные и невротические симптомы кризиса трех лет.

Так, у детей, чьи родители категоричны, требовательны, неуступчивы, ограничивающие самостоятельность ребенка, такие родители не обосновывают свои требования, сопровождая их жестким контролем, суровыми запретами, выговорами и физическими наказаниями, чьи родители проявляют гиперпротекцию, гипопротекцию, а также выдвигают чрезмерное количество требований-запретов, строго ограничивают свободу и самостоятельность ребенка, игнорируют взросление детей, сильно выражены негативистские симптомы, включающие в себя проявление негативизма, упрямства, строптивости, своеволия, выражения протеста-бунта, деспотизма, ревности, а также невротические симптомы кризиса трех лет, которые проявляются в беспокойном сне, наличии страхов, навязчивых действиях (грызет ногти, сосет палец), затруднении в речи, проявлении эмоциональной возбудимости (участились истерики, появились приступы злости), соматических реакциях (боли в животе, головы).

Список использованных источников

- 1 Уланова, Ю. Ю. Возрастно-половые и семейные факторы проявлений кризиса трех лет у детей: дисс. ... канд. псих. наук / Ю. Ю. Уланова. – СПб., 2017. – 255 с.
- 2 Николаева, Е. И. Психология семьи / Е. И. Николаева. – СПб. : Питер, – 2017. – 368 с.

П. И. Хвалько

Научный руководитель: **Т. И. Ачинович**, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ СТИЛЕМ ВОСПИТАНИЯ

В данной работе представлены результаты исследования особенностей межличностного взаимодействия у подростков со сверстниками, воспитывающимися в семьях с разным стилем воспитания, рассмотрено межличностное взаимодействие мальчиков и девочек, определены стили воспитания в семьях подростков, проведен сравнительный анализ межличностных отношений со сверстниками у мальчиков и девочек, а также у подростков из семей с разными стилями семейного воспитания.

Ключевые слова: межличностные отношения, общение, отношения, межличностное взаимодействие, подростковый возраст, стиль семейного воспитания, родительское отношение

На протяжении человеческой жизни происходит развитие и совершенствование взаимодействия между людьми. В контексте данной проблемы в психологии принято рассматривать межличностные отношения, под которыми понимается реализация субъективных отношений людей друг к другу, изменяющая их состояния и настроения. Это взаимодействие по типу обмена (который может быть односторонним и обоюдным) и сотрудничества предполагает взаимную связь между людьми, их обусловленность друг другом, взаимное притяжение, близость между людьми [1, с. 90]. В. А. Янчук подчеркивает, что в социальном взаимодействии поведение

одного участника межличностного взаимодействия выступает в качестве стимула для поведения другого и наоборот [2, с. 615].

Межличностные отношения приобретают особую значимость в подростковом возрасте, представляющимся весьма важным этапом в процессе личностного развития. Межличностные отношения подростков обусловлены особенностями психического развития (внутренние противоречия, неопределенность уровня притязаний, повышенная застенчивость и одновременно агрессивность, склонность принимать крайние позиции и точки зрения). Для подростков свойственно отчуждение от взрослых и усиление авторитета группы сверстников. Трудности во взаимодействии со сверстниками могут быть обусловлены стилевой спецификой воспитания в семье. Под стилем воспитания в семье понимается интегративный показатель детско-родительских отношений, определяемый параметрами эмоциональных отношений, стилем общения и взаимодействия, степенью удовлетворения потребностей ребенка, особенностями родительского контроля и степенью последовательности в его реализации [3, с. 74]. Особенности воспитания являются одним из ведущих факторов развития личности в подростковом возрасте. Подросток усваивает ценности, нормы, традиции семьи, а также копирует и развивает в себе те качества и черты, которые преобладают у родителей.

Теоретическое изучение проблемы межличностного взаимодействия у подростков со сверстниками, в семьях с разным стилем воспитания актуализировали проведение эмпирического исследования.

База исследования: государственное учреждение образования «Новодворская средняя школа Минского района». Выборку исследования составили 60 подростков в возрасте 12–15 лет. Из них: 30 мальчиков (7 человек – 12 лет, 5 человек – 13 лет, 7 человек – 14 лет, 11 человек – 15 лет) и 30 девочек (8 человек 12 лет, 8 человек – 13 лет, 6 человек – 14 лет, 8 человек – 15 лет). Все подростки обучаются в государственном учреждении образования «Новодворская средняя школа Минского района». Все подростки проживают с двумя родителями в полных семьях. Также в исследовании приняли участие 120 родителей подростков (60 матерей и 60 отцов). *Психодиагностический инструментарий:* методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири, методика «Опросник родительского отношения (ОРО)» А. Я. Варга, В. В. Столина. Результаты изучения межличностных отношений со сверстниками у подростков по методике «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты методики «Диагностика межличностных отношений» среди подростков, в %

Тип межличностных отношений	Уровень						Достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
	Низкий		Средний		Высокий		
	М	Д	М	Д	М	Д	
Авторитарный	26	50	60	47	14	3	U=550 при $p \geq 0,05$
Эгоистический	36	70	54	24	10	6	U=653 при $p \leq 0,01$
Агрессивный	47	60	47	30	6	10	U=567 при $p \geq 0,05$
Подозрительный	67	56	30	44	3	0	U=519 при $p \geq 0,05$
Подчиняемый	74	41	26	50	0	9	U=258,5 при $p \leq 0,01$
Зависимый	77	59	23	41	0	0	U=391 при $p \geq 0,05$
Дружелюбный	7	0	84	80	9	20	U=293,5 при $p \leq 0,05$
Альтруистический	64	40	36	47	0	13	U=373,5 при $p \geq 0,05$
Примечание: М – мальчики, Д – девочки							

Анализируя полученные результаты, можно определить, что у подростков девочек преобладает дружелюбный и альтруистический типы межличностных отношений. У мальчиков подростков зафиксировано преобладание дружелюбного и авторитарного типов межличностных

отношений. По U-критерию Манна-Уитни выявлены достоверные различия по некоторым типам межличностных отношений у мальчиков и девочек. Мальчики по сравнению с девочками имеют большую тенденцию к эгоистическим проявлениям. Для девочек свойственно большая склонность к застенчивому, робкому поведению по сравнению с мальчиками. Застенчивость и робость девочек свидетельствует об их большей неуверенности в себе, характерной для подросткового возраста и возрастающей на фоне становления гендерной роли. Для девочек в большей степени свойственно быть дружелюбными с теми, с кем они взаимодействуют, быть более ориентированными на социальное одобрение, чем мальчикам.

Результаты изучения стилей воспитания матерей в семьях подростков по методике ОРО А. Я. Варга, В. В. Столина представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты методики ОРО А. Я. Варга, В. В. Столина у матерей подростков, в %

Тип детско-родительских отношений	Матери девочек	Матери мальчиков	Достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
Отвержение	0	0	U=435 при $p \geq 0,05$
Кооперация	47	57	U=552,5 при $p \geq 0,05$
Симбиоз	36	26	U=200 при $p \leq 0,01$
Авторитарная гиперсоциализация	17	14	U=220 при $p \leq 0,01$
Маленький неудачник	0	3	U=377 при $p \geq 0,05$

Согласно данным таблицы 2 в семьях подростков у матерей с девочками и мальчиками преобладает тип отношений «кооперация». Анализ результатов расчета U-критерия Манна-Уитни позволяет говорить, что существуют достоверно значимые различия в стиле воспитания, который подразумевает стремление матери к симбиотическим отношениям с дочерью. Тревога матери за дочь намного выше переживаний матери за сына, так как к дочери матери относятся как к маленькому и незащитному ребенку. Выявлены достоверно значимые различия по такому типу детско-родительских отношений, как «авторитарная гиперсоциализация». Для матерей девочек также в большей степени, чем для матерей мальчиков, характерно требовать от дочери безоговорочного послушания и дисциплины.

Результаты изучения стилей воспитания отцов в семьях подростков по методике ОРО А. Я. Варга, В. В. Столина представлены в таблице 2.

Таблица 3 – Результаты методики ОРО А. Я. Варга, В. В. Столина у отцов подростков мальчиков, в %

Тип детско-родительских отношений	Отцы девочек	Отцы мальчиков	Достоверность различий по U-критерию Манна-Уитни
Отвержение	0	0	U=465 при $p \geq 0,05$
Кооперация	63	70	U=556,5 при $p \geq 0,05$
Симбиоз	23	0	U=418,5 при $p \geq 0,05$
Авторитарная гиперсоциализация	14	30	U=673,5 при $p \leq 0,01$
Маленький неудачник	0	0	U=483 при $p \geq 0,05$

Согласно данным таблицы 3, в семьях подростков у отцов с девочками преобладает тип отношений «кооперация». У отцов мальчиков подростков преобладает тип отношений «кооперация» и «авторитарная гиперсоциализация». Анализ результатов расчета U-критерия

Манна-Уитни позволяет говорить, что существуют достоверно значимые различия в таком стиле воспитания отцов мальчиков и девочек, как «авторитарная гиперсоциализация». Для отцов мальчиков в большей степени характерно требовать от сына безоговорочного послушания и дисциплины. Отец пристально следит за социальными достижениями сына, его индивидуальными особенностями, привычками, мыслями, чувствами. Данных особенностей воспитания в отношении дочери у отцов нет.

Подробный анализ полученных результатов показал, что имеются различия в межличностных отношениях мальчиков и девочек подростков со сверстниками. Девочки более дружелюбны, а мальчики в большей степени демонстрируют эгоистичные проявления. Доказано, что межличностное взаимодействие со сверстниками у подростков, воспитывающихся в семьях с разным стилем воспитания, имеет различия. Неконструктивные стили семейного воспитания приводят к нарушению межличностных отношений подростков с окружающими их сверстниками. «Отвержение» и «авторитарная гиперсоциализация» провоцирует предрасположенность подростков в среде сверстников к агрессивному поведению, к эгоистичности, деспотизму. Родительское отношение по типу «кооперация» позволяет формировать в подростке дружелюбную, отзывчивую личность.

Список использованных источников

- 1 Духновский, С. В. Переживание дисгармонии межличностных отношений / С. В. Духновский. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 175 с.
- 2 Янчук, В. А. Введение в современную социальную психологию: учеб. пособие для вузов / В. А. Янчук. – Минск : АСАР, 2005. – 768 с.
- 3 Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О. А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2005. – 320 с.

М. В. Шулепова

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КОНФЛИКТНОСТЬ У ПОДРОСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ

В статье рассмотрена проблема становления личности ребёнка под влиянием семьи, специфики взаимоотношений её членов. В ходе эмпирического исследования были выявлены статистически значимые различия в выраженности уровня конфликтности у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков.

Ключевые слова: семья, родительство, конфликтность, подросток, социально опасное положение.

Семья – важнейший из феноменов, сопровождающий человека в течение всей его жизни. Семья является историческим образованием, важнейшим институтом, содействующим как становлению полноценной социально активной личности, так и исторической трансляции культурных, этнических, нравственных ценностей поколений. [1, с. 92].

Анализируя понятие «семья», невозможно не затронуть понятия «родительство». Родители являются первой социальной средой развития ребёнка, обеспечивающей удовлетворение практически всех его потребностей, в том числе, в любви и привязанности. З. Фрейд подчёркивал абсолютное непреложное влияние родителей в раннем детстве на последующее развитие личности [2]. А. Лоуэн отмечает, что недостаток любви в ранние годы влечёт за собой эмоциональное недоразвитие человека [3]. Негативный детский опыт приводит к инфантилизму,

эгоцентричности, повышенной агрессивности. Все это ведет к росту числа несовершеннолетних с девиантным поведением, которое проявляется в асоциальных действиях (алкоголизм, наркомания, нарушение общественного порядка, хулиганство, вандализм и др.), с демонстративным и вызывающим поведением по отношению к взрослым и сверстникам [4, с. 194]. На формирование данных психологических особенностей подростка оказывает влияние стиль взаимоотношений с родителями, а также положение семьи. Негативно влияет социально опасное положение семьи на ребенка в подростковом возрасте. Причины социально опасного положения могут быть различны: деформация ценностных ориентаций, конфликты в семье, приводящие к разводам, лишение одного из родителей родительских прав [5, с. 118]. За последние годы наблюдается рост количества подростков, находящихся в социально опасном положении. Это связано с увеличением подростковой преступности и в большинстве случаев – с неблагополучием семей, в которых проживают несовершеннолетние. Основными особенностями таких семей являются: низкий уровень педагогической культуры, деструктивные эмоционально-конфликтные отношения между супругами, социально-экономическое неблагополучие, аморальный образ жизни, зависимость от алкоголя и т.д. Все эти факторы представляют серьезную угрозу для подростков, отрицательно сказываясь на их психологическом и физическом здоровье, и во многом определяют их поведение [6, с. 32].

Исходя из вышеперечисленных положений, было проведено эмпирическое исследование, целью которого явилось изучить конфликтность у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков.

Выборочную совокупность составили 60 учащихся, из них 30 подростков, признанных находящимися в социально опасном положении и 30 социально благополучных подростков.

База исследования: ГУО «Средняя школа № 9 г. Речицы».

Психодиагностический инструментарий: тест «Самооценка конфликтности» В. Ф. Ряховского; опросник описания стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н. В. Гришиной);

На первом этапе исследования была изучена степень конфликтности у подростков, находящихся в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков, с помощью теста «Самооценка конфликтности» В. Ф. Ряховского. Результаты исследования, полученные с помощью теста «Самооценка конфликтности» В. Ф. Ряховского, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования степени конфликтности у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков, полученные с помощью теста «Самооценка конфликтности» В. Ф. Ряховского

Степень	Количество человек		Достоверность различий с помощью U-критерия Манна-Уитни
	Подростки, признанные в СОП (n = 30)	Социально благополучные подростки (n = 30)	
не выражена	2	12	Uэмп = 296.5 при $p \leq 0,01$
слабо выражена	6	10	
выражена	17	7	
высокая степень	5	1	

На основании данных, представленных в таблице 1, на рисунке 1 изображены результаты исследования степени конфликтности у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков (в %).

Согласно полученным данным, представленным на рисунке 1, у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, преобладает *выраженность конфликтности*. *Выраженная конфликтность* выявлена у 57% подростков, признанных находящимися

в социально опасном положении, и у 23 % социально благополучных подростков, что свидетельствует о склонности испытуемых к провоцированию и участию в конфликтных ситуациях. Высокая степень выраженности конфликтности выявлена у 17 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у 3 % социально благополучных подростков, то есть данная часть подростков зачастую является инициаторами конфликтов, сами ищут повод для участия в конфликте. Слабо выражена конфликтность у 20 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у 34 % социально благополучных подростков. У 6 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у 40 % социально благополучных подростков конфликтность не выражена.

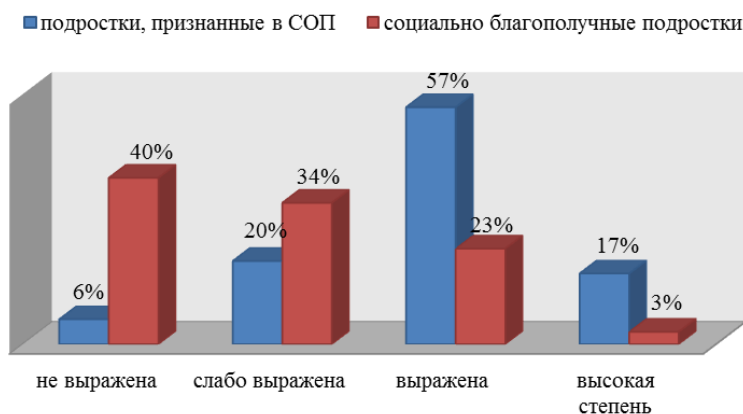

Рисунок 1 – Результаты исследования степени конфликтности у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков (в %)

С помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия в выраженности уровня конфликтности между подростками, признанными находящимися в социально опасном положении, и социально благополучными подростками: $U^*_{эмп} = 296,5$ при $p \leq 0,01$, то есть выраженность конфликтности у социально благополучных подростков ниже, чем у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении.

Результаты исследования стратегий поведения в конфликте у подростков, находящихся в социально опасном положении, и у подростков с нормативным поведением, полученные с помощью опросника описания стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н. В. Гришиной), представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования стратегий поведения в конфликте у подростков, находящихся в социально опасном положении, и у подростков с нормативным поведением, полученные с помощью опросника описания стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н. В. Гришиной)

Стратегия	Количество человек		Достоверность различий с помощью U-критерия Манна-Уитни
	Подростки, признанные в СОП (n = 30)	Социально благополучные подростки (n = 30)	
соперничество	18	8	$U_{эмп} = 273.5$ при $p \leq 0,01$
сотрудничество	5	10	–
компромисс	2	17	$U_{эмп} = 301$ при $p \leq 0,01$
избегание	16	7	$U_{эмп} = 289$ при $p \leq 0,01$
приспособление	6	12	$U_{эмп} = 290$ при $p \leq 0,01$

На основании данных, представленных в таблице 2, на рисунке 2, изображены результаты исследования стратегий поведения в конфликте у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков (в %).

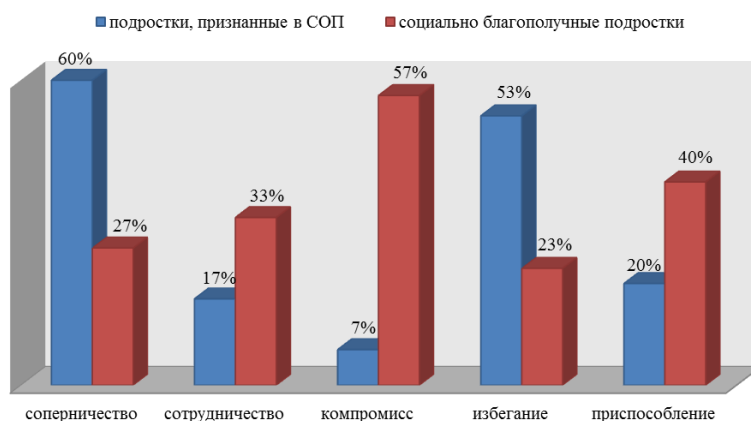

Рисунок 2 – Результаты исследования стратегий поведения в конфликте у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков (в %)

Согласно полученным эмпирическим данным, представленным на рисунке 2, преобладающими стратегиями поведения в конфликте являются «соперничество» и «избегание».

Стратегия «соперничество» выявлена у 60 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у 27 % социально благополучных подростков. Используя тактику «соперничество», подростки стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другого. Они используют все доступные средства, чтобы добиться своего, получить максимум желаемого и утвердиться в своем превосходстве над другими. Подростки, которые выбирают данную стратегию поведения, прежде всего, исходят из оценки собственных интересов в конфликте, как высоких, а интересов других – как низких.

Стратегия поведения в конфликте «избегание» выявлена у 53 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у 23 % социально благополучных подростков, что говорит о стремлении данной части респондентов избежать конфликт. Стратегия избегания отличается стремлением уйти от конфликта. Она характеризуется низким уровнем направленности на личные интересы и интересы соперника и является взаимной.

У 57 % социально благополучных подростков и 7 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, выявлена стратегия «компромисс». Для данной части подростков характерно поведение, основанное на взаимных уступках. Прибегая в конфликтной ситуации к компромиссу, респонденты используют такие действия, которые могут в некоторой степени напомнить сотрудничество, однако при помощи компромисса урегулирование конфликта достигается на более поверхностном уровне, чем при сотрудничестве. В конфликтной ситуации, выбирая стратегию компромисса, подростки проявляют больше терпимости и стремление к примирению интересов.

У 20 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у 40 % социально благополучных подростков преобладает стратегия «приспособление». У данной части респондентов отмечается готовность поступиться своими интересами с целью сохранения взаимоотношений, которые ставятся выше предмета и объекта разногласий. В отличие от уклонения, при этом стиле имеет место участие в ситуации и согласие делать то, чего хочет другой.

Наименее выраженной стратегий поведения в конфликте у 17 % социально благополучных подростков и у 33 % подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, является стратегия «сотрудничество». Используя тактику сотрудничества, данная часть

подростков прибегают к такому поведению, при котором обоюдно приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. Сотрудничество строится на основе баланса интересов и на признании ценности межличностных отношений.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были выявлены статистически значимые различия в выраженности следующих стратегий поведения в конфликте между подростками, признанными находящимися в социально опасном положении, и социально благополучными подростками:

- «соперничество»: $U^*_{эмп} = 273.5$ при $p \leq 0,01$, то есть выраженность использования стратегии поведения в конфликте «соперничество» у социально благополучных подростков ниже, чем у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении;

- «компромисс»: $U^*_{эмп} = 301$ при $p \leq 0,01$, то есть выраженность использования стратегии поведения в конфликте «компромисс» у социально благополучных подростков ниже, чем у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении;

- «избегание»: $U^*_{эмп} = 289$ при $p \leq 0,01$, то есть выраженность использования стратегии поведения в конфликте «избегание» у социально благополучных подростков ниже, чем у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении;

- «приспособление»: $U^*_{эмп} = 290$ при $p \leq 0,01$, то есть выраженность использования стратегии поведения в конфликте «приспособление» у социально благополучных подростков ниже, чем у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить конфликтность у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, и у социально благополучных подростков, и сделать следующие выводы:

- выраженность конфликтности у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, выше, чем у социально благополучных подростков, что свидетельствует о склонности испытуемых к провоцированию и участию в конфликтных ситуациях;

- у подростков, признанных находящимися в социально опасном положении, преобладающими стратегиями поведения в конфликте являются «соперничество» и «избегание».

Используя тактику «соперничество», подростки стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другого. Они используют все доступные средства, чтобы добиться своего, получить максимум желаемого и утвердиться в своем превосходстве над другими. Подростки, которые выбирают данную стратегию поведения, прежде всего, исходят из оценки собственных интересов в конфликте, как высоких, а интересов других – как низких.

Стратегия «избегания» отличается стремлением уйти от конфликта. Она характеризуется низким уровнем направленности на личные интересы и интересы соперника и является взаимной. Используя данную стратегию, респонденты отказываются от своих интересов при неготовности пойти навстречу интересам партнера, что приводит к отложенному конфликту и преобразованию его в хронический.

Список использованных источников

1 Шишкина, Е. В. Семейная социализация: проблема определения / Е. В. Шишкина // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 3. – СПб. : Изд-во АНО «ИПП», 2009. – С. 91–95.

2 Фрейд, З. Я и оно: психология бессознательного / З. Фрейд. – М., 1989. – 439 с.

3 Лоуэн, А. Любовь и оргазм: пер. с англ / А. Лоуэн. – М. : АСТ, 1998. – 428 с.

4 Сидорова, Е. И. Социально-психологический портрет подростка, находящегося в социально опасном положении / Е. И. Сидорова // Современные технологии в образовании: материалы международной научно-практической конференции (24-25 ноября 2016 г.): в 2 ч. / Белорусский национальный технический университет; гл. ред. Б. М. Хрусталёв. – Минск: БНТУ, 2016. – Ч. 2. – С. 192–196.

5 Тратинко, Т. В. Особенности детско-родительских отношений в семьях, находящихся в социально опасном положении как фактор социальной дезадаптации несовершеннолетних /

Т. В. Тратинко // Психология человека в современном мире. Социально-психологические проблемы современной семьи и воспитания: материалы Международной научно-практической конференции (1-2 октября 2011 г.) / отв. ред. В. А. Кольцова, Д. В. Гавчук. – М. : Изд-во Свято-Сергиевская православная богословская академия, 2011. – С. 115–119.

6 Дети социального риска и их воспитание / под науч. ред. Л. М. Шипицыной. – СПб. : Речь, 2003. – 144 с.

Т. А. Юдина

Научный руководитель: **А. Н. Певнева**, канд. психол. наук

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,

г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ОЦЕНКИ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕТЬМИ В ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ

В статье рассматривается проблема особенностей стиля родительского воспитания и оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей стиля родительского воспитания и оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье.

Ключевые слова: стиль воспитания, внутрисемейные отношения, оценка, приемная семья, приемные родители, дети, оставшиеся без попечения родителей.

В последние годы заметно повысилось научное внимание к проблемам приемной семьи, которая является одной из форм жизнеустройства детей-сирот, способствующей их воспитанию и социальной адаптации. В 2019 году из 20,2 тыс. детей-сирот в семьях воспитывалось 16,3 тыс. (81%), в детских интернатных учреждениях – 3,9 тыс. детей-сирот (19%). Существующие работы ученых охватывают вопросы социальной защиты, правовой охраны и воспитания детей-сирот в целом. Но, остается ряд проблем в изучении вопросов, связанных с внутрисемейными отношениями. Изучение стилей родительского воспитания, выявление дисфункциональных стилей воспитания, изучение оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье является наиболее важной и информативной, т.к. от именно от восприятия внутрисемейных отношений детьми зависит их дальнейшее личностное развитие [1, с. 36].

Специфику взаимоотношений в приемных семьях рассматривают в своих работах А. И. Довгалевская, Н. П. Иванова, О. В. Заводилкина, Ж. А. Захарова, В. Н. Ослон, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых.

Целью исследования является выявление особенностей стиля родительского воспитания и оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье. Исследование проводилось в ГУО «Гомельский районный социально-педагогический центр», в котором приняли участие 80 семей, из них 40 приемных полных семей (80 родителей и 48 детей в возрасте 9–15 лет) и 40 полных семей с родными детьми (80 родителей и 52 ребенка). Теоретический анализ проблемы и выдвинутая цель исследования определили психодиагностический инструментарий: методика «Стратегии семейного воспитания» (О. Кондаша); методика «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис (АСВ); методика «Родителей оценивают дети» (РОД); проективная методика «Рисунок семьи» (Г. Т. Хоментausка). В качестве методов математической статистики использовался критерий ϕ^* -углового преобразования Фишера.

Анализ результатов исследования по методике «Стратегии семейного воспитания» (О. Кондаша) показал, что как в приемных, так и родных семьях, преобладающим стилем воспитания является демократический стиль. При данном стиле воспитания родители не только заботятся о дисциплине, послушании ребенка, но и не препятствуют самостоятельности своих детей. В такой семье ребенок выполняет свои обязанности, но при этом его права не ущемляются. Такие родители всегда готовы обосновать свои требования и выслушать аргументы ребенка. Они

дают ему право выбора и в то же время возлагают на него ответственность. Родители позволяют детям принимать участие в обсуждении семейных проблем и учитывают их мнение при принятии решений. А также в свою очередь требуют осмысленного поведения от детей, проявляют твердость и последовательность в соблюдении дисциплины. В таких семьях чрезмерной опеки нет, поэтому дети прислушиваются к объяснениям того, что делать можно, а чего нельзя. Наименее выраженным в приемных семьях является индифферентный стиль семейного воспитания, при котором приемный ребенок предоставлен сам себе.

В ходе диагностики родителей по методике «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис (АСВ) было выявлено, что доминирующими нарушениями в приемной семье являются гиперпротекция (стремление приемных родителей окружить ребенка повышенным вниманием, постоянно удерживать около себя, защищать даже при отсутствии реальной опасности, предлагать готовые варианты решения проблемных ситуаций без предоставления возможности самостоятельного разрешения проблем, в результате чего ребенок лишается возможности самостоятельно преодолевать трудности, он теряет способность к мобилизации своей энергии в трудных ситуациях, ждет помощи родителей, развивается выученная беспомощность), недостаточность требований-обязанностей (возложение на ребенка минимального количества требований в семье) либо чрезмерность требований обязанностей (предъявление высоких требований к ребенку, что не соответствуют его возможностям и не содействует гармоничному развитию личности, способствует психотравматизации), фобия утраты ребенка (повышенная неуверенность, боязни ошибиться, преувеличенное представление о «хрупкости» приемного ребенка, сформировавшаяся под воздействием страха утраты его, который заставляет родителей тревожно прислушиваться к любым пожеланиям ребенка и спешить удовлетворить их), потворствование (стремление к максимальному и некритическому удовлетворению любых потребностей ребенка), игнорирование потребностей ребенка (недостаточное стремление родителей удовлетворить потребности ребенка), минимальность санкций (родители либо обходятся без наказаний детей, либо применяют их крайне редко).

Результаты исследования особенностей оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной и биологической семье, полученные с помощью методики «Родителей оценивают дети» (РОД), показал что дети в приемной семье оценивают внутрисемейные отношения как гиперпротекционные (приемные родители стремятся окружить ребенка повышенным вниманием, постоянно удерживать около себя, защищать даже при отсутствии реальной опасности, предлагают готовые варианты решения проблемных ситуаций без предоставления возможности самостоятельного разрешения проблем, в результате чего ребенок лишается возможности самостоятельно преодолевать трудности, он теряет способность к мобилизации своей энергии в трудных ситуациях, ждет помощи родителей, развивается выученная беспомощность), как отношения с недостаточным предъявлением требований-обязанностей (они считают, что родители возлагают на них минимальное количества требований в семье), как отношения, в которых родители проявляют воспитательную неуверенность (в семье происходит перераспределение власти между родителями и ребенком в пользу последнего. Родитель «идет на поводу» у ребенка, часто уступает даже в тех вопросах, в которых уступать, по его же мнению, никак нельзя. Возможно, это происходит потому, что родитель считает своего ребенка обделенным и старается ему всячески компенсировать это); как отношения с неразвитыми родительскими чувствами; часть детей считает, что родители предъявляют минимальность санкций к приемным детям.

Анализ оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье, полученные с помощью методики «Рисунок семьи» (Г. Т. Хоментаскас), показал, что дети в приемных семьях испытывают тревогу, ревность по отношению к братьям, сестрам, эмоциональное семейное благополучие, подавление самостоятельности и инициативы, важность собственной личности в семье, чувство отверженности и одиночества, недостаточность эмоциональных связей, психологическую дистанцию между членами семьи, чувство беспомощности и требование ухода.

В ходе статистической обработке результатов диагностики стилей родительского воспитания приемных и биологических родителей с помощью ϕ^* -углового преобразования

Фишера были выявлены статистически значимые различия между приемными и родными семьями по следующим шкалам: гиперпротекция ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,238$ при $\rho \leq 0,01$), потворствование ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,516$ при $\rho \leq 0,01$), чрезмерность требований-обязанностей ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,727$ при $\rho \leq 0,05$), недостаточность требований-обязанностей ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,365$ при $\rho \leq 0,01$), воспитательная неуверенность ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,138$ при $\rho \leq 0,05$), фобия утраты ребенка ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,333$ при $\rho \leq 0,01$), неразвитость родительских чувств ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,859$ при $\rho \leq 0,01$).

В ходе статистической обработке результатов диагностики с помощью φ^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия между приемными и родными детьми по следующим шкалам: гиперпротекция ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,877$ при $\rho \leq 0,01$), чрезмерность требований-обязанностей ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,697$ при $\rho \leq 0,01$), недостаточность требований-обязанностей ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,982$ при $\rho \leq 0,01$), чрезмерность санкций ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,197$ при $\rho \leq 0,01$), воспитательная неуверенность ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,048$ при $\rho \leq 0,01$), фобия утраты ребенка ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,688$ при $\rho \leq 0,01$), неразвитость родительских чувств ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,767$ при $\rho \leq 0,01$), чувство отверженности, одиночества ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,043$ при $\rho \leq 0,01$), беспомощность и требование ухода ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,908$ при $\rho \leq 0,01$), тревога, ревность к родным детям в семье ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,277$ при $\rho \leq 0,01$), дефицит эмоциональных связей ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,043$ при $\rho \leq 0,01$), подавление самостоятельности и инициативы ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,693$ при $\rho \leq 0,01$).

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить особенности стиля родительского воспитания и оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье. В приемных семьях статистически значимо чаще, чем в родных (биологических) семьях отмечаются такие нарушения в стилях воспитания, как гиперпротекция (то есть приемные родители стремятся уделить приемным детям максимум внимания, оберегают их даже при отсутствии реальной опасности, не дают детям возможности самостоятельного принятия решения при столкновении с проблемными ситуациями, предлагая им готовые варианты решения их, что, в свою очередь, лишает ребенка возможности самостоятельного преодоления трудностей, выработки своей модели поведения, дети, растущие в таких семьях во всем ждут помощи родителей, тем самым у них развивается «выученная беспомощность»); потворствование (родители удовлетворяют любые потребности ребенка, даже не чересчур важные); недостаточность требований-обязанностей (то есть родители наделяют детей минимальным количеством требований в семье); воспитательная неуверенность (родители уступают детям в различных вопросах, так как считают приемного ребенка обделенным и стараются это всячески компенсировать); фобия утраты ребенка (родители характеризуются повышенной неуверенностью, у них развит страх ошибки, а также представление о «слабости», «уязвимости» ребенка); неразвитость родительских чувств (родители занимаются воспитанием ребенка в силу долга, потребности «реализации себя в детях»). В некоторых семьях отмечается игнорирование потребностей ребенка (то есть родители не удовлетворяют необходимые потребности ребенка), чрезмерность требований-обязанностей (к ребенку предъявляются завышенные требования, не соответствующие его возможностям). Также нами были выявлены особенности оценки внутрисемейных отношений детьми в приемной семье. Дети в приемной семье оценивают внутрисемейные отношения как гиперпротекционные (им кажется, что приемные родители стремятся окружить их повышенным вниманием, постоянно удерживать около себя, защищать даже при отсутствии реальной опасности, предлагают готовые варианты решения проблемных ситуаций без предоставления возможности самостоятельного разрешения проблем, в результате чего ребенок лишается возможности самостоятельно преодолевать трудности, он теряет способность к мобилизации своей энергии в трудных ситуациях, ждет помощи родителей, развивается выученная беспомощность). Им кажется, что приемные родители предъявляют недостаточное количество требований-обязанностей (они считают, что родители возлагают на них минимальное количества требований в семье). Им кажется, что приемные родители проявляют воспитательную неуверенность (то есть родители «идут на поводу» у ребенка и дети это сами осознают); фобию утраты ребенка (их приемные родители отличаются неуверенностью в себе как воспитателе, боятся ошибиться); неразвитость родительских чувств. Дети в приемных семьях

испытывают тревогу, ревность к братьям, сестрам, им кажется, что родители стремятся подавить их самостоятельность, инициативу, переживают некоторую отверженность, одиночество, недостаточность эмоциональных связей, испытывают психологическую дистанцию в семье, чувство беспомощности и требование ухода.

Однако, несмотря на выявленные нарушения в стилях воспитания в приемных семьях, воспитание детей в них, однозначно, оказывают лучшее влияние на развитие их личности, чем проживание в детском доме. Проживание в приемной семье способствует компенсации последствий депривации, повышению самооценки, развитию уверенности детей-сирот, эмоциональному благополучию оптимизации социальной адаптации.

Разработаны психолого-педагогические рекомендации приемным родителям: родителям необходимо проявлять безусловную любовь к ребенку; ребенок должен чувствовать, что родители уважают его, принимают таким, какой он есть, доверяют ему; ни при каких обстоятельствах ребенок не должен бояться родителя, он должен их уважать, но не бояться; в максимально возможной степени родители должны оставлять за ребенком свободу в принятии решения; использовать поощрения, нежели наказания; необходимо с пониманием относиться ко всему, что происходит с ребенком, не делать ему критических замечаний; не стоит растить ребенка в соответствии со своим образом, который они хотели бы «слепить», необходимо видеть в ребенка личность, а не объект воспитания; необходимо заботиться об удовлетворении основных физических и психологических потребностей ребенка; не вмешиваться в дело, которым занят ребенок, если он не просит помощи, а в случае обращения ребенком за помощью, обязательно нужно оказать помощь; постепенно необходимо снимать с себя заботу и ответственность за личные дела ребенка и передавать их ему; необходимо дать возможность ребенку столкнуться с отрицательными последствиями собственных действий или бездействий, что будет способствовать взрослению ребенка, формированию его «сознательности»; если ребенок вызывает своим поведением отрицательные переживания, ему нужно незамедлительно сообщить об этом; не стоит предъявлять к ребенку непосильных требований.

Список использованных источников

1 Курбацкий, И. Н. Педагогическое и правовое толкование понятия «приемная семья» / И. Н. Курбацкий // Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 35–40.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Н. Н. Зенько

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

РИСКОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ИЗ КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Проблема социализации обучающихся остается недостаточно изученной как в теоретическом, так и в практическом отношении. Во многом это связано с тем, что социализация личности на всех возрастных этапах происходит под влиянием определенных условий – факторов социализации, более или менее влияющих на этот процесс. В статье обосновывается, что категорию социального риска образуют те группы обучающихся, которые подвержены негативному влиянию факторов социального риска и, вследствие чего, в большей степени, чем их сверстники, склонны к асоциальным проявлениям и нарушениям социализации.

Ключевые слова: социальный риск, факторы социального риска, обучающиеся из категорий социального риска, медико-социальные факторы риска социализации обучающихся, социально-психологические факторы риска социализации обучающихся.

Присутствие риска в современном обществе неоспоримо. В социально-экономическом функционировании человек сталкивается с политическими, экономическими, экологическими, психологическими, правовыми, медицинскими и многими другими видами рисков. Вместе с тем не подлежит сомнению и тот факт, что социализация личности и ее индивидуализация во многом определены некоторыми обстоятельствами, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Проблемы риска и его последствий, отношения к риску и стратегий поведения в ситуациях неопределенности является предметом исследования различных научных направлений: экономики (В. А. Абрамчук, В. А. Абчук, И. Т. Балабанов), социологии и философии (А. П. Альгин, Е. М. Бабосов, В. И. Зубков, Н. Луман), права (Д. А. Архипов, М. Дуглас, М. И. Еникеев), медицины (В. П. Филонов, Е. О. Гузик), психологии (И. Е. Задорожнюк, Т. В. Корнилова, Е. П. Ильин), педагогики (И. Г. Абрамова, Л. Н. Антонова, Н. Д. Никандров).

Актуальность научно-методического изучения психолого-педагогической наукой рискогенных факторов социализации обучающихся состоит в реализации предупреждающей функции минимизации последствий негативного влияния этих факторов. В сущности риска заложены элементы, которые определяют содержание понятия опасности: неопределенность, случайность, страх. Если нет опасности, то нет и риска. Риск наблюдается в случаях, когда существует нежелательность возможного результата или развития определенной ситуации.

Социальный риск – это особая разновидность социального взаимодействия, существенным образом влияющего на возможность адаптации и индивидуализации личности в обществе. В рамках нашего исследования под *социальными рисками социализации обучающихся* понимаются объективно сложившиеся и независимые от ребенка обстоятельства жизнедеятельности, отличающиеся негативностью социализирующего влияния или неопределенностью исхода, вследствие чего происходит увеличение масштабов личностного и социального неблагополучия обучающегося [1, с. 123]. Факторы социального риска представляют собой внутренние и внешние детерминанты, увеличивающие вероятность наступления ситуации социального риска. Категория «дети группы риска» имеет междисциплинарный характер и достаточно часто используется в научно-методической литературе по проблемам воспитания и социализации учащейся и студенческой молодежи, а также в контексте оказания практической социально-педагогической и психологической помощи и поддержки обучающимся в образовательном процессе. По отношению к обучающимся как социально уязвимой категории населения, на ряду с понятием «дети группы риска», можно встретить такие термины, как

«социально незащищенные», «педагогически и социально запущенные», «трудновоспитуемые», «проблемные», «дезадаптированные» и «недисциплинированные дети».

Одна из задач нашего исследования состояла в обосновании сущностно-содержательных характеристик понятия «обучающиеся из категорий социального риска». Анализ научной литературы и словарных статей показал, что термины «группа» и «категория» можно рассматривать как синонимы. Сущность этих двух понятий может быть определена как объединение каких-либо предметов, явлений, людей по общему признаку [2, с. 105, 216]. Следуя логике исследования, М. В. Шакурова рассматривает понятия «дети группы риска» и «обучающиеся из категорий социального риска» как синонимичные и взаимозаменяемые [3]. С точки зрения содержательной характеристики понятия риска, область исследований данного вопроса будет касаться таких поведенческих проявлений как агрессивность, алкоголизм, вандализм, курение, воровство и др. Вместе с тем, результаты нашего исследования дают основание отнести обучающихся к категории социального риска по *наличию факторов социального риска и соответствующих им показателей* в социальной ситуации развития ребенка.

Исследование выполнялось в рамках научной темы «Создание модели педагогического пространства для нравственного саморазвития обучающихся из категорий социального риска» (№ госрегистрации 20181189, дата регистрации 18.07.2018) по договору № Г18-136 от 30.05.2018 г. с Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований (2018–2020 гг.). В ходе исследования научным коллективом были выделены шесть групп факторов, приводящих к возникновению ситуации социального риска социализации обучающихся и увеличивающих вероятность их десоциализации: социально-экономические, социально-демографические, медико-социальные, социально-педагогические, социально-психологические и криминогенные. Автором публикации осуществлялось изучение и выявление сущности и содержания медико-социальных и социально-психологических групп факторов.

Медико-социальные факторы риска социализации обучающихся представляют собой сложный комплекс объективных и практически не зависящих от воли человека обстоятельств или состояний, связанных с трудностями здоровья, болезнью, полной или частичной утратой дееспособности родителей либо самого ребенка и вследствие этого создающих угрозу его социального и личностного функционирования. Основанием для выделения данного фактора стало признание главенствующей роли семьи в социализации ребенка и понимание здоровья как условия полноценного становления и функционирования личности.

В контексте анализируемой проблемы к медико-социальным факторам мы отнесли *инвалидность и хронические заболевания родителей, аддиктивное родительство*, а также ситуации развития ребенка, связанные с *неравенством жизненного старта*. Содержание медико-социального фактора раскрывают следующие *показатели* социальной ситуации развития ребенка: ребенок имеет хронические заболевания; ребенок имеет инвалидность; один или оба родителя имеют хронические заболевания; один или оба родителя являются инвалидами; вредные условия работы родителей; один или оба родителя курят; один или оба родителя страдают алкогольной либо наркотической зависимостью; состояние жилья не соответствует санитарно-гигиеническим нормам; ребенок имеет особенности психофизического развития.

Особенностью данной группы факторов является то, что нарушение социализации обучающихся в широком смысле слова может быть вызвано не только десоциализирующим влиянием социальной ситуации, складывающейся вследствие злоупотребления родителем или родителями психоактивных веществ, но и длительным отрицательным воздействием сложных условий жизни и возникающих трудностей, связанных с утратой здоровья как родителями, так и самим ребенком.

Под *социально-психологическими факторами риска социализации обучающихся* мы понимаем те обстоятельства социально-психологической реальности, которые своим содержанием и направленностью негативно воздействуют на обучающегося, препятствуя его саморазвитию и самореализации.

Содержание данного фактора раскрывают явления, состояния, ситуативные характеристики социального взаимодействия, состоящие в неопределенности их исхода и возможного неблагоприятного влияния на социализацию обучающегося.

Структура социально-психологического влияния на обучающегося сложна и включает систему социально-психологических взаимоотношений, складывающихся на трех уровнях: «ребенок – родители», «ребенок – коллектив», «ребенок – общество». В соответствии с этим нами были выделены три фактора: *отрицательный социально-психологический климат в семье, неблагоприятные социально-психологические условия жизнедеятельности обучающегося в коллективе сверстников и негативное психологическое влияние средств массовой коммуникации.*

Социально-психологические факторы риска проявляются в конфликтных отношениях ребенка с родителями, ситуации развода родителей, конфликтных отношениях между ними, несформированности психологической культуры родителей, низком социометрическом статусе ребенка в коллективе сверстников, проявлении у него таких негативных реакций, как агрессивность, упрямство, капризы, негативизм, тревожность, страх. Для фиксации воздействия данной группы факторов на обучающихся мы использовали следующие *показатели*: ребенок склонен к конфликтному поведению в школе; в отношениях между членами семьи преобладает противоборство мотивов и взглядов; нарушено взаимопонимание между родителями и ребенком; ребенок испытывает трудности в общении с людьми; ребенок имеет статус изолированного или отверженного в коллективе класса; ребенок проводит в социальных сетях, Интернете более двух часов; ребенок часто проявляет упрямство и негативизм; у ребенка наблюдаются проявления тревожности или страха; ребенок склонен к проявлению агрессии; реакции ребенка часто непредсказуемы.

Таким образом, любой фактор социального риска оказывает прямое или косвенное воздействие на ребенка и, соответственно, обуславливает большую или меньшую вероятность наступления неблагоприятных последствий для его социализации. Вопрос о роли факторов социального риска в детерминации социализации обучающихся должен решаться не путем противопоставления факторов различной природы друг другу или определения главенствующего, а через признание их взаимосвязанности и взаимообусловленности.

Список использованных источников

1 Зенько, Н. Н. Особенности влияния факторов социального риска на социализацию обучающихся / Н. Н. Зенько // Вісник Національного університету «Чернігівський колегіум» імені Т. Г. Шевченка. – 2019. – № 2. – С. 122–128.

2 Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М., 2013. – 800 с.

3 Шакурова, М. В. Методика и технология работы социального педагога : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / М. В. Шакурова. – М. : Академия, 2004. – 272 с.

Г. Л. Казимирский

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ СКАЗКОТЕРАПИИ

В статье рассматривается помощь клиентам любого возраста при помощи методов сказкотерапии. Приводятся правила и советы при написании психотерапевтических сказок, а также исследуется ценность методов сказкотерапии в психологическом консультировании.

Ключевые слова: сказка, сказкотерапия, архетип, проблема, главный герой, персонаж

Без сомнения, сказки играют важную роль в психологическом и воспитательном воздействии на подрастающее поколение. Они показывают разнообразных архетипических персонажей, таких как хорошие матери, плохие ведьмы, прекрасные принцессы, злой волк, хитрая лиса, трусливый заяц и т.д., а также такие архетипические символы, как золото, леса, башни, шипы, чтобы вызвать интуитивный отклик у слушателей. Сказочные сюжеты обычно развиваются в сверхъестественном мире, где естественные физические законы приостановлены. Обычно в сказке бывают счастливые концовки. Надежда и добро торжествуют над тьмой.

Многие психологи XX века, последователи Зигмунда Фрейда и Карла Юнга, развили новые мысли о происхождении и целях сказок. Так, Бруно Беттельхайм опубликовал книгу «Использование чар: смысл и значение сказок», в которой изложил фрейдистский подход к сказкам. Эти истории помогают детям научиться справляться со своими собственными «примитивными побуждениями» и «жестокими эмоциями» и уверяют их, что подобно сказочным персонажам они могут преодолевать препятствия. По мнению Беттельхайма, сказки направляют детей через процесс здорового развития человека.

По теории К. Юнга, сказки являются признаком коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное, согласно К. Юнгу, является общей частью бессознательного разума, составленной из исконных образов или архетипов, из которых возникают врожденные человеческие побуждения. Именно так структура души спонтанно и независимо организует переживания. Все люди имеют доступ к этому коллективному бессознательному, и это влияет на поведение человека на инстинктивном этическом, моральном и культурном уровнях.

Мари-Луиза фон Франц, юнгианский психоаналитик, отмечала ценность сказок, имеющих значение для понимания коллективного бессознательного. В отличие от мифов, сказки не имеют культурного, национального или религиозного значения. С этой точки зрения традиционные сказочные персонажи возникают из коллективного бессознательного. Сказки содержат глубокие сакральные знания о человеческих и духовных ценностях. [1]

Достаточно часто сказки не анализируют внутренний мир героя, у героев сказок нет длительных монологов. Скорее, они раскрывают свои мысли в действии, однако в психологии важно знать, что чувствует человек перед принятием того или иного решения, осуществлением того или иного действия. Именно поэтому задачей психолога, работающего с клиентами при помощи методов сказкотерапии, является сбор максимально возможного количества психологических сказок. Каждая психологическая сказка должна способствовать решению той или иной проблемы клиента. Если классического варианта нет, весьма продуктивным будет либо составить для клиента сказку (желательно использовать при работе с детьми), либо дать задание клиенту составить сказку на данную проблему самостоятельно (если речь идет о взрослом человеке).

Весьма популярным методом, облегчающим работу психолога, в последнее время является использование колод архетипических карт в работе по сопровождению личности в сложной жизненной ситуации. В последнее время на рынке появляется большое количество подобных колод от разных авторов. В настоящей статье мы не считаем необходимым выделять какую-то колоду из общей массы подобных колод. Каждый психолог или педагог вправе выбрать то, что понравится именно ему. Принцип работы таких карт весьма прост. Думая о своей проблеме, консультируемый вытягивает карту из колоды. После этого, глядя на эту карту, он должен придумать психологическую сказку. Каждая карта будет нести в себе тот или иной архетипический сюжет, который поможет человеку в сложной жизненной ситуации найти решение своей проблемы. Однако задачей психолога остается осуществление методического контроля над написанием сказки. Клиент или психолог должен создавать сказку, руководствуясь правилами сказкотерапии.

Герой сказки должен выглядеть как угодно: как нарисован на карте, если используется архетипическая колода, или возможно придумать любого героя, но его чувства и его проблема должны быть очень похожей на проблему клиента психолога. В этом случае сказка приобретает функцию зеркала, и клиент бессознательно начинает отождествлять себя с этим героем.

После знакомства с проблемой сказочного персонажа необходимо описать последствия, к которым эта проблема героя привела. В сказкотерапии проблемы принято увеличивать во много раз, раздувать их до катастрофических масштабов. Формат сказки разрешает нам придумать любой немыслимый в реальной жизни сюжет с целью увеличить мотивацию клиента бороться со своей проблемой любыми средствами.

В следующей фазе сказки герой должен понять, как решить свою проблему. Это еще не решение, а лишь поиск пути к решению. Что угодно может помочь герою в решении его проблемы: фея, мудрый старец, животное, переход в параллельный мир или временной откат, волшебный предмет или дружеский совет. Работая со сказкой, мы можем позволить себе любой невероятный сюжет. Однако необходимо помнить, что для того, чтобы сказка оказала реальную практическую помощь клиенту, мысли и выводы, которые выносит главный герой из сложившейся ситуации, должны быть полезны и для клиента тоже. Герои сказки должны быть сказочными, но их помощь или советы – реалистичными. Это необходимо для того, чтобы клиент экстраполировал происходящее в сказке на свою проблему.

Четвертая фаза сказки – а это действия, которые начинает предпринимать главный герой для решения проблемы. И на данном этапе чем более реалистичными методами он будет пользоваться, тем лучше для консультируемого. Этот опыт должен остаться в памяти клиента.

Пятая фаза сказки – благополучное решение всех проблем сказочного персонажа. Для психологической сказки важно, чтобы все проблемы главного героя решились не с помощью волшебной палочки, а путем его кропотливой работы над собой.

Независимо от того, берется ли готовый вариант чьей-то сказки, пишется ли сказка самостоятельно, или просят написать сказку клиента, все вышеперечисленные фазы должны присутствовать в вашем психологическом произведении. Это залог того, что сказка окажет на клиента необходимый эффект.

Безусловно, сказкотерапия является мощным, действенным методом психологического воздействия на людей. Это несомненно один из древнейших методов психологии, которые бессознательно использовали наши прадеды для воспитания подрастающего поколения. Сказка заменяет собой и совет, и строгое порицание. Ее ценность заключается в том, что мы даем совет клиенту не напрямую, а через главного героя сказки.

Это не наш ребенок или наш клиент сделал ошибку, это не он имеет отрицательные модели поведения, это главный герой сказки ведет себя неправильно. Это дает человеку возможность подумать над своим поведением в спокойной обстановке, не испытывая на себе давления психолога или родителей. Сказка также позволяет ребенку закрепить нравственные ценности. Некоторые дети стесняются своих страхов и боятся неадекватной или безразличной реакции взрослых на эти страхи, у них также может не хватать словарного запаса для выражения своих эмоций. Поэтому для них бывает особенно важно услышать словесное выражение своих сумбурных чувств в сказке.

Для любого психолога и педагога также важно при написании или чтении сказки учитывать уровень общего развития и словарный запас того человека, для кого он эту сказку пишет/читает. В последнее время родители и педагоги наблюдают снижение интереса у детей к старым сказкам. Это происходит из-за того, что за последнее столетие жизнь человечества серьезно изменилась. В связи с этим герои старых сказок становятся для детей далекими и непонятными. Быт персонажей и окружающие их предметы совершенно незнакомы современному поколению детей. Дети понятия не имеют, кто такие кучеры, лакеи и привратники, плохо ориентируются в титулах разных придворных вельмож, они не знают, что такое веретено, огниво, булава, коромысло, прялка, кокошник и т. д. [2]

Если человек не сможет себе представить ту вещь, о которой говорится в повествовании, это существенно снижает понимание сказки и соответственно снижает эффект от нее. Необходимо следить за тем, чтобы сказки были простыми и понятными для человека, которому необходима помощь. Если пишется сказка для ребенка, будет весьма положительным моментом, если главный герой будет жить в условиях, приближенных к условиям жизни ребенка. Это существенно

повысит уровень идентификации мальчика с главным персонажем. Использование метода сказкотерапии в своей работе несомненно повысит рейтинг психолога и педагога в глазах консультируемых, поскольку сказки настолько обезоруживают любого человека, независимо от статуса и возраста, что бороться с ними совершенно невозможно и бессмысленно.

Список использованных источников

1 Roundabout Theatre Company. The Psychology of Fairy Tales [Электронный ресурс]. – Broadway World. – 2015. – Режим доступа: <https://www.broadwayworld.com/article/The-Psychology-of-Fairy-Tales-20150320>. – Дата доступа: 05.14.2020.

2 Казимирская, Е. С. Сказкотерапия для малышей: пособие для педагогов учреждений, обеспечивающих получение дошк. образования / Е. С. Казимирская. – Мозырь: ООО ИД «Белый Ветер», 2009. – 65 с.

Н. И. Колтышева, Н. В. Самара

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА У СКЛОННЫХ К НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ПОДРОСТКОВ

В статье рассматривается проблема внутренней конфликтности подростков, склонных к наркотической зависимости. На основе анализа теоретических подходов авторами определено понятие «внутриличностный конфликт», приводятся результаты исследования сфер, в которых возникают внутриличностные конфликты у подростков, склонных к наркотической зависимости, и подростков, не склонных к наркотической зависимости.

Ключевые слова: подростки, наркотическая зависимость, конфликт, внутриличностный конфликт.

В настоящее время в психологической науке существует мнение, что категория «внутриличностный конфликт» включает в себя психологические конфликты, состоящие в столкновении различных личностных образований (мотивов, целей, интересов и т. д.), представленных в сознании индивида соответствующими переживаниями. Для описания конфликтов данного вида в психологии используются понятия: интрапсихические, внутренние, личностные, внутриличностные, интрасубъектные, персональные или психологические. Данные термины употребляются как синонимы [1, с. 437].

Проблема внутриличностного конфликта всесторонне исследовалась как в зарубежной, так и в отечественной психологии. В рамках зарубежной психологии изучением этого явления занимались такие известные ученые, как З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм, К. Левин, Л. Фестингер, К. Роджерс, А. Маслоу, Б.Ф. Скиннер, Р. Ассаджиоли и др. В рамках западных направлений проблема внутриличностного конфликта рассматривалась, прежде всего, исходя из концепции личности, существующей в той или иной психологической школе. Психодинамические (интрапсихические) концепции опираются на биопсихическую основу индивида и представлены в теориях З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма. Ситуационные подходы, опирающиеся на представление конфликта как реакции на внешнее стечение обстоятельств, отражены в работах бихевиористов (Д. Скиннера) и необихевиористов (Н. Миллера, Дж. Долларда). Когнитивистские концепции основываются на понимании конфликта как познавательного феномена (А. Маслоу, К. Левин). Несмотря на все различия в методологии среди представленных выше теоретических концепций есть и общее в понимании внутриличностного конфликта как негативного переживания, вытекающего из противоборства различных внутренних структур личности, потребностей, мотивов.

В отечественной психологии к анализу внутриличностного конфликта обращались такие известные ученые, как А. Р. Лурия, В. Н. Мясищев, В. С. Мерлин, Н. Д. Левитов, Л. И. Божович, В. В. Столин, И. С. Кон, Е. А. Донченко, Г. И. Титаренко, Е. Б. Фанталова, В. И. Гарбузов, А. И. Шипилов и др.

Цель исследования: изучить особенности внутриличностного конфликта у склонных к наркотической зависимости подростков. В исследовании приняли участие 60 подростков 13–14 лет (30 мальчиков, 30 девочек), обучающихся в ГУО «Головинская средняя школа». В соответствии с целью исследования был определен следующий *психодиагностический инструментарий*: тест «Склонность к зависимому поведению» (В. Д. Менделевича); методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова).

С помощью методики «Склонность к зависимому поведению» была исследована склонность к наркотической зависимости у подростков: у 67 % подростков отсутствует склонность к наркотической зависимости, что свидетельствует о низкой вероятности развития наркотической зависимости, отсутствии личностных качеств, способствующих формированию данной зависимости. Однако у третьей части (28 % подростков) выявлены признаки повышенной склонности к наркотической зависимости. При определенных социальных условиях имеется риск развития наркотической зависимости. У 5 % подростков отмечаются признаки высокой вероятности развития наркотической зависимости.

На основе комплексного анализа результатов диагностики склонности к наркотической зависимости у подростков выборочная совокупность была условно разделена на две группы. Первую группу составили подростки, у которых отсутствует склонность к наркотической зависимости (40 человек), вторую группу – подростки, у которых выявлена повышенная либо высокая склонность к развитию наркотической зависимости (20 человек).

Рисунок – Результаты исследования сфер, в которых выявлены внутриличностные конфликт у подростков (в %)

На основании данных, полученных с помощью методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах», можно сделать вывод о том, что высокий уровень дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере характерен для 60 % подростков, склонных к наркотической зависимости, и 23 % подростков, не склонных к наркотической зависимости (φ эмп = 3.567; $\rho \leq 0,01$). Следовательно, подростки, склонные

к наркотической зависимости, переживают противоречие, борьбу между внутренними тенденциями личности и возможностями их удовлетворения.

У 52 % подростков, не склонных к наркотической зависимости, и 15 % подростков, склонных к наркотической зависимости, выявлен низкий уровень дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, т. е. у данной части подростков совпадают желания с их возможностями и тем, что они имеют (φ эмп = 3.015; $p \leq 0,01$). У 25 % подростков, склонных к наркотической зависимости, и 33 % подростков, не склонных к наркотической зависимости, выявлен средний уровень дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере.

Результаты исследования сфер, в которых возникают внутриличностные конфликты у подростков, склонных к наркотической зависимости, и подростков, не склонных к наркотической зависимости, полученные с помощью методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах», представлены на рисунке.

Анализ данных, представленных на рисунке, показал, что наиболее конфликтогенными сферами, в которых выявлены внутриличностные конфликты у подростков, склонных к наркотической зависимости, являются следующие: наличие хороших и верных друзей (внутриличностные конфликты на данной почве выявлены у 70 % подростков, склонных к наркотической зависимости, и у 25 % подростков, не склонных к наркотической зависимости); уверенность в себе (внутриличностные конфликты на данной почве выявлены у 70 % подростков, склонных к наркотической зависимости, и у 20 % подростков, не склонных к наркотической зависимости); материально обеспеченная жизнь (внутриличностные конфликты на данной почве выявлены у 60 % подростков, склонных к наркотической зависимости, и у 15 % подростков, не склонных к наркотической зависимости). Полученные данные подтверждены статистически (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты исследования сфер, в которых имеются внутриличностные конфликты у подростков, методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» (Е. Б. Фанталова)

Сфера	Количество человек		Достоверность различий с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера (уровень значимости)
	подростки, склонные к наркотической зависимости (n = 20)	подростки, не склонные к наркотической зависимости (n = 40)	
Активная жизнь	6	8	–
Здоровье	6	9	–
Любовь	5	9	–
Материально обеспеченная жизнь	12	6	φ эмп = 3.567 при $p \leq 0,01$
Наличие хороших, верных друзей	14	10	φ эмп = 3.414 при $p \leq 0,01$
Уверенность в себе	14	8	φ эмп = 3.851 при $p \leq 0,01$
Свобода	11	20	–

Это свидетельствует о том, что данная часть подростков испытывает трудности в удовлетворении потребностей в общении (наличии верных друзей), также они хотели бы быть уверенными в себе.

Однако, как показали результаты исследования, данные ценности блокируются, подростки испытывают затруднения в данной сфере. Также отмечается противоречие в наличии ценности

материально обеспеченной жизни и ее удовлетворении. В условиях, когда подростки испытывают внутриличностные конфликты, когда желаемое и реальное не совпадают, когда отсутствует реализация таких фундаментальных потребностей человека, как потребность в общении, уважении, развивается резкое ощущение личностного дискомфорта. Личность не может пребывать постоянно в состоянии острого дискомфорта, и подростки начинают искать выход из сложившейся ситуации. В данном случае таким выходом является уход от неудовлетворительной действительности путем изменения своего состояния с помощью употребления наркотических веществ.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило выявить особенности внутриличностного конфликта подростков, склонных к наркотической зависимости. Преобладающим уровнем дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, свидетельствующим о наличии внутриличностных конфликтов у подростков, склонных к наркозависимости, является высокий уровень, что свидетельствует о расхождении между тем, что есть у подростков, и тем, что должно быть, между тем, чего они хотят, и тем, что имеют. Другими словами, подростки, склонные к наркотической зависимости, переживают противоречие, борьбу между внутренними тенденциями личности и возможностями их удовлетворения. Наиболее конфликтогенными сферами, в которых выявлены внутриличностные конфликты у подростков, склонных к наркотической зависимости, являются «наличие хороших и верных друзей»; «уверенность в себе»; «материально обеспеченная жизнь».

Список использованных источников

1 Шаталина, М. А. Особенности переживания внутриличностного конфликта интернет-аддиктами и лицами, страдающими никотиновой зависимостью / М. А. Шаталина // Азимут научных исследований: психология и педагогика. – 2018. – № 2. – С. 437–441.

Н. А. Король, Ж. Л. Данилова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь

ВЛИЯНИЕ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА НА ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНТОВ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА

В статье рассматривается проблема межличностного взаимодействия в ситуации конфликта. Важным фактором такого взаимодействия является выбор стратегии поведения в конфликте, при этом отмечается влияние акцентуаций характера на поведение студентов в социуме. Авторами приводятся данные эмпирического исследования влияния акцентуаций характера на поведение в ситуации конфликта. Представлены результаты проведения психопрофилактической программы конфликтных отношений у студентов различных специализаций.

Ключевые слова: конфликт, стратегии поведения, межличностный конфликт, акцентуации характера, взаимодействие, студенты.

Актуальность исследования объясняется тем, что необходимость общаться и строить отношения с другими людьми является естественной потребностью для всех, и это делает проблему межличностного взаимодействия желаемой как в теоретических, так и в практических исследованиях. Одна из проблем межличностного взаимодействия – выявление обстоятельств и личностных характеристик, которые делают некоторых людей более популярными, чем других. Важным фактором обеспечения популярности человека в обществе является выбор стратегии поведения. Поведенческая стратегия человека во время взаимодействия определяется тем, как он хочет удовлетворить свои интересы (действовать активно или пассивно) и интересы других людей (действовать независимо или вместе с ними).

Также необходимо отметить важность акцентуаций характера. Многие студенты имеют необычные проявления, которые естественно влияют на их поведение в обществе, их взаимодействие с другими людьми, их академические достижения и многое другое. Изучением конфликта как социально-психологического феномена занимались такие ученые как Н. В. Гришина, Н.И. Леонова, А. Я. Анцупова, В. П. Ратникова, Е. А. Родионова, А. И. Шипилова и другие. Понятие акцентуации характера изучалось в трудах К. Леонгарда, А. Е. Личко, П. Б. Ганнушкина, В. И. Моросанова и других.

Цель исследования – выявление влияния акцентуаций характера на особенности поведения студентов в конфликтной ситуации.

Методы и материалы исследования: теоретический анализ научной литературы, психодиагностический метод (методика К. Томаса «Стратегии поведения в конфликте», методика К. Леонгарда – Г. Шмишека «Методика изучения акцентуаций личности», методика межличностных отношений Р. Лири); методы качественного и количественного анализа результатов исследования; метод сравнительного анализа; методы статистической обработки данных исследования (SPSS16.0).

Исследование проводилось на базе Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Выборку исследования составили студенты факультета социальной педагогики и психологии (21 человек) и факультета физической культуры и спорта (21 человек).

В ходе проведения первой методики «Стратегии поведения в конфликте» К. Томаса были получены результаты, представленные на рисунке 1.

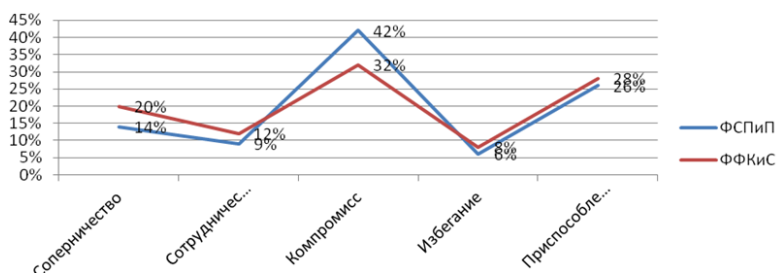

Рисунок 1 – Результаты изучения стратегии поведения в конфликте (методика К. Томаса)

Исходя из рисунка 1, можно сделать вывод о том, что результаты двух факультетов схожи, большинство студентов обоих факультетов выбирают компромисс как стратегию поведения в конфликтной ситуации, то есть они готовы принимать иную точку зрения, но лишь до определенной степени. Приспособление выбирают чуть меньшее количество студентов. Они готовы действовать совместно с кем-либо, могут уступить другому и, не пытаясь отстаивать собственные интересы, приносят их в жертву ради интересов противоположной стороны. Сотрудничество и избегание студенты используют крайне редко.

В ходе проведения второй методики «Методика изучения акцентуаций личности» К. Леонгарда – Г. Шмишека были получены результаты, представленные на рисунке 2.

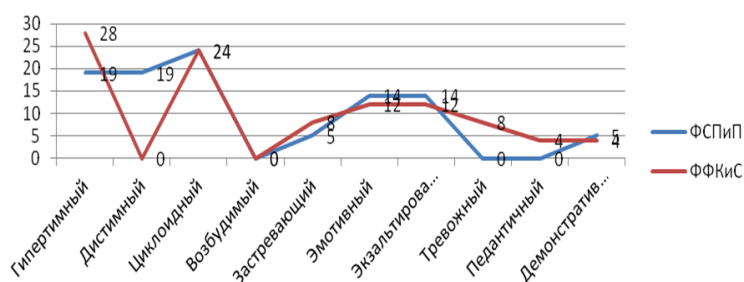

Рисунок 2 – Результаты изучения акцентуаций личности (методика К. Леонгарда–Г. Шмишека)

На основании данных, представленных на рисунке 2, можно сделать вывод о том, что у студентов факультета физической культуры и спорта преобладает гипертимный тип и циклоидный, у студентов факультета социальной педагогики и психологии – гипертимный, циклоидный и дистимный типы.

Это позволяет говорить, что студенты первого факультета приятны в общении, поэтому у них много приятелей, но мало близких друзей, так как они избирательны. Предрасположенность к заболеваниям низкая. Слабым местом для них является дисциплина. Также им свойственны быстрые перемены настроения, поэтому они могут быть сначала веселыми, добрыми, а потом подавленными и грубыми. У студентов второго факультета характеристики такие же, но еще следует добавить, что студентам свойственно пониженное настроение, они часто бывают склонны к депрессии, так же можно говорить о том, что они больше сосредоточены на мрачных и печальных сторонах своей жизни. Важным здесь является то, что людям с циклоидным типом свойственна смена гипертимных и дистимных состояний, чаще всего без особых на то причин.

Возбудимый, тревожный и педантичный типы у студентов факультета социальной педагогики и психологии отсутствуют, у студентов факультета физической культуры и спорта не выявлены дистимный и возбудимый типы.

В ходе проведения методики межличностных взаимоотношений Р. Лири на студентах социальной педагогики и психологии были получены результаты, представленные на рисунке 3.

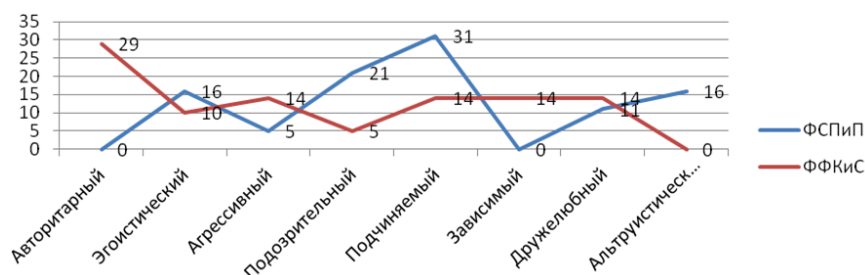

Рисунок 3 – Результаты изучения межличностных взаимоотношений (методика Р. Лири)

Исходя из рисунка 3, можно говорить о том, что у студентов факультета физической культуры и спорта преобладает такой тип межличностных взаимоотношений, как авторитарный. Он характеризуется активностью, оптимистичностью, быстрым принятием решений, такие люди ориентируются на свое мнение, также присутствует тенденция к доминированию, они стремятся вести за собой и подчинять себе других.

У студентов факультета социальной педагогики и психологии преобладают подчиняемый и подозрительный типы. Подчиняемый тип характерен застенчивым людям, интровертированным, неуверенным в себе, подчиняемым, с заниженной самооценкой, тревожным, ответственным, аккуратным в своей работе, впечатлительным. Так же у людей, у которых преобладает подчиняемый тип, преобладает мотивация избегания неуспеха и низкая мотивация. Подозрительный тип характеризуется такими чертами, как замкнутость, ригидность, подозрительность. Такие люди чаще всего неудовлетворены своим положением в группе, очень чувствительно относятся к критике в свой адрес и у них повышена напряженность.

Также необходимо заметить, что у студентов факультета физической культуры и спорта отсутствует такой тип, как альтруистический. А у студентов факультета социальной педагогики и психологии – авторитарный и зависимый.

Количественная обработка проводилась с использованием пакета статистической обработки данных SPSS16.0. В исследовании был использован коэффициент корреляции г-Пирсона. Были выявлены взаимосвязи (13), по результатам анализа которых можно судить о том, что существует взаимосвязь акцентуаций характера и особенностей поведения студентов в конфликтной ситуации и в межличностных отношениях.

Нами была реализована психопрофилактическая программа конфликтных отношений у студентов. Перед проведением программы были отобраны студенты, у которых сильно или,

наоборот, очень слабо выражены определенные стратегии поведения в конфликтной ситуации, и у которых ярко выражены акцентуации характера. Всего было отобрано 10 человек для проведения программы по профилактике конфликтных отношений у студентов. На рисунке 4 показаны результаты «до» и «после» проведения программы.

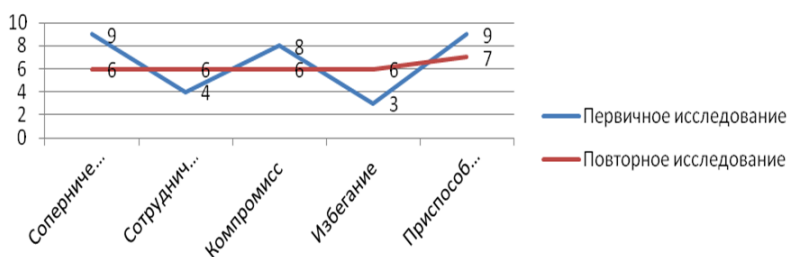

Рисунок 4 - Результаты проведения первичного и повторного исследования по методике К. Томаса «Стратегии поведения в конфликте»

На рисунке 4 можно увидеть, что до проведения программы у студентов были сильно выражены такие стратегии поведения в конфликте, как соперничество, компромисс, приспособление, и слабо выражено сотрудничество и избегание. После проведения программы, был сделан повторный срез, где было выявлено, что все стратегии поведения в конфликте находятся на оптимальном уровне. Исходя из полученных данных, можно сказать, что наша программа эффективна, и ее можно использовать для профилактики конфликтных отношений у студентов.

Таким образом, данное исследование было направлено на изучение влияния акцентуаций характера на особенности поведения студентов в конфликтной ситуации. По результатам выявленных взаимосвязей можно судить о том, что существует влияние акцентуаций характера на особенности поведения студентов в конфликтной ситуации и в межличностных отношениях. По результатам повторного исследования можно сделать вывод, что наша программа эффективна и ее можно использовать для профилактики конфликтных отношений у студентов.

Д. П. Лямин

Военная академия Республики Беларусь,
г. Минск, Беларусь

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО МОТИВА ИНДИВИДА

В статье автор рассматривает методику изменения поведенческого мотива человека посредством коррекции или формирования социальной установки в отношении заданного социального объекта, процесса или явления. Затрагиваются варианты воздействия на социальные группы с помощью современных интернет-технологий. Предложенную методику формирования социального образа и требуемого поведения можно использовать в различных сферах деятельности.

Ключевые слова: поведенческий мотив, социальная установка, социальное восприятие, образ, имидж, эмоции, чувства, идиосинкразический кредит.

В настоящее время отмечаются некоторые изменения современного социума, обусловленные влиянием таких факторов, как высокая степень информатизации практически всех сфер жизнедеятельности человека, высокий ритм жизни, частичная трансформация социальных норм, правил и ценностей различных социальных групп. В ряде случаев это может привести к негативным последствиям, социальным конфликтам и как итог – к расшатыванию устойчивых

моральных стереотипов, социальных отношений, поведенческих реакций населения на некоторые объекты, процессы и явления в государстве. Для того, чтобы успешно противодействовать вновь возникающим угрозам дестабилизации общества, необходимо четко представлять механизмы формирования мотива поведения индивида.

В социальной психологии социальная установка представляет собой определенное состояние некоторых индивидуальных психологических особенностей личности, выражающихся в готовности человека к определенной психической реакции. Установка непосредственно оказывает влияние на его поведение и базируется на основе приобретенного социального опыта. Таким образом, установки формируются в определенной социальной среде, а их сила и устойчивость зависят от принятых групповых суждений относительно определенного социального объекта.

Согласно теории американского ученого М. Смита, социальная установка включает в себя три основных компоненты:

1) *аффективная* – затрагивает эмоциональные процессы и состояния индивида, вызываемые в сознании образом объекта (чувства, эмоции). Среди них можно выделить: долговременные и кратковременные, положительные, отрицательные или нейтральные, сильные и слабые. По мнению М. Смита, эта компонента является базовой, неустойчивой и поддающейся изменению, в том числе при внешнем воздействии на эмоциональное состояние личности;

2) *когнитивная* – субъективное восприятие объекта, основанное на ранее приобретенных знаниях, убеждениях, формирующее мнение человека об объекте, определенное отношение к нему. Так в сознании формируется достаточно полная модель объекта, определенный образ, обладающий устойчивостью;

3) *поведенческая* – формирует поведение индивида, построенное на мотивах и целях, склонность к определенным поступкам. Это непосредственно наблюдаемая компонента, которая может не совпадать с вербально выраженной готовностью вести себя определенным образом по отношению к конкретному объекту, субъекту или событию. Поведенческая компонента определяет намерение вести себя определенным образом в ответ на чувство и является результатом установки, определяющим склонность к характерным действиям [1, с. 227].

В соответствии с имеющимися теориями, рассматривающими феномен социальной установки, все три компонента взаимосвязаны и взаимозависимы. Так, в результате воздействия на один из них меняются и остальные компоненты. Изменяя представления индивида об объекте, можно сформировать требуемый стереотип поведенческой реакции, что дает возможность применения данных технологий в различных сферах социальной жизни. В то же время систематическая демонстрация индивиду информации, вызывающей у него реакцию на уровне чувств и эмоции, может сформировать у него симпатию к определенному объекту. Это приведет к бессознательному изменению отдельных его убеждений (иногда даже вопреки с имеющимися у него сведениями об объекте) и в результате окажет требуемое влияние на поведение.

Согласно «Теории обоснованных действий», выдвинутой психологами А. Айзенем и М. Фишбейном, люди в своих действиях основываются на представлениях и приемлемой информации, а не на логическом обосновании [2, с. 456]. С помощью сформированного источника информации, пользующегося в выбранной социальной группе идиосинкразическим кредитом (феномен безусловного доверия) можно сформировать требуемое социальное восприятие объекта, его имидж, что приведет к необходимой поведенческой реакции выбранной части населения. Такие информационные источники, с точки зрения потребителя, должны обладать следующими свойствами: компетентность, профессионализм, актуальность, беспристрастность, объективность и бескорыстность [3].

Современные интернет-технологии позволяют в краткие сроки и с небольшими материальными затратами создать подобные ресурсы, тем более, что в интернете пользователи в ряде случаев уже разделены по различным признакам (возрастным, профессиональным, гендерным и т. д.). Особенно наглядно это можно рассмотреть на примерах различных социальных сетей. Социальные установки формируются посредством определения ожидаемого

результата от прогнозируемого поведения большинства пользователей. Можно заметить, что виртуальный социум играет в жизни человека уже довольно значительную роль, соответственно, на сознание индивида оказывает влияние социальное давление группы, которое возникает из представлений виртуального окружения о том, как необходимо поступать в определенных ситуациях. Это способствует коррекции установок в необходимую сторону. Если векторы направленности социальных установок и социального давления на достижение единой цели совпадают, поведенческий прогноз, как правило, сбывается.

Установки человека определяют то, как его действия (поведение) в данной ситуации, так и способ обоснования этого действия (мотив), который он выдвигает в связи с этим действием. Можно предположить, что установки автоматически исключают все мотивы, противоречащие одной из них или же большей их части, оставляя только мотивы, допустимые с точки зрения совокупности отношений личности к объекту. Таким образом, человек может принять только те мотивы, которые соответствуют его установкам, поскольку он определенным образом относится к данным объектам и явлениям. Другие же мотивы противоречат его установкам и могут вызвать у него внутренний конфликт.

В своей монографии доктор психологических наук В. А. Янчук предлагает три модели изменения социальных установок. *Модель изменение аттитюдов как «одиночных выстрелов».* Данная модель рассматривает изменение аттитюда как процесс, в котором исходные имеющиеся установки реципиента могут быть изменены путем предоставления единичных информационных блоков об объекте (реальные или вымышленные факты, визуальные образы и т. д.). *Модель соответствия* (баланса, диссонанса, консонанса, конгруэнтности и т. п.). Основная идея заключается в признании того, что изменение поведения обусловлено несоответствиями между имеющимися представлениями, социальными установками и поступающей информацией. При возникновении противоречий человек испытывает состояние возрастающего напряжения и тревоги (когнитивного диссонанса) и стремится к восстановлению психологического баланса. *Модель научения.* Общая идея заключается в том, что изменение установок и мотивов поведения связано с механизмом формирования новых поведенческих реакций [4, с. 450].

Исходя из сказанного выше, можно более детально определить взаимосвязь, возникающую между установкой и мотивом. Польский психолог, профессор К. Обуховский рассматривает мотив как формулировку причины действия, находящуюся в соответствии или в минимальном противоречии со всеми установками, связанными с ситуацией [2, с.12]. Таким образом, изменяя или формируя социальные установки, можно сформировать мотивы личности, соответствующие выбранным целям.

Подводя итог, можно отметить, что механизм изменения социальных установок представляет собой сложный, многоступенчатый процесс, включающий в себя определенную последовательность действий: определение социальных установок у личности (методика «свободные ассоциации»), определение их силы и устойчивости; формирование информационного источника; выяснение требуемого уровня социального давления, определение соответствия формируемого мотива и имеющихся установок; определение требуемого поведения в отношении социального объекта; формирование (коррекция) социальных установок посредством информационного воздействия на их структурные компоненты.

Список использованных источников

- 1 Андреева, Г. М. Социальная психология : учебник для высших учебных заведений. / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 290 с.
- 2 Обуховский, К. Психология влечений человека / К. Обуховский. – Могилев, 1971. – 249 с.
- 3 Московичи, С. Социальная психология / С. Московичи. – СПб. : Питер, 2007. – 592 с.
- 4 Янчук, В. А. Введение в современную социальную психологию : учебное пособие для вузов / В. А. Янчук – Минск : АСАР, 2005. – 800 с.

Е. В. Одинокина

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ ПЕРЕЖИВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ОДИНОЧЕСТВА

В статье раскрыт феномен переживания субъективного одиночества, рассмотрены возможные негативные его последствия, а также описаны результаты проведенной программы по развитию жизнестойкости и стрессоустойчивости у юношей и девушек.

Ключевые слова: переживание субъективного одиночества, стрессоустойчивость, жизнестойкость, программа развития.

Проблема одиночества в юношеском возрасте является актуальным проблемным полем в психологической науке и практике. Одиночество как психологический феномен является характерным в рамках юношеского возраста, поскольку юноши и девушки стремятся к уединению ввиду того, что оно позволяет им подготовиться к чувствам влюбленности и любви, которые могут восприниматься лишь наедине с собой. Юноши и девушки действительно увеличивают количество виртуальных контактов, однако эти контакты становятся формальными и поверхностными. В юношеском возрасте переживание чувства одиночества оказывает непосредственное влияние на личностное развитие, выбор профессионального пути, является индикатором успешности прохождения кризиса. Негативные переживания, связанные с одиночеством, влияют на процесс социализации и выступают в качестве одного из факторов социальной дезадаптации [1].

Существует предположение о том, что развитая жизнестойкость, стрессоустойчивость являются факторами, предотвращающими ощущение одиночества. Развитая жизнестойкость и стрессоустойчивость позволяют переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без особых вредных последствий для деятельности и здоровья. Данные качества присущи физически здоровым, эмоционально стабильным личностям с активной жизненной позицией, с низкой тревожностью и адекватной самооценкой [2].

Одиночество как психологический феномен получил свое освещение в ряде работ отечественных психологов: С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, К. А. Абульхановой-Славской, А. А. Меграбяна, В. С. Мухиной, И. С. Кона, В. В. Новикова, Г. М. Мануйлова, А. В. Петровского, В. А. Петровского, М. В. Полевой, В. А. Абраменковой, А. Е. Горбушина. Феномену жизнестойкости посвящены труды С. А. Мадди, Д. А. Леонтьева, Л. А. Александровой, В. А. Абабкова, С. В. Книжниковой, Е. И. Рассказовой, Р. И. Стецишина, М. А. Одинцовой.

Проблема стрессоустойчивости изучалась также и в отечественных исследованиях такими учеными как: В. А. Абабков, Л. М. Аболин, А. А. Баранов, В. А. Бодров, Б. Х. Варданян, М. Ю. Денисов, Л. Г. Дикая, П. Б. Зильберман, О. А. Конопкин, Г. И. Косицкий, Л. В. Куликов, А. В. Либин, А. В. Либина, А. Ю. Маленова, К. И. Погодаев, А. А. Реан, С. В. Субботин, Ю. В. Щербатых и др. Специфика развития стрессоустойчивости в юношеском возрасте раскрывается в работах Б. Г. Ананьева, Б. А. Вяткина, А. Н. Глушко, О. В. Лозгачёвой, А. О. Прохорова, А. А. Реана, Ю. Е. Сосновикова, Т. В. Середы, М. Л. Тышковой.

Программа развития жизнестойкости и стрессоустойчивости апробирована на базе УО «Гомельский государственный профессиональный лицей речного флота». Выборочную совокупность составили 66 обучающихся лица, из них 34 юноши и 32 девушки. Средний возраст опрошенных – 17,6 лет.

Эффективность предложенной программы оценивается с помощью диагностики жизнестойкости и стрессоустойчивости юношей и девушек до и после проведения мероприятий программы. Однако с целью анализа эффективности программы выборочная совокупность была разделена на контрольную и экспериментальную группу. Контрольную группу составили

33 юноши и девушки с разным уровнем жизнестойкости и стрессоустойчивости, экспериментальную группу также составили 33 юноши и девушки с разным уровнем жизнестойкости и стрессоустойчивости.

Результаты сранения показателей жизнестойкости юношей и девушек из контрольной и экспериментальной группы, полученные с помощью «Теста жизнестойкости» С. Мадди (адаптация Е. Н. Осина, Е. И. Расказовой) на констатирующем и контрольном этапах исследования, представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сопоставление показателей жизнестойкости юношей и девушек из контрольной и экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах исследования

Нормы	Количество (n = 33)		Достоверность различий с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера	Количество (n = 33)		Достоверность различий с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера
	до	после		до	после	
Вовлеченность						
Низкие баллы	11	11	–	11	2	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,969$ при $\rho \leq 0,01$
Средние баллы	12	11	–	14	22	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,003$ при $\rho \leq 0,05$
Высокие баллы	10	11	–	8	9	–
Контроль						
Низкие баллы	10	10	–	10	2	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,709$ при $\rho \leq 0,01$
Средние баллы	8	8	–	10	17	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,767$ при $\rho \leq 0,05$
Высокие баллы	15	15	–	13	14	–
Принятие риска						
Низкие баллы	12	11	–	12	2	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,233$ при $\rho \leq 0,01$
Средние баллы	14	15	–	12	22	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,502$ при $\rho \leq 0,01$
Высокие баллы	7	7	–	9	9	–
Жизнестойкость						
Низкие баллы	12	13	–	14	3	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,27$ при $\rho \leq 0,01$
Средние баллы	11	11	–	10	19	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,263$ при $\rho \leq 0,05$
Высокие баллы	10	9	–	9	11	–

Согласно данным, представленным в таблице 1, в экспериментальной группе после принятия участия в программе жизнестойкости и стрессоустойчивости выявлены статистически значимые различия до и после проведения программы по следующим шкалам:

1. Вовлеченность:

– низкий уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,969 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,969 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы до проведения программы, у которых выявлен низкий уровень

вовлеченности, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек после ее проведения (при $\rho \leq 0,01$);

– средний уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,003 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,003 < \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы после проведения программы, у которых выявлен средний уровень вовлеченности, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек до ее проведения (при $\rho \leq 0,05$);

2. Контроль:

– низкий уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,709 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,709 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы до проведения программы, у которых выявлен низкий уровень контроля, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек после ее проведения (при $\rho \leq 0,01$);

– средний уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,767 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 1,767 < \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы после проведения программы, у которых выявлен средний уровень контроля, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек до ее проведения (при $\rho \leq 0,05$);

3. Принятие риска:

– низкий уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,233 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,233 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы до проведения программы, у которых выявлен низкий уровень принятия риска, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек после ее проведения (при $\rho \leq 0,01$);

– средний уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,502 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,502 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы после проведения программы, у которых выявлен средний уровень принятия риска, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек до ее проведения (при $\rho \leq 0,01$);

4. Жизнестойкость:

– низкий уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,27 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,27 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы до проведения программы, у которых выявлен низкий уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек после ее проведения (при $\rho \leq 0,01$);

– средний уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,263 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,263 < \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы после проведения программы, у которых выявлен средний уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек до ее проведения (при $\rho \leq 0,05$).

Результаты исследования стрессоустойчивости юношей и девушек из контрольной и экспериментальной группы, полученные с помощью «Теста на определение стрессоустойчивости» (Ю. В. Щербатых), на констатирующем и контрольном этапах исследования представлены в таблице 2. Согласно данным, представленным в таблице 2, в экспериментальной группе после принятия участия в программе жизнестойкости и стрессоустойчивости выявлены статистически значимые различия до и после проведения программы в следующих уровнях стрессоустойчивости:

– низкий уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,233 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,233 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы до проведения программы, у которых выявлен низкий уровень

стрессоустойчивости, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек после ее проведения (при $p \leq 0,01$);

– средний уровень ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,003 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,003 < \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля юношей и девушек из экспериментальной группы после проведения программы, у которых выявлен средний уровень стрессоустойчивости, статистически значимо больше, чем доля юношей и девушек до ее проведения (при $p \leq 0,05$).

Таблица 2 – Сопоставление показателей стрессоустойчивости юношей и девушек из контрольной и экспериментальной группы на констатирующем и контрольном этапах исследования

Уровень	Количество (n = 33)		Достоверность различий с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера	Количество (n = 33)		Достоверность различий с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера
	до	после		до	после	
Низкий	11	11	–	12	2	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 3,233$ при $p \leq 0,01$
Средний	12	12	–	11	19	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,003$ при $p \leq 0,05$
Высокий	10	10	–	10	12	–

Сопоставление данных констатирующего и контрольного этапов исследования, их статистический анализ доказали эффективность предложенной программы развития жизнестойкости и стрессоустойчивости.

После принятия участия в программе увеличился уровень жизнестойкости и всех ее компонентов (контроль, вовлеченность, принятие риска), а также стрессоустойчивости. Они стали получать удовлетворение от собственной деятельности, развилась вовлеченность в происходящие события их жизни, что позволило им чувствовать себя значимыми и ценными, востребованными, что мотивирует их полностью включаться в решение жизненных задач, а не дистанцироваться от жизни.

Учащиеся стали более уверены в себе и в своих силах, появилась убежденность в том, что только от них самих зависит их жизненный успех. У них развилась способность принимать нестандартные решения, разумно и ответственно рисковать, брать на себя ответственность за конечный результат, быть активным в реальной жизни, не пасовать перед трудностями. Развитие жизнестойкости препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания, копинг стратегий (hardy coping) со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Список использованных источников

- 1 Гизатуллина, А. Г. Системно-антропологический анализ психологии одиночества / А. Г. Гизатуллина. – Томск : ТГУ, 2013. – 184 с.
- 2 Леонтьев, Д. А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2011. – 680 с.

Т. И. Сосновская

Белорусский государственный университет транспорта,
г. Гомель, Беларусь

ОНЛАЙН-ТРЕНИНГ «СИСТЕМНО-ВЕКТОРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЮРИЯ БУРЛАНА» КАК МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

В статье рассматриваются механизмы терапевтической эффективности при оказании психологической помощи слушателям онлайн-тренинга «Системно-векторная психология Юрия Бурлана».

Ключевые слова: онлайн-тренинг, системно-векторная психология, вектор, психологическая помощь.

Психологические онлайн-тренинги – довольно новое явление в современном психологическом ландшафте, тем не менее они приобретают все большую популярность. С 2007 года в онлайн-пространстве проходит психологический тренинг «Системно-векторная психология Юрия Бурлана» [1]. Он показывает стабильно высокие показатели по эффективности, широте и массовости результатов оказания психологической помощи участникам. Тренинг длится примерно три месяца, занятия проходят в виде 6–8 часовых онлайн-лекций два раза в неделю. Более 19000 участников на портале yurlan.ru оставили более 23 000 отзывов о качественных улучшениях во всех сферах жизни: избавление от депрессий, страхов и панических атак, улучшение отношений с супругами, детьми, родителями, избавление от разнообразных психосоматических проявлений и т. д. Я, как автор статьи, не подвергаю сомнению подлинность этих результатов, так как прошла данный тренинг лично, знакома со многими участниками тренинга и имею собственные результаты.

Данный тренинг отличается от других психологических тренингов в онлайн-пространстве тем, что не имеет специфической узкой направленности на решение какой-то одной задачи, типа «Как приобрести уверенность в себе», «Как наладить отношения с детьми», «Как избавиться от страхов» и т.п. Тренинг «Системно-векторная психология Юрия Бурлана» объемный и многослойный и затрагивает широкий спектр психологических проявлений: от психологических механизмов формирования обид, страхов, агрессии до ментальных особенностей народов и экзистенциальных вопросов бытия.

В данной статье автор делает попытку описать механизмы высокой терапевтической эффективности данного онлайн-тренинга, учитывая то обстоятельство, что тренинг проходит не в формате личной терапии, а всего лишь в форме живых массовых онлайн-лекций с возможностью задавать вопросы в общем чате. Также в данной статье не ставится ни задача пересказа тренинга, ни тем более задача оценки его содержания.

Слушатель, попадающий на тренинг по системно-векторной психологии, прежде всего, знакомится с понятием «вектор» как совокупностью врожденных свойств-желаний человека. Всего векторов восемь, и в психике конкретного человека может встречаться сочетание разного количества векторов. Учение о векторах и их свойствах – основная концепция тренинга.

Автор тренинга Юрий Бурлан очень подробно, с причинно-следственными связями, на примерах и отличиях показывает свойства и проявления людей с теми или иными векторами. А также возможные комплексы и сценарии жизни людей с определенным сочетанием векторов. Диапазон свойств человека с одним и тем же вектором может сильно отличаться в зависимости от степени развитости, но тем не менее, он укладывается в определенную структуру, очень узнаваемую в жизни.

В процессе тренинга слушатели постепенно узнают свойства векторов и начинают на отличиях распознавать их сначала в окружающих, потом в себе. У участников тренинга меняется картина мира. То, что раньше в других людях вызывало недоумение, раздражение, обиду или неприязнь, делается объяснимым, понятным и предсказуемым, становится ясно, что по-другому человек и не мог поступить, учитывая особенности его вектора.

В течение тренинга происходит, с одной стороны, существенная достройка внутренней картины мира слушателя, а с другой – так называемое «оправдание другого». Другой человек, а тем самым, мир в целом, из опасного, непредсказуемого, вызывающего тревогу становится понятным и узнаваемым, и то, что раньше в другом человеке вызывало негативные эмоции, начинает у участника тренинга вызывать легкую улыбку узнавания. С другой стороны, слушатель избавляется от иллюзий и нереалистичных ожиданий по отношению к другим. Таким образом, автоматически снижается уровень межличностной тревожности и агрессии, что приводит к улучшению в целом взаимоотношений с окружающими.

Согласно системно-векторной психологии, каждому вектору присущ свой индивидуальный способ психотравматизации. Событие или впечатление, которое может никак или очень мало повлиять на человека с одним набором векторов, для другого станет триггерным переживанием, запускающим весь механизм психотравматизации. Одно и то же большое психотравмирующее событие для людей с разным набором векторов будет иметь разную степень и разный механизм психотравматизации. Эти механизмы подробно раскрываются на тренинге. Слушатель, поочередно примеривая их к себе, может целенаправленно обнаружить у себя забытую психотравму, понять механизм ее происхождения и, тем самым, самостоятельно проработать ее.

Важной составляющей психического здоровья человека является позитивное непротиворечивое чувство собственного «Я» [2]. Когда человек на отличиях от других определяет свой собственный векторальный набор, это совсем не означает, что он просто относит себя к определенному классу и все. Определение собственных векторов раскрывает перед человеком механизмы функционирования собственной психики. Ему становится понятно, почему он такой, а не другой, почему он не может действовать по-другому, почему ему что-то удастся, а что-то нет, почему у него развиваются именно эти психосоматические проявления, и как разворачивается его жизненный сценарий.

Таким образом, через распознавания собственных векторов у слушателя происходит достраивание сэлф-репрезентаций, образов самого себя, поддерживающих позитивное непротиворечивое чувство собственного «Я». Как следствие, повышается чувство самоуважения, снижается внутриличностная тревожность. Человек получает ответ на свои животрепещущие вопросы «Я какой?», «Почему я такой?», «Что с этим делать? Как мне применить себя в жизни?».

Также важной частью терапевтической работы на тренинге является самостоятельная работа на форуме. Участников просят выкладывать на форум конспекты занятий, а также свои вопросы, наблюдения и ощущения. В процессе выписывания на форум посредством письменного формулирования своих мыслей происходит формирование системного мышления и осознание причинно-следственных связей. Написание собственных конспектов, чтение чужих конспектов и наблюдений улучшает качество усвоения материала тренинга, личные примеры других людей способствуют более глубокому пониманию причин поведения и психических проявлений у себя и других людей.

В целом можно сказать, что онлайн-тренинг «Системно-векторная психология Юрия Бурлана» является эффективным способом оказания широкой психологической помощи онлайн большому количеству людей.

Список использованных источников

1 Онлайн-тренинг «Системно-векторная Юрия Бурлана» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yurlan.ru/>. – Дата доступа: 03.06.2020 г.

2 Мак-Вильямс, Н. М. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. – М. : Класс, 2001. – 480 с.

Студенческие доклады

Т. В. Азарко

Научный руководитель: **Т. Е. Яценко**, канд. психол. наук., доцент
Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Беларусь

ВИКТИМНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье актуализирована проблема виктимности подростков, проявляемой в виртуальной коммуникации. Приведены дефиниции виктимности и виртуальной виктимности. Описаны результаты эмпирического исследования виртуальной виктимности подростков на основе применения нового для белорусской психологии психодиагностического инструментария.

Ключевые слова: подростковый возраст, виктимность, виртуальная виктимность, сеть Интернет, виртуальная коммуникация, реальная коммуникация.

Ведущей деятельностью подросткового возраста, в которой наиболее продуктивно развиваются все психические процессы, является интимно-личностное общение со сверстниками. Общение является чрезвычайно важным и специфическим каналом передачи информации. Содержанием потребности в общении является стремление к признанию и уважению среди сверстников.

В современных реалиях интимно-личностное общение подростков претерпевает изменения, расширяясь и включая в себя новые формы, в частности Интернет-коммуникацию. Причем последняя часто вытесняет реальное общение.

Несформированность навыков взаимодействия в реальной и виртуальной коммуникации, малый опыт переживания различных жизненных ситуаций может приводить к виктимному поведению подростков как в реальной жизни, так и в сети Интернет, повышая риск двусторонней психологической виктимизации.

Известно, что подростковый возраст является переходным в биологическом и социальном смысле. В биологическом – это возраст полового созревания, параллельно которому достигают в основном зрелости и другие биологические системы организма. В социальном – подростковая фаза является продолжением первичной социализации. Повышенная виктимность несовершеннолетних определяется не только их психофизическими качествами, но и их социальными ролями, местом в системе социальных отношений, положением, которое они занимают в семье.

Психофизические особенности подросткового возраста – любопытство, жажда приключений, доверчивость, внушаемость, неумение приспособиться к условиям, в которых возникает необходимость находиться, беспомощность в конфликтных жизненных ситуациях, а в ряде случаев и просто физическая слабость, обуславливают повышенную виктимность этой возрастной группы. В связи с этим у подростков возникает множество проблем, с которыми самостоятельно справиться «на входе» в самостоятельную жизнь многие они не могут. В связи с этим является актуальной проблема психолого-педагогической профилактики и сопровождения виктимных подростков.

Как отмечает в диссертационном исследовании О. О. Андронникова, подростковый возраст является фактором виктимной уязвимости подростка, но тип виктимного поведения во многом определяется индивидуально-психологическими (склонность к риску, тревожность, неустойчивая самооценка, радикализм, подозрительность) и психофизиологическими (половая дифференциация) особенностями. В современном обществе стремительно распространение получает сеть Интернет и новый тип виктимизации – кибербуллинг. Кибербуллинг – явление достаточно распространенное в школе. До 10 % учащихся регулярно (раз в неделю и чаще)

и 55% время от времени подвергаются издевательствам со стороны одноклассников. Считают своих детей жертвами таких издевательств 26 % матерей.

В русле субъектно-средового подхода ролевое виктимное поведение подростков – это исполнение подростками в межличностном взаимодействии роли жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее их психологическую виктимизацию и ревиктимизацию [1]. Виртуальная виктимность – это склонность проявлять себя как жертву, позволяя нарушать свои личностные границы и не умея противостоять виктимизирующим воздействиям, в общении в социальных сетях Интернет [2, 3].

Выборку исследования составили подростки в составе 100 человек (50 девочек и 50 мальчиков подросткового возраста 8-9 класса в возрасте от 14 до 15 лет). Диагностический инструментарий: Методика «Опросник виртуальной виктимности» (Т. Е. Яценко, Н. И. Олифирович, Н. К. Плавник, И. В. Шматкова, Л. А. Русецкая).

Анализ результатов по опроснику виртуальной виктимности позволяет нам оценить, насколько в ситуации виртуального взаимодействия подросток склонен демонстрировать виктимное поведение (рисунок 1).

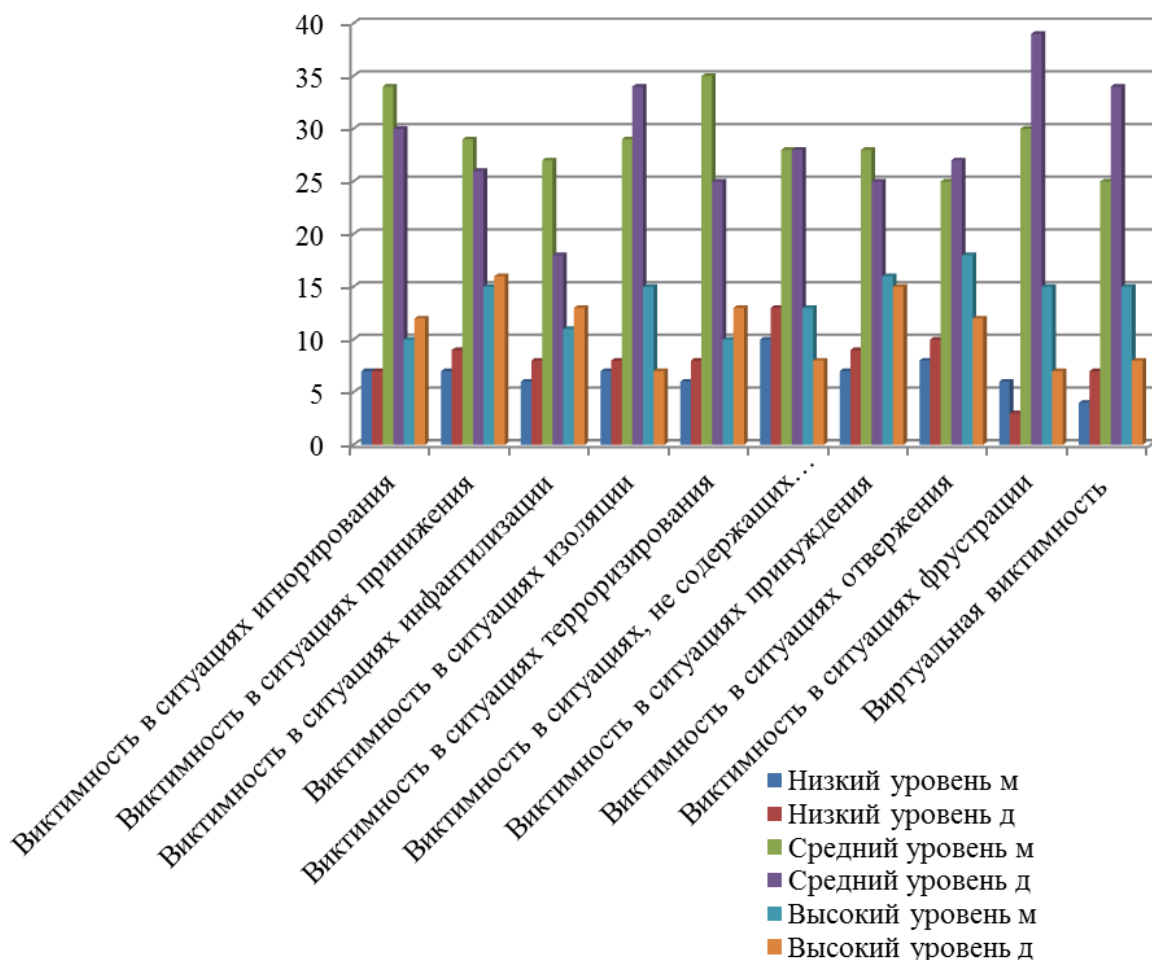

Рисунок 1 – Результаты опросника виртуальной виктимности

Высокий уровень виртуальной виктимности диагностирован у 30 % мальчиков и 16 % девочек. Для респондентов с высоким уровнем виртуальной виктимности характерны следующие черты: в отношениях с виртуальными друзьями они ведут себя, как жертва: позволяют подавлять себя, обесценивать свои чувства и переживания, интересы и достижения, публично унижать, контролировать их свободное время, относиться к ним как к менее значимому и важному

виртуальному собеседнику. Они не решаются давать отпор виртуальным обидчикам. В результате вынуждены подстраиваться под желания и ожидания виртуальных друзей, боятся быть собой в сети Интернет, подтверждают мнение виртуальных друзей о том, что он – слабый, незащищенный, безвольный, несамостоятельный человек, не уважающий себя и позволяющий себя использовать. Поскольку они честно не говорят виртуальным друзьям, что такое отношение задевает и оскорбляет их, то подтверждают их мнение, что с ними можно так обращаться. Они не овладели стратегией поведения, которая обеспечивала бы их безопасность в сети Интернет.

Виртуальная виктимность в ситуациях игнорирования на высоком уровне выявлена у 20 % мальчиков и 24 % девочек. Им характерны способы поведения, как сильное переживание из-за ситуаций, в которых виртуальные друзья показывают, что не дорожат общением с ними: не отвечают на их письма, не дают ответы на их вопросы, «пропускают мимо ушей» их признания и откровения. Подростки чувствуют в таких ситуациях растерянность, неловкость, винят себя. Они ошибаются, считая, что заслуживают такого обращения. Они не знают, как вести себя в таких ситуациях.

Виртуальная виктимность в ситуациях принижения на высоком уровне выявлена у 30% мальчиков и 32% девочек. Они оправдывают обидные действия виртуальных друзей по отношению к ним (обзывание, унижение, высмеивание, размещение вымышленной неприятной информации, обвинение в том, что они не совершали, муссирование неприятных историй с их участием, и пр.). Виктимным подросткам не хватает смелости пресечь оскорбительные высказывания и действия виртуальных друзей.

Виртуальная виктимность в ситуациях инфантилизации на высоком уровне выявлена у 22 % мальчиков и 26 % девочек. Испытуемым этой группы неловко отказываться от навязчивой помощи виртуальных друзей, убеждающих их публично, что они неверно ведут свою страничку в сети Интернет, неправильно общаются и пр. Они ошибочно считают, что у них есть право указывать респондентам, давать советы. Подростки идут у них на поводу, боясь обидеть, хотя сами хотели бы поступить иначе. Им начинает нравиться, что виртуальные друзья считают их слабыми, незащищенными, ранимыми, несамостоятельными, поскольку благодаря этому подростки получают их внимание.

Виртуальная виктимность в ситуациях изоляции на высоком уровне выявлена у 30 % мальчиков и 14 % девочек. Испытуемые характеризуются следующими особенностями поведения. Им не хватает смелости воспротивиться виртуальным друзьям, пытающимся контролировать время их пребывания в сети Интернет и их виртуальную активность. Чтобы не обидеть и не разозлить их, подростки вынуждены оправдываться, если долго не отвечали и были вне сети. Они подчиняются требованию виртуальных друзей посещать только те группы, которые нравятся последним, исключать из контактов новых виртуальных друзей, даже если не согласны с этим. Респонденты готовы приносить в жертву свое свободное время: общаться с виртуальными друзьями, даже когда им крайне неудобно.

Виртуальная виктимность в ситуациях терроризирования на высоком уровне выявлена у 20 % мальчиков и 26 % девочек. Испытуемым характерны следующие особенности поведения в сети Интернет. Они постоянно пребывают в состоянии большого напряжения, общаясь с виртуальными друзьями в сети Интернет. С одной стороны, они боятся потерять дружбу виртуальных друзей, время от времени угрожающих разорвать с ними общение или периодически удаляющих их из списка контактов. С другой стороны, подростки этой группы постоянно обеспокоены тем, что не могут доверять своим виртуальным друзьям: друзья выкладывают их переписку с ними, не вступаются за них в случае нападков в чате. Частые внезапные, неконтролируемые изменения в отношении к подросткам виртуальных друзей глубоко ранят респондентов, вызывают сильную тревогу, страх.

Виртуальная виктимность в ситуациях, не содержащих виктимизации, на высоком уровне выявлена у 26 % мальчиков и 16 % девочек. Участников исследования этой группы характеризуют следующие особенности установления взаимоотношений в сети Интернет. Своим поведением они подталкивают виртуальных собеседников к тому, чтобы последние совершали действия, которые

будут глубоко ранить, унижать, пугать подростков исследуемой группы. Подростки не проявляют осмотрительность и осторожность, выкладывают слишком личную и откровенную информацию о себе; часто извиняются, даже если нет их вины; часто выкладывают в сети Интернет информацию о своих слабостях и историях, в которых с ними оскорбительно обращались; делают посты, наполненные трагичным содержанием; не решаются отказать в дружбе назойливому анонимному виртуальному собеседнику.

Таким образом, для испытуемых исследуемой группы характерен, преимущественно, средний и высокий уровень виртуальной виктимности. В виртуальной виктимности мальчики и девочки статистически значимо не различаются ($t=0,46$; $p=0,63$). Следовательно, для большинства подростков характерен средний уровень виртуальной виктимности. Группу риска, с точки зрения высокого уровня выраженности указанных видов виктимности, составляет около трети подростков.

Список использованных источников

1 Яценко, Т. Е. Психологическая сущность категории «виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода / Т. Е. Яценко // Вестник БарГУ., Серия : Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. – Вып. 7. – 2019. – Барановичи : БарГУ. – С. 89–94.

2 Яценко, Т. Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах / Т. Е. Яценко // Вестник Шадринского гос. педагогического ун-та. – 2019. – № 3(43). – С. 233–241

3 Яценко, Т. Е. Взаимосвязь виктимности в виртуальном и реальном межличностном взаимодействии / Т. Е. Яценко // Диалог : практический и социально-педагогический журнал. – 2019. – № 5. – С. 64–72.

О. Е. Бондаренко

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАРКО- И АЛКОГОЛЕЗАВИСИМЫХ

В статье обоснована актуальность изучения проблемы психологического здоровья и его популяризации среди всех слоёв населения. В статье рассмотрены основные модели психологического здоровья, а также обобщены современные подходы к определению зависимости и механизмов её формирования. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенности психологического здоровья нарко- и алкоголезависимых.

Ключевые слова: психологическое здоровье, наркотическая зависимость, алкогольная зависимость, наркозависимые, алкоголезависимые.

Популяризация здорового образа жизни и поддержка благополучия всех граждан в любом возрасте является одной из важных целей устойчивого развития. В настоящее время Беларусь по рейтингу уровня здоровья населения Healthiest Country Index, составляемого агентством Bloomberg, находится в нижней части списка стран мира. К факторам, негативно влияющим на здоровье нации, можно отнести неблагоприятную экологию, нерациональные пищевые привычки белорусов. Но в первую очередь – это злоупотребление алкоголем и другими психоактивными веществами. В международном рейтинге потребления алкоголя на душу населения Беларусь находится на 27-м месте с показателем в 11,2 литра потребления чистого спирта на душу населения.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия [1]. Здоровье является условием успешного функционирования человека. Согласно зарубежным теориям, психологически здоровая личность должна успешно взаимодействовать с социумом и с самой собой, а также управлять своим поведением в процессе самореализации, проявляя свою целостность. И.В. Дубровина ввела понятие «психологическое здоровье» в практику современной отечественной психологии и рассматривала его в следующем контексте: психическое здоровье как результат полноценного психического развития и развития личности; осознание человеком особенностей и качеств своего психического и личностного развития; отношение к осознаваемым психическим и личностным особенностям и качествам; гуманистическую направленность личности и мировоззрения [2, с. 55].

А. В. Козлов считает, что психологическое здоровье представляет собой феномен, состоящий из ряда сфер, каждая из которых занимает различную часть общего психологического здоровья. Среди сфер можно выделить душевное равновесие, просоциальную ориентацию, физическое благополучие, гуманистическую позицию, стремление быть собой, творческое самовыражение, семейное благополучие, духовность, ориентацию на цель, интеллектуальное совершенствование [3, с. 112].

Зависимость определяется как «совокупность познавательных, поведенческих и физиологических симптомов, которые указывают на то, что у индивида нарушен контроль над потреблением психоактивного вещества, и он продолжает употреблять вещество, несмотря на неблагоприятные последствия». Основными мотивами поведения аддиктивных личностей являются бегство от непереносимой реальности и внутренние причины (переживание неудач и конфликтов, чувство одиночества, утрата смысла жизни, полная неостребованность в будущем и личная несостоятельность во всех видах деятельности и другое). Зависимое поведение представляет собой серьезную социальную проблему, поскольку имеет ряд негативных последствий: высокая смертность в трудоспособном возрасте; самоубийства, как результат депрессии, дисфории; рост преступности в обществе и ухудшение состояния здоровья населения в целом.

Нами было проведено эмпирическое исследование с помощью методики «Индивидуальная модель психологического здоровья» А. В. Козлова среди 30 нарко- и акоголезависимых клиентов (возраст 18-45 лет) Местного фонда «Центр здоровой молодежи», г. Минск.

По шкале «стратегический вектор» высокий уровень был выявлен у трети опрошенных (30%), им свойственно ориентироваться на постановку и достижение целей, они чувствуют себя комфортно, если чего-то добиваются в жизни. У большинства респондентов (70 %) был констатирован средний уровень по данной шкале.

По шкале «просоциальный вектор» низкие показатели были выявлены у 10% респондентов. Данная категория не стремится проявлять свои индивидуальные качества, зачастую они подвержены социальному давлению. Высокий уровень по данной шкале был констатирован только у 13 % респондентов, которые в своей модели психологического здоровья главную роль отводят стремлению быть собой, поддерживать личную свободу. У подавляющего большинства опрошенных (77 %) был выявлен средний уровень по данному параметру. В то же время у всех опрошенных (100 %) по шкале «Я-вектор» выявлен средний уровень, что свидетельствует о наличии у них адекватного желания быть физически здоровыми.

Показатели шкалы «творческий вектор» позволяют говорить о том, что у 23 % респондентов низкий уровень творческого вектора, эти люди не получают удовлетворения в творческом самовыражении. У большинства опрошенных (77 %) был установлен средний уровень по данной шкале, что говорит об их готовности самореализации в творчестве, от процесса которого они ожидают получение удовольствия.

По шкале «духовный вектор» низкий показатель был выявлен почти у трети (27 %) респондентов, что позволяет говорить о том, что модель психологического здоровья этих людей не ориентирована на духовные и религиозные области. Средний уровень был диагностирован у

50 % респондентов, которые готовы принимают религиозные и духовные ценности как значимую часть удовлетворительной картины субъективного и объективного психологического здоровья. У 23 % респондентов выявлен высокий уровень духовного вектора. Эти люди ищут осмысленность и успокоение в религии и духовных практиках.

По шкале «интеллектуальный вектор» средний уровень выявлен более чем у половины (57 %) респондентов, что говорит о том, что эти люди способны и настроены на развитие интеллектуальной сферы. Высокий уровень выявлен у 43 % респондентов, что свидетельствует о наличии приоритетного желания интеллектуально развиваться и совершенствоваться, как важного компонента поддержания психологического здоровья.

По шкале «семейный вектор» низкий уровень был выявлен у 10 % респондентов, у которых можно сказать отсутствует взаимосвязь с семейными ценностями, как компонентом своего счастья. Средний уровень по данному показателю был выявлен у 90 % респондентов. Для этой группы людей семья может послужить или уже является значимым источником психологического благополучия, поэтому они активно способствуют поддержанию и развитию семейных отношений.

По шкале «гуманистический вектор» у 100 % респондентов был выявлен средний уровень. Это свидетельствует о том, что они готовы работать и вкладываться в служение обществу и людям.

Таким образом, анализ результатов диагностики с помощью методики «Индивидуальная модель психологического здоровья» помог выявить векторы и направления в реабилитационной работе с зависимыми людьми: повышение значимости «стратегического вектора» психологического здоровья, выработка умений постановки и реализации поставленных целей; развитие «творческого вектора», включение в реабилитацию нарко- и алкоголе зависимых астрерапевтических практик; повышение приоритетности «семейного вектора», укрепление семейных связей и включение всех членов семьи как созависимых в психотерапевтическую практику преодоления зависимости.

Во многом объективное и субъективное мироощущение нарко- и алкоголе зависимых обуславливает успешность их жизни без алкоголя и наркотиков. Если зависимый человек чувствует себя счастливым, психологически здоровым и благополучным, то риск возврата к употреблению психоактивных веществ снижается. В основе возникновения неудовлетворенности и нежелания оставаться трезвыми лежат различные факторы социального, медицинского, психологического и духовного характера. Во время прохождения реабилитации многое зависит от личностных качеств нарко- и алкоголе зависимых, преодолевающих трудности без помощи суррогата, от их характера, темперамента, ценностных ориентаций.

Целенаправленный комплексный подход к организации мероприятий реабилитации зависимых позволяет значительно сократить риск возврата к употреблению алкоголя и наркотиков. Одним из важных компонентов является проведение психологом коррекционной и развивающей работы по повышению психологического здоровья нарко- и алкоголезависимых.

Список использованных источников

1 Всемирная организация здравоохранения. Женева. Основные документы : [Перевод] / ВОЗ, 13-е изд., включ. поправки, принятые до февр. 1980 г. – М. : Медицина, 1980. – 200 с.

2 Практическая психология образования / Под ред. И. В. Дубровиной. СПб. : ТЦ «Сфера». – 2004. – 592 с.

3 Козлов, А. В. Методика диагностики психологического здоровья / А. В. Козлов // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6 (12). – С. 110–117.

А. Е. Горбачевский

Научный руководитель: **С.Л. Киселева**, канд. психол.наук, доцент
Смоленский государственный университет,
г. Смоленск, Россия

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ: ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ КОРРЕКЦИИ

В статье рассматривается проблема влияния стрессогенных факторов на рост психосоматических заболеваний взрослых людей, понятия «стресс» и «стрессоустойчивость». Описана программа коррекции саморегуляции и повышения стрессоустойчивости личности зрелого возраста в стрессовой ситуации.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, личность зрелого возраста, саморегуляция, стресс

В современном обществе практически в каждой области жизнедеятельности человек подвергается воздействиям, вызывающим изменения состояния, названные Г. Селье «стрессом». Часто состояние стресса рассматривается как неотъемлемая часть адаптационного процесса (А. Г. Маклаков, 2018). При нарастающих и длительно воздействующих нагрузках человек фиксирует первые признаки психосоматических заболеваний (Е. Черепанова, 1997). Этому способствует, как лихорадочный ритм современной жизни, постоянно увеличивающийся поток информации, которую не успевает перерабатывать головной мозг, что ведет к информационному стрессу, так и различные эмоциональные факторы, вызывающие нарушение состояния внутреннего равновесия человека. В связи с высоким ростом заболеваемости населения психосоматическими болезнями актуальной задачей современной профилактики является выявление механизмов снижения уровня стресса как фактора повышения адаптационных резервов организма у людей зрелого возраста. Поскольку в последнее время частота стрессовых состояний у людей резко возросла, повышение стрессоустойчивости личности является не только задачей отдельного человека, но и требует комплексного, широкого подхода к данной проблеме в социуме в целом (Шигорина Е.В., 2004). Зрелость – это самый продолжительный период онтогенеза, характерный тенденцией к достижению наивысшего развития духовных, интеллектуальных и физических способностей личности. В психологии изучение зрелости представлено исследованиями динамики способностей интеллектуальных и творческих, изменений ведущих мотивов и интересов, поиском закономерностей развития личности. В целях профилактики психосоматических заболеваний личности зрелого возраста, в первую очередь, необходима целенаправленная деятельность по обучению взрослого населения навыкам саморегуляции и самоконтроля негативных эмоциональных состояний, возникающих в ответ на многочисленные стрессоры внешней среды.

Программа коррекции саморегуляции и формирования самоконтроля личности зрелого возраста в стрессовых ситуациях, составленная нами на основании разработок, представленных в свободном доступе (А. Г. Каменюкин, Д. В. Ковпак Г. Б. Моница, Н. В. Раннал, Ю. В. Саенко, Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова, и др.), включает в себя систему комплексов упражнений, направленных на повышение ресурсов организма и приобретение психологической стойкости в стрессовой ситуации.

Программа по формированию самоконтроля и саморегуляции в стрессовых ситуациях включала в себя три блока. *Вводная часть* предназначена для знакомства участников программы с основными формами и техниками коррекционного вмешательства. На данном этапе участник группы совместно с психологом рассматривают роль в процессе формирования навыков саморегуляции кинезиологической гимнастики, поскольку дыхательные упражнения улучшают ритмирование организма, развивают самоконтроль и произвольность. Далее ведущий группы рассказывает о важности *глазодвигательных упражнений*, выполнение которых позволяет расширить поле зрения, улучшить восприятие. В качестве чередования с активными техниками

участникам предлагается использовать *мудры* -статические упражнения, направленные на концентрацию внимания человека на внутреннем состоянии и восполнение энергетического потенциала, внутренней энергии. При регулярном выполнении реципрокных движений образуется и миелинизируется большое количество нервных путей, связывающих полушария головного мозга, что обеспечивает развитию психических функций.

Также участникам программы рассказывают о том, что коррекционная работа включает в себя различные виды *массажей* (в частности, массаж пальцев рук и ушных раковин). Массаж *служит, с одной стороны, способом* дополнительной афферентации, т.е. средством активизации потока нервных импульсов, поступающих в центральную нервную систему от органов чувств, воспринимающих информацию как от раздражителей внешних (экстерорецепция), так и от внутренних органов. С другой стороны, массаж позволяет снять напряжение с определенных участков тела, достичь его расслабления. Важная роль отводится техникам, способствующим *релаксации, поскольку* наши психические проблемы и наше тело взаимно связаны друг с другом: тревога и беспокойство вызывают мышечное напряжение, а напряжение мышц, в свою очередь, усиливает негативные эмоции.

Основная часть программы включает в себя комплекс упражнений по формированию самоконтроля и саморегуляции в стрессовых ситуациях. Всего представлено 7 комплексов, каждый из которых состоит из нескольких заданий с инструкцией к выполнению. Данная часть программы выполняется самостоятельно участниками, которые на добровольных началах вошли в экспериментальную группу. Количество комплексов позволяет поочередно применять их в течение недели.

Длительность реализации основной части программы – четыре месяца, в течение которых медицинские работники имели, при необходимости, возможность связаться с психологом и задать возникшие вопросы. В конце каждой недели участники программы собирались на групповую встречу для обсуждения своих мыслей, переживаний, успехов и возникших затруднений. Данные встречи являются обязательным условием реализации программы, т.к. позволяют оказывать поддержку, поддерживать положительную мотивацию участников группы, осуществлять промежуточный контроль и корректировать течение и качество коррекционного воздействия.

На *завершающем этапе* программы было организовано групповое занятие с целью рефлексии проделанной работы по коррекции саморегуляции и закреплению достигнутых результатов путем применения техник рациональной психотерапии. В качестве закреплению достигнутых результатов медицинским работникам были предложены информационные буклеты, содержащие психологические рекомендации по дальнейшему развитию и укреплению навыков саморегуляции в стрессовых состояниях

О. А. Дубоделова

Научный руководитель: **И. В. Сильченко**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ И УРОВЕНЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПЕРИОД ВЗРОСЛОСТИ

Статья посвящена изучению копинг-поведения и уровня психологического благополучия в период взрослости. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи копинг-поведения и уровня психологического благополучия в период взрослости.

Ключевые слова: копинг-поведение, копинг-ресурсы, личность, психологическое благополучие, период взрослости.

В современных социально-экономических условиях актуальной является проблема психологического благополучия личности. Возрастание психических нагрузок на современного человека способствует формированию эмоционального напряжения, нарушениям психологического здоровья взрослых людей. Психологическое благополучие рассматривается как компонент здоровья человека, под ним понимается состояние душевного комфорта. Состояние психологического благополучия способствует работоспособности человека, его социальной адаптированности. Человек с высоким уровнем психологического благополучия отличается открытостью окружающему миру, способностью эмоционально насыщено реагировать на него, способностью к преодолению отчуждения и ощущение единения с окружающим миром. Социальная значимость проблемы психологического благополучия взрослого человека вызывают необходимость понять, какие механизмы лежат в основе психологического благополучия, каким образом они участвуют в регуляции поведения, как это отражается на отношениях с окружающими и на выборе адекватных жизненных стратегий.

Однако исследований психологического благополучия и механизмов его обеспечения в период зрелости недостаточно. Душевный дискомфорт, возникающий при значительных психологических нагрузках, может быть в значительной степени ослаблен при помощи копинг-поведения, которое рассматривается как «сумма когнитивных и поведенческих усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса». С. Фолкман указывает, что нарушение нормального функционирования, ухудшение психологического благополучия и другие негативные последствия стресса связываются с недостаточностью ресурсов и недостаточной эффективностью реализации стратегий копинга [1]. Все это обуславливает интерес к изучению взаимосвязи психологического благополучия и копинг-поведения в период зрелости.

Изучению проблемы копинг-поведения посвящено множество исследований как в нашей стране (Л. А. Китаев-Смык, Л. И. Анцыферова, В. М. Ялтонский, Р. М. Грановская, И. М. Никольская, Л. И. Дементий, А. Ю. Маленова, И. В. Шагарова, С. А. Станибула, К. И. Корнев) так и за рубежом (Р. С. Лазарус, С. Фолкман и др.). Проблема психологического благополучия все чаще становится предметом внимания как зарубежных, так и отечественных психологов (Н. Брэдберн, Э. Динер, К. Рифф, А. Ватерман, Р. Эммонс, Э. Деси, Р. Райан, Р. М. Шамионов, О. С. Савельева, Н. К. Бахарева, В. А. Ананьев, М. В. Бучацкая, А. В. Воронина, Т. О. Гордеева, Д. А. Леонтьев, Л. В. Куликов, А. Е. Созонтов, О. А. Идобаева, П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова, О. С. Ширяева и др.).

Цель исследования: изучить характер связи копинг-поведения и уровня психологического благополучия в период ранней зрелости. В исследовании приняли участие 80 работников ООО «ХитГрупп» в возрасте от 18 до 38 лет. Теоретический анализ проблемы и выдвинутая цель исследования определили состав психодиагностического инструментария: методика «Шкалы психологического благополучия К. Рифф»; методика «Опросник способов совладания Р. Лазаруса, С. Фолкман» (адаптация Л. И. Вассермана), методика «Опросник атрибутивного стиля К. Петерсона, М. Селигмана». В качестве методов математической статистики использовался метод ранговой корреляции Ч. Спирмена.

В ходе корреляционного анализа с помощью метода ранговой корреляции Ч. Спирмена были выявлены следующие виды взаимосвязей:

- прямая сильная взаимосвязь между использованием копинг-стратегии «поиск социальной поддержки» и уровнем психологического благополучия ($r_s = 0,786$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражено используется копинг-стратегия «поиск социальной поддержки», тем выше уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражено использование копинг-стратегии «поиск социальной поддержки», тем ниже уровень психологического благополучия;

- обратная средняя взаимосвязь между использованием копинг-стратегии «бегство – избегание» и уровнем психологического благополучия ($r_s = -0,644$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражено используется копинг-стратегия «бегство – избегание», тем ниже уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражено

использование копинг-стратегии «бегство – избегание», тем выше уровень психологического благополучия;

- обратная средняя взаимосвязь между использованием копинг-стратегии «принятие ответственности» и уровнем психологического благополучия ($r_s = -0,619$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражено используется копинг-стратегия «принятие ответственности», тем ниже уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражено использование копинг-стратегии «принятие ответственности», тем выше уровень психологического благополучия;

- прямая сильная взаимосвязь между использованием копинг-стратегии «планирование решения проблемы» и уровнем психологического благополучия ($r_s = 0,721$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражено используется копинг-стратегия «планирование решения проблемы», тем выше уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражено использование копинг-стратегии «планирование решения проблемы», тем ниже уровень психологического благополучия;

- прямая средняя взаимосвязь между использованием копинг-стратегии «положительная переоценка» и уровнем психологического благополучия ($r_s = 0,654$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражено используется копинг-стратегия «положительная переоценка», тем выше уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражено использование копинг-стратегии «положительная переоценка», тем ниже уровень психологического благополучия;

- обратная сильная взаимосвязь между общим негативным (пессимистическим) атрибутивным стилем и уровнем психологического благополучия ($r_s = -0,764$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражен общий негативный (пессимистический) атрибутивный стиль, тем ниже уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражен общий негативный (пессимистический) атрибутивный стиль, тем выше уровень психологического благополучия;

- прямая сильная взаимосвязь между общим позитивным (оптимистическим) атрибутивным стилем и уровнем психологического благополучия ($r_s = 0,711$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем более выражен общий позитивный (оптимистический) атрибутивный стиль, тем выше уровень психологического благополучия, и наоборот, чем менее выражен общий позитивный (оптимистический) атрибутивный стиль, тем ниже уровень психологического благополучия.

Таким образом, использование адаптивных копинг-стратегий «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы», «положительная переоценка», а также развитый общий позитивный (оптимистический) атрибутивный стиль способствуют повышению психологического благополучия. В то время как лица с низким уровнем психологического благополучия отличаются неадаптивным копинг-поведением, они используют неконструктивную копинг-стратегию «бегство – избегание», выражено используют стратегию «принятия ответственности», а также негативный (пессимистический) атрибутивный стиль. Так, лица в период взрослости, которые при столкновении с тяжелыми жизненными ситуациями, стремятся преодолеть ее путем целенаправленного анализа ситуации и занимаются поиском возможных вариантов поведения для ее решения, планируют собственные действия с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов, в случае необходимости для разрешения проблемы обращаются за информационной поддержкой, за рекомендациями к экспертам и знакомым, владеющих, с их точки зрения, необходимыми знаниями, а в случае невозможности ее разрешения пытаются преодолеть негативные переживания в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста, которые воспринимают успехи как стабильные, контролируемые, а неудачи как временное явление, которое поддается контролю и обязательно пройдет, отличаются высоким уровнем психологического благополучия. У них отмечаются удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими, они способны сопереживать окружающим, считают, что

взаимоотношения между людьми строятся на взаимных уступках. Они самостоятельны и независимы, способны самостоятельно регулировать собственное поведение; оценивают себя в соответствии с личными критериями. Они создают все необходимые условия и обстоятельства для возможности удовлетворения личных потребностей и достижения целей. У них отмечается стремление к самореализации, самосовершенствованию, открыты новому опыту. У них есть цель в жизни и развито чувство направленности, жизнь наполнена смыслом. Позитивно относятся к себе, знают и принимают различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, положительно оценивают свое прошлое.

Лица, имеющие пессимистический атрибутивный стиль, которые полагают, что неприятности бесконечны, происходят во всех сферах жизни, что они являются виной всех неприятностей, но они не в состоянии их контролировать, которые считают, что хорошие события в жизни временны и происходят благодаря стечению обстоятельств, которые при столкновении с трудностями выражено используют стратегию «принятие ответственности», что способствует развитию неоправданной самокритики, переживания чувства вины и неудовлетворенности собой, которые стараются преодолеть негативные переживания, связанные с проблемной ситуацией, путем ее отрицания, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения, уклонения от действий по разрешению возникших трудностей, проявляют пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружение в фантазии, переедание, употребление алкоголя и т. п., с целью снижения мучительного эмоционального напряжения, отличаются низким уровнем психологического благополучия. Круг доверительных отношений у них ограничен, они закрыты для общения с окружающими, им тяжело проявлять теплоту и заботиться о других, не желают идти компромиссы для поддержания важных связей с окружающими. Являются зависимыми от мнения и оценки окружающих. Не организованы, чувствуют себя неспособными изменить или улучшить свою жизнь, не пользуются предоставляющимися возможностями, лишены чувства контроля над происходящим вокруг. Их жизнь лишена интереса, смысла, у них нет целей или намерений, отсутствует чувство направленности. Не довольны собой, разочарованы событиями своего прошлого, испытывают беспокойство по поводу некоторых личных качеств.

Список использованных источников

1 Анцыферова, Л. И. Личность в трудных жизненных условиях : переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита / Л. И. Анцыферова // Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. – 2004. – С. 96–119.

А. В. Жарков

Научный руководитель: **Т. Е. Яценко**, канд. психол. наук, доцент
Барановичский государственный университет,
г. Барановичи, Беларусь

ВИКТИМНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОР АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК, ОБУЧАЮЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СПЕЦИАЛЬНОГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье актуализирована проблема аутоагрессивного поведения девушек. Систематизированы исследования зарубежных, российских и белорусских ученых, посвященные проблеме аутоагрессивного и виктимного поведения личности. Описаны результаты эмпирического исследования видов виктимности и виктимного поведения, выступающих предикторами аутоагрессии девушек в учреждениях среднего специального образования.

Ключевые слова: девушки, виктимность, виктимная деформация личности, аутоагрессия, учреждения среднего специального образования.

Проблема деструктивного, в частности виктимного поведения, молодежи имеет социальное значение в силу ряда аспектов. Во-первых, распространение деструктивных тенденций в молодежной культуре существенно повышает риск распространения виктимного поведения среди обучающихся юношеского возраста. Кроме того, наблюдается тревожная тенденция рассмотрения молодежью аутоагрессии как способа совладания с трудными жизненными ситуациями. Во-вторых, групповые способы воздействия, такие как заражение (в том числе эмоциональное), внушение, подражание, феномен группового давления на индивида значительно усиливает риск проявления аутоагрессии и виктимного поведения, способствуют развитию виктимной деформации личности. В-третьих, аутодеструктивное поведение тесно коррелирует с социально-психологической дезадаптацией личности. В-четвертых, за счет эффекта стереотипизации в общественном сознании единичные случаи аутодеструктивного поведения приписываются всей социальной группе в целом, что приводит к социальной стигматизации молодежи (воспринимается как инфантильная, безответственная, нестрессоустойчивая и т.д.).

Учёные (Э. Леус, Н. А. Польская, Е. П. Ильин) отмечают, что аутодеструктивное поведение имеет негативные последствия: намеренные или непреднамеренные повреждения; злоупотребление алкоголем и наркотиками; сексуальные эксцессы; нездоровое пищевое поведение. Статистические данные свидетельствуют о том, что суицид является одной из основных причин смерти в юношеском возрасте. В возрастной группе 11-19 лет уже предпринимали по меньшей мере 1 попытку расстаться с жизнью 5% юношей и 8% девушек, а 1,8% – 2 и более попыток.

Исследования белорусских (Н. И. Олифинович, Н. К. Плавник, Т. Е. Яценко) и российских ученых (О. О. Андронникова, М. А. Одинцова) показывают, что около 30% лиц юношеского возраста имеют виктимную деформацию личности, повышающую риск дезадаптации [1–3].

Согласно Т. Е. Яценко, категория потенциально виктимных лиц достаточно широка: лица, воспитывающиеся в неблагополучных, социально незащищенных и дисфункциональных семьях, страдающие хроническими заболеваниями, оставшиеся без попечения родителей, сироты, стигматизированные индивиды, личности с особенностями психофизического развития [4]. Соответственно проблема аутоагрессивного поведения виктимной личности имеет не только социально-психологическую, но и педагогическую значимость.

В раннем юношеском возрасте продолжается расширение ролевых идентификаций и выбор стратегий защиты психологического пространства личности, самоопределение, формирование личностной идентичности и базовых механизмов самодетерминации, проявляющейся в способности выстраивать поведение в соответствии с желаниями и убеждениями. В соответствии с этим возрастает риск идентификации юношами и девушками себя как жертв, усвоения паттернов виктимного поведения и формирования приверженности дезадаптивным способам поведения в трудных жизненных ситуациях, включая аутоагрессию.

Особую группу риска составляют девушки в силу подверженности гендерным стереотипам, большей эмоциональности, чем юноши. Как следствие они могут быть в большей степени склонны к осовению модели виктимного поведения и к обращению к аутоагрессии как способу совладания с жизненными трудностями, а также как пассивному способу выражения негативизма по отношению к социальным нормам и требованиям, как деструктивному способу самовыражения.

Согласно Е. П. Ильину, аутоагрессия (вид агрессивного поведения) – агрессивные действия, направленные субъектом на самого себя. Аутоагрессия осуществляется через действия, намерения, высказывания, угрозы, попытки и даже внешнее бездействие [5].

В зарубежной психологии понятие аутоагрессии изучали такие учёные как: А. Бандура, Н. Фарбероу, З. Фрейд. В российской психологии данному феномену посвящены работы следующих ученых: А. Е. Личко, Э. В. Леус, Е. П. Ильин, Л. И. Божович, Н. А. Польская, которые изучали девиации лиц подросткового и юношеского возраста, в том числе аутоагрессивного поведения.

Среди белорусских ученых, изучавших проблему аутоагрессивного поведения, можно назвать: Л. С. Выготского, который изучал юношеский возраст и считал, что в данном в данном

возрасте проходят различные перестройки, которые могут привести к аутоагрессивному поведению в моментах не совладения с переживаниями [6]; А. В. Хныкову, которая в своих трудах рассматривала вопросы аутоагрессии и самоповреждающего поведения [7]; А. П. Гелда, который в своих трудах рассматривал аутоагрессивное поведение в молодёжной среде [8].

Феномен виктимности достаточно подробно описан в криминальной виктимологии, однако сегодня отмечается тенденция к смещению акцентов его изучения в плоскость психологии личности. Исследованию виктимности посвящены диссертационные работы М. А. Одинцовой (выделила основные характеристики игровой и социальной роли жертвы, типы виктимных личностей), Н. Л. Захаровой (исследовала ролевую виктимность подростков в ситуации хронического заболевания), Н. Ю. Чернобровкиной (проанализировала смысловую сферу и ценности виктимных личностей), О. О. Андронниковой (разработала типологию виктимности), И. А. Захарьевой и М. П. Долговых (определила психологические факторы виктимного поведения подростков), О. А. Клячковой (изучала структурную организацию виктимной личности), Е. С. Фоминых (исследовала виктимное поведение студентов с ограниченными возможностями здоровья).

Рассмотрели проблему классификационной характеристики, диагностики и психокоррекции виктимности в подростковом и юношеском возрастах Н. И. Олифинович, Н. К. Плавник, Н. П. Радчикова, Т. Е. Яценко.

Базой исследования выступило учреждение образования «Барановичский государственный профессионально-технический колледж сферы обслуживания». Выборку исследования составили: 100 девушек в возрасте от 16 до 18 лет.

Диагностический инструментарий: методика «Опросник агрессии Спилбергера – Шкала аутоагрессии», Тест «Тип ролевой виктимности» (М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова), Тест «Диагностика склонности к виктимному поведению» (О. О. Андроникова).

Предикторами аутоагрессивного поведения выступают:

1. Виктимная деформация личности или склонность к исполнению социальной роли жертвы в отношениях ($R=0,42$; $p=0,0009$). Недостаток социальных контактов, доверительных межличностных отношений приводят к тому, что аутоагрессивное поведение вместо коммуникации рассматривается как способ совладания с негативными переживаниями.

2. Аутовиктимная деформация личности или склонность к исполнению игровой роли жертвы в отношениях ($R=0,41$; $p=0,0022$). Аутоагрессия, самоповреждающие акты, ложное и демонстративное самобичевание могут выступать как способы манипуляции чувствами других людей.

3. Гипервиктимная деформация личности или принятие позиции, статуса жертвы ($R=0,45$; $p=0,00001$). Позиция агрессивной жертвы наряду с недостатком социальной смелости приводят к тому, что подростки перемещают вектор агрессии извне вовнутрь: причиняют себе боль, которую хотели бы адресовать другим людям, которые воспринимаются ими как враждебные и несправедливые.

4. Агрессивное виктимное поведение ($R=0,24$; $p=0,01$) или склонность провоцировать других людей на агрессию посредством проявления физической или психологической агрессии по отношению к другим людям. Опыт травматизации в отношениях приводит к тому, что подростки боятся повторно проявлять агрессию, переориентируют ее на себя.

5. Склонность к самоповреждающему поведению ($R=0,25$; $p=0,009$).

6. Склонность к зависимому виктимному поведению ($R=0,42$; $p=0,0010$). Аутоагрессия может быть следствием конформности, следования групповой норме в подростковой группе.

7. Склонность к некритичному виктимному поведению ($R=0,33$; $p=0,006$). Так как девушки некритично относятся к себе, не думая о будущем, считают себя бессмертными, они могут проявлять аутодеструктивное поведение, а именно прибегать к экстремальным видам спорта и разного рода аддикциям.

8. Реализованная виктимность ($R=0,33$; $p=0,06$). Чем шире опыт психологической травматизации в прошлом, тем с большей вероятностью девушки рассматривают аутоагрессию как способ совладания с негативными переживаниями и жизненными трудностями, способ достижения целей.

Список использованных источников

1 Яценко, Т. Е. Возрастные и половые особенности склонности подростков к виктимному поведению / Т. Е. Яценко, Н. К. Плавник, О. А. Анисимова // Адукацыя и выхаванне. – 2019. – № 8. – С. 41–48.

2 Одинцова, М. А. Образ мира у подростков из неполных семей / М. А. Одинцова // Вопросы психологии. – 2011. – № 2. – С. 82–89.

3 Андронникова, О. О. Психологические факторы возникновения виктимного поведения подростков : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / О. О. Андронникова. – Новосибирск, 2005. – 213 л.

4 Яценко, Т. Е. Структурно-содержательные характеристики материнского и отцовского отношения как предикторы склонности подростков к виктимному, аутовиктимному и гипервиктимному поведению / Т. Е. Яценко, Н. И. Олифирович, О. А. Анисимова // Человек, искусство, вселенная : Международный междисциплинарный научно-практический журнал. – 2019. – С. 234–244.

5 Ильин, Е. П. Психология агрессивного поведения / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2014. – 368 с.

6 Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.

7 Хныкова, А. В. Аутоагрессия и саморазрушение / А. В. Хныкова // Военная медицина. – 2013. – № 3. – С. 157–159.

8 Гелда, А. П. Аутоагрессивное поведение в молодежной среде современного мегаполиса : исследование суицидальных характеристик / А. П. Гелда // Военная медицина. – 2011. – № 4. – С. 25–33.

Е. А. Зарецкая

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ОПАСНОСТИ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОВЕРИЯ

В статье обоснована актуальность изучения проблемы психологической безопасности и отношения к опасности, как конгломерата уровня сензитивности к угрозам и способа реагирования на угрозы. Автором приводится анализ количественных и статистических данных эмпирического исследования психологического аспекта отношения к опасности юношей и девушек с разным уровнем доверия.

Ключевые слова: отношение к опасности, сензитивность к угрозам, способ реагирования на опасность, доверие, доверие к себе, доверие к миру, доверие к другим.

Обеспечение безопасности человека в различных сферах жизнедеятельности является актуальной задачей современности. Важным направлением считается формирование готовности личности к встрече с опасностями, умения противостоять им, способности своими действиями и поведением не провоцировать возникновение угроз без веских на то причин. В работах И. А. Боевой безопасность определяется как состояние защищенности (человека и среды), а также способность отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия. По определению В. Г. Маралова, отношение к опасности – это возможность человека в положенных срок отличать характерные черты угрозы (сензитивность к опасности) и осуществлять дифференциацию

адекватных или неадекватных сложившемуся положению методов ответа на угрозу (тип реагирования на опасность) [8, с. 116].

Таким образом, отношение к опасности включает два компонента: сензитивность к угрозам и способы реагирования. Установлены и охарактеризованы типы отношения людей к опасности: адекватный (сензитивный или несензитивный), тревожный (сензитивный или несензитивный), игнорирующий (сензитивный или несензитивный) и неопределенный (также сензитивный или несензитивный). Адекватный тип реагирования на опасность можно описать как умение человека или во всех отношениях избежать воздействие угрозы, или максимально снизить риск наступления ее воздействий. Прежде всего это зависит от развитости способности адекватно разбираться в сложившемся положении, всеобъемлюще принимать во внимание условия и результаты собственной активности и поведения других людей, предвидеть возможность наступления ситуаций, умения в соответствии с потребностью ситуации использовать свой житейский опыт и знание аналогичных случаев из художественной и научной литературы, из жизненной мудрости близких людей. Игнорирующий тип реагирования на опасности характеризуется нивелированием значимости угрозы. Человек с подобным типажом отношения недооценивает риски своего поведения, которое максимизирует вероятность наступления негативных материальных или душевных утрат. Тревожный тип реагирования на опасности характеризуется экзажерацией факта угрозы с выраженным аффективным компонентом в случае даже не существенного происшествя [1, с. 118].

Многие зарубежные авторы (Н. Луман, Р. Левицки, Д. Макалистер, Р. Бисс, Л. Хосмер и др.) характеризуют доверие как действия на основе предположений, связанных с риском; предвидение безопасной и благоприятной ответной реакции другого; ожидание честности в поведении других; предвкушение предсказуемости, надежности и отзывчивости, заботы о благосостоянии другого человека; уверенность в подтверждении ожиданий и доброжелательности другого [2, с. 36].

В работах Т. П. Скрипкиной доверие определяется как механизм, направленный на ассоциацию человека, с одной стороны, со своими личностными ценностями, потребностями, интересами и желаниями, а с другой – с той частью реальности, с которой он собирается вступить во взаимодействие. Доверие является социально-психологическим феноменом, в основе которого лежит механизм социального аттитюда, формирующегося вследствие двунаправленности психики человека в мир и в самого себя. Доверие существует во внутриличностном пространстве, но проявляет себя в околоиндивидуальном и в межличностном пространстве, именно там оно осуществляет функцию связи человека с миром [3, с. 51].

Исследование проводилось на базе одного из ГУО «Средняя школа № 12 г. Гомеля». В исследовании приняли участие 110 учащихся 10-х и 11-х классов, из них 55 юношей и 55 девушек. Возраст испытуемых – 15–17 лет. Методики исследования: 1. Методика доверия/недоверия личности миру, другим людям, себе (А. Б. Купрейченко); 2. Тест-опросник сензитивности к угрозам (В. Г. Маралов и коллектив соавторов); 3. Опросник по выявлению типов реагирования в ситуациях опасности (В. Г. Маралов).

Результаты анализа доверия у юношей и девушек, полученные в ходе диагностики с помощью методики оценки доверия / недоверия личности к миру, к себе и к другим людям (А. Б. Купрейченко) представлены на рисунке 1.

Анализ результатов показывает, что у 40% юношей и девушек средний уровень доверия к миру, то есть объекты окружающего мира для них выступают как относительно безопасные, и значимые в каждой конкретной ситуации. В целом им свойственно ожидание того, что другие люди будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием относиться к их нуждам в соответствии с некоторыми общепринятыми нормами. Высокий уровень доверия к другим людям в выборках юношей и девушек равен 60%. Эти юноши и девушки считают, что люди склонны помогать друг другу, отмечают готовность окружающих к сотрудничеству и готовность людей брать на себя ответственность за то, что с ними происходит. Средний уровень доверия к себе выявлен у половины опрошенных (50%). Юноши и девушки отмечают, что умеют

строить взаимоотношения с близкими людьми, доверяют себе в умении отличить «хорошее» от «плохого», в умении ориентироваться в критической ситуации, в умении прогнозировать поступки других людей. Низкий уровень доверия к себе был диагностирован у трети респондентов (30%). На основании результатов исследования были сформированы две подгруппы: 1) юноши и девушки с нормальным уровнем доверия (25 человек с высоким уровнем и 30 человек со средним уровнем); 2) юноши и девушки с низким уровнем доверия (55 человек).

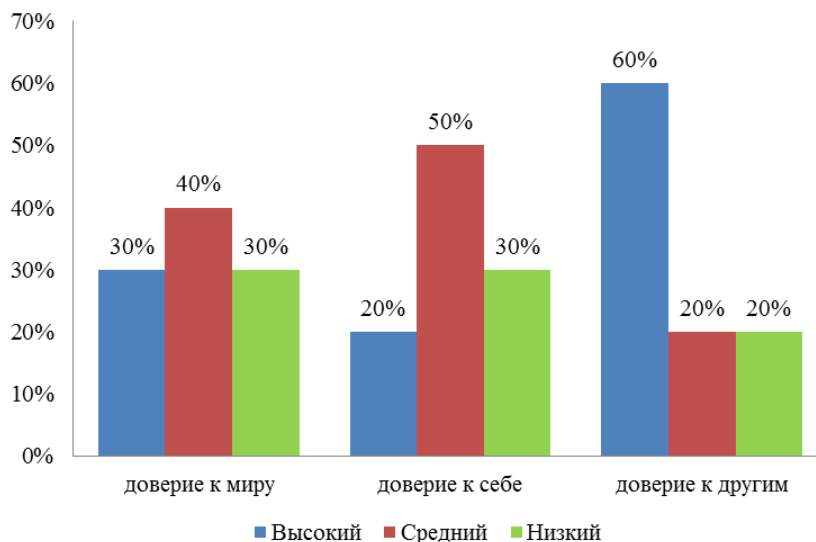

Рисунок 1 - Уровень доверия/недоверия к миру, к другим и к себе у юношей и девушек

Результаты исследования уровня сензитивности к угрозам у юношей и девушек с помощью теста-опросника сензитивности к угрозам (В.Г. Маралов и коллектив соавторов) представлены на рисунке 2. Как мы видим, большинство юношей и девушек с нормальным уровнем доверия характеризуются высоким уровнем сензитивности к угрозам. У них высоко развита способность из множества воздействующих на них внешних (или внутренних) факторов выделять такие, которые являются угрожающими для их жизни, здоровья, психологического или социального благополучия, или наносят ущерб их окружению. Большинство юношей и девушек с низким уровнем доверия характеризуются низким уровнем сензитивности к угрозам, то есть не умеют дифференцировать потенциально опасные жизненные ситуации от потенциально безопасных, часто не доверяют себе в тех выводах, которые делают относительно оценки опасности.

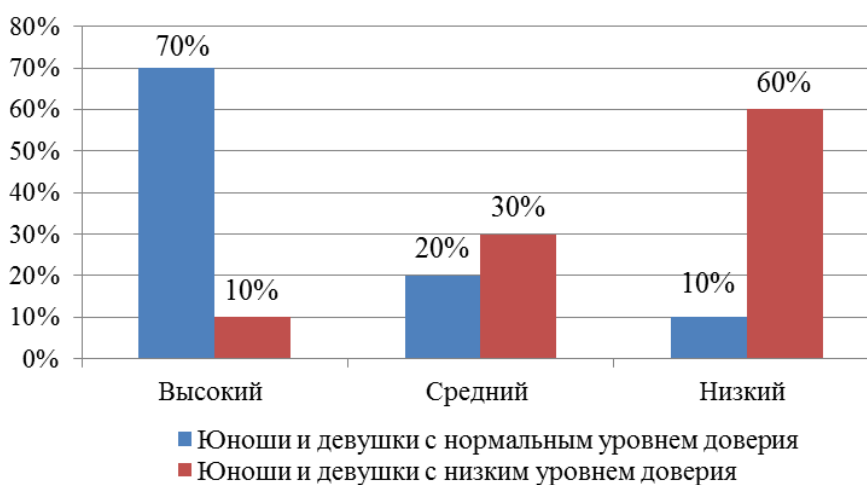

Рисунок 2 – Уровень сензитивности к угрозам у юношей и девушек

Для выявления статистически значимых различий между группами юношей и девушек с разным уровнем доверия по уровню сензитивности к угрозам был использован критерий углового преобразования Фишера (ϕ^*). Были выявлены статистически значимые различия между группами юношей и девушек с разным уровнем доверия по следующим уровням сензитивности к угрозам: высокий уровень сензитивности к угрозам более характерен для юношей и девушек с нормальным уровнем доверия ($\phi=5,42$ при $p\leq 0,05$); низкий уровень сензитивности к угрозам более характерен для юношей и девушек с низким уровнем доверия ($\phi=5,26$ при $p\leq 0,05$).

Для выявления типов реагирования в ситуациях опасности был использован опросник по выявлению типов реагирования в ситуациях опасности В. Г. Маралова. Результаты исследования типов реагирования в ситуациях опасности у юношей и девушек представлены на рисунке 3.

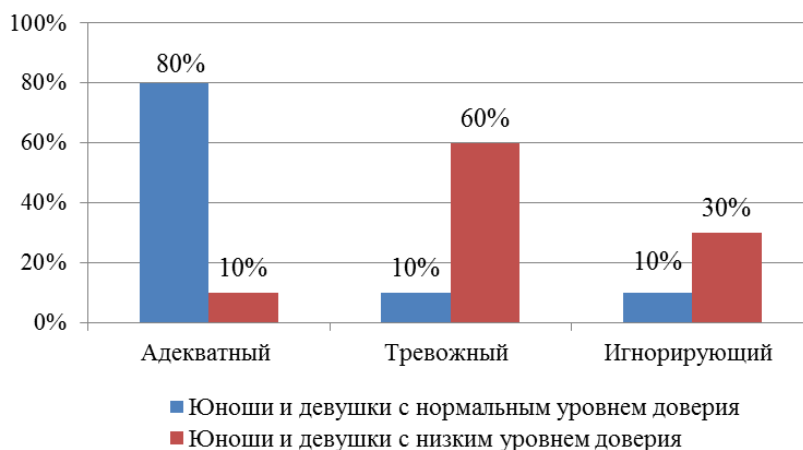

Рисунок 3 – Типы реагирования в ситуациях опасности у юношей и девушек

Анализ данных, представленных на рисунке 3, показывает, что большинство юношей и девушек с нормальным уровнем доверия проявляют адекватный тип реагирования на опасность, они обладают талантом или избежать воздействие угрозы, или максимально снизить риск наступления ее воздействий. Юноши и девушки с таким типом реагирования умеют адекватно разбираться в сложившемся положении, всеобъемлюще принимать во внимание условия и результаты собственной активности и поведения других людей, предвидеть возможность наступления ситуаций, умения в соответствии с потребностью ситуации использовать свой житейский опыт и знание аналогичных случаев из художественной и научной литературы, из житейской мудрости близких людей.

Большинство юношей и девушек с низким уровнем доверия к себе, к миру и другим проявляют игнорирующий тип реагирования на опасность. Такой тип реагирования на опасность характеризуется нивелированием значимости угрозы. Человек с подобным типом отношения недооценивает риски своего поведения, которое максимизирует вероятность наступления негативных материальных или душевных утрат. Тревожный тип реагирования на опасности выявлен у немногих юношей и девушек, как с нормальным, так и с низким уровнем доверия. Такой тип реагирования на опасность характеризуется тем, что происходит экзaggerация факта угрозы с выраженным аффективным компонентом в случае даже несущественного происшествия.

С помощью критерия Фишера были выявлены статистически значимые различия между группами юношей и девушек с разным уровнем доверия по следующим типам реагирования в ситуациях опасности: адекватный тип реагирования в ситуациях опасности более характерен для юношей и девушек с нормальным уровнем доверия ($\phi=4,87$ при $p\leq 0,05$); игнорирующий тип реагирования в ситуациях опасности более характерен для юношей и девушек с низким уровнем доверия ($\phi=3,51$ при $p\leq 0,05$).

Развитие адекватного типа отношения к опасностям юношей и девушек с разным уровнем доверия к себе, к миру и к другим рекомендуется осуществлять в следующих направлениях:

1) формирование сензитивности к опасностям; 2) повышение психологической безопасности личности; 3) повышение доверия к себе, к миру и к другим. Работа психолога должна быть направлена на повышение знаний о безопасном поведении в опасных и чрезвычайных ситуациях; воспитание ответственности за личную безопасность; развитие умений предвидеть потенциальные опасности и правильно действовать в случае их наступления.

Список использованных источников

1 Маралов, В. Г. Личностные детерминанты отношения к опасностям старших школьников / В. Г. Маралов, Е. Ю. Малышева // Вестник Череповецкого гос. университета. – 2014. – № 1. – С. 116–119.

2 Леонова, И. Ю. Доверие : понятие, виды и функции / И. Ю. Леонова // Вестник Удмуртского университета. – 2015. – Вып. 2. – С. 34–41.

3 Скрипкина, Т. П. Психология доверия / Т. П. Скрипкина. – М. : Академия, 2000. – 463 с.

В. В. Козина

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ-ВОСПИТАННИКОВ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Данная статья посвящена изучению особенностей привязанности детей-воспитанников социально-педагогических центров. В ней описывается понятие «привязанности» в детско-родительских отношениях и «материнской депривации», а также представлены результаты эмпирического исследования.

Ключевые слова: привязанность, материнская депривация, эмоциональное общение, социально-педагогические центры (СПЦ).

На протяжении почти столетнего периода развития психологической науки многих исследователей в той или иной степени интересует вопрос о влиянии привязанности, возникающей в детском возрасте на формирование личности человека. Потребность в привязанности, то есть в устойчивых позитивных отношениях со значимым взрослым и ближайшим окружением, является жизненно необходимой для нормального развития ребенка. Если привязанность сформирована, ребенок нормально развивается, учится различать свои чувства и чувства других, мыслит логически, развивает социальные связи, развивает сознание, испытывает базовое доверие к миру, становится уверенным в себе. Отвергаемые дети неблагополучны эмоционально, и это гасит их интеллектуальную и познавательную активность.

Именно поэтому проблема привязанности и ее нарушения продолжают быть актуальными в современном обществе. Многие родители, а особенно молодые, не знают как нужно реагировать на позывы ребенка, как играть и взаимодействовать с ним. Во многих семьях потребности ребенка в эмоциональном общении и заботе о нем не удовлетворяются в полной мере, что способствует нарушению привязанности. Привязанность в современной психологии – это понятие, описывающее эмоциональную связь между взрослым и ребенком, возникновение которых зависит от качества общения.

Одним из первых разработку проблемы общения начал известный английский психолог Дж. Боулби. Он подчеркивал первостепенное значение эмоционального общения с матерью для правильного психологического развития маленького ребенка. Недостаток такого общения ставит под угрозу жизнь ребенка, препятствует его физическому и психологическому развитию. Возникновение теории привязанности связано с профессиональной практикой клинических

психологов Дж. Боулби и М. Эйнсворт. В основе теории лежат отношения между двумя людьми, которые определяют душевный и психологический строй личности: отношение к миру и себе, разнообразные переживания, творческие и познавательные способности [1].

Также одним из исследователей в области детско-родительских отношений являлся Р. Бернс. Им были проведены исследования, посвященные анализу воспитательной практике. Они свидетельствуют о том, что у детей, воспитывающихся вне семьи, в детских учреждениях, наблюдаются глубокие личностные отклонения. Для них характерна не только задержка физического и умственного развития, но и большая изоляция в социальной среде, сниженная способность вступать в значимые взаимоотношения с другими людьми, вялость эмоциональных реакций.

Материнская депривация – отрыв от матери или недостаток взаимодействия с ней – с одной стороны это приводит к тому, что ребенок испытывает дефицит эмоционального тепла, с другой стороны ребенок оказывается в сенсорно обедненной среде, не испытывая удовлетворения от поглаживания, покачиваний, разговоров, просто прикосновений [2–3].

Для изучения особенностей привязанности было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 30 воспитанников ГУО «Гомельский государственный социально-педагогический центр (СПЦ)» в возрасте от 5 до 15 лет. В качестве психодиагностического инструментария были использованы следующие методики: проективная методика «Рисунок семьи» Л. Кормана, которая позволяет дать оценку внутрисемейных отношений, а также методика Р. Жилия «Фильм-тест», позволяющая описать систему личностных отношений ребенка.

По результатам исследования общей выборки по методике «Рисунок семьи» можно сделать следующие выводы:

- дети-воспитанники СПЦ испытывают чувство неполноценности, не воспринимают себя полноценными членами семьи;
- отвергают членов семьи, которые вызывают эмоциональное напряжение и с которыми связан негативный опыт общения – присутствует на рисунках у 53% респондентов;
- у детей наблюдается повышенная тревожность по отношению к взрослым, с которыми связан негативный опыт общения, так же на рисунках присутствуют агрессивно настроенные взрослые – присутствует на рисунках у 26% респондентов.

По результатам методики «Рисунок семьи» можно говорить о нарушении привязанности. Большинство детей не воспринимают свою семью целостно, отторгают или своих родителей, или братьев и сестер, или самих себя (считают себя не столь важными членами своей семьи). Это говорит о том, что детям недостает эмоционального общения со взрослыми.

Рассмотрим результаты исследования по методике Р. Жилия «Фильм-тест» (таблица).

Таблица – Результаты исследования по методике Р. Жилия «Фильм-тест»

№ шкалы	Название шкал	Результаты исследования, %	
		Дошкольники	Школьники
1	Отношение к матери	9	16
2	Отношение к отцу	7	6
3	Родителям в целом	8	9
4	Отношение к брату/сестре	11	5
5	Отношение к бабушке	12	6
6	Отношение к другу	3	3
7	Отношение к учителю	6	7
8	Любознательность	8	9
9	Стремление к общению	5	6
10	Лидерство	2	3
11	Агрессивность	9	10
12	Реакция на фрустрацию	6	7
13	Стремление к уединению	14	13

Согласно данным, представленным в таблице 1, дети школьного возраста чаще выбирали маму, чем дошкольники, которые большее предпочтение отдавали бабушке или дедушке, брату или сестре. Отношения к отцу в обеих группах одинаково. Отношения к родителям в целом относительно одинаково (у школьников более выражено).

Таким образом, можно сделать выводы, что в целом дети (школьники и дошкольники) отдают большее предпочтения матери, нежели отцу. В случаи дошкольников, где большее предпочтение дети отдавали бабушке/ дедушке и другим близким родственником, говорит о более близких эмоциональных отношениях ребенка с этими людьми. Благодаря полученным данным об отношении воспитанников к каждому члену семьи, можем представить отношения воспитанников ко всей своей семье (рисунок 1).

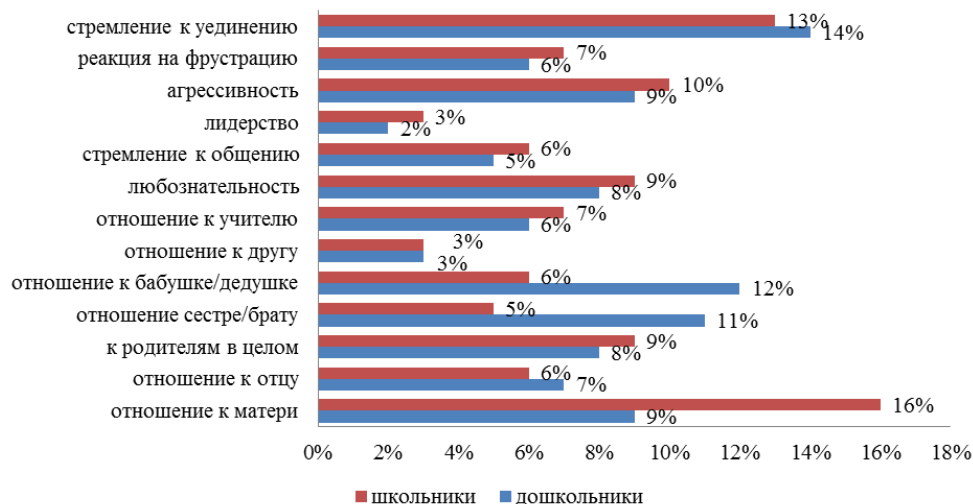

Рисунок 1 – Восприятие семьи воспитанниками СПЦ, %

Полученные результаты свидетельствуют о том, что восприятие семьи у дошкольников и школьников несколько различаются, в частности в отношении личностного взаимодействия с близким окружением. Следовательно, если потребности детей в эмоциональном общении не удовлетворяется, дети начинают вести себя агрессивно, стремятся присвоить взрослого или другого доступного в эмоциональном общении человека (сверстники, друзья) себе. Если такого человека нет, дети уходят в себя, отгораживаются от других людей – формируется недоверие к миру.

Таким образом, в результате эмпирического исследования особенностей привязанности детей-воспитанников СПЦ было выявлено, что различные варианты нарушенной детско-родительской привязанности сказываются на характере взаимоотношения ребенка с окружающим миром, обуславливают способность к формированию вторичной привязанности к друзьям, лицам противоположного пола, учителям и др. Проанализировав результаты исследования можно сказать, что у детей-воспитанников СПЦ доминирующим является агрессивное поведение. Такие дети стремятся к общению и требуют внимания взрослого, но при недостаточности уделяемого внимания отгораживаются, уходят в себя, внешне эмоционально заторможены. Им гораздо тяжелее устанавливать нормальные взаимоотношения с другими людьми, доверять миру, чем детям, у которых сформировалась надежная привязанность.

Список использованных источников

- 1 Петрановская, Л. В. Тайная опора : привязанность в жизни ребенка / Л. В. Петрановская. – Минск : АСТ, 2019. – 288 с.
- 2 Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби; пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, – М., 2003. – 480 с.
- 3 Боулби, Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. – М : Академический проект, 2006. – 232 с.

М. А. Курашова

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЕ СОЛДАТ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Аннотация: данная статья посвящена коррекционной программе по социально-психологической адаптации солдат срочной службы внутренних войск с особенностями совладающего поведения.

Ключевые слова: адаптация, дезадаптация, копинг-стратегии, совладание, социально-психологическая адаптация, психологический защиты.

С целью анализа специфики социально-психологической адаптации военнослужащих к службе в армии и применения ими копинг-стратегий, было проведено эмпирическое исследование призванных на срочную службу в войсковую часть № 5525, расположенную в Гомельской области. В исследовании приняли участие 81 военнослужащих по призыву. Возраст испытуемых – от 18 до 25 лет. В качестве диагностического инструментария использовались методики: шкала ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина; индикатор копинг-стратегий Дж. Амирхана; многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина.

После проведения первичной диагностики была сформирована группа из 23 дезадаптированных солдат, для которых была разработана коррекционная программа занятий по социально-психологической адаптации и сопровождению солдат срочной службы внутренних войск. Для улучшения эмоционального состояния новобранцев, помощи им максимально использовать свои энергетические возможности, в программу были включены корректирующие, развивающие и релаксирующие упражнения. Коррекционная работа проводилась в течение 4 месяцев с периодичностью 2 раза в неделю, продолжительность занятий составляла 2 академических часа. Также для проверки эффективности коррекционной программы было проведено аналогичное исследование в контрольной группе военнослужащих, в которой не проводили коррекционные мероприятия выборку составили 23 военнослужащих призыва.

В ходе исследования тревожности в коррекционной группе по методике Ч. Д. Спилбергера и Ю. Л. Ханина были получены следующие результаты: высокий уровень ситуативной тревожности был выявлен у 60 %, умеренный – 27 %, низкий – у 13 % военнослужащих. После проведения коррекционной работы высокий показатель ситуативной тревожности не был выявлен; умеренный стал свойственен 27 %, низкий – 73 % военнослужащих. Высокий показатель по шкале личностной тревожности был выявлен у 30 % военнослужащих, после проведения коррекционной работы высокий уровень не был выявлен, умеренная тревожность стала характерна 61% военнослужащих, низкий уровень выявлен у 39 % исследуемой выборки.

При проведении первичной диагностики в контрольной группе высокий уровень ситуативной тревожности показали 39 % военнослужащих. У остальных военнослужащих ситуативная тревожность была на умеренном уровне (61 %) и низкий уровень в контрольной группе не выявлен. При повторной диагностике в контрольной группе показатели остались примерно на тех же уровнях что и при первой диагностике высокий уровень ситуативной тревожности показали 30 % военнослужащих, на умеренном 70 % и показатель низкой тревожности не выявлен у военнослужащих данной выборки. В контрольной группе высокий показатель по шкале «личностной тревожности» не выявлен. У остальных военнослужащих личностная тревожность находится на умеренном (39 %) и низком (61 %) уровнях. Результаты при повторном исследовании остались на том же уровне.

Согласно результатам исследования по методике «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана, в частности, по применению копинг-стратегии «разрешения проблем» до

коррекционной работы в коррекционной группе, 26 % военнослужащих прибегали к ней очень редко, 43 % военнослужащих – изредка, 30 % военнослужащих – время от времени. После проведения коррекционной работы в данной выборке 13 % военнослужащих по-прежнему прибегали к ней очень редко, 22 % военнослужащих – изредка, 52 % военнослужащих – время от времени, 13 % стали часто применять данную стратегию. Копинг-стратегию *«поиск социальной поддержки»* до коррекции очень редко применяли 17 % военнослужащих, изредка – 48 % военнослужащих, время от времени – 35 % военнослужащих, частая степень применения не была свойственна вовсе. После проведения коррекционной работы 30% военнослужащих по-прежнему использовали ее очень редко, 43 % военнослужащих – изредка, 26 % военнослужащих – время от времени. Копинг-стратегию *«избегание проблем»* до коррекции очень редко применяли 22 % военнослужащих, изредка – 39 % военнослужащих, время от времени – 39 % военнослужащих. После проведения коррекционной работы 43 % военнослужащих стали применять ее очень редко, 43 % военнослужащих – изредка, 13 % военнослужащих – время от времени.

При проведении первичной диагностики в контрольной группе военнослужащих по методике «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхан была исследована копинг-стратегия *«разрешения проблем»*, по которой военнослужащие представили следующие результаты: очень низкий уровень 14 % военнослужащих, низкий уровень у 43 % военнослужащих, средний уровень у 30 % военнослужащих, высокий уровень у 22 %. При повторной диагностике результаты выглядят следующим образом: очень низкий уровень выявлен у 0 % военнослужащих, низкий уровень – у 52 % военнослужащих, средний уровень – у 30 % военнослужащих, высокий уровень был выявлен у 17 % военнослужащих. Копинг-стратегия *«поиск социальной поддержки»*, по которой военнослужащие представили следующие результаты: очень низкий уровень выявлен и низкий у военнослужащих данной выборки не выявлен, средний уровень у 9 % военнослужащих, высокий уровень у 96 % военнослужащих. При повторном диагностировании результаты выглядят следующим образом: очень низкий уровень не выявлен у военнослужащих, низкий уровень у 6 % военнослужащих, средний уровень у 17 % военнослужащих, высокий уровень у 83 %. Копинг-стратегия *«избегание проблем»*, по которой военнослужащие представили следующие результаты: очень низкий уровень выявлен и низкий уровень у военнослужащих контрольной группы не выявлен, средний уровень у 9 % военнослужащих, высокий уровень у 96%. При повторной диагностике результаты выглядят следующим образом: очень низкий уровень выявлен не выявлен у военнослужащих данной группы, низкий уровень у 6 % военнослужащих, средний уровень у 17 % военнослужащих, высокий уровень у 96 %.

Результаты по шкале *«нервно-психическая устойчивость»* многоуровневого личностного опросника МЛО *«Адаптивность»* А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина представлены до и после проведения коррекционной программы в коррекционной группе следующим образом: высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции был выявлен у 48 % при первичном исследовании военнослужащих в противовес 83 % военнослужащих на вторичном этапе диагностики, удовлетворительный уровень нервно-психической устойчивости был у 48 % военнослужащих, стал у 17 % военнослужащих, низкий уровень поведенческой регуляции был свойственен 4 % военнослужащих, после коррекционной работы не выявлен вовсе.

При первичной диагностике в контрольной группе выше среднего уровня нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции был выявлен у 9 % военнослужащих при первичном исследовании военнослужащих. При повторной диагностике выше среднего уровня показали 22 % военнослужащих. Средний уровень нервно-психической устойчивости выявлен у 74 % военнослужащих. При повторной диагностике средний уровень был выявлен у 65 % военнослужащих. Ниже среднего уровня поведенческой регуляции выявлен у 17 % военнослужащих. При повторной диагностике ниже среднего уровня у 13 % военнослужащих данной группы.

Высокий уровень по шкале *«коммуникативные способности»* при первичной диагностике был выявлен у 65 % военнослужащих, после проведения коррекционных занятий – у 83 %, удовлетворительный уровень – у 35 % военнослужащих до и у 17 % военнослужащих после

проведения коррекционной работы, низкий уровень развития коммуникативных способностей не был выявлен во время исследования.

При первичном исследовании контрольной группы уровень коммуникативных особенностей выше среднего уровня был характерен для 13 % военнослужащих. При повторной диагностике данный уровень был выявлен у 22 % военнослужащих. Уровень коммуникативных особенностей среднего уровня при первичном исследовании был характерен для 87 % военнослужащих. При повторной диагностике данный уровень был выявлен у 65 % военнослужащих. Уровень коммуникативных особенностей ниже среднего уровня не был выявлен у военнослужащих данной группы. При повторной диагностике данный уровень был выявлен у 13 % данной выборки.

При первичном диагностическом исследовании по шкале «моральная нормативность» высокий уровень был выявлен у 70 % военнослужащих, при повторной диагностике – у 87 % военнослужащих, удовлетворительный уровень был характерен 26 % военнослужащих до и 13 % после проведения коррекционной работы, низкий уровень был выявлен у 4 % военнослужащих, после проведения коррекционных занятий низкий уровень выявлен не был. При первичном исследовании контрольной группы уровень моральной нормативности выше среднего уровня при первичном исследовании не был выявлен у военнослужащих данной группы. Уровень моральной нормативности среднего уровня при первичном исследовании был характерен для 83 % военнослужащих. При повторной диагностике данный уровень был выявлен у 74 % военнослужащих. Уровень моральной нормативности ниже среднего уровня при первичном исследовании был характерен для 17 % военнослужащих. При повторной диагностике у 26 % военнослужащих.

Результаты по шкале «личностный адаптивный потенциал» выглядят следующим образом: высокий уровень ЛАП при первичной диагностике не был выявлен среди данной выборки военнослужащих. При повторной диагностике после апробации коррекционной программы высокий уровень был диагностирован у 43 % военнослужащих, по удовлетворительному данные представлены в соотношении 70 % / 57 % военнослужащих, низкий уровень адаптации был выявлен у 30 % военнослужащих при первичном исследовании, после проведения коррекционных мероприятий данный уровень выявлен не был.

При первичной диагностике контрольной группы уровень высокой и нормальной адаптации личностного адаптивного потенциала характерен для 35 % данной выборки военнослужащих. При повторной диагностике высокий и нормальный уровень адаптации личностного адаптивного потенциала стал характерен у 30 % военнослужащих. Удовлетворительный уровень адаптации при первичной диагностике показали 57 % военнослужащих. При повторной диагностике уже 87% военнослужащих данной выборки. Низкий уровень адаптации при первичном исследовании военнослужащих показали 9 % военнослужащих. При повторной диагностике низкий уровень остался на прежнем месте у 9 % военнослужащих данной выборки. Для оценки достоверных различий в коррекционной и контрольной группах военнослужащих до и после проведения коррекционной работы применялся t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Его применение позволяет утверждать, что в результате психологического вмешательства в коррекционной группе были достигнуты достоверно значимые изменения относительно исследуемых уровней военнослужащих, тогда как в контрольной группе достоверно значимых изменений нет:

- снизилось количество респондентов в коррекционной группе с высоким уровнем ситуативной тревожности и увеличилось количество респондентов с низким уровнем ситуативной тревожности ($t_{эмп}=11,84$ при $t_{кр}=3,792$; $p\leq 0,001$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,2$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$);

- снизилось количество респондентов с высоким уровнем личностной тревожности и увеличилось количество респондентов с низким уровнем ($t_{эмп}=3,49$ при $t_{кр}=2,819$; $p\leq 0,01$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,17$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$).

- снизилось количество респондентов в коррекционной группе с низкой частотой и увеличилось количество респондентов с более высокой частотой применения копинг-стратегий «разрешения проблем» ($t_{эмп}=5,19$ при $t_{кр}=2,819$; $p\leq 0,01$), «поиск социальной поддержки» ($t_{эмп}=6,95$ при $t_{кр}=3,792$; $p\leq 0,001$), в контрольной группе изменений относительно копинг-стратегий нет

«разрешения проблем» ($t_{эмп}=0,42$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$), «поиск социальной поддержки» ($t_{эмп}=1,58$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$);

- увеличилось количество респондентов с низкой частотой и уменьшилось количество респондентов с более высокой частотой применения стратегии «избегание проблем» ($t_{эмп}=8,81$ при $t_{кр}=3,792$; $p\leq 0,001$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,33$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$);

- снизилось количество респондентов со средним уровнем и увеличилось количество респондентов с высоким уровнем нервно-психической устойчивости ($t_{эмп}=2,46$ при $t_{кр}=2,47$; $p\leq 0,05$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,91$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$);

- снизилось количество респондентов со средним уровнем и увеличилось количество респондентов с высоким уровнем коммуникативных способностей ($t_{эмп}=3,96$ при $t_{кр}=3,792$; $p\leq 0,001$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,68$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$);

- снизилось количество респондентов со средним уровнем и увеличилось количество респондентов с высоким уровнем моральной нормативности ($t_{эмп}=3,03$ при $t_{кр}=2,819$; $p\leq 0,01$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,88$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$);

- снизилось количество респондентов с низким уровнем и увеличилось количество респондентов с высоким уровнем личностного адаптивного потенциала ($t_{эмп}=9,67$ при $t_{кр}=3,792$; $p\leq 0,001$), в контрольной группе изменений нет ($t_{эмп}=1,88$ при $t_{кр}=2,74$; $p>0,05$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить особенности коррекционной работы психолога по социально-психологической адаптации солдат срочной службы внутренних войск с разными типами совладающего поведения. В целом проведенная коррекционная работа оказала положительный эффект на развитие личности молодых солдат, увеличила их адаптивный потенциал и создала благоприятную среду для дальнейшего вхождения в воинское сообщество внутренних войск.

Е. Н. Кухар

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ КИБЕРБУЛЛИНГА СРЕДИ ПОДРОСТКОВ

Статья посвящена изучению психологического аспекта проблемы кибербуллинга среди подростков. В ней описывается понятие «кибербуллинг», рассмотрены способы травли в электронном пространстве. Также раскрываются психологические последствия кибербуллинга.

Ключевые слова: социализация, кибербуллинг, психологический аспект, подростковый возраст.

Развитие современных информационных технологий открывает перед молодыми людьми новые возможности для профессиональной и творческой самореализации, но при этом создает ряд угроз, в числе которых – кибербуллинг. Травля в Интернете, социальных сетях и с помощью мобильной связи наносит серьезный вред психологическому и эмоциональному состоянию человека, особенно, если это ребенок или подросток. Исследования показали, что от 5 до 20 % детей и подростков в разных странах мира сталкиваются с кибербуллингом; девочки подвергаются травле в сети чаще мальчиков [1, с. 41]. Часто случается, что травля в виртуальном пространстве оказывается продолжением или становится началом травли в реальной жизни. Ее последствия – заниженная самооценка, депрессия, ухудшение здоровья, мысли о суициде и попытки его осуществить. У кибербуллинга есть некоторые особенности, которые делают его последствия очень серьезными. Кибербуллинг может воздействовать на жертву семь дней в неделю, 24 часа в сутки, не оставляя пространства и времени, в котором человек мог бы почувствовать себя защищенным. Атака при кибербуллинге может быть очень болезненной

и внезапной. Так как электронные сообщения очень сложно контролировать и фильтровать, жертва получает их неожиданно, что приводит к сильному психологическому воздействию.

Среди отечественных и зарубежных психологов теоретические и практические аспекты проблемы буллинга среди подростков изучали: И. С. Кон, И. Б. Ачитаева, Д. А. Лейн, Е. Ф. Быковская, Х. Ньюэр, Р. Ковальски, С. Лимбер, П. Агатстон, А. А. Бочавер, К. Д. Хломов и другие.

Актуальность данной проблемы представляется в том, что явление кибербуллинга все больше становится международной проблемой. Кибербуллинг – явление социальное, в него включены не только жертвы и агрессоры, но и все остальные. Очевидны негативные последствия кибербуллинга на формирование личности человека: замкнутость, повышенная тревожность, депрессия, низкая самооценка, возникновение суицидальных наклонностей. Общение в Интернете, пожалуй, в наибольшей степени привлекательно в подростковом и раннем юношеском возрасте, когда ищут новых друзей и новые субкультуры, пытаются обрести чувство принадлежности к той или иной группе. В Интернете юный человек получает возможность общения с практически безграничным количеством людей и групп по интересам, со всевозможными типами личностей, узнает множество историй, имеет возможность обменяться мнениями и обсудить интересующие его вопросы. Поиск собственного круга общения идет параллельно тенденции автономизации от родителей. Подростки хотят быть независимыми, заниматься чем-то своим. Сеть Интернета в этом плане особенно заманчива – она позволяет удовлетворить потребность в лидерстве и стимулирует предприимчивость. С другой стороны, подростки все же боятся полной автономизации [2, с. 124].

Интернет – это непрерывно уточняемая модель совокупного духовного и материализованного информационного потенциала общества, и в этом своем качестве она представляет собой мощный информационный базис для самых разнообразных видов и направлений человеческой деятельности. На сегодняшний день «кибербуллинг» дискутируется профессионалами по причине участившихся случаев суицида молодых людей. Распространение феномена связано с развитием информационных сетей технологий и участившимися случаями террора в Интернете. Этот способ пользуется популярностью, потому что личность виртуального «маньяка» остается неизвестной, из-за этого подростки, предрасположенные к насильственному поведению, активируются.

Термин «кибербуллинг» был впервые введен в научный оборот канадским педагогом Биллом Белсеем, определяющим его как преднамеренное, повторяющиеся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и коммуникационные технологии [3, с. 13]. Первичным было понятие – буллинг, обозначающее запугивание, физический или психологический террор, который направлен на то, чтобы вызвать страх и тем самым подчинить его себе. А.С. Зинцова подчеркивает, что 23% детей, пользующиеся Интернетом, становятся жертвами кибербуллинга. Оценить динамику роста кибербуллинга крайне сложно, поскольку далеко не каждый ребенок сообщает о подобных действиях в отношении себя; и количество реальных проявлений кибербуллинга, как правило, в разы выше предполагаемых показателей [2, с. 126]. Для большинства исследователей под феноменом «кибербуллинг» представляются все виды онлайн нападков и обвинений. Есть и такие научные работы, направление которых, только крайне серьезные и не отложные аспекты проблемы, как пример, угроза физической безопасности, но в итоге упуская другие составляющие. Некоторые исследователи изучают конкретные инструменты (веб-камеры) или площадки (форумы). Такой дисбаланс в итоге приводит к появлению узконаправленных выводов относительно такого явления и степень его распространения, что в лучшем случае не полное представление, а в худшем – к дезориентации и ложной информации. Кибербуллинг содержит в себе целый диапазон форм поведения. На наименьшем полюсе, – шутки, которые не рассматриваются всерьез, на радикальном – психологический сетевой террор, который наносит непоправимый урон, и как итог приводит к суицидам и гибели. Есть и еще понятие «буллицида» – смерть пострадавших вследствие буллинга.

Основными причинами травли в информационной паутине является – использование значимой для пострадавшего среды (чем больше свидетелей, тем в разы усиливаются переживания позора, ужаса, бессилия и отвержения); нескончаемый поток распускания любой

информации, будь она лживой, правдивой или искаженной; провокация чрезмерной эмоциональной обратной связи от пострадавшего. Цель кибербуллинга – усугубление эмоционального состояния пострадавшего и/или подрыв его социальных отношений [4, с. 91]. Подросток, ставший жертвой кибербуллинга, сталкивается с большим количеством последствий психологического, педагогического, физиологического (медицинского) и социального характера. Нарушения, возникающие после кибербуллинга, затрагивают все уровни функционирования подростка. Они приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют способности подростка реализовать себя в будущем.

Важно помнить, что от всего можно защититься, но, если вовремя принять меры. Главное не провоцировать и общаться в Интернете следует этично и корректно. Если кто-то начинает оскорблять ребенка в Интернете – необходимо порекомендовать уйти с такого ресурса и поискать более удобную площадку. Если по электронной почте или другим сетям кто-то отправляет ребенку угрозы и оскорбления – лучше всего сменить электронные контакты. Если кто-то выложил в Интернете сцену кибер-унижения ребенка, необходимо сообщить об этом администрации ресурса. Можно также обратиться на горячую линию. Даже при самых доверительных отношениях в семье родители иногда не могут вовремя заметить грозящую ребенку опасность и тем более не всегда знают, как ее предотвратить. Не стоит думать, что интернет – это безопасное место, в котором можно чувствовать себя полностью защищенным. Полностью искоренить кибербуллинг так же, как другие проявления жестокости в виртуальном пространстве и реальной жизни, невозможно.

Список использованных источников

- 1 Чистяков, А. В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций : социокультурный анализ : диссертация доктора социологических наук : 22.00.06 / А. В. Чистяков. – Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д., 2006. – 54 с.
- 2 Зинцова, А. С. Социальная профилактика кибербуллинга / А. С. Зинцова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. – 2014. – №3 (35). – С. 122–128.
- 3 Возвахова, Л. Социальные сети: друзья или враги? / Л. Возвахова // Служба кадров и персонал. – 2009. – №2. – С. 12-13.
- 4 Жичкина, А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А.Е. Жичкина. – М.: Дашков и Ко, 2004. – 117 с.

Т. Ю. Лагодич

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ СРЕДНЕГО ЗВЕНА

Статья посвящена изучению жизнестойкости медицинских работников среднего звена. Обнаружена взаимосвязь между эмоциональным выгоранием и уровнем жизнестойкости. Развитие жизнестойкости рассматривается как эффективное противостояние стрессогенным факторам, как способ создания собственного, уникального смысла взаимодействия с миром.

Ключевые слова: жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска, медицинские работники, эмоциональное выгорание.

В современном мире актуальной является проблема стрессоустойчивости и эмоциональной стабильности профессионалов, работающих в сфере «человек-человек». В первую очередь речь идет о медицинских работниках, от профессионализма и психологической устойчивости которых во многом зависит состояние здоровья пациентов. В результате хронической усталости или постоянного напряжения на работе у медработников может сформироваться состояние эмоционального, умственного изнурения, физического изнеможения – синдром эмоционального выгорания [1, с. 16].

Важным направлением работы по профилактике синдрома эмоционального выгорания может стать организация системы психологических мероприятий по развитию жизнестойкости как системной способности к зрелым и сложным формам саморегуляции. Именно жизнестойкость является тем внутренним ресурсом, который содействует поддержанию физического, психического и социального здоровья, установкой, которая придает значимость существованию и смысл в любых обстоятельствах. Наиболее полно, с точки зрения Д. А. Леонтьева, этому «качеству» в зарубежной психологии соответствует понятие «жизнестойкость» [2, с. 8], введенное С. Мадди. Анализируя жизнестойкость как систему убеждений человека, С. Мадди предложил четкий конструкт жизнестойкости, состоящий из трех компонентов: вовлеченность, контроль, принятие риска [3, с. 88]. Выраженность этих компонентов в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия их как менее значимых.

С целью изучения особенностей жизнестойкости и эмоционального выгорания медицинских работников среднего звена было проведено эмпирическое исследование. В эксперименте приняли участие 104 медицинских работника среднего звена. Были использованы диагностические методики: методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко)» и тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой).

Результаты исследования жизнестойкости медицинских работников среднего звена представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования жизнестойкости медицинских работников среднего звена

Компонент	Нормы	(n = 104)	%
Вовлеченность	низкие значения	22	21%
	средние значения	64	62%
	высокие значения	18	17%
Контроль	низкие значения	35	33%
	средние значения	62	60%
	высокие значения	7	7%
Принятие риска	низкие значения	29	28%
	средние значения	51	49%
	высокие значения	24	23%
Жизнестойкость	низкие значения	30	29%
	средние значения	62	60%
	высокие значения	12	11%

Согласно представленным в таблице 1 данным, у 21 % респондентов выявлены низкие баллы по шкале «вовлеченность». Для данной части испытуемых характерно чувство ненужности, отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни. У 62 % медицинских работников выявлены средние значения вовлеченности в жизнь. У 17 % респондентов выявлены высокие баллы по шкале «вовлеченность». Данная часть медицинских работников получают удовольствие от собственной деятельности. У 33 % медицинских работников выявлены низкие значения по шкале «контроль». Эти испытуемые ощущают чувство собственной беспомощности, невозможности повлиять на

течение жизни. Они часто испытывают неуверенность в собственных решениях, предпочитают «плыть по течению». У 60 % респондентов выявлены средние значения по шкале «контроль». У 7 % медицинских работников выявлены высокие баллы по шкале «контроль». Данная часть испытуемых убеждена в том, что они способны повлиять на ход своей жизни, а также в том, что борьба за собственные интересы, желания позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. У 28 % респондентов выявлены низкие баллы по шкале «принятие риска». Эти люди не готовы рисковать ради достижения успеха. Они часто сожалеют о том, что сделали. У 49 % медицинских работников выявлены средние значения принятия риска. У 23 % респондентов выявлены высокие баллы по шкале «принятие риска». У большинства медицинских работников выявлены средний уровень жизнестойкости. У 29 % респондентов выявлены низкие баллы жизнестойкости. У 11 % медицинских работников выявлены высокие баллы жизнестойкости.

Рассмотрим особенности эмоционального выгорания респондентов с учетом уровня их жизнестойкости.

Представим на рисунке 1 результаты исследования уровня эмоционального выгорания медицинских работников среднего звена с различным уровнем жизнестойкости.

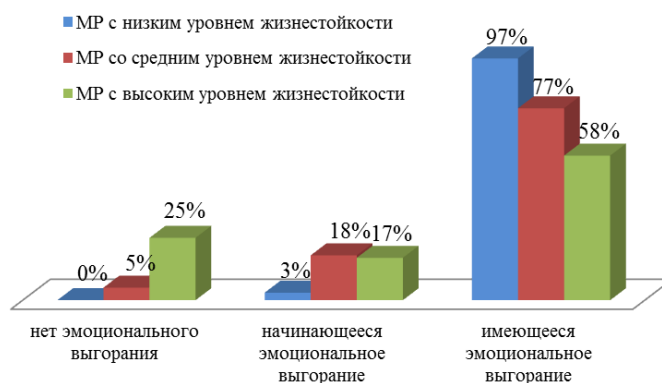

Рисунок 1 – Результаты изучения уровня эмоционального выгорания у респондентов с разным уровнем жизнестойкости (в %)

В результате исследования эмоционального выгорания медицинских работников с разным уровнем жизнестойкости было установлено что, у 25 % респондентов с высоким уровнем, 5 % со средним уровнем жизнестойкости эмоциональное выгорание отсутствует. Следовательно, они отличаются эффективным выполнением своей профессиональной деятельности. У 18 % респондентов со средним, 17 % с высоким, 3 % с низким уровнем жизнестойкости отмечается «начинающееся эмоциональное выгорание» которое сопровождается снижением интереса к работе, потребности в общении, повышенной раздражительностью. Для 97 % респондентов с низким, 77 % со средним, 58 % с высоким уровнем жизнестойкости характерно «имеющееся эмоциональное выгорание». Эти работники характеризуются потерей интереса к работе, эмоциональным безразличием, ощущением постоянного отсутствия сил.

Для подтверждения статистически значимых различий был использован критерий углового преобразования Фишера (ϕ^*).

Анализ данных свидетельствует о том, что были выявлены статистически значимые различия между медицинскими работниками среднего звена с разным уровнем жизнестойкости в следующих уровнях эмоционального выгорания:

«Нет эмоционального выгорания»: в группе респондентов с отсутствием признаков доля опрошенных со средним уровнем жизнестойкости, у которых отсутствует эмоциональное выгорание, статистически значимо больше, чем доля опрошенных с низким уровнем жизнестойкости (при $p \leq 0,05$) ($\phi^*_{эмп} = 1.918 > \phi^*_{кр} = 1.64$ при $p \leq 0,05$); в группе респондентов

с отсутствием признаков доля опрошенных с высоким уровнем жизнестойкости, у которых отсутствует эмоциональное выгорание, статистически значимо больше, чем доля медицинских работников с низким уровнем жизнестойкости (при $p \leq 0,05$) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 1.997 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $p \leq 0,05$)

«Начинающееся эмоциональное выгорание»: в группе респондентов с начинающимися признаками доля опрошенных со средним уровнем жизнестойкости, у которых отмечается «начинающееся эмоциональное выгорание», статистически значимо больше, чем доля опрошенных с низким уровнем жизнестойкости (при $p \leq 0,05$) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2.262 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $p \leq 0,05$);

«Имеющееся эмоциональное выгорание»: в группе респондентов с имеющимися признаками доля опрошенных с низким уровнем жизнестойкости, у которых имеется эмоциональное выгорание, статистически значимо больше, чем доля опрошенных со средним уровнем жизнестойкости (при $p \leq 0,01$) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.053 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $p \leq 0,01$); в группе респондентов с имеющимися признаками доля опрошенных с низким уровнем жизнестойкости, у которых имеется эмоциональное выгорание, статистически значимо больше, чем доля опрошенных с высоким уровнем жизнестойкости (при $p \leq 0,01$) ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.039 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, медицинские работники с низким уровнем жизнестойкости характеризуются «имеющимся», со средним уровнем – «отсутствием» или «начинающимся»; с высоким уровнем – «отсутствием эмоционального выгорания». Проведенное эмпирическое исследование показало, что развитая жизнестойкость медицинских работников среднего звена позволяет предотвратить эмоциональное выгорание, является ресурсом, сдерживающим развитие эмоционального выгорания. Жизнестойкость личности способствует повышению физического и психического здоровья медицинских работников, успешной адаптации в стрессовых ситуациях, успешной самоактуализации.

Список использованных источников:

- 1 Маклаков, А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 1. – С. 16–24.
- 2 Леонтьев, Д. А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2011. – 680 с.
- 3 Мадди, С. Смыслообразование в процессе принятия решений / С. Мадди // Смысл. – 2005. – № 6. – С. 87–91.

В. Ю. Мазепина

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

УРОВЕНЬ ЭМПАТИИ И ВЫБОР СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ У ПОДРОСТКОВ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению эмпатии и эмпатических способностей. Приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи уровня эмпатии и стратегий поведения в конфликтной ситуации у подростков.

Ключевые слова: эмпатия, эмпатические способности, конфликт, конфликтная ситуация, стратегии поведения, соперничество, компромисс, избегание, приспособление, сотрудничество.

Анализ теоретических и экспериментальных исследований, посвящённых проблеме эмпатии, позволяет сделать вывод об отсутствии единого понимания сущности и структуры данного феномена. Одними авторами она определяется, как способность личности проникать

в психику другого человека, с помощью вчувствования субъекта в себя или в объект, другими – как процесс, свойство, состояние психики [1, с. 219]. Эмпатия выступает как состояние, детерминирующее выбор действий в конфликтной ситуации, и тем самым определяющее развитие конфликта. Рефлексивно-эмпатийная позиция участников конфликта обеспечивает децентрацию в отношениях, позволяя смотреть на ситуации конфликта не только ориентируясь на свои взгляды. Эмпатия рассматривается как механизм, посредством которого формируется убежденность в ценности другого человека, готовность положительно относиться к нему. Интерес к изучению эмпатии в подростковом возрасте обусловлен тем, что именно в подростковом возрасте начинают впервые обнаруживаться индивидуальные особенности эмпатии и представлений о ней [2, с. 415].

Актуальность изучения проблемы взаимосвязи эмпатических способностей и стратегий поведения в конфликте обусловлена тем, что повышение уровня эмпатии как сопереживания, проникновения, сопричастности к миру другого человека, способствует использованию конструктивных стратегий поведения в конфликте. Рефлексивно-эмпатийная позиция участников конфликта обеспечивает децентрацию в отношениях, позволяя смотреть на ситуации конфликта не только ориентируясь на свои взгляды. С одной стороны, умение сочувствовать, сопереживать и умение конструктивно разрешать конфликтные ситуации являются необходимыми качеством в жизни любого человека. С другой стороны, высокий уровень эмпатии и низкий уровень конфликтности способствуют созданию психологической безопасности субъекта собственной жизнедеятельности, что позволяет человеку максимально реализовывать свои жизненные стратегии.

С целью изучить характер взаимосвязи эмпатии и стратегий поведения в конфликтной ситуации в подростковом возрасте нами было проведено исследование на базе ГУО «Средняя школа № 30 г. Гомеля». Всего в исследовании приняло участие 150 подростков в возрасте 13–15 лет, из них 70 девочек и 80 мальчиков. Психодиагностические методы: методика «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбяна и Н. Эпштейна), опросник описания стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н. В. Гришиной).

При анализе результатов исследования эмпатии у подростков, полученных с помощью методики «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна выявлено, что преобладающим уровнем эмпатии у исследуемых нами подростков является нормальный уровень эмпатии (выявлен у 43 % подростков). Подростки с нормальным уровнем эмпатии в межличностных отношениях более склонны судить о других по поступкам. Такие подростки хорошо контролируют свои эмоциональные проявления, но при этом возникают трудности в представлении дальнейшего развития отношений. Подростки со средним уровнем эмпатии так же склонны к эмоциональным проявлениям, но они чаще их контролируют. В общении внимательны, стараются понять больше, чем сказано словами, но при излишней эмоциональности собеседника теряют контроль, могут находиться в состоянии фрустрации. Предпочитают деликатно не высказывать свою точку зрения и не настаивать на своём, если не уверены, что она будет принята. Затрудняются прогнозировать будущее развитие отношений, поэтому их поступки иногда оказываются неожиданными. Такие подростки не проявляют чрезмерно свои чувства, а так же имеют трудности в восприятии чувств и эмоций других людей. У 32 % подростков выявлен низкий уровень эмпатии. Следует обратить внимание на то, что процентное соотношение мальчиков с низким уровнем эмпатии выше, чем у девочек. Низкий уровень эмпатии выявлен у 39 % мальчиков и 24 % девочек. Подростки с низким уровнем эмпатии в межличностных отношениях испытывают затруднения, им тяжело установить контакты с людьми, дискомфортно чувствуют себя в большой компании, не понимают эмоциональных проявлений и поступков других людей. Они предпочитают индивидуальную работу и более продуктивны в ней. Такие подростки эгоистичны, их больше волнует удовлетворение своих повседневных нужд, центрированы на себе. Подростки с низким уровнем эмпатии не способны оказать настоящую поддержку, быть внимательным и сопереживающим слушателем. С иронией относятся к сентиментальным проявлениям. Болезненно переносят критику в свой адрес, при этом бурно не реагируют. У 25 % подростков выявлен высокий уровень эмпатии. Данная часть подростков чувствительна к нуждам и проблемам окружающих, великодушна, склонна многое прощать.

С неподдельным интересом относятся к людям. Эмоционально отзывчивы, общительны, быстро устанавливают контакты и находят общий язык. Окружающие ценят таких людей за душевность. В оценке всего происходящего больше доверяют своим чувствам и интуиции. Предпочитают работать с людьми, в группах. Испытывают необходимость в одобрении своих действий окружающими людьми, особенно значимыми близкими. Развитая эмпатия позволяет подросткам предвидеть поведение других людей, представлять будущее развитие взаимоотношений. Они готовы проявлять заботу, выражать свои чувства, сопереживать окружающим. Они не могут остаться равнодушными к окружающим.

Результаты исследования доминирующих стратегий поведения в конфликтных ситуациях у подростков, полученные с помощью опросника описания стратегий поведения в конфликте К. Томаса (в адаптации Н. В. Гришиной) позволяют сделать вывод, что доминирующей стратегией поведения в конфликтных ситуациях у исследуемых нами подростков является «соперничество» (данная стратегия выявлена у 41 % подростков). Наиболее часто используют данную стратегию мальчики, чем девочки. Процент мальчиков с доминирующей стратегией «соперничество» составляет 51 %, а девочек 29 %. Используя тактику «соперничество» подростки стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другого. Они используют все доступные средства, чтобы добиться своего, получить максимум желаемого и утвердиться в своем превосходстве над другими. Подростки, которые выбирают данную стратегию поведения, прежде всего, исходят из оценки собственных интересов в конфликте. 33 % подростков используют стратегию «сотрудничество». Используя тактику сотрудничества, подростки прибегают к такому поведению, при котором обоюдно приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. Сотрудничество строится на основе баланса интересов и на признании ценности межличностных отношений. Сотрудничество предполагает учёт интересов соперника и направленность на свои интересы. 29 % подростков используют стратегию «компромисс». Для них характерно поведение, основанное на взаимных уступках. Прибегая в конфликтной ситуации к компромиссу, подростки используют такие действия, которые могут в некоторой степени напомнить сотрудничество, однако при помощи компромисса урегулирование конфликта достигается на более поверхностном уровне, чем при сотрудничестве. Такая стратегия требует от подростков терпимости, уступчивости, позволяет сохранить официальные отношения. 31 % подростков (из них 23 % мальчиков и 41 % девочек) используют стратегию «избегание». Стратегия избегания отличается стремлением уйти от конфликта. Она характеризуется низким уровнем направленности на личные интересы. Использование такой стратегии способствует переходу любого конфликта в хронический. Такая стратегия имеет смысл только если в конфликте не задействованы личные интересы и потребности личности. 27 % подростков (из них 17% мальчиков и 37 % девочек) используют стратегию приспособление. У данной части подростков отмечается готовность пожертвовать своими интересами с целью сохранения взаимоотношений, которые ставятся выше предмета и объекта разногласий. В отличие от избегания, эта стратегия предполагает, что подросток должен поступить так, как просит оппонент, даже в ущерб своим интересам.

На заключительном этапе исследования для выявления взаимосвязи степени между эмпатией и стратегиями поведения в конфликтных ситуациях нами была проведена статистическая обработка данных с помощью метода ранговой корреляции Ч. Спирмена. В ходе корреляционного анализа нами выявлены следующие виды взаимосвязей:

- обратная средняя значимая взаимосвязь между эмпатией и стратегией поведения в конфликтной ситуации «соперничество» ($r_s = -0.629$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень эмпатии, тем менее выражена стратегия поведения в конфликтной ситуации «соперничество», и наоборот, чем ниже уровень эмпатии, тем более выражена стратегия поведения в конфликтной ситуации «соперничество»;

- прямая средняя значимая взаимосвязь между эмпатией и стратегией поведения в конфликтной ситуации «сотрудничество» ($r_s = 0.604$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень эмпатии, тем более выражена стратегия поведения в конфликтной

ситуации «сотрудничество», и наоборот, чем ниже уровень эмпатии, тем менее выражена стратегия поведения в конфликтной ситуации «сотрудничество»;

- прямая умеренная значимая взаимосвязь между эмпатией и стратегией поведения в конфликтной ситуации «компромисс» ($r_s = 0.357$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень эмпатии, тем более выражена стратегия поведения в конфликтной ситуации «компромисс», и наоборот, чем ниже уровень эмпатии, тем менее выражена стратегия поведения в конфликтной ситуации «компромисс».

Выявленные взаимосвязи свидетельствуют о том, что подростки, у которых высокий уровень эмпатии, в конфликтных ситуациях прибегают к конструктивным стратегиям, а именно «сотрудничество» и «компромисс», в то время такую неконструктивную стратегию «соперничество» используют крайне редко. Т.е. подростки с развитой эмпатией прибегают к такому поведению в конфликтных ситуациях, при котором обоюдно приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон. Они строят свое поведение на основе баланса интересов и на признании ценности межличностных отношений. Сотрудничество предполагает высокий уровень направленности на интересы соперника и высокий уровень направленности на свои интересы. Также для них характерно поведение, основанное на взаимных уступках. Прибегая в конфликтной ситуации к компромиссу, подростки используют такие действия, которые могут в некоторой степени напомнить сотрудничество, однако при помощи компромисса урегулирование конфликта достигается на более поверхностном уровне, чем при сотрудничестве. В конфликтной ситуации, выбирая стратегию компромисса, они проявляют больше терпимости и стремление к примирению интересов. Подростки же, у которых низкий уровень эмпатии, наиболее выражено используют неконструктивную стратегию поведения в конфликтной ситуации «соперничество». Они стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб интересам другого. Они используют все доступные средства, чтобы добиться своего, получить максимум желаемого и утвердиться в своем превосходстве над другими. Подростки, которые выбирают данную стратегию поведения, прежде всего, исходят из оценки собственных интересов в конфликте, как высоких, а интересов других – как низких.

Список использованных источников

1 Савинова, Т. В. Взаимосвязь уровня эмпатии и конфликтности студентов психологов / Т. В. Савинова, Т. Г. Былкина, Е. И. Пустобаева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 12–2. – С. 219–222.

2 Кучерявенко, И. А. Изучение эмпатии у студентов-психологов с разными стратегиями поведения в межличностных отношениях / И. А. Кучерявенко // Молодой ученый. – 2012. – № 12. – С. 415–416.

И. А. Огурцова

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕТ-ТЕРАПИИ В ПОВЫШЕНИИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

Статья посвящена исследованию современных подходов к использованию пет-терапии в профилактике стресса и повышению стрессоустойчивости у молодых людей. В статье рассмотрены наиболее распространенные виды, методы пет-терапии, обоснована её функциональная значимость. Автор приводит данные эмпирического исследования измерения стрессовых ощущений в соматических, поведенческих и эмоциональных показателях среди молодых людей, имеющих домашних животных и не имеющих.

Ключевые слова: пет-терапия, зоотерапия, анималотерапия, стрессогенность, стресс, стрессоустойчивость.

Понятие стресса в современной психологии двойственно: с одной стороны, стресс лежит в основе приспособления организма к многообразным влияниям внешней среды; с другой стороны, стресс – это фактор, способствующий нарушению психической адаптации, затрагивающий психофизиологический, психологический, социально-психологический уровни регуляции человека [1, с. 348]. В современном мире растет стрессогенность, множится поток информации, нарастают нагрузки на нервную систему и психику человека. Соответственно увеличивается риск переживания негативных эмоциональных состояний, которые накапливаясь, формируют выраженные длительные стрессовые расстройства. Такие состояния снижают успешность и качество, выполняемой человеком деятельности, и требуют поиска новых способов повышения стрессоустойчивости, снятия эмоционального напряжения. Мероприятия по профилактике и преодолению стресса способствуют поддержанию оптимального уровня показателей психического здоровья.

Стрессоустойчивость – это индивидуальная психологическая особенность, заключающаяся в специфической взаимосвязи разноуровневых свойств личности, обеспечивающих биологический, физиологический и психологический гомеостаз системы и приводит к оптимальному взаимодействию личности с окружающей средой в различных условиях жизнедеятельности и деятельности [2, с. 8]. Отдельные авторы рассматривают стрессоустойчивость как одну из подструктур готовности человека к деятельности в напряженных ситуациях, что обеспечивает быстрое и правильное использование знаний, опыта, личных качеств, сохранение самоконтроля и перестройке деятельности при появлении непредвиденных препятствий. Стрессоустойчивость детерминирована психофизиологическими факторами мотивационной и эмоциональной устойчивостью, разнообразием эмоционального опыта личности, уровнем развития волевой саморегуляции, профессиональной подготовленностью, информированностью и готовностью личности к выполнению задач; интеллектуальной оценкой требований ситуации.

Терапия домашними питомцами относительно недавно стала активно использоваться для гармонизации эмоционального состояния, снижения влияния стрессовых факторов. Изучением влияния домашних питомцев на психическое благополучие человека занимались Б. Левинсон, С. и Э. Карсон, А. Катчер, Э. Волой, Э. Смит, С. Баркер и К. Дэусон, Е. И. Бугаева.

Под зоотерапией (анималотерапией) понимается такой вид психотерапии, в которой психотерапевтическим средством является взаимодействие человека с животным. Уникальность анималотерапии заключается в том, животное имеет внутренний источник активности, поэтому становится относительно непредсказуемым; животное не является носителем смысловой и оценочной функции и позволяет человеку освободиться от проявления психологических защит; животное имеет собственную позицию, мотивацию и в ситуации взаимодействия активно ее проявляет [3, с. 245].

Существует несколько разновидностей анималотерапии в зависимости от вида животного, с которым осуществляется взаимодействие. К анималотерапии относятся дельфинотерапия, иппотерапия (терапия лошадьми), инсектотерапия (терапия насекомыми), орнитотерапия (терапия звуками голосов поющих птиц).

Пет-терапия – это психотерапия домашними животными. Термин происходит от английского «pet» – обобщенное название домашних животных, дословно «любимец», «блловень», «любимое животное». В качестве пет-терапевта может выступать кошка, собака, аквариумные рыбки, попугай, канарейка, кролик, шиншилла, хомяк, домашняя крыса, ящерица или что-нибудь еще. Главное, чтобы животное представляло интерес для самого владельца, а также соответствовало темпераменту и образу жизни владельца конкретного животного.

Домашние питомцы выполняют следующие функции в психотерапии:

- 1) снижают эмоциональные расстройства у детей;
- 2) помогают в лечении от заикания;
- 3) способствуют формированию у детей открытости, отзывчивости, раскованности, чувства ответственности, долга;
- 4) приносят пожилому человеку чувство нужности,

- 5) гармонизируют отношения между супругами в семье,
- 6) оказывают эмоциональную поддержку хозяевам,
- 7) помогают справляться с внутрисемейными стрессами [1, с. 246].

Существуют возможности применения пет-терапии совместно с другими видами психотерапевтического воздействия. Например, в ситуации психотерапии переживания горя, утраты, коррекции тревожности, сложностей в общении, эмоциональной депривации. В семейной психотерапии возможно налаживание взаимоотношений между членами семьи через формирование новых семейных ритуалов, связанных с уходом за домашним любимцем, игрой с ним и совместным времяпрепровождением. Широкое распространение получила пет-терапия в детской практике при коррекции привязанности, расстройств, связанных со сложностями общения (тревожности, застенчивости, заикания, пониженной самооценки), использоваться для коррекции гиперактивных детей, стимуляции интеллектуального и эмоционального развития.

Было проведено эмпирическое исследование с целью выявления стрессовых ощущений в соматических, поведенческих и эмоциональных показателях у молодых людей, у которых есть питомец и у молодых людей, у которых нет питомца. Выборку исследования составили 80 человек – молодые люди в возрасте от 22 до 26 лет, из них 40 человек, у которых есть домашние питомцы (1 подгруппа), и 40 человек, у которых нет домашних животных (2 подгруппа). Для диагностики уровня стресса использовалась Шкала психологического стресса PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой.

Анализ результатов анкетирования среди двух подгрупп позволил сделать следующие выводы. В 1 подгруппе: у большинства молодых людей питомцы находятся достаточно длительное время – более 5 лет (40 % опрошенных); большинство анкетированных уделяют питомцу минимум 30 минут своего времени в день; взаимодействие с питомцем проходит в виде игры, ласки, общения; 77,5 % опрошенных отмечают, что общение с питомцем приносит удовольствие и оказывает терапевтическое воздействие; 90 % молодых людей считают, что необходимо обязательно заводить домашних животных. Большинство молодых людей, у которых нет питомцев (65 %) хотели бы завести домашних питомцев; наиболее частые причины, по которым они не заводят питомцев – нехватка свободного времени – у 42,5 % и несогласие других членов семьи (40 %). Более половины респондентов (57,5 %), которые не имеют домашних любимцев считают, что содержание домашнего питомца вызывает определенные трудности. Однако подавляющее большинство молодых людей (52,5 %), у которых нет питомцев, считают, что общение с ними оказывает позитивное психотерапевтическое воздействие. Более половины опрошенных из 2 подгруппы (57,5 %) считают, что стоит заводить домашних питомцев. Результаты исследования по Шкале психологического стресса представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования уровня стресса с помощью Шкалы психологического стресса PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона в адаптации Н. Е. Водопьяновой

Уровень стресса	Молодые люди, у которых есть питомец, кол-во человек (%)	Молодые люди, у которых нет питомца, кол-во человек (%)
Высокий	5 человек (12,5 %)	8 (20 %)
Средний	18 человек (45 %)	21 (52,5%)
Низкий	17 человек (42,5 %)	11 (27,5 %)
Среднее арифметическое	106,15	112,95

В группе молодых людей, у которых есть питомец, у большинства испытуемых диагностирован средний уровень стресса (45 %), они способны активно противостоять стрессу, адаптивны к меняющейся среде. У 42,5 % – низкий уровень стресса, такие люди практически не подвержены переживанию стресса, они способны свободно ориентироваться и принимать решения, отвлекаться от неблагоприятных внешних факторов, они умеют контролировать свои

эмоции. Только у 12,5 % респондентов, содержащих домашних животных, высокий уровень переживания стресса, что свидетельствует переживании ими состояния дезадаптации и психического дискомфорта. Эта часть молодых людей остро нуждается в применении широкого спектра средств и методов для снижения нервно-психического напряжения, психологической разгрузки, изменения стиля мышления и жизни. У большинства молодых людей (52,5 %), у которых нет питомца, средний уровень стресса, они адаптированы к сложившейся ситуации, способны адекватно разрешать сложные проблемы. У 27,5 % испытуемых данной группы низкий уровень стресса. У 20 % выявлен высокий уровень стресса, такие люди испытывают негативное воздействие стрессовых ситуаций, их деятельность дезорганизована, они чувствуют опасность и дискомфорт, ощущают повышенную утомляемость, нарушения в эмоциональной сфере, у них возможны нарушения сна, снижение фона настроения.

Анализ средних показателей по двум группам показывает, что уровень стресса в группе молодых людей, у которых не питомцев, выше, чем в группе молодых людей, у которых есть домашние питомцы.

Таким образом, пет-терапия позволяет улучшить физическое и эмоциональное состояние, помогает снизить уровень стресса и одиночества. Систематическое общение с домашними питомцами позволяет оптимизировать и соблюдать режим дня. Регулярные прогулки с домашним любимцем способствуют повышению уровня физической активности, что в конечном счете делает людей более продуктивными. Полученные теоретические и эмпирические данные могут быть использованы для разработки программ тренингов, групповых и индивидуальных консультаций, способствующих профилактике и преодолению стресса в период ранней молодости с использованием средств пет-терапии.

Список использованных источников

1 Газиева, М. З. Современные подходы к проблеме исследования стресса и стрессоустойчивости / М. З. Газиева // Мир науки, культуры, образования. – № 3 (70) – 2018. – С. 348–350.

2 Церковский, А. Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости / А. Л. Церковский. // Вестник ВГМУ – 2011, – Том 10, № 1. – С. 6–18.

3 Казакова, Е. В. Зоопсихология и сравнительная психология : учебное пособие / Е. В. Казакова. – Архангельск. – 2014. – 280 с.

С. В. Пискун

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается проблема аддиктивного поведения, представлены виды зависимости: химические и нехимические, описаны социальные факторы и психологические детерминанты аддиктивного поведения личности.

Ключевые слова: аддикт, аддиктивное поведение, фиксация.

В современной психологии аддиктивное поведение понимается как одна из форм девиантного поведения, которая выражается в уходе от реальности путем изменения своего психического состояния и фиксации внимания на определенных предметах или активностях [1, с. 188]. Началом аддиктивного процесса является «фиксация» – сосредоточение на

определенных предметах или активностях, вызывающих у аддикта сильные эмоции, подъем настроения, постоянные мысли об аддиктивном агенте. Спровоцировать возникновение фиксации может сильное воздействие какого-либо психоактивного вещества или какая-либо активность. Далее развивается сильная стойкая фиксация на аддиктивном агенте (аттачмент), что влечет за собой сильное желание повторить пережитое состояние. Реализация аддиктивных желаний постепенно становится основной потребностью, что лишает аддикта возможности формировать другие желания. Одним из факторов развития склонности к аддикциям являются нарушения в процессе индивидуального развития, например, недостаточно сформированное или слабое суперэго, характеризующееся невозможностью приспособиться к требованиям реальности. Нарушения в структуре эго обуславливают прогрессирование аддикции, делая затруднительным преодоление состояния фрустрации.

Стремление к аддиктивным реализациям также может быть связано с неудовлетворением потребности в нормальной идеализации и самоуважении, с неосознаваемым психологическим дискомфортом, возникающим вследствие неудовлетворённости человека своим ролевым поведением. В этом случае аддиктивные реализации служат способом временного избавления от психологического дискомфорта, выходом за пределы своего собственного «Я» [2, с. 124]. Развитию аддиктивного поведения могут способствовать также недостаточная эмоциональная поддержка родителей и/или первичной группы в процессе воспитания, а также нарушения взаимодействия со значимыми объектами, определяющие фиксацию на раннем этапе развития.

Аддиктивная реализация создаёт иллюзорную возможность без какого-либо для себя вреда изменять своё психическое состояние, позволяя испытывать чувство психологического комфорта и освободиться от неприятных эмоций и мыслей. Аддиктивная реализация, таким образом, становится предпочтительным методом ухода от психологического дискомфорта. Условия воспитания в детстве во многом определяют риск возникновения аддиктивного поведения. Также большое значение здесь имеют пережитые психологические травмы детского периода, такие как отсутствие заботы, насилие над детьми, и предоставление их самим себе (заброшенность). Под социальными факторами, способствующими развитию аддиктивного поведения, также понимаются дезинтеграция общества и нарастание невозможности к ним своевременно адаптироваться.

Условно выделяют химическую, нехимическую (поведенческую) формы аддикции, а также пищевые аддикции, являющиеся промежуточным звеном между химической и нехимической формами аддикций. При химических аддикциях человек изменяет свое психическое состояние с помощью приема различных психоактивных веществ, многие из которых могут привести к развитию физической зависимости от употребляемого вещества, оказывают токсическое воздействие на организм и вызывают органические поражения. К этой группе аддикций относят алкогольную аддикцию, наркоманию, токсикоманию и другие. Нехимическими аддикциями являются те аддикции, которые не связаны с приемом химических веществ, изменяющих психическое состояние человека: азартные игры (гэмблинг), сексуальная, любовная аддикция, работогольная аддикция, ургентная аддикция, интернет-аддикция и другие. Промежуточным звеном между химическими и нехимическими аддикциями являются аддикции к еде и имеющие две формы проявления – переедание и голодание. Первая форма является более распространенной [3, с. 61].

Таким образом, независимо от типа, аддиктивное поведение представляет собой фиксацию на объекте зависимости. На формирование зависимого поведения оказывают влияние как социальные, так и психологические факторы. Психологическими детерминантами, оказывающими значимое влияние на развитие аддиктивного процесса, выступают недостаточно сформированное и слабое суперэго, психологические травмы детского периода, гипертрофированные чувства вины и стыда. К психологическим факторам развития аддиктивного поведения также относятся такие личностные особенности, как нервно-психическая неустойчивость, акцентуации характера (гипертимный, неустойчивый, конформный, истероидный, эпилептоидный типы), поведенческие реакции группирования, реакции эмансипации.

Список использованных источников

- 1 Исследование по употреблению психоактивных веществ подростками и молодежью в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unicef.by>. – Дата доступа: 23.09.2020.
- 2 Короленко, Ц. П. Идентичность в норме и патологии / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, Е. Н. Загоруйко – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. – 256 с.
- 3 Короленко, Ц. П. Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко. – Новосибирск: НГПУ, 2001. – 245 с.

А. Г. Плащева

Научный руководитель: **О. Н. Мельникова**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ДЕПРЕССИЯ, ТРЕВОЖНОСТЬ И ОДИНОЧЕСТВО КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА

В статье раскрываются понятия «суицид», «суицидальное поведение и «суицидальный риск»; рассматриваются в статье рассматриваются состояние депрессии, тревожности и одиночества как детерминант суицидального риска, анализируются результаты исследования выраженности этих состояний у студентов-психологов разных курсов, тем самым выявляется уровень суицидального риска у студентов на разных этапах профессионального обучения

Ключевые слова: суицидальное поведение, суицидальный риск, одиночество, тревожность, депрессия, профессиональная деятельность

Ежегодно более 800 000 человек лишают себя жизни, а значительно большее число людей совершают попытки самоубийства. Беларусь регулярно попадает в десятку стран – лидеров по количеству суицидов. По статистике Минздрава 2018 году за первый квартал произошло 333 самоубийства. В 2020 году – около 400. Самоубийство становится третьей по счету ведущей причиной смерти. Таким образом, проблема суицидального поведения, детерминант суицидального поведения является чрезвычайно актуальной не только для Беларуси, но и для других стран.

Суицид (самоубийство) – осознанное, намеренное лишение себя жизни. Лишение себя жизни психически здоровым человеком (а таких случаев, вопреки довольно распространенному мнению, большинство), в конечном счете, есть следствие отсутствия или утраты смысла жизни, результат «экзистенциального вакуума» [1]. Суицидальное поведение обусловлено целым рядом причин и факторов, которые действуют интенсивно и в неразрывном единстве. Четко определенной классификации социально-психологических причин самоубийств нет и быть не может, поскольку в каждом отдельном случае они становятся индивидуальными и неповторимыми в чистом виде в других случаях. Однако среди них можно найти группу таких, которые часто дублируются или имеющих место в нескольких случаях суицида.

А. Е. Личко, указывает на основные причины суицидального поведения: лично-семейные конфликты (развод, болезнь или смерть близких, одиночество, неудачная любовь, оскорбление); состояние здоровья (психические и соматические заболевания, инвалидность); конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента (опасения уголовной ответственности, позор, боязнь наказания); конфликт, связанный с работой или учебой; материально-бытовые трудности [3]. По мнению Г. Сейра, основными причинами самоубийства являются чувства изоляции, беспомощности, безнадежности и чувство собственной незначимости [2]. Г. К. Эрдынеева, А. П. Филипова, А. Г. Амбрумова. также выделяют следующие основные причины суицидального

поведения: депрессивное расстройство; алкоголизм и другие формы злоупотребления наркотическими веществами; религиозные идеи; изоляция, жизнь в одиночестве, потеря поддержки; когнитивная ригидность; моделирование, самоубийство в семье; экономические проблемы, проблемы в ВУЗе или на работе; проблемы с противоположным полом; стресс и стрессовые факторы; агрессия и раздражительность; физическая болезнь; тревога [4].

С целью исследования одиночества, тревожности и депрессии у студентов-психологов разных курсов и выявления уровня суицидального риска на разных этапах обучения нами было организовано и проведено исследование на базе УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», в котором приняли участие 200 студентов, по 50 человек 1, 2, 3, и 4 курсов. В качестве диагностического инструментария были использованы «Опросник одиночества С. Г. Корчагиной», «Опросник депрессии А. Т. Бека», «Шкала тревоги А. Т. Бека».

В ходе проведения диагностического исследования, с помощью опросника депрессии А. Т. Бека, были получены данные, согласно которым в выборке больше всего студентов с отсутствием депрессии на 1 и на 3 курсах, процентное соотношение 58 %-50 %. Студентов с легкой депрессией больше всего на 2 и 3 курсах, соотношение 26 %-24 %. Умеренная депрессия присутствует у студентов 4 курса составляет и 14 %, выраженная депрессия присутствует у 1 и 3 курса процентное соотношение 12 %-10 %, и тяжелой депрессия выявлена на 2 курса у 22 % опрошенных, а на 4 курсе у 24 % опрошенных.

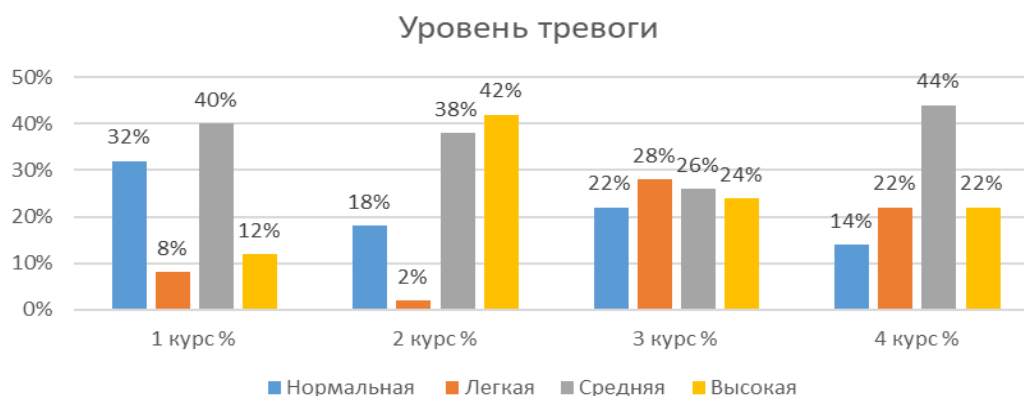

Рисунок 1 - Уровень тревоги у испытуемых по опроснику тревоги А. Т. Бека

Что касается уровня тревоги, то на рисунке 1 видно, что студентов 1 курса более выражены показатели нормальной и средней тревоги 32 %-40 %, у 2 курса показатели средней и высокой тревоги 38 %-42 %, у 3 курса более выражены показатели легкой и средней тревоги в процентном соотношении 28 %-26 %, у 4 курса показатель средней тревоги 44 %.

На рисунке 2 можно видеть, что у студентов всех курсов преобладает низкий уровень одиночества. Средний уровень одиночества выражен слабо, высокий уровень одиночества отсутствует. Для выявления возможных взаимосвязей между уровнем депрессии, тревожностью и уровнем одиночества между 1 и 4 курсом, а также между 2 и 3 был подсчитан коэффициент ранговой корреляции Фишера.

Таким образом, в результате эмпирического исследования нами был исследован уровень депрессии, одиночества и тревоги у студентов психологов на разных курсах и выяснилось, что студентам разных курсов присущи различные эмоциональные состояния. Старшекурсники более склонны к депрессивному состоянию, 24 % находится в состоянии депрессии. Это говорит о том, что необходимо дифференцировать физическую нагрузку, необходима система эмоциональной разгрузки, профилактика депрессивных состояний. Более высокий уровень тревожности характерен для студентов первого (52 %) и выпускного (33 %) курсов.

Обработка результатов по методике на определение уровня одиночества, показала, что более всего свойственно переживание одиночества студентам 1 курса. Учащиеся второго курса не так остро испытывают чувства одиночества. Этот период для них более устойчивый, адаптивный. Они закончили первый курс, нашли новых знакомых, адаптировались, и им не надо думать, что будет дальше. Учащиеся третьего курса, можно сказать, также спокойны за свое будущее, все больше сосредоточены на своей профессии.

У учащихся четвертого курса, выявлено 22 % студента, которые испытывают чувство одиночества.

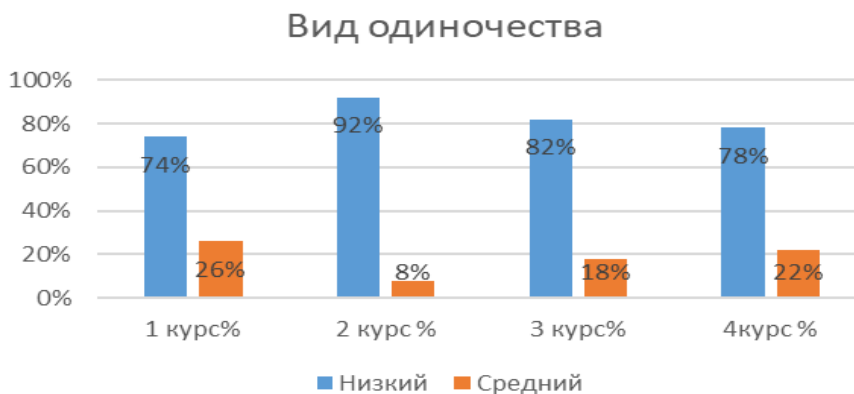

Рисунок 2 – Вид одиночества по опроснику С.Г. Корчагиной

Результаты по критерию φ^* – углового преобразования Фишера показали, что в сравнении 1 и 4 курса по частоте встречаемости интересующего нас эффекта при тяжелой депрессии встречаемость среднего уровня одиночества у 4 курса больше чем у первого ($\varphi^*=1,789$, при $p \leq 0,05$), в других случаях никаких различий в частоте встречаемого эффекта выявлено не было.

В сравнении 2 и 3 курса результаты по критерию φ^* – углового преобразования Фишера показали, что при легкой депрессии наиболее высокие показатели были выявлены при низком уровне одиночества ($\varphi^*=1,834$, при $p \leq 0,05$), при тяжелой депрессии высокие показатели были выявлены при среднем уровне одиночества ($\varphi^*=1,96$ при $p \leq 0,05$), в других случаях никаких различий в частоте встречаемого эффекта выявлено не было.

Таким образом, можно делать вывод о том, что в зоне риска находятся студенты первого и четвертого курса. Эти данные могут помочь при работе кураторов, при работе психологической службы со студентами первого и четвертого курса. Если первый курс всегда находится под вниманием куратора, воспитательного отдела, то четвертому курсу, ввиду особенностей учебного процесса (чаще находятся на практике, более самостоятельные) уделяется меньше внимания. Также, на наш взгляд, на студентов выпускного курса стоит обратить внимание не только педагогам, но и психологам, родителям, друзьям, близким родственникам, постараться проводить больше времени вместе, проявлять сочувствие, понимание, поддерживать все начинания, не критиковать, сохраняйте спокойствие и доверительные отношения.

Список использованных источников

- 1 Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 213 с.
- 2 Войцех, В. Ф. Клиническая суицидология / В. Ф. Войцех – СПб. : Миклош, – 2008. – 376 с.
- 3 Личко, А. И. Подростковая наркология / А.И. Личко. – СПб. : Питер, – 2007. – 476 с.
- 4 Амбрумова, А. Г. Диагностика суицидального поведения / А. Г. Амбрумова, В. А. Тихоненко. – М. : Мысль, – 2004. – 329 с.

Т. М. Позднякова

Научный руководитель: **С. В. Остапчук**, старший преподаватель
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СКРЫТОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИЯХ И КОНФОРМИЗМА

В статье рассмотрены проблемы домашнего насилия, а также насилия в отношениях. Описывается исследование по изучению взаимосвязи наличия скрытого насилия в отношениях и конформизма. Анализируются признаки скрытого насилия в отношениях.

Ключевые слова: насилие, скрытое насилие, признаки скрытого насилия, конформизм.

Насилие в отношении женщин – универсальное явление, встречающееся по всему миру, у разных народов и в разных культурах [1]. По данным Centers for Disease Control and Prevention 43,5 миллионов женщин испытывали психологическое насилие со стороны своего интимного партнера в США. Более половины женщин каждый год была убита своим партнером [2]. Новый закон о бытовом насилии был принят в Ирландии в 2019 году после того, как в 2017 году национальная организация по защите женщин от домашнего насилия предоставила отчет, в котором сказано, что количество пострадавших от эмоционального и психологического насилия женщин в разы превышает количество пострадавших от физического насилия. В 2017 году организация зарегистрировала 15 833 случая эмоционального и психологического бытового насилия и только 3 502 случая физического насилия [3]. В Беларуси наиболее распространенным видом насилия на гендерной почве является домашнее насилие. По данным Министерства внутренних дел, ежегодно в стране регистрируется около 2000 преступлений, совершенных в быту. Ежедневно в республике в органы внутренних дел поступает около 500 сообщений о фактах семейно-бытовых конфликтов, из которых свыше 70% составляют случаи домашнего насилия в отношении женщин и детей.

Насилие – акты физического, психологического, сексуального, экономического воздействия на людей, которые совершаются против их воли, целью которых является обретение власти и контроля над ними [4]. Насилие развивается циклично: одна из главных особенностей насилия состоит в том, что оно представляет собой повторяющиеся во времени инциденты (паттерн) множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического) [5]. Кроме насилия в семье широкое распространение получило партнерское насилие, то есть насилие в партнерских отношениях. К сожалению, достаточно большой процент первых близких отношений маркирован насилием одного члена интимной пары над другим. Этот тип насилия, как и насилие в семье, проявляется в повторяющихся физических действиях агрессивного характера и психологическом насилии.

В настоящее время не существует единого мнения о первопричине насилия в отношениях. Было предложено множество микро и макротеорий – от наличия психических нарушений до влияния социально-культурных ценностей и социальной организации. На сегодняшний день понятно, что есть определенные факторы, психологические и социальные, которые могут способствовать тому, что отношения становятся насильственными. Мы предположили, что одним из таких факторов может быть конформизм личности, поэтому мы решили проверить, существует ли взаимосвязь скрытого насилия в отношениях и конформизма.

Конформизм – термин, обозначающий пассивное, приспособленческое принятие готовых стандартов поведения, безапелляционное признание существующего положения вещей, законов, правил, безусловное преклонение перед авторитетами, игнорирование уникальности взглядов, интересов, предпочтений эстетических и других вкусов отдельных людей и т.д. [6].

В нашем исследовании приняли участие девушки, общее количество 70 человек в возрасте от 19 до 24 лет. Для определения наличия признаков скрытого насилия в отношениях, нами была

применена авторская анкета «Выявление признаков скрытого насилия», данная анкета была разработана специально для этого исследования. Она состоит из 42 вопросов. Кроме того, нами были получены результаты по изучению конформности у девушек, принимавших участие в исследовании.

Для проверки взаимосвязи между переменными «скрытое насилие» и «конформизм» был использован критерий Пирсона. В результате значение χ^2 Пирсона равно 4,04 (уровень значимости $p < 0,05$). Обнаруженная взаимосвязь между переменными может быть связана с тем, что, будучи конформным, человек буквально становится приспособленцем, разрушает свою индивидуальность, что впоследствии помешает ему в принятии самостоятельных решений. Главная черта характера этого типа – постоянная и чрезмерная конформность к своему непосредственному привычному окружению. Ко всему этому конформные субъекты – консерваторы по натуре, они не любят новое, потому что не могут к нему быстро приспособиться, трудно осваиваются в новой ситуации. Такой человек не может обезопасить себя – найти способ выйти из ситуации насилия и найти силы и ресурсы для этого. Человек, для которого характерен конформизм, легко признает авторитарность своего партнера, а целью насильника во многих случаях является показ своего превосходства. С помощью насильственных действий он пытается самоутвердиться.

При анализе наличия скрытого насилия в отношениях были получены признаки скрытого насилия в партнерских отношениях, остановимся на наиболее распространенных в нашей выборке, представленные ниже.

1. Общий контроль со стороны партнера. В нашей выборке 55,7 % девушек испытывают контроль. Задача агрессора – полностью подчинить другого человека и постоянно контролировать его. Насильник может чрезмерно контролировать жертву, указывать на ее недостатки, оправдывая всё тем, что пытается помочь.

2. Контроль сообщений в социальных сетях или в телефоне: 67,14 % девушек подтвердили тот факт, что их партнер просматривает их сообщения в телефоне и социальных сетях.

3. Ответственность за то, что происходит в отношениях: 40 % девушек свойственно винить себя за любые действия, которые происходят в отношениях. Данное явление имеет место тогда, когда молодой человек навязывает чувство вины, его обвинения настолько убедительны, что вскоре жертва начинает искать все причины ссор и неудач только в себе. Таким образом насильник самоутверждается за счет жертвы.

4. Ревность со стороны партнера: 70 % девушек испытывают ревность в отношениях. Ревность в отношениях не выглядит явным проявлением признаков насилия. Ревность – естественная эмоция, но она же может привести к неспособности определить, что реально, а что является плодом фантазий. Самые тяжелые случаи насилия в отношениях связаны с патологической ревностью.

По данным исследования видно, что переменная «конформизм» взаимосвязана с переменной «наличие скрытого насилия». Исследование выявило, что у девушек характерны следующие признаки насилия: общий контроль поведения; контроль окружения девушки; контроль сообщений в социальных сетях; критика друзей и близких со стороны молодого человека; ответственность за отношения; ревность.

Наши данные согласуются с признаками скрытого насилия, описанными Ш. Томасом в книге «Выздоровление от скрытого абьюза» [7]. Насилие в отношениях не всегда бывает очевидным, поэтому его называют скрытым насилием. Важно обращать внимание не только на слова, но в большей мере на контекст и конкретные действия партнера, с тем, чтобы вовремя принять меры и не стать жертвой.

Список используемых источников

1 Забелина, Т. Ю. Домашнее насилие в отношении женщин : государственная проблема или личное дело / Т. Ю. Забелина // Женщины в Российском обществе. – 2008. – С. 77–85.

2 Trump domestic abuse sexual assault definition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/trump-domestic-abuse-sexual-assault-er1jUQrwfB0Q2T4fAI7ugFgHPz0LijBeNDpo>. Дата доступа: 02.05.2020.

3 Ирландия криминализирует эмоциональное насилие с помощью нового закона о насилии в семье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/irlandiya-kriminaliziruet-emotsionalnoe-nasilie-s-pomoshhyu-novogo-zakona-o-nasilii-v-seme/>. – Дата доступа: 02.05.2020.

4 Горбатов, Н. А. Социально-психологическая реабилитация женщин и детей, пострадавших от домашнего насилия : учеб. пособие / О. С. Гурова. – Барнаул : Краевой кризисный центр для женщин, 2012. – 127 с.

5 Беличева, С. А. Проблемы выявления и предупреждения семейного насилия / С. А. Беличева // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2006. – №2. – С. 67–72.

6 Логутова, Е. В. Психология делового общения / Е. В. Логутова, И. С. Екиманская. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2013. – С. 101–104.

7 Thomas, Sh. Healing from Hidden Abuse / Sh. Thomas. MAST Publishing, 2016. – 286 p.

Я. В. Свилю

Научный руководитель: **Е. А. Лупекина**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗВОДА РОДИТЕЛЕЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В данной статье подчеркивается актуальность изучения влияния развода родителей на личность ребенка младшего школьного возраста. Проблема рассматривается в рамках теории стресса. Выделяются особенности данной возрастной группы. Рассматриваются предпочитаемые детьми младшего школьного возраста копинг-стратегии и реакции на развод родителей.

Ключевые слова: развод, копинг-стратегии, совладающее поведение, теория стресса, стресс, реакции

Количество разводов в современном мире растет. В Республике Беларусь распадается каждый второй брак. Развод, как кризисное событие несет в себе негативные переживания и негативные последствия для каждого члена семьи, в частности для неокрепшей личности ребенка. Последствия эти могут носить как кратковременный, так и долговременный характер, могут быть отсрочены во времени. Для того, чтобы иметь возможность избежать последствий, минимизировать их, необходимо определить какими они могут быть.

В рамках теории стресса раскрываются как негативные последствия жизненных событий, так и защитные механизмы, и совладающее поведение (копинг-стратегии). Подробно изучаются индивидуальные различия в реакциях личности, ведь в зависимости от них, стрессовая ситуация может как совсем не оказывать никакого воздействия на личность, так и быть либо полезной, либо оказывать негативное влияние на личность. Так, к индивидуальным различиям, авторы относят личностные характеристики, уязвимость и защитные механизмы, когнитивная оценка личностью происходящего события и способ совладания с ним [1].

Развод при этом рассматривается не как изолированное событие, которое начинается с физической разлуки родителей, а как процесс, который начинается еще до распада семьи и заканчивающийся через много лет после официального развода родителей. Процесс развода, приводит в движение целую цепочку других событий. И последствия этих событий будут различаться по степени тяжести и продолжительности у разных людей в зависимости от наличия различных сдерживающих или защищающих факторов. Безусловно, окончание брака является стрессом для большинства людей, однако оно может сопровождаться и позитивными

результатами, такими как, например, окончание острых конфликтных ситуаций, и позитивными долгосрочными последствиями, когда люди успешно решают свои проблемы [2].

К данной группе относятся учащиеся 1–4 классов, что соответствует возрасту 6–11 лет. В этом возрасте ведущей деятельностью выступает учебная, следовательно успешность освоения этой деятельности в значительной степени определяет их психическое развитие. Однако, проблемы в семье могут оказать негативные последствия на эмоциональное состояние ребенка, его поведение, состояние здоровья и учебную деятельность, соответственно. Также в этом возрасте отмечается пик школьной тревожности, а также часты случаи неврозов и других невротических состояний школьников (Н. И. Гуткина; В. П. Петрунec; А. М. Прихожан; В. Э. Чудновский и др. [3]).

И. М. Никольская и Р. М. Грановская в своем исследовании изучали детей младшего школьного возраста и пришли к выводу, что в возрасте 7–11 лет специфика копинг-поведения существенно меняется [4]. Для детей младшего возраста характерна поведенческая специфика стратегий совладания, для младших подростков характерна когнитивная система совладающего поведения. Наиболее предпочитаемой для детей младшего школьного возраста является стратегия «игнорирование проблем», однако мы видим, что с возрастом происходит снижение данной тенденции и, напротив, происходит постепенное увеличение выбора копинг-стратегии «решение проблем» [5].

В этом возрасте отмечаются различия между детьми из разведенных семей и детьми, у которых такого опыта нет. Так, дети, чьи родители развелись, в отличие от детей данной возрастной категории из полных семей, характеризуются замкнутостью, меньшем уровнем доверия, чаще обособлены, а также более обидчивы. Также для них характерен эгоцентризм, повышенное упрямство, которое при этом может сочетаться с нерешительностью, неуверенностью в себе, скованностью и робостью. При этом, отмечается их склонность к пренебрежению своими обязанностями, а также частые конфликты с членами семьи и другими окружающими их людьми (учителя, одноклассники). У них отмечается более высокий уровень зависимости, непрактичности, склонности к мечтаньям, при этом у них отмечается рискованность в поведении. При этом, в имеющихся на сегодняшний день исследованиях отмечается, что младшие школьники, пережившие развод родителей, лучше контролируют свое поведение [6].

В ситуации развода, когда один из родителей уходит из семьи, у ребенка отмечается снижение самооценки, но они могут компенсировать это, что может вызывать и повышение самооценки, в том числе. Дети, разведенных родителей характеризуются, во многих ситуациях, более низким уровнем критичности к проявлениям своего характера, а также говорят о себе как о более счастливых, в отличие от детей, в чьей жизни не было развода родителей. Дети, разведенных родителей, более позитивно относятся к окружающим, приписывают им положительные качества и черты. В сфере эмоций у детей, разведенных родителей, отмечается наличие страха потери, неудовлетворенная потребность в признании, принадлежности и любви [6].

В отношениях с членами семьи, дети младшего школьного возраста, чьи родители развелись, не воспринимают себя полноправными членами семьи, не испытывают полной включенности в семейную ситуацию. Также у них повышен уровень конфликтности в отношениях с родителями.

У детей младшего школьного возраста отмечаются особенности переживания развода родителей в зависимости от пола ребенка. Так, в целом, мальчики переживают развод родителей сложнее. Они характеризуются замкнутостью, недоверчивостью к окружающим, неуверенностью в себе, робостью, скованностью, зависимостью. Но, несмотря на это, они практичные, реалистичные, ответственные, добросовестные, лучше контролируют свои чувства и эмоции. Также мальчики, пережившие развод родителей, становятся более требовательными и критичными к своему характеру. Девочки же проявляют склонность к соматическим проявлениям. Мальчики характеризуются негативным отношением к жизни, усталость, апатией. Они проявляют склонность к пассивности, уход от социальных контактов, изолированность. Однако, девочки из разведенных семей характеризуются открытостью, общительностью, демонстративностью,

активностью, стремлением к доминированию. Мальчики реже удовлетворены семейной жизнью и своим положением в семье, у них отмечаются проблемы во взаимоотношениях с сиблингами, однако выражена связь с отцом [6].

Безусловно, развод родителей несет негативные последствия для неокрепшей психики ребенка любого возраста. Степень последствий зависит от многих факторов: взаимоотношений между родителями до развода, в процессе и после него, первоначальных взаимоотношений ребенка с каждым родителем, личностных особенностей ребенка, его пола и многих других факторов. В младшем школьном возрасте, так как ведущей выступает учебная деятельность, последствия развода могут как зависеть от нее, так и оказывать на нее влияние. Гендерные различия также активно проявляют в реакциях детей на развод родителей, так у мальчиков в младшем школьном возрасте реакции более острые, а последствия более масштабные. Это может объясняться тем, что семью, как правило, покидает отец, а в этом возрасте у детей этого возраста высокая степень идентификации ребенка с родителем своего пола, они уже склонны к пониманию и принятию норм поведения, соответствующих полу.

Список использованных источников

1 Rutter, M. Implications of resilience concepts for scientific understanding / M. Rutter // *Annals New York Academy of Sciences*. – 2006. – Vol.1094. – P. 1–12.

2 Amato, P. R. The consequences of divorce for adults and children / P. R. Amato // *Journal of Marriage and the Family*. – 2000. – № 62. – P. 1269–1287.

3 Трошина, Е. А. Психологические особенности детей младшего школьного возраста как субъектов учебной деятельности / Е. А. Трошина // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. – 2012. – № 3. С. 30–36.

4 Никольская, И. М. Психологическая защита у детей / И. М. Никольская, Р. М. Грановская. – СПб. : Речь, 2000. – 507 с.

5 Матафонова, С. И. Динамика выбора копинг-стратегий у детей младшего школьного возраста / С. И. Матафонова // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 12. – С. 490–493.

6 Сергеева, А. Н. Влияние развода родителей на психическое развитие детей младшего школьного и подросткового возраста / А. Н. Сергеева, Е. Ю. Чеботарева // *Вестник Российского университета дружбы народов*. – Серия : Психология и педагогика. – 2006. – № 2. – С. 106–114.

А. Е. Тихиня

Научный руководитель: **Н. Г. Новак**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скоринь»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОПРОФИЛАКТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НЕБЛАГОПОЛУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-СИРОТ

В статье описано исследование психологического благополучия у студентов-сирот. Представлена структура психологического благополучия личности по К. Рифф. Для проведения исследования в рамках магистерской диссертации, посвященного изучению психологического благополучия, нами задействовано сто испытуемых в возрасте от 18 до 21 лет. Представленные данные могут использоваться в профилактической, просветительной и коррекционной деятельности психологов и педагогов в работе с молодежью.

Ключевые слова: психопрофилактика, психологическое неблагополучие, психологическое благополучие, сиротство.

Юношеский возраст – это особый период в жизни человека. Юноша стоит на пороге самостоятельной жизни, к которой он не всегда психологически готов. Особое значение вопрос «вхождения во взрослую жизнь» приобретает в том случае, когда речь идет о сиротах, поскольку зачастую они не готовы к лишению привычной опеки и принятию самостоятельного образа жизни. Существенными социально-психологическими характеристиками студентов из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются слабо развитая способность осмысления своего жизненного опыта, пассивность, отсутствием индивидуальных жизненных ориентиров и ценностей. Также следует отметить свойственную представителям данной категории несамостоятельность и желание переложить ответственность за принятые решения на кого-то другого [1, с. 18].

Обеспечение социально-психологической адаптации студентов из числа лиц данной категории в период обучения должна носить комплексный характер и включает учебно-профессиональное, социально-психологическое и социально-правовое направления деятельности. Что касается социально-психологического аспекта сопровождения, то главная его функция – это помощь в принятии человеком норм и ценностей новой социальной среды (группы, коллектива, в который он приходит), сложившихся форм социального взаимодействия, формальных связей, а также форм предметной деятельности, например, способов профессионального выполнения работ [1, с. 20].

Эффективность социально-психологической адаптации данной категории студентов к условиям обучения зависит от ряда внешних и внутренних условий. Внешние условия предлагают наличие в социальной среде необходимых адаптационных ресурсов, позволяющих сироте включиться в общественную жизнь в качестве полноправного участника. К ним относятся государственные гарантии и дополнительные льготы (социальные, медицинские, образовательные и т.д.), положительное ценностное отношение окружающих, наличие социальной сети, способствующей развитию и совершенствованию социальных навыков.

Интегрировав более ранние работы в области психологии развития, клинической, гуманистической и экзистенциальной психологии, К. Рифф разработала многомерную модель психологического благополучия, а также методику для его изучения психологическое благополучие выявлялось с помощью опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф (адаптация Н. Н. Лепешинского). В целом ощущение психологического благополучия отражает позитивное отношение к жизни и уверенность человека в своих способностях, готовность решать проблемы, брать ответственность на себя за свое благополучие [2, с. 24].

Для проведения исследования в рамках магистерской диссертации, нами на базе учреждений образования «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», «Гомельский государственный профессионально-технический колледж бытового обслуживания» задействовано сто испытуемых в возрасте от 18 до 21 лет. В исследовании приняли участие 75 студентов и 15 обучающихся колледжа. Статистическая обработка данных проводилась с помощью критерия углового преобразования Фишера.

Результаты исследования по критерию Фишера позволили выявить различия в измеряемом показателе между студентами и студентами-сиротами. В результате исследования психологического благополучия выявлены статистически значимые различия у студентов и студентов-сирот по шкалам: позитивное отношение (3,3 % и 3,3 % соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 2,675$, $p \geq 0,01$), автономия (40 % и 3,3 % соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 9,418$, $p \geq 0,01$), управление средой (3,3 % и 3,3 % соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 2,433$, $p \geq 0,01$), личный рост (16,7 % и 3,3 % соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 6,085$, $p \geq 0,01$), цель в жизни (3,3 % и 3,3% соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 1,929$, $p \geq 0,05$), самопринятие (6,7 % и 6,7 % соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 2,584$, $p \geq 0,01$), психологическое благополучие (6,7 % и 3,3 % соответственно, $\varphi^*_{эмп.} = 4,282$, $p \geq 0,01$), по содержанию данных шкал, можно говорить о различиях степени склонности студентов и студентов-сирот. По всем указанным шкалам склонность студентов к психологического благополучия значительно выше, чем у студентов-сирот [2, с. 25].

В результате исследования было выявлено, что показатели по шкалам методики у студентов-сирот значительно более низкие, чем у студентов, проживающих с родителями. Они менее уверены в себе и собственных силах, менее готовы строить доверительные отношения с окружающими, недооценивают собственные способности и возможности в различных сферах жизнедеятельности. Они менее способны противостоять попыткам общества заставить думать и действовать определенным шаблонным образом, ориентируясь на правила, мораль и поведение самого общества, исключая индивидуальность самих студентов. Они испытывают сложности в организации повседневной деятельности, не чувствуют себя способными изменить или улучшить складывающиеся обстоятельства в их личной жизни, часто безрассудно относятся к представляющимся возможностям, а также лишены чувства контроля над происходящим вокруг. Студенты-сироты менее склонны открываться и испытывают трудности в отношении нового опыта, не пытаются реализовать свой потенциал, они не склонны к изменению своей жизни в соответствии с собственными познаниями и достижениями. Студенты-сироты более разочарованы событиями своего прошлого и настоящего, испытывают беспокойство по поводу некоторых своих личных качеств, а также желают изменить себя и свою жизнь, не принимают себя такими, какие они являются на данный момент. Низкий уровень психологического благополучия свидетельствует о низкой самооценке, неудовлетворенности обстоятельствами собственной жизни, о недостаточно развитой способности поддерживать позитивные отношения с окружающими, о недооценке собственных способностей преодолевать жизненные препятствия, усваивать новые умения и навыки, а также недостаток или полное отсутствие осмысленности жизни. Прошлое и настоящее воспринимаются студентами-сиротами как бессмысленные, отсутствуют видимые жизненные перспективы, которые бы обладали достаточной привлекательностью для студентов [3, с. 129].

На основании результатов исследования была разработана программа психологического сопровождения студентов-сирот. Цель программы – повышение уровня осведомленности студентов-сирот по проблеме психологического благополучия, а также повышение уровня самопринятия и автономии, развитие навыков формирования позитивных отношений с окружающими, навыков управления окружающей средой, развитие потребности в личностном росте. Целевая группа - студенты-сироты 17–22 лет. Программа рассчитана на 10 занятий по 60 минут с частотой – один раз в неделю. Внедрение данной программы планируется проводить на базе студенческих общежитий

Таким образом, адаптация детей-сирот в профессиональных и высших учреждениях – это сложный многоуровневый процесс приспособления и утверждения личности в новых для нее условиях социальной среды. Поэтому исследования психологического благополучия, а также психопрофилактика психологического неблагополучия студентов-сирот являются актуальным, процесс адаптации в этот период направлен на формирование позитивной жизненной установки в социуме, связан с жилищно-бытовым обустройством и сопровождается активным освоением новой общественной среды, налаживанием социальных связей, усвоением новых социальных ролей, реализацией коммуникативного и интеллектуального потенциала, профессиональным становлением.

Список использованных источников

1 Бекова, Э. К. Профилактика воспроизводства социального сиротства : автореф. дис. кан. пед. наук: 13.00.01 / Э. К. Бекова. – Ярославль, 2007. – 30 с.

2 Лепешинский, Н. Н. Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф / Н. Н. Лепешинский // Психологический журнал. – Минск. – 2007. – №3. – С. 24–37.

3 Тихиня, А. Е. Структура психологического благополучия студентов-сирот / А. Е. Тихиня // I Международная заочная научно-практическая конференция «Векторы психологии» : сб. науч. ст. студентов, магистрантов и аспирантов / редкол. : Т. Г. Шатюк. – Гомель, 2019. – С. 127–130.

М. С. Чуранов

Научный руководитель: **И. А. Табунов**, старший преподаватель
Череповецкий государственный университет,
г. Череповец, Россия

ВЛИЯНИЕ ИГРУШЕК-АНТИСТРЕСС НА СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается влияние игрушек-антистресс на состояние человека, а также факторы, от которых зависит их влияние и восприятие. Описаны некоторые результаты эмпирического исследования. Выделены перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: стресс, дистресс, игрушка-антистресс, ведущая модальность, половые различия.

В самом начале работы дадим определение основным понятиям. Стресс (по Г. Селье) есть реакция человека на любые раздражители, действующие на него. Такая реакция подразумевает под собой возникновение у человека потребности приспособиться под действие раздражителя и восстановить свое обычное состояние [1]. С точки зрения стрессовой реакции не имеет значения, приятна или неприятна ситуация, с которой мы столкнулись. Имеет значение лишь интенсивность потребности в перестройке или в адаптации. Если мы рассматриваем стресс, как таковой, то не имеет значения, оценивается ли как приятная или неприятная та ситуация, с которой столкнулся человек. Важно только учитывать силу и выраженность той потребности в изменении (адаптации), которая присутствует у индивида.

Игрушки-антистрессы – это объекты, взаимодействуя с которым, испытывая влияние которых на анализаторы, человек меняет свое эмоциональное состояние в положительную сторону. Общество в текущее время "потрясено" большим количеством событий буквально каждый день. Процесс урбанизации, приобретающий всё более быстрые темпы ежегодно, ускорение жизни людей, ухудшения экологии, пост-индустриализация общества — всё вышеперечисленное может быть отнесено к факторам дистресса. Согласно данным ВОЗ, в современном мире дистресс наиболее выражен как причина ухудшения здоровья людей во всем мире [2]. В России подобные исследования проводит Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Процент граждан нашей страны, которые время от времени ощущают дистресс, составляет чуть менее 100%. Доля людей, которые испытывают дистресс регулярно, по сравнению с 2010 годом, выросло в три раза на момент 2019 года [3].

Таким образом, учитывая данные этих исследований, мы пришли к выводу, что исследования, касающиеся стресса, и стрессогенных факторов, достаточно актуальны. Вопрос применения игрушек-антистресс для снижения уровня дистресса тем более изучен не слишком хорошо, к примеру, в русскоязычном научном сегменте информация о таких исследованиях практически отсутствует. Имеются описания подобных игрушек, как коммерческих товаров, и производители называют разнообразные факторы, положительно влияющие на человека. Игрушки-антистресс развивают мелкую и крупную моторику, улучшают воображение, повышают уровень логического мышления. При этом, как мы уже сказали, такие описания составлены с определенной целью, а именно продажа товара. Как нам кажется, их нельзя воспринимать как однозначно объективные. Особенно это касается массовой культуры, в которой влияние подобных игрушек на дистресс достаточно приукрашено. Недостаточная изученность игрушек-антистресс, но при этом их относительно высокая популярность на данный момент обусловлены тем, что и для потребителей, и для исследователей это новинка.

В зарубежной литературе ситуация не менее сложная. В первую очередь, сложность проявляется в противоречивости результатов исследований. Приведем в пример изучение игрушек-антистресс электронным изданием "pharmaceutical-journal.com". В их исследовании затрагивается вопрос о влиянии антистрессов на пациентов во время проведения операции в области хирургии. Выводы, к которым пришли исследователи, говорят о снижении субъективных болевых ощущений, более сильном, чем при присутствии супругов во время операции [4]. Другое исследование, проведенное Аланским Университетом Искусств, затронуло вопрос использования арт-терапевтических

техник для снижения дистресса. Их результаты положительны, то есть такие приемы действительно снижают воздействие стресса на человека [5]. Стоит отметить, что эти исследования затрагивают немного отличные виды стресса: психологический аспект и физиологический. Подходы к исследованию тоже отличаются: пациентам предлагали деформировать игрушку-антистресс, чтобы перестать думать об операции, а при использовании арт-техник испытуемые задействовали творческое начало. В то же время Университет Висконсина-Мэдисона [6] провел исследование, в рамках которого выяснилось, что антистрессы не оказывают существенного влияния на те эмоции, которые испытывают респонденты.

Подытоживая вышесказанное, можно сказать, что влияние игрушек-антистресс на факторы дистресса требует более глубокого освещения и изучения. На текущий момент нет итогового ответа на вопрос о том, рационально ли использовать игрушки-антистресс в подобных ситуациях. Мы решили изучить антистрессы с помощью эксперимента, тестов и наблюдения. Мы предлагали человеку, участвующему в исследовании, провести оценку своего текущего состояния посредством цветописа на основании методики М.Люшера. Для ускорения исследования необходимо было выбрать единственный цвет из всех имеющихся. После этого мы предлагали респонденту взаимодействовать с одной из игрушек. Пока он был занят этим, ему задавались вопросы: "Как бы Вы описали данную игрушку? Как Вы можете оценить её в целом (нравится, не нравится, нейтрально)? Какие характеристики игрушки Вам понравились или не понравились (тактильные ощущения от неё, визуальные параметры, аудиальные характеристики)?". После вопросов испытуемый снова оценивал свое состояние посредством упрощенной методики цветописа. Циклы исследования повторяются до тех пор, пока испытуемый не протестирует все игрушки, предлагаемые ему. Кроме этого, посредством опроса мы собирали информацию о поле, возрасте, сфере деятельности испытуемого. Для получения информации о темпераменте, типе нервной системы и ведущей модальности мы использовали тесты Г. Азенка (темперамент), теппинг-тест (нервная система), тест на определение ведущей репрезентативной системы (модальность).

В нашем исследовании приняло участие шестеро мужчин и семь женщин (всего 13 испытуемых). Мы смогли ответить в своём исследовании на ряд вопросов: могут ли антистрессы оказать воздействие на состояние человека, в частности, дистресс? Мужчины или женщины являются более восприимчивыми к дистрессу? Какие из игрушек в наибольшей степени приятны или неприятны и по каким параметрам? Есть ли гендерный аспект восприятия игрушек-антистресс? Влияет ли репрезентативная система человека (модальность) на восприятие антистрессовых игрушек? В своих дальнейших научных изысканиях мы планируем затронуть следующие проблемные вопросы: что в игрушках-антистресс более важное при восприятии? Могут ли антистрессы усиливать дистресс? Какие психологические и физические параметры человека влияют на выбор и предпочтения игрушки? Может ли воздействие антистрессов быть опосредовано влиянием профессиональной сферы деятельности человека?

Нашими испытуемыми могут выступать люди, начиная с подросткового возраста, и заканчивая глубокой старостью, но мы предполагаем делить испытуемых на возрастные группы согласно общепринятым классификациям возрастного развития личности. Перейдем к рассмотрению результатов нашего пилотажного исследования. Во-первых, мы выявили, что антистрессы влияют на эмоции испытуемых в подавляющем большинстве (вот только результаты пока противоречивы и требуют уточнения – более половины испытуемых получили удовольствие и\от взаимодействия, но примерно пятая часть почувствовали раздражение). Только треть испытуемых восприняли игрушки нейтрально.

С точки зрения гендерного аспекта, мужчины меньше подвержены влиянию со стороны антистрессов. Среди женщин только пятая часть нейтрально отнеслась к взаимодействию с игрушками, а среди мужчин третья часть давала такую характеристику. Мы можем объяснить такой результат тем, что мужчины из-за социального окружения чаще воспринимают эмоциональное воздействие как что-то незначимое, а также то, что большинство испытуемых мужского пола являются обладателями устойчивой и сильной нервной системы. Наибольшей популярностью у испытуемых мужского пола пользовались такие игрушки, как некуб, пленка с пупырышками,

шары-баодин. Этому есть определенное пояснение. Испытуемым, которые взаимодействовали с плёнкой, это взаимодействие приносило позитивное действие на их ведущую модальность. Эта часть нашего исследования является одной из проблемных и требует дальнейшего изучения и уточнения. Кроме того, в той ситуации, когда мы говорим про шары-баодин и некуб, взаимодействующие с ними испытуемые не встречали подобные игрушки в своей обыденной жизни. А вот пленка с пупыршками достаточно распространена, и респонденты могли ранее с ней взаимодействовать, и проявился феномен знакомости. Женщины в целом считали антистрессы более приятными, чем мужчины (более чем 90% испытуемых). Только одну игрушку назвали неприятной менее половины респондентов-женщин. Мы предполагаем, что на это оказали влияние социальные и физиологические факторы. Женщины назвали самыми приятными антистрессами мягкий пластилин (китайский), шары-баодин, куб-трансформер, пленку с пупыршками. Но и здесь сказалось влияние модальности – три четверти испытуемых – кинестетики. Наименее приятны для респондентов-мужчин так называемая "жвачка для рук" и шариковый пластилин. Их отрицательно оценили две трети испытуемых. Те параметры, которые оценены наименее высоко – это неприятные ощущения и запах игрушек. Самые неприятные антистрессы для женщин-испытуемых "жвачка для рук" и тренажер-эспандер (неприятными их назвали почти половина испытуемых). Были названы неприятные ощущения в руках, были ощущения дискомфорта при соловом воздействии и неприятна сама конструкция игрушки.

Подвергнув все полученные данные анализу, мы можем сделать вывод о превалирующем действии ведущей репрезентативной системы на восприятие антистресса. Почти в 90 % случаев положительных оценок, это было вызвано с доминирующими ощущениями в связи с ведущим чувством испытуемого. И в оставшихся случаях игрушки не оказывали сильного влияния на эмоции испытуемых, допустим, аудиальное воздействие пластилина не было зафиксировано. В целом, мы понимаем, что наше пилотажное исследование породило больше вопросов, чем ответов. Мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что выявленные нами влияния могут быть перенесены на генеральную совокупность, так как наша выборка была достаточно малой. И в наших планах продолжать исследование в этом направлении. Пока что можно говорить о том, что игрушки-антистресс оказывают влияние на человека, в частности, на его эмоциональные особенности (как отрицательное, так и положительное). Уровень такого влияния имеет гендерные особенности (отличается у мужчин и женщин), индивидуальные особенности (зависит от психофизиологических характеристик испытуемых). Мы планируем уделить внимание вопросам формирования симпатии и антипатии к определенной игрушке, а также проверить предположение о том, могут ли антистрессы стимулировать дистресс.

Список использованных источников

- 1 Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье; под общ. ред. Е. М. Крепса. – М. : Прогресс, 1982 – 128 с.
- 2 Korczak, D. Differentialdiagnostik des Burnout-Syndroms [Электронный ресурс] / D. Korczak // Schriftenreihe Health Technology Assessment (HTA) in der Bundesrepublik Deutschland; Köln, Germany : 2010. – Режим доступа : https://portal.dimdi.de/de/hta/hta_berichte/hta278_bericht_de.pdf
- 3 Жизнь в стрессе: масштаб проблемы и пути решения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9939>. – Дата доступа: 22.05.2020 г.
- 4 Stress balls reduce surgical anxiety, partners don't [Электронный ресурс] // The Pharmaceutical Journal. – от 15 февраля 2015 г. – Режим доступа: <https://www.pharmaceutical-journal.com/opinion/blogs/stress-balls-reduce-surgical-anxiety-partners-dont/20067842.blog?firstPass=false>. – Дата доступа: 19.04.2020 г.
- 5 Martin, L. Creative Arts Interventions for Stress Management and Prevention – A Systematic Review [Электронный ресурс] / L. Martin // US National Library of Medicine National Institutes of Health. – от 22 февраля 2018 г. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5836011/#B1-behavsci-08-00028>.
- 6 Alvarez, J. Effectiveness of Stress Balls in Reducing the Physiological [Электронный ресурс] / J. Alvarez // University of Wisconsin-Madison. – 2015. – Режим доступа: <http://jass.neuro.wisc.edu/2015/01/Lab%20603%20Group%2016.pdf>.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В СЛОЖНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Студенческие доклады

А. В. Белякова

Научный руководитель: **В. И. Радионова**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЛИЯНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА УРОВЕНЬ КРЕАТИВНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

На тике актуальности в белорусском обществе находится проблема эстетического воспитания младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, которая обусловлена низким процентом сформированности познавательных процессов. В статье представлена опытно-экспериментальная работа по исследованию зависимости динамики уровня креативности младших школьников с интеллектуальной недостаточностью от процесса включения их в занятия эстетической направленности.

Ключевые слова: интеллектуальная недостаточность, младшие школьники, эстетическое воспитание, уровень креативности.

За последние несколько лет внимание белорусского общества обращено на проблему эстетического воспитания, выступающего в качестве средства многосторонне развитой и духовно богатой личности. В своем арсенале эстетическое воспитание имеет мощные эмоционально-чувственные средства воздействия на чувства, ум и волю человека. Эстетическое воспитание младших школьников с интеллектуальной недостаточностью – это, прежде всего, процесс формирования у детей способности чувственного восприятия окружающего мира и дальнейшая жизнедеятельность в соответствии с законами красоты и гармонии. Красота предстает в качестве движущего механизма человеческих взаимоотношений. Красота в понимании эстетического – это не только про внешнюю идеальную оболочку, но и про внутреннее чувство легкости, вдохновенности и творческого наполнения. Так, благодаря эстетическому воспитанию, дети интуитивно будут относиться к обществу с внутренним чувством доброты и понимания. Формирование эстетических представлений необходимо начинать в младшем школьном возрасте, ведь именно в данный период закладываются эталоны поведения и понимание их значения, развивается система устойчиво характеризующих побуждений ребенка.

Непосредственным фактором в усвоении эстетических компонентов младших школьников с интеллектуальной недостаточностью является сформированность познавательных процессов. Познавательная деятельность младших школьников с интеллектуальной недостаточностью является частью образовательного процесса. Несформированность навыков учебной деятельности, в том числе и познавательной, порождает снижение эффективности процесса учения, как следствие, успешности обучения, что ведет к потере мотивации к учебно-познавательной деятельности [1]. Познавательная активность является результатом как самоорганизации и самореализации ребенка с интеллектуальной недостаточностью, так и возникает благодаря усилиям педагога в организации учебной деятельности и становлении детей в качестве субъектов. Исходя из результатов исследования, проведенного в октябре 2019 года, где за основу была взята группа младших школьников с интеллектуальной недостаточностью в количестве 20 человек, был сделан вывод, что познавательные процессы находятся на низком уровне развития. В данном исследовании также была применена диагностическая методика уровня креативности младших

школьников с интеллектуальной недостаточностью «Опросник креативности Д. Джонсона в модификации Е. Е. Туник» [2], результаты которой представлены на рисунке 1.

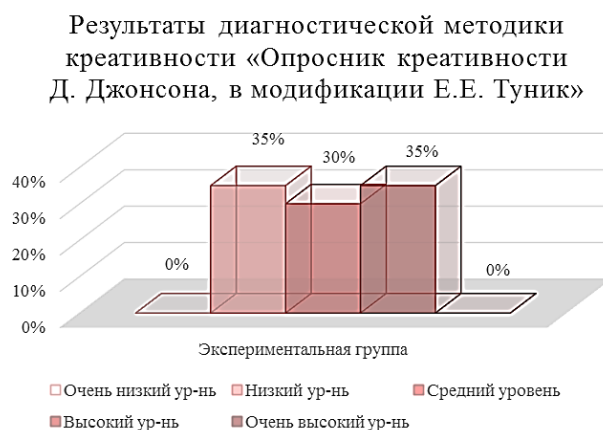

Рисунок 1 – Результаты диагностической методики креативности «Опросник креативности Д. Джонсона в модификации Е. Е. Туник»

Таким образом, была разработана программа по эстетическому воспитанию младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, в занятия которой были включены дети на протяжении 6 месяцев. Данная программа направлена на

- обогащение эстетического кругозора и опыта;
- развитие художественного вкуса, внимания, речи, памяти, мышления;
- развитие чувства прекрасного;
- повышение мотивации к школьной деятельности.

Заключительным этапом в рамках программы по эстетическому воспитанию младших школьников с интеллектуальной недостаточностью стал контрольный этап. На данном этапе была проведена повторная диагностика сформированности познавательных процессов младших школьников с интеллектуальной недостаточностью для определения влияния на детей мероприятий эстетической направленности, который был проведен в период с апреля по май 2020 года. Так, была сформулирована гипотеза: предполагается, что ряд мероприятий программы по эстетическому воспитанию младших школьников с интеллектуальной недостаточностью окажет влияние на повышение уровня креативности группы младших школьников с интеллектуальной недостаточностью.

За основу статистической обработки данных взят Т-критерий Вилкоксона. Работа имеет ряд этапов:

- ЭТ 1 Вычитание значения «до» из значения «после»;
- ЭТ 2 Ранжирование полученных данных («после» – «до»);
- ЭТ 3 Проверка гипотез:
- Н₀: Показатели после проведения опыта превышают значения показателей до эксперимента.
- Н₁: Показатели после проведения опыта меньше значений показателей до эксперимента.
- ЭТ 4 Подсчитываем \sum рангов и проверяем с помощью формулы

$$\sum p - ов = \frac{(1+n)n}{2}. \quad (1)$$

ЭТ 5 Находим критические значения по таблице критических значений Т-критерия Вилкоксона для нашего количества человек (n=20). Отмечаем нетипичные (отрицательные) направления;

ЭТ 6 Формулируем вывод.

Таким образом, для более удобной наглядности результатов статистической обработки данных составлена таблица.

Таблица 1 – Результаты статистической обработки данных креативности по Т-критерию Вилкоксона

№ уч-ся	T _{до}	T _{после}	(T _{до} – T _{после})	Ранги
1	2	3	4	5
1	15	19	4	13
2	15	21	6	19
3	22	22	0	2
4	29	31	2	7
5	16	18	2	7
6	24	25	1	4.5
7	27	28	1	4.5
8	25	28	3	9.5
9	15	20	5	16.5
10	27	29	2	7
11	27	27	0	2
12	27	31	4	13
13	23	23	0	2
14	27	30	3	9.5
1	2	3	4	5
15	18	23	5	16.5
16	21	27	6	19
17	15	21	6	19
18	31	35	4	13
19	24	28	4	13
20	19	23	4	13

Далее мы подсчитываем \sum рангов:

1) $\sum p - ов = 13 + 19 + 2 + 7 + 7 + 4,5 + 4,5 + 9,5 + 16,5 + 7 + 2 + 13 + 2 + 9,5 + 16,5 + 19 + 19 + 13 + 13 + 13$;
 \sum рангов = 210;

2) По формуле (1), $\sum p - ов = \frac{(1+20)20}{2} = 210$. Сумма по столбцу и контрольная сумма равны между собой, значит, ранжирование проведено правильно;

3) Критические значения в соответствии с таблицей критических значений Т-критерия Вилкоксона ($T_{кр}$) для количества $n=20$ следующие:

$T_{кр} = 43$ ($p \leq 0.01$);

$T_{кр} = 60$ ($p \leq 0.05$).

Нетипичных направлений у нас не имеется, $T_{эмп} = 0$ (сумма нетипичных направлений).

4) Таким образом, $T_{эмп} = 0 \leq T_{кр} = 60$.

Вывод: гипотеза принимается. Гипотеза представлена в форме H_0 : показатели после эксперимента превышают значения показателей до опыта.

Из результатов контрольного этапа, а также статистической обработки данных уровня креативности младших школьников с интеллектуальной недостаточностью необходимо сформулировать вывод о том, что программа эстетического воспитания успешно внедрена в учебный процесс детей с умственной отсталостью. Ожидаемые результаты подтвердились. Разработанный комплекс мероприятий, содержащий мероприятия эстетического цикла для младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, оказывает продуктивное влияние на расширение кругозора ребенка, на повышение уровня компетентности классного руководителя, на формирование и укрепление уже наработанных навыков и развитие менее актуальных

направлений эстетического воспитания, а также на уровень социальной адаптации в процессе занятий эстетического цикла. Данный цикл мероприятий органически входит в систему эстетического воспитания и раскрывает специфику коррекционно-развивающей работы с младшими школьниками с интеллектуальной недостаточностью. Такие процессы, как речь, память, внимание, воображение, находятся на низком уровне развития, именно поэтому дети младшего школьного возраста с интеллектуальной недостаточностью нуждаются в системной коррекционно-развивающей работе средствами эстетического воспитания. Программа эстетического воспитания вносит в жизнь детей новые эмоции, конкретные образы.

Список использованных источников

1 Валиева, З. И. Активизация познавательной деятельности учащихся в условиях реформирования общеобразовательной школы / З. И. Валиева // Проблемы и перспективы развития образования: материалы междунар. науч. конф. – Пермь. апрель 2011 г. // Т. I. – Пермь : Меркурий, 2011. – С. 112–114.

2 Туник, Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты / Е. Е. Туник. – СПб. : СПбУПМ, 2000. – 31 с.

Н. В. Винникова

Научный руководитель: **Ю. А. Шевцова**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕПРЕССИИ

В статье раскрываются основные социально-психологические факторы депрессии, которые способствуют ее формированию и генезису, описываются типы личности, которые наиболее предрасположены к возникновению депрессивных состояний

Ключевые слова: депрессия, социально-психологические факторы депрессии, модели формирования депрессии, генезис депрессии, предрасположенность к депрессии.

Социально-психологические факторы – это наблюдаемые или фиксируемые проявления социально-психологической реальности. Нельзя не отметить роль данных факторов в изменении всех психологических проявлений индивида. Социально-психологические факторы влияют на мышление, внимание, восприятие, память, эмоции, воображение и волю.

Депрессию нельзя отдельно рассматривать от системы «человек – окружающая среда», так как это феномен, который нераздельно связан влиянием на него социального фактора [1, с. 126].

Урбанизация, стрессовые состояния на работе, экономическая нестабильность, возрастные кризисы – это социальные факторы, способствующие формированию депрессивного состояния.

Существуют различные модели формирования депрессии. Так, например, экспериментальная модель гласит о том, что депрессия возникает и развивается в условиях продолжительного стресса (это могут быть конфликтные ситуации на работе, в семье, различные травмирующие жизненные обстоятельства), а также усугубляется развитие депрессии попытками справиться с этими проблемами с помощью неадекватных способов реагирования, механизмов психологической защиты.

Хроническая стрессовая ситуация является наибольшей разрушительной силой для всего организма в целом, реже этой силой может являться острый стресс в юношеском возрасте. Повторяющийся стресс, неудачи, ошибки в жизни и другие зачастую предопределены некорректными психологическими установками. Еще одной важной особенностью появления

депрессии является внешний локус контроля, когда за неудачи человек приписывает ответственность внешним факторам, а не собственным усилиям или действиям [2, с. 553].

Также на развитие депрессии влияет переживание острой жизненной травмы, которая сопровождается хронической стрессовой ситуацией. Потому что именно продолжительное стрессовое состояние может подготовить почву для появления первых признаков депрессии. Уход из жизни одного из членов семьи, потеря прежнего рабочего места, маленькая заработная плата, переживания, связанные с военными действиями и различными катастрофами тоже является фактором, которые увеличивает предрасположенность к возникновению депрессии. Повторные стрессовые ситуации особенно усиливают предрасположенность к возникновению расстройств депрессивного спектра. Очень редко депрессивные состояния могут проявиться без каких-либо травмирующих психику факторов, либо же происходящих в жизни негативных событий. Очень часто в семьях, где происходят конфликты, ссоры, драки, оскорбления, унижение достоинства личности членов семьи депрессия набирает обороты именно от этих негативных проявлений. Жестокие воспитательные меры, рукоприкладство в отношении детей родителями, наличие у одного из них расстройства психического спектра – все это непременно способствует появлению депрессии у членов семьи. Дети, еще не умея контролировать переключаемость эмоций, не могут не вовлекаться эмоционально в семейные конфликты, поэтому они постоянно пропускают через себя семейные проблемы, впитывая их, как губки и выдавая в форме депрессивных состояний в будущем, так как в детстве их внутриличностные конфликты не были разрешены. В дальнейшем детская ранимость сохраняется даже тогда, когда дети вырастают, заводят свои семьи. Поэтому чаще всего такую же модель поведения обиженные в прошлом дети показывают своему потомству, потому что не могут отгородиться от травмирующих психику эмоциональных переживаний [3, с. 72].

Дети, у которых было несчастливое детство, которые были недовольны взаимоотношениями в семье, более подвержены риску возникновения депрессии, различные формы которой могут проявиться уже в состоянии 18–20 лет. Это обстоятельство может быть обусловлено тем, что несчастливое детство в какой-то мере может затруднять переходы от одной фазы взросления к другой, тем самым затрудняя период полового созревания. Это все в последствии выражается на нервной и гормональной системах организма.

Очень часто депрессивные расстройства преследуют женщин наиболее климактерического периода особенно если это период жизни женщины сопровождается другими имеющимися стрессовыми ситуациями. Еще одним фактором внешней среды в данном случае можно отметить защиту людьми друг друга. Например, люди прожили в браке более 20 лет, женщина опекала мужа, но он решил уйти из семьи, в этом случае женщина остается незащищенной, так как она привыкла к тому, что у нее есть мужчина. Поэтому человек без прежней поддержки оказывается особенно чувствительным к появлению признаков депрессии.

Исследуя генезис депрессии, нельзя однозначно сказать, что влияет на ее появление быстрее: стрессовая ситуация или угнетенное состояние, предшествующее этой ситуации. Первичное стрессовое воздействие остается более значимым и ощутимым [5, с. 43]. Существует множество факторов, обуславливающих появление депрессии, среди них биологическая предрасположенность к возникновению депрессивных эпизодов, множество социальных воздействий, воспитательная ситуация в семье, мировоззренческие изменения и т. д. Роль предшествующих и способствующих развитию депрессии особенностей личности человека в генезисе аффективных расстройств также остается неясной. Изначально некоторые типы личности являются более чувствительными и расположенными к появлению депрессии, например, это истероидный тип личности. Тогда как шизоидный, ананкастный и параноидный тип личности не так предрасположены к появлению депрессии. Симптомы депрессивных состояний являются опосредованными преморбидной структуре личности. Также они зависят от уровня психических расстройств личности и форме депрессивного состояния.

Неуверенность в себе и замкнутость человека в себе выявляется в основном у тех, кто предрасположен к появлению депрессии. Таким людям важна поддержка со стороны близких им

людей, они часто себя критикуют в различных ситуациях, проявляют бурно свои эмоции, не оставляя сил на самовосстановление, смотрят на жизнь пессимистичным взглядом и используют неадаптивные способы реагирования в условиях нахождения в стрессовой ситуации.

Существуют определенные типы личности, которые наиболее предрасположены к возникновению депрессивных состояний:

– «статотимическая личность». Такие люди не боятся работы, умеют усердно трудиться, они стараются все сделать аккуратно, так сказать, на совесть, чтобы в дальнейшем не было стыдно за свою работу;

– личность «меланхолического типа». Данный тип личности отличается возведением порядка в любом вопросе, за который бы не взялся человек. Педантичность проявляется как доминирующая черта характера, также, как и постоянство. Но часто такие люди страдают от того, что они требуют невозможного от себя, из-за чего могут в дальнейшем себя критиковать. Также они добросовестно относятся к порученной работе;

– «гипотимная личность». Такие личности не отличаются повышенным настроением, а скорее, наоборот, настроение у них подавленное, сниженное. Сопровождает данный тип личности такие качества как тревожность, эмпатия, ощущение бессилия перед трудными ситуациями в жизни, а также ощущение собственной неполноценности [4, с. 59].

Состояние депрессии может быть вызвано стремлением к совершенству. Уровень притязаний может быть у такого человека слишком высоким, но самооценка может быть понижена, а неуверенность в своих силах может возражать и это приведет к тому, что человек захочет добиться многого в жизни, но не сможет из-за личностных особенностей и неуверенности в себе, либо из-за незнания того, каким образом это можно сделать. Также экзистенциальные проблемы поиска смысла жизни могут влиять на возникновение депрессии. Так, например, в случае, если человек не будет видеть смысла в жизни, не будет иметь определенную цель, то скорее всего, это может спровоцировать депрессивное расстройство. Деньги тоже являются фактором возникновения депрессии в том случае, если для человека они являются единственным средством удовлетворения потребностей и получению удовольствия. Люди, которые нуждаются в признании и поддержку других людей тоже страдают чаще от депрессии, так как они стараются помочь всем людям в достижении чужих целей, отдают себя и, если ничего не получают взамен (например, признание), то формируются негативные переживания в виде разочарования, а это явный путь к формированию депрессии. Если человек приписывает обстоятельствам объяснение с помощью внешних факторов, то есть имеет внешний локус контроля, ему будет сложнее осознать проблему и справиться с последующей симптоматикой депрессии.

Также важно отметить, что люди, которые постоянно работают и не умеют расслабляться, также чаще страдают от депрессий, потому что не могут отпустить рабочие моменты, психологически освободиться, чтобы негативные эмоции не накапливались. Гордые, самолюбивые и упрямые люди также более подвержены депрессии, так как их неспособность к прощению, принятию чужой точки зрения приводит к постоянным конфликтам, которые, накапливаясь. Около 50% больных с пограничным расстройством личности в качестве сопутствующего диагноза имеют значительный уровень выраженности депрессивного состояния или биполярного аффективного расстройства.

В итоге можно утверждать, что люди склонные к депрессии отличаются повышенной застенчивостью, нерешительностью и робостью. Их поведение обычно характеризуется окружающими как нелюдимое. Такие люди испытывают постоянный дискомфорт и скованность в различных социальных ситуациях, активно избегают социальных контактов. В основе этого отстранения от окружающих лежат не столько слабые социальные навыки, сколько страх перед критикой и негативными замечаниями в их адрес, насмешками, неодобрением или неприятием. У этих людей сильно развито чувство собственной неполноценности, они постоянно боятся сказать какую-либо глупость, поставить себя в неловкое положение, покраснев или показав свою нервозность. Некоторые из симптомов напоминают проявления депрессии, однако проблема не в болезни, а в нарушении структуры личности, которыми отличаются эти люди.

Список использованных источников

- 1 Абраменкова, В. В. Социальная психология детства : учебник / В. В. Абраменкова. – М. : Инфра-М, 2019. – 272 с.
- 2 Краснов, В. Н. Современные подходы к терапии депрессий / В. Н. Краснов // Русский медицинский журнал. – 2002. – № 12. – С. 553–555.
- 3 Минутко, В. Л. Депрессия / Л. В. Минутко. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 320 с
- 4 Муха, Л. Г. Депрессия : причины, лечение, профилактика / Л. Г. Муха. – М. : Феникс, 2011. – 112 с.

И. С. Гаева

Научный руководитель: **Е. В. Одиноккина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КОРРЕКЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ СРЕДСТВАМИ АРТ-ТЕРАПИИ

В статье рассматривается понятие аутизма у детей, раскрывается сущность коррекции аутизма средствами арт-терапии, описываются результаты проведения коррекционной программы.

Ключевые слова: коррекция, аутизм, дети дошкольного возраста, арт-терапия.

Аутизм, возникший у ребенка в раннем возрасте, называется ранним детским аутизмом (РДА). Это особая аномалия психического развития, при которой имеют место стойкие и своеобразные нарушения коммуникативного поведения, эмоциональных отношений ребенка с окружающим миром. Основным признаком РДА – это неконтактность ребенка, которая может обнаруживаться уже на первом году жизни, но особенно четко проявляется в возрасте 2–3 лет [1–3]. Арт-терапия один из самых эффективных методов лечения детей с аутизмом. Она помогает развивать у детей коммуникативные навыки и формировать терапевтические отношения, а также проникнуть вглубь внутреннего мира особенного ребенка, понять, что он чувствует, о чем думает, чего боится. Групповая арт-терапия направлена на развитие социального, мелкой моторики, воображения, внимания, вербальных навыков, навыков рисования, позволяя прислушиваться к ребенку и другим детям, взаимодействовать с ними. Во время выполнения коллективной работы важно общение друг с другом и со взрослым [4–6].

С целью развития социально-эмоциональной и коммуникативной сферы для детей дошкольного возраста с аутизмом была разработана коррекционная программа, реализация которой проводилась со всеми респондентами на базе ГУО «Буда-Кошелевский районный ЦКРОиР». Выборка исследования: 6 детей дошкольного возраста с аутизмом (4 мальчика, 2 девочки).

Коррекционная программа состоит из 18 арт-терапевтических занятий, направленных на установление контакта, развитие активности, развитие контактности и коммуникативных склонностей, развитие восприятия, воображения пространственной координации, развитие зрительного, осязательного, тактильного восприятия и мелкой моторики, развитие и осознание эмоциональных реакций, развития личностно-мотивационной сферы, а также развитие подвижно-соревновательных игр.

Реакция детей с аутизмом на собственное имя и на внимание к ним после проведения коррекционно-развивающей программы наглядно представлена на рисунке 1.

Из данных, представленных на рисунке 1, видно, что 100 % испытуемых реагируют на собственное имя, а также у 33 % детей отмечается реакция улыбки на внимание.

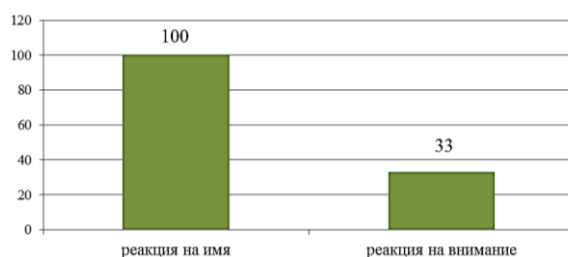

Рисунок 1 – Результаты вторичной диагностики реакции детей с аутизмом

Реакция детей с аутизмом на контакт после проведения коррекционно-развивающей программы наглядно представлена на рисунке 2.

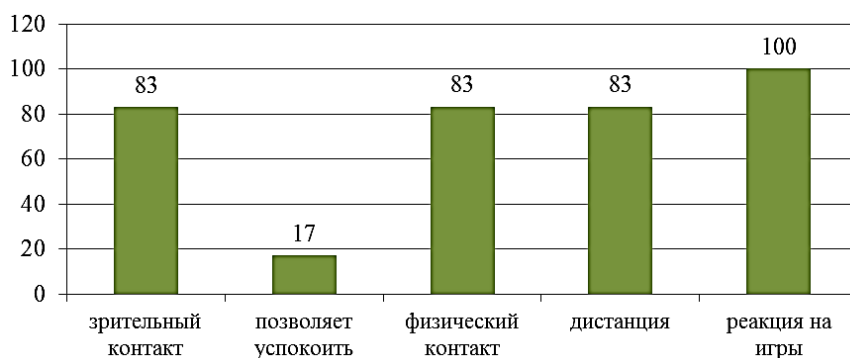

Рисунок 2 – Результаты вторичной диагностики реакции детей с аутизмом на контакт

Из данных, представленных на рисунке 2, отмечаются изменения в установлении зрительного контакта – 83 % испытуемых. Допускают физический контакт 83 % детей, при этом они соблюдают соответствующую дистанцию при контакте. Адекватная реакция на предложение игры выявлена у 100 % детей.

На основании анализа полученных данных после проведения коррекционно-развивающей программы, выявлено, что 100 % детей с аутизмом стали реагировать на похвалу, просьбы и замечания взрослых. У 50 % испытуемых выявлен интерес к тому, что говорят или что делают другие, 50 % детей позволяют присоединиться к собственной деятельности, 100 % детей стали проявлять интерес к играм с водой.

Также отмечены изменения в проявлении интереса к различным играм. Так, 67 % испытуемых стали проявлять интерес к играм с конструктором, 83 % – к играм с пластилином, 50 % – к играм с ватой. Реакция на игры с красками после проведения коррекционно-развивающей программы выявлена у 100 % респондентов, на игры с крупами – также у 83 % детей. Полученные данные наглядно представлены на рисунке 3.

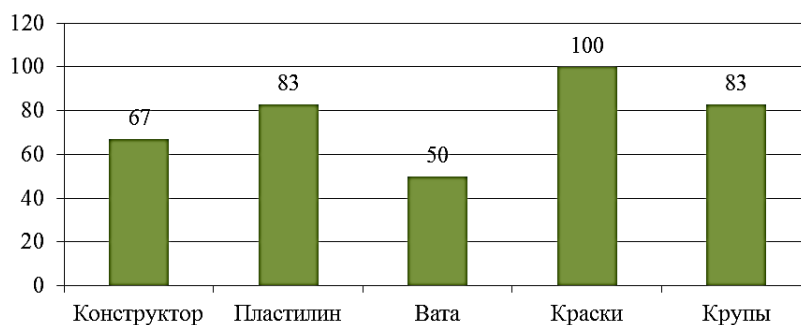

Рисунок 3 – Реакция детей с аутизмом на игры

После проведения коррекционно-развивающей программы у 50 % детей наблюдаются попытки выполнения простых указаний, подкреплённых жестами и мимикой. У 100 % респондентов выявлено понимание отдельных слов или коротких выражений.

Наглядно результаты сформированности навыков у детей с аутизмом представлены на рисунке 4, где результаты от 0 до 10 свидетельствуют о низком качестве признака, от 10 до 20 – о качестве, близком к хорошему, от 25 до 31 – о хорошем развитии качеств социально-эмоциональной и коммуникативной сферы детей с аутистическими нарушениями.

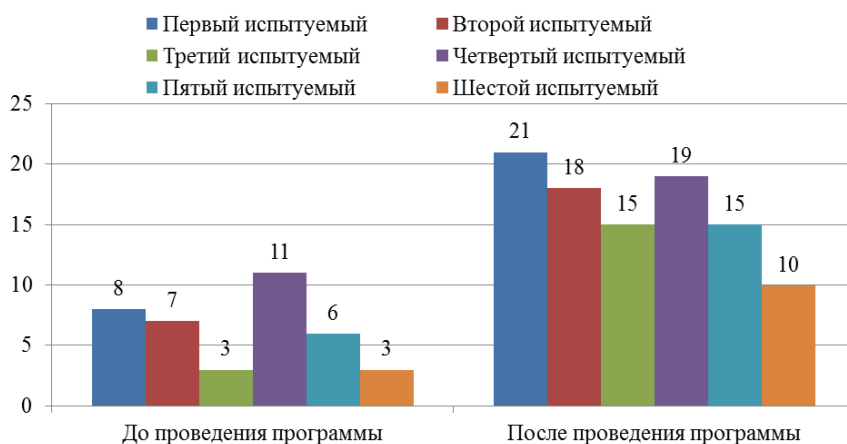

Рисунок 4 – Результаты сформированности навыков у детей с аутизмом

С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы детей с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. На основании данных статистической обработки по U-критерию Манна-Уитни установлено эмпирическое значение $U_{\text{эмп}} = 1$, где $U_{\text{кр}} = 7$ при $p \leq 0,05$, $U_{\text{кр}} = 3$ при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что существуют значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы детей дошкольного возраста с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,01$).

С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы первого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Где $U_{\text{эмп}} = 279$, $U_{\text{кр}} = 363$ при $p \leq 0,05$, $U_{\text{кр}} = 314$ при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что существуют значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы первого испытуемого с аутистическими нарушениями до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,01$).

С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы второго испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Где $U_{\text{эмп}} = 310$, $U_{\text{кр}} = 363$ при $p \leq 0,05$, $U_{\text{кр}} = 314$ при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что существуют значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы второго испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,01$).

Третий испытуемый в начале проведения коррекционной программы реагирует на собственное имя, устанавливает зрительный контакт, адекватно реагирует на предложенные игры, помощь не принимает. После проведения коррекционно-развивающей программы испытуемый проявляет интерес к тому, что делают другие, позволяет присоединиться к деятельности под настроение или если что-то не получается. Соблюдает очередность действий, под настроение слушает не громко музыку в исполнении педагога или музыкальном носителе. На замечания реагирует плачем или криком. Стал проявлять интерес к играм с водой, краскам, пластилином. С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы третьего испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Где $U_{\text{эмп}} = 294,5$, $U_{\text{кр}} = 363$ при $p \leq 0,05$, $U_{\text{кр}} = 314$

при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что существуют значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы третьего испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,01$).

С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы четвертого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Где $U_{эмп} = 356,5$, $U_{кр} = 363$ при $p \leq 0,05$, $U_{кр} = 314$ при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что существуют значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы четвертого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,05$).

С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы пятого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Где $U_{эмп} = 341$, $U_{кр} = 363$ при $p \leq 0,05$, $U_{кр} = 314$ при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что существуют значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы пятого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,05$). С целью сравнительного анализа эмоциональной сферы шестого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы, была проведена статистическая обработка данных с помощью U-критерия Манна-Уитни. Где $U_{эмп} = 372$, $U_{кр} = 363$ при $p \leq 0,05$, $U_{кр} = 314$ при $p \leq 0,01$. Полученный результат свидетельствует, что не существуют значимых различий в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы шестого испытуемого с аутизмом до и после коррекционно-развивающей программы ($p \leq 0,05$).

На основании полученных данных, после проведения коррекционно-развивающей программы по развитию социально-эмоциональной и коммуникативной сферы были обнаружены статистически значимые изменения в реакции с достоверностью $p \leq 0,01$ у первого, второго и третьего испытуемого. У четвертого и пятого испытуемых значимые изменения в реакции выросли с достоверностью $p \leq 0,05$. У шестого испытуемого после проведения коррекционно-развивающей программы не существует значимых показателей, это не говорит о том, что реакций у испытуемого вообще не обнаружено. Этому испытуемому необходимо больше занятий, больше внимания.

Таким образом, у 83 % детей дошкольного возраста с аутизмом выявлены индивидуальные статистически значимые различия в показателях социально-эмоциональной и коммуникативной сферы до и после коррекционно-развивающей программы, что говорит об эффективности данной коррекционно-развивающей программы, а также ставится задача в продолжении развития основных психологических процессов аутичного ребенка средствами арт-терапии и организации его целенаправленного поведения.

Список использованных источников

- 1 Детский аутизм / под ред. Л. М. Шипицына. – СПб. : Дидактика плюс, 2001. – 368 с.
- 2 Жуков, Д. Е. Особенности картины мира детей с аутизмом / Д. Е. Жуков // Психосоциальные проблемы психотерапии, коррекционной педагогики, спец. психологии : материалы III съезда РПА и науч.-практ. конф., Курск, 20-23 октября 2003 г. / Курский гос. ун-т. ; ред. : Б. Д. Карвасарский [и др.]. – Курск : КГУ, 2003. – 271 с.
- 3 Кревелен, В. К. О проблеме аутизма / В. К. Кревелин. – СПб. : Питер, 2007. – 256 с.
- 4 Копьтин, А. И. Теория и практика арт-терапии / А. И. Копьтин. – СПб. : Лань, 2002. – 230 с.
- 5 Королева, А. А. Использование креативных методов арт-терапии в коррекционно-развивающей работе с детьми младшего школьного возраста с аутизмом / А. А. Королева // Специальное образование. – 2009. – № 3. – С. 22–30.
- 6 Медведева, Е. А. Арт-педагогика и арт-терапия в специальном образовании / Е. А. Медведева [и др.]. – М. : Академия, 2001. – 209 с.

О. А. Примачек

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОБРАЗНО-ЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ У ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению связи между мышлением и речью. Приводятся данные эмпирического исследования особенностей образно-логического мышления у детей с общим недоразвитием речи.

Ключевые слова: мышление, мыслительный процесс, образно-логическое мышление, дошкольный возраст, речь.

Многие современные ученые придерживаются компромиссной точки зрения, считая, что, хотя мышление и речь неразрывно связаны, они представляют собой как по генезису, так и по функционированию относительно независимые реальности. Главный вопрос, который сейчас обсуждают в связи с данной проблемой, – это вопрос о характере реальной связи между мышлением и речью, об их генетических корнях и преобразованиях, которые они претерпевают в процессе своего отдельного и совместного развития.

По выражению С. Л. Рубинштейна, между мышлением и речью существует единство, но не тождество [1, с. 409].

В качестве основной единицы анализа Л. С. Выготский предложил значение слова, которое есть одновременно и речь, и мышление и словесный акт мысли. Первичной функцией речи является функция общения, коммуникации, следовательно, значение слова есть единство коммуникации и мышления. Подобным образом устроена речь: есть смысловая, внутренняя сторона речи и звуковая, внешняя. Образуя единство, они различаются законами движения: смысловая сторона речи развивается от целого к части, от предложения к слову, а внешняя – от слова к предложению. Это речевое единство появляется и формируется в онтогенезе [2, с. 182].

Однако мышление и речь имеют разные генетические корни. Первоначально они развивались отдельно. Исходной функцией речи была коммуникация, а сама речь как средство общения, вероятно, возникла из-за необходимости организовать совместную деятельность людей. В свою очередь, есть виды мышления, которые не связаны с речью, например, наглядно-действенное, или практическое. Но дальнейшее развитие мышления и речи протекало в тесной взаимосвязи. Более того, на различных этапах развития мышления и речи их взаимоотношения выступают в различных формах. Так, на ранних ступенях развития, речь закрепляла знания о предметах, выражая их в виде наименований [3, с. 334].

Л. С. Волкова отмечает, что «общее недоразвитие речи — это нарушение формирования всех компонентов речи, относящихся к ее звуковой и смысловой стороне, при различных речевых расстройствах у детей с сохранным интеллектом и полноценным слухом» [4, с. 513]. Речь детей с ОНР недостаточно оформлена и может быть совсем малопонятной для окружающих. Импрессивная речь на более высоком уровне, чем экспрессивная.

Большой вклад в теорию онтогенетического развития мышления внесли исследования Л. С. Выготского и его школы, посвященные проблеме активного формирования мыслительных процессов. Значение этих исследований состоит в том, что развитие мышления рассматривается не как идущее само собой под влиянием накопления знаний и их систематизации, а как процесс усвоения ребенком общественно-исторически выработанных умственных действий и операций [5, с. 287].

С целью изучения особенностей образно-логического мышления у детей с общим недоразвитием речи нами было проведено исследование на базе ГУО «Ясли-сад №148 г. Гомеля». В исследовании приняли участие 60 детей 3 старших групп, из которых 30 — с общим недоразвитием речи 3 уровня и 30 детей без речевых нарушений. Возраст испытуемых от 5 до 7 лет.

Учитывая теоретические подходы к изучению сформированности образно-логического мышления детей старшего дошкольного возраста, нами были выбраны методики Р. С. Немова: «Нелепицы» и «Что здесь лишнее?» [6, с. 97].

Исследуя уровень развития образно-логического мышления старших дошкольников, нами были получены следующие результаты: большинство детей с ОНР имеют низкий уровень развития образно-логического мышления (70 %) по сравнению с их сверстниками с нормальным речевым развитием (20 %). Очень низкий уровень выявлен у 20% детей с ОНР и только у 6,7 % дошкольников с нормальным речевым развитием. Средний уровень развития образно-логического мышления выявлен у большинства детей с нормальным речевым развитием (63,3 %) и у 26,7 % детей с ОНР. Высокий уровень развития образно-логического мышления имеет 20 % детей с нормальным речевым развитием и только 3,3 % детей с ОНР. Очень высокий уровень развития образно-логического мышления выявлен только в группе детей с нормальным речевым развитием (6,7 %) и не выявлен у дошкольников с ОНР.

Полученные результаты говорят о том, что большинство детей с ОНР не могут самостоятельно достигнуть цели (выбирают неадекватный способ решения, неправильно организуют этапы решения мыслительной задачи, не владеют базовыми представлениями, необходимыми для ее решения), в процессе оказания педагогической помощи дети действуют адекватно, но после этого не всегда могут перейти к самостоятельному выполнению задания. Уровень развития образно-логического мышления детей с нормой речевого развития гораздо выше, чем у детей с нарушениями речи. Исходя из полученных данных, мы видим, что у детей с нормальным речевым развитием намного лучше ориентировка в решении поставленных задач образно-логического мышления.

Таким образом, мы выявили, что у большинства старших дошкольников с ОНР недостаточно развито образно-логическое мышление. У таких детей недостаточно сформированы операции анализа, синтеза, сравнения и обобщения. Отмечается стимуляция со стороны взрослого речевой и мыслительной активности; недостаточная способность выделять существенные признаки предметов, логически объяснять свой выбор. У детей с такими особенностями могут возникнуть трудности в усвоении программы начальной школы, высока вероятность нарушений письменной речи.

Исходя из результатов исследования, было выявлено, что дети с ОНР нуждаются в развитии мыслительных операций, параллельно с преодолением речевых недостатков. Именно поэтому возникла необходимость разработки специализированной программы по коррекции данных нарушений. Для достижения поставленных целей необходима систематическая профилактика и коррекция речевых нарушений и развитие психических процессов, в частности мышления. Для этой цели нами была разработана коррекционно-развивающая программа по развитию мышления и речи старших дошкольников с общим недоразвитием речи.

Данная программа может быть успешно реализована при условии включения в коррекционно-развивающую деятельность родителей (или лиц, их заменяющих), а также педагогов детского сада. Родители и педагоги постоянно закрепляют сформированные у ребёнка умения и навыки.

Для изучения успешности решения задач коррекции были сформированы экспериментальная и контрольная группы из 30 воспитанников с ОНР. В контрольную группу вошли 15 воспитанников старших групп с ОНР III уровня, которые посещают ПКПП в дошкольном учреждении. В экспериментальную группу вошли 15 воспитанников с ОНР III уровня, посещающие ПКПП в дошкольном учреждении, также они стали участниками разработанной нами коррекционно-развивающей программы. Дети этой группы прошли весь курс занятий предложенной коррекционно-развивающей программы.

Следующий этап исследования начался сразу после проведения коррекционной программы. Для выявления эффективности проведенной работы была повторно проведена диагностика. Были получены следующие результаты.

По результатам повторной диагностики в экспериментальной группе отсутствуют дети, имеющие очень низкий уровень развития образно-логического мышления, изначально число таких детей составляло 13,3 % (2 чел.). Уменьшилось количество детей с низким уровнем развития образно-логического мышления до 20% (3 чел.) по сравнению с первичными результатами – 60 % (9 чел.). Количество детей, у которых выявлен средний уровень образно-логического мышления, увеличилось с 26,7 % (4 чел.) до 73,3 % (11 чел.). Увеличилось количество детей, имеющих высокий уровень развития образно-логического мышления до 6,7 % (1 чел.). В ходе первичной диагностики высокий уровень образно-логического мышления у данной группы детей выявлен не был. Очень высокий уровень развития образно-логического мышления не выявлен ни в одной группе испытуемых.

Таким образом, после проведенных занятий в экспериментальной группе испытуемых присутствует тенденция к повышению образно-логического мышления у детей с общим недоразвитием речи. Мы можем говорить об эффективности коррекционно-развивающей программы, однако необходимо продолжать работу над развитием мыслительных операций, параллельно с преодолением речевых недостатков. Для достижения поставленных целей особенно важной является работа родителей и педагогов с детьми по повторению и закреплению знаний и умений, полученных на занятиях. Важно уделять внимание всем психическим процессам, в частности, мышлению и не забывать об индивидуальных особенностях самого ребенка.

Список использованных источников

- 1 Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 664 с.
- 2 Бутолин, С. Г. Проблемы мышления и речи / С. Г. Бутолин // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 9. – С. 181–184.
- 3 Маклаков, А. Г. Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2008. – 583 с.
- 4 Волкова, Л. С. Логопедия / Л. С. Волкова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ВЛАДОС, 2009. – 703 с.
- 5 Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев. – М., 2000. – 381 с.
- 6 Немов, Р. С. Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики / Р. С. Немов. – 4-е изд. – М. : ВЛАДОС, 2001. – 640 с.

К. В. Филипченко

Научный руководитель: **В. И. Радионова**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ ВО ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В данной статье анализируются социально-педагогические аспекты сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во вспомогательной школе. Представлены результаты исследования уровня социальной адаптации детей данной категории на основе применения авторской программы социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во вспомогательной школе.

Ключевые слова: социально-педагогическое сопровождение, младшие школьники с интеллектуальной недостаточностью, социальная адаптация, педагог социальный.

В Республике Беларусь, как и во многих странах мира, дети с интеллектуальной недостаточностью могут реализовывать одно из важнейших прав человека – право на образование [1]. Процесс обучения и воспитания младших школьников с интеллектуальной недостаточностью осуществляется путем создания специальных условий для получения соответствующего

образования, оказания коррекционной помощи, социальной адаптации и интеграции указанных лиц в общество. Соответствующие условия созданы в специальных учреждениях образования и в некоторых общеобразовательных учреждениях образования. К сожалению, учитывая психолого-педагогические особенности младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, таким детям сложно обучаться совместно с детьми с нормой по единой программе, поэтому большая часть детей данной категории обучается во вспомогательных школах [2]. Данный факт актуализирует процесс социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во вспомогательной школе.

В основе процесса социально-педагогического сопровождения лежит социальная адаптация, которая предполагает вхождение младших школьников с интеллектуальной недостаточностью в коррекционно-образовательную среду. На начальном этапе школьного обучения детей данной категории необходимо учитывать специфику не только их умственных возможностей, но и комплекса биологических, социально-психологических, мотивационно-личностных и других факторов, так как эти факторы в существенной мере оказывают влияние на процесс школьной адаптации. Данный факт актуализирует процесс разработки программы социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во вспомогательной школе.

Необходимость создания данной программы в начальных классах заключается в изменении межличностных отношений младших школьников с интеллектуальной недостаточностью на ранних этапах процесса социальной адаптации в учреждении образования. Кроме этого, программа ориентирована на изменение взаимодействия ребенка с педагогами и семьей с учетом психологических особенностей детей, а также расширение круга социальных контактов обучающихся.

Цель программы: создание комплекса мер, которые обеспечат наиболее целесообразное социальное развитие, социальную адаптацию и социальное воспитание детей данной категории с приоритетностью подготовки их к полноценной жизни в обществе. В процессе диагностической работы изучался уровень социальной адаптации младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, выявлялись трудности и проблемы адаптации детей данной категории к обучению во вспомогательной школе.

В исследовании приняли участие младшие школьники с интеллектуальной недостаточностью, обучающиеся в УО «Вспомогательная школа-интернат № 5 г. Гомеля». Всего в исследовании было задействовано 39 воспитанников первого отделения начальной школы, которые были разделены на экспериментальную и контрольную группы. Таким образом, в экспериментальную группу вошло 24 учащихся, а в контрольную – 15 учащихся. В начале учебного года был организован констатирующий этап исследования социальной адаптации младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, и на этой основе была разработана программа социально-педагогического сопровождения детей данной категории во вспомогательной школе. На контрольном этапе исследования изучался уровень социальной адаптации младших школьников с интеллектуальной недостаточностью для проверки эффективности разработанной программы.

Для диагностики уровня социальной адаптации были использованы следующие *методы исследования:* педагогическое наблюдение; метод экспертной оценки классных руководителей (учителей) начальных классов по Э. М. Александровской; методика оценки успешности адаптации ребенка в начале школьного обучения «Дерево» (Л. П. Пономаренко); методика «Социометрия» Дж. Морено; методика диагностики развития речи Ю. С. Ляховского, Ч. Осгуда.

Процесс наблюдения был направлен на изучение психолого-педагогических особенностей младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, которые влияют на поведение детей данной категории в коррекционно-образовательной среде. В процессе наблюдения было выявлено, что психолого-педагогические особенности младших школьников с интеллектуальной недостаточностью соответствуют возрастной норме, а, следовательно, большинство учащихся данной категории характеризуются стабильным поведением. Они соблюдают правила

внутреннего распорядка в школе, не опаздывают на урок и не пропускают занятия по неуважительной причине. По отношению к классному руководителю дети проявляют вежливость и послушание. При взаимодействии младших школьников данной категории друг с другом отмечается дружелюбное отношение.

На констатирующем этапе исследования уровня социально-психологической адаптации младших школьников с интеллектуальной недостаточностью (метод экспертной оценки классных руководителей начальных классов по Э. М. Александровской) было выявлено, что в экспериментальной группе 7 (30 %) воспитанников находятся в зоне адаптации, следовательно, имеют высокий уровень адаптации и 17 (70 %) детей находятся в зоне неполной адаптации, следовательно, имеют средний уровень адаптации. На контрольном этапе исследования уровня социально-психологической адаптации младших школьников с интеллектуальной недостаточностью было выявлено, что в экспериментальной группе 12 (50 %) воспитанников находятся в зоне адаптации, следовательно, имеют высокий уровень адаптации и 12 (50 %) детей находятся в зоне неполной адаптации, следовательно, имеют средний уровень адаптации. Полученные данные свидетельствуют о том, что в экспериментальной группе, которая была задействована в различных формах работы по программе социально-педагогического сопровождения, уровень полной адаптации повысился на 20 %. Такая положительная динамика позволяет сделать вывод об эффективности разработанной программы. В контрольной группе наблюдается незначительная разница изменения уровня адаптации в условиях коррекционно-образовательной среды вспомогательной школы.

В результате проведения методики «Дерево» (Л. П. Пономаренко), которая позволяет оценить успешность адаптации ребенка в начале школьного обучения, были получены данные по двум позициям: первая позиция показывает реальное положение воспитанника, а вторая позиция – идеальное положение.

На констатирующем этапе исследования экспериментальной группы в первой позиции были получены следующие результаты: 14 (58 %) воспитанников успешно адаптировались в классе, 4 (17 %) ребенка имеют установку на преодоление препятствий, 4 (17 %) школьника испытывает чувство тревоги и 2 (8 %) ребенка имеет установку на лидерство. На контрольном этапе исследования контрольной группы были получены следующие данные: 14 (58 %) воспитанников успешно адаптировались в классе, 4 (17 %) ребенка имеют установку на преодоление препятствий, 2 (8 %) школьника испытывает чувство тревоги и 4 (17 %) ребенок имеет установку на лидерство.

Таким образом, на контрольном этапе исследования успешности адаптации экспериментальной группы младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, в первой позиции (реальное положение) полученные данные указывают на то, что, благодаря применению форм работы, которые были направлены на снижение тревожности у воспитанников, количество младших школьников, испытывавших тревожность в учреждении образования, снизилось. Кроме того, за счет снижения числа младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, испытывавших тревожность, стала наблюдаться тенденция к увеличению числа детей с установкой на лидерство. На констатирующем этапе исследования экспериментальной группы младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во второй позиции, которая показывает идеальное положение, мы получили следующие данные: 9 (38 %) воспитанников имеют установку на преодоление препятствий, 7 (29 %) школьников стремятся получить дружескую поддержку, 6 (25 %) детей имеет установку на лидерство и 2 (8 %) – мотивацию на развлечение. На контрольном этапе исследования второй позиции контрольной группы было выявлено, что 11 (46 %) воспитанников имеют установку на преодоление препятствий, 6 (25 %) школьников стремятся получить дружескую поддержку, 6 (25 %) детей имеет установку на лидерство и один (4 %) – мотивацию на развлечение.

Таким образом, в ходе проведения контрольного этапа исследования успешности адаптации экспериментальной группы младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во второй позиции (идеальное положение) полученные данные указывают на то, что увеличилось число детей, которые имеют установку на преодоление препятствий. Такие данные позволяют

отметить эффективность примененных форм работы программы социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, которые были направлены на формирование положительной самооценки и чувства уверенности в себе. Благодаря гармонизации межличностных отношений младших школьников с интеллектуальной недостаточностью в классном коллективе уменьшилось число детей, нуждающихся в дружеской поддержке и имеющих мотивацию на развлечение.

Особое внимание в проведении методики «Социометрия» уделялась воспитанникам 5 «А» класса. На констатирующем этапе исследования было выявлено, что уровень благополучия отношений оценивался как низкий. Коэффициент взаимности составлял 20 %, что свидетельствовало о низком уровне взаимности. Коэффициент удовлетворенностью взаимоотношениями составлял 40 %, который свидетельствовал о II уровне коэффициента удовлетворенности. Индекс изолированности составлял 18,2 %, что указывает на менее благополучный уровень группы. На контрольном этапе исследования были получены следующие данные: уровень благополучия отношений оценивается как высокий. Коэффициент взаимности составляет 36 %, что свидетельствует о высоком уровне взаимности. Коэффициент удовлетворенностью взаимоотношениями составляет 64 %, свидетельствует о III уровне коэффициента удовлетворенности. Индекс изолированности составляет 9 %, что указывает на благополучный уровень группы. Полученные данные свидетельствуют о том, что благодаря внедрению форм работы программы социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью, направленных на улучшение межличностных взаимоотношений и выработку навыков конструктивного разрешения межличностных конфликтов, большинство учащихся данной категории не испытывает трудности в эмоциональных взаимоотношениях в классе.

На констатирующем этапе исследования уровня речевого развития (Ю. С. Ляховского, Ч. Осгуда) экспертной группы младших школьников с интеллектуальной недостаточностью были получены следующие результаты: 16 (67 %) детей имеют средний уровень развития речи, 6 (25 %) – высокий уровень развития речи, один (4 %) ребенок имеет низкий уровень развития речи и у одного (4 %) ребенка отсутствует речевое развитие. На контрольном этапе исследования уровня речевого развития экспертной группы младших школьников с интеллектуальной недостаточностью было выявлено, что 15 (63 %) детей имеют средний уровень развития речи, 7 (29 %) ребенка – высокий уровень развития речи, один (4 %) ребенок имеет низкий уровень развития речи и у одного (4 %) ребенка отсутствует речевое развитие. Таким образом, можно отметить, что увеличился процент воспитанников с высоким уровнем речевого развития. Данный факт позволяет отметить эффективность различных форм работы по взаимодействию, которые применялись из программы социально-педагогического сопровождения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью во вспомогательной школе.

Таким образом, исходя из полученных данных контрольного этапа исследования следует, что дети данной категории имеют положительную динамику в изменение уровня социальной адаптации. Прохождение процесса социальной адаптации во вспомогательной школе и применение программы социально-педагогического сопровождения способствовало нейтрализации трудностей, которые препятствовали успешной адаптации в условиях коррекционно-образовательной среды. Также программа социально-педагогического сопровождения помогла изменить межличностные отношения младших школьников с интеллектуальной недостаточностью на ранних этапах процесса социальной адаптации в учреждении образования.

Список использованных источников

1 Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 января 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г. : одобрен Советом Республики 22 декабря 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2016 г. № 404-З // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1100>.

2 Мардахаев, Л. В. Специальная педагогика : учебник для бакалавров / Л. В. Мардахаев, Д. И. Чемоданова, Л. В. Мардахаева ; под ред. Л. В. Мардахаева, Е. А. Орловой. – М., 2012. – 447 с.

Е. С. Худякова

Научный руководитель: **С. В. Остапчук**, старший преподаватель
Полоцкий государственный университет,
г. Новополоцк, Беларусь

СНИЖЕНИЕ УРОВНЯ АЛЕКСИТИМИИ У ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

В статье рассматривается проблема алекситимии как одного из вторичных дефектов у подростков с заболеваниями и повреждениями опорно-двигательного аппарата. Приводятся данные исследования алекситимии у подростков и результаты проведения психокоррекционной программы по снижению алекситимии.

Ключевые слова: алекситимия, подростки с ограниченными возможностями, подростки с заболеваниями и повреждениями опорно-двигательного аппарата, психокоррекционное воздействие.

Характеристика детей с ограниченными возможностями зависит от многих показателей, из которых определяющим является сам дефект. Социальные проблемы таких детей вызваны их объективным статусом в обществе. Дети и подростки с ограниченными возможностями нуждаются в повышенном внимании как медицинских работников, так и помощи со стороны социальных служб. Заболевания и травмы опорно-двигательного аппарата в структуре детской заболеваемости занимают лидирующие позиции. У 5–7% всех детей Республики Беларусь встречаются заболевания и повреждения опорно-двигательного аппарата [1].

Психологические проблемы детей с ограниченными возможностями основываются на том, что в социокультурном пространстве существуют идеальные образцы тела. Дети с телесными дефектами (например, ДЦП, сколиоз) чувствуют себя «неправильными» и подвергаются со стороны окружающих людей стигматизации. Так как с ранних лет ребёнок с ограниченными возможностями лишён возможности общения, то его поведение может быть невротическим: присутствовать алекситимия, агрессия, невротизация, тревожность и необоснованные страхи. У детей алекситимия является наименее изученной личностной характеристикой.

Алекситимия – личностный конструкт, характеризующийся сложностями в понимании и словесном описании собственных эмоциональных волнений и эмоций окружающих лиц, дифференциации телесных ощущений, различении переживаний, снижении умения символизировать и фантазировать, сосредоточивании, в основном, на внешних аспектах, одновременно с этим, не уделяя соответствующего внимания, внутренним переживаниям, склонности к утилитарному, конкретно-логическому мыслительному оперированию наряду с дефицитом эмоционального реагирования. Основными характеристиками алекситимии являются трудности идентификации чувств и дифференцировки чувств и телесных ощущений, возникающих при эмоциональном возбуждении; трудности в сообщении о своих чувствах другим лицам; недостаточно развитый процесс воображения, ориентированный на внешние стимулы когнитивный стиль. Эти признаки отражают дефицит когнитивной переработки и регуляции эмоций [2]. Причины этого расстройства сложны и определяются рядом факторов, к которым можно отнести такие, как нарушения деятельности высшей нервной системы, психическое состояние и физическое утомление после, либо во время психотравмирующих ситуаций, неблагоприятный фон внутрисемейных или иных социальных факторов (например, определённый социальный статус ребёнка с ограниченными возможностями) [3].

Эта психологическая характеристика может развиваться вследствие значительной психологической травмы, угрожающей изоляцией и дезинтеграцией. С. А. Кулакова связывает формирование алекситимических черт личности с воспитанием и внутрисемейным взаимодействием. Если в семейных отношениях отсутствует искреннее выражение чувств и есть установка на ригидное следование общественным нормам, то это может привести к уходу от собственных переживаний и ощущений [4]. О. С. Юткина провела исследование по изучению алекситимии у школьников подросткового возраста, учитывая их состояние здоровья. В исследовании принимали участие дети третьей группы здоровья. По его результатам оказалось,

что только треть подростков относится к «неалекситимическому» типу личности и почти 70 % детей составляют группу «пограничного» и «алекситимического» типов личности. Девочки имеют более высокий риск развития алекситимии, чем мальчики этой возрастной группы [5]. У подростков с заболеваниями и повреждениями опорно-двигательного аппарата часто наблюдаются психологические особенности, которые могут препятствовать их успешной интеграции в общество: неадекватная самооценка и уровень притязаний; неразвитые коммуникативные навыки; социальный и личностный инфантилизм и некоторые другие [3].

Психокоррекционное воздействие очень важно для подростков с ограниченными возможностями, им необходима коррекционно-развивающая и восстановительная работа не только на познавательном уровне, но и на эмоционально-личностном и поведенческом уровне, т.к. без этих навыков подросток испытывает значительные трудности в усвоении необходимых видов деятельности, вступать в разнообразные системы социальных и межличностных отношений. Для каждой категории детей с ограниченными возможностями предусмотрены специальные коррекционные мероприятия. В результате таких программ ребенок может полностью избавиться от своего дефекта или хотя бы сгладить его проявления и развить компенсаторные механизмы адаптации.

В нашем эмпирическом исследовании принимали участие 60 подростков: 30 девочек и 30 мальчиков с ограниченными возможностями (заболевания опорно-двигательного аппарата) в возрасте от 12 до 17 лет.

Базой исследования стал Республиканский реабилитационный центр для детей с ограниченными возможностями.

После прохождения всей коррекционной программы было проведено сопоставление показателей, полученных до и после проведения психокоррекционной работы (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты диагностики по Торонской алекситимической шкале (Адаптирована в институте им. В. М. Бехтерева)

Пол подростков	Первичная диагностика	Вторичная диагностика
Д	65	64
Д	73	71
Д	89	55
Д	124	101
Д	68	67
Д	86	53
Ю	64	42
Ю	78	75
Ю	93	37
Ю	105	98

На первом этапе нами была использована Торонская алекситимическая шкала для изучения алекситимии. Нами было обнаружено, что алекситимия присутствует у 53 % мальчиков и 77 % девочек. Мы предположили, что, несмотря на то, что девочки-подростки более склонны проговаривать и вербально фиксировать свои эмоциональные состояния, они, как и мальчики, испытывают затруднения в определении своих эмоций, имеют тенденцию к их вытеснению, боятся не справиться с непониманием или осуждением, чувствуют стыд, стеснение и недоверие к окружающим.

На втором этапе, по результатам проведенного эмпирического исследования, мы отобрали группу из 10 подростков, имеющими алекситимию, для проведения психокоррекционной работы. Нами была подготовлена психокоррекционная программа, состоящая из 7 занятий продолжительностью 35–40 минут. Занятия проводились в отдельном кабинете, 2 раза в неделю. В нашей психокоррекционной программе личностные особенности подростков были изучены

комплексно, однако, особое внимание было уделено овладению терминами, обозначающими абстрактные понятия, развитию словарного запаса, развитию речевого общения, тщательной проработке эмоциональных состояний подростков.

На первых занятиях было заметно, что словарный запас подростков скуден и не разнообразен, и что над этим нужно работать. Около половины подростков высказалась о сложностях в выражении своих эмоций, как вербально, так и невербально. Один участник привёл пример, ссылаясь на упражнение, связанное с ласковыми словами, говоря о том, что с радостью говорил бы своим родным о любви к ним, но боится реакции и того, что его оттолкнут. Многие задумались над его словами и начали рассказывать о своём опыте.

Для того, чтобы оценить эффективность психокоррекционных занятий нами использовался непараметрический Т-критерий Вилкоксона (таблица 2).

Таблица 2 – Значимые результаты при сравнении показателей до и после проведения психокоррекционной работы

	N	T	Z	p
Алекситимия	10	0	2,80	0,005062

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что психокоррекционная работа дала значимые результаты и её можно считать успешной. Чем раньше начинается специальное психолого-педагогическое воздействие, тем лучше развивается процесс компенсации. Коррекционная работа на ранних этапах развития предупреждает последствия первичных нарушений и способствует развитию ребенка в благоприятном направлении. Однако данное исследование доказывает, что при желании получить положительный результат можно работать и с детьми подросткового возраста. Страх, тревога, паника, гнев, возбуждение и другие реакции, которые биологически направлены на совершение какого-то действия, побуждают напрягаться определенные группы мышц. Следовательно, снизив уровень алекситимичности у подростков, мы повлияли и на работу их мышц, что является немаловажным для подростков с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. У подростков появляется возможность заботиться о себе, понимать свои психологические потребности и стремиться к их удовлетворению, заводить продуктивные отношения и отказываться от разрушительных «токсичных» связей. Жизнь обретает глубину, наполненность и смысл.

Список использованных источников

- 1 Журавский, В. Обзор положения детей-инвалидов и молодых инвалидов в Беларуси [Электронный ресурс] / В. Журавский, К. Мирецкая. – Режим доступа: belapdi.org/wp-content/uploads/2017/12/Obzor-o-polozhenii-detej-invalidov-i-molodyh-invalidov-v-Belarusi-11-1.pdf. – Дата доступа: 06.02.2019.
- 2 Брель, Е. Ю. Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях / Е. Ю. Брель // Вестник Кемеровского государственного университета. Психология. – 2012. – С. 1–4.
- 3 Шипицына, Л. М. Психология детей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата / Л. М. Шипицына, И. И. Мамайчук. – 2004. – 81 с.
- 4 Юткина, О. С. Изучение уровня алекситимии у детей школьного возраста / О. С. Юткина // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 2. – С. 43–47.
- 5 Трунов, Д. Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии / Д. Г. Трунов // Философия. Психология. Социология // Вестник Пермского университета. – 2010. – С. 2–6.

К. А. Тратинко

Средняя школа №151 г. Минска,
г. Минск, Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ И САООКТУАЛИЗАЦИИ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматриваются гендерные особенности формирования самооотношения и самоактуализации у юношей и девушек. Показано, что существуют различия, как в иерархии данных показателей, так и в степени их выраженности. Учет данных особенностей позволит эффективнее организовывать психолого-педагогическое сопровождение развития самооотношения и самоактуализации в условиях учреждений образования. В работе представлены практические рекомендации, направленные на содействие формированию личности с учетом выявленных в ходе исследования гендерных особенностей.

Ключевые слова: самооотношение, самоактуализация, юношеский возраст, девушки, юноши, гендерные особенности.

В качестве актуальности проблемы отметим, что вопросы изучения процессов самооотношения и самоактуализации личности являются значимыми для решения ряда научно-практических проблем, связанных с регуляцией поведения и психологическим здоровьем личности. Несомненную важность данная проблема приобретает в период юношеского возраста, который является переходным от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни.

Изучение гендерных особенностей самооотношения и самоактуализации в юношеском возрасте позволит нам определить механизмы, влияющие на личностное развитие юношей и девушек, и разработать практические рекомендации для обеспечения более эффективного психологического сопровождения личностного развития молодежи на этапе ранней юности в условиях учреждений среднего образования [1].

Цель исследования – выявление гендерных особенностей самооотношения и самоактуализации в юношеском возрасте.

В ходе теоретико-методологического анализа проблемы были сделаны выводы о том, что в психологической литературе отсутствует единый подход к определению феномена «отношение человека к себе». Выделяют наиболее употребляемые категории, раскрывающие сущность самооотношения: «глобальная самооценка», «самоуважение», «самоотношение», «эмоционально-ценностное отношение к себе». При этом самооотношение как личностное новообразование рассматривается в единстве познавательного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов, выступающих в качестве индикаторов благополучного или неблагополучного развития личности, базисного механизма внутреннего контроля личности.

В научных подходах изучаются следующие аспекты:

1) «глобальная самооценка» (определяется посредством соотношения реальных достижений индивида и его притязаний);

2) «самоуважение» (рассматривается в контексте изучения представлений личности о себе как системе социальных установок);

3) «самоотношение» (самоотношение являясь особым личностным образованием, определяется как отношение потребности индивида к ситуации ее удовлетворения, направленном на самого себя);

4) «эмоционально-ценностное отношение к себе» (отношение личности к себе как аффективный структурный компонент самосознания обусловлен когнитивной составляющей, которая не воспринимается человеком безразлично).

В работах исследователей прослеживается определенная связь феномена самооотношения с другими личностно значимыми процессами. Самоотношение, а чаще позитивное самооотношение, трактуется как важная особенность, черта, задающая направление формированию процессов

саморегуляции, самореализации и самоактуализации. Самоактуализация направлена на активизацию внутренних процессов структурирования личности и перестройку ее духовной структуры. Объективным основанием самоактуализации является потребность субъекта в саморазвитии, самосовершенствовании.

Важным периодом в развитии самоотношения и самоактуализации можно считать юношеский возраст. В юношеском возрасте приобретается та степень психической и личностной зрелости, которая формирует умение строить собственные жизненные планы и находить средства для их реализации, обеспечивая в последующем самостоятельность личности в повседневной жизни и трудовой деятельности.

Личность юноши и девушки складывается под влиянием социального положения, которое они начинают занимать в обществе, в коллективе, в системе межличностных и общественных отношений. При этом девушки в период ранней юности характеризуются формированием «внутренней позиции женщины». Это совпадает с повышением самооценки. У них возникает потребность нравиться окружающим. При этом отсутствие успеха в данной сфере зачастую переживается очень болезненно. По сравнению с девушками у юношей резко возрастает влияние комплекса недостатков воспитательного характера. Девиантные формы поведения проявляются в нарушениях общепринятых норм и правил поведения, негативизме, неорганизованности.

Следовательно, при организации психологического сопровождения старшеклассников в условиях деятельности СППС учреждения образования необходимо осуществлять индивидуальный подход к формированию личности, обеспечивающий, в том числе и учет психологической специфики пола.

Исследование было проведено на базе ГУО «Средняя школа № 151 г. Минска». Выборка составила 60 человек в возрасте 16–17 лет, среди них 30 человек (50 %) девушки и 30 человек (50 %) юноши.

На первом этапе исследования была использована методика «Тест-опросник самоотношения» (автор С. Р. Пантелеев).

Анализируя полученные данные, нами были установлены уровни сформированности характеристик самоотношения у юношей и у девушек.

1. Как у юношей, так и у девушек отсутствуют показатели, сформированные на высоком уровне. То есть, нет показателя выраженного более, чем на 74%.

2. На среднем уровне у юношей выражены два фактора: «фактор ожидаемого отношения от других» (63,8), «фактор самоуважения» (54,7).

Для девушек характерна выраженность таких же факторов: «фактор ожидаемого отношения от других» (63,3), «фактор самоуважения» (55,5), «фактор самоинтересов» (72,5).

По психологическим характеристикам самоотношения у юношей и у девушек 5 характеристик, находятся на среднем уровне выраженности. Три из них для юношей и девушек одинаковы (самоинтерес, самопринятие и отношение других) и два показателя отличаются: у юношей: «самоинтерес» (64,3); «самопринятие» (61,4); «отношения других» (60,4); «самоуверенности» (54,6) и «самоинтересов» (52,1); у девушек: «самоинтерес» (70), «отношения других» (68,6), «самопринятие» (63,3), «самопоследовательности» (61,4) и «самообвинения» (57,9).

Можно заключить, что как юноши, так и девушки положительно относятся к собственному «Я», верят в свои силы, способности. Данные критерии отражают меру их близости к самим себе. Представители обеих групп проявляют интерес к собственным мыслям и чувствам. На низком уровне выраженности находятся показатели: «самопонимания» (у юношей – 48,1, а у девушек 39); «аутосимпатия» (у юношей 37,6, а у девушек 36); «самообвинение» (у юношей 37,5), а у девушек он на среднем уровне 57,9.

Проанализировав процентное соотношение по показателям самоотношения, нами была установлена их иерархическая степень сформированности у юношей и девушек на этапе раннего юношеского возраста.

Так, наиболее значимым показателем самоотношения у девушек является

сформированность самоинтереса как интегрального фактора самоотношения (1 позиция), у юношей сформированность данного компонента находится на седьмой позиции. При этом установка на «самоинтерес» в структуре самоотношения у юношей находится на первой иерархической позиции. Вторую иерархическую позицию у юношей занимает «ожидаемое отношение от других» (у девушек на четвертой позиции). У девушек «самоинтерес» как установка на изменения данного показателя в структуре самоотношения занимает вторую позицию. Необходимо отметить, что несмотря на различный уровень сформированности показатель «фактор аутосимпатии» занимает 10 иерархическую позицию как у юношей, так и у девушек.

На втором этапе исследования с помощью методики «Диагностика самоактуализации личности» (автор А. В. Лазукин, в адаптации Н. Ф. Калина) нами получены данные, характеризующие степень развития самоактуализации у юношей и девушек. Исходя из процентного соотношения выраженности показателей, были установлены уровни сформированности психологических характеристик у юношей и у девушек.

Низкие показатели выраженности признака: у юношей в шкалах «ориентация во времени» (50,3), «автономность» (46,9), «взгляд на природу человека» (45,3) и «контактность» (41,3); у девушек: «самопонимание» (50), «спонтанность» (43,8), «взгляд на природу человека» (48) и «контактность» (42,3). Все остальные показатели, характеризующие самоактуализацию личности, выражены как у юношей, так и у девушек на среднем уровне. Но у юношей более выражены, чем у девушек, показатели «самопонимание» (у девушек он выражен на низком уровне), «аутосимпатия», «спонтанность». А у девушек более выражены, чем у юношей, «ценности», «креативность», «автономность», «гибкость в общении».

Проанализировав процентное соотношение, нами была установлена иерархия сформированности показателей в структуре самоактуализации у юношей и девушек. Наиболее значимым показателем самоактуализации в юношеском возрасте у девушек являются «ценности» (1-е место), а у юношей – «самопонимание». В то же время «ценность» у юношей находится на 5-й позиции, а «самопонимание» у девушек занимает 8-ю иерархическую позицию. Вторую иерархическую позицию у юношей занимает шкала «аутосимпатия» (7-я позиция у девушек); у девушек на второй позиции находится «креативность» (у юношей она на 4-й позиции).

Несмотря на различный уровень сформированности показателей в структуре самоактуализации, стоит отметить, что шкала «гибкость в общении» занимает 3-ю иерархическую позицию, как у юношей, так и у девушек. А шкала «контактность» находится практически почти на одинаковом уровне выраженности (11-я позиция у девушек и 10-я у юношей).

Для проверки статистически значимых различий был применен непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Статистически достоверно доказано, что в структуре самоотношения у девушек более развиты «самоинтерес» ($U=173,5$, $p \leq 0,01$), «самопоследовательность» ($U=240,5$, $p \leq 0,01$), «самообвинение» ($U=213$, $p \leq 0,01$) и «отношения других» ($U=311$, $p \leq 0,05$). У юношей выше показатель «самопонимание» ($U=314$, $p \leq 0,05$).

В сравниваемых группах были обнаружены статистически значимые различия в показателях самоактуализации личности. У юноши более сформированными являются показатели «аутосимпатия» ($U=306,5$, $p \leq 0,05$) и «спонтанность» ($U=274$, $p \leq 0,05$). У девушек характерная выраженность показателя «ценности» ($U=240$, $p \leq 0,01$).

В связи с полученными результатами теоретического анализа и эмпирического исследования нами были разработаны практические рекомендации по организации социально-психологического сопровождения учащейся молодежи в условиях учреждения образования.

1. Целесообразно организовать проведение тренингов (тренинговых занятий) с юношами и девушками, направленными на выявление и осознание собственных достоинств, с целью повышения самооценки учащихся, уровня самопринятия и аутосимпатии.

2. Для получения наибольшей эффективности целесообразно организовать систему социально активной деятельности учащейся молодежи, учитывающей следующие условия: подготовка классных руководителей, руководителей объединений по интересам, взаимодействию с учащимися с учетом их гендерных особенностей; наличие специальной программы подготовки

старшеклассников (возможно введение факультатива «Ступени самопознания», включающего в себя практические модули); диагностика индивидуальных и личностных особенностей юношей и девушек; постепенное систематическое включение учащейся молодежи в различные виды деятельности (акции, мероприятия, проекты), позволяющие проявить им свои склонности и способности; организация психолого-педагогического сопровождения (консультирования) юношей и девушек (учащиеся должны знать, к кому они могут обратиться в случае возникновения вопросов, затруднительных ситуаций, получения негативного опыта в процессе самоактуализации); организация направлений учебно-практической деятельности, максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности (профессионально ориентированные направления учебной деятельности).

3. Система учебной деятельности должна строиться на личностно-ориентированном подходе с учетом гендерных различий, предполагающем учет индивидуальных особенностей и возможностей личности в юношеском возрасте.

Список использованных источников

1 Тратинко, К. А. Взаимосвязь самоотношения и самоактуализации в юношеском возрасте / К. А. Тратинко // Материалы XXI Международной научной конференции молодых ученых, Минск, 12–13 апр. 2018 г. / редкол.: В. В. Манкевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. – С.123–124.

Т. В. Тратинко

Белорусский государственный университет,

О. Г. Клыга

ДЮСШ по плаванию «Нептун»,

г. Минск, Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ К СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ЮНИОРОВ

В данной работе авторами рассматривается проблема гендерных особенностей мотивации к спортивной деятельности у юниоров. Раскрывая роль факторов, влияющих на формирование мотивов к спортивной деятельности у юниоров. В работе представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на базе детско-юношеской спортивной школы, в котором описаны гендерные особенности мотивов к занятию спортом у юниоров.

Ключевые слова: спорт, мотивы к занятию спортом, спортсмены-юниоры, гендерные особенности.

Мотивация имеет высокую значимость в любой деятельности человека, особенно она необходима в спорте, где в очень сжатые сроки требуется достичь наилучшего результата в ситуации жесткой конкуренции с другими спортсменами и спортивными командами.

Проблема спортивной мотивации является одной из наиболее актуальных в психологии спорта. Однако гендерные ее аспекты до сих пор изучены явно недостаточно, хотя попытки выявления специфики мотивов спортивной деятельности у спортсменов разного пола предпринимались неоднократно. В то же время, их изучение представляется чрезвычайно перспективным, так как позволяет ответить на ряд важных в научном и практическом отношении вопросов, которые связаны с определением специфики спортивной мотивации с учетом пола спортсменов, роли факторов спортивного стажа и специализации в их формировании и влиянии мотивов на спортивный результат.

Мотивы играют огромную роль в жизни человека, в том числе и в спорте, так как они побуждают и направляют деятельность человека. Чем больше мотивов определяют деятельность,

тем выше общий уровень мотивации. Многое зависит от побуждающей силы каждого мотива. Иногда сила одного какого-либо мотива преобладает над влиянием нескольких мотивов. В большинстве случаев, однако, чем больше мотивов актуализируется, тем сильнее мотивация. Если удастся задействовать дополнительные мотивы, то повышается общий уровень мотивации. Мотивы выполняют функцию побуждения к деятельности и связаны с удовлетворением потребностей субъекта.

Личность юного спортсмена является многофакторным понятием, в том числе она зависит от гендерного аспекта. В процессе занятий у ребенка появляется все больше проблем, связанных с его целеустремленностью, ценностными ориентациями, ориентацией на личность, достижение значимой цели и т. д. Важную роль в формировании мотивации юниора занимает микросреда, состоящая из личного тренера, родителей и сверстников. Тренер проявляет очень большое воздействие на микроклимат и влияние на спортивную деятельность. Именно он направляет спортивную деятельность и руководит ею, предопределяет успешность спортивной карьеры, формирует спортсмена как личность. От его профессиональных и человеческих качеств зависит не только успешность спортивной деятельности, но и продолжительность занятий спортом вообще.

Целью нашего исследования являлось выявление гендерных различий мотивов занятиями спорта у юниоров.

База исследования: Детско-юношеская спортивная школа по плаванию «Нептун» г. Минска. В исследовании приняли участие спортсмены-юниоры в возрасте от 9 до 11 лет. Группа из 50 человек была разделена на две подгруппы по половому признаку: подгруппа из 25 мальчиков и подгруппа из 25 девочек. В исследовании использовался опросник «Изучение мотивов занятий спортом» В. И. Тропникова.

По результатам можно говорить о том, что в мотивации занятиями спортом у мальчиков доминирует *мотив физического совершенства (38,0)*, что говорит о том, что мальчики высоко ценят физическое развитие, ловкость, гибкость, координация, сила. У девочек данный мотив находится на втором месте.

Для девочек наиболее значимым мотивом является *мотив повышения престижа и желание славы (38,3)*, что свидетельствует о желании стать лидером в определенном коллективе и чувствовать собственное превосходство над другими. Также данный мотив отвечает за стремление достичь новых результатов и высот в спорте, что благотворно сказывается на карьере, как спортсмена, так и команды в целом. У мальчиков этот мотив занял третью иерархическую позицию (32,8).

На втором месте у мальчиков *мотив «развитие характера и психических качеств» (35,0)*, характеризующийся потребностью в самовоспитании выдержки и силы воли к победе на соревнованиях и на тренировках. У девочек данный показатель равен 32,4.

У мальчиков наиболее низкие показатели получены по *мотиву «коллективистская направленность» (26,3)*. Такой результат может быть обусловлен тем, что мальчики-юниоры занимающиеся одиночным видом спорта – плаванием, более ревностно относятся к соперничеству, чем девочки, у которых данный показатель составляет 32,6 и занимает третью иерархическую позицию.

Обратим внимание, что *мотив «потребность в одобрении»* у девочек более значим, чем для мальчиков (32,5 и 26,0 соответственно), следовательно, девочки нуждаются в похвале, поддержки и одобрении от тренера в большей степени. В то же время выраженность *мотива «приобретение умений и знаний»* у мальчиков (29,7) и у девочек (28,2) является практически равнозначной.

На *заключительном этапе исследования* с целью выявления выраженности мотивов к занятию спортом с учетом пола респондентов нами был проведен статистический анализ полученных данных при помощи расчета t-критерия Стьюдента. Значимые различия установлены относительно следующих мотивов: *потребность в одобрении* ($t=2,9, p<0,01$) – девочки гораздо больше нуждаются в одобрении, чем мальчики; *коллективная направленность* ($t=3,4$ при $p<0,01$) – коллективная среда для девочек более важна, чем для мальчиков; *повышение престижа и желание славы* ($t=2,9, p<0,01$) – у девочек в большей степени выражено стремление к лидерству

и признанию в коллективе. По остальным мотивам статистически значимых различий установлено не было.

Так как в программе подготовки учителей физического культуры, тренеров, работающих в сфере детско-юношеского спорта, уделяется недостаточное внимание психологическим особенностям юных спортсменов, то полученные результаты исследования будут значимы для формирования дифференцированных подходов к юным спортсменам. Знание гендерных особенностей позволит более эффективно выстраивать учебно-тренировочный процесс, прогнозировать результаты соревнований.

В детском и подростковом возрасте, в период интенсивного формирования личности, особенно важен учет определенных различий в психологии девочек и мальчиков. Для обеспечения успешного процесса повышения мотивации можно предложить разработку *тренингового занятия*, которое включает в себя следующие *разделы*: развитие стойкого стремления к достижению самостоятельно поставленной цели; отсутствие стремления понравиться и предпочтение средних по трудности задач; формирование синдрома достижения, т. е. преобладания у человека стремления к успеху над стремлением избежать неудачи; визуализация на личный позитивный образ будущего спортсмена; самоанализ результатов своей деятельности; рефлексия примеров из повседневной жизни, а также из жизни людей, обладающих высокоразвитой мотивацией достижения.

При проведении мотивационных мероприятий (программ, тренингов и т. п.) целесообразным является создание следующих *условий*: учет тренером возрастных особенностей, знание детской психологии и детской педагогики, умение тренера взаимодействовать с родителями; создание благоприятного микроклимата и содействие формированию сплоченности коллектива при совместной работе «тренер-родители»; повышение имиджа спортивной деятельности, посредством вовлечения родителей, классных руководителей спортивных классов и общественности в учебно-воспитательный и соревновательный процесс; проведения тематических родительских собраний, совместных спортивных и творческих дел в триаде «тренер – юниор – родители»; укрепление материально-технической базы, обеспечивающей как качество тренировочного и соревновательного процесса, так и восстановление после них; проведение тематических семинаров, направленных на обобщение и распространение передового тренерского педагогического опыта; организация курсов повышения квалификации детских тренеров; проведение аттестации предшествующей допуску на работу детским тренером, так как есть специфика работы с детским возрастом, необходимость сопровождения формируемой личности юного спортсмена.

Также необходимо предвидеть типичные ошибки родителей и тренеров и проводить психопрофилактическую работу по их недопущению. Например, в погоне за победами ребенку настоятельно могут внушать, что он должен быть первым любой ценой, сурово осуждают за поражение, ругают за неудачи. Поэтому одной из важных задач психопрофилактического сопровождения будет работа с родителями: просвещение по вопросам детского спорта, возрастной психологии, консультирование, помощь в решении конкретных проблем.

На наш взгляд, включение перечисленных рекомендаций в спортивную деятельность юниора и детского тренера обеспечит не только повышение уровня мотивации юных спортсменов, но и позволит добиться максимально высоких результатов в тренировочном процессе и в соревновательной деятельности.

Список использованных источников

1 Тратинко, Т. В. Формирование мотивационной сферы спортсменов-юниоров / Т. В. Тратинко // Психология способностей и одаренности: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Ярославль (21–22 ноября 2019 г.) / Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского – Ярославль, 2019. – С. 224–226.

Н. Г. Хакимова, М. М. Гумерова

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ПЕДАГОГА

В статье рассматривается проблема профессионального становления педагога, один из механизмов профессионального становления педагога - профессиональная идентичность. Авторы приводят данные эмпирического исследования становления профессиональной идентичности педагогов с разным стажем работы в школе.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, профессиональная идентичность, самореализация в профессиональной деятельности, метод ретроспекции.

Современному педагогу недостаточно хорошо владеть профессиональными знаниями, умениями и навыками. Необходимы также адекватная профессионально-личностная самооценка и стремление к максимальной самореализации в профессиональной деятельности. Профессиональное становление личности в целом связано с жизненным путем человека. Переход от одной стадии к другой обусловлен не только объективными (возраст, стаж работы, сроки обучения), но и субъективными (профессиональная идентичность, профессиональная зрелость) факторами. Формирование профессиональной идентичности является определяющим фактором, обуславливающим успешность профессионального становления специалистов.

Проблему профессиональной идентичности рассматривают в своих работах зарубежные и отечественные ученые: Э. Эриксон, Дж. Мид, Ч. Кули, Э. Ф. Зеер, Ю. П. Поваренков, Л. Б. Шнейдер [1–3] и др. Актуальность обращения к данной проблеме вызвана не только анализом существующих в современной психолого-педагогической науке подходов к раскрытию понятия «профессиональная идентичность», «Я-концепция», а также рассмотрением методов изучения различных аспектов профессиональной идентичности, связанной с проблемами успешного обучения в вузе, эффективности профессиональной адаптации в школе, профессионального развития, трудовой деятельности в целом.

Профессиональная идентичность играет особую роль в становлении личности будущего педагога и является фактором, активно влияющим на качество обучения и определяющим в дальнейшем успешность профессиональной деятельности. Понятие «профессиональная идентичность» содержательно включает в себя ответы на следующие вопросы: 1) принимает ли личность ценности профессии; 2) каков уровень профессиональной адаптивности; 3) рассматривает ли выбранную профессию как форму самореализации; 4) каков уровень профессионализма [2].

Одним словом, профессиональная идентичность указывает на то, насколько человек видит себя в этой профессии и принимает эту профессию. Только осознание себя будущим специалистом позволяет эффективно сформировать мотивацию и ценностное отношение к своей будущей профессии. Поэтому необходимость исследования профессиональной идентичности педагогов и условий его становления является актуальной.

Теоретический анализ проблемы показывает подходы к исследованию профессиональной идентичности, где рассматриваются сущность, психологические механизмы формирования профессиональной идентичности (А. К. Маркова, Л. М. Митина, Ю. П. Поваренков и др.) [2]. Вопросы профессионального становления, кризисы возрастного становления также были рассмотрены (Э. Ф. Зеер, Е. А. Климов и др.). Однако остаются малоизученными вопросы, связанные с раскрытием педагогических условий, при которых выпускники – молодые педагоги – достигают более высокого уровня профессиональной идентичности.

Изучение современного состояния педагогической практики позволило установить следующие противоречия: а) противоречие между современными потребностями образовательных организаций в мотивированных на профессию учителя специалистах и уходом из

профессии, разочарованием в педагогической профессии и принятие решения о переходе на новую работу молодых педагогов; б) несовпадение в ряде случаев предметных, социальных эталонов, норм труда с индивидуальными нормами и критериями. Несоответствие работы профессиональным ожиданиям, трудности в выполнении профессиональной деятельности молодые педагоги отмечают чаще, чем учителя со стажем.

Изучение профессиональной идентичности было проведено методами ретроспекции и психобиографий. В качестве испытуемых выступили учителя-филологи, слушатели курсов повышения педагогической квалификации с различным стажем работы: до 5-лет (58 %); от 5-ти до 10-ти лет и более (42 %). Всего – 48 человек. Метод ретроспекции, т.е. воспоминание ранее произошедших событий требует от испытуемого схематически отразить в системе эмоциональных и возрастных координат наиболее значимые, эмоционально насыщенные события профессиональной жизни. Предложенная нами модификация метода ретроспекции жизненных событий человека направлена только на изучение событий, связанных с формированием профессиональной идентичности, которые имели место в жизненном опыте испытуемого. Испытуемым предлагалось выстроить модель своего жизненного пути, указав не более 7 событий в соответствии со своим возрастом, повлиявшим на их профессиональный выбор и становление. После краткого обозначения событий испытуемый дает качественную оценку каждому событию. При содержательном анализе выделенных жизненных событий важно проанализировать их представленность в различные возрастные периоды. Переживание критических событий приводит, как правило, к принятию жизненно и профессионально важных решений.

Учителям-филологам было предложено составить свою психобиографию и схематически отобразить значимые события. Всего было проанализировано 48 психобиографий педагогов, от 25 до 40 лет. Педагоги со стажем более беспристрастно разбирались в том, что для них ценно, значимо, поскольку, когда события отходят в прошлое, происходит снижение динамической актуальности события. Для молодых педагогов анализ событий оставляет разные по выраженности переживания и более значимо.

Таким образом, ретроспективный анализ позволяет фиксировать отсроченную во времени эмоциональную значимость для личности событий профессионального развития, способствует раскрытию ценности личности. В данном случае необходимо отметить, что мы изучали биографии слушателей курсов повышения квалификации, которые характеризуются определенной профессиональной активностью.

Нами также изучалась профессиональная судьба молодых специалистов. Всего было опрошено 50 выпускников нашего вуза. Результаты опроса спустя год показали следующие результаты: работают учителями по профилю подготовки и чувствуют призвание к профессии учителя – 46 %; работают учителем, но призвания не чувствуют – 28 %; собираются сменить профессию – 16 %; учителем не работали – 10 %. Анализ данных показывает, что роль профессионального выбора не однозначна. Для одних она значима, для других менее значима. Такое различное отношение к уже выбранной профессии оказывает влияние на будущую профессиональную включенность молодых специалистов. Сопоставляя динамику изменений видов и типов направленности по методике «Метод экспресс-диагностики педагогической направленности учителя», мы выявили следующую особенность: уменьшение смешанного вида направленности и увеличение результативного вида направленности. К концу первого года работы в школе произошло существенное уменьшение смешанного вида направленности и увеличение результативного вида направленности. У молодых специалистов, которые работают по призванию, прослеживается тенденция к снижению смешанного вида направленности и повышению результативного вида направленности. У педагогов, которые чувствуют призвание в профессии, изменение видов направленности происходит плавно, без скачков.

С помощью методики «Диагностика самооценки» выяснялось, как молодые педагоги осознают свои способности, поскольку умелое использование своих способностей напрямую связано с высокими результатами деятельности и, наоборот, высокий потенциал не

проявляется у человека, если он не верит в свои возможности. В первую очередь оценке подверглась самооффективность в межличностном общении.

Сравнение результатов педагогов, которые чувствуют призвание в профессии и тех, кто работают учителями, но призвания не чувствуют по оценке самооффективности показывает существенное различие в оценке самооффективности по параметру «межличностное общение». У педагогов, которые не чувствуют призвания в профессии, наблюдается тенденция к заниженной самооценке. Начало профессиональной деятельности связано со снижением профессиональной идентичности. Его возникновение отметили 52 % испытуемых. Многие в качестве причины выделяют трудности в отношениях с коллегами по работе, при вхождении в педагогический коллектив, несоответствие работы профессиональным ожиданиям, трудности в выполнении трудовых функций. На стадии профессионального становления разрешение возникающих трудностей происходит в течение более длительного времени. Наблюдается пересмотр взаимоотношений в коллективе, привыкание к коллегам и ученикам. Осуществляется своеобразная ревизия планов и представлений о профессии, педагогической деятельности, человек мобилизует свои внутренние ресурсы для успешного освоения выбранной профессии. Таким образом, на стадии профессиональной адаптации велика роль собственной активности личности, проявляющейся в работе над собой, своим профессиональным «Я».

По нашей выборке проблемным периодом профессионального становления педагога является кризис коррекции профессиональной карьеры на первой стадии профессионализации (25–30 года). В проанализированных психобиографиях этот период выделяется у 26,8 % педагогов.

В нашем исследовании мы применили методику ОПИ с методическим приемом «Альтернативные графики жизни». Молодым педагогам предлагалось оценить продуктивность своей жизни в избранной профессии, а затем в возможной другой профессии, не связанной с педагогической деятельностью. Если в другой возможной профессии динамика субъективной продуктивности жизни выше, чем в сфере педагогики то, это рассматривается как отсутствие профессиональной идентичности с профессией педагога и наоборот. Выборку исследования составили молодые педагоги в возрасте 22–25 лет.

Изучение альтернативных графиков продуктивности жизни молодых учителей, которые не чувствуют призвания в профессии так же показывает не в пользу выбранной профессии, так как будущее и в целом свою жизнь при выборе другой профессии они воспринимают субъективно как более продуктивное. В другой профессии, по их мнению, у них больше максимально возможной продуктивности (количество десятков), продуктивность жизни без резких колебаний (среднее изменения оценок). При выборе другой профессии они считают, что были бы психологически моложе, и жизнь была бы не столь крутым спуском от продуктивности (оптимизм). И соответственно при подведении итогов своей жизни при выборе другой профессии они бы переживали этот период более продуктивно (оценка последнего пятилетия).

Таким образом, мы можем говорить о том, что у молодых учителей, которые не чувствуют призвания, отсутствует профессиональная идентичность с выбранной профессией. Более того, это указывает на кризис «разочарования в выбранной профессии». Проверка валидности методического приема «Оценивание пятилетних интервалов жизни» проводилась также на выборке педагогов, которые чувствуют призвание в профессии. Был проведен сравнительный анализ, направленный на выявление психолого-педагогических особенностей профессиональной идентичности молодых педагогов и педагогов со стажем педагогической деятельности. Были использованы следующие показатели: динамика включенности в профессию учителя в данный момент и тип направленности.

С помощью методики «Метод экспресс-диагностики педагогической направленности учителя» выяснились виды и типы направленности педагогов контрольной и экспериментальной групп. В экспериментальной группе распределение количества педагогов по типам направленности на всех этапах исследования происходит без значимых различий. Также для экспериментальной группы характерна стабильность показателей типов направленности на всех этапах, в то время как в контрольных группах наблюдаются изменения.

По результатам статистического анализа (критерий Хи-квадрат Пирсона) выявлены статистически значимые различия в типах направленности между экспериментальной группой и контрольной группой ($X_{эмп.}=20,8$ (при $p \leq 0,05$). Средний групповой показатель увлеченности профессией, принятия профессии учителя также существенно отличается в этих группах. В группе педагогов, разочарованных профессией учителя, выбранная профессия не является для них значимой. В группе оказалось достаточно много педагогов, которые удовлетворены профессиональным выбором (46 % учителей, которые имеют стаж работы более десяти лет), но также оказались те, кто работают учителем, но призвания не чувствуют (44 % молодых учителей, у которых стаж работы до пяти лет) и те, у которых нейтральное отношение к профессии.

Анализ данных показал, что роль профессионального выбора в жизни каждого человека неоднозначен. Для одних он может быть настолько значим, что изменение его оказывает влияние на весь ход жизни в целом и опосредует изменения представления личности о будущих жизненных событиях. Для других важность конкретного профессионального выбора неоспорима, однако при этом существуют рядоположенные иные жизненные цели, не менее значимые и выбор конкретной профессиональной деятельности не оказывает столь сильного влияния на жизненную перспективу. Такое различное отношение к уже избранной профессии оказывает влияние на профессиональную включенность молодых педагогов. А диагностика этих отношений дает возможность предсказать с определенной долей вероятности как сложится будущее взаимодействие человека с избранной профессиональной деятельностью: будет ли он работать по выбранной специальности или сменит ее при первой возможности; будет ли любить свою профессию, что, несомненно, отразится на качестве работы.

Список использованных источников

- 1 Перетяцько, Л. Г. Профессиональное призвание личности (психолого-биографический аспект) : автореф. дис. ... канд. псих. наук. – М., 1991. – 22 с.
- 2 Поваренков, Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю. П. Поваренко. – М. : Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.
- 3 Шнейдер, Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. – М. : изд-во МПСИ, 2007. – 128 с.

Студенческие доклады

В. А. Александровская

Научный руководитель: **М. В. Терещенко**, канд. психол. наук, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье рассматривается понятие «гендер», история его возникновения и различные подходы к пониманию данного термина. Также рассмотрены различные подходы к пониманию различий между биологическим полом и гендером. Статья также включает в себя описание понятия самоотношения как психологического феномена, его структуры, особенностей формирования и влияния позитивного и негативного самоотношения на личность. Представлены результаты эмпирического исследования самоотношения юношей и девушек юношеского возраста.

Ключевые слова: пол, гендер, самоотношение, отношение к внешности, самоуважение, самооценка.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что юношеский возраст – тот период, когда происходит формирование внутреннего образа «Я», самоопределение собственной личности. Самоотношение влияет на социальную адаптацию личности, является регулятором поведения и деятельности, а также выполняет защитную функцию. Именно это оказывает сильное влияние на формирование личности. Последствия неудовлетворенности собой, негативного самоотношения могут выражаться в различных вариациях: как в легких колебаниях настроения, так и в серьезных нарушениях вплоть до депрессии, нарушения пищевого поведения, асоциального поведения. Таким образом, это обуславливает необходимость изучения особенностей формирования самоотношения. В свою очередь, негативное самоотношение, в особенности негативное представление собственного тела, присуще девушкам, однако в последние несколько лет активно распространяются идеи феминизма и бодипозитива, что несомненно может влиять на формирование самоотношения современных девушек.

Вопросы, которые касаются особенностей пола человека, его психологических различий, в последнее время все чаще обсуждаются в обществе. На сегодняшний день доказано, что взгляды на мужчин и женщин, являющиеся доминирующими в науке до последней трети XX века, довольно ограничены. На протяжении длительного времени различия в психологических и социологических особенностях обоих полов, а также в их общественных ролях объяснялись с биологической точки зрения, которая определяла природное предназначение пола. Термин «гендер» появился благодаря многим достижениям в различных областях науки, которые затрагивали проблемы половых различий и половой принадлежности человека.

Ш. Берн дает следующее определение гендеру: «Гендер – социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определение понятиям «мужчина» и «женщина». Однако И. С. Кон говорит о том, что научная терминология в этой области еще не укоренилась, так как некоторые авторы используют понятия «гендер» и «пол» как синонимы. Но все же психологи предпочитают использовать термин «гендер», тем самым подчеркивая тот факт, что большинство различий между мужчинами и женщинами создаются культурными нормами и стереотипами [1]. Унгер отметила, что «определение пола обычно включает в себя черты, непосредственно обусловленные биологическим полом, тогда как гендер подразумевает те аспекты мужского и женского, причины возникновения которых еще не известны» [2].

Пол – это одна из самых важных характеристик человека, но этого недостаточно, чтобы описать все особенности такой сложной системы, как человек, так как он – существо не только биологическое, но и социальное. Исходя из этого нельзя рассматривать человека вне его связи с культурой и обществом в целом. Гендер создается в процессе социализации. При этом в отдельных случаях социальный пол может не совпадать с биологическим. Д. В. Воронцов говорил, что «привязка полоролевой концепции к биологической дихотомии пола человека в конечном итоге приводит к асоциальному пониманию гендера, что не позволяет дать непротиворечивое социально-психологическое понимание феномена пола».

На сегодняшний день выделение двух уровней пола – биологического и социального – просто необходимо, так как человек является сложной социально-биологической системой. Биологический и социальный пол – взаимовлияющие понятия, общество не может игнорировать объективные биологические факторы при исследовании личностных качеств человека, но не принимать во внимание социальные факторы также нельзя. Биологическое и социальное тесно переплетается в человеке, так что это необходимое условие для изучения человеческой личности [3]. Такое понятие, как самоотношение, также является важной частью личности, так как оно оказывает значительное влияние на поведение человека, способы адаптации, а также общение, что и делает этот феномен особенно актуальным для изучения.

Самоотношение является полифункциональной системой. Исследования этой сферы выявили такие функции самоотношения, как функция зеркала, функция саморегуляции и самоконтроля, функция психологической защиты, функция интракоммуникации. Существует достаточно много исследований в психологии, которые доказали, что определяется тесная связь между отношением личности к самой себе и ее поведением [1, 2, 4]. Исходя из этого можно

понять, что высокое самоотношение личности определяет ее максимальную активность, продуктивность в деятельности, реализации творческого потенциала [2], оказывает влияние на способность свободно выражать свои чувства, на уровень самораскрытости при взаимодействии с другими людьми [4]. Именно на позитивном самоотношении строится вера человека в свои силы, возможности, самостоятельность, энергичность, позитивный взгляд на ожидание успешности своих действий в неопределенной ситуации [1].

В свою очередь, негативное самоотношение является причиной различных затруднений во взаимодействии с окружающим миром, так как человек с таким отрицательным отношением к себе уверен в плохом отношении окружающих к нему. Вопросы достоинства, самооценки настолько поглощает внимание индивида, что излишне повышают уровень активности, затрудняя тем самым выбор адекватного способа взаимодействия, в результате чего поведение индивида становится ригидным. Негативное самоотношение личности является некой причиной ее отклоняющегося поведения, агрессивное и суицидальное поведение, является одной из причин девиации. Так же между негативным самоотношением и депрессией обнаружена положительная корреляция [5].

Степень влияния самоотношения зависит от широты и глубины его включенности в процесс внутриличностной детерминации [5]. Самоотношение проявляется как мотив саморегуляции поведения личности и актуализируется в поведении, начиная с мотивирующих компонентов и заканчивая собственной оценкой достигнутого эффекта поведения, а также принимает участие в процессе регуляции поведения, начиная от конкретной ситуации и заканчивая длительной реализацией идейных замыслов.

Таким образом, самоотношение является базовым конструктом личности, который оказывает влияние практически на все аспекты поведения, является важным компонентом при построении межличностных отношений, в постановке и достижении целей, в способах формирования и разрешения кризисных ситуаций.

С целью изучения гендерных различий самоотношения в юношеском возрасте была проведена диагностика среди студентов ГГУ имени Ф. Скорины и БГУ в возрасте от 17 до 21 года. Выборка составила 60 человек, среди которых 30 девушек и 30 юношей. В качестве диагностического инструментария были использованы следующие методики: «Шкала оценки уровня удовлетворенности собственным телом» (О. А. Скугаревский), «Тест-опросник самоотношения» (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев), опросник «Образ собственного тела» (О. А. Скугаревский, С. В. Сивуха) и «Шкала самоуважения Розенберга».

Таблица 1 – Результаты статистической обработки полученных данных с помощью U-критерия Манна-Уитни

Шкалы	Результаты исследования девушек	Результаты исследования юношей	U-эмп.
Глобальное самоотношение	86,9	90,3	170,5
Самоуважение	83,5	86,5	127,5
Аутосимпатия	69,3	83,5	46*
Ожидаемое отношение других	68,3	71,4	137
Самоинтерес	79,2	84,9	129,5
Удовлетворенность телом	69	80	82*
Удовлетворенность головой	4,35	4,95	41,5*
Значимость головы	4,98	4,65	29,5*
Удовлетворенность туловищем	4,05	4,92	29,5*
Значимость туловища	4,82	4,55	109,5*
Удовлетворенность нижней частью	4,15	4,72	81*
Значимость нижней части	4,62	4,10	84,5*

Продолжение таблицы 1

Удовлетворенность состоянием кожи	4,27	4,65	108,5*
Значимость состояния кожи	5,55	5,17	117,5*
Удовлетворенность состоянием волос	4,05	5,07	69,5*
Значимость состояния волос	5,60	5,07	111,5*
Неудовлетворенность внешностью	7,5	6,1	105,5*
Самоуважение	28	31	127,5
Примечание * – различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)			

Анализируя все полученные результаты можно сказать, что уровень самооотношения и самоуважения у юношей и девушек примерно одинаков: респонденты адекватно воспринимают себя и свое поведения, адекватно оценивают свои достоинства и недостатки, могут признавать свои ошибки, сохраняют самоуважение к себе при неудачах, но иногда склонны к самобичеванию. Однако в показателях отношения к собственной внешности наблюдаются значимые различия: в отличие от юношей, девушки намного больше не удовлетворены собственным телом и больше предъявляют к нему требований, что свидетельствует об общей неудовлетворенности собственным телом. Юноши более удовлетворены отдельными сегментами своего тела и их состояние является менее значимыми, что говорит об общей удовлетворенности собственным телом.

Список использованных источников

- 1 Бендас, Т. В. Гендерная психология: учебное пособие / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2006. – 431 с.
- 2 Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн; пер. С. Е. Рысева, О. А. Боголюбова. – СПб. : Прайм - Еврознак, 2001. – 320 с.
- 3 Лорбер, Дж. Пол как социальная категория / Дж. Лорбер // Thesis. – 1994. – Вып. 6. – 10 с.
- 4 Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М. : 1994. – 256 с.
- 5 Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М. : 1984. – 335 с.

А. С. Владынцева

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕНДЕРА И МОТИВАЦИИ В СПОРТЕ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению мотивации и гендерных аспектов спортсменов. Приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи мотивации и гендера девушек занимающихся футболом.

Ключевые слова: мотив, мотивация, гендер, маскулинный тип, феминный тип, андрогинный тип, спорт.

На сегодняшний день достаточно остро стоит проблема низкой мотивации спортсменов. Процесс формирования мотивации может иметь индивидуальные особенности в зависимости от преобладающих свойств личности. Между личностью и мотивацией имеется обоюдная связь: личность влияет на особенности мотивации и проявляется она в мотивационной сфере. Мотивация в спорте определяется внутренними и внешними причинами. На протяжении спортивной деятельности она может изменяться [1, с. 181]. В самом начале мотивами выбора и решения заняться конкретным видом спорта могут быть: стремление к самосовершенствованию; стремление к самоутверждению, сюда можно отнести желание быть похожим на спортсменов; социальные тенденции, например, в последнее время очень модным стало заниматься спортом, наличие спортивных семейных традиции; стремление удовлетворить свои потребности.

По преобладающим мотивам выделяют две группы спортсменов: коллективисты и индивидуалисты. У коллективистов в большей мере преобладают социальные и моральные мотивы. Они характеризуются осознанностью общественной значимости в спортивной деятельности. Коллективисты ставят перед собой высокие и престижные цели, они полностью увлечены занятиями спортом. У индивидуалистов преобладают мотивы самоутверждения и они характеризуются тем, что хотят получить оценку за свои спортивные результаты. Если сравнивать коллективистов и индивидуалистов, то коллективисты лучше выступают в командных играх, а индивидуалисты наоборот – в индивидуальных соревнованиях [1, с. 198].

Было доказано, что те спортсмены, у которых присутствует спортивно-деловой мотив гораздо больше увлечены занятиями спортом, а спортсмены у которых преобладает личностно-престижный мотив, чрезмерно заинтересованы в оценке своих результатах. Наиболее частым мотивом в спорте является мотив достижения успеха. Вместе с ним для спортсменов присущ и мотив избегания неудачи. Чем более высокого класса спортсмен, тем более преобладает мотив достижения успеха, это связано с тем, что он хочет добиться успеха и поставленной цели в данном виде спортивной деятельности. Для всех мотивов характерна устойчивость и сила, именно эти составляющие интересуют тренера и спортивных психологов, так как от степени их выраженности зависит успешность деятельности спортсмена.

В проведенных исследованиях отмечается то, что эффективность любой деятельности будет выше, если станет преобладать в большей степени сила мотива, но при сильно большом желании продемонстрировать значительные результаты это может обернуться в обратную сторону и именно поэтому при мотивировании спортсмена следует учитывать закон Йеркса-Додсона, который заключается в том, что чем сильнее мотивация, тем выше кривая исполнения [2, с. 41].

В социуме очень сильно укрепился стереотип, что футбол является исключительно мужским видом спорта, но на протяжении последних лет существует устойчивая тенденция к росту числа девушек, которые занимаются футболом. Это связано с тем, что футбол пользуется большой популярностью и доступен каждому.

В зарубежной психологии спорта изучение гендерных аспектов спортсменов достаточно давно стало популярным направлением. Изучается не только половой диморфизм, но и как влияет спорт на создание половой идентификации и сексуальной ориентации, в чем заключаются особенности женской и мужской спортивной профессии, особенности женских, мужских и смешанных команд [3, с. 40].

В последние годы наибольшей популярностью пользуется андрогинная теория спорта. Она заключается, в том, что спорт подталкивает проявлять общие как для мужчин, так и для женщин качества. Эта теория уравнивает их в правах и настаивает, на том, что спортсмен не имеет пола, поэтому можно говорить о том, что спорт способствует дисбалансу традиционного процесса гендерной дифференциации субъекта [4, с. 181].

Е. Джероном было обнаружено, что спортсменки, которые занимаются плаванием, волейболом, футболом или гандболом, выделяются такими качествами, как малоимпульсивность, нераздражительные и хорошо приспосабливаются к нормативным поведенческим установкам. У девочек, в ходе занятий спортом, начинают проявляться такие качества как, лидерство, агрессивность и целеустремленность в ходе достижения лучших результатов. Иначе говоря, за счет спорта, женщины становятся целеустремленными, уверенными и собранными, но в некоторых случаях, спорт может привести и к образованию негативных качеств характера: агрессивность, жестокость.

Психологический пол имеет большое значение в спорте. Многие исследователи утверждают, что девушки, которые занимаются спортом, имеют ярко выраженный маскулинный пол.

Также в гендерной дифференциации большое место отводится спортивной специализации. Т. В. Артамонова выявила, что у женщин маскулинность проявляется только в тех видах спорта, где ведется конкуренция с противником, а также очень завышенные требования к подготовке, но например, в беге на средние дистанции, гендерные характеристики спортсменок и спортсменов совпадают. Наибольшая маскулинность у девушек наблюдается в таких видах спорта как:

баскетбол, прыжки с шестом и многоборье, а среди мужчин – гребля на байдарках, легкоатлетическое многоборье. К феминности склонны девушки, которые занимаются плаванием, гимнастикой, фигурным катанием и прыжками в высоту. Очень важным считается вопрос, как появляется у спортсменок мужские черты характера, т.е. какова причина маскулинности спортсменок.

В исследованиях Н. С. Цикуновой отмечается, что в процессе занятий, определенным видом спорта, происходит усиление какого-либо типа психологического пола, а в процессе занятий феминным видом спорта усиливается андрогинный тип личности. Таким образом, по результатам этого исследования можно говорить о том, что в процессе занятий «мужским» видом спорта происходит усиление маскулинного типа не зависимо от пола, а занятия «женским» видом спорта способствует у спортсменок преобладанию женственности, поэтому нарушения в формировании гендера обнаружены только у девушек, которые занимаются маскулинным видом спорта [5, с. 152].

С целью выявить характер взаимосвязи мотивации девушек занимающихся футболом с различным гендером нами было проведено исследование на базе СДЮШОР № 8. В исследовании приняли участие 62 девушки, которые занимаются футболом. Использовались следующие диагностические методики: «Опросник мотивов занятий спортом А. В. Шаболтаса» и «Диагностический опросник психологического пола С. Бем».

В результате полученных данных, можно сделать вывод о том, что ярко-выраженными, преобладающими мотивами у девушек, которые занимаются футболом, являются такие мотивы как:

1) Мотив достижения успеха в спорте (25,08 %) – показывает стремление к достижению успеха, и улучшению личных спортивных результатов. Проявляется этот мотив в упорстве, настойчивости, целеустремленности, стремление добиться своего, ответственности к тренировкам. Выраженность мотива достижения успеха в спорте у футболисток может быть обусловлена стремлением спортсменок добиться авторитета в данном виде спорта. Все спортивные достижения связаны с этим мотивом. У спортсменок- профессионалов, занимающихся футболом, имеются точно поставленные цели. Они стремятся достичь высоких результатов и утвердиться в роли лидера, обладают хорошо развитым чувством долга и ответственности перед тренером.

2) Социально-моральный мотив (24,2 %) – показывает стремление к успеху своей команды, ради которого надо тренироваться, иметь хороший контакт с партнерами, тренером. Выраженность социально-морального мотива – это внутреннее побуждение личности к нравственному поступку.

3) Гражданско-патриотический мотив (14,5 %) – показывает стремление к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях, для поддержания престижа коллектива, города, страны. Мотив формирует у девушек чувство патриотизма, готовность к выполнению гражданского долга, конституционных обязанностей, побуждает чувство гордости к малой родине, тем местам, где они живут, учатся.

4) Мотив физического самоутверждения (11,3 %) – показывает стремление к физическому развитию, становлению характера. Мотив физического самоутверждения является достаточно действенным побудительным фактором, который тренеры пытаются актуализировать у своих спортсменов, усиливая мотивацию к деятельности.

На самом низком уровне по значимости находятся такие мотивы как: мотив эмоционального удовольствия, социально-эмоциональный мотив и рационально-волевой (рекреационный) мотив. То есть, для спортсменок- профессионалов, занимающихся футболом, не является главным в спортивной деятельности: радость от физических усилий, стремление к спортивным событиям ввиду их высокой эмоциональности, неформальности общения и т. д.

Для диагностики гендерного пола у девушек, которые занимаются футболом, был использован «Опросник психологического пола С. Бем».

На основе полученных данных можно сделать вывод о том, что у девушек, которые занимаются футболом, преобладает маскулинный тип, который составляет 59,7 %, традиционно его относят к типично мужским чертам. Он выражается в напористости, доминантности,

агрессивности, склонности к риску, самостоятельности, уверенности в себе и др. Люди с таким гендером непоколебимы, уверены в себе, целеустремленные, любят командовать, доминантны, уравновешенны и решительны. Фемининный тип характерен для 30,6 % нашей выборки. Такой тип гендера выражает типично женские черты: уступчивость, мягкость, чувствительность, застенчивость, нежность, сердечность, способность к сочувствию, сопереживанию и др. Слабо выражен андрогинный тип, он равняется 9,7 %. Он проявляется в демонстрации человеком одновременно женских и мужских особенностей.

Для определения наличия или отсутствия линейной связи между двумя количественными показателями нами был использован критерий корреляции Пирсона. То есть, критерий корреляции Пирсона позволяет определить, изменяется ли один показатель (мотивация) в ответ на изменения другого (гендер). Проанализировав данные можно сделать следующие выводы.

Маскулинному типу гендера, наиболее характерен мотив достижения успеха (коэффициент корреляции = 0,94, что свидетельствует о высокой взаимосвязи), то есть в процессе занятий спортом у девушек формируется маскулинный тип гендера, который помогает им быть более целеустремленными в своей деятельности, принимать решительные действия и быть уверенными в себе. И, наоборот, такие характеристики, как активность, желание доминировать, быть лидером и т.д. способствуют формированию маскулинного типа гендера.

Маскулинному типу гендера характерен гражданско-патриотический мотив (коэффициент корреляции = 0,86, что свидетельствует о высокой взаимосвязи). То есть, стремление к спортивному совершенствованию для успешного выступления на соревнованиях, для поддержания престижа коллектива, города, страны способствует формированию маскулинного типа гендера, и, наоборот, маскулинный тип влияет на стремление к совершенствованию в спорте.

Маскулинному типу гендера характерен социально-моральный мотив (коэффициент корреляции = 0,86, что свидетельствует о высокой взаимосвязи). То есть, стремление к успеху своей команды, ради которого надо тренироваться, способствует формированию маскулинного типа гендера, и, наоборот, маскулинный тип влияет на формирование социально-морального мотива.

Феминному типу гендера характерны такие мотивы, как: мотив социального самоутверждения и социально-моральный мотив (коэффициент корреляции = 0,87, что свидетельствует о высокой взаимосвязи). То есть, стремление проявить себя, личный престиж и успех команды способствует формированию феминного типа гендера, и, наоборот, феминный тип влияет на формирование социально-морального мотива и мотива социального самоутверждения.

Андрогинному типу гендера характерны такие мотивы, как: мотив эмоционального удовольствия и мотив достижения успеха (коэффициент корреляции = 0,83, что свидетельствует о высокой взаимосвязи). То есть, стремление, отражающее радость движения и физических усилий, стремление к достижению успеха, и улучшению личных спортивных результатов, способствует формированию андрогинного типа гендера, и, наоборот, андрогинный тип влияет на формирование мотив эмоционального удовольствия и мотив достижения успеха.

Список использованных источников

- 1 Хрущев, С. В. Новый взгляд на старые проблемы в психологии спорта / С. В. Хрущев. М.: Академия, 2007. – 479 с.
- 2 Пилюян, Р. А. Мотивация спортивной деятельности / Р. А. Пилюян. – М., Академия, 2001. – 104 с.
- 3 Дамадаева, А. С. Гендерные исследования в спортивной психологии / А. С. Дамадаева // Психологический журнал. Т. 33. – № 1. – 2012. – С. 40–49.
- 4 Родоманова, С. С. Социальные проблемы гендерных отношений в спорте / С. С. Родоманова. – СПб. : Алетейя, 2006. – 324 с.
- 5 Соха, Т. М. Функциональные особенности женщин-спортсменок в аспекте полового диморфизма / Т. М. Соха // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 3. – С. 151–158.

В. В. Канюшанец

Научный руководитель: **М. Н. Мисюк**, канд. мед. наук, доцент.
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КАРЬЕРЫ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

Представлены результаты теоретического и эмпирического исследования гендерных особенностей мотивов профессиональной карьеры. Значимость изучения гендерных различий в выборе профессиональной деятельности обусловлена, в первую очередь, необходимостью дифференцировать в высших учебных заведениях помощь юношам и девушкам, имеющим проблемы, которые связаны с профессиональным выбором и профориентацией.

Ключевые слова: гендерный тип, маскулинность, феминность, андрогинность, профессиональная карьера, мотив.

Вопрос мотивов профессиональной карьеры считается одним из важнейших аспектов профессиональной подготовки специалистов в наше время. Нынешняя обстановка в формировании рынка труда следующая: повышение конкурентной борьбы, а также динамичность развития карьеры обязывают молодых специалистов обладать гибкостью профессиональной мотивации, а также повышенной мотивационной готовностью. Диагностирование и понимание профессиональных мотивов дает возможность максимизировать успех молодого специалиста в профессиональной карьере.

Соотношение профессионально-личностных интересов и других мотивационных факторов, влияющих на выбор карьерной направленности способствует повышению эффективности работоспособности. Чтобы сбалансировать эти факторы, необходимо более осознанно подходить к выбору работы. Таким образом, тема выбора профессиональной направленности актуальна в наше время и требует изучения. В свою очередь, одной из составляющих проблемы выбора профессии молодых людей, в частности студентов, является проблема гендерных характеристик профессиональных предпочтений.

Стереотипные представления о личностных качествах мужчин и женщин у людей формировались на протяжении многих веков. Суть этих представлений сводится к тому, что представителей мужского пола принято воспринимать властными, независимыми, агрессивными, доминирующими, активными, смелыми, неэмоциональными, грубыми, прогрессивными и мудрыми. А женщин, наоборот, принято считать зависимыми, кроткими, слабыми, боязливыми, эмоциональными, чувствительными, нежными, мечтательными и суеверными [1].

Имеющиеся сведения о гендерных различиях в сфере мотивов профессиональной карьеры достаточно противоречивы. Данная проблема до конца не изучена. Следовательно, проблему психологических особенностей мотивов профессиональной карьеры у студентов с разным гендерным типом можно считать достаточно актуальной для проведения дальнейших исследований.

Разделение людей на мужчин и женщин является центральной единицей восприятия различий, имеющих в психике и поведении человека.

Исследования вопросов «пола» и «гендера» обуславливаются сложностью, а также неоднозначностью непосредственно самого предмета, содержащего социальный, биологический и индивидуальный аспекты. Психология применяет в равной степени положение «биологический» и «психологический пол». В минувшие десятилетия происходит интенсивное изучение пропорций между частными детерминантами психологического пола.

В словарях выделяется два вида пола: биологический – совокупность контрастирующих генеративных признаков особей одного вида; социальный – комплекс соматических, репродуктивных, социокультурных и поведенческих характеристик, которые обеспечивают человеку социальный и правовой статус мужчины и женщины.

Термин «гендер» возникло вследствие разделения понятий биологического и социального пола. Пол детерминирован генетически и является биологическим признаком человека; гендер

основывается на культуре и, следовательно, приобретается. Некоторые теоретики утверждают, что пол биологически предопределяет драматические интеллектуальные, личностные, адаптационные и стилевые различия между мужчинами и женщинами [2].

Процедура гендерной дифференциации у человека социально обусловлена. Социальная дифференциация наступает с этапом определения пола ребенка и фиксации пола в виде выбранного имени. Далее идет обучение детей гендерной роли в согласовании с культурными признаками настоящего общества и под воздействием конкретных стереотипов. Из чего следует, что являться мужчиной либо женщиной – означает не только являться человеком с конкретной анатомией, но также соблюдать конкретные социокультурные нормы, предъявляемым обществом к человеку.

В наше время существует три типа психологического пола личности или 3 типа гендерных ролей – маскулинный, феминный, андрогинный. В сущность маскулинной роли помещаются свойства активного, доминантного поведения (независимость, самостоятельность, настойчивость, умение управлять, готовность к риску и т. д.). Ключевыми чертами феминной роли считаются характеристики, необходимые для установления близких межличностных отношений, такие, как преданность, мягкость, чуткость, податливость, способность к эмпатии и т.д. Андрогинная роль включает сочетание характеристик феминной и маскулинной ролей, а также способность к переходу от одной к другой роли в зависимости от требований ситуации.

Мотивации отводится доминирующая роль в структуре поведения личности, она является одним из базовых понятий, которые используются для объяснения движущих сил, а также деятельности в целом. Мотив, мотивация – это побуждение субъекта к активности, имеющее связь с необходимостью удовлетворить определенные потребности. Мотивация для осознанного выбора профессии – это система различных мотивов, направленных на реализацию потребности в области овладения определенным видом деятельности.

Карьера – это успешное продвижение в области общественной, служебной, научной и прочей деятельности, род занятий, профессия [3]. Мотивы карьеры, как и любые другие, различны для каждого человека. Они начинают свое формирование в период школьной образовательной деятельности в зависимости от каких-либо индивидуальных потребностей и индивидуальных особенностей личности учащегося, а в дальнейшем, студента.

Профессиональная деятельность – это, в первую очередь, трудовая деятельность. В наше время проблема профессионального самоопределения достаточно актуальна для каждого, в особенности в момент окончания школы. Молодые люди стараются выбрать для себя специальность, которая будет способствовать построению карьеры. Профессиональное самоопределение является важным аспектом становления человека.

Многие выбирают профессию в зависимости от того, насколько она может обеспечить их материальное благополучие. Профессия может быть выбрана в зависимости от многих обстоятельств, но важно, в первую очередь, учитывать, насколько выбранная деятельность соответствует склонностям и способностям человека. Выявление мотивов выбора профессии позволяет узнать, что именно побудило учащегося избрать данный вид труда. Это дает возможность выяснить отношение личности к ценностям.

Свою профессиональную деятельность мужчины и женщины воспринимают по-разному, видя в ней источник удовлетворения разных потребностей. Так, большая часть женщин работает лишь ради денег, чуть меньшая часть руководствуется стремлением находиться в коллективе, а интерес к содержанию профессиональной деятельности проявляется только у немногих из них. Для мужчин же более важны содержание и общественная значимость работы, ее разнообразие, творческий характер и результаты их труда. На основании этого напрашивается вывод о том, что труд для мужчин, как правило, имеет большее значение, чем для женщин [1].

Целью исследования было теоретически изучить и эмпирически установить гендерные особенности мотивов профессиональной карьеры будущих специалистов экономического профиля. В соответствии с целью исследования, была сформулирована гипотеза о том, что существует статистически значимая связь между гендерным типом и психологическими

особенностями выбора мотивов профессиональной карьеры будущих специалистов экономического профиля. Общая численность испытуемых составила 40 человек – 30 девушек (75 %) и 10 юношей (25 %).

Для установления психологического пола будущих специалистов экономического профиля была использована методика «Маскулинность – фемининность» С. Бем. Проанализировав полученные с помощью данной методики показатели, можно сделать вывод о том, что преобладающим типом гендера в выборке, состоящей из 40 будущих специалистов экономического профиля, явился андрогинный (57,5 %).

В экспериментальной выборке преобладали девушки (75 % от общего количества испытуемых). Среди девушек чаще встречался андрогинный гендерный тип (60 % от общего количества девушек), а среди юношей – маскулинный (60 % от общего количества юношей). Маскулинный гендерный тип среди девушек составил 3 %, а андрогинный среди юношей – 30 %. Феминный гендерный тип среди девушек составил 30 %, а среди юношей – 10 %.

Для выявления мотивов профессиональной карьеры у будущих специалистов экономического профиля была использована методика «Якоря карьеры» Э. Шейна, которая содержит 9 шкал.

Данные, полученные в результате эмпирического исследования показывают, что большинство испытуемых руководствуются мотивом «Профессиональная компетентность» – 20 % (8 человек). Это говорит об ориентированности на развитие своих способностей и навыков в областях, непосредственно связанных с профессией. Важнейшими критериями карьеры является постоянное совершенствование собственного опыта и знаний.

От общего объема выборки в 40 испытуемых мотив «Стабильность места жительства» выбирают 15 % (6 человек), а «Стабильность работы» – 12,5 % (5 человек). Такими мотивами профессиональной карьеры, как «Менеджмент», «Автономия», «Вызов» и «Предпринимательство», руководствуются по 10 % (4 человека) от общего объема испытуемых. Карьерную ориентацию «Служение» выбирают 7,5 % (3 человека). Меньшая часть испытуемых – 5 % (2 человека) – руководствуются мотивом «Интеграция стилей жизни».

Для проверки гипотезы необходимо проверить наличие/отсутствие связи между гендерным типом испытуемых и мотивами профессиональной карьеры. В результате математических расчетов был определен χ^2 -критерий Пирсона и его эмпирическое значение оказалось равным $\chi^2 = 10,78$. Так как эмпирическое значение χ^2 -критерия Пирсона попадает в зону незначимости для данных показателей, то можно утверждать, что верна нулевая гипотеза. Таким образом, не существует статистически значимых различий между эмпирическим и теоретическим распределением.

Исходя из полученных результатов, необходимо сказать, что выдвинутая в эмпирическом исследовании гипотеза не подтвердилась. Следовательно, гендерный тип личности студентов экономического профиля не влияет на выбор мотивов профессиональной карьеры. Проанализировав результаты эмпирического исследования, было установлено, что большинство студентов экономического профиля (20 %) руководствуются мотивом «Профессиональная компетентность». Это говорит об ориентированности на развитие своих способностей и навыков в областях, непосредственно связанных с профессией. Важнейшими критериями карьеры является постоянное совершенствование собственного опыта и знаний.

Список использованных источников

- 1 Ковалева, И. А. Особенности гендерного аспекта в профессиональной карьере / И. А. Ковалева // Психологические науки: теория и практика: материалы Международной научной конференции. – М.: Буки-Веди, 2012. – с. 50–52.
- 2 Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб. : Питер, 2010. – 992 с.
- 3 Чикер, В. А. Социальная психология в организациях / В. А. Чикер. – СПб. : СПбГУ, 2017. – 56 с.

Д. Д. Музыченко

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ У ЛЮДЕЙ С ДИСМОРФОФОБИЧЕСКОЙ СИМПТОМАТИКОЙ

В статье рассматривается аспект сексуальности, как он проявляется у людей с дисморфофобической симптоматикой. Автором приводятся данные эмпирического исследования образа собственного тела людей юношеского возраста.

Ключевые слова: дисморфофобия, сексуальность, юношеский возраст, отношение к сексуальности, проявление сексуальности.

Для того что бы хорошо разобраться в теме, нужно обозначить два ключевых понятия «сексуальность» и «дисморфофобия».

Тему сексуальности, в многих своих работах активно развивал Зигмунд Фрейд. Для него инстинктами служили не врожденные рефлексы, как было общепринято, а мотивационные силы личности, биологические факторы, высвобождающие запасы психической энергии. Инстинкты жизни, которые включали в себя сексуальную активность, назывались эросом, а форма психической энергии, в которой они проявляются – либидо. Либидо – особая энергия, лежащая в основе полового влечения. Таким образом, с позиции психоаналитического подхода, сексуальность обозначается не только как особая активность и удовольствие, но так же возбуждения и действия, доставляющие человеку с самого раннего детства удовольствие, не сводимое к удовлетворению физиологических потребностей.

Гюнтер Аммон – основатель так называемой динамической психиатрии считал, что сексуальность представляет собой одну из центральных Я-функций, укоренившихся в бессознательном человека и в проявлениях всегда отображает органически взаимосвязано с остальными гуманными функциями (агрессией, страхом, внешним и внутренним Я-отграничением, нарциссизмом).

Сексуальность – это совокупность эмоциональных переживаний и поведенческих актов, обусловленных половым влечением. Многообразие проявлений сексуальности человека обусловлено многими факторами – психосоциальными, генетическими, гормональными, нервными, а также некоторыми индивидуальными свойствами личности [1].

В психологическом словаре можно встретить такое определение. Дисморфофобия – идеи физического недостатка, основанные на реальной или мнимой телесной аномалии (рост, вес тела, форма лица), сопровождающиеся стремлением коррекции данной аномалии [2].

М. В. Коркина в своей монографии дает следующее понятие, дисморфофобия – навязчивый страх невротического характера, протекающий на непсихотическом уровне с отсутствием грубых изменений психической деятельности, связанный с якобы имеющимся тем или иным физическим недостатком [3].

По данным нашего исследования с опросником О. А. Скугаревского «Образ собственного тела», в котором участвовали 100 студентов в возрасте от 18-ти до 23 лет с разным гендерным распределением. Данный опросник позволяет оценить степень удовлетворенности, либо неудовлетворенности образом собственного тела. Оценка производится на основании анализа когнитивных компонентов, таких как оценочный, который основан на мышлении и перцептивный, основанный на восприятии.

Таким образом, исходя из полученных экспериментальных данных, можно сказать, что большая часть испытуемых видит себя иначе, чем окружающие.

Как видно из исследования, 62% испытуемых имеют неудовлетворенность собственным телом. Внешняя привлекательность, один из факторов, которые образуют сексуальность. Когда описывается этот феномен, нужно так же учитывать несколько аспектов: биологический,

психологический, поведенческий, культурный, а также клинический. Все они дают полную картину для описания сексуальности. Если какой-то аспект выпадает из этой цепочки, по какой-либо причине, это уже приводит к каким-то изменениям.

Таблица 1 – Образ собственного тела (данные представлены в %)

Выраженная неудовлетворённость собственным телом (62 чел.)		Нормальная удовлетворенность собственным телом (38 чел.)	
юноши	девушки	юноши	девушки
19	43	16	22

Всем известно, что наше тело является важным аспектом самооценки. Во-первых, оно должно нравиться и привлекать нас самих, потому что пока ты не полюбишь свое тело, его как правило никто другой любить не станет. Во-вторых, когда ты полюбишь себя и свое тело, это сразу будет видно окружающим, и их привлекающие взгляды помогут стать еще более уверенной. Сексуальность, как и уверенность в себе во многом зависит от восприятия себя самого. Люди с дисморфофобической симптоматикой воспринимают себя по-другому, нежели просто обычные люди, пусть даже с недостатками в виде лишнего веса или шрама на подбородке. Эти вещи не приносят им дискомфорт, они не думают про свои недостатки днями и не пытаются их прятать всеми возможными способами. Возможно они просто смирились, возможно приняли себя такими, ну и конечно же не надо исключать тот факт, что они просто нравятся себе такими, их все устраивает и они ничего не хотят менять. Люди с дисморфофобией или просто с синдромом дисморфомании не могут принять себя, свое тело, таким какое оно есть. Из этого возникает противоречие, пока они не примут свое тело, они не смогут считать себя сексуальными, да и в принципе привлекательными.

Как написано у Г. Аммон, взрослая сексуальность рассматривается как способность бесстрашно погружаться в партнерские отношения, устанавливать живой контакт на всех уровнях, а также получать от этого удовольствие. Люди с проявлениями симптомов дисморфофобии видят в себе мнимые недостатки, им сложно отдаваться отношениям, своему партнеру, так как большинство из них не хотят, чтоб кто-то видел их некрасивые ноги или «уродливую» родинку под ребрами. Не принимая себя, они не дают это сделать другим людям. Они находятся в постоянном напряжении, без возможности раскрепоститься и расслабиться. Таким образом, людям с дисморфофобией крайне сложно принять себя, что является фактором сексуальности. Они держат себя в рамках, не давая выхода своей энергии либидо. Не зная цены себе, сложно найти достойного партнера, ведь сексуальность важна не только для самоощущения, а также для построения партнерских отношений и создания социальных взаимодействий. Чтoб раскрыть свою сексуальность человеку с такими особенностями восприятия себя понадобится много времени, сил и желания. Ведь если он сам не захочет работать со своей проблемой, это никто не сможет сделать за него.

Список использованных источников

- 1 Покровский, В. И. Малая медицинская энциклопедия / В. И. Покровский. – М. : Советская энциклопедия, 2003. – 3520 с.
- 2 Иванова, Н. Ю. Психологические аспекты понятия «сексуальность» / Н. Ю. Иванова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 11. – С.81–85.
- 3 Коркина, М. В. Дисморфомания в подростковом и юношеском возрасте / М. В. Коркина. – М. : Медицина, 1984. – 224 с.

С. В. Пырх

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЕВУШЕК С РАЗНЫМ ТИПОМ ОТНОШЕНИЯ К МАТЕРИ

Статья посвящена исследованию современных подходов к исследованию сексуального поведения девушек. Раскрыта сущность понятия «сексуальное поведение», его особенности и детерминанты в юношеском возрасте. В статье описаны данные эмпирического исследования психологических особенностей сексуального поведения девушек с разным типом отношения к матери.

Ключевые слова: секс, сексуальное поведение, сексуальность, отношение к матери, фемининность, экспрессивность, гиперсексуальность.

Сексуальное поведение следует рассматривать формы взаимодействия индивидов, мотивированные удовлетворением их половой потребности. Сексуальное поведение традиционно выполняет такие функции как репродуктивная и гедоническая. Современные психологи отмечают такую значимую функцию сексуального поведения, как коммуникативную. Эта функция является главной в построении отношений и выражается в «сексуальных сценариях», предопределяющих предпочитаемый и возможный тип сексуального партнера, эротические желания и стимулы, требования к месту, времени и ситуации полового сближения) [1].

В изучении юношеской сексуальности и сексуального поведения можно выделить три главных предмета: 1) половое поведение, то есть поступки, в которых проявляется и реализуется половое влечение (когда начинается половая жизнь, каковы стадии ее развития, ее интенсивность и т.д.); 2) психосексуальные установки и ориентации, то есть отношение людей к вопросам секса, нормам сексуальной морали; эти установки различаются по степени осознанности и существуют как на уровне культуры (общественные установки и нормы), так и на уровне индивидуального сознания; 3) эротические фантазии и переживания, которые часто бывают неосознанными и изучаются главным образом клиническими методами. Следует отметить, что определенные проявления юношеской сексуальности взаимосвязаны с характерологическими особенностями проявления личности в сфере межличностного общения и специфическими нормами специальной среды, субкультуры и т.д. Стремление юношей и девушек познать любовь воплощается в потребности эмоциональной близости, духовного единения и взаимопонимания. Осознанная необходимость эмоционального самораскрытия, достижение душевного родства и чувственно эротические мечтания часто не соответствуют друг другу и могут быть нацелены на разные объекты. З. Фрейд отмечал, что для этого возраста свойственна разобщенность чувственно-эротического и нежного влечения. А потребность познать любовь иногда смешивается с фобией «утраты себя», «полного поглощения» и т.д.[2].

Семья может являться как мощным фактором развития эмоционально-психологической поддержки личности, так и источником психической или сексуальной травмы и связанными с ней разнообразными личностными расстройствами: неврозами, психозами, психосоматическими заболеваниями, сексуальными перверсиями и отклонениями в поведении. К семейной атмосфере человек чувствителен на протяжении всей своей жизни, однако наибольшее влияние семья оказывает на формирующуюся личность [3].

В теории психосексуального развития З. Фрейда значительное внимание уделяется роли отца и матери в развитии сексуальности. Особое место в данной теории занимает материнская фигура (реальная, воображаемая мать или ее заместители), поскольку считается, что детско-родительские отношения в значительной степени обуславливают характер, образ мышления и действия взрослого человека. Именно с матерью девочка идентифицирует себя во взрослой жизни. Однако вклад матери и отца не определяется количественной меркой «больше – меньше», но

существенно зависит от общей атмосферы в семье, системы отношений взрослых членов семьи друг к другу и ребенку.

В исследовании приняли участие 75 девушек, средний возраст которых 19–20 лет. Диагностика проводилась с помощью методики оценки сексуального профиля М. Яффе и Э. Фервик (адаптация О. Ф. Потемкиной) и методики незаконченные предложения С. Леви. В результате исследования по методике оценки сексуального профиля М. Яффе и Э. Фервик были выявлены следующие данные (таблица 1).

Таблица 1 – результаты исследования по методике оценки сексуального профиля М. Яффе и Э. Фервик (адаптация О. Ф. Потемкиной)

Название шкалы	Уровень					
	высокий		средний		низкий	
	человек	%	человек	%	человек	%
Экспрессивность	20	26,67	55	73,33	0	0
Смелость, решительность	20	26,67	53	70,67	2	2,67
Корысть	0	0	47	62,67	28	37,33
Избирательность	29	38,67	46	61,33	0	0
Гиперсексуальность	11	14,67	63	84	1	1,33
Щепетильность	16	21,33	59	78,67	0	0
Нежность	4	5,33	70	93,33	1	1,33
Жертвенность	0	0	57	76	18	24
Ответственность	23	30,67	52	69,33	0	0
Любовь как высшая ценность	22	29,33	53	70,67	0	0
Ревность	0	0	73	97,33	2	2,67
Разнообразие	2	2,67	72	96	1	1,33
Фемининность	21	28	54	72	0	0
Неприятие служебных романов	0	0	51	68	24	32

По шкале экспрессивность для 26,6 % девушек характерны высокие показатели, для 73,3 % девушек характерен средний уровень. Чем выше показатель по данной шкале, тем более для девушки характерно бурное проявление своих чувств, эмоциональная выразительность, раскованность в реакциях. По шкале смелость и решительность для 26,7 % девушек характерны высокие показатели. Для 70,7 % девушек характерны средние показатели. Чем выше показатель по шкале, тем более выражено отсутствие страха в общении с лицами противоположного пола, уверенность в своих сексуальных возможностях. По шкале корысть для девушек не характерны высокие показатели. Для 37,3 % девушек характерны низкие показатели по данной шкале. Чем выше показатели по шкале корысть, тем более выражена ориентация на материальную выгоду в сексуальном общении. По шкале избирательность для 38,7 % девушек характерны высокие показатели. Чем выше показатели по шкале избирательность, тем более строгие критерии в оценке сексуального партнера, высокая избирательность. Высокие показатели по шкале гиперсексуальность характерны для 14,7 % девушек. Чем выше показатель по шкале, тем более высокая степень сексуальной активности у девушки. Высокие показатели по шкале щепетильность характерны для 21,3 % девушек. Чем выше показатель по шкале щепетильность, тем более высокое внимание уделяется обстановке, в которой осуществляются интимные контакты, брезгливость к неряшливости партнера. Высокие показатели по шкале нежность характерны для 5,3 % девушек, у них более выражено проявление чуткости, ласки по отношению к сексуальному партнеру и его окружению. По шкале жертвенность не выявлены высокие показатели. Низкие показатели выявлены у 24 % испытуемых. Чем выше показатель по шкале жертвенность, тем выше стремление, поступаясь своими интересами, использовать свои силы и возможности для решения проблем сексуального партнера, большая самоотдача в любви. Высокие

показатели по шкале ответственность характерны для 30,7 % девушек, у них развито чувство долга, они стремятся взять на себя ответственность за сексуального партнера и последствия сексуальных отношений. Любовь как высшую ценность рассматривает 29,3 % девушек. Ни для одной девушки не характерен высокий уровень ревности в отношениях. Высокий уровень разнообразия в сексуальных отношениях выявлен у 2,7 % девушек, то есть у них ярко выражена потребность в разнообразии сексуальных контактов, их способов и форм. Высокий уровень фемининности характерен для 28 % опрошенных девушек, у них более выражена женственность, тонкость, изысканность, интуитивность, проявление деятельности, свойственной женщинам. Высокий показатель по шкале непринятие служебных романов не выявлен ни у одной девушки из исследуемой выборки.

Далее было проведено исследование выборки девушек по методике «Незаконченные предложения С. Леви» с целью выявления отношения девушек к матерям. Для большинства девушек (77,3%) характерно положительное отношение к матери. Безразличным отношением к матери характеризуется 6,67 % опрошенных девушки. Отрицательное отношение к матери характерно для 16 % опрошенных девушек.

Далее проведено исследование особенностей сексуального поведения девушек с разным типом отношения к матери и отцу. Можно говорить о том, что при положительном отношении к матерям по шкале экспрессивность у 5 % девушек выявлены низкие показатели. Для 28 % характерны высокие показатели по шкале экспрессивность. По шкале смелости и решительности при положительном отношении к матерям у 9 % девушек выявлен низкий показатель, а у 31 % – высокий. По шкале корысть у для 74 % девушек характерны низкие показатели при положительном отношении к матерям. Высоких показателей выявлено не было. По шкале избирательность при положительном отношении девушек к матерям не было выявлено низких показателей. Высокие показатели характерны для 38 % девушек. По шкале гиперсексуальность низкие и высокие показатели встречаются практически в равной степени. Они были выявлены в 10 % и 12 % случаев соответственно. Низкий уровень щепетильности выявлен у 7 % девушек, в то время как высокий уровень щепетильности выявлен у 21 % девушек. При положительном отношении к матерям низкий уровень нежности выявлен у 12 % девушек, в то время как высокий уровень нежности выявлен у 21 % девушек. Низкий уровень жертвенности выявлен у 57 % девушек при положительном отношении к матерям. Высокий уровень жертвенности не был выявлен ни у одной девушки. Низкий уровень ответственности был выявлен у 5 % девушек, в то время как высокий уровень был выявлен у 28 % опрошенных. Любовь как высшую ценность видят 29 % девушек при положительно отношении к матери, в то время как обесценивают любовь всего лишь 2 % из опрошенных девушек. Высокий уровень ревности не был выявлен ни у одной девушки, в то время как низкий уровень был выявлен у 45 % опрошенных девушек. Низкий уровень разнообразия сексуального поведения выявлен у 12 % опрошенных девушек. Всего 3 % опрошенных имеют высокий уровень разнообразия сексуального поведения. Низкий уровень фемининности сексуального поведения не характерен ни для одной из опрошенных девушек, в то время как высокий уровень фемининности характерен для 24 % опрошенных респонденток. Подавляющее большинство (81 %) опрошенных девушек считают приемлемыми служебные романы. Однако не было выявлено ни одной девушки, которая с неодобрением к этому относится.

В результате анализа данных респонденток с отрицательным отношением к матери, можно говорить о том, что по шкале экспрессивность у 8 % девушек выявлены низкие показатели. Для 25 % характерны высокие показатели по шкале экспрессивность. По шкале смелости и решительности при отрицательном отношении к матерям ни у одной из девушек не выявлен низкий показатель, а у 8 % девушек выявлен высокий уровень смелости. По шкале корысть у для 50 % девушек характерны низкие показатели при отрицательном отношении к матерям. Высоких показателей выявлено не было.

По шкале избирательность при отрицательном отношении девушек к матерям не было выявлено низких показателей. Высокие показатели характерны для 33 % девушек. По шкале гиперсексуальность низкие показатели встречаются в 16 % случаев, в то время как высокие

выявлены не были. Низкий уровень щепетильности выявлен у 16 % девушек, и высокий уровень щепетильности выявлен у 16 % девушек.

При отрицательном отношении к матерям низкий уровень нежности выявлен у 25 % девушек, в то время как высокий уровень нежности выявлен у 8 % девушек. Низкий уровень жертвенности выявлен у 75 % девушек при отрицательном отношении к матерям. Высокий уровень жертвенности не был выявлен ни у одной девушки. Низкий уровень ответственности не был выявлен ни у одной из девушек, в то время как высокий уровень был выявлен у 33 % опрошенных. Любовь как высшую ценность видят 33 % девушек при отрицательном отношении к матери, в то время как ни одна девушка не обесценивает любовь.

Высокий уровень ревности не был выявлен ни у одной девушки, в то время как низкий уровень был выявлен у 42 % опрошенных девушек. Низкий уровень разнообразия сексуального поведения выявлен у 25 % опрошенных девушек. Ни одна из опрошенных девушек не имеет высокий уровень разнообразия сексуального поведения.

Низкий уровень фемининности сексуального поведения не характерен ни для одной из опрошенных девушек, в то время как высокий уровень фемининности характерен для 42 % опрошенных респондентов. 100 % опрошенных девушек считают приемлемыми служебные романы. Однако не было выявлено ни одной девушки, которая с неодобрением к этому относится при отрицательном отношении к матери.

В результате проведенного эмпирического исследования с использованием статистического метода (Критерий Манна-Уитни) не было установлено статистически значимых особенностей сексуального поведения девушек с положительным и отрицательным отношением к матери.

Актуальность данной темы в том, что молодежь, ввиду своего возрастного развития, зачастую радикально настроена по отношению к старым устоям, что и подталкивает их к развитию в своей среде новых устоев сексуального поведения. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования материалов и выводов при оказании психологической и консультативной помощи девушкам, создания коррекционно-развивающих программ с учетом особенностей отношений в семье.

Список использованных источников

1 Лычагина, Л. И. Поведение сексуальное / Социальная психология. Словарь / Под ред. М. Ю. Кондратьева. – М. : ПЕР СЭ, 2006. – С. 72–73.

2 Девярых, С. Ю. Динамика сексуальной активности в старшем юношеском возрасте (на примере студенческой молодежи) / С.Ю. Девярых // Вестник ВГМУ. – 2010. – № 3. – С. 196–198.

3 Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.

А. Ю. Соломаненко

Научный руководитель: **Н. В. Кухтова**, канд. психол. наук, доцент
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ БОЛЬНЫХ КОЖНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В докладе рассматриваются специфические различия в психологических проявлениях у мужчин и женщин с заболеваниями кожи. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей психосоматических проявлений больных дерматологическими заболеваниями в зависимости от пола.

Ключевые слова: больные, кожные заболевания, гендерные особенности, психосоматические проявления.

В научной литературе отмечается существование гендерных особенностей в частоте возникновения кожных заболеваний. Известно, что дерматологическими заболеваниями женщины страдают реже, чем мужчины [1, 2]. Гендерно-специфические различия у больных псориазом заключаются в том, что более ранний возраст начала заболевания установлен у женщин, а более высокая вероятность тяжелого заболевания отмечается у мужчин. Согласно данным О. Р. Мухамадеевой и Н. Х. Шарафутдиновой, влияние стресса на женщин более выражено, чем на мужчин, а связь стрессовых событий, произошедших в течение года, с диагностированием псориаза в последующем более выражена у женщин [3].

Кроме того, молодые женщины являются особенно уязвимой категорией в плане депрессивных реакций. Вероятность лишиться внешней привлекательности у них может привести к продолжительным гипотимическим состояниям [4]. Дерматологи также указывают, что околоротовой дерматит чаще всего возникает у личностей определенного типа. Как правило, это деловые, преимущественно незамужние женщины среднего возраста, имеющие сложности в отношениях с мужчинами. Следовательно, существуют различия психосоматических проявлений больных дерматологическими заболеваниями в зависимости от пола.

Цель исследования представляет собой выделение особенностей психосоматических проявлений мужчин и женщин с кожными заболеваниями.

Материал и методы. Проведение исследования осуществлялось на базе УЗ «Витебский областной клинический центр дерматовенерологии и косметологии». Исследуемая выборка состоит из больных кожными заболеваниями и включает 50 человек: 30 женщин и 20 мужчин в возрасте от 14 до 68 лет.

В процессе исследования использованы: анализ литературных источников по изучаемой проблеме, психодиагностические методы (методика «Изучение психических состояний Г. Айзенка», Личностный опросник Бехтеревского института (ЛОБИ) (И. Г. Беспалько, Л. И. Вассерман), методика «Определение доминирующего состояния Л. В. Куликова», самооценочная шкала депрессии В. Зунга, клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К. К. Яхин, Д. М. Менделевич)), статистические методы (критерий t-Стьюдента для независимых выборок).

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа данных определено, что среди дерматологических заболеваний наиболее часто отмечается псориаз (38 %), у 24 % – дерматит, у 8 % – угревая сыпь, в 6 % каждое – экзема и витилиго.

Таблица 1 – Сравнительный анализ в зависимости от пола

Показатели	Мужчины	Женщины	Уровень значимости
Тревожный тип	0,65±1,18	1,73±1,76	0,01
Неврастенический тип	0,80±1,105	1,53±1,57	0,01
Обсессивно-фобический тип	0,40±0,681	1,20±1,472	0,05
Эргопатический тип	3,20±1,005	2,23±1,612	0,01
Шкала истерического типа реагирования	3,269±2,714	1,0927±4,985	0,01

Сравнительный анализ показал, что существуют значимые различия по следующим переменным: тревожный, неврастенический, обсессивно-фобический и эргопатический типы отношения к болезни и шкала истерического типа реагирования (таблица 1). Следовательно, у мужчин в большей степени проявляется эргопатический тип и истерический тип реагирования. В свою очередь, у женщин выражен тревожный, неврастенический и обсессивно-фобический тип.

Так, для мужчин в большей степени характерен «уход от болезни в работу» несмотря на тяжесть заболевания, они всё свободное время посвящают работе. Помимо этого, им присуще требование признания, повышенная чувствительность, а также проявление истерического реагирования в виде нарушений сердечной деятельности, дыхания, желудочно-кишечного тракта.

Для женщин, по сравнению с мужчинами, наиболее характерно непрерывное беспокойство в отношении неблагоприятного течения болезни, возможных осложнений, неэффективности лечения, тревожное настроение и тревожная мнительность, касающаяся маловероятных осложнений заболевания, а также возможных неудач в жизни в связи с болезнью. Кроме того, у женщин могут проявляться вспышки раздражения, особенно при болях или неприятных ощущениях, непереносимость болевых ощущений и нетерпеливость.

Установленные в ходе исследования характеристики позволяют судить о различиях в психосоматических проявлениях у мужчин и женщин с кожными заболеваниями.

Заключение. Таким образом, на основе полученных результатов можно утверждать, что существуют гендерные особенности психосоматических проявлений у больных дерматологическими заболеваниями.

Сравнительный анализ показал, что у мужчин в большей степени проявляется эргопатический тип отношения к болезни и истерический тип реагирования. Следовательно, психологическая помощь может быть направлена на снижение истерических проявлений и профилактику трудоголизма.

В свою очередь, у женщин выражен тревожный, неврастенический и обсессивно-фобический тип. В данном случае психологическая помощь должна концентрироваться на снижении у них тревоги, раздражения и мнительности в отношении лечения.

Список используемых источников

1 Караваева, Т. А. Психологические механизмы и психосоматические соотношения при различных дерматозах / Т. А. Караваева, Т. Н. Королькова // Клиническая дерматология и венерология. – 2018. – Том 17. – №5. – С. 7–16.

2 Смулевич, А. Б. Современная психодерматология: анализ проблемы / А. Б. Смулевич, О. Л. Иванов, А. Н. Львов // Российский журнал кожных и венерических болезней. – 2005. – № 6. – С. 30–33.

3 Мухамадеева, О. Р. Влияние некоторых производственных факторов на течение псориаза у мужчин и женщин / О. Р. Мухамадеева, Н. Х. Шарафугдинова // Наука и инновации в медицине. – 2019. – № 4. – С. 56–59.

4 Потеев, Н. Н. Психосоматические расстройства и качество жизни при хронических дерматозах фациальной локализации и их динамика на фоне применения медицинского камуфляжа / Н. Н. Потеев, А. Н. Львов, О. В. Жукова, Е. А. Хлыстова, М. А. Кочетков, А. В. Егошина // Клиническая дерматология и венерология. – 2017. – Том 16. – № 5. – С. 58–72.

Д. С. Шапошникова

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМ ТИПОМ СЕКСУАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Актуальность данного исследования определяется значительными трансформациями поведения юношей и девушек в современном обществе. Модификация их социальных ролей и статуса приводит в свою очередь и к изменению поведения в сексуальной сфере. В статье рассмотрена сущность сексуального поведения девушек и юношей. Автором приводится описание и анализ данных эмпирического исследования психологических особенностей сексуального поведения в юношей и девушек из семей с разным типом сексуального воспитания

Ключевые слова: сексуальное поведение, секс, сексуальное воспитание, удовлетворенность, невротический секс, порнография, сексуальное отращивание, агрессивный секс, семейное воспитание.

Сексуальное поведение – это половое поведение человека, то есть формы взаимодействия индивидов, мотивированные их половой потребностью [1]. Сексуальное поведение напрямую зависит от поставленных целей и задач, которые возникают из потребностей человека [1]. Основными критериями различных социально-сексуальных стратегий являются большие или меньшие ограничения в количестве сексуальных партнеров, убеждениях и желаниях относительно приемлемости определенного вида сексуального поведения [2]. В современном социуме сексуальное поведение юношей и девушек существенно модифицировалось под влиянием физиологических, психологических, социально-психологических, социальных, социокультурных, экономических факторов. Сексуальное поведение девушек стало смещаться из зоны фемининной (типично женской) в зону андрогинии («бесполости»), а порой и в зону маскулинности (мужского поведения). Такие черты традиционно мужского типа поведения как амбициозность, напористость и независимость, склонность к риску, сейчас всё чаще демонстрируются девушками. За последние годы сексуальное поведение мужчин тоже сильно изменилось: они стали более женственными; стали вести малоподвижный образ жизни, сексуальность для них потеряла актуальность [2].

Традиционно задачами сексуального воспитания являются формирование научно обоснованных знаний, умений и ценностных установок, которые помогут молодым людям ответственно относиться к своему здоровью, благополучию и личному достоинству; строить уважительные межличностные и сексуальные взаимоотношения; понимать, как их решения влияют на благополучие их самих и окружающих; а также осознавать и защищать свои права на протяжении всей жизни. Однако в современном обществе многие молодые люди вступают во взрослую жизнь, обладая противоречивой, негативной и не всегда достоверной информацией о сексуальности, что усугубляется нежеланием и неготовностью взрослых, включая родителей и учителей, обсуждать эти вопросы. Ещё А. С. Макаренко писал: «В вопросах любви и семейной жизни решающими всегда будут общие способности человека, его политическое и нравственное лицо, его развитие, его работоспособность, его честность, его преданность своей стране, его любовь к обществу. Поэтому совершенно правильным является утверждение, что половая жизнь будущего человека воспитывается всегда, на каждом шагу, когда родители или воспитатели даже и не думают о половом воспитании» [3, с. 63].

Эмпирическое исследование проводилось на базе УО «ГТУ имени Ф. Скорины», выборочную совокупность составили 100 студентов в возрасте от 18 до 21 года. Психодиагностический инструментарий: опросник диагностики сексуального поведения (авторы Eysenck H. J., Glenn Wilson (перевод опросника выполнен А. Л. Красновым) и анкета с целью определения типа сексуального воспитания в семье. Результаты анализа данных полученных с помощью опросника диагностики сексуального поведения представлены на рисунке 1.

Согласно полученным данным, высокий уровень по шкале «Терпимость» выявлен у 24 % опрошенных, это означает, что они имеют современный взгляд на сексуальные отношения, свободные от религиозных ограничений, старомодных суждениях; к сексу относятся как одному из видов активности, доставляющей удовольствие, наслаждение. Низкий уровень по данной шкале выявлен у 19 % опрошенных – это люди, чьи взгляды на секс ограничены брачным обетом, отвергающие аморальность в любых формах.

Высокий уровень по шкале «Удовлетворенность» был выявлен у 46 % обследуемых, а у 4 % присутствует недостаточная удовлетворенность из-за возможных переживаний.

По шкале «Невротический секс» высокий уровень был обнаружен у 11 % юношей и девушек, такой показатель может присутствовать у людей, которые испытывают неудовлетворенность сексуальными отношениями как следствие невротических сексуальных реакций, конфликта влечений и внутренних табу.

Высокий уровень по шкале «Безличный секс» диагностирован у 14 %, что проявляется тенденцией в отношении к партнеру просто как к сексуальному объекту и проявляется в невнимании к нему, его личности, индивидуальному темпераменту, характеру, поиску лишь чувственного удовлетворения. Низкий уровень обнаружен у 23 %.

Высокий уровень по шкале «Порнография» был выявлен у 49 % выборки, им присуща склонность к разглядыванию рисунков, фотографий или к вербальным описаниям сексуальных сцен. Эта категория имеет высокую толерантность к порнографическому материалу в кино. С осуждением относятся к порнографии лишь 1 % опрошенных студентов.

По шкале «Сексуальная застенчивость» высокий уровень был выявлен у 20 % опрошенных, им свойственны ощущение нервозности в присутствии лиц противоположного пола, смущение, когда речь заходит о сексе.

По шкале «Стыдливость» высокий уровень выявлен только у 13 % выборки. Низкий уровень выявлен у 77 % опрошенных, что свидетельствует о том, что они сексуально активны, любят думать о сексе.

При анализе данных по шкале «Сексуальное отвращение» высокий уровень был выявлен у 74%, что может свидетельствовать о наличии у них реакции отвращения на любые формы сексуальных проявлений, даже нежность любящего партнера, так же легкость отвращения к сексуальному поведению.

Шкала «Сексуальное возбуждение» характеризует легкостью возникновения сексуального возбуждения, высокие показатели по которой характерны для 10% опрошенных. Низкий уровень констатирован у 33 %, что свидетельствует об определённых сложностях в возникновении сексуального возбуждения.

По шкале «Физический секс» высокий уровень имеют 19 % студентов, что характеризуется увлеченностью физической стороной секса и уверенностью в своём потенциале как сильного сексуального партнера.

По шкале «Агрессивный секс» высокий уровень был выявлен у 11 % выборки, такой показатель может проявляться в агрессивности в сексуальных отношениях, подавлении и подчинении партнера, нанесении ему оскорблений. Низкий уровень выявлен у 69 % респондентов.

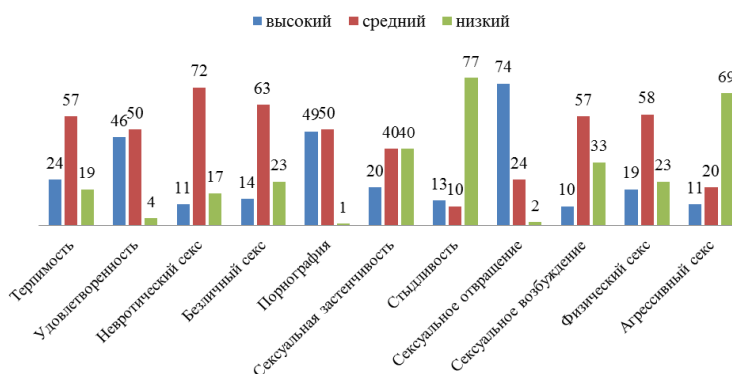

Рисунок 1 – Результаты диагностики сексуального поведения (опросник Eysenck H. J., Glenn Wilson)

По результатам анализа данных анкеты выборка была разделена нами на 3 подгруппы в зависимости от типа сексуального воспитания в семье:

1 тип – «Активное воспитание» (42 %). Он означает активно участие родителей в сексуальном воспитании своих детей. Обсуждение различных вопросов на темы сексуального поведения: информирование о контрацепции, различии физиологии мужчин и женщин, профилактике ЗППП и другое.

2 тип – «Частичное воспитание» (31 %). Данный тип определяется неполным участием родителей в сексуальном воспитании своих детей. Некоторые вопросы о сексуальном поведении остались без их пояснения.

3 тип – «Отсутствие воспитания» (27 %). В семьях данного типа вопросы сексуального воспитания остались без внимания со сторон родителей.

На рисунках 3 и 4 представлены результаты диагностики основных аспектов сексуального поведения девушек и юношей из семей с разным типом сексуального воспитания.

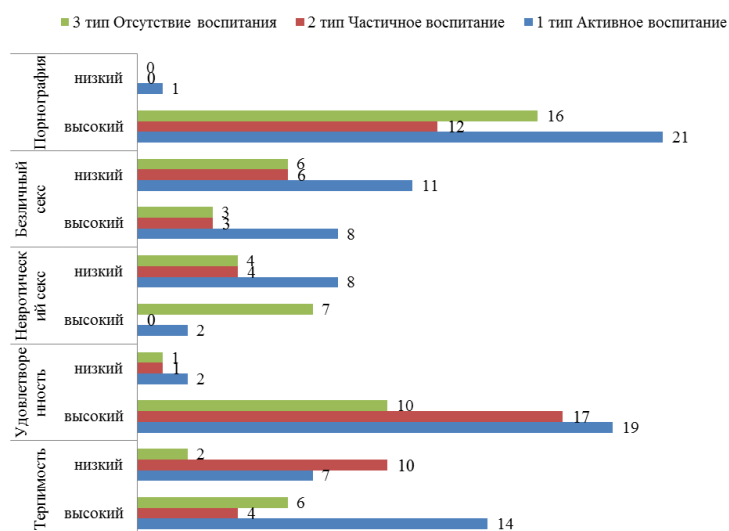

Рисунок 3 – Показатели сексуального поведения юношей и девушек из семей с разным типом сексуального воспитания, шкалы 1–5

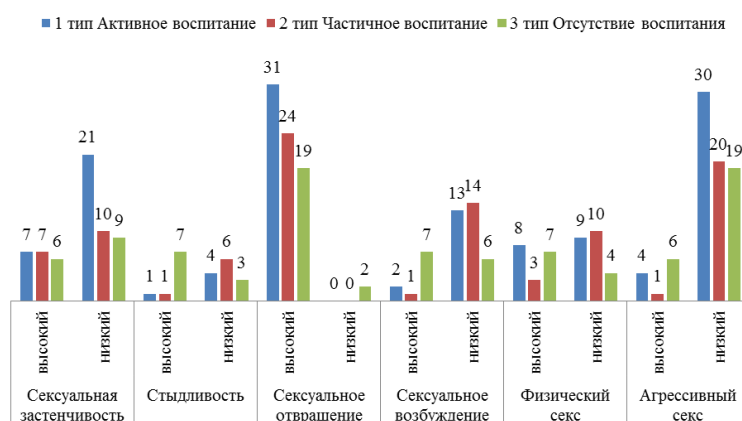

Рисунок 4 - Показатели сексуального поведения юношей и девушек из семей с разным типом сексуального воспитания, шкалы 6–11

Таким образом, юноши и девушки, из семей с типом «активного сексуального воспитания» характеризуются следующими проявлениями в сексуальном поведении: у них современный взгляд на сексуальные отношения, независящий от старомодных и религиозных воззрений, они относятся к сексу как к занятию, доставляющему удовольствие и наслаждение; в целом сексуальная жизнь не вызывает у них сложностей; они полностью удовлетворены своей сексуальной жизнью; не испытывают значительной робости, застенчивости в присутствии лиц противоположного пола и обсуждении сексуальных тем; им не свойственна сексуальная стыдливость; при развитии сексуальных отношений они придают значение не только физиологической составляющей, но и уделяют внимание общению, романтике и духовности; для них характерно отсутствие агрессивности и стремления доминирования в сексуальных отношениях. Юноши и девушки, из семей с типом «отсутствие сексуального воспитания» характеризуются следующими проявлениями в сексуальном поведении: их представления о сексуальной жизни часто ограничены религиозными, моральными или брачными запретами; в целом они не удовлетворены своей сексуальной жизнью; для многих сексуальная неудовлетворенность является следствием невротических сексуальных реакций, вызванных дисбалансом между влечениями и системой внутренних табу; личность сексуального партнера, его характер имеют для них большое значение; у них с лёгкостью возникает реакция отвращения к сексуальному поведению; для них характерно отсутствие агрессивности и стремления

доминирования в сексуальных отношениях. Традиционно семья считается институтом первичной социализации подрастающего поколения, но в отношении формирования сексуальной грамотности родители зачастую не владеют на должном уровне научно обоснованными знаниями. Поэтому приоритетная роль в предоставлении комплексного сексуального образования должна принадлежать системе образования и осуществляться квалифицированными педагогами.

Список использованных источников

1 Ефимова, С. В. Особенности сексуального поведения у женщин и мужчин: обзор литературы [Электронный ресурс] / С. В. Ефимова, О. А. Харьковская // Инновационная наука. – 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-seksualnogo-povedeniya-u-zhenschin-i-muzhchin-obzor-literatury>. – Дата доступа: 22.05.2020 г.

2 Кониная, М. А. Стратегии сексуального поведения в современной культуре / М. А. Кониная, А. Б. Холмогорова // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 61–70.

3 Макаренко, А. С. Избранные педагогические сочинения : В 2 т. / А. С. Макаренко ; Под ред. И. А. Каирова (отв. ред.) и др. ; [Коммент. Л. Ю. Гордина, А. А. Фролова] ; Акад. пед. наук СССР. – М. : Педагогика. – 1977. – 320 с.

И. А. Шевченко

Научный руководитель: **Е. А. Музыка**, канд. психол. наук, доцент
Киевский университет имени Бориса Гринченко,
г. Киев, Украина

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Представлены результаты эмпирического исследования гендерных особенностей развития эмоционального интеллекта у детей младшего школьного возраста. Подтверждены данные исследователей о более высоких показателях эмоционального интеллекта у девочек. Выявлены отличия в характере эмоциональных ориентаций девочек и мальчиков младшего школьного возраста.

Ключевые слова: гендерные особенности, младший школьный возраст, эмоциональный интеллект.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) – сложное интегративное личностное образование. P. Salovey, J. D. Mayer, которые ввели это понятие в научный оборот, определяли его как способность человека идентифицировать собственные эмоции, а также эмоции окружающих, определять значение эмоций и связи между ними, использовать эту информацию в качестве основы для принятия решений и управления эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза [1]. Описанная исследователями структура эмоционального интеллекта включает четыре основных компонента: 1) идентификацию эмоций; 2) использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности; 3) понимание эмоций; 4) управление эмоциями. По мнению авторов, генезис эмоционального интеллекта идет по линии последовательного развития каждого из структурных компонентов. Эмоциональный интеллект – динамическое образование. И хотя нет единого мнения по поводу возможности его развития в течении всей жизни человека, большинство ученых сходятся в том, что наиболее благоприятным периодом развития ЭИ является детский возраст. Особую важность его развитие начинает приобретать в младшем школьном возрасте с поступлением детей в школу, включением в совместную учебную деятельность и осознанием необходимости произвольной регуляции эмоциональных состояний.

Цель работы: исследовать психологические особенности развития эмоционального интеллекта и проанализировать гендерные различия в его структуре у детей младшего школьного

возраста. Мы исходим из основных положений культурно-исторической теории развития Л. С. Выготского [2] и рассматриваем в работе процесс обучения младших школьников в контексте становления высших психических функций, эмоционального интеллекта, в частности. Темпы, характер, психологические особенности развития эмоционального интеллекта в значительной степени обуславливаются социальной ситуацией развития, ведущей деятельностью и сформированностью психических новообразований. Наибольшее влияние на развитие эмоционального интеллекта младших школьников оказывает система отношений ребенка с учителями и сверстниками в образовательной среде.

Постулируя положение о возможности развития ЭИ, мы опираемся на двухкомпонентную концепцию Д. В. Люсина, в основе которой лежит развитие способности к пониманию своих и чужих эмоций и управление ими [3]; и интегративную модель эмоционального интеллекта И. Н. Андреевой, в которой акцентируется внимание на развитии ЭИ на трех уровнях: интеллекта индивида, интеллекта субъекта деятельности, интеллекта личности [4]. Нами проведено исследование, в котором взяли участие младшие школьники специализированной школы I–III ступеней с углубленным изучением французского языка № 110 имени К. Гапоненко города Киева. Общая выборка – 14 учеников 1 класса (7 мальчиков и 7 девочек в возрасте от 6 до 7 лет). Исследование проводилось в апреле-мае 2020 года.

Для изучения эмоционального интеллекта использованы проективные методики: «Три желания», «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций» [4]. Предполагалось, что характер эмоциональных ориентаций в структуре эмоционального интеллекта будет различаться у девочек и мальчиков младшего школьного возраста. Цель проективной методики «Три желания» – выявить эмоциональную ориентацию ребёнка на себя или на других людей. Испытуемым давалась инструкция: «Представьте, что золотая рыбка может выполнить три желания. Что бы вы пожелали? Нарисуйте!». По окончании рисования с каждым испытуемым проводилась индивидуальная беседа. Полученные эмпирические результаты представлены на рисунке 1.

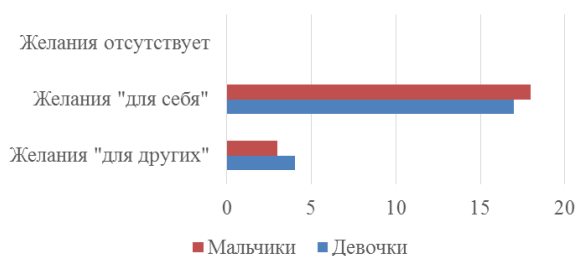

Рисунок 1 – Результаты диагностики первоклассников (n = 14) по проективной методике «Три желания»

Результаты исследования показали, что среди всех желаний (таких было зафиксировано 42) лишь 16,7% составляют желания «для других» и 83,3% – желания «для себя». Большинство желаний у мальчиков и девочек есть ситуационными, обусловленными пандемией коронавируса («чтобы не было коронавируса», «чтобы не болеть», «пойти в школу», «поехать на отдых»). Среди различий следует отметить, что у девочек желания преимущественно связаны с игрушками, играми, домашними животными; у мальчиков – с гаджетами (телефонами, планшетами, т. п.). Выявлено, что у мальчиков и девочек преобладают средний и низкий уровни эмоционального интеллекта. Четверо девочек испытуемой группы показали средний уровень ЭИ, трое – низкий. Среди мальчиков: трое – средний, четверо – низкий уровень ЭИ. Ни один из испытуемых не продемонстрировал высокий уровень развития ЭИ.

Исследование по проективной методике «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций» проводилось с целью выявить эмоциональную ориентацию младших школьников на мир вещей или на мир людей. Испытуемым предлагалось за 15 минут дорисовать к фигурам (круг, овал, треугольник) любые детали, чтобы получились рисунки со смыслом. Полученные результаты представлены на рисунке 2.

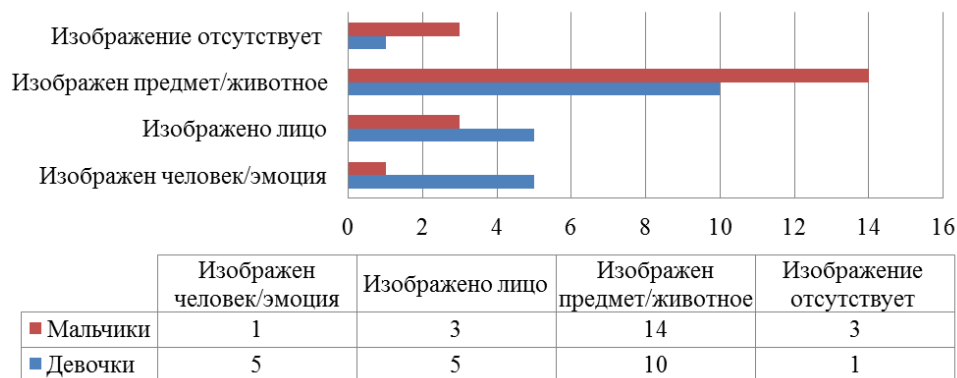

Рисунок 2 – Результаты диагностики первоклассников (n = 14) по проективной методике «Дорисовывание: мир вещей – мир людей – мир эмоций»

Среди общего количества рисунков первоклассников преобладали изображения предметов и животных (у девочек – 10, у мальчиков – 14). На восьми рисунках было изображено человеческое лицо (5 – у девочек, 3 – у мальчиков). Всего лишь на 6 рисунках детей (5 из них – у девочек) изображено эмоциональное состояние человека или он дан в движении.

Следует также отметить, что четверо испытуемых, среди которых 1 девочка и 3 мальчика, не смогли дорисовать детали к определенным фигурам, что с определенной долей вероятности может указывать как на недостаточно развитый ЭИ, так и на плохо развитое воображение.

Средний (35,7 %) и низкий (35,7 %) уровни развития ЭИ выявлены в испытуемых обоих полов. У большего количества девочек преобладает средний уровень ЭИ, у мальчиков – низкий уровень ЭИ. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта показали 28,6 % испытуемых, среди которых только девочки.

Гендерные различия в характере эмоциональных ориентаций 6–7-летних девочек и мальчиков в значительной степени детерминированы особенностями воспитания и требованиями социума к исполнению гендерных ролей. «Гендерные особенности воспитания определяют специфику формирования определённых эмоциональных способностей», – отмечает И. Н. Андреева, и подчеркивает: «Благоприятной для эмоционального воспитания является особая воспитательная стратегия, при использовании которой во главу угла ставится внимание не столько к поведению и событиям жизни ребёнка, сколько к его переживаниям» [4, с. 207].

Учитывая выявленные гендерные особенности характера эмоциональных ориентаций первоклассников, необходимо целенаправленно развивать ЭИ и его составляющие у детей младшего школьного возраста. Умение распознавать эмоции, воспринимать и учитывать эмоциональные состояния партнеров по общению и совместной деятельности, поступать мудро в отношении других людей – важные составляющие продуктивного взаимодействия, которое становится возможным при условии расширения эмоционального опыта и развития эмоционального интеллекта.

Список использованных источников

1 Salovey, P. Emotional intelligence / P. Salovey, J. D. Mayer // *Imagination, Cognition and Personality*, 1990. – № 9. – P. 185–211.

2 Выготский, Л. С. *Собрание сочинений: в 6 т. / Л. С. Выготский*. – М. : Педагогика, 1982–1984. – 488 с.

3 Люсин, Д. В. *Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова*. – М. : Институт психологии РАН, 2004. – С. 29–36.

2 Андреева, И. Н. *Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева*. – Новополюк : ПГУ, 2011. – 388 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

И. Н. Ахременко

Минский инновационный университет,
г. Минск, Беларусь

РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проанализированы научные взгляды на феномен психологической готовности к профессиональной деятельности. Определение конкретной задачи в оценке психологической готовности позволяет прицельно выбрать диагностический инструмент и точно сделать заключение о степени готовности специалиста к профессиональной деятельности согласного статуса, условий и особенностей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психологическая готовность к профессиональной деятельности, временное состояние готовности, мотивация, адаптация, психологическая настроенность, профессионально важные качества личности

Проблема психологической готовности подвергается исследованию в отечественной науке с конца 50-х годов прошлого столетия. В зарубежных исследованиях непосредственно понятие психологической готовности к деятельности не рассматривается, однако отдельные аспекты, отражающие психологическую готовность субъекта к некоторым видам психологической активности, все же исследуются (обучение, экономическая деятельность и пр.). Довольно богатый опыт изучения психологической готовности к профессиональной деятельности, обилие эмпирического материала по вопросу психологической готовности не обеспечили единства понимания и оценивания психологической готовности к профессиональной деятельности.

Психологическая готовность к профессиональной деятельности отражена в работах В. А. Алаторцева, А. Ц. Пуни, А. Д. Ганюшкина (изучавших предстартовое состояние в спортивной деятельности), М. И. Дьяченко, А. М. Смоляренко и других (определявших готовность к выполнению боевой задачи военнослужащих), П. П. Горностаи, А. А. Деркач, Т. В. Ивановой, М. В. Левченко, Л. Н. Разборовой (исследовавших готовность к труду педагогов), А. П. Вяткина (экономической деятельности), Е. В. Матухно, Е. Ю. Рубановой (морально-психологической готовности к выполнению служебных задач сотрудников правоохранительных органов), М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, В. А. Пономаренко, А. М. Столяренко (выявивших аспекты психологической готовности к деятельности в экстремальных ситуациях), Л. Б. Непрелюк и Д. М. Мергалиев (составляющие психологической готовности к профессиональной деятельности музыкантов и артистов) и иных. Исследований, посвященных психологической готовности к профессиональной деятельности, проведено много, но далеко не все особенности и условия психологической готовности к профессиональной деятельности определены. Много исследований сегодня проводится по определению психологической готовности к профессиональной деятельности у будущих специалистов.

Прежде всего, психологическая готовность к профессиональной деятельности может пониматься как стремление, нацеленность заниматься конкретным видом профессиональной деятельности. По сути, в данном случае психологическая готовность тождественна понятию мотивация профессионального выбора, которое отражает и направленность профессиональных стремлений, и силу их проявлений. Она отражает некое «тяготение» к определенным профессиональным занятиям: стать врачом, летчиком, милиционером, артистом и прочее. Аттестация указанного показателя важна на первичном этапе профессионального самоопределения, на фазе оформления профессионального выбора и не теряет актуальности на всех этапах профессионального самоопределения, особенно в случаях потери интереса к профессии, при профессиональном выгорании, объективных условиях, требующих смены профессии (исчезновение профессии с рынка труда).

Психологическую готовность отождествляет с профессиональным самоопределением Е. А. Климов, К. М. Гуревич рассматривает ее как профессиональную пригодность. Для определения психологической готовности стать врачом, милиционером, космонавтом или моряком, экономическим аналитиком, политиком, священником или выбрать иную профессию прямых методик нет. Необходим тщательный подбор комплекса методических средств, позволяющих определить профессиональные предпочтения на уровне намерений, выявить склонности, оценить степень мотивационного побуждения обрести конкретную профессию и диагностировать источник этих побуждений (внутренний или внешний). Только после этого можно будет составлять заключение о степени психологической готовности к конкретной профессиональной деятельности.

На более поздних стадиях самоопределения улучшаются показатели психологической готовности, в частности, ее формы проявления, установленные О. М. Краснорядцевой: установки, мотивационная готовность приведения в порядок своего образа мира, профессионально-личностная готовность к самореализации через профессионализацию. Оценивая показатели психологической готовности, выделенные О. М. Краснорядцевой, можно составить прогноз о благополучии самоопределения личности. Формирование психологической готовности к деятельности, как отмечает И. А. Кучерявенко, в процессе профессиональной подготовки связано с образованием профессионально направленных отношений, мотивов, свойств личности, а также с оценкой условий профессиональной подготовки [1, с. 61].

В психологической литературе психологическая готовность также понимается как возможность, способность выполнять некую профессиональную деятельность. В данном случае требуется оценка и учет определенных способностей (хорошей физической подготовки у военных и милиционеров, выдерживать особые физические нагрузки и переносить неблагоприятные воздействия окружающей среды – у космонавтов, исследователей-полярников, дайверов, альпинистов), имеющихся профессиональных знаний, умений, навыков и опыта, личностных способностей (проявление эмпатии у психологов, педагогического оптимизма у педагогов, экономического риска у предпринимателей) и прочих характеристик.

Среди них значимое место занимают профессионально важные качества личности специалиста, как правило, в зачаточном виде имеющиеся уже у оптанта (выбирающего профессию) и активно развивающиеся и достигающие кульминации развития в ходе выполнения профессиональной деятельности. В частности, И. А. Кучерявенко отмечает, что психологическая готовность – условие успешного выполнения профессиональной деятельности, которая должна формироваться человеком (субъектом труда) и государственной системой мероприятий по обеспечению психологической готовности. В рамках такого подхода феномен психологической готовности может рассматриваться, как комплексное образование, которое включает операционные, функциональные и личностные компоненты [1, с. 60].

Д. Н. Левитов и К. К. Платонов указали на то, что психологическая готовность – эта характеристика, которая отражает готовность к трудовой деятельности, причем К. К. Платонов понимал готовность к деятельности как совокупность моральной готовности, психологической готовности (отражает индивидуальные особенности психических процессов), профессиональной готовности (включает опыт профессионального труда). Б. Г. Ананьев уточнил понятие психологической готовности, определив ее как «проявление способностей», В. А. Крутецкий обозначил ее как «ансамбль, синтез свойств личности, который выходит за рамки понятия способности».

Степень развития способностей меняется в связи с опытом, способности, обнаружившие себя задолго до приобретения профессии (музыкальные, художественные, мыслительные, двигательные или моторные и иные), существенно изменяются, совершенствуются в процессе выполнения трудовой деятельности. По той же схеме происходят изменения и в личностных качествах и свойствах. Благодаря оценке психологической готовности, как указывал Я. Л. Коломинский, можно судить об уровне развития личности. Л. В. Кондрашова свидетельствует, что психологическая готовность отражает наличие таких отношений свойств и качеств личности, установок, которые позволяют сознательно, добросовестно и творчески

выполнять профессиональные обязанности. Исследования подтверждают, что с освоением профессиональной деятельности и ростом профессионализма, соотношение между компонентами личности трансформируются и приобретают оптимальность сочетания.

Н. В. Кузьмина в определении психологической готовности к профессиональной деятельности считает знания, умения и навыки, позволяющие осуществить деятельность на уровне современных требований науки и техники. Современное понимание психологической готовности к профессиональной деятельности предъявляет определенные требования к арсеналу знаний, навыков и умений. Они теперь не сводятся к способности выполнять профессиональные операции и действия, а рассматриваются значительно шире. Психологическая готовность современного специалиста к профессиональной деятельности предполагает: а) умение ставить профессиональные задачи; б) определять методологию и методику их эффективного решения; в) видеть причины и последствия разных способов решения выбранных профессиональных задач и вносить необходимые коррективы в перечень задач или способов их реализации [2].

Рассмотрение психологической готовности к профессиональной деятельности как комплексного образования указывает на понимание ее длительной готовности. Она включает: положительное отношение к определенному виду деятельности, профессии; черты характера, темперамент, способности, мотивацию, адекватные требованиям деятельности; необходимые знания, навыки и умения; устойчивые профессионально важные особенности психических процессов (познавательных и эмоционально-волевых). И. А. Кучерявенко называет психологическую готовность как «особое личностное состояние, которое предполагает наличие у субъекта образа структуры действия и постоянной направленности сознания на его выполнение» [1, с. 62], то есть наличие четкого представления о том, как достичь поставленной цели. В соответствии с указанными характеристиками оценка психологической готовности должна предусматривать учет нескольких показателей и складываться из результатов их аттестации.

Эмпирически выявлено: психологическая готовность к деятельности является обязательным условием не только её начала, но и эффективного решения. Этот постулат подчеркивают результаты исследований, доказывающих роль профессиональной адаптации для продуктивности деятельности. Психологическая готовность как адаптация к труду в конкретной профессии указывает на способность работать по данной специальности. Ее оценка важна на последних этапах профессиональной подготовки (в период преддипломной практики) или на этапе адаптации к первому месту работы по специальности. У не готовых трудиться по специальности наблюдается низкая эффективность деятельности, плохая трудовая дисциплина (при снижении или потере интереса к профессии), присутствует страх, опасения, боязнь не справиться с профессиональными задачами, признаки эмоционального шока из-за несоответствия личностных ожиданий и реальных условий, требований труда. Неудовлетворенность условиями и результатами труда может спровоцировать отказ от него в рамках данной профессии и принудить сменить профессиональную направленность. Поэтому оценка адаптации к профессии, эмоционального благополучия молодого специалиста на этапе формирования первичных профессиональных навыков и освоения первого рабочего места - важный показатель психологической готовности к труду в профессии, подтверждающий или опровергающий удачность профессионального самоопределения.

Первичная профессиональная дезадаптация указывает на отсутствие психологической готовности к профессиональной деятельности по приобретенной специальности и требует более тщательного проведения профориентационных мероприятий (ознакомление с требованиями профессии, условиями труда в ней, жесткого профотбора и усиление практической подготовки будущих специалистов, прежде всего посредством оптимальной организации практик). В соответствии с пониманием особой значимости психологической готовности как фактора эффективной деятельности, сложилась практика формирования профессиональной готовности специалиста. Не случайно М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, А. А. Деркач рассматривают ее как фактор, способствующий профессиональному развитию специалиста.

Психологическая готовность может рассматриваться не только, как длительный процесс, но и как временное состояние. Н. Д. Левитов определяет такую психологическую готовность как

«предстартовое состояние», А. А. Ухтомский – как состояние «оперативного покоя», Л. С. Нерсесян, В. Н. Пушкин – как состояние «бдительности» [3]. Предстартовая психологическая готовность отражает особенности и требования предстоящей ситуации и выражает (психофизическую и эмоциональную) настроенность на непосредственное выполнение деятельности как процесса. Особую важность она имеет для выполнения задач летчиком, работником МЧС, милиции в чрезвычайных ситуациях, военного в условиях выполнения боевой задачи, при выходе на сцену артиста, музыканта, актера, при выполнении сложнейших операций хирургом и других обстоятельствах. Психологическая готовность как психофизиологическая и эмоциональная настроенность немного изучена в отношении профессий, требующих деятельности в чрезвычайных и экстремальных условиях, но не исследована совершенно у артистов цирка, незначительно изучена у музыкантов. Указывается, что психологическая настроенность будет лучше при условии доведения до автоматизма действий и высокого уровня умений, требуемых деятельностью (И. А. Кучерявенко). При понимании психологической готовности к профессиональной деятельности как особого настроения необходимо оценивать мотивацию достижения (нацеленность на успех), тревожность, эмоциональную устойчивость, целеустремленность и иные психологические параметры.

При появлении дополнительных параметров, например, важности действовать согласованно с членами определенной группы (в составе спортивной команды, экипажа космического корабля, профессиональной группы и др.) возникает необходимость в изучении групповой совместимости, готовности работать в группе, то есть согласованности деятельности и сплоченности группы. Многообразие подходов в понимании психологической готовности к профессиональной деятельности позволяет раскрыть разные стороны ее проявления и учесть их в практической деятельности.

Список использованных источников

1 Кучерявенко, И. А. Проблема психологической готовности к профессиональной деятельности [Электронный ресурс] / И. А. Кучерявенко // Молодой ученый. – 2011. – № 12. – Т. 2. – С. 60–62. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/35/4055>. – Дата доступа: 30.04.2020.

2 Тихомирова, Ю. М. Теоретический анализ структурных компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности / Ю. М. Тихомирова // Психологические науки: теория и практика : материалы II Междунар. науч. конф., Москва, март 2014 г. – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 6–9.

3 Душков, Б. А. Психология труда, профессиональной, информационной и организационной деятельности: словарь / Б. А. Душков, Б. А. Смирнов, А. В. Королев ; под ред. Б. А. Душкова. – М. : Мир, 2005. – 847 с.

Е. М. Бантюкова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь

РОЛЬ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ ВЫПУСКНИКОВ ВОЕННЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

В статье рассматривается один из подходов к изучению качества военного образования. Автором приводятся некоторые результаты показателей системы мониторинга служебной деятельности и подготовки курсантов военных факультетов. Основанием для проведения анализа являются отзывы, представленные на курсантов через один год прохождения военной службы на воинских должностях офицерского состава. Мониторинг необходим для выработки единых рекомендаций по организации психолого-педагогического сопровождения курсантов в период обучения.

Ключевые слова: военная служба, курсанты, система мониторинга, критерии оценки.

Вопросы военной безопасности Республики Беларусь в современном мире становятся особенно актуальными. Своевременное, детальное и адекватное складывающейся военно-политической обстановке, экономическим возможностям государства, планирование обороны Республики Беларусь зависит от кадрового потенциала [1]. Именно поэтому в рамках развития системы военного образования все чаще встает вопрос о поиске путей повышения качества выпускников, реализации профессиональных компетенций при выполнении служебных обязанностей. В последние годы проделана большая работа по совершенствованию системы подготовки офицеров, её нормативному и правовому регулированию [1, 2], что создает возможность для ее анализа и критического осмысления.

Результаты мониторинга служебной деятельности позволяют дать оценку уровню подготовки офицеров через один год прохождения военной службы и непосредственном исполнении служебных обязанностей. Ежегодно командиры соединений и воинских частей представляют отзывы на каждого офицера. Очевидно, что решающую роль в оценке качества выпускников должны сыграть психологические исследования, которые изучают эффективное взаимодействие системы образования, социальных групп, личности для получения точечного и синергетического эффекта.

Система мониторинга предусматривает достаточно сложную процедуру оценки по девяти предметам профессионально-должностной подготовки (по пятибалльной системе), обобщенную оценку подготовки офицера по 25 критериям (по десятибалльной шкале), что вызывает затруднения у прямых и непосредственных начальников по месту службы при составлении отзывов. Оценка по предметам профессионально-должностной подготовки выставляется по итогам сдачи зачетов, а вот произвести объективную оценку личности офицера по критериям, предусмотренных приказом Министерства Обороны Республики Беларусь, достаточно сложно. Мы проанализировали результаты показателей рейтинга [2] четвертого курса обучения, коэффициент адаптации, копинг-стратегии, уровень мотивации достижения с результатами мониторинга, что позволяет представить полную, объективную картину качества подготовки будущего военного специалиста.

Психодиагностика испытуемых реализовывалась: «Методикой адаптационных способностей (МОАС)», разработанной военными учеными и адаптированной на контингенте военнослужащих [3]; методикой «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (С. Норман, Д. Ф. Эндлер, Д. А. Джеймс, М. И. Паркер) адаптированной Т. А. Крюковой, тестом «Диагностика мотивации достижения (А. Мехрабиана)» [4, с. 118]. Отметим, что несоответствие процесса подготовки выпускника результатам профессиональной деятельности находит свое отражение в отзывах командиров воинских частей, которые являются внешним критерием успешности молодых офицеров.

Реализация заключений в учебно-воспитательном процессе включает не только рассмотрение результатов мониторинга на заседаниях совета факультета, профильной кафедры, но и другие мероприятия, направленные на совершенствование качества подготовки офицерских кадров. Например, внесение в соответствующем порядке изменений в квалификационные требования, учебные планы и учебные программы, что требует больших усилий и затрат служебного времени. Указанное обстоятельство натолкнуло нас на мысль о поиске причин негативных характеристик бывших курсантов, так как мониторинг рассматривается как система постоянного наблюдения за явлениями и процессами, проходящими в окружающей среде и обществе, позволяющая не только дать оценку, но и управлять состоянием объекта в зависимости от воздействия определённых факторов [5].

Для описания мер связи между переменными необходимо учитывать их тип. Гипотеза о наличии связей между категориальной и метрической переменными проверялась с помощью статистических критериев: Краскела – Уоллиса (если категориальная переменная принимает 3 и более значения) или Манна-Уитни (если категориальная переменная принимает 2 и более значения) [6]. Сила связи описывалась размерами эффектов: рангово-бисериальным коэффициентом корреляции « r_{rb} » и размером эффекта ε^2 [7].

При сопоставлении результатов показателей рейтинга и системы мониторинга удивляет отсутствие значимых корреляций с показателем «Служебная деятельность» и одна значимая положительная корреляция показателя рейтинговой системы «Учебная деятельность» и оценки по предмету «Физическая подготовка» ($p=0,0217^*$, $\varepsilon^2=0,651$). Наибольшее количество значимых корреляций получено с показателем рейтинга «Физическая подготовка и спорт», с предметом профессионально-должностной подготовки «Общевоинские уставы Вооруженных Сил Республики Беларусь» ($p=0,0389^*$, $\varepsilon^2=0,433$), а также с критериями оценки офицеров – «Умение обеспечить грамотную безаварийную эксплуатацию и хранение вооружение, военную и специальную технику» ($p=0,0311^*$, $\varepsilon^2=0,708$); «Знание требований, изложенных в нормативных правовых актах в сфере защиты государственных секретов и их практическое исполнение» ($p=0,0235^*$, $\varepsilon^2=0,752$); «Общая культура и стремление к новым знаниям» ($p=0,0243^*$, $\varepsilon^2=0,627$). В процессе обучения курсантов на военных факультетах большая роль отводится занятиям физической культурой, с целью формирования физической готовности офицера, которая обеспечивает высокую работоспособность, безусловно характеризующуюся соответствующим физическим развитием. Более того, физическая подготовка помогает бороться со стрессом и играет важную роль в процессе формирования профессионально значимых качеств будущих офицеров.

Рассмотрим значимые корреляции переменных, полученных с помощью психодиагностики и критериями системы мониторинга. Значимая положительная корреляция отмечена между коэффициентом адаптации и предметом профессионально-должностной подготовки «Специальная подготовка» при ($p=0,0433^*$, $\varepsilon^2=0,418$). Специальная подготовка офицеров направлена на глубокое изучение офицерами своих непосредственных функциональных обязанностей, то есть, более высокий уровень адаптации курсантов, способствует получению высокого балла по специальной подготовке, что еще раз подтверждает актуальность организации психолого-педагогического сопровождения личности в особых условиях службы [8].

Подтверждением данного обстоятельства служат положительные отзывы на офицеров, имеющих высокий адаптационный потенциал. Они отмечены с положительной стороны, как отлично подготовленные, имеющие достаточные профессиональные знания, но не всегда умеющие применять на практике требования уставов. Высокий уровень знаний по общевоинским уставам обеспечивает формирование конструктивного копинга поведения в служебных ситуациях, на что указывает положительная корреляционная связь переменных «Копинг решение» и «Общевоинские уставы» при ($p=0,0246^*$, $\varepsilon^2=0,494$). Прочные знания требований общевоинских уставов и умение применять их в практической деятельности способствуют формированию конструктивного копинг-поведения. Также обнаружена положительная корреляционная связь мотивации достижения успеха и критерия оценки «Умение внедрять передовой опыт согласно своим обязанностям» ($p=0,0485^*$, $\varepsilon^2=0,418$).

Заключение. Роль системы мониторинга заключается в возможности проанализировать уровень подготовки выпускников военных факультетов и сопоставить его с результатами каждого курсанта в период обучения на факультетах, так как курсанты длительно и сложно адаптируются к учебно-профессиональной деятельности, вследствие чего развиваются реакции дезадаптации, являющиеся причиной снижения рейтинговых баллов. На основании результатов мониторинга представлена картина оценки выпускников, свидетельствующая о том, что все офицеры оценены «перспективными», желают продолжать службу в Вооруженных Силах Республики Беларусь.

Однако отмечаются некоторые недостатки по предметам профессионально-должностной подготовки, а именно «Специальная подготовка», «Физическая подготовка». Значимая положительная корреляция, отмеченная между коэффициентом адаптации и предметом профессионально-должностной подготовки «Специальная подготовка», что указывает на необходимость организации мероприятий по психолого-педагогическому сопровождению курсантов на всех этапах, которое в настоящее время нуждается в коррекции.

Список использованных источников

- 1 Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2016 г. № 412-3 [Электронный ресурс]. – Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: [http://www.pravo.by /document/?guid=12551&p0 =Н11600412&p1=1](http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0 =Н11600412&p1=1). – Дата доступа: 28.05.2019
- 2 Об утверждении системы мониторинга служебной деятельности и результатов подготовки выпускников военных учебных заведений: приказ Министра обороны Республики Беларусь, 31 октября 2013 г., № 1069. – Минск : МО РБ, 2013.
- 3 Маслюк, С. В. Методика оценки адаптационных способностей военнослужащих по призыву / С. В. Маслюк, И. В. Соловьев // Информационно-методический сборник. – М. : ЦВСПИ ВС РФ, 1994. – № 2 (9). – С. 43–53.
- 4 Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – 488 с.
- 5 Мониторинг // Гражданская защита: Энциклопедия в 4-х томах. Т. II (К–О) – М. : ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015.
- 6 Tomczak, M. The need to report effect size estimates revisited. An overview of some recommended measures of effect size / M. Tomczak, E. Tomczak // Trends in Sport Sciences. – 2014. – Vol. 21, № 1. – P. 19–25.
- 7 Bakdash, J. Z. Repeated Measures Correlation / J. Z. Bakdash, L. R. Marusich // Front. Psychol. – 2017. – Vol. 8. – 456 p.
- 8 Бантюкова, Е. М. К вопросу об адаптации курсантов в особых условиях учебно-профессиональной деятельности / Е. М. Бантюкова // Вестник БарГУ. Барановичи, № 8, 2020. С. 64–68.

Е. В. Гапанович-Кайдалова

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО УЧИТЕЛЯ ГЛАЗАМИ СЛУШАТЕЛЕЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье проанализированы подходы к изучению составляющих модели идеального педагога, представлены результаты эмпирического исследования представлений слушателей ИПК и П педагогических специальностей о качествах, которыми должен обладать и развивать у себя учитель.

Ключевые слова: личностные и профессиональные качества педагога, модель идеального учителя.

В психолого-педагогических исследованиях неоднократно указывалось на то, что успешность профессиональной деятельности учителя и, как следствие, учебной деятельности обучающегося, во многом зависит от личностных качеств педагога (П. Ф. Каптерев, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Л. М. Митина, В. А. Слостенин и др.). В связи с этим актуальным становится изучение составляющих образа идеального учителя. Среди необходимых педагогу качеств называют целеустремленность, настойчивость, гибкость поведения, любовь к детям, тактичность, эмпатийность и многие другие.

Особое внимание уделяется моральному облику педагога, его гуманистической направленности (Р. Бернс, О. Вольнов, А. Комбс, Я.И. Кузьминов, Л.М. Митина, К. Роджерс, В. А. Слостенин, О. Фабр и др.). Кроме того, подчеркивается значимость наличия у учителя увлеченности своим делом, гибкости мышления, открытости в общении, уверенности в себе, умение прогнозировать поведение обучающегося и пробуждать интерес к преподаваемому предмету (П. Дебрай-Ритзен, Л. М. Митина, П. Торенс и др.).

Как правило, предлагаемые модели идеального педагога включают не только собственно личностные качества, но и профессионально-педагогические. В частности, А. К. Маркова подчеркивает важность таких профессиональных качеств, как эрудиция, целеполагание, практическое и диагностическое мышление, интуиция, импровизация, наблюдательность, оптимизм, находчивость, предвидение и рефлексия [1].

Ряд авторов (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Л. М. Митина и др.) считает, что по своим характеристикам профессиональные качества педагога близки к способностям. Так, Л. М. Митина рассматривает педагогические способности как особую комбинацию профессионально значимых личностных свойств и качеств (содержательных и динамических), обуславливающую специфическую активность педагога, направленную на развитие, воспитание и обучение ребенка. Ею была разработана структурно-иерархическая модель личности учителя, включающая в себя две группы способностей:

1) проектировочно-гностические: прогнозирование развития каждого ученика, управление поведением и сознанием ребенка, создание эмоционально-мотивационного фона, обуславливающего «социальную ситуацию развития» учащегося;

2) рефлексивно-перцептивные: анализ, оценивание, понимание себя, саморегуляция поведения и деятельности; проникновение в индивидуальное своеобразие ученика; способность встать в позицию ученика и с его точки зрения увидеть, понять и оценить себя; конструктивное разрешение своих внутренних противоречий и конфликтов [2].

Ведущую роль в представленной Л. М. Митиной модели играют рефлексивно-перцептивные способности, связанные с самосознанием учителя, от которого зависит его профессиональное развитие и самосовершенствование, превращение в подлинного субъекта деятельности. Основой структуры личности учителя является педагогическая направленность, ориентированная на принятие личности и развитие обучающегося. Слушатели ИПК и П имеют высшее образование, опыт работы с людьми, многие из них являются педагогами, поэтому представляет интерес исследование их представления о качествах, необходимых учителю для самореализации в профессиональной деятельности.

Целью нашего исследования было выявление качеств, составляющих образ идеального учителя, по мнению слушателей ИПК и П педагогических специальностей. В качестве респондентов выступили слушатели специальности «Практическая психология» заочной и вечерней форм получения образования, «Иностранный язык (Английский)» вечерней формы получения образования. Общий объем выборки составил 44 человека. При проведении исследования были применены методы опроса и групповой беседы.

Исследование включало три этапа. Сначала респондентам предлагалось составить список качеств, которыми, по их мнению, должен обладать идеальный учитель. На втором этапе слушателям необходимо было проранжировать названные ими качества и обосновать свой выбор. На третьем этапе проводилось групповое обсуждение результатов, в ходе дискуссии респонденты должны были выделить десять основных составляющих образа идеального учителя.

Анализ результатов показал, что, по мнению слушателей психолого-педагогических специальностей, идеальный учитель должен обладать следующими качествами: любовь к работе и детям; компетентность, креативность; стрессоустойчивость; внимательность; способность к саморазвитию; организованность; доброжелательность; гибкость мышления; инициативность; пунктуальность.

Качества в списке представлены в соответствии с присвоенным им респондентами рангом по мере убывания значимости. В ходе групповой беседы слушатели подчеркнули важность личностного влияния учителя, особенно первого, на становление и развитие школьников, их мотивации и умения учиться, стремления к творчеству.

Как видно из результатов ранжирования, наиболее значимыми для учителя респонденты считают качества, характеризующие его педагогическую направленность: отношение к своему труду, обучающимся, компетентность, креативность (1–2 ранги). Слушатели убеждены, что только сочетание хорошей предметно-профессиональной подготовки, любви к детям и своей

работе, творческий подход к ней позволяют специалисту максимально самореализоваться как в личностном, так и в профессиональном плане.

На втором месте (3–6 ранги) располагаются качества, которые связаны со знанием и пониманием себя, своих особенностей и перспектив развития. По данным, полученным из беседы, идеальный учитель успешно справляется со стрессовыми ситуациями, владеет собой, способен детально проанализировать свое поведение, внимательно отслеживает все происходящие с ним и вокруг изменения, делает выводы, вносит необходимые коррективы, стремится к непрерывному личностному и профессиональному росту и самосовершенствованию. Немаловажным для педагога, по мнению респондентов, является умение организовывать и планировать свою деятельность, ставить цели и продумывать все этапы их достижения, стимулируя личным примером обучающихся, способствуя тем самым развитию названных качеств у школьников.

Третий блок качеств (7–10 ранги) определяет успешность взаимодействия с окружающими людьми. Слушатели подчеркнули важность для учителя умения расположить к себе путем проявления открытости, доброжелательного отношения к людям, эмпатийности. Настоящий профессионал гибко мыслит, не теряется в сложных педагогических ситуациях, проявляет инициативу, ведет за собой, увлекает обучающихся своим энтузиазмом и интересом не только к своему предмету, но и к жизни, ко всему новому. Кроме того, обладает знаниями в области таймменеджмента, пунктуален, рационально организует свое рабочее и свободное время, получая тем самым больше возможностей для саморазвития.

Таким образом, образ идеального учителя, по мнению слушателей ИПК и П педагогических специальностей, включает качества, связанные с педагогической направленностью, рефлексией, самоанализом, саморазвитием, эффективным взаимодействием с окружающими людьми. Современный учитель – неординарный, творчески мыслящий человек, стремящийся к непрерывному самосовершенствованию, стимулирующий обучающихся к саморазвитию и раскрытию своего потенциала прежде всего личным примером.

Список использованных источников

- 1 Маркова, А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. – М. : Просвещение, 1993. – 190 с.
- 2 Митина, Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя / Л. М. Митина. – М. : Академия, 2004. – 320 с.

О. А. Короткевич

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПРОФЕССИОНАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ КАЧЕСТВА СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ КАК БУДУЩИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Статья посвящена исследованию профессионально значимых качеств будущих специалистов и руководителей экономического профиля. Профессия менеджера требует как освоения предметной деятельности так и развития способностей, необходимых в управленческой области. В статье представлены результаты эмпирического исследования профессионально значимых управленческих качеств студентов-экономистов.

Ключевые слова: руководитель, профессиональные качества, коммуникативные способности, организаторские способности, стиль управления, творческий потенциал.

Современный менеджер осуществляет руководство организацией, направляя и регулируя деятельность подначального ему коллектива для достижения поставленных целей. Специфическая особенность труда менеджера состоит в том, что решение всех поставленных задач он

осуществляет в организационном порядке, оказывая воздействие на людей, которые должны непосредственно реализовывать эти планы. Таким образом, наряду с высоким уровнем образования, производственным опытом, компетентностью в соответствующей профессии, современному руководителю важно развивать коммуникативные и организаторские качества. Включение менеджера в организацию как систему интерперсональных отношений предполагает развитие у него умений общаться, устанавливать и развивать контакты с другими людьми (подчинёнными, руководством, партнёрами, клиентами). Коммуникативные ресурсы во многом проявляются в присутствии руководителя стиле управления.

В рамках личностного подхода к определению модели эффективного руководства, Р. Эвансом и П. Расселом указывается на необходимость обладания менеджером развитыми творческими способностями. Установлено наличие корреляции эффективного руководства и коммуникативных характеристик: общительностью, уровнем эмпатии. Менеджер должен быть общительным, доброжелательным, направленным на внешний мир, проявляющим интерес к окружающим. Он должен уметь располагать к себе людей, слушать и понимать их, убеждать в своей правоте [1, с.132]. Ситуационный подход делает возможным выделение таких особенностей руководителя, как гибкость стиля руководства, устойчивость к неопределённости и отсутствие жёстких стереотипов, которые свидетельствуют о его готовности к эффективной деятельности в самом широком диапазоне ситуаций.

Нами было проведено эмпирическое исследование развития некоторых значимых профессиональных качеств у студентов 2 курса экономического профиля ГГУ имени Ф. Скорины. В опросе приняли участие 35 респондентов в возрасте от 18 до 20 лет, из них 25 девушек и 10 юношей. В качестве психодиагностического инструментария нами использовались: методика «Коммуникативные и организаторские склонности» В. В. Синявского, В. А. Федорошина (КОС–2); методика «Диагностика склонности к определённому стилю руководства, Е. П. Ильина»; методика «Диагностика лидерских способностей» (Е. Жарикова, Е. Крушельникова) и тест «Оценка творческого потенциала личности» Е. И. Рогова.

По результатам анализа полученных данных с помощью методики КОС–2, можно сказать, что высокий уровень развития коммуникативных и организаторских способностей выявлен только у трети опрошенных (31 %). Эти студенты не теряются в нестандартных обстоятельствах, легко устанавливают дружеские отношения, постоянно стремятся к расширению круга общения, с удовольствием оказывают помощь и поддержку друзьям и близким. Они не боятся брать на себя инициативу в общении, способны принимать решения в затруднительных, нетривиальных ситуациях. Низкий уровень коммуникативных и организаторских способностей был диагностирован у пятой части студентов-экономистов (23 %). Эта группа респондентов не стремится к общению, предпочитает проводить время наедине с собой, испытывает сложности в установлении и развитии взаимоотношений с людьми. При этом они редко берут на себя инициативу и избегают принятия самостоятельных решений, не умеют отстаивать свои взгляды и ценности, а обиды и неудачи переживают долго и мучительно. Очень высокий уровень организаторских способностей был выявлен у 20 % респондентов, что свидетельствует о наличии у них способностей быстро ориентироваться в нестандартных ситуациях, принимать сложные самостоятельные решения, настойчиво отстаивать свое мнение и добиваться принятия своих решений. Они инициативны и активны в организации самых разных видов деятельности.

С помощью методики «Диагностика лидерских способностей» было установлено, что более половины опрошенных (49 %) лидерские качества развиты на среднем уровне. И только 6% опрошенных обладают ярко выраженными лидерскими способностями: инициативны, уверены в себе, смелы, целеустремлены, обладают твердой волей.

С помощью методики «Диагностика склонности к определённому стилю руководства Е. П. Ильина» нами было обнаружено, что подавляющее большинство опрошенных студентов специальностей экономического профиля (63 %) имеют выраженное тяготение к демократическому стилю руководства. В управленческой деятельности они не стремятся властвовать над своими подчинёнными, предпочитая взаимовыгодное сотрудничество, при этом

нацелены на создание благоприятной социально-психологической атмосферы в коллективе и внедрение в коллективе принципов доверия и сотрудничества. Только 11 % респондентов отдают предпочтение авторитарному стилю управления, основанному на единоличном руководстве и установлении строгой дисциплины. Выбор этого стиля предполагает наличие умений быстро принимать решения, брать на себя всю полноту ответственности, проявлять инициативу и быть активным. 17 % респондентов в выборе предпочитаемого стиля управления колеблются между авторитарным и демократическим стилями. Еще 9 % студентов отдали предпочтение либерально-демократическому стилю управления, предполагающему поддержание инициативы сотрудников, когда большое значение придается моральному и материальному стимулированию сотрудников. Руководители, предпочитающие либерально-демократический стиль избегают конфликтов, стремятся решать сложные вопросы только путем достижения согласия.

Согласно данным, полученным с помощью теста «Оценка творческого потенциала личности» Е. И. Рогова, у подавляющего большинства студентов-экономистов выявлен средний уровень развития творческого потенциала. У них есть качества, которые позволяют творчески подходить к решению нестандартных задач, однако они недостаточно развиты вследствие страха неудачи и/или фобии общественного осуждения. Только у 14 % опрошенных специалистов экономического профиля заложен значительный творческий потенциал, который предоставляет им богатый выбор творческих возможностей.

Таким образом, результаты исследования позволяют говорить, что будущие специалисты экономического профиля нуждаются, наряду с формированием компетенций профессиональной сферы, в интенсивном развитии компетенций социальной сферы (личностное саморазвитие, самообразование, коммуникабельность, предприимчивость). Профессиональная подготовка управленческих кадров в сфере экономики требует постоянного исследования и оптимизации с учётом современных психологических тенденций.

Список использованных источников

1 Горчакова, Р. Р. Основные черты и качества современного руководителя [Электронный ресурс] / Р. Р. Горчакова // Вестник МГУ. – 2009. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-cherty-i-kachestva-sovremennogo-rukovoditelya>. – Дата доступа: 29.03.2020.

Студенческие доклады

М. М. Амельченко

Научный руководитель: **А. Н. Крутолевич**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ПЕДАГОГОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОВЕДЕНИЯ ТРЕНИНГА «РЕСУРСЫ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ»

В данной статье представлены результаты исследования, в рамках которого рассматривается вопрос повышения уровня стрессоустойчивости педагогических работников. В статье освещены результаты исследования стрессоустойчивости и описаны основные этапы повышения уровня стрессоустойчивости. Установлено, что проведение 4-х дневного тренинга благоприятно повлияло на уровень стрессоустойчивости педагогов, об этом говорит прямая и статистически достоверная разница показателей стрессоустойчивости педагогов до тренинга и после.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, деятельность, ресурсы, педагоги

В деятельности педагога такие понятия как стресс и стрессоустойчивость являются одним из ключевых условий для комфортной, качественной и эффективной трудовой деятельности. Для осознания с какими проблемами может столкнуться педагог в своей деятельности, необходимо раскрыть такое понятие как «стресс». Одним из первых определение стресса дал Ганс Селье. Термин «стресс» был введен для обозначения неспецифической реакции организма как ответа на любое сильное воздействие. Также Р. Лазарусом было введено понятие физиологического и психологического (эмоционального) стресса. В то время как физиологический стресс связан непосредственно с реальным раздражителем, психологический стресс характеризуется человеком, который оценивает ситуацию, как трудную или угрожающую ему, основываясь на индивидуальном опыте и знаниях. Можно отметить, что стресс – это психологическая реакция, являющаяся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни.

Понятие «стрессоустойчивость» имеет в научной литературе достаточно широкое освещение. По мнению Б. Х. Варданяна стрессоустойчивость определяется как особое взаимодействие между всеми компонентами психической деятельности, в том числе эмоциональными. Он считает, что стрессоустойчивость «...можно более конкретно определить, как свойство личности, обеспечивающее гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации и, тем самым, содействующее успешному выполнению деятельности».

В свою очередь П. Б. Зильберман обратил свое внимание на то, что устойчивость может быть не совсем целесообразным явлением, которое характеризует отсутствие четкой и адекватной интерпретации изменившейся ситуации. И говорит о недостаточности гибкости и приспособляемости. Он также предложил свою трактовку стрессоустойчивости. Также по мнению П.Б.Зильбермана «...интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивидуума, которое обеспечивает оптимальное успешное достижение цели деятельности в сложной эмоциональной обстановке». [1, 2].

Итак, стрессоустойчивостью можно назвать самооценку способности и возможности преодолеть экстремальную ситуацию, которая связана с ресурсами личности или потенциалом различных функциональных характеристик, обеспечивающих общие виды жизнедеятельности и различные формы реагирования и адаптации.

По мнению Р. Лазаруса, «сохранение, повышение или выработка стрессоустойчивости личности связано с поиском, сохранением и адекватным использованием ресурсов, помогающих ей в преодолении негативных последствий стрессовых ситуаций». Характер, способы преодоления стрессовых ситуаций, стратегии и модели совладающего поведения со стрессом или копинг-стратегии можно назвать важными категориями ресурсов стрессоустойчивости [2].

Особую важность приобретает изучение стрессоустойчивости и различных механизмов совладающего поведения, так как отсутствует единая теория, адекватно поясняющая специфику и особенности копинг-поведения в профессиональной деятельности педагога. Стрессоустойчивость можно определить, как способность сохранять эффективность в условиях стресса. Однако, это не борьба со стрессом, а скорее способность адаптироваться к нему.

Вернемся к теме стрессоустойчивости в педагогической деятельности. А. А. Реан (2006) считает, что показатели уровня стрессоустойчивости педагога могут сказываться на особенности личности учащихся. Так как стресс наиболее часто встречается и более резко выражается в профессиях системы «человек - человек». Профессию педагога на сегодняшний день можно назвать одной из наиболее стрессогенных. Профессиональный стресс в деятельности педагога, это состояние напряжения, последствием которого является снижение эффективности выполняемой профессиональной деятельности, и требует дополнительных ресурсов для решения поставленных задач. Важно отметить, что стрессоустойчивость не является врожденным свойством личности и напрямую зависит от уровня таких навыков как эмоциональная саморегуляция, воздействие личности на саму себя с целью приведения себя в оптимальное состояние. Главная мысль, касаемо управления стрессом и повышения стрессоустойчивости – активная роль в борьбе со стрессом

принадлежит педагогу, только он сам управляет стрессом в своей профессиональной деятельности. Педагог, обладающий высоким уровнем стрессоустойчивости, относится к проблемам, возникающим в процессе профессиональной деятельности не как к угрозе, а как к ситуации требующей решения и стабилизации его профессиональной направленности.

Для того, чтобы изучить возможность повышения уровня стрессоустойчивости педагогов было проведено исследование. Исследование проводилось на базе ГУО «Новогутская детская школа искусств» Гомельского района и ГУО «Новогутская средняя общеобразовательная школа» Гомельского района. В исследование принимали участие педагоги данных школ. Общй объем выборки составил 73 человек. Возраст испытуемых 20–68 лет. Стаж работы в данной сфере от 2 до 48 лет. Для определения уровня стрессоустойчивости была использована методика «Тест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона». Для повышения стрессоустойчивости был проведён тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». Основой данного тренинга послужила программа одноименного тренинга авторов Г. Б. Моница и Н. В. Раннала. Данный тренинг рассчитан на 4 дня.

На первом этапе проведения исследования были сделаны замены, для определения уровня стрессоустойчивости педагогов до начала работы в тренинге.

Следующий этап заключался в проведение тренинга и обязательном участии в нем всех испытуемых. В процессе работы в первый день проведения тренинга испытуемым были предложены упражнения, целью которых было: прояснить явные и неявные правила, действующие в данной группе, познакомить участников друг с другом, развить партнерских взаимоотношений. Далее задачей тренинга было осознание участникам своих представлений о стрессе, определение своего отношения к данному феномену. Выявление субъективных трудностей, переживаемых членами группы в настоящий момент, и личных ресурсов противостояния стрессовым ситуациям. Осознание не только негативных последствий стресса, но возможностей, связанных с раскрытием ресурсов личности, переживающей стресс. Обучение анализу различных видов адаптивного и дезадаптивного поведения в ситуациях фрустрации; делая акцент внимания группы на последствиях дезадаптивного поведения. Обнаружить ситуации, являющиеся для участников тренинга стрессогенными. Выявить индивидуальный стиль выхода из стрессовой ситуации. Так же целью упражнений тренинга было обучение действовать в условиях стресса, при этом контролировать себя и формировать навык не терять способности концентрировать свое внимание на проблеме. В завершении были предложены упражнения, которые направлены на восстановление сил и мобилизацию участников для следующих творческих упражнений. Также испытуемым была предложена мини-лекция на тему «Стресс».

Целью второго дня было установить контакт между участниками, разрушить привычные стереотипы приветствия. Снятие эмоционального напряжения и продолжить знакомство участников группы, выявить стратегии поведения в стрессовой ситуации. Развить слуховое внимание, умение слышать партнера. Развивать чувство уверенности в тревожной ситуации, связанной с будущими событиями, развивать ресурсы личности. Обучение отработке навыка конструктивного выхода из конфликтной ситуации. Обобщение информации, полученной в течение дня.

Цель упражнений в третий день была такова: развить умение понимать и анализировать собственные эмоции; помощь в выявлении иррациональных установок, лежащих в основе некоторых негативных эмоций; помощь в понимании и принятии эмоций других людей. Закрепление полученного теоретического материала, обмен опытом участников, упражнение по итогу которого необходимо принять групповое решение. Научиться отрабатывать предложенные способы справиться с отрицательными эмоциями, а так же снизить эмоциональное напряжение. Так же в ходе тренингового занятия были предложены упражнения предоставляющий участникам возможность получить обратную связь по поводу своих проблем, а так же обменяться опытом с другими участниками. Продемонстрировать наглядно ресурсы человека, в результате чего у участников повышается самооценка. Обобщить полученные в ходе тренинга материалы, обмен опытом участников.

Упражнения четвертого (заключительного) дня были нацелены на то, чтобы участники осознали потребности своего тела в движении; развивали спонтанность движений, через повторение пластики другого, развивали собственную эмпатию. Упражнения нацеленные на растягивание позвоночника, а так же помогающие расслабить плечевой пояс и руки, осознать зажимы в данных областях. Участникам тренинга была предоставлена возможность проследить взаимосвязь между его эмоциональным состоянием и дыханием. Также участникам была предложена методика, для проработки навыка дыхательной саморегуляции. Участники в ходе занятия тренировали зрительное воображение и зрительную память, а также умение концентрировать свое внимание на внутренних образах. Участники освоили техники саморегуляции при переживании гнева и агрессии. Развивали навыки релаксации с помощью дыхательных техник и визуализации, осознанием ресурсов стрессоустойчивости и их визуальное закрепление.

Заключительным этапом является контрольное получение данных участников, для изучения изменений самооценки в связи с прохождением тренинга.

Для изучения возможности повысить уровень стрессоустойчивости, необходимо сравнить показатели данных «Стрессоустойчивость до проведения коррекционной работы» и «Стрессоустойчивость после проведения коррекционной работы». Среднее значение стрессоустойчивости «До» составляет 22,70 балла, при стандартном отклонении 5,661. Среднее значение стрессоустойчивости «После» – 20,29. Отметим, что изменение уровня стрессоустойчивости после проведения коррекционной работы статистически достоверны – на это указывает Т-критерий Стьюдента который равен 9,018 при $p = 0,000$. Стоит отметить, что высокий балл в методике «Гест самооценки стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона» – является признаком низкой стрессоустойчивости у испытуемого.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что благодаря программе направленной на коррекцию уровня стрессоустойчивости удалось сдвинуть нас интересующие показатели в положительную сторону. Так же можно отметить, что при регулярной работе направленной на повышение уровня стрессоустойчивости и при личном желании педагога, что-то изменить в своей жизни и профессиональной деятельности возможно увеличение уровня стрессоустойчивости.

Список использованных источников

- 1 Конопкин, О. А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) / О. А. Конопкин. – Москва, 2018. – 320 с.
- 2 Мандель, Б. Р. Психология стресса / Б. Р. Мандель. – Москва : Флинта, 2014. – 280 с.

Т. Н. Бардыга

Научный руководитель: **О. В. Маркевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КОРРЕКЦИЯ ТРЕВОЖНОСТИ И АГРЕССИВНОСТИ У СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА СО СТАЖЕМ БОЛЕЕ 10 ЛЕТ

Статья посвящена изучению тревожности и агрессивности у среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет. На основе результатов, полученных в ходе диагностики, была разработана и проведена коррекционная программа по снижению тревожности и агрессивности у среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет. Представлены результаты эмпирического исследования после проведения коррекционной программы и описана ее эффективность.

Ключевые слова: тревожность, агрессивность, медицинский работник, стаж, коррекция, эмпирическое исследование.

Актуальность темы определяется острой потребностью белорусской науки и практики, и выражается в познании индивидуальных факторов и особенностей, травмирующего действия тревожности и агрессивности на психику. Медицинские работники, постоянно сталкивающиеся с болезнями и со страданиями пациентов, вынуждены воздвигать своеобразный барьер психологической защиты. Они становятся менее эмпатичными, может проявляться повышенный уровень тревожности и агрессивности.

Изучением данной проблемы в зарубежной науке занимались З. Фрейд, А. Фрейд, К. Хорни, С. Салливен, А. Эллис, Р. Мэй, О. Х. Маурер, Ч. Д. Спилберг, К. Лоренц, А. Басс, Л. Берковец, А. Бандура, М. Клайн и многие другие. В отечественной психологии данной проблемой занимались В. М. Астапов, А. М. Прихожан, Р. С. Немов, С. С. Степанов, В. В. Давыдов, С. С. Суворов, В. В. Левитов, А. А. Реан, М. М. Решетников, Т. Г. Румянцева, Н. К. Платонов, С. Колосова, С. Л. Соловьева и другие.

Согласно определению Н. Д. Левитова, «тревожность – это психическое состояние, которое вызывается возможными и вероятными неприятностями, неожиданностями, изменениями в привычной обстановки и деятельности, и выражающегося в специфических переживаниях (опасения, волнения, нарушения покоя)» [1, с. 76]. По мнению Л. Берковиц, «агрессивность – негативная установка к иному человеку или группе людей, которая выражается в крайне неблагоприятной оценке своего объекта – жертвы и проявляется в демонстрации враждебного отношения и неприязни к конкретному человеку, в желании ему зла» [2, с. 331]. Для диагностики уровня выраженности тревожности и агрессивности у среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет были выбраны следующие методики: «Интегративный тест тревожности» А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана, Б. В. Иовлева, тест «Агрессивность в отношениях» А. Ассингера. Выборку исследования составили 80 медицинских работников в возрасте от 35 до 50 лет УЗ «Солигорская центральная районная больница» Минской области.

В таблицах 1–3 представлены статистически значимые различия показателей до и после проведения коррекционной работы.

Таблица 1 – Результаты исследования ситуативной тревожности по методике «Интегративный тест тревожности» А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана, Б. В. Иовлева до и после проведения коррекционной программы среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет (n=20)

Шкалы	Уровень	До проведения коррекционной программы	После проведения коррекционной программы	Достоверность различий ϕ^* - критерий углового преобразования Фишера
Общий показатель ситуативной тревожности	низкий	-	5	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 3,312$ при $p \leq 0,01$
	высокий	13	4	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 2,998$ при $p \leq 0,01$
Эмоциональный дискомфорт	высокий	9	3	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 2,135$ при $p \leq 0,05$
Астенический компонент	высокий	12	4	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 2,672$ при $p \leq 0,01$
Фобический компонент	высокий	7	2	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,969$ при $p \leq 0,05$
Тревожная оценка перспективы	высокий	8	3	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,815$ при $p \leq 0,05$
Социальная реакция защиты	высокий	7	2	$\phi^*_{\text{эмп.}} = 1,969$ при $p \leq 0,05$

Анализируя результаты, представленные выше в таблице, отметим, что после проведения коррекционной программы тревожность как индивидуальная черта личности, которая формируется из-за частого неправильного способа преодоления состояния тревоги, из-за частых ошибок и неадекватных реакций на них со стороны окружающих, значительно снизилось. Так же уменьшилось процентное соотношение с высоким показателем личностной тревожности (с 70 % до 25 %). Такую положительную динамику роста уровня «личностной тревожности» можно связать с тем, что после проведения коррекционной программы у медицинских работников повысилась чувство ответственности, самоконтроля, желание самоутвердиться в личностном и профессиональном плане, повысилась компетентность, уверенность в себе. На фоне этого наблюдается снижение всех дополнительных компонентов ситуативной тревожности.

Таблица 2 – Результаты исследования личностной тревожности по методике «Интегративный тест тревожности» А. П. Бизюка, Л. И. Вассермана, Б. В. Иовлева до и после проведения коррекционной программы среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет (n=20)

Шкалы	Уровень	До проведения коррекционной программы	После проведения коррекционной программы	Достоверность различий критерия φ^* - критерий преобразования Фишера
Общий показатель личностной тревожности	низкий	-	4	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,932$ при $p \leq 0,01$
	высокий	14	5	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,957$ при $p \leq 0,01$
Эмоциональный дискомфорт	высокий	9	4	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,135$ при $p \leq 0,05$
Астенический компонент	высокий	11	4	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,352$ при $p \leq 0,01$
Фобический компонент	нормальный	6	12	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 1,938$ при $p \leq 0,01$
Оценка перспективы	высокий	9	3	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,135$ при $p \leq 0,05$
Социальная реакция защиты	нормальный	7	13	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 1,927$ при $p \leq 0,05$

Таблица 3 – Результаты уровня агрессивности по тесту «Агрессивность в отношениях» А. Ассингера до и после проведения коррекционной программы у среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет (n=20)

Показатели	До проведения коррекционной программы	После проведения коррекционной программы	Достоверность различий с помощью критерия φ^* - углового преобразования Фишера
Высокий уровень	14	5	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2.957$ при $p \leq 0,01$
Умеренный уровень	6	12	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 1.938$ при $p \leq 0,05$
Низкий уровень	-	3	$\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2.515$ при $p \leq 0,01$

Данные повторной диагностики в корректируемой группе у медицинских работников показали, что уровень агрессивности значительно снизился с 70 % до 25 % (в численном показателе снижается на 9 человек). Это свидетельствует, что медицинские работники, принявшие участие в коррекционной программе, стали более сдержанными по отношению к окружающим, но все же иногда, могут вспылить. Контролируют эмоционально отрицательные реакции на трудные жизненные ситуации, негативно сказывающиеся на их эмоциональном фоне. Анализ результатов диагностического исследования показал, что у 25 % (20 опрошенных) среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет выявлены высокие показатели уровня тревожности и агрессивности. Данная категория медработников обладает высокой эмоциональностью, низкой самооценкой, добивается успеха, жертвуя интересами окружающих, испытывают неприязнь к пациентам и сослуживцам, при малейшей возможности идут на конфликт, бывают нерешительными и неуверенными в себе.

На основе полученных данных была разработана и проведена коррекционная программа, целью которой являлось снижение выраженности тревожности и агрессивности у среднего медицинского персонала со стажем работы более 10 лет. По завершению программы была проведена вторичная диагностика у медицинских работников стаж, которых более 10 лет с целью проверки эффективности проведенных коррекционных занятий. Анализ данных, полученных после проведения коррекционной программы, показывает, что тревожность, направленная на различные внешние ситуации, у медицинских работников значительно снизилась. Это может свидетельствовать об уверенном поведении и отсутствии страха в экстремальных ситуациях. Так же уменьшилось процентное соотношение с высоким показателем ситуативной тревожности (с 65 % до 20 %). Медицинские работники уверены в себе и своей деятельности, не боятся потерпеть неудачу, стремятся к успеху. На фоне этого наблюдается снижение всех дополнительных компонентов ситуативной тревожности.

В результате математической статистической обработки полученных данных были выявлены значимые различия по всем показателям в корректируемой группе у медицинских работников. Это доказывает, что после проведения коррекционной программы показатели «высокий уровень тревожности и агрессивности» оказались значительно ниже, чем до проведения коррекционной программы. Можно сделать вывод, что проведенная коррекционная работа по снижению уровня тревожности и агрессивности у среднего медицинского персонала со стажем более 10 лет является эффективной.

Список использованных источников

- 1 Прохоров, А. О. Определение понятия «психическое состояние» / А.О. Прохоров // Психология состояний. – СПб. : Речь, 2014. – 320 с.
- 2 Берковиц, Л. Агрессия: Причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб., 2010. – 512 с.

А. С. Булдачёва

Научный руководитель: **Е. А. Лупекина**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЭМПАТИИ У МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЁР

Эмпатия является необходимой личностной характеристикой у медицинских сестёр и одним из профессионально значимых качеств. Проблеме исследования взаимосвязи эмоционального выгорания и эмпатии у медицинских сестер посвящено множество работ, которые обосновывают закономерности, рассматривают различные взгляды ученых.

Ключевые слова: эмпатия, медицинские сёстры, эмоциональное выгорание.

Проблема эмпатии стала изучаться с XVII века, когда начался расцвет философской мысли. В основном, исследованием такого рода проблем тогда занимались отдельные отрасли философии – этика и эстетика, и впервые понятие «эмпатия» было введено Э. Титченером [1]. В кратком психологическом словаре, под редакцией С. Ю. Головина, определение «эмпатия» трактуется следующим образом: от греч. «empathēia» – сопереживание – постижение эмоционального состояния, проникновение, вчувствование в переживания другого человека [2]. Г. М. Андреева, напротив, обратила внимание на то, что эмпатия – это особый способ понимания другого индивида. Она утверждает, что эмпатия – это эмоциональный отклик, а не рациональное осмысление проблем другого человека [3]. И. М. Юсупов просит обратить внимание на то, что феномен эмпатии занимает одно из главных мест в понимании человеком объектов социальной природы, в достижении личностью коммуникативной компетентности, при оказании психотерапевтической и медицинской помощи, в эффективном взаимодействии обучающего и обучаемого [4]. Таким образом, теоретический анализ феномена эмпатии демонстрирует, что эмпатия определяется, как осознание и постижение внутреннего мира другого человека, сочувствие, сопереживание к другому лицу. Эмпатия – это всегда положительное отношение, что сказывается на прочном установлении контакта и межличностных отношениях.

«Эмоциональное выгорание» как явление рассматривается как долговременная стрессовая реакция или синдром, образующийся вследствие длительных профессиональных стрессов средней интенсивности. В связи с этим синдром «эмоционального выгорания» обозначается рядом авторов понятием «профессиональное выгорание», что позволяет рассматривать это явление в аспекте деформации профессионала под влиянием профессиональных стрессов [5, с. 85]. По мнению В. В. Бойко, эмоциональное выгорание – это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия [6].

Таким образом, мы видим, что профессия медицинской сестры может быть отнесена к «разряду стрессогенных, требующих от неё самообладания и саморегуляции». Проявления стресса в работе медицинской сестры многообразны и обширны. Так, в первую очередь выделяются фрустрированность, тревожность, депрессия, эмоциональная ригидность и эмоциональное опустошение.

Исследование проводилось на базе УЗ «Добрушская центральная районная больница». Выборка исследования: приняли участие 61 медицинская сестра женского пола в возрасте от 20 до 62 лет со стажем работы от 1 до 41 года. Для выявления особенностей личностных характеристик использовались следующие диагностические методики: методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко, методика исследования уровня эмпатийных тенденций И. М. Юсупова, опросник выгорания К. Маслач. Достоверность результатов исследования обусловлена применением методик, соответствующих цели и задачам эмпирического исследования. Результат распределения медсестер по сформированности фаз синдрома эмоционального выгорания (методика диагностики уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко) представлен на рисунке 1.

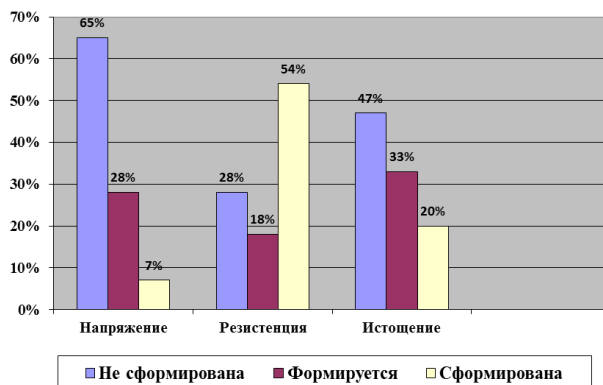

Рисунок 1 – Сформированность фаз синдрома эмоционального выгорания у медицинских сестер (в %)

Из рисунка 1 мы видим, что у большинства медицинских сестёр (54 %) сформирована фаза резистенции. Это говорит о наличии у данных специалистов развитых психологических защит, механизмов оппозиции. Фаза напряжения (65 %) и истощения (47 %) у большинства не сформирована. У половины медицинских сестёр в стадии формирования находятся все три фазы: напряжение (28 %), резистенции (18 %), истощения (33 %), это говорит о том, что большинство специалистов испытывают в процессе трудовой деятельности эмоциональное напряжение и стресс, которые вызывают развитие симптомов эмоционального выгорания.

Таким образом, большинство медицинских сестёр имеют сформированную фазу «резистенции» синдрома эмоционального выгорания, а также сформированы такие симптомы как переживание психотравмирующих обстоятельств неадекватное эмоциональное реагирование, редукция профессиональных обязанностей.

Распределение медсестер по уровню эмпатийных тенденций (методика И. М. Юсупова) представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели эмпатийности у медицинских сестёр (в %)

Уровень	Количество человек	%
Высокий	0	0
Средний	53	87
Низкий	8	13

Таким образом, можно говорить о наличии у медицинских сестёр среднего уровня эмпатийности. В большинстве случаев профессиональное выгорание представляется как процесс убытка профессиональной эффективности, снижения коммуникативных качеств и развития нервно-психической дезадаптации вплоть до неизменных изменений личности. Причиной профессионального выгорания являются как неблагоприятные условия работы, так и индивидуальные особенности личности работника.

Результат распределения медсестер по степени выраженности и распространенности синдрома выгорания представлен на рисунке 2.

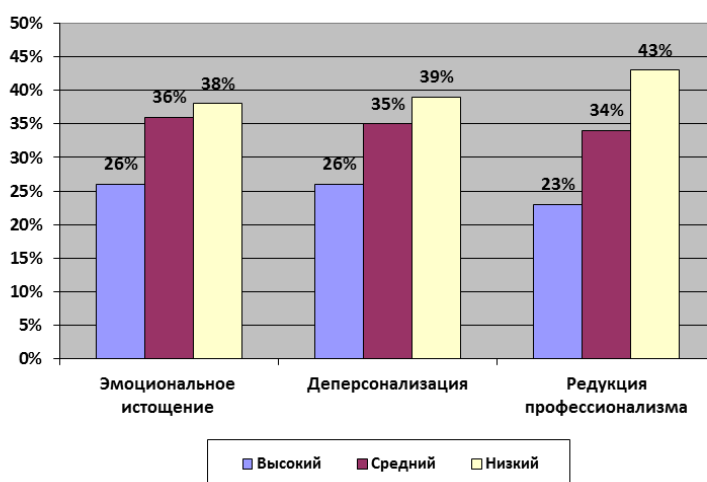

Рисунок 2 – Результат распределения медсестёр по степени выраженности и распространенности синдрома выгорания (в %)

Данные, полученные по методикам: уровень эмпатийных тенденций и уровень эмоционального выгорания, были подвержены статистической обработке с помощью критерия г-Пирсона.

Результаты исследования по методикам приведены в таблицах 2, 3.

Таблица 2 – Результаты исследования уровня эмпатийных тенденций И. М. Юсупова и уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко при помощи критерия r-Пирсона.

Факторы	Уровень эмоционального выгорания В. В. Бойко		
	Шкала «Напряжение»	Шкала «Резистенция»	Шкала «Истощение»
Уровень эмпатии	-0,12	-0,09	-0,10

Таблица 3 – Результаты исследования уровня эмпатийных тенденций И. М. Юсупова и уровня эмоционального выгорания К. Маслач при помощи критерия r-Пирсона.

Факторы	Уровень эмоционального выгорания К. Маслач		
	Шкала «Эмоциональное истощение»	Шкала «Деперсонализация»	Шкала «Редукция профессиональных достижений»
Уровень эмпатии	-0,14	0,16	0,36

Ввиду того, что величина расчетного коэффициента корреляции попала в зону значимости – H_1 отвергается и принимается гипотеза H_0 . Полученная обратная зависимость говорит о том, что чем выше синдром эмоционального выгорания, тем ниже эмпатия у медицинских работников и наоборот.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило изучить методы и методики исследования синдрома эмоционального выгорания и теоретически обосновать взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и эмпатии.

В данной работе исследовались сформированности фаз синдрома эмоционального выгорания у медсестер. Исследование показало, что у большинства медсестер сформирована фаза резистенции, симптомы которой отражают сформированность защитных механизмов, при этом сформированность данных симптомов деформирует личность профессионала, человек осознанно или бессознательно стремится к психологическому комфорту, снизить давление внешних обстоятельств с помощью имеющихся в его распоряжении средств. Исследование не выявило медицинских сестёр со сформированной фазой истощения, что говорит о высокой сопротивляемости к стрессу.

Так же выявлена взаимосвязь между синдромом эмоционального выгорания и эмпатии у медицинских сестёр, а именно, чем выше синдром эмоционального выгорания, тем ниже эмпатия у медицинских работников и наоборот.

Список используемых источников

- 1 Гиппенрейтер, Ю. Б. Феномен конгруэнтной эмпатии / Ю. Б. Гиппенрейтер, Т. Д. Карягина, Е. Н. Козлова // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 61–68.
- 2 Головин, С. Ю. Словарь практического психолога: справочная литература / С. Ю. Головин. – Мн. : Харвест, 2003. – 800 с.
- 3 Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект-Пресс, 2016. – 363 с.
- 4 Юсупов, И. М. Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / И. М. Юсупов ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1995. – 34 с.
- 5 Форманюк, Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т. В. Форманюк // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 54–112.
- 6 Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других : монография / В. В. Бойко. – М. : Филинь, 1996. – 472 с.

И. К. Вендорф

Научный руководитель: **О. Н. Мельникова**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ РУКОВОДСТВА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена проблеме удовлетворенности трудовой деятельностью. В статье представлены результаты исследования удовлетворенности трудовой деятельности в коллективах СП ОАО «Спартак» с различным стилем руководства, которые показали наличие взаимосвязи между этими показателями и характер этой взаимосвязи. Представлен анализ уровня удовлетворенности трудовой деятельностью у сотрудников, руководители которых предпочитают тот или иной стиль.

Ключевые слова: стиль руководства, коллегиальный стиль, директивный стиль, попустительский стиль, удовлетворенность трудовой деятельностью, взаимосвязь.

Удовлетворенность трудовой деятельностью является одним из важных факторов повышения производительности и эффективности труда, является индикатором проблемных областей в организации, так как связана со многими организационными явлениями: продуктивностью и эффективностью трудовой деятельности, трудовой мотивацией, организационной лояльностью, вовлеченностью в работу, количеством прогулов и текучестью кадров. Повышение удовлетворенности трудовой деятельностью формирует положительное отношение к работе, вследствие чего приводит к повышению продуктивности и эффективности труда.

Анализ работ М. Аргайла, К. Замфира, А. Г. Шмелева, А. И. Зеличенко, В. А. Толочек, Л. В. Карташовой и др. позволил выделить внешние и внутренние факторы удовлетворенности трудовой деятельностью. Например, согласно классификации В. А. Толочек, к внутренним факторам можно отнести профессиональные качества (уровень знаний, навыков, профессиональный опыт), морально-нравственные и организационные качества (целеустремленность, дисциплинированность, ответственность, аккуратность), психологические качества (трудовая направленность, ПВК, тревожность, интернальность, агрессивность, склонность к риску), физиологические факторы (острые и хронические заболевания, пороги чувствительности анализаторов, возрастные изменения, вредные привычки), физические факторы (уровень развития силы, скорости, ловкости, выносливости) [1, с.46].

Вышеперечисленные факторы оказывают влияние на удовлетворенность трудовой деятельностью, однако существует предположение, что от выбора стиля руководства зависит не только авторитет управленца и эффективность его работы, но также эффективность и удовлетворенность трудовой деятельностью его сотрудников. Таким образом, оптимальный стиль руководства является одним из важных факторов удовлетворенности трудовой деятельности, успешности выполнения задач организации и коллектива [2, с. 90].

С целью изучения стиля руководства и удовлетворенности трудовой деятельностью нами было организовано и проведено исследование, которое проводилось на базе СП ОАО «Спартак». Выборочную совокупность составили 100 работников бисквитного, вафельного, карамельного цеха в возрасте от 19 до 56 лет со стажем работы от 0,6 года до 36 лет. В качестве психодиагностического инструментария использовались методика определения стиля руководства трудовым коллективом (В. П. Захарова, А. Л. Журавлева) [3]; опросник «Интегральная удовлетворенность трудом» (А. В. Батаршева) [3]. В качестве метода математической статистики использовался метод ранговой корреляции Ч. Спирмена.

На первом этапе исследования нами было проведено изучение стиля руководства трудовым коллективом с помощью методики определения стиля руководства трудовым коллективом (В. П. Захарова, А. Л. Журавлева).

Результаты исследования стиля руководства трудовым коллективом, основанные на представлениях работников СП ОАО «Спартак», показали, что 37% работников указывают на то,

что их руководство использует директивный стиль. 25% работников считают, что их руководитель придерживается попустительского стиля руководства, 38% работников оценивают стиль своего руководителя как самый оптимальный стиль руководства – коллегиальный стиль.

Результаты исследования удовлетворенности трудом работников СП ОАО «Спартак» с разным стилем руководства их руководителей, полученные с помощью опросника «Интегральная удовлетворенность трудом» (А. В. Батаршева), представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования удовлетворенности трудом работников СП ОАО «Спартак» с разным стилем руководства их руководителей, полученные с помощью опросника «Интегральная удовлетворенность трудом» (А. В. Батаршева)

Шкалы	Уровень	Работники, у руководителей которых выявлен стиль руководства		
		директивный (n = 37)	попустительский (n = 25)	коллегиальный (n = 38)
Интерес к работе	низкий	23	6	3
	средний	8	9	10
	высокий	6	10	25
Удовлетворенность достижениями на работе	низкий	9	11	7
	средний	24	10	21
	высокий	4	4	10
Удовлетворенность взаимоотношениями с сотрудниками	низкий	1	0	0
	средний	5	4	4
	высокий	31	21	34
Удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	низкий	29	0	0
	средний	8	7	0
	высокий	0	18	38
Уровень притязаний в профессиональной деятельности	низкий	6	2	4
	средний	16	15	13
	высокий	15	8	21
Предпочтение выполняемой работы высокому заработку	низкий	22	18	21
	средний	12	2	14
	высокий	3	5	3
Удовлетворение условиями труда	низкий	13	5	2
	средний	18	12	12
	высокий	6	8	24
Профессиональная ответственность	низкий	3	5	5
	средний	26	17	24
	высокий	8	3	9
Общая удовлетворенность трудом	низкий	12	3	0
	средний	17	9	9
	высокий	8	13	29

На заключительном этапе исследования для выявления взаимосвязи стиля руководства и удовлетворенности трудовой деятельностью нами была проведена статистическая обработка данных с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. Данный коэффициент предназначен для расчета силы и направления линейной зависимости между переменными исследования. В таблице 2 представлены коэффициенты линейных корреляций стиля руководства и удовлетворенности трудовой деятельностью.

Таблица 2 – Коэффициенты линейных корреляций стиля руководства и удовлетворенности трудовой деятельностью

Связываемые шкалы	n	Коэффициент корреляции r (*p < 0.05 ; **p < 0.01)	Вид взаимосвязи
директивный стиль руководства – удовлетворенность профессией	100	-0.233*	обратная
директивный стиль руководства – неудовлетворенность профессией	100	0.279**	прямая
директивный стиль руководства – интерес к работе	100	-0.331**	обратная
директивный стиль руководства – удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	100	-0.686**	обратная
директивный стиль руководства – удовлетворенность условиями труда	100	-0.286**	обратная
директивный стиль руководства – общая удовлетворенность трудом	100	-0.523**	обратная
коллегиальный стиль руководства – интерес к работе	100	0.447**	прямая
коллегиальный стиль руководства – удовлетворенность взаимоотношениями с руководством	100	0.759**	прямая
коллегиальный стиль руководства – удовлетворенность условиями труда	100	0.441**	прямая
коллегиальный стиль руководства – общая удовлетворенность трудом	100	0.692**	прямая

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило выявить взаимосвязь между стилем руководства и удовлетворенностью трудовой деятельностью. Чем более выражен директивный стиль руководства, тем ниже удовлетворенность профессией, трудом, тем менее выражен интерес к работе, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством, удовлетворенность условиями труда. Чем более выражен коллегиальный стиль руководства, тем выше удовлетворенность трудом, тем более выражен интерес к работе, удовлетворенность взаимоотношениями с руководством, а также удовлетворенность условиями труда.

У работников, руководители которых придерживаются директивного стиля руководства, у подчиненных отмечается неудовлетворенность трудом, профессией, взаимоотношениями с руководством, условиями труда, отсутствием интереса к работе. В профессиональной деятельности, как считают работники, преобладают малопривлекательные факторы, такие как маленькая зарплата, переутомление, большой рабочий день, невозможность самосовершенствования, несоответствие работы способностям и характеру, невозможность достичь социального призвания и уважения. Также в качестве малопривлекательных факторов профессии работники отнесли подчиненность руководителю, который, по их мнению, «всегда чем-то не доволен», «не ведет в счет наши пожелания и индивидуальные особенности». Работники жалуются на отсутствие обратной связи с руководством, на непонимание со стороны руководства, отсутствия поощрений.

У работников, руководители которых придерживаются коллегиального стиля руководства, у подчиненных отмечается удовлетворенность трудом, условиями труда, взаимоотношениями с руководством и развитым интересом к работе. У них более выражен интерес к тому, чем они занимаются на работе, их привлекает возможность узнать что-то новое, рабочим процессом они,

в принципе, удовлетворены. У них отмечается сбалансированность требований, предъявляемых к содержанию профессиональной деятельности, характеру и условиям труда, субъективная оценка возможностей реализации этих запросов.

Стиль руководства образует «относительно устойчивую, сложившуюся под влиянием ряда факторов (объективных и субъективных) систему способов поведения и действий руководителя в отношениях с работниками, благодаря которой руководитель может организовать и повлиять на межличностные отношения в коллективе, воздействовать на работников с целью достижения поставленных задач и выразить свое собственное понимание принципов и задач управления».

В условиях экономического развития нашей страны удовлетворенность трудовой деятельностью сотрудников является одним из важнейших показателей, которые характеризуют трудовую деятельность с точки зрения ее трудовой активности. Удовлетворенность трудовой деятельностью показывает эмоциональное и психическое состояние человека в ходе его трудовой деятельности, оно рассматривается в совокупности всех его показателей в определенный период времени.

С целью повышения уровня удовлетворенности трудовой деятельностью у руководителей необходимо сформировать понимание о влиянии различных стилей руководства на коллектив, помочь идентифицировать свой текущий и оптимальный стиль руководства и определить потенциальные области применения; обучить технике и практике применения каждого из стилей руководства. Для повышения удовлетворенности трудовой деятельностью сотрудников руководителям необходимо проявлять уважение к личности сотрудников, обеспечить климат взаимного уважения и доверия, совершенствовать условия труда, предоставить возможность для саморазвития и повышения профессионализма, осуществлять стимулирование в соответствии с результатами работы, использовать более коллегиальные формы руководства.

Список использованных источников

- 1 Толочек, В. А. Современная психология труда / В. А. Толочек. – СПб. : Питер, 2005. – 479 с.
- 2 Нечипоренко, О. П. Стиль руководства как фактор социально-психологического климата коллектива и удовлетворенности работой / О. П. Нечипоренко // Вестник Омского Университета. – 2013. – № 1. – С. 45 – 52.
- 3 Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В.В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – 490 с.

Е. М. Горбунова

Научный руководитель: **Ю. Л. Поташева**, старший преподаватель
УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова»,
г. Витебск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПРОВОДНИКОВ ПАССАЖИРСКИХ ВАГОНОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается профессиональное выгорание проводников пассажирских вагонов. Автором приводятся данные эмпирического исследования особенностей профессионального выгорания проводников пассажирских вагонов на разных этапах профессионализации.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, симптомы выгорания, фазы профессионального выгорания, фаза напряжения, фаза резистенции, фаза истощения.

Профессиональное выгорание характерно для представителей социэкономических профессий, к которым относятся проводники пассажирских вагонов. На базе УП «Витебское отделение Белорусской железной дороги» было проведено исследование особенностей профессионального

выгорания проводников пассажирских вагонов на разных этапах профессионализации: 1 этап – до 1 года работы (профессиональная подготовка), 2 этап – от 2 до 3 лет (первичная профессионализация), 3 этап – от 5 до 7 лет работы (вторичная профессионализация). В исследовании приняло участие 43 человека.

Профессиональное выгорание оценивалось с помощью методика диагностики уровня «Эмоционального выгорания» В. Бойко.

Симптомы профессионального выгорания проявляются не равномерно на трех этапах профессионализации. На этапе до 1 года работы на фазе напряжения наиболее ярко выражается симптом «Переживание психотравмирующих обстоятельств». Здесь человек осознает, что существуют некие определенные психотравмирующие обстоятельства, и если человек не ригиден, то раздражение растет, а соответственно и растет отчаяние не решения ситуации. Соответствующий стиль саморегуляции поведения данному симптому – это самостоятельность и планирование. Это связано с осознанностью проявления психотравмирующих обстоятельств, а также желание развиваться и преодолеть данные травмирующие факторы. Ведь здесь первый этап профессионализации и вхождение в профессиональную деятельность. Развитие в ней является основной задачей данного этапа. В фазе резистенции проявляется симптом «Редукция профессиональных обязанностей» и данное проявление показывает, что всевозможные обязанности профессиональной деятельности в общении с людьми, человек старается облегчить или вовсе сократить все обязанности в плане эмоциональных затрат. Если, проще говоря, то обделяют вниманием клиентов. И соответствующее проявление уровня саморегуляции поведения в данном случае – это планирование и моделирование. Специалист как бы моделирует и планирует примерное поведение с учетом редукции профессиональных обязанностей или проще нежелания уделять должного внимания пассажиру.

Фаза истощения выражена симптомом «Эмоционального дефицита». То есть, специалист уже чувствует, что не может войти в положение клиента, посочувствовать, не может отзывать на ситуации, которые должны трогать, побуждать, усиливать интеллектуальную волевою и нравственную отдачу. Уровень саморегуляции поведения в этом случае проявляется в шкале гибкости. Здесь специалист проявляет максимальную лояльность и умение подстраиваться под сложившиеся ситуации.

Во втором этапе от 2 до 4 лет стажа работы проводников пассажирских вагоном на фазе напряжения развит симптом «Переживание психотравмирующих обстоятельств». Как уже сказано выше, данной эмоциональной реакции соответствует осознание влияния и проявления психотравмирующих факторов, которые формируют напряжение внутри человека и соответственно появляется желание устранить, решить все «проблемы». При такой реакции на этапе от 2 до 4 лет стажа работы соответствует планирование деятельности и программирование. Специалист при осознанности специфики психотравмирующих факторов и влиянии на него, старается спланировать и спрограммировать свою деятельность, продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, которые гибко изменяются в новых обстоятельствах.

Фаза резистенции проявляется в реакции стресса «Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», что говорит о неупорядоченности проявления эмоций, неумение ими управлять или утрата данной способности в силу чрезмерного эмоционального проявления ранее. При данном симптоме стиль саморегуляции поведения соответствует гибкость в проявлении эмоций. Гибкость здесь проявляется в способности перестраивать, вносить коррекцию при изменении внешних и внутренних условий рассогласования и вносят соответствующую коррекцию. Гибкость позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска. Фаза истощения ярко проявляется в симптоме «Эмоциональная отстраненность». Здесь личность почти полностью исключает использование эмоций в профессиональной сфере, но это не является признаком ригидности как в других случаях, это является некой эмоциональной защитой. Специалист, постоянно используя свои эмоции, может чрезмерно их использовать, не регулировать и, как следствие влиять на свое

психоэмоциональное состояние. Поэтому за годы работы может складываться данный симптом в целях защиты от эмоциональной опустошенности именно в профессиональной сфере. Все что находится за рамками профессии – включает эмоции. И данное проявление соответствует шкале моделирования и шкале самостоятельности. Шкала моделирования здесь включает представления о внешних и внутренних значимых условиях лично для специалиста, а также степень их осознанности, детализированности и адекватности. То есть специалист моделирует ситуацию или определенный стиль поведения при различных условиях и подкрепляет это самостоятельностью. А она в своем случае свидетельствует о его способности самостоятельно планировать деятельность и поведение, и, что не маловажно, контролировать ход ее выполнения.

На этапе от 5 до 7 лет работы проводников пассажирских вагонов сформировались эмоциональные реакции фазы напряжения «Переживание психотравмирующих обстоятельств», фазы резистенции реакция стресса «Эмоционально-нравственная дезориентация» и фазы истощения реакция «Эмоциональная отстраненность».

В фазе напряжения у проводников пассажирских вагонов является лидирующий симптом «Переживание психотравмирующих обстоятельств» говорит о той же осознанности влияния психотравмирующих факторов на личность и, соответственно, на профессиональную деятельность, качество и продуктивность работы. Шкала самостоятельности и планирования является подкрепляющим фактом в преодолении психотравмирующих обстоятельств. Здесь проявляется желание искоренить данные факторы и начать работать как можно продуктивнее и качественнее. Так как это является стадия интернала, то здесь важно создать психологический комфорт, проявление тепла, поддержки в профессиональном взаимодействии способствует достижению наиболее успешных результатов деятельности. Шкала самостоятельности и планирования здесь наиболее актуальна для дальнейших профессиональных перспектив. Специалист на данном этапе уже освоил и активно использует профессиональные навыки, а самостоятельность и планирование – это неотъемлемая часть деятельности.

На фазе резистенции у проводников пассажирских вагонов проявляется реакция стресса «Эмоционально-нравственная дезориентация» и сопровождается шкалами саморегуляции поведения гибкость и программирование. Эмоционально-нравственная дезориентация сопровождается нравственным выбором в зависимости от настроения и субъективного предпочтения специфики, качества обслуживания клиентов. Шкалы гибкость и программирование позволяют заранее построить план действий по отношению к взаимодействию с различными клиентами. То есть, специалист выбирает, как и с кем, он хочет обращаться, соответствуя всем правилам этикета и нормам. Шкала гибкости помогает подстраиваться под различные условия, при возникновении рассогласования своевременно оценивают сам факт рассогласования и вносят соответствующую коррекцию.

Проводники пассажирских вагонов на фазе истощения проявляют наиболее ярко симптом «Эмоциональная отстраненность», который говорит о том, что личность почти полностью исключает эмоции и профессиональной сферы. Специалиста ничто не волнует и не вызывает эмоционального отклика, но при этом данная специфика не является признаком ригидности, а является признаком эмоциональной защиты. Сопровождают данную защиту оценка результатов и моделирование, которое показывает развитость представлений о внешних и внутренних значимых условиях, степень их осознанности, детализированности и адекватности. Так же способны выделять значимые условия достижения целей, как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, и это будет проявляется в соответствии программ действий и планами деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям. Человек адекватно оценивает, как сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины, гибко адаптируются к изменению условий.

Таким образом, у проводников пассажирских вагонов на разных этапах профессионального выгорания наблюдаются различные симптомы. На 1 этапе профессионального становления страдает эмоциональная сфера, на 2 этапе больше всего проявляет себя фаза резистентности, на 3 этапе – эмоциональная сфера от непрерывного общения с людьми.

В. А. Грицук

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

МОТИВЫ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ С РАЗНОЙ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ

В статье рассматриваются современные подходы к изучению проблемы самоопределения и выбора профессии старшеклассниками. Анализируется влияние временной трансспективы старшеклассников на мотив выбора будущей профессии. Приводятся данные эмпирического исследования особенностей выбора профессии у учеников старших классов с разным отношением к своему прошлому, настоящему и будущему.

Ключевые слова: мотивация, профессиональное самоопределение старшеклассников, прошлое, настоящее, будущее, временная трансспектива личности, непротиворечивая временная трансспектива, противоречивая временная трансспектива, мотивы, выбор профессии, перспектива личности.

Актуальная необходимость человека в рефлексии и самореализации находит возможность через построение собственной профессиональной карьеры, которая выступает на сегодняшний день одним из главных источников жизненных перспектив и целей.

В условиях роста мобильности общества, изменений динамики отношения к настоящему, прошлому, будущему актуализируется проблема личностной перспективы старшеклассников, осуществляющих выбор профессии. В качестве значимой характеристики временная перспектива является одним из критериев личностного развития и благополучия [1, с. 220].

В последние годы освещение проблем профессионального самоопределения старшеклассников в контексте временной перспективы все чаще встречается в исследованиях психологов, что связано с высокой значимостью этого вопроса для социально-экономического развития нашей страны, а также – для гармоничного существования личности.

В психологическую науку временная перспектива как самостоятельный предмет исследования была введена Л. К. Франком, который обратил внимание на взаимосвязь и взаимообуславливание прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека. По мнению Л. К. Франка, временная перспектива культурно детерминирована: человек учится в процессе обучения и воспитания учитывать влияние временной перспективы на свою жизнь, опираясь при этом на принятые ценности того или иного общества. Индивид может иметь несколько временных перспектив в различных сферах жизни. Общая идея состоит в рассмотрении временной перспективы будущего как целостного конструкта, включающего в себя и настоящее и прошлое человека [2, с. 41].

Изучение перспективы будущего было продолжено в работах Т. Гисме, который называл ее «ориентацией на будущее». Под этой ориентацией на будущее он понимал «общую способность предвосхищать, структурировать, проливать свет на будущее, включающую когнитивную разработку планов и проектов и отражающую степень заинтересованности, включенности в будущее». Т. Гисме связывал ориентацию на будущее с мотивационными ориентациями на успех или неудачу: для первых позитивные результаты приносит высокая ориентация на будущее, для последних – низкая. Важной характеристикой здесь служило расстояние, тем субъективно меньше данная цель оказывает влияние на настоящее поведение [3, с. 60].

Нами проведено исследование, направленное на изучение особенностей выбора профессии у учеников старших классов с разным отношением к своему прошлому, настоящему и будущему. В нашем исследовании приняли участие 80 учащихся 9–10-ых классов СШ № 15 г. Гомеля.

Для исследования мы использовали диагностические методики: «Опросник временной перспективы» (ZTPI) (Ф. Зимбардо, адаптация А. Сырцовой); методика «Диагностика отношения к прошлому, настоящему и будущему» (А. М. Прихожан), «Методика определения основных мотивов выбора профессии» (Е. Павлютенкова). Методика диагностики отношения к прошлому, настоящему и будущему, разработанная А. М. Прихожан, служит для выявления представлений

старшеклассника о своём прошлом и будущем. В качестве задания школьнику предлагается продолжить неоконченные предложения. Метод обследования направлен на диагностику транспективы как представления о собственном прошлом, настоящем и будущем как едином, целостном пути развития.

С помощью методики нами было выявлено отношение старших школьников к своему прошлому, настоящему и будущему. На основании полученных данных, можно говорить о том, что у исследуемых нами старших школьников присутствует разное представление о своем прошлом, настоящем и будущем. А именно школьники, имеющие в своем представлении непротиворечивое отношение собственного пути развития, соответствуют социально-психологическому нормативу. Можно утверждать, что для них свойственно реалистичное и достаточно оптимистичное представление своего прошлого, настоящего и будущего, что представляет их гармоничную транспективу. Так же есть школьники с противоположным представлением о своем пути развития. Для таких старших школьников характерно противоречивое отношение, несогласованность между своим прошлым, настоящим и будущим, что указывает на отсутствие четкой жизненной линии т.е. прослеживается дисгармоничная транспектива.

Мы разделили респондентов на две группы. Первую группу составляют учащиеся с выявленным непротиворечивым отношением к своему прошлому, настоящему и будущему (48 человек или 60 %), а во вторую группу вошли участники с противоречивым отношением (32 человека или 40 %).

Исходя из проделанного анализа результатов, полученных с помощью «Опросника временной перспективы» (ZTPI) (Ф. Зимбардо, адаптация А.Сырцовой), можно наблюдать, что пессимистическое, негативное или с примесью отвращения отношение к прошлому характерно для 13,1% респондентов; гедонистическое, рискованное, безразличное отношение ко времени и жизни, ориентация на удовольствия, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях характерно для 24,9 % респондентов; поведение в большей степени определяющееся стремлениями к целям и вознаграждениям будущего, характеризующееся планированием и достижением будущих целей характерно для 24,7 % респондентов; теплое, сентиментальное отношение к прошлому характерно для 26 % респондентов; фаталистическое, беспомощное и безнадёжное отношение к будущему и жизни, отсутствие сфокусированной временной перспективы, убеждение, что их будущее предопределено и на него невозможно повлиять характерно для 11,3% респондентов.

Для определения основных мотивов выбора профессии была отобрана методика, разработанная Е. М. Павлютенковым, позволяющая установить роль тех или иных мотивов при выборе профессии конкретным испытуемым.

Проведя анализ полученных результатов можно говорить, что наиболее значимой среди учащихся старшеклассников была выявлена материальная группа мотивов. Также значимым мотивом у старшеклассников является престиж профессии. Т.е. учащиеся стремятся выбирать будущую профессию из тех, которые ценятся среди знакомых и позволят достичь значимого положения в обществе, а также обеспечат быстрое продвижение по карьерной лестнице.

Не основную роль при выборе профессии у старшеклассников играют творческие мотивы, утилитарная группа мотивов, социальная группа мотивов. Ещё меньше у испытуемых представлены мотивы, связанные с содержанием труда и познавательные мотивы. Эстетическая группа мотивов имеет значительно меньшее значение по сравнению с уже рассмотренными группами мотивов. Самое низкое значение у группы моральных мотивов.

На следующем этапе исследования выявлялись различия в мотивах выбора профессии старших школьников с непротиворечивой (реалистичной) (1 группа) и противоречивой (2 группа) связью прошлого, настоящего, будущего. Результаты статистически значимых различий рассчитаны в соответствии с U-критерием Манна-Уитни.

Для учащихся с реалистичной временной транспективой, представленной в единстве прошлого и будущего, более характерен социальный мотив. У старших школьников, которые

имеют определенные рассогласования в жизненной линии между прошлым и будущим данный мотив присутствует реже ($U=142$ при $p \leq 0,01$).

По шкале морального мотива выбора профессии были выявлены различия между двумя группами ($U=265,5$ при $p \leq 0,01$). Данный мотив более характерен для школьников с противоречивой временной транспективой.

Эстетический мотив чаще встречается у испытуемых с реалистичной транспективой, и, в меньшей степени, характерен для учащихся с наличием противоречивой транспективы ($U= 34$ при $p \leq 0,01$).

Познавательный мотив выбора у испытуемых с реалистичной транспективой встречается чаще, чем у учащихся с противоречивой транспективой ($U=8,5$, при $p \leq 0,01$).

Творческий мотив выбора профессии чаще встречается у старшеклассников с реалистичной транспективой ($U=326$ при $p \leq 0,01$).

Мотив связанный с содержанием труда более характерен для старших школьников с реалистичной временной транспективой, чем для старшеклассников с противоречивой транспективой ($U= 50$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, для старшеклассников с непротиворечивой временной транспективой характерна ориентация на будущее, поведение в большей степени определяется стремлениями к целям и вознаграждениям будущего. Свойственно планирование и достижение поставленных целей. Прошлое для них представляется в радужном свете, отражает теплое и сентиментальное отношение. Им свойственно принимать прошлый опыт как полезный, нужный и способствующий развитию в сегодняшнем дне. В настоящем они стремятся своими действиями повлиять на будущее, они убеждены, что их будущее зависит от них. У таких старших школьников более выражены социальные, эстетические, познавательные, творческие мотивы, а также мотивы, связанные с содержанием труда. Так, при определении будущей профессиональной деятельности, школьники с реалистичной временной транспективой отводят большое значение учебным предметам и дисциплинам, изучают их с повышенным интересом и старанием. Такие школьники выбирают будущую профессию с перспективой проявить имеющиеся способности и самосовершенствоваться в будущем. В выборе будущей профессии старшеклассники с гармоничной временной транспективой опираются на внутренние индивидуально-значимые мотивы и стремления получения ощущения радости от деятельности. Также они в большей мере выборе профессии руководствуются желанием способствовать общественному прогрессу, более выраженная направленность на высшие общечеловеческие цели и потребности, а также присутствует желание быть оригинальными в своей работе, т.е. наблюдается желание творческого подхода к будущей профессиональной деятельности. Такие школьники не стремятся к опоре на моральный мотив, он присутствует у этой группы реже при выборе профессиональной деятельности. Данный мотив отражает стремление к совершенствованию своего морального облика, духовного мира. Для них не характерно скрывать собственно выявленные недостатки создавая иллюзию изменений в свойствах, характере и поведении личности.

Для старших школьников с противоречивой временной транспективой и нарушенной связью прошлого настоящего и будущего пессимистичное или негативное отношение к прошлому. Можно предположить травму, боль или сожаление. Такое отношение может быть из-за реальных неприятных и травматических событий, из-за негативной реконструкции положительных событий, или из-за того и другого. Настоящее у них представлено как беспомощное и безнадежное, такое же отношение к будущему и жизни. Оно отражает отсутствие сфокусированной временной перспективы. Для них свойственно убеждение, что их будущее предопределено и на него невозможно повлиять индивидуальными действиями, настоящее переносится с покорностью и смирением. Старшеклассники, имеющие несогласованные представления о своем прошлом, настоящем и будущем, при выборе профессии опираются на моральный мотив. Данный мотив отражает стремление к совершенствованию своего морального облика, духовного мира, за счет фантазий, мечтаний, иллюзий изменить что-то, что не нравится, в характере, поведении и свойствах личности, они желают скрыть какие-то личностные

недостатки за счёт будущей профессии. Сравнительный анализ показал, что школьники этой группы объективно оценивают свои способности и личностные качества и в соответствии с ними выбирают профессию. Таким образом, выбирая профессию они стремятся к развитию личностных свойств, как к компенсации недостатков. В основе такого выбора профессии заложены непродуктивные механизмы психологической защиты, такой выбор в дальнейшем может привести к эмоциональному выгоранию, психосоматическим заболеваниям, профессиональной деформации, неуверенности в себе и снижению самооценки, а также частой смене профессиональной деятельности.

Противоречивая, рассогласованная временная перспектива лишает старшеклассника планировать, выбирать и строить свою будущую деятельность, направленную на личностное развитие и достижение профессиональной самоидентичности. Этим мы можем объяснить низкие показатели социального, эстетического, познавательного, творческого, а также связанного с содержанием труда мотивов, в сравнении с группой старшеклассников, имеющих связь прошлого, настоящего и будущего. Можно говорить, что при определении будущей профессии данные школьники не отводят этим мотивам определяющую роль. При выборе профессии они реже ориентируются на имеющиеся способности.

Список используемых источников

1 Щербакова, Е. Л. Жизненная перспектива и личностное самоопределение как компоненты профориентирования / Е. Л. Щербакова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6. – С. 216–224.

2 Ловпаче, Ф. Г. Жизненные перспективы как основной показатель личностного развития в юношеском возрасте / Ф. Г. Ловпаче, // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 40–45.

3 Мандрикова, Е. Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е. Ю. Мандрикова // Психологический журнал. – 2008. – № 4 – С. 54–65.

П. К. Католикова

Научный руководитель: **Ж. Л. Данилова**, старший преподаватель
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
г. Витебск, Беларусь

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ НА ТИП ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ

В статье описывается интерпретация показателей уровней коммуникативных способностей, и то, как эти показатели влияют на тип профессионального самоопределения. Авторами приводятся данные эмпирического исследования психологических показателей развития способностей к коммуникации в зависимости от типа профессиональной направленности.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативные способности, влияние, направленность, профессия, студенты.

Введение. Актуальность темы статьи проявляется в проводимых за последние годы исследованиях, которые показали, что знание своего уровня развития коммуникативных способностей и их конструктивное применение способно оказать сильное влияние как на повседневную жизнь человека, так и на его профессиональную самореализацию.

Цель исследования – выявление и изучение способностей к коммуникации студентов и их воздействие на направленность в профессиональной сфере.

Материалы и методы. Методы исследования: методика .А. Федорошина КОС-2 в модификации В.В. Сиявского, методика диагностики уровня коммуникации В.Ф. Ряховского; методика оценки профессиональной направленности личности (Дж. Голланд), методика «Профессиональные занятия» (Дж. Барретт, в модификации А.В. Фефилова). Качественный и количественный анализ полученных результатов (применение статистического метода исследования с использованием пакета статистической обработки данных SPSS16.0 при коэффициенте корреляции r-Пирсона).

В исследовании приняли участие студенты факультета социальной педагогики и психологии Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (40 человек).

В результате проведения исследования было выявлено, что доминирующим типом профессиональной направленности в исследуемой выборке является социальный тип. Подробно данные результаты представлены в наших более ранних исследованиях [1, с. 69].

На основе данных корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи уровня коммуникативных способностей и типа профессиональной направленности студентов:

1) очень высокий уровень коммуникативных способностей и социальный тип профессиональной направленности;

2) высокий уровень коммуникативных способностей и артистичный тип профессиональной направленности;

3) средний уровень коммуникативных способностей и социальный тип профессиональной направленности;

4) средний уровень коммуникативных способностей и предприимчивый тип профессиональной направленности;

5) уровень коммуникативных способностей ниже среднего и интеллектуальный тип профессиональной направленности;

6) низкий уровень коммуникативных способностей ниже среднего и реалистичный тип профессиональной направленности.

Интерпретация полученных парных связей.

Для корреляции переменных очень высокий уровень коммуникативных способностей и социальный тип профессиональной направленности – в процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь средней степени значимости между данным уровнем развития коммуникативных способностей и данным типом профессиональной направленности (r -Пирсона = 508, при $p=0,01$). Описание полученного результата можно провести следующим образом: если люди характеризуются очень высоким уровнем развития коммуникативных способностей, то их тип профессиональной направленности будет иметь социальный характер.

Для корреляции переменных высокий уровень коммуникативных способностей и артистичный тип профессиональной направленности – в процессе корреляционного анализа была выявлена сильная положительная связь средней степени значимости между данным уровнем развития коммуникативных способностей и данным типом профессиональной направленности (r -Пирсона = 742, при $p=0,01$). Описание полученного результата можно провести следующим образом: если люди характеризуются высоким уровнем развития коммуникативных способностей, то их тип профессиональной направленности будет иметь артистичный характер.

Для корреляции переменных средний уровень коммуникативных способностей и социальный тип профессиональной направленности – в процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная отрицательная связь низкой степени значимости между данным уровнем развития коммуникативных способностей и данным типом профессиональной направленности (r -Пирсона = - 377, при $p=0,05$). Описание полученного результата можно провести следующим образом: если люди характеризуются средним уровнем развития коммуникативных способностей, то их тип профессиональной направленности будет иметь социальный характер.

Для корреляции переменных средний уровень коммуникативных способностей и предприимчивый тип профессиональной направленности – в процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь средней степени значимости между данным

уровнем развития коммуникативных способностей и данным типом профессиональной направленности (r -Пирсона =695, при $p=0,01$). Описание полученного результата можно провести следующим образом: если люди характеризуются средним уровнем развития коммуникативных способностей, то их тип профессиональной направленности будет иметь предприимчивый характер.

Для корреляции переменных уровень ниже среднего коммуникативных способностей и интеллектуальный тип профессиональной направленности – в процессе корреляционного анализа была выявлена умеренная положительная связь средней степени значимости между данным уровнем развития коммуникативных способностей и данным типом профессиональной направленности (r -Пирсона =682, при $p=0,01$). Описание полученного результата можно провести следующим образом: если люди характеризуются уровнем развития коммуникативных способностей ниже среднего, то их тип профессиональной направленности будет иметь интеллектуальный характер.

Для корреляции переменных низкий уровень коммуникативных способностей и реалистичный тип профессиональной направленности – в процессе корреляционного анализа была выявлена сильная положительная связь средней степени значимости между данным уровнем развития коммуникативных способностей и данным типом профессиональной направленности (r -Пирсона =700, при $p=0,01$). Описание полученного результата можно провести следующим образом: если люди характеризуются низким уровнем развития коммуникативных способностей, то их тип профессиональной направленности будет иметь реалистичный характер.

Таким образом, на основании результатов статистического анализа полученных данных можно говорить о том, что существует значимая связь между уровнем развития коммуникативных способностей и профессиональной направленностью студентов.

Список использованных источников

1 Католикова, П. К. Психологическая характеристика коммуникативных способностей студентов в период социальной адаптации / П. К. Католикова, Ж. Л. Данилова // Психологическая студия: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры прикладной психологии ВГУ имени П. М. Машерова / УО «ВГУ им. П. М. Машерова»; редкол. : С.Л. Богомаз (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, Витебск, 2019. – Вып. 12. – С. 67–70.

О. В. Косьянова

Научный руководитель: **В. Г. Ермаков**, доктор. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ И НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между профессиональным выгоранием и направленностью личности учителя.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, мотивация, профессиональное выгорание, направленность личности.

Растущая в современных условиях напряженность образовательных процессов и соответственно рост профессиональных требований к педагогу обостряют проблему их профессионального выгорания, причем это касается и педагогов со стажем, и молодых специалистов. Для решения этой проблемы посредством разработки профилактической и

коррекционной программ необходимо более детально изучить связи между профессиональным выгоранием и компонентами личностной и профессиональной структуры.

Как правило, синдром профессионального выгорания возникает вследствие внутреннего накопления отрицательных эмоций в отсутствие соответствующей «разрядки» или «освобождения» от них. В конечном счете это приводит к истощению эмоциональных, энергетических и личных ресурсов человека. Согласно концепции Г. Селье, «профессиональное или эмоциональное истощение – это дистресс или третья стадия общего адаптационного синдрома – стадия истощения» [1, с. 154]. Для того, чтобы физически здоровый человек не был сломлен его эмоциями, проблему «выгорания» человека нужно изучать с разных сторон.

Определенным стабилизатором состояний педагога может стать профессиональная направленность личности учителя, которую в психолого-педагогических исследованиях рассматривают в качестве важнейшего условия профессионального самоопределения, показателя овладения профессией и закрепления в ней. В большинстве подходов профессионально-личностная направленность рассматривается как некая универсальная субстанция, сходная в разных профессиях. Так, А. Н. Леонтьев в работе «Деятельность. Сознание. Личность» связывает направленность личности со «смыслообразующими мотивами», которые не только выступают побудителями деятельности, но и придают ей личностный смысл. Т.е. по своей сути профессиональная направленность является мотивацией в личностной деятельности [2].

Цель проведенного исследования состояла в установлении взаимосвязи между профессиональным выгоранием и направленностью личности учителя. В качестве диагностического инструментария были выбраны опросники «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (МВИ), разработанный на основе модели К. Маслач и С. Джексон и адаптированный Н. Е. Водопьяновой, и «Оценка профессиональной направленности личности учителя» (Е. И. Рогов).

Выборку для исследования составили 60 учителей средних общеобразовательных школ Гомельской области. По итогам диагностики уровня профессионального выгорания учителей по трём шкалам было установлено, что у 55 % опрошенных высокий уровень выгорания по шкале «Эмоциональное истощение», у 43 % респондентов высокий уровень по шкале «Деперсонализация» и у 40 % учителей высокий уровень по шкале «Редукция личных достижений» (рисунок 1).

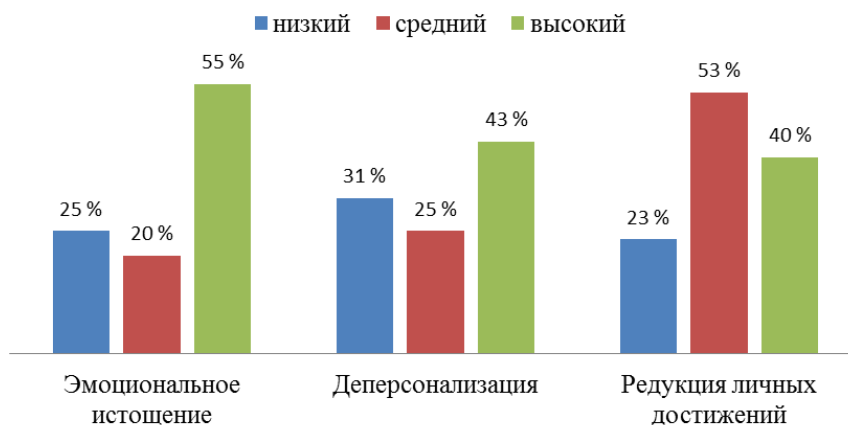

Рисунок 1 – Показатели профессионального выгорания по шкалам

Таким образом, больше половины опрошенных имеют высокий уровень эмоционального истощения, а значит, низкий эмоциональный тонус. Большинство учителей отличаются хроническим эмоциональным и физическим утомлением, равнодушием и холодностью по отношению к окружающим, имеют признаки депрессии и раздражительности.

При этом у 23 % респондентов зафиксирован низкий уровень по шкале «редукция личных достижений», то есть, значительная часть учителей средних школ удовлетворены собой как личностью и как специалистом в своей области.

Согласно значениям интегрального показателя, представленным в диаграмме на рисунке 2, высокий уровень профессионального выгорания, выявлен у 32 % учителей. Следовательно, наиболее выраженный симптом профессионального выгорания у педагогов – это эмоциональное истощение.

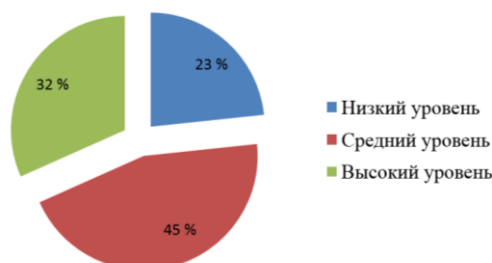

Рисунок 2 – интегральный показатель профессионального выгорания

Анализ профессиональной направленности личности учителя показал (рис. 3), что 34 % опрошенных являются «интеллигентами» и характеризуются высоким интеллектом, общей культурой и безусловной нравственностью. Они отличаются принципиальностью, соблюдением моральных норм, реализуют себя посредством высокоинтеллектуальной просветительской деятельности. 29 % опрошенных имеют высокие показатели по шкале «общительность», они отличаются экстравертированностью, низкой конфликтностью, доброжелательностью, способностью к эмпатии, любовью к детям; реализуют свои воспитательные воздействия на основе совместимости с учеником, поиска точек соприкосновения в личной жизни. 21 % – «организаторы», имеющие такие качества, как требовательность, организованность, сильная воля, энергичность. Они нередко являются лидером не только у ребят, но и во всем педагогическом коллективе, преимущественно транслирует свои личностные особенности в ходе проведения различных внеклассных мероприятий. 16 % педагогов имеют профессиональную направленность личности, выражаемую термином «предметник». Для них характерна наблюдательность, профессиональная компетентность, стремление к творчеству. Таких характеризуют твердая уверенность в необходимости знаний и их значимости в жизни, нацеленность на воспитание учеников средствами изучаемого предмета, опорой на научную картину мира, привлечением к работе в кружке.

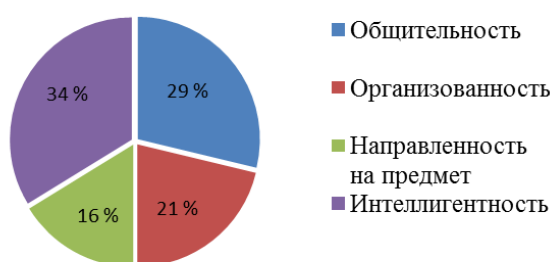

Рисунок 3 – Показатели профессиональной направленности личности

Для установления статистической значимости выявленных зависимостей был вычислен линейный коэффициент корреляции Пирсона. Установлено, что характеристика связи между шкалами «Интеллигентность», «Направленность на предмет» и «Деперсонализация», «Эмоциональное истощение» (табл. 1) заметная, в то время как шкала «Редукция личных достижений» показала слабую связь со всеми шкалами профессиональной направленности.

То есть учителя, с высоким уровнем интеллигентности, чаще подвергаются личностному отдалению, а учителя-предметники больше подвержены психоэмоциональному истощению.

Таблица 1 – Результат линейной корреляции Пирсона

Шкалы	Показатели	
	Коэффициент корреляции	Характеристика связи
«Организованность» и «эмоциональное истощение»	0,30	Умеренная
«Организованность» и «Деперсонализация»	0,45	Умеренная
«Направленность на предмет» и «Эмоциональное истощение»	0,33	Умеренная
«Направленность на предмет» и «Деперсонализация»	0,46	Заметная
«Интеллигентность» и «Эмоциональное истощение»	0,55	Заметная
«Интеллигентность» и «Деперсонализация»	0,47	Заметная

Для того, чтобы установить взаимосвязь между профессиональным выгоранием и направленностью личности учителя, было проведено корреляционное исследование между условной шкалой интегрального показателя «Профессиональное выгорание», и шкалами профессиональной направленности.

Данные, представленные в таблице 2, позволяют утверждать, что корреляция между шкалами профессиональной направленности «Интеллигентность», «Направленность на предмет» и «Профессиональным выгоранием» статистически значима.

Таблица 2 – Показатели корреляционного анализа профессиональной направленности и профессионального выгорания

Шкалы	Показатели	
	Коэффициент корреляции	Характеристика связи
«Общительность» и «Профессиональное выгорание»	0,25	Слабая
«Организованность» и «Профессиональное выгорание»	0,38	Умеренная
«Направленность» на предмет и «Профессиональное выгорание»	0,56	Заметная
«Интеллигентность» и «Профессиональное выгорание»	0,78	Заметная

Полученный результат отчасти является неожиданным, так как по-настоящему успешные в своей деятельности педагоги часто демонстрируют высокую устойчивость к выгоранию.

Исходя из этих соображений, можно предположить, что у большого числа педагогов имеющаяся профессиональная подготовка не достаточна для того, чтобы без перенапряжений справляться с новыми кризисными явлениями в современной системе образования и потому даже

«Интеллигентность» и «Направленность на предмет» не становятся страховкой от профессионального выгорания. Эти аспекты требуют дальнейшего исследования.

Список использованных источников

1 Пастернак, Н. А. Психология образования: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н. А. Пастернак, А. Г. Асмолов; под редакцией А. Г. Асмолова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 213 с.

2 Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность: учебное пособие / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.

Ю. С. Мазур

Научный руководитель: **Е. В. Одиноккина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СОТРУДНИКОВ СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В статье раскрыты понятия эмоционального выгорания и жизнестойкости, описано исследование феноменов эмоционального выгорания у сотрудников скорой медицинской помощи, рассмотрено понятие жизнестойкости и описано эмпирическое исследование жизнестойкости у сотрудников скорой медицинской помощи.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, жизнестойкость, сотрудники скорой медицинской помощи.

Синдром эмоционального выгорания рассматривается в психологической науке как сложное интегральное образование, включающее эмоциональные, мотивационные, когнитивные, поведенческие и соматические компоненты, которые, образуя симптомокомплексы, объединяются, в конечном итоге, в базовые подструктуры. Возникает в связи с эмоциональным истощением на фоне чрезмерных нагрузок или чрезмерных требований. Симптомами эмоционального выгорания являются симптом «эмоционального дефицита», симптом «эмоциональной отстраненности», «личностной отстраненности или деперсонализации», симптом «психосоматических и психовегетативных нарушений» [1, 2].

Существуют различные мнения, что развитие жизнестойкости является лучшей профилактикой синдрома эмоционального выгорания.

Теоретическо-методологической основой исследования являются научные подходы к анализу эмоционального выгорания в психологии (В. В. Бойко, Н. Е. Водопьянова, В. Е. Орел, Т. И. Ронгинская, Е. С. Старченкова, Т. В. Форманюк, И. Л. Гуреева, К. Маслач, Е. Г. Таткина, О. Т. Им, Е. М. Тищенко, Э. А. Соколова, В. И. Секун, М. М. Скугаревская, Е. Г. Королева, Е. Э. Шустер) [3, 4].

База исследования: ГУЗ «Гомельская городская станция скорой медицинской помощи № 7». Выборочную совокупность составили 150 работников скорой медицинской помощи.

Результаты исследования эмоционального выгорания у врачей, фельдшеров, медицинских сестер выездных бригад скорой медицинской помощи, полученные с помощью опросника МВИ (адаптация Н. Е. Водопьяновой) представлены в таблице 1.

Анализ результатов исследования эмоционального истощения показал, что у фельдшеров (64 %), врачей (56 %) и 24 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи преобладает средний уровень эмоционального истощения.

У 26 % фельдшеров, 32 % врачей и 28 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи выявлен низкий уровень эмоционального истощения.

У 10 % фельдшеров, 12 % врачей и 48 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи выявлен высокий уровень эмоционального истощения. Эмоциональное истощение проявляется в переживаниях сниженного эмоционального тонуса, повышенной психической истощаемости и аффективной лабильности, утраты интереса и позитивных чувств к окружающим, равнодушию или же ощущении «пресыщенности» работой, неудовлетворенностью жизнью в целом.

У 56 % фельдшеров, 68 % врачей, 6 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи преобладает высокий уровень деперсонализации. Деперсонализация проявляется в эмоциональном отстранении и безразличии медицинского персонала, формальном выполнении профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопереживания, а в отдельных случаях – в негативизме и циничном отношении. На поведенческом уровне «деперсонализация» проявляется в высокомерном поведении, использовании профессионального сленга, юмора, ярлыков.

У 24 % фельдшеров, 18 % врачей, 36 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи выявлен средний уровень деперсонализации.

У 20 % фельдшеров, 14 % врачей, 58 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи выявлен низкий уровень деперсонализации.

Таблица 1 – Результаты исследования эмоционального выгорания врачей, фельдшеров, медицинских сестер выездных бригад скорой медицинской помощи, полученные с помощью опросника МВИ (адаптация Н. Е. Водопьяновой)

Субшкала	Уровень	Фельдшеры выездных бригад СМП (n = 50)	Врачи выездных бригад СМП (n = 50)	Медицинские сестры выездных бригад СМП (n = 50)
Эмоциональное истощение	низкий	13	16	14
	средний	32	28	12
	высокий	5	6	24
Деперсонализация	низкий	10	7	29
	средний	12	9	18
	высокий	28	34	3
Редукция личных достижений	низкий	24	26	5
	средний	8	7	9
	высокий	18	17	36

Анализ результатов, полученных по шкале «редукция личных достижений», показал, что у 48 % фельдшеров, 52 % врачей, 10 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи преобладает низкий уровень удовлетворенности собой как личностью и как профессионалом. Неудовлетворительное значение этого показателя отражает тенденцию к негативной оценке своей компетентности и продуктивности и, как следствие, – снижение профессиональной мотивации, нарастание негативизма в отношении служебных обязанностей, тенденцию к снятию с себя ответственности, к изоляции от окружающих, отстраненность и неучастие, избегание работы сначала психологически, а затем физически.

У 16 % фельдшеров, 14 % врачей, 18 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи выявлен средний уровень удовлетворенности собой как личностью и как профессионалом. Они оценивают свою компетентность в положительном ключе, понимают и принимают наличие некоторых затруднений в профессиональной деятельности.

У 36 % фельдшеров, 34 % врачей, 72 % медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи выявлен высокий уровень удовлетворенности собой как личностью и как профессионалом.

Результаты статистической обработки результатов исследования по каждой из субшкал между фельдшерами, врачами и медсестрами выездных бригад скорой медицинской помощи представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты статистической обработки результатов исследования в между фельдшерами, врачами и медсестрами выездных бригад скорой медицинской помощи

Субшкала	Группы	$\varphi^*_{эмп}$	Достоверность различий (φ^* - критерий углового преобразования Фишера); уровень значимости
Средний уровень эмоционального истощения	Фельдшеры и медсестры	4,155	$\rho \leq 0,01$
	Врачи и медсестры	3,335	$\rho \leq 0,01$
Высокий уровень эмоционального истощения	Фельдшеры и медсестры	4,435	$\rho \leq 0,01$
	Врачи и медсестры	4,120	$\rho \leq 0,01$
Низкий уровень деперсонализации	Фельдшеры и медсестры	4,020	$\rho \leq 0,01$
	Врачи и медсестры	4,830	$\rho \leq 0,01$
Средний уровень деперсонализации	Врачи и медсестры	2,055	$\rho \leq 0,05$
Высокий уровень деперсонализации	Фельдшеры и медсестры	5,098	$\rho \leq 0,01$
	Врачи и медсестры	7,220	$\rho \leq 0,01$
Низкий уровень редукции личных достижений	Фельдшеры и медсестры	4,435	$\rho \leq 0,01$
	Врачи и медсестры	4,835	$\rho \leq 0,01$
Высокий уровень редукции личных достижений	Фельдшеры и медсестры	3,695	$\rho \leq 0,01$
	Врачи и медсестры	3,905	$\rho \leq 0,01$

С помощью φ^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия между в следующих субшкалах эмоционального выгорания между работниками скорой медицинской помощи.

1. Средний уровень эмоционального истощения:

– между фельдшерами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,155 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,155 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля фельдшеров выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен средний уровень эмоционального истощения, статистически значимо выше, чем доля медсестер (при $\rho \leq 0,01$);

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 3,335 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 3,335 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля врачей выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен средний уровень эмоционального истощения, статистически значимо выше, чем доля медсестер (при $\rho \leq 0,01$);

2. Высокий уровень эмоционального истощения:

– между фельдшерами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,435 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,435 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых высокий уровень эмоционального истощения, статистически значимо выше, чем доля фельдшеров (при $\rho \leq 0,01$);

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,12 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,12 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой

медицинской помощи, у которых высокий уровень эмоционального истощения, статистически значимо выше, чем доля врачей (при $p \leq 0,01$);

3. Низкий уровень деперсонализации:

– между фельдшерами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,02 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,02 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен низкий уровень деперсонализации, статистически значимо выше, чем доля фельдшеров (при $p \leq 0,01$);

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,83 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,83 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен низкий уровень деперсонализации, статистически значимо выше, чем доля врачей (при $p \leq 0,01$);

4. Средний уровень деперсонализации:

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 2,055 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 2,055 < \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен средний уровень деперсонализации, статистически значимо выше, чем доля врачей (при $p \leq 0,05$);

5. Высокий уровень деперсонализации:

– между фельдшерами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 5,098 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 5,098 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля фельдшеров выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен высокий уровень деперсонализации, статистически значимо выше, чем доля медсестер (при $p \leq 0,01$);

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 7,22 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 7,22 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля врачей выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен высокий уровень деперсонализации, статистически значимо выше, чем доля медсестер (при $p \leq 0,01$);

6. Низкий уровень редукции личных достижений:

– между фельдшерами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,435 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,435 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля фельдшеров выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен низкий уровень редукции личных достижений, статистически значимо выше, чем доля медсестер (при $p \leq 0,01$);

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 4,835 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 4,835 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля врачей выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен низкий уровень редукции личных достижений, статистически значимо выше, чем доля медсестер (при $p \leq 0,01$);

7. Высокий уровень редукции личных достижений:

– между фельдшерами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 3,695 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 3,695 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен высокий уровень редукции личных достижений, статистически значимо выше, чем доля фельдшеров (при $p \leq 0,01$);

– между врачами и медсестрами ($\varphi^*_{эмп} = 3,905 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 3,905 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что доля медсестер выездных бригад скорой медицинской помощи, у которых выявлен высокий уровень редукции личных достижений, статистически значимо выше, чем доля врачей (при $p \leq 0,01$).

Список использованных источников

1 Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 358 с.

2 Искандарова, Ш. Т. Раннее выявление синдрома эмоционального выгорания у среднего медицинского персонала / Ш. Т. Искандарова // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 181–183.

3 Лэнгле, А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа / А. Лэнгле // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 3–16.

4 Островская, И. В. Синдром «профессионального выгорания» у сестринского персонала / И. В. Островская // Медицинская сестра. – 2004. – № 2. – С. 35–37.

Д. П. Паулкина

Научный руководитель: **И. В. Черемисова**, доктор. психол. наук, доцент
Академия ФСИИ России,
г. Рязань, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СОТРУДНИКОВ ФСИИ РОССИИ

Статья посвящена проблеме профессионально-психологической подготовки сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний России к службе в исправительных учреждениях. Автором приводятся данные эмпирического исследования психологических особенностей формирования виктимного поведения курсантов Академии ФСИИ России и сотрудников исправительных учреждений ФСИИ России. В заключении указывается необходимость проведения психокоррекционных мероприятий, направленных на снижение виктимных показателей.

Ключевые слова: психологические особенности, виктимное поведение, сотрудник, ФСИИ России, курсант.

Служба в уголовно-исполнительной системе связана с ежедневными физическими и моральными нагрузками на сотрудников, что в свою очередь оказывает влияние на формирование определенной модели поведения в экстремальной ситуации. В связи с ростом количества преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИИ России) в отношении сотрудников, необходимо задуматься об их профессионально-психологической подготовке в области профилактики формирования виктимного поведения. Поэтому актуальным на данном этапе является изучение психологических особенностей формирования виктимного поведения у сотрудников ФСИИ России.

Цель - изучение психологических особенностей формирования виктимного поведения у сотрудников ФСИИ России. Выборка: курсанты Академии ФСИИ России (27 человек) и сотрудники ФСИИ России, проходящие службу в исправительных учреждениях (23 человека). Из них 54 % сотрудников в возрасте от 17 до 23 лет, 28% сотрудников в возрасте от 23 до 32 лет, 18% сотрудников в возрасте от 33 до 40 лет. Соотношение сотрудников по половому признаку составило 63% женщин и 37% мужчин, 54% курсантов и 46% сотрудников, проходящих службу в исправительных учреждениях ФСИИ России.

Для диагностики психологических особенностей формирования виктимного поведения у сотрудников ФСИИ России использовались следующие психодиагностические методики: опросник межличностных отношений (ОМО) В. Шутца, Фрайбургский многофакторный личностный опросник FPI, методика экспертной оценки предрасположенности работника к несчастному случаю (к виктимному поведению) при выполнении профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях деятельности (авт. А. И. Папкин, И. А. Папкин), опросник М. А. Одинцовой, Н. П. Радчиковой «Тип ролевой виктимности», методика склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А.Н. Орел.

В процессе эмпирического исследования нами был проведен сравнительный анализ исследуемых параметров у курсантов Академии ФСИИ России и сотрудников ФСИИ России, проходящих службу в исправительных учреждениях (далее – ИУ) с помощью программы STATISTIKA 8.0, а именно дескриптивной (описательной) статистики и Differencetests в Basicstatistics.

В результате диагностики выявлено, что респонденты имеют средний уровень невротизации личности, спонтанной агрессии, депрессивности, раздражительности, экстраверсии-интроверсии,

эмоциональной лабильности. Усредненный профиль обследуемой категории сотрудников выглядит следующим образом. Для курсантов и сотрудников ИУ характерен средний уровень чувствительности, вспышки возбуждения и раздражения возникают только под воздействием сильного раздражителя, непринужденны, объективно оценивают себя и других людей. При поверхностных контактах способны произвести на окружающих приятное впечатление, однако отсутствие сдержанности может привести к различным эксцессам. Склонны к депрессивным настроениям, но в то же время энергичны и предприимчивы, что помогает справиться со сложными ситуациями. Общительны, имеют много близких друзей, проявляют живое участие в судьбе своих товарищей, активны, стремятся к общественному признанию, возможны затруднения в установлении контактов. Эмоциональное состояние неустойчиво, что проявляется в частых колебаниях настроения и повышенной возбудимости.

Выявлены статистически значимые различия между курсантами и сотрудниками ИУ по таким факторам, как: общительность, уравновешанность, реактивная агрессивность, застенчивость, открытость, маскулинность-феминность (t-критерий Стьюдента). Курсанты более общительны, открыты, стремятся к самоутверждению и быстрым решительным действиям без достаточного их обдумывания и обоснования. Сотрудники ИУ менее тревожны и напряжены, более организованны, более склонны к наслаждениям и острым ощущениям, менее зависимы от похвалы/наказания, чаще пренебрегают обязанностями и морально-этическими нормами, менее уверены в себе, от любых пепремен склонны ждать неприятностей.

Результаты обследования по опроснику межличностных отношений В. Шутца показали, что обследуемые и сотрудники ИУ, и курсанты чувствуют себя хорошо среди людей, вне общества они себя не представляют, имеют потребность быть принятыми другими и принадлежать к ним. Они стараются брать на себя ответственность, соединяя ее с ведущей ролью. Склонны к установлению чувственных близких отношений с другими людьми. С помощью t-критерия Стьюдента выявили статистически-значимые различия по параметрам C_w – контроль, A_w – аффект. Следовательно, сотрудники ИУ в отличие от курсантов не принимают контроля над собой, курсанты, наоборот, имеют потребность в зависимости и колебания при принятии решений. Для курсантов характерно установление близких эмоциональных отношений с другими людьми, при этом, для них неважно с кем устанавливать чувственную связь. Сотрудники ИУ же наоборот, очень осторожны при выборе лиц, с которыми создают более глубокие эмоциональные отношения.

Результаты обследования по «Методике экспертной оценки предрасположенности работника к несчастному случаю (к виктимному поведению) при исполнении профессиональных обязанностей в экстремальных ситуациях деятельности» (авт. А. И. Папкин, И. А. Папкин) показали, что параметры предрасположенности к виктимному поведению у большинства сотрудников находятся в пределах нормы. Сравнительный анализ полученных данных показал, что обследуемые имеют средние показатели по следующим параметрам: конфликтность, жестокость, повышенная тревожность, для них свойственна склонность переживать тревожные состояния по незначительным поводам. Статистически-значимые различия наблюдаются у курсантов и сотрудников ИУ по следующим виктимным показателям: неумеренная склонность к риску, доверчивость, вспыльчивость.

Параметры неумеренная склонность к риску, доверчивость и вспыльчивость более выражены у курсантов, а значит, они постоянно подвергают себя необдуманному риску и могут попасть в различные неприятные ситуации, легко поддаются чужому влиянию, так как более доверчивы, вспыльчивость проявляется в аффективных реакциях, обусловленных потребностью в самоутверждении.

Опросник М. А. Одинцовой, Н. П. Радчиковой «Тип ролевой виктимности» показал, что у обследуемых сотрудников имеются высокие показатели по игровому типу виктимности, средние – по социальному типу виктимности. Значимых различий по исследуемым параметрам не выявлено.

Согласно результатам по методике СОП (А. Н. Орел), опрошенные предрасположены к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, ориентированы на чувственную сторону жизни, склонны к риску, наблюдается выраженная потребность в острых ощущениях, что свидетельствуют о наличии агрессивных тенденций выяснилось. Склонны решать проблемы посредством насилия, используют унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки. Слабый волевой контроль эмоциональной сферы, что говорит о нежелании или неспособности контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций. Значимые различия между курсантами и сотрудниками ИУ выявлено по шкале социальной желательности. Следовательно, курсантам свойственно представлять себя в наиболее благоприятном свете.

Сравнительный анализ полученных результатов по итогам обследования курсантов и сотрудников ИУ, позволил выявить различия по следующим параметрам: общительность, уравновешанность, реактивная агрессивность, застенчивость, открытость, маскулинность-феминность, неумеренная склонность к риску, доверчивость, вспыльчивость и незначительные отличия по параметрам конфликтность, жестокость, повышенная тревожность, склонность к индивидуальной панике, безответственность, агрессивность, застенчивость, эгоистичность, невыдержанность, склонность к аффективному реагированию. Отметим, что все перечисленные составляющие виктимного поведения в выделенных двух группах находятся в пределах нормы.

В заключение хотелось бы отметить, что все параметры, которые были перечислены, имеют влияние на личность и способствуют формированию виктимного поведения у сотрудников ФСИН России. Учитывая различия между курсантами и сотрудниками ИУ по исследуемым параметрам, психологам необходимо разрабатывать различные психокоррекционные мероприятия для данной категории.

Ю. Г. Суглоб

Научный руководитель: **О. В. Маркевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА И ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ ПО КОНТРАКТУ

Статья посвящена изучению профессионального стресса и эмоционального выгорания сотрудников, проходящих службу по контракту. В ней рассмотрены факторы, способствующие развитию феномена эмоционального выгорания, а также изучены современные психологические подходы к анализу профессионального стресса и эмоционального выгорания.

Ключевые слова: профессиональный стресс, профессиональное выгорание.

Анализ исследований по теме профессионального стресса показывает, что в данной проблема является наиболее важной в мировой психологической науке и практике. С одной стороны, накоплено большое количество исследований по проблеме стресса – стресс жизни, посттравматический, профессиональный стресс и т.д., с другой – многие исследователи отмечают сложность, неоднозначность и недостаточность концептуальной и методологической разработки данного психологического феномена [1, с 42].

Н. В. Самоукина описывает несколько видов профессионального стресса. Информационный стресс возникает в условиях жесткого лимита времени и усугубляется в условиях высокой ответственности задания. Эмоциональный стресс возникает при реальной или предполагаемой опасности. Коммуникативный стресс связан с реальными проблемами делового общения. Профессиональный стресс достижения – главная проблема которого заключается

в несоответствии уровня ожиданий реальным возможностям человека, то есть несоответствие уровня ожиданий реальным возможностям человека.

Также интересен стресс, вызванный страхом сделать ошибку. Страх ошибки связан с двумя моментами:

- слишком сильная внутренняя установка только на успех;
- запреты или карательные санкции в случае ошибки.

Достаточно распространенным является профессиональный стресс конкуренции.

Отдельно выделяется профессиональный стресс успеха. Как ни странно, интенсивный стресс работник может испытывать и тогда, когда достигает крупного успеха. Нередко после крупного достижения наступает состояние «обесмысливания» того, что осуществилось.

Профессиональные стрессы оказывают влияние на работоспособность, производительность труда и здоровье человека. Последствия профессиональных стрессов оказались настолько негативны для здоровья работника, что сегодня этот вид стресса выделен в отдельную рубрику в Международной классификации болезней (МКБ–10). Профессиональные стрессы очень серьезно влияют на состояние сотрудников организации, поэтому руководителям организаций необходимо выявлять и устранять причины, способствующие возникновению профессионального стресса сотрудников на рабочем месте.

Причинами возникновения профессионального стресса могут быть различные организационные факторы в трудовой деятельности человека, важнейшими из которых являются:

- режим трудовой деятельности;
- нерациональная организация труда и рабочего места;
- неудовлетворительные условия труда персонала;
- отсутствие эффективной системы мотивации и стимулирования;
- неэффективный стиль управления, отсутствие или недостаток поддержки со стороны начальства;
- неудовлетворительная социально–психологическая атмосфера [2, с. 126].

По сути, профессиональный стресс – это психическое напряжение, связанное с преодолением несовершенства организационных условий труда, с высокими нагрузками при выполнении профессиональных обязанностей на рабочем месте в конкретной организационной структуре, а также с поиском новых неординарных рабочих решений при форс–мажорных обстоятельствах [3, с. 105].

К профессиональным стрессам тесно примыкает явление, которое в различных источниках обозначается как «феномен профессионального выгорания», явление «психического выгорания», «синдром эмоционального выгорания» [4, с. 336].

В соответствии с моделью К. Маслач и С. Джексон, эмоциональное выгорание рассматривается как ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающая в себя три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию персональных достижений.

В. В. Бойко, а вслед за ним и Н. Н. Цуканов, считают, что синдром эмоционального выгорания является формой профессиональной деформации личности, так как могут возникать его дисфункциональные следствия, когда синдром эмоционального выгорания отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и отношениях с партнерами.

Н. В. Гришина подчеркивает, что выгорание должно рассматриваться как особое состояние человека, являющееся следствием профессиональных стрессов, адекватный анализ которого нуждается в экзистенциальном уровне описания, поскольку развитие выгорания не ограничивается только профессиональной сферой, а проявляется в различных ситуациях бытия человека; болезненное разочарование в работе как способе обретения смысла окрашивает всю жизненную ситуацию.

Исследования показывают наличие тесной связи между стрессом и выгоранием. Дж. Поулин и К. Вальтер в лонгитюдном исследовании социальных работников обнаружили, что увеличение уровня выгорания связано с увеличением уровня профессионального стресса [5, с. 408].

В исследованиях К. Маслач были выделены факторы синдрома выгорания:

- индивидуальный предел или «потолок» возможностей «эмоционального Я» противостоять истощению;
- внутренний психологический опыт, включающий чувства, установки, мотивы, ожидания;
- негативный индивидуальный опыт, в котором сконцентрированы проблемы, дистресс, дискомфорт, дисфункции или их негативные последствия.

В настоящее время число симптомов эмоционального выгорания достаточно велико, но все их можно разделить на несколько групп: физические симптомы; эмоциональные симптомы; поведенческие симптомы; интеллектуальное состояние; социальные симптомы:

Таким образом, установлено, что синдром эмоционального выгорания является комбинацией физического, эмоционального и когнитивного истощения или утомления, при этом главным фактор – эмоциональное истощение.

Профессиональное выгорание – это синдром, формирующийся на фоне хронического стресса и ведущий к истощению эмоционально – энергических и личностных ресурсов трудящегося человека. Процесс профессионального выгорания чрезвычайно отрицательно сказывается как на деятельности организации в целом, так и на каждом отдельном работнике, являясь подчас губительным для существования учреждения и самого человека.

Профессиональная деятельность военнослужащих, независимо от разновидности исполняемой работы, относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Постоянные стрессовые ситуации, в которые попадают сотрудники–служащие этих систем, в процессе сложного взаимодействия с людьми, постоянная необходимость в процессе общения с людьми разбираться в сути возникающих проблемных ситуаций, личная и личностная незащищенность и другие морально–психологические факторы оказывают негативное воздействие на здоровье военнослужащих.

Современными исследователями было выделено более ста симптомов, позволяющих судить о степени процесса выгорания. К наиболее частым и серьёзным симптомам можно отнести: снижение мотивации к работе, потеря концентрации и увеличение ошибок, резко возрастающая неудовлетворенность работой, возрастающая небрежность во взаимодействии с клиентами, игнорирование требований к безопасности и процедурам, ослабление стандартов выполнения работы, нарушение крайних сроков работ и увеличение невыполненных обязательств, поиск оправданий вместо решений, конфликты на рабочем месте, хроническая усталость, раздражительность, нервозность, беспокойство, дистанцирование от коллег, увеличение абсентеизма и другие.

В работах М. И. Марьина, А. В. Буданова, В. Е. Петрова, С. Е. Борисова, К. Р. Такасаева, А. И. Адаева приведены наиболее существенные факторы, провоцирующие выгорание у военнослужащих внутренних войск. К факторам, обуславливающим специфику деятельности сотрудников, проходящих службу по контракту, могут быть отнесены следующие: детальная правовая регламентация деятельности военнослужащих, властные полномочия, повышенная ответственность за характер и результаты своей деятельности, когда успехи могут оказываться незамеченными, но почти каждая ошибка становится объектом пристального внимания со стороны общества и может быть наказуема законом, психические и физические перегрузки, организационный фактор, фактор экстремальности, фактор, определяемый объектом профессиональной деятельности.

Список использованных источников

- 1 Калмыкова, О. Ю. Профилактика профессионального стресса в организации: учеб. пособие / О. Ю. Калмыкова, Д. Б. Штрикова. – Самара. гос. техн. ун-т, 2012. – 177 с.
- 2 Афтанас, Л. И. Эмоциональное пространство человека: психофизиологический анализ / Л. И. Афтанас. – Новосибирск: изд-во СО РАМН, 2000. – 126 с.
- 3 Водопьянова, Н. В. Психодиагностика стресса / Н. В. Водопьянова. – СПб. : Питер, 2009. – 205 с.

4 Водопьянова, И. Е. Синдром психического выгорания и его профилактика // Психология профессионального здоровья : учеб. пособие; под ред. проф. Г. С. Никифорова. – СПб. : Речь, 2006. – 336 с.

5 Рубцов, А. В. Психологическое исследование эмоционального выгорания персонала в условиях психоневрологических интернатов : учеб. пособие / А. В. Рубцов, С. В. Колотий, И. Н. Сухарева; под ред. А.В. Рубцова. – М: ИПК ДСЗН., 2012. – 66 с.

А. В. Сшанова

Научный руководитель: **И. З. Олевская**, старший преподаватель
Международный государственный экологический институт имени А.Д. Сахарова БГУ,
г. Минск, Беларусь

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

В статье рассматриваются психологические особенности личности и их влияние на профессиональное самоопределение. Профессиональное самоопределение можно рассмотреть в качестве неотъемлемого и существенного компонента становления личности. Рассматриваются структурные компоненты психологической готовности к профессиональному самоопределению и индивидуальные особенности личности, которые помогают и ориентируют на целенаправленный и осознанный выбор профессии.

Ключевые слова: психологические особенности; профессиональное самоопределение; психологическая готовность к профессиональному самоопределению; самооценка; адаптация.

Выбор профессии, профессиональное самоопределение становится особенно актуальной проблемой в эпоху перемен, кризисных моментов развития общественных отношений в современном мире. Подчеркивается, что правильный выбор профессии и нацеленная на это профориентация важны не только с позиции определения жизненных планов человека, но и с точки зрения развития общества в целом. Личный выбор человека в приобретении профессии и реализации себя на рынке труда представляет собой профессиональное самоопределение.

Основа профессионального самоопределения – это нахождение личностных смыслов в выбираемой, осваиваемой или уже выполняемой деятельности. Динамика профессионального самоопределения состоит в изменении отношения к себе и изменении критериев этого отношения. Профессиональное самоопределение возникает как психологическое новообразование в юношеском возрасте. Выбор профессии представляет сочетание трех параметров: «хочу», «могу» и «надо». И когда данные параметры сочетаются друг с другом, то формируется призвание, которое созвучно с потребностями окружающих, общества, государства. Удачно выбранная профессия повышает самоуважение и позитивное представление человека о себе. Проблему организации и изучения профессионального самоопределения рассматривали многие теоретики и практики образования и психологии.

По мнению многих специалистов, развитие личности происходит в процессе успешного овладения профессиональной деятельностью, значимой для субъекта. Вместе с тем, характер соотношения личностных особенностей человека и критериев успешного выполнения труда продолжает оставаться в центре внимания исследователей. Становление профессионала возможно лишь в результате единства развития, как профессионализма, так и личностного развития. Изучение человека в течение его жизненного пути показывает, что образование и проявление в нём качеств активного субъекта деятельности делятся до тех пор, пока эта деятельность продолжается. Современный этап развития общества, который характеризуется социально-культурным плюрализмом, свободой и открытостью, влечет за собой изменения требований к личности как субъекту социальной эволюции.

Профессиональное самоопределение личности является составной частью общего процесса самоопределения и характеризует личностную, профессиональную и социальную зрелость личности. Главная цель профессионального самоопределения – сформировать готовность самостоятельно и осознанно планировать свое будущее, реализовать перспективы своего развития. Формирование профессиональных намерений, профессиональное обучение и воспитание, вхождение в профессию и, наконец, полная или частичная реализация личности в профессиональном труде формируют основные этапы профессионального самоопределения (Т. В. Кудрявцев, В. Ю. Шегурова). Формируясь как субъект профессиональной деятельности, и формируя отношение к себе как к деятелю, человек развивается как личность. Важными для изучения содержания психологической готовности к профессиональному самоопределению являются работы выдающегося отечественного психолога Б.Г. Ананьева, который, исследуя процесс онтогенеза, ставил вопрос о раскрытии истинных потенциалов развития человека. Он писал: «Человек как субъект трудовой деятельности обладает определенными потенциалами – трудоспособностью и работоспособностью, специальными способностями, активностью в форме ценностных ориентаций, мотивов, наконец, сформированным в самой деятельности практическим опытом с различными степенями обобщенности» [1]. Под потенциалом понимают свойства индивида и личности, определяющие готовность и способность к выполнению деятельности и достижению в ней определенного уровня продуктивности, интегрируемые в человеке как в субъекте деятельности.

Согласно теории конгруэнтности Я-концепции и профессии Д. Сьюпера, представления человека о самом себе – это важнейшие детерминанты профессионального становления. Выбор профессии, по мнению Д. Сьюпера, должен проходить с учетом своего образа «Я», интеллектуальных особенностей, способностей, ценностей, интересов, отношения к труду и профессии, собственных потребностей, черт личности [2].

Таким образом, в психологии профессиональное самоопределение понимается как процесс раскрытия резервов личности. Сделанный профессиональный выбор и приобретаемый на избранном пути опыт меняют, но не ограничивают, всю картину дальнейших возможностей выбора и меняют направление дальнейшего развития человека, поскольку открывают ранее недоступные возможности, – писал Е. А. Климов [3]. Разработка проблемы формирования человека как субъекта профессиональной деятельности представляет направление, в которой профессиональное самоопределение рассматривается в русле проблем формирования человека как субъекта деятельности профессионального труда. Разработан анализ особенностей самосознания человека и представлен в виде концепции профессионального развития. Основой данной концепции является изучение субъектно-объектных взаимосвязей, которые специфичны для профессионального труда. Данные взаимосвязи обусловлены объективной реальностью разнообразия мира профессий (человек-техника, человек-общество, человек-человек и т.д.). Концепция субъективно-деятельного подхода позволяет по-новому рассматривать профессии, а профессиональный труд представляет главное условие существования и развития человека.

Одной из главных проблем, является проблема взаимного соответствия человека как субъекта труда и объективных требований к нему как к созидателю чего-то ценного для общества. Данная концепция обеспечивает познание скрытых, сугубо индивидуальных динамичных процессов психики, которые актуализируются человеком в трудовой деятельности. И появляется возможность определить и познать особенности формирования личности и эмоционально-волевых регуляторов, которые обеспечивают адекватную реализацию субъекта труда в деятельности. Дифференциально-диагностический опросник (ДДО), он же опросник Климова на профориентацию, предназначен для выявления предрасположенности человека, которая выражается в его ценностных ориентациях, к определенным типам профессий. Опросник Климова основан на предположении, что человек, пройдя необходимое и соответствующее профессии обучение, сможет выполнять любую работу, независимо от того, к какой категории из перечисленных она относится. И вместе с тем, если бы у человека изначально была возможность

выбора своего будущего и профессионального поприща, какой бы вид деятельности он на самом деле предпочел.

В основе разработки структуры психологической готовности к профессиональному самоопределению должны находиться представления об основных направлениях развития субъекта деятельности, к которым обычно относят: формирование знаний; развитие умений и навыков; формирование мотивации. Для эффективного самоопределения нужно обладать такими знаниями, как: знания о себе (о своих способностях, свойствах); знания об окружающих людях; знания об окружающем мире и мире профессий. В числе умений и навыков, определяющих эффективность самореализации, необходимо отметить следующие: самопонимание и самооценка; саморазвитие; эффективное взаимодействие с окружающими людьми; планирование профессиональной и личностной карьеры. Важным направлением развития личности, способной к самореализации, является наличие мотивации, потребности в саморазвитии и самореализации. Можно также определить качества, характеризующие личность, способную к самореализации – это активность; целеустремленность; самостоятельность; ответственность за события своей жизни; устойчивость и широта жизненных ценностей.

В современных условиях к конкурентоспособной личности предъявляется еще одно новое требование – умение восстанавливать свою эмоциональную форму, поддерживать благополучие в состоянии здоровья, расширять свои возможности адаптации к нагрузкам, поскольку постоянно возрастает количество факторов, отрицательно влияющих на здоровье человека. Обозначенные выше знания, умения, навыки, мотивацию, личностные качества и характеристики здоровья можно отнести к структурным компонентам психологической готовности к профессиональному самоопределению.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на профессиональное самоопределение личности влияют индивидуальные психологические особенности. Психологические особенности формируются на базе психического и психологического здоровья, самооценки, самопонимания и саморазвития. Ведь личность характеризуется: определенными чертами характера и складом ума; способностями к определенным видам деятельности; предпочтениями определенного рода занятий; содержанием увлечений; профессиональными возможностями, темпераментом, силой нервной системы. Поэтому способностью, сделать осознанный целенаправленный выбор профессии, чтобы выбранная специальность не стала причиной внутриличностного конфликта, тоже зависит от влияния психологических особенностей.

Выбор профессии – один из самых важных выборов в жизни человека. То, насколько профессия будет соответствовать способностям и склонностям человека, насколько эффективно человек будет выполнять необходимые в его профессии действия - в значительной мере будет определять качество его жизни. Удачно выбранная профессия, соответствующая и способностям личности человека, как правило, становится своего рода основой для яркой и достойной жизни. В конечном итоге, даже счастье человека, является достижением всего, чего человек хочет, а ощущение осмысленности и значительности каждого прожитого дня – это и есть выбор профессий. Выбор профессии, особенно для одаренных людей, это почти всегда еще и выбор своей судьбы.

Список использованных источников

1 Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания: избр. психол. тр. / Под ред. А.А. Бодалёва. – М. ; Воронеж, 2004. – С. 168.

2 Зеер, Э. Ф. Профессиональное самоопределение и потенциал профессионала / Э. Ф. Зеер // Мир психологии, 2005. – № 2. – С. 141–147.

3 Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие / Е. А. Климов. – М. : Академия, 2005. – 226 с.

А. В. Чудакова

Научный руководитель: **Андреева И. Н.**, доктор психол. наук
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЛИДЕРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

В статье рассматриваются теоретические подходы по изучению проблемы эмоционального интеллекта и лидерских способностей. Представлены результаты эмпирического исследования влияния эмоционального интеллекта на развитие лидерских способностей учащихся. Изучен характер взаимосвязи эмоционального интеллекта и лидерских способностей с учетом половых различий.

Ключевые слова: подростковый возраст, эмоциональный интеллект, лидерские способности, эмоции, лидерство.

Актуальность. На современном этапе развития общества для достижения успеха уже недостаточно просто обладать высоким показателем IQ, но необходимо иметь и развитый эмоциональный интеллект – EQ. Эмоциональный интеллект – это способность человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей [1]. Эмоциональный интеллект позволяет увидеть истинную причину эмоций. Важная часть эмоционального интеллекта – это умение распознавать и честно описывать собственные эмоции, способность не поддаваться панике, признавать и принимать свои негативные эмоции. Д. Гоулман выделяет следующие компоненты, которые входят в структуру ЭИ: распознавание эмоции; управление эмоциями; способность вызывать нужное эмоциональное состояние; понимание эмоций других людей; способность выстраивать длительные межличностные отношения [2]. Развитый ЭИ позволяет хорошо разбираться в эмоциях, он помогает правильно понимать, и контролировать собственные эмоции, а также распознавать эмоции других людей. В исследованиях по вопросу лидерства центральное место занимает изучение проблем, связанных с повышением эффективности работы организаций. Эффективность работы коллектива связана с уровнем эмоционального интеллекта ее лидера. Лидер способен оказывать как позитивное, так и негативное влияние на деятельность сотрудников. Развитый ЭИ помогает лидеру находить контакты с людьми, вдохновлять, поддерживать, мотивировать своих сотрудников. М. Кетс де Вриес, автор книги «Мистика лидерства», утверждает, что эмоциональный потенциал играет главную роль в вопросе лидерства [3].

Экспериментальное исследование взаимосвязи эмоционального интеллекта и лидерских способностей учащихся. Изучение влияния эмоционального интеллекта на развитие лидерских способностей учащихся проводилось в ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска». В исследование принимали участия учащиеся в возрасте от 14 – до 17 лет. Общее количество испытуемых составило 60 человек. Испытуемым были предложены три методики: Тест «Диагностика лидерских способностей (Е. Жариков, Е. Крушельницкий)», Тест (опросник) эмоционального интеллекта «Эмин» (Д. В. Люсин), Методика «Эффективность лидерства» (Р. С. Немов). Результаты методики Тест «Диагностика лидерских способностей (Е. Жариков, Е. Крушельницкий)» представлены в рисунке 1.

Процентное соотношение степени выраженности лидерских качеств учащихся

Рисунок 1 – Результаты по шкале «Степень выраженности лидерских качеств»

Анализ рисунка 1 позволяет сделать следующие выводы: большинство учащихся обладают средней степенью выраженности лидерских качеств. Часть учащихся обладают развитыми лидерскими качествами. Низкая степень выраженности лидерских качеств диагностирована у 25% учащихся. Результаты исследования по методике «Тест эмоционального интеллекта «Эмин» (Д. В. Люсин)» представлены в таблице 1.

Анализ таблицы 1 позволяет сделать вывод, что большинство учащихся обладают средним уровнем общего ЭИ. Способность к правильному пониманию и управлению эмоциями у данной группы учащихся зависит от ситуации, в которой они находятся. Учащиеся, которые обладают высоким уровнем общего ЭИ, хорошо разбираются не только в своих эмоциях, но и окружающих людей. Наличие низкого уровня общего ЭИ у учащихся позволяет сделать вывод о том, что они не способны понять природу эмоций и не способны управлять ими.

Таблица 1 – Уровень общего эмоционального интеллекта у учащихся

Показатель	Уровень выраженности	Учащиеся	
		Количество	%
Общий эмоциональный интеллект	Очень низкий уровень	7	11
	Низкий уровень	13	22
	Средний уровень	24	40
	Высокий уровень	12	20
	Очень высокий уровень	4	7

Результаты по методике «Методика «Эффективность лидерства» (Р. С. Немов) позволяют сделать вывод, что большинство учащихся способны к эффективному руководству (51%). Данная группа учащихся уважительно относится к окружающим, осознавая ценность каждого человека в коллективе. Учащиеся, которые продемонстрировали средний уровень (37 %), способны демонстрировать эффективной стиль лидерства, однако это будет зависеть от ситуации, в которой они находятся. Низкая степень эффективности стиля руководства выявлена у 12 % учащихся и не позволяет успешно реализовать себя в роли лидера.

Взаимосвязь лидерских способностей и эмоционального интеллекта учащихся (с учетом половых различий). Для установления взаимосвязи эмоционального интеллекта и лидерских способностей у учащихся был осуществлен корреляционный анализ, в ходе которого использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Результаты показали, что лидерских способности взаимосвязаны с общим ЭИ, пониманием чужих эмоций, управлением чужими эмоциями, пониманием своих эмоций, управлением своими эмоциями, межличностным ЭИ, внутриличностным ЭИ, пониманием эмоций, управлением эмоциями (таблица 7).

Таблица 7 – Взаимосвязь лидерских способностей с компонентами ЭИ

Лидерские способности	$r = 0,579; p > 0,01$	Общий эмоциональный интеллект
	$r = 0,511; p > 0,01$	Понимание чужих эмоций
	$r = 0,543; p > 0,01$	Управление чужими эмоциями
	$r = 0,297; p > 0,01$	Понимание своих эмоций
	$r = 0,440; p > 0,01$	Управление своими эмоциями
	$r = 0,558; p > 0,01$	Межличностный ЭИ
	$r = 0,471; p > 0,01$	Внутриличностным ЭИ
	$r = 0,395; p > 0,01$	Понимание эмоций
	$r = 0,626; p > 0,01$	Управление эмоциями

Так, анализ корреляционных связей, отражённых в таблице 7, позволил выявить, что ЭИ и лидерские способности взаимосвязаны. Лидеры хорошо разбираются не только в своих эмоциях, но и в эмоциях, которые испытывают участники его команды. Высокий уровень ЭИ у лидера дает возможность правильно распознавать эмоции других людей и управлять ими. Лидер, благодаря развитому межличностному эмоциональному интеллекту комфортно чувствует себя в новом коллективе, часто проявляют инициативу в знакомствах и быстро находит единомышленников.

Для установления взаимосвязи эмоционального интеллекта и лидерских способностей у девушек и юношей был осуществлен корреляционный анализ, в ходе которого использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты корреляционного анализа показали, что лидерских способности девушек взаимосвязаны с общим ЭИ, управлением чужими эмоциями, управлением своими эмоциями, межличностным ЭИ, управлением эмоциями. Результаты корреляционного анализа показали, что лидерских способности юношей взаимосвязаны с общим ЭИ, межличностным ЭИ, внутриличностным ЭИ, управлением эмоциями.

Проведённое исследование позволило сделать выводы, что наибольшее количество учащихся обладают средней степенью выраженности лидерских качеств. Большинство учащихся имеет средние показатели общего ЭИ. Результаты корреляционного анализа показали, что лидерские способности взаимосвязаны с общим эмоционального интеллекта, пониманием чужих эмоций, управлением чужими эмоциями, пониманием своих эмоций, управлением своими эмоциями, межличностным ЭИ, внутриличностным ЭИ, пониманием эмоций, управлением эмоциями. Были сравнены результаты корреляционного анализа группы юношей и группы девушек. В группе девушек выявлена взаимосвязь лидерских способностей с управлением своими эмоциями, управлением чужими эмоциями. В свою очередь, у юношей выявлена взаимосвязь лидерских способностей с внутриличностным ЭИ.

Список использованных источников

- 1 Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И. Н. Андреева. – Новополоцк : ПГУ, 2011. – 388 с.
- 2 Гоуман, Д. Эмоциональное лидерство / Д. Гоулман. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 301 с.
- 3 Кетс де Врис, М. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / М. Кетс де Врис. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. – 311 с.

Е. С. Шарников

Научный руководитель: **Т. Г. Шатюк**, канд. пед. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У СТУДЕНТОВ ИТ-СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

В статье раскрыты особенности эмоциональной сферы студентов ИТ-специальностей. Актуальность исследования обусловлена недостаточностью исследований по данной проблеме, а также тем, что эмоциональный интеллект является одним из важнейших понятий эмоциональной сферы. Результаты данного исследования расширяют представление об особенностях эмоциональной сферы студентов ИТ-специальностей, вводят в научный оборот массив новых эмпирических данных по исследованию эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный интеллект, ИТ-специальности, студенты, уровни эмоционального интеллекта, характеристики эмоционального интеллекта.

Осознание собственных эмоций и потребностей, контроль над своими переживаниями и поведением, глубокое постижение чужих чувств, управление эмоциями и реакциями других индивидов – все это является составляющим термина «эмоциональный интеллект», наличие которого помогает эффективно социализироваться и достигать успехов в жизни. Однако существование в информационном обществе и увеличение доли IT-специальностей привели к тому, что имеются нарушения в развитии эмоционального интеллекта вследствие того, что свое основное время IT-специалисты проводят, работая со знаковыми системами, и что значительно сокращает живое общение с людьми.

Указанные выше особенности актуализировали проведение эмпирического исследования эмоционального интеллекта у студентов IT-специальностей.

Выборку исследования составили студенты УО «ГТУ им. Ф. Скорины» 76 человек, средний возраст которых составил 19 лет; из них 39 человек с факультетов, связанных с IT-сферой, 37 человек с факультетов, связанных с другими областями.

В качестве психодиагностического инструментария были использованы тест «Эмоциональный интеллект (Тест EQ)» Н. Холла и Методика «Коэффициент эмоциональности или способности к лидерству» Д. Гоулмана, результаты которых представлены в таблицах.

Таблица 1 – Результаты исследования эмоционального интеллекта IT-специалистов с помощью теста «Эмоциональный интеллект» Н. Холла

Шкала	Количество студентов, человек (%)					
	IT-специальностей			не IT-специальностей		
	Низкий	Средний	Высокий	Низкий	Средний	Высокий
Эмоциональная осведомленность	19 (48,7%)	14 (35,9%)	6 (15,4%)	11 (29,7%)	21 (56,8%)	5 (13,5%)
Управление своими эмоциями	29 (74,4%)	9 (23,1%)	1 (2,6%)	11 (29,7%)	15 (40,5%)	11 (29,7%)
Самомотивация	26 (66,7%)	12 (30,8%)	1 (2,6%)	11 (29,7%)	10 (27%)	16 (43,2%)
Эмпатия	21 (53,8%)	14 (35,9%)	4 (10,3%)	11 (29,7%)	16 (43,2%)	10 (27%)
Управление эмоциями других людей	21 (53,8%)	14 (35,9%)	4 (10,3%)	10 (27%)	15 (40,5%)	12 (32,4%)

Таблица 2 – статистическая обработка результатов теста «Эмоциональный интеллект (Тест EQ)» Н. Холла

Шкала	Значение критерия		
	низкий	средний	высокий
Эмоциональная осведомленность	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 1.708$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \geq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 1.839$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \geq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 0.24$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \leq 0,05$
Управление своими эмоциями	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 4.044$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 2.31 \mathbf{p} \geq 0,01$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 1.643$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \geq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 3.612$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 2.31 \mathbf{p} \geq 0,01$
Самомотивация	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 3.303$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 2.31 \mathbf{p} \geq 0,01$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 0.366$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \leq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 4.837$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 2.31 \mathbf{p} \geq 0,01$
Эмпатия	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 2.153$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \geq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 0.649$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \leq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 1.917$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \geq 0,05$
Управление эмоциями других людей	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 2.414$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 2.31 \mathbf{p} \geq 0,01$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 0.414$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 1.64 \mathbf{p} \leq 0,05$	$\varphi_{\text{эмп}}^* = 2.431$, при $\varphi_{\text{кр.}}^* 2.31 \mathbf{p} \geq 0,01$

С помощью F-критерия Фишера были выявлены статистически значимые различия по следующим показателям: низкому и среднему уровням по шкале эмоциональной осведомленности; низкому, среднему и высокому уровням по шкале управления своими эмоциями; низкому и высокому уровням по шкалам самомотивации, эмпатии и управления эмоциями других людей.

Для проверки достоверности был рассчитан критерий значения F по шкалам, который равен 1,708, 1,839, 4,044, 1,643, 3,612, 3,303, 4,837, 2,153, 1,917, 2,414, 2,431 (табл. 2), при следующих критических значениях:

$$t_{кр} = \begin{cases} 1,64, & a = 0,05 \\ 2,31, & a = 0,01 \end{cases}$$

Поскольку эмпирическое значение критерия попало в зону значимости, то гипотеза H₀ отклоняется и принимается альтернативная ей гипотеза H₁, согласно которой, различия между уровнями эмоционального интеллекта у студентов ИТ-специальностей и студентов не ИТ-специальностей достоверны.

На основании данных, полученных при проведении исследования, было выявлено, что в отличие от студентов других специальностей, у студентов ИТ-специальностей преобладает низкий уровень по всем шкалам.

Эмоциональная осведомленность – это полное представление о собственных чувствах. Студентам с низким и средним уровнями по данной шкале свойственно в большей степени непонимание того, что они испытывают. Такие люди наименее информированы о своем внутреннем состоянии.

Полученные результаты по шкале «Управление своими эмоциями» говорят о низкой эмоциональной отходчивости и эмоциональной гибкости, то есть студентам характерна низкая произвольность в управлении своими эмоциями. Студентам ИТ-специальностей в меньшей мере свойственно понимание эмоций и чувств других людей, умение сопереживать эмоциональному состоянию других людей, а также отсутствие готовности прийти на помощь. Они не до конца способны понять состояние человека по разным критериям, например, по речи, позе, мимике, жестам и т. д.

Также было выявлено преобладание низкого и среднего уровней по шкале «Управление эмоциями других людей» у студентов ИТ-специальностей. Данный показатель говорит о неполном распознавании эмоций других людей, то есть об отсутствии умения воздействовать на эмоциональное состояние других людей.

Таблица 3 – Исследование эмоционального интеллекта с помощью методики «Коэффициент эмоциональности или способности к лидерству» Д. Гоулмана

Уровни	Количество студентов, человек (%)		Значение критерия
	ИТ-специальностей	не ИТ-специальностей	
Очень высокий	0 (0%)	0 (0%)	-
Высокий	0 (0%)	0 (0%)	-
Выше среднего	2 (5,1%)	13 (35,1%)	$\varphi^*_{эмп} = 3.538,$ при $\varphi^*_{кр.} 2.31 p \geq 0,01$
Средний	1 (2,6)	6 (16,2%)	$\varphi^*_{эмп} = 2.196,$ при $\varphi^*_{кр.} 1.64 p \geq 0,05$
Ниже среднего	6 (15,4%)	15 (40,5%)	$\varphi^*_{эмп} = 5.591,$ при $\varphi^*_{кр.} 2.31 p \geq 0,01$
Низкий	30 (76,9%)	3 (8,1%)	$\varphi^*_{эмп} = 5.591,$ при $\varphi^*_{кр.} 2.31 p \geq 0,01$

С помощью F-критерия Фишера были выявлены статистически значимые различия по уровням эмоционального интеллекта у студентов IT-специальностей и других специальностей.

Для проверки достоверности был рассчитан критерий значения F, который равен 3,538, 2,196, 2,497, 6,806 (табл. 3), при следующих критических значениях:

$$t_{кр} = \begin{cases} 1,64, & a = 0,05 \\ 2,31, & a = 0,01 \end{cases}$$

Поскольку эмпирическое значение критерия попало в зону значимости, то гипотеза H₀ отклоняется и принимается альтернативная ей гипотеза H₁, согласно которой, различия между уровнями эмоционального интеллекта у студентов IT-специальностей и студентов не IT-специальностей достоверны.

На основании данных, полученных при проведении исследования, было выявлено, что в отличие от студентов других специальностей, у студентов IT-специальностей преобладает низкий уровень эмоционального интеллекта. Студентам с низким уровнем иногда бывает трудно отличить свое собственное мнение от чужого. Им стоит размышлять о себе и о жизни почаще, намечать простые цели и после их достижения переходить на другие.

Респондентам с уровнем «ниже среднего» стоит брать инициативу в свои руки и выходить за рамки правил. Они – незаменимые помощники, привержены правилам, их высоко ценят. Студенты со средним уровнем эмоционального интеллекта стремятся избегать конфликтов, поэтому роль лидера не для них. Они скорее благодарные слушатели, к которым тянутся другие люди, чтобы поделиться своими переживаниями и радостями. У респондентов с уровнем «выше среднего» есть способность командовать людьми, но для того, чтоб в этом преуспеть – необходимо в отношении с людьми быть более гуманными. Главным качеством для этих людей будет умение слушать других, которое им жизненно необходимо. Также стоит отметить, что людей с уровнем высоким и очень высоким выявлено не было.

Таким образом, в ходе проведения эмпирического исследования среди студентов IT-специальностей, а также студентов других специальностей были выявлены следующие характеристики. Для студентов IT-специальности характерен низкий уровень эмоционального интеллекта, самомотивации, эмоциональной осведомленности, управлении своими эмоциями, эмпатии, управлении эмоциями других людей. Высокий уровень трудности описания и идентификации чувств, а также алекситимический тип личности. Студентам других специальностей характерен низкий уровень трудности описаний и идентификации чувств, экстернального мышления, эмоциональный интеллект выше среднего, а также неалекситимический тип личности.

Е. Р. Юртаева

Научный руководитель: **Е. А. Лупекина**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В данной статье рассматривается понятие «профессиональное самоопределение», описываются три хронологических периода профессионального развития человека (Климова Е. А.), дается перечень тестов, которые можно использовать для профориентационной работы с детьми разных возрастов.

Ключевые слова: профессиональное становление, отношение к профессиональному становлению.

Профессиональное становление – это процесс развития личности, а также выбора будущей профессии, подготовки и профессионального образования, и продуктивного выполнения профессиональной деятельности [1].

Профессиональное формирование непременно подразумевает необходимость в саморазвитии [2].

Исследование данных литературы, проведенные В.А. Бодровым, дает возможность установить главные предпосылки профессионального развития в виде последующих утверждений.

1. Безусловно, что все люди отличаются по личностным и психологическим качествам.
2. Благополучие профессиональной деятельности обуславливается степенью соответствия индивидуальных отличительных черт личности требованиям специальности.
3. Любой индивид соответствует требованиям ряда специальностей.
4. Уровень соответствия личных отличительных черт также профессиональных требований устанавливает степень заинтересованности к специальности, удовлетворенности в ней, желание к профессиональному совершенствованию.
5. Профессионализация реализуется в течение всей профессиональной деятельности личности.

6. Профессиональное формирование личности (а именно развитие трудовых психологических качеств) происходит неравномерно.

7. Основным в профессиональном развитии персоны считается вид основной работы.

Рассматривая профессиональное развитие человека, Е. А. Климов выделил три хронологических периода:

1) первый период допрофессиональное формирование: начинается с самого рождения до 11–12 лет (включает в себя стадию раннего детства, стадию дошкольного возраста, стадию младшего школьного возраста от 7–8 до 11–12 лет). В это время у ребенка формируется произвольное поведение, ребенок овладевает речью, формируются умения самоконтроля своей деятельности, ребенок доводит до конца начатую им ранее работу, формируется умение концентрироваться на делах. В данный период следует сформировать у ребенка понятия того, что он равноправный член общества, что помогает ребенку овладевать понятиями что такое труд, в целом, что такое профессиональная деятельность;

2) второй период – это выбор профессии: протекает с 11 до 18 лет. В данный период времени ребенок принимает для себя решение о своей будущей профессии, также выбирает профессиональное учебное заведение (колледжи, техникумы, профессиональные училища, а также высшие учебные заведения);

3) третий период – период собственного профессионального развития (от 19 до 60 лет). Е. А. Климов акцентирует внимание на том, что понятие «профессиональное самоопределение» – это не однократное принятие решения, а постоянные выборы. Более важным выбор профессии становится в ранней юности (15-18 лет), но и в дальнейшие года возникает необходимость коррекции профессиональной деятельности личности. [1]

Вопрос профессионального самоопределения в наше время достаточно актуален. В связи с этим очень важной составляющей является диагностика склонностей старших школьников их личностных качеств, профессиональных способностей и интересов.

По мнению современных психологов, начинать подбор профессии стоит как можно раньше, чтобы развивать нужные способности за время школьных лет.

Далее перечисляются тесты, которые можно использовать для профориентационной работы с детьми разных возрастов [3]: тест «Изучение интеллектуального и эмоционального состояния школьника в учебно-воспитательном процессе»; шкала поиска ощущений (методика Цукермана); опросник Шмишека; опросник Айзенка; тест возрастающей трудности (методика Равена); тест школьной тревожности Филлипса; простые аналогии; сложные аналогии; коэффициент интеллекта (два теста); оценка ваших возможностей сделать карьеру; ШТУР (школьный тест умственного развития).

Получение результатов данных тестов, достаточно часто сопровождается диаграммами, это позволяет чётко проследить за определенными личностными качествами. Описание тестов включает в себя характеристику психологических, физических, личностных свойств, характеристику направленности профессиональной деятельности.

Подводя итоги можно сказать, что жизненный опыт подростка достаточно ограничен, его представления о профессиональной деятельности часто имеют неполный характер. Находясь в ситуации выбора, дети часто испытывают растерянность и нуждаются в поддержке взрослых. Ведь выбирая профессию – человек выбирает образ жизни.

Список использованных источников

- 1 Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения молодежи / Е. А. Климов. – М. : Весь мир, 2006. – 283 с.
- 2 Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности / В. А. Бодров. – М., 2001. – 511 с.
- 3 Психология, профессиональное самоопределение. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/psychology/00461945_0.htmlm. – Дата доступа: 27.06.2020.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

М. В. Бубнов

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ КАК ПРЕДМЕТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Статья посвящена вопросам изучения процесса принятия политических решений как качестве междисциплинарного предмета научного исследования в рамках современной психологии. Рассматриваются вопросы изучения процесса принятия политических решений с точки зрения следующих отраслей научного знания: общей психологии, психологии лидерства, психологии управления и психологии принятия решений.

Ключевые слова: процесс принятия политических решений, информационно-аналитическая деятельность, управленческая деятельность, междисциплинарные исследования.

Процесс принятия политических решений занимает важное место в рамках современного государственного управления. Этот процесс занимает главенствующую роль в обеспечении системы государственного управления как организационно-управленческой структуры, обеспечивающей как стабильное функционирование, так и поступательное развитие государства в краткосрочной (до 3 лет), среднесрочной (3–5 лет) и долгосрочной (5 лет и более) перспективе. Процесс принятия политических решений может быть представлен в качестве последовательной совокупности следующих этапов: сбор информации, анализ и обработка информации, формулирование вариантов политического решения, выбор необходимого варианта политического решения, реализация на практике и мониторинг эффективности принятого политического решения. Политическое решение как окончательный результат управленческой деятельности можно охарактеризовать как действующий нормативно-правовой акт, принятый в соответствии с действующим в государстве (либо межгосударственном объединении) законодательством и регулирующий различные организационно-правовые вопросы, касающиеся функционирования государства в целом и различных отраслей деятельности проживающих на территории государства граждан в частности.

Необходимо обратить внимание на то, что политическое решение с научной точки зрения может рассматриваться не только в качестве нормативно-правового акта конкретного вида и содержания. Процесс принятия политических решений – это междисциплинарный предмет научного исследования. С точки зрения психологии политическое решение может рассматриваться как результат когнитивной (познавательной) и мыслительной деятельности, результат аналитической деятельности, как результат рационального и осознанного выбора вариантов действия, осуществленный в рамках управленческой деятельности индивидом или социальной группой (к примеру, экспертной комиссией в составе органа государственного управления).

С точки зрения общей психологии процесс принятия политических решений может рассматриваться с позиции влияния на него таких фундаментальных составляющих психики индивида, как память, внимание, мышление, коммуникация (общение), чувства, эмоции, темперамент. Память как составляющая процесса принятия политических решений обеспечивает запоминание управленческой информации. Большое количество различной информации (текстовой, числовой, графической, иногда аудиовизуальной, т. е. выступления политических деятелей на общегосударственном и международном уровне) является обыденностью для аналитической работы в процессе принятия политических решений. Роль внимания в процессе принятия политических решений подразумевает под собой разграничение информации на различные

составляющие: на важную, второстепенную и несущественную, на неотложную и менее срочную, на истинную, ложную (излишне ангажированную) и требующую дополнительной проверки.

Принципиально важную роль в процессе принятия политических решений занимает мышление. Мышление как психологический процесс обеспечивает обработку управленческой информации, преобразование данной информации в конкретные логические выводы и умозаключения, на основе которых формулируются и реализуются различные управленческие действия. Мышление отвечает за то, чтобы в сознании руководителя или специалиста – аналитика (экономиста, юриста, социолога, политолога), участвующего в подготовке и (или) процессе реализации политического решения, формулировались и осуществлялись управленческие стратегии, паттерны. На основе указанных стратегий происходит формулирование вариантов будущего политического решения, а также выбор того варианта политического решения, который будет иметь статус действующего нормативно-правового акта. Мышление также активно задействовано в выборе средств и методов реализации политического решения, а также в выборе критериев, на основе которых будет оцениваться реализация политического решения на практике.

Значимую роль в процессе принятия политических решений играет коммуникация. Коммуникативная составляющая процесса принятия политических решений включает в себя аутокоммуникацию (внутренний диалог руководителя или специалиста – аналитика), индивидуально-групповую коммуникацию (общение представителя экспертной группы с иными ее участниками), межгрупповую коммуникацию (общение представителей двух и более экспертных групп между собой). Важно детально обсудить проблемные вопросы принимаемого политического решения, в ином случае эффект от реализации политического решения может оказаться менее значительным, чем это необходимо.

Немаловажными психологическими компонентами процесса принятия политических решений являются чувства, эмоции, темперамент. Следует отметить, что эмоциональный фон оказывает на процесс принятия политических решений существенное влияние, причем данное влияние проявляется как на уровне отдельного индивида (аналитика, руководителя), так и на уровне коммуникации в социальной группе. Для того, чтобы грамотно сформулировать и эффективно реализовать политическое решение, от участников процесса принятия политических решений требуется наличие следующей совокупности качеств эмоционально-волевого характера: рациональность, хладнокровие, опора в рассуждениях и действиях на разум и логику, спокойствие, уравновешенность, высокая культура ведения дискуссии – уважение к аргументам собеседника, воздержание от поспешных выводов и эмоциональных порывов.

С точки зрения психологии наиболее подходящими представителями управленческого и аналитического персонала в сфере принятия политических решений будут сотрудники с темпераментом вида «сангвиник» или «флегматик». И наоборот – «холерики» с характерной для них эмоциональной несдержанностью и частой агрессивностью, а также «меланхолики» с типичной для них постоянной тревожностью вряд ли добьются в процессе принятия политических решений каких-либо эффективных результатов.

В качестве значимой области для исследования процесса принятия политических решений выступает психология лидерства. В рамках психологии лидерства процесс принятия политических решений может рассматриваться со следующих позиций: принятие политических решений как цель, деятельность и результат деятельности политического лидера, коммуникация политического лидера с подчиненными и гражданским обществом, моральная и юридическая ответственность политического лидера за результаты реализации принятого политического решения.

Политический лидер является значимой фигурой, участвующей в процессе принятия политических решений. Под политическим лидером может пониматься должностное лицо, обладающее ярко выраженными эмоционально-волевыми и интеллектуальными (умственными) характеристиками (ответственность, трудолюбие, выдающаяся образованность, высокие навыки риторики, убеждения в публичном выступлении, а также достойные уважения моральные качества) и занимающее высокую государственную должность – должность главы государства, главы органа государственного управления, главы министерства или ведомства, главы

дипломатической структуры (дуайена, посла, консула, временного поверенного в делах), главы политической партии, главы партийной коалиции, главы общественной организации.

Целью участия политического лидера в процессе принятия политических решений является урегулирование проблемных ситуаций, возникающих в политической сфере, на которую распространяются имеющиеся у политического лидера управленческие полномочия. В процессе принятия политических решений политический лидер может выступать как в роли руководителя (лица, принимающего политическое решение), так и в роли подчиненного – представителя экспертной группы, подготавливающей политическое решение для главы государства (главы правительства) либо группы, выносящей политическое решение на обсуждение в парламенте. Политическое решение как результат осуществления управленческой, равно как и аналитической деятельности политического лидера отражает позицию политического лидера в области урегулирования политической проблемы, стоящей на повестке дня или имеющей перспективы выхода на повестку дня в обозримом будущем.

В качестве неотъемлемой составляющей участия политического лидера в процессе принятия политических решений выступает коммуникация. Для политического лидера мало сформулировать политическое решение – необходимо обосновать своевременность и эффективность этого решения перед государством и обществом. Не случайно в современном мире политические лидеры большое внимание уделяют организации связей с общественностью (медиафорумы, саммиты, пресс-конференции, пресс-релизы), а также выступлениям в электронных и печатных средствах массовой информации, являющимися площадкой для конструктивного диалога между представителями общества и государства. С древних времен понятия «политический лидер» и «профессиональный оратор» неразрывно связаны между собой.

Процесс принятия политических решений в качестве междисциплинарного психологического феномена также может рассматриваться как структурный элемент предметного поля таких отраслей современной психологии, как психология управления и психология принятия решений. Можно отметить, что процесс принятия политических решений – это один из множества видов управленческих процессов, характерных для современного общества. Теоретическая модель «руководитель – коммуникация – подчиненные» будет уместна и для политической сферы («политический лидер-коммуникация-граждане государства»), равно как и управленческие факторы мотивации, которые могут быть как материальными (финансовые средства), так и нематериальными (к примеру, вера в идею построения государства с наиболее совершенной организацией политического управления).

Рассматривая процесс принятия политических решений с точки зрения современной психологии управления, необходимо обратить внимание на некоторые важные тезисы, сформулированные С. Плаусом и А. В. Карповым. С. Плаус отмечает: «Прежде, чем принять ответственное решение, зачастую важно остановиться и задать себе следующие ключевые вопросы: «Не смотрю ли я на вещи предвзято?» «Чего я жду от этой ситуации?» [1, с. 28]. А. В. Карпов указывает: «Любой значимый этап деятельности руководителя всегда связан с необходимостью оценки степени достижимости решаемых на нем проблем, задач. Поэтому в конце каждого этапа руководитель обязательно принимает решение о том, достигнуты или нет изначально поставленные цели, можно ли считать его завершённым и переходить к следующим этапам» [2, с. 104]. Соответственно, фундаментальные психологические императивы процесса принятия политических решений – это объективность (беспристрастность) и саморефлексия (анализ эффективности реализованных управленческих мер). Можно также отметить, что процесс принятия политических решений имеет определенное сходство с процессом принятия управленческих решений в организациях государственной и частной формы собственности. Тем не менее, между процессом принятия политических решений и процессом принятия управленческих решений есть главное и основное отличие: цена управленческой ошибки. Банкротство отдельного, пускай и крупного предприятия сложно сравнивать по масштабу и последствиям с экономическим и политическим кризисом, который может быть вызван некорректно сформулированным и (или) неграмотно реализованным политическим решением.

Список использованных источников

- 1 Плаус, С. Психология оценки и принятия решений: монография / С. Плаус; перевод с англ. – М. : Филинь, 1998. – 368 с.
- 2 Карпов, А. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход / А. В. Карпов, А. А. Карпов, Е. В. Маркова. – М. : Изд. дом РАО, 2016. – 644 с.

О. В. Маркевич, А. В. Сидоренко

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В статье изучена проблема качества жизни и смысложизненных ориентаций пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. На основе результатов, полученных в ходе диагностики, была разработана и проведена коррекционная программа по повышению качества жизни и изменению смысложизненных ориентаций. Представлены результаты эмпирического исследования после проведения коррекционной программы и описана ее эффективность.

Ключевые слова: качество жизни, обусловленное здоровьем качество жизни, смысложизненные ориентации, пациенты с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

В настоящее время сердечно-сосудистые заболевания выступают в качестве одной из основных причин смертности и инвалидности населения во всем мире, в том числе и в Беларуси. Болезни сердечно-сосудистой системы занимают лидирующее место среди причин смертности взрослого населения экономически развитых стран мира. Изучением проблемы качества жизни занимались такие ученые, как В. Н. Бобкова, А. И. Суббето, Б. В. Бойцов, Ю. В. Крянев, М. А. Кузнецов, Е. Ю. Рубанова. Большой вклад в изучение смысложизненных ориентаций внесли Д. А. Леонтьев, А. А. Бодалев, В. Э. Чудновский, А. Адлер, В. Франкл, А. Маслоу, Л. С. Коган, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. К. Вилюнас, С. Л. Рубинштейн и другие.

Е. Ю. Рубанова рассматривает качество жизни как интегральную характеристику физического, психологического и социального функционирования человека, основанную на его субъективном восприятии. Важным показателем качества жизни являются индивидуальные переживания человека относительно социальной обстановки вокруг него, а именно его собственные ощущения по поводу собственного здоровья, способности без затруднений пользоваться различными социальными и техническими достижениями, наличия положительных или отрицательных эмоций в жизненных ситуациях. Другими словами, психологическим индикатором качества жизни, по мнению автора, является степень удовлетворенности разными сферами жизни и положительная согласованность с психической адекватностью личности [1, с. 110].

Д. А. Леонтьев дает следующее определение понятию «смысложизненные ориентации»: «Смысложизненные ориентации представляют собой набор свойственных только данной личности ценностей и целей, которые выбраны как основополагающие своего существования. Особенность данной потребности заключается в уникальности её понимания каждым человеком, а, следовательно, невозможно определить готовые клише наиболее успешных целей существования, что и создает трудности их изучения и развития» [2, с. 123].

Для диагностики качества жизни и смысложизненных ориентаций пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями были выбраны следующие методики: методика оценки качества жизни «SF-36 Health Status Survey» и тест «Смысложизненные ориентации» (Д. А. Леонтьев). Выборочную совокупность составили 70 человек в возрасте от 35 до 55 лет 45 мужчин и 25 женщин): с диагнозом ишемическая болезнь сердца – 25 чел., различные виды аритмии – 29 чел., врожденные пороки сердца – 7 чел., приобретенные пороки сердца – 5 чел., иные сердечно-сосудистые заболевания – 4 чел.

Проведенное эмпирическое исследование показало, что 28% опрошенных пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями дают низкую оценку собственного психического здоровья (имеют депрессивную симптоматику либо находятся в легкой депрессии); а 31% пациентов дают низкую оценку общего показателя психического компонента здоровья. Что касается развития смысловых ориентаций, то у 34% пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями выявлен низкий уровень удовлетворенности процессом жизни, т.е. они не удовлетворены своей жизнью в настоящем. Жизнь им кажется рутинной, неинтересной, каждый новый день похож на предыдущий. На основе полученных данных была разработана и проведена коррекционная программа, целью которой являлось повышение качества жизни и изменение смысловых ориентаций пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями. По завершению программы была проведена вторичная диагностика у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями с целью проверки эффективности проведенных коррекционных занятий. В таблицах представлены статистически значимые различия показателей до и после проведения коррекционной работы.

Таблица 1 – Результаты исследования качества жизни у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, принявших участие в коррекционной программе, до и после ее проведения (по методике «SF-36 Health Status Survey»)

Шкалы	Уровень	Количество человек (n = 20)		Статистические показатели (ϕ^*)
		до участия в программе	после участия в программе	
Физическое функционирование	низкий	19	16	–
	средний	1	3	
	повышенный	–	1	
	высокий	–	–	
Рольное функционирование, обусловленное физич. состоянием	низкий	18	17	–
	средний	2	3	
	повышенный	–	–	
	высокий	–	–	
Интенсивность боли	низкий	4	3	–
	средний	3	2	
	повышенный	14	14	
	высокий	–	–	
Общее состояние здоровья	низкий	16	16	–
	средний	4	4	
	повышенный	–	–	
	высокий	–	–	
Общий показатель физического компонента здоровья	низкий	17	16	–
	средний	3	4	
	повышенный	–	–	
	высокий	–	–	
Жизненная активность	низкий	18	10	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2.931$ при $p \leq 0,01$
	средний	2	10	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2.931$ при $p \leq 0,01$
	повышенный	–	–	–
	высокий	–	–	–
Социальное функционирование	низкий	13	5	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2.618$ при $p \leq 0,01$
	средний	4	10	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2.037$ при $p \leq 0,05$
	повышенный	3	5	–
	высокий	–	–	–

Продолжение таблицы 1

Роловое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	низкий	13	5	$\varphi^*_{эмп} = 2.618$ при $p \leq 0,01$
	средний	5	11	$\varphi^*_{эмп} = 1.973$ при $p \leq 0,05$
	повышенный	2	4	–
	высокий	–	–	–
Самооценка психического здоровья	низкий	16	7	$\varphi^*_{эмп} = 2.998$ при $p \leq 0,01$
	средний	3	5	–
	повышенный	1	8	$\varphi^*_{эмп} = 2.903$ при $p \leq 0,01$
	высокий	–	–	–
Общий показатель психического компонента здоровья	низкий	16	6	$\varphi^*_{эмп} = 3.336$ при $p \leq 0,01$
	средний	3	6	–
	повышенный	1	8	$\varphi^*_{эмп} = 2.903$ при $p \leq 0,01$
	высокий	–	–	–

Анализ данных, представленных в таблице, показал, что после участия в коррекционной программе, направленной на повышение качества жизни и изменение смысловых ориентаций, у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями повысился уровень психического компонента здоровья и его составляющие. Так, увеличилось число пациентов со средним уровнем жизненной активности с 10 % до 50 %, со средним уровнем социального функционирования с 20 % до 50 %, со средним уровнем ролевого функционирования, обусловленного эмоциональным состоянием, с 25 % до 55 %, с повышенным уровнем самооценки психического здоровья с 5 % до 40 %, с повышенным уровнем психического компонента здоровья с 5 до 40 %.

Таблица 2 – Результаты исследования смысловых ориентаций у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, принявших участие в коррекционной программе, полученные с помощью теста «Смысловые ориентации» (Д. А. Леонтьева), до и после проведения программы.

СЖО	Уровень	Количество (n = 20)		Статистические показатели (φ^*)
		до участия в программе	после участия в программе	
Цели в жизни	низкий	16	7	$\varphi^*_{эмп} = 2.998$ при $p \leq 0,01$
	средний	4	13	$\varphi^*_{эмп} = 2.998$ при $p \leq 0,01$
	высокий	–	–	–
Процесс жизни	низкий	17	11	–
	средний	2	8	–
	высокий	1	1	–
Результативность жизни	низкий	6	4	–
	средний	10	11	–
	высокий	4	5	–
Локус контроля – Я (хозяин жизни)	низкий	18	9	$\varphi^*_{эмп} = 3.248$ при $p \leq 0,01$
	средний	1	8	$\varphi^*_{эмп} = 2.903$ при $p \leq 0,01$
	высокий	1	3	–
Локус контроля – жизнь	низкий	16	10	–
	средний	2	6	–
	высокий	2	4	–

Анализ данных, представленных в таблице, показал, что после участия в коррекционной программе, направленной на повышение качества жизни и изменение смысловых ориентаций, у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями произошли положительные

изменения в смысловых ориентациях. Увеличилось число пациентов со средним уровнем целей жизни с 20 % до 65 %, со средним уровнем процесса жизни с 20 % до 40 %, со средним уровнем локуса контроля – Я с 5% до 40 %.

Таким образом, в результате математической статистической обработки полученных данных были выявлены значимые различия по всем показателям в корректируемой группе пациентов. Сопоставление результатов исследования до и после принятия участия в коррекционной программе, направленной на повышение качества жизни и изменение смысловых ориентаций у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, доказало эффективность проведенной коррекционной работы. После прохождения пациентами коррекционной программы нам удалось повысить уровень психического компонента здоровья её участников. Пациенты, принявшие участие в коррекционной программе, стали лучше себя чувствовать в эмоциональном плане, они стали больше проявлять социальную активность, отмечают собственное психическое благополучие, были сведены к минимуму тревожные переживания, они научились управлять своим эмоциональным состоянием и, в целом, стал преобладать положительный эмоциональный фон и положительные эмоции.

Список использованных источников

1 Рубанова, Е. Ю. Теоретические аспекты качества жизни в контексте психологии здоровья / Е. Ю. Рубанова // Ученые заметки ТОГУ. – 2014. – № 3. – С. 108 – 115.

2 Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. – М. : Смысл, 2003. – 487 с.

А. В. Степанькова

Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья,
г. Гомель, Беларусь

РЕАЛИЗАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННОГО САНИТАРНОГО НАДЗОРА ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ С ЛИЦАМИ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА

В статье проводится анализ реализации специалистами государственного санитарного надзора Гомельской области профилактических проектов с лицами пожилого возраста. Автором приводятся данные статистического анализа основных медико-демографических показателей и уровня заболеваемости населения старше трудоспособного возраста.

Ключевые слова: профилактика неинфекционных заболеваний, профилактический проект, информационно-образовательная работа.

Одной из современных приоритетных задач системы здравоохранения Республики Беларусь, направленной на стабильность демографической ситуации и повышение уровня качества жизни, является снижение влияния факторов риска ухудшения здоровья пожилого населения. С возрастом люди все более подвержены риску заболеваний и инвалидности. Однако бремя нездоровья пожилых людей можно в значительной степени сократить или предупредить за счет надлежащего решения проблемы таких специфических факторов риска, как травматизм, развитие неинфекционных заболеваний, нарушения психического здоровья. Здоровое старение – это процесс, который происходит на протяжении всего жизненного цикла. Плохое питание, отсутствие физической активности, потребление табака и вредное употребление алкоголя – все это способствует развитию неинфекционных заболеваний, которые обуславливают примерно 77 % бремени болезней и 86 % случаев смерти в Европейском регионе. Наибольшее бремя несут самые социально-неблагополучные группы населения [1].

Специалистами учреждений государственного санитарного надзора Брагинского, Жлобинского, Лоевского, Мозырского, Октябрьского, Речицкого и Хойникского районов в 2016–2019 годах было реализовано 7 профилактических проектов с лицами старше трудоспособного возраста, направленных на формирование здорового образа жизни, снижение факторов риска неинфекционных заболеваний, поддержание и укрепление психологического здоровья пожилых людей. Кроме того, специалистами отдела общественного здоровья государственного учреждения «Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья» в 2015–2019 года был реализован совместный план работы информационно-просветительского центра для лиц пожилого возраста «Лига ЗОЖ» на базе библиотеки-филиала № 6 г. Гомеля.

В рамках реализации проектов проведены информационные встречи, лекции и беседы, тренинги, консультации узких специалистов организаций здравоохранения. Регулярно проводились информационно-образовательные акции по профилактике болезней системы кровообращения, которые включали в себя измерения уровня артериального давления и обучение его навыкам, расчет индекса массы тела с последующей дачей рекомендаций по основным принципам рационального питания. В обязательном порядке пожилых людей обучали распознавать первые признаки инсульта, обучали принципам оказания первой медицинской помощи и самопомощи. Психологами организаций здравоохранения проводились индивидуальные консультации и тренинги. Вот некоторые наиболее яркие примеры проведенных мероприятий.

Специалистами Гомельского областного центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья проведены информационные встречи с консультациями узких специалистов «Современные методы альтернативной медицины», «Возрастные изменения ЛОР-органов», «Возрастные заболевания эндокринной системы». Специалистами Жлобинского районного центра гигиены и эпидемиологии проведено занятие с элементами тренинга «Влияние эмоций на образ жизни», тематический вечер «Не спешите стареть». Специалистами Речицкого зонального центра гигиены и эпидемиологии были проведены информационно-образовательные мероприятия и психологические тренинги с использованием музыкотерапии и арт-терапии.

Анализ реализации вышеназванных профилактических проектов проводится ежеквартально специалистами учреждений государственного санитарного надзора и организаций здравоохранения административных территорий Гомельской области. Основными методами оценки эффективности реализуемых проектов является метод статистического анализа основных медико-демографических показателей и уровня заболеваемости на административных территориях Гомельской области. Материалы для анализа предоставлены организационно-методическим отделом учреждения «Гомельская областная клиническая больница», а также использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь [2].

В структуре общей численности населения Республики Беларусь в 2016 году лица старше трудоспособного возраста составляли 24,8 %, в 2017 году – 25,2 %, в 2018 году – 25,0 %, в 2019 году – 24,8 % (рисунок 1).

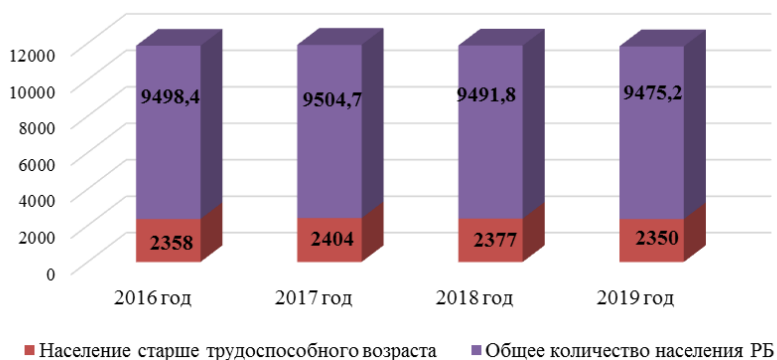

Рисунок 1 – Соотношение населения трудоспособного возраста и общего количества населения Республики Беларусь 2016–2019 годы

Был проведен анализ основных медико-демографических показателей и уровня заболеваемости основными неинфекционными заболеваниями (новообразования, болезни системы кровообращения, внешние причины) населения старше трудоспособного возраста за период 2016–2019 годы. Получены следующие результаты.

Выявлена положительная динамика уровня заболеваемости населения старше трудоспособного возраста по следующим нозологическим формам: отмечается снижение уровня заболеваемости от внешних причин (в том числе травмы, отравления и прочие) на 9,4 % в 2017 году и на 9,7 % в 2018 году в сравнении с 2016 годом. Также в 2018 году отмечается снижение уровня онкологических заболеваний на 23,8 % в сравнении с 2017 годом и на 19,2 % в сравнении с 2016 годом. В 2018 году отмечено снижение уровня болезней системы кровообращения на 19,3 % по сравнению с уровнем 2017 года и на 19,8 % – с 2016 годом. Однако, к сожалению, в 2019 году отмечен рост заболеваемости по всем исследуемым нозологическим формам (рисунок 2).

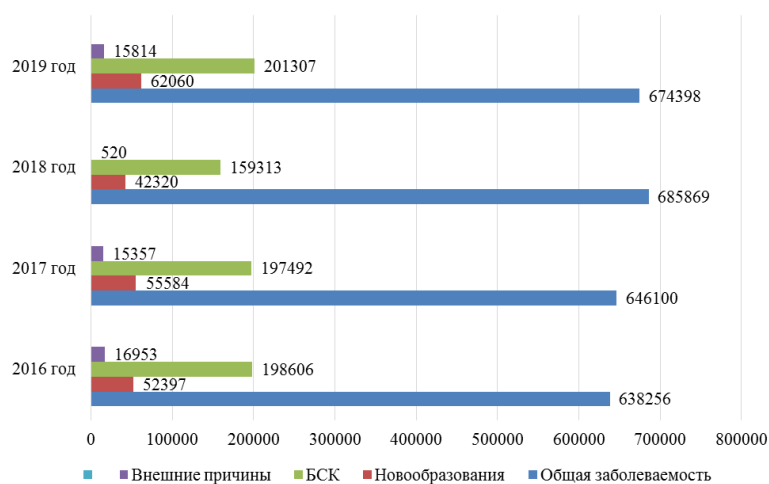

Рисунок 2 – Динамика основных медико-демографических показателей в Гомельской области

Проведен анализ уровня заболеваемости населения старше трудоспособного возраста административных территорий, где были реализованы профилактические проекты с лицами третьего возраста по следующим нозологическим формам: общая заболеваемость, новообразования, болезни системы кровообращения, внешние причины.

В Брагинском районе в 2019 году на 5,4 % отмечается снижение уровня общей заболеваемости населения старше трудоспособного возраста по сравнению с 2016 годом. В 2019 году отмечается снижение уровня болезней системы кровообращения в Жлобинском районе на 1,5 % в сравнении с 2016 годом, в Лоевском – на 7 % по сравнению с 2016 годом. В Мозырском районе в 2019 году наблюдается снижение уровня общей заболеваемости на 5,4%, уровня болезней системы кровообращения – на 5,5 %, уровня заболеваемости от внешних причин – на 7,6 % в сравнении с 2016 годом. В Речицком районе в 2019 году отмечено снижение уровня заболеваемости от внешних причин на 18,2 % в сравнении с 2016 годом. В Хойникском районе в 2019 году наблюдается снижение уровня общей заболеваемости на 2,9 %, уровня болезней системы кровообращения – на 8,2 %, уровня заболеваемости от внешних причин – на 45,8 % в сравнении с 2016 годом.

Безусловно, активная профилактическая работа среди лиц пожилого возраста лишь опосредованно влияет на основные медико-демографические показатели и уровень заболеваемости, однако, приверженность здоровьесберегающему поведению и психологическое благополучие играют немаловажную роль в снижении риска развития неинфекционных заболеваний.

Список использованных источников

1 Факторы риска ухудшения здоровья пожилых людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/healthy-ageing/data-and-statistics/risk-factors-of-ill-health-among-older-people.html>. – Дата доступа: 04.03.2020.

2 Демографическая и национальная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera.html>. – Дата доступа: 04.03.2020.

С. С. Щекудова

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,

О. В. Андрусъ

ГУЗ «Гомельская центральная городская поликлиника», филиал № 12,
г. Гомель, Беларусь

ТРЕВОЖНОСТЬ И АГРЕССИВНОСТЬ У ЛИЦ СРЕДНЕГО И ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

В статье рассматриваются проблемы тревожности и агрессивности в среднем и пожилом возрасте. Авторами приводятся данные эмпирического исследования личностной и ситуативной тревожности лиц среднего и пожилого возраста, агрессивности и враждебности респондентов, а также проводится сравнительный анализ количественных данных с помощью методов математической статистики.

Ключевые слова: личностная тревожность, ситуативная тревожность, индекс агрессивности, индекс враждебности, лица среднего возраста, лица пожилого возраста.

Актуальность изучения проблем тревожности и агрессивности обусловлена тем, что постоянное их ощущение приводит к ухудшению психо-физического здоровья, трудностям в поддержании социальных отношений, когнитивным нарушениям. Особый интерес представляет изучение тревожности и агрессивности у лиц среднего и пожилого возраста в связи с тем, что на данных возрастных этапах, помимо обозначенных проблем, наблюдается существенная перестройка эмоциональной сферы.

База проведения исследования: ГУЗ «Гомельская центральная городская поликлиника» филиал 12. Характеристика выборки исследования: 84 человека, из них 38 лиц пожилого возраста (64–76 лет) и 46 лиц среднего возраста (36–57 лет). Психодиагностические методики: «Шкала самооценки уровня тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханин); «Диагностика состояния агрессии» (А. Басс, А. Дарки).

Для выявления уровня тревожности у лиц среднего и пожилого возраста применялась методика «Шкала самооценки уровня тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Ю. Л. Ханин). По результатам проведенного исследования получены количественные показатели уровней развития ситуативной и личностной тревожности у лиц пожилого и среднего возраста. Данные представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Количественные показатели уровней развития ситуативной тревожности у лиц среднего и пожилого возраста (данные в %)

Уровни ситуативной тревожности	Средний возраст	Пожилой возраст	Достоверность различий по критерию φ^* – угловое преобразования Фишера
Высокий	29	49	$\varphi^*_{\text{ЭМП.}} = 0,418$ при $p \geq 0,05$
Средний	43	38	$\varphi^*_{\text{ЭМП.}} = 1,804$ $0,1 \leq p \leq 0,05$
Низкий	28	13	$\varphi^*_{\text{ЭМП.}} = 2,975$ при $p \leq 0,01$

Из таблицы 1 следует, что в среднем возрасте у 43 % респондентов преобладает *умеренный* уровень развития ситуативной тревожности, *высокий* уровень выявлен у 29 % опрошенных и у 28 % респондентов выявлен *низкий* уровень ситуативной тревожности.

В пожилом возрасте выявлено преобладание *высокого* уровня в развитии ситуативной тревожности – 49 % опрошенных, *умеренный* уровень выявлен у 38 % респондентов, *низкий* уровень встречается у 13 % у лиц данной возрастной категории.

При помощи многофункционального критерия Фишера оценивалась достоверность различий между процентными долями выборок. Установлены статистически значимые различия при сравнении показателей *низкого* уровня развития ситуативной тревожности у лиц среднего и пожилого возраста ($\varphi^*_{эмп} = 2,975$ при $\varphi^*_{кр} = 2,28$ ($p \leq 0,01$)).

Статистически значимые различия не обнаружены на *высоком* уровне развития ситуативной тревожности у лиц среднего и пожилого возраста ($\varphi^*_{эмп} = 0,418$ при $\varphi^*_{кр} = 1,64$ ($p \geq 0,05$)).

На *среднем* уровне развития ситуативной тревожности у лиц среднего и пожилого возраста ($\varphi^*_{эмп} = 1,804$ при $0,1 \leq p \leq 0,05$) показатель находится в зоне неопределенности и, следовательно, нельзя отклонить гипотезу о недостоверности различий, но также нельзя принять гипотезу об их достоверности.

Далее рассмотрим уровни личностной тревожности у лиц пожилого и среднего возраста. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Количественные показатели уровней развития личностной тревожности у лиц среднего и пожилого возраста (данные в %)

Уровни личностной тревожности	Средний возраст	Пожилой возраст	Достоверность различий по критерию φ^* – угловое преобразования Фишера
Высокий	34	53	$\varphi^*_{эмп} = 1,793$ $0,1 \leq p \leq 0,05$
Средний	35	37	$\varphi^*_{эмп} = 0,193$ при $p \geq 0,05$
Низкий	31	10	$\varphi^*_{эмп} = 2,550$ при $p \leq 0,01$

Из таблицы 2 следует, что в среднем возрасте преобладает *умеренный* уровень развития личностной тревожности, который выявлен у 35 % респондентов, *высокий* уровень – у 34 % опрошенных и у 31 % респондентов выявлен *низкий* уровень развития личностной тревожности.

У 53 % лиц пожилого возраста установлено преобладание *высокого* уровня в развитии личностной тревожности, *умеренный* уровень выявлен у 37 % респондентов, *низкий* уровень определен у 10 % в данной возрастной категории.

Таким образом, сравнивая результаты лиц пожилого и среднего возраста, можно сделать вывод о том, что у лиц пожилого возраста преобладает *высокий* уровень как личностной, так и ситуативной тревожности. Высокая тревожность отрицательно влияет на качество жизни человека, снижает уровень умственной работоспособности, вызывает неуверенность в своих силах. Повышенный уровень тревожности у пожилых людей может негативно сказываться на качестве жизни и часто приносит субъективные переживания и страдания. Пожилые люди чувствуют себя одинокими, недовольными собой, часто расстраиваются и жалуются.

Низкий уровень тревожности также требует повышенного внимания к мотивам деятельности и уровню ответственности. Но иногда очень низкая тревожность в показателях теста является результатом активного вытеснения личностью высокой тревоги с целью показать себя в «лучшем свете».

При помощи многофункционального критерия Фишера оценивалась достоверность различий между процентными долями выборок. Установлены статистически значимые различия на *низком* уровне развития личностной тревожности ($\varphi^*_{эмп} = 2,550$ при $\varphi^*_{кр} = 2,28$ ($p \leq 0,01$)).

На *высоком* уровне развития личностной тревожности ($\varphi^*_{эмп} = 1,793$ при $0,1 \leq p \leq 0,05$)) показатель находится в зоне неопределенности, и, следовательно, нельзя отклонить гипотезу

о недостоверности различий, но также нельзя принять гипотезу об их достоверности.

Статистически значимые различия не обнаружены на *среднем* уровне развития личностной тревожности ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,193$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ ($p \geq 0,05$)).

По результатам проведенного эмпирического исследования эмоциональной сферы у лиц среднего и пожилого возраста по методике «Диагностика состояния агрессии» (А. Басс, А. Дарки) получены индексы агрессивности и враждебности респондентов. В таблице 3 представлены индексы агрессивности у лиц среднего и пожилого возраста.

Таблица 3 – Количественные показатели индекса агрессивности у лиц пожилого и среднего возраста (данные в %)

Индекс агрессивности	Средний возраст	Пожилой возраст	Достоверность различий по критерию φ^* – угловое преобразования Фишера
Норма	100	100	–
Выше нормы	0	0	–

Из данных, представленных в таблице 3, следует, что у лиц пожилого возраста данные индекса агрессивности находятся в пределах нормы, также как и у лиц среднего возраста.

В таблице 4 представлены индексы враждебности у лиц среднего и пожилого возраста.

Таблица 4 – Количественные показатели индекса враждебности у лиц пожилого и среднего возраста (данные в %)

Индекс враждебности	Средний возраст	Пожилой возраст	Достоверность различий (φ^*)
Норма	69	74	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,529$ при $p \geq 0,05$
Выше нормы	31	26	$\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,529$ при $p \geq 0,05$

Исходя из результатов, представленных в таблице 4, можно говорить о том, что в среднем возрасте индекс враждебности находится в пределах *нормы* – выявлен у 69 % респондентов. Показатель, находящийся *выше нормального* уровня, выявлен у 31 % опрошенных. В группе лиц пожилого возраста также преобладает *нормальный* уровень индекса враждебности – выявлен у 74 % опрошенных. Уровень *выше нормы* выявлен у 26 % респондентов.

При помощи многофункционального критерия Фишера оценивалась достоверность различий между процентными долями выборок. Статистически значимые различия не обнаружены при сравнении индекса враждебности у лиц среднего и пожилого возраста: на *нормальном* уровне ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,529$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ ($p \geq 0,05$)); на уровне *выше нормы* ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 0,529$ при $\varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ ($p \geq 0,05$)).

Таким образом, в среднем возрасте преобладает *умеренный* уровень развития ситуативной тревожности, а в пожилом возрасте – *высокой* уровень развития ситуативной и личностной тревожности. У лиц пожилого возраста данные индекса агрессивности находятся в пределах нормы, так же как и у лиц среднего возраста. В среднем возрасте индекс враждебности находится в пределах *нормы*. В группе лиц пожилого возраста преобладает *нормальный* уровень индекса враждебности. Полученные новые эмпирические данные о тревожности и агрессивности на разных возрастных этапах позволят субъектам помогающих профессий более эффективно и профессионально подходить к решению и профилактике проблем, возникающих в среднем и пожилом возрасте.

Студенческие доклады

Д. С. Борисенко

Научный руководитель: **Е. В. Одинокина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье раскрывается понятие жизнестойкости и эмоционального интеллекта, обозначены подходы к данным феноменам, описано исследование особенностей жизнестойкости при наличии различного уровня эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: жизнестойкость, эмоциональный интеллект, юношеский возраст, эмоциональная осведомленность, вовлеченность в жизнь.

Все более актуальной для современной психологии становится проблема изучения личностных характеристик, ответственных за успешную адаптацию подрастающего поколения и совладание с жизненными трудностями. Чтобы приспособиться, адаптироваться к разного рода напряжению, успешно реализовывать себя человеку необходимо вырабатывать навыки решения проблем, приобрести такое качество, свойство личности, которое позволило бы эффективно самореализовываться. Наиболее полно, с точки зрения Д. А. Леонтьева, этому «качеству» в зарубежной психологии соответствует понятие «hardiness» – «жизнестойкость», введенное С. Мадди. Понятие «hardiness» отражает, с точки зрения С. Мадди и Д. Кошабы [1], психологическую живучесть и расширенную эффективность человека, а также является показателем психического здоровья человека [2]. По мнению Е. В. Юдиной, жизнестойкость личности может способствовать повышению физического и психического здоровья молодежи, успешной адаптации в стрессовых ситуациях, успешной самоактуализации и личностной исполненности [2].

Не менее важным фактором успеха в различных сферах является эмоциональный интеллект, высокий уровень которого свидетельствует о способности личности к пониманию своих эмоций и эмоций других людей, об умении правильно оценивать реакции окружающих и регулировать собственные эмоции при принятии решений [3]. Становится актуальной проблема изучения особенностей жизнестойкости у юношей и девушек с различным уровнем эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект является относительно новым понятием в отечественной и зарубежной психологии. До настоящего времени в психологической науке нет общепризнанного определения понятия «эмоциональный интеллект».

Среди отечественных и зарубежных подходов к исследованию эмоционального интеллекта можно отметить подходы И. Н. Андреевой, Д. В. Ушакова, О. В. Белоконь, Н. В. Люсина, М. А. Манойловой, Э. Л. Носенко, Н. В. Ковриги, Р. Бар-Она, Д. Гоулмана, Дж. Майера, П. Сэловея, Д. Карузо, Р. Робертса. В отечественных и зарубежных исследованиях была показана роль эмоционального интеллекта в адаптации к новым социальным условиям, в совладании со стрессом (Е. В. Ерохина, Р. Бар-Он), в межличностном взаимодействии, межличностных отношениях (Р. Бар-Он, М. Майер), в управленческой деятельности (О. В. Белоконь, Т. С. Киселева, А. К. Кравцова, А. С. Петровская). На сегодняшний день разработан целый ряд моделей эмоционального интеллекта (Д. Гоулман, Р. Бар-Он, Дж. Мэйер, П. Сэловея, Д. Карузо, Д. В. Люсин, М. А. Манойловой, Э. Л. Носенко, Н. В. Ковриги и др.), проведена масса исследований его влияния на успешность в отдельных видах деятельности (И. Е. Егоров, А. С. Петровская, С. П. Деревянко и др.), подробно обсуждается структура и методы изучения эмоционального интеллекта (Д. В. Люсин, Э. Л. Носенко, Н. В. Коврига, М. А. Мануйлова, О. И. Власова, Т. П. Березовская, И. Н. Андреева, В. Д. Шадриков, И. В. Плужников).

База исследования: УО «Гомельский Государственный университет им. Ф. Скорины». Выборочную совокупность составили 90 студентов факультета психологии и педагогики, физического факультета дневного отделения в возрасте от 17 до 19 лет.

Результаты исследования особенностей эмоционального интеллекта у лиц в периоды юности с помощью методики диагностики эмоционального интеллекта (Н. Холла) представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования эмоционального интеллекта и его составляющих у юношей и девушек, полученные с помощью методики диагностики эмоционального интеллекта (Н. Холла)

Шкала	Уровень	Количество человек		Достоверность различий с помощью ϕ^* -углового преобразования Фишера
		юноши (n = 45)	девушки (n = 45)	
Эмоциональная осведомленность	низкий	18	6	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2,95$ при $p \leq 0,01$
	средний	15	17	–
	высокий	12	22	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2,196$ при $p \leq 0,05$
Управление эмоциями	низкий	17	25	$\phi^*_{\text{эмп}} = 1,703$ при $p \leq 0,05$
	средний	5	14	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2,391$ при $p \leq 0,01$
	высокий	23	6	$\phi^*_{\text{эмп}} = 4,013$ при $p \leq 0,01$
Самотивация	низкий	15	28	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2,784$ при $p \leq 0,01$
	средний	23	11	$\phi^*_{\text{эмп}} = 2,656$ при $p \leq 0,01$
	высокий	7	6	–
Эмпатия	низкий	26	10	$\phi^*_{\text{эмп}} = 3,539$ при $p \leq 0,01$
	средний	12	14	–
	высокий	7	21	$\phi^*_{\text{эмп}} = 3,287$ при $p \leq 0,01$
Распознавание эмоций других людей	низкий	13	13	–
	средний	19	15	–
	высокий	13	17	–
Интегративный показатель	низкий	17	13	–
	средний	15	17	–
	высокий	13	15	–

Результаты исследования жизнестойкости юношей и девушек с различным уровнем эмоционального интеллекта представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты исследования жизнестойкости юношей и девушек с различным уровнем эмоционального интеллекта

Компонент	Уровень	Уровень ЭИ юношей и девушек		
		низкий (n = 30)	средний (n = 32)	высокий (n = 28)
Вовлеченность	низкий	4	8	4
	средний	18	17	15
	высокий	8	7	9
Контроль	низкий	19	17	9
	средний	7	9	9
	высокий	4	6	10
Принятие риска	низкий	20	10	8
	средний	5	12	4
	высокий	5	10	16
Жизнестойкость	низкий	19	10	7
	средний	5	13	5
	высокий	6	9	16

У большинства юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта (63 %), 31 % юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта, 25 % юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта выявлен низкий уровень жизнестойкости. Данная часть юношей и девушек испытывают трудности в противостоянии жизненным трудностям, испытывают неблагоприятное давление обстоятельствам, собственная жизнь воспринимается как неосмысленная, отсутствуют как таковые жизненные цели. У большинства юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта (41 %), 17 % юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта, 18 % юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта выявлен средний уровень жизнестойкости. У большинства же юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта (57 %), а также 28 % юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта, 20 % юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта выявлены высокие баллы жизнестойкости. Юноши и девушки воспринимают собственную жизнь как способ приобретения опыта, они активно противостоят трудным жизненным ситуациям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохраняя при этом психологическое здоровье. Они отличаются активностью, хорошим настроением, наличием целей в жизни, целеустремленностью, способностью управлять своим эмоциональным состоянием. Выраженная жизнестойкость препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого овладения, копинг-стратегий со стрессами и восприятия их как менее значимых.

С помощью критерий ϕ^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия в уровнях развития жизнестойкости между юношами и девушками:

1. Низкий уровень:

– юноши и девушки с низким уровнем эмоционального интеллекта и юноши и девушки с высоким уровнем эмоционального интеллекта ($\phi^*_{эмп} = 3,018 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 3,018 > \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что число юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта, у которых выявлен низкий уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем число юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта (при $\rho \leq 0,01$);

– юноши и девушки с низким уровнем эмоционального интеллекта и юноши и девушки со средним уровнем эмоционального интеллекта ($\phi^*_{эмп} = 2,57 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 2,57 > \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что число юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта, у которых выявлен низкий уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем число юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта (при $\rho \leq 0,01$);

2. Средний уровень:

– юноши и девушки со средним уровнем эмоционального интеллекта и юноши и девушки с низким уровнем эмоционального интеллекта ($\phi^*_{эмп} = 2,125 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 2,125 < \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что число юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта, у которых выявлен средний уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем число юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта (при $\rho \leq 0,05$);

– юноши и девушки со средним уровнем эмоционального интеллекта и юноши и девушки с высоким уровнем эмоционального интеллекта ($\phi^*_{эмп} = 1,963 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 1,963 < \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что число юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта, у которых выявлен средний уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем число юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта (при $\rho \leq 0,05$);

3. Высокий уровень:

– юноши и девушки с высоким уровнем эмоционального интеллекта и юноши и девушки с низким уровнем эмоционального интеллекта ($\phi^*_{эмп} = 5,149 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 5,149 > \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что число юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта, у которых выявлен высокий

уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем число юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта (при $p \leq 0,01$);

– юноши и девушки с высоким уровнем эмоционального интеллекта и юноши и девушки со средним уровнем эмоционального интеллекта ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 4,565 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 4,565 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $p \leq 0,01$), что позволяет принять решение о том, что число юношей и девушек с высоким уровнем эмоционального интеллекта, у которых выявлен высокий уровень жизнестойкости, статистически значимо больше, чем число юношей и девушек со средним уровнем эмоционального интеллекта (при $p \leq 0,01$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволило выделить особенности жизнестойкости у юношей и девушек с различным уровнем эмоционального интеллекта. У юношей и девушек с низким уровнем эмоционального интеллекта не выражен контроль, принятие риска, не развита жизнестойкость в целом. Они испытывают трудности в противостоянии жизненным трудностям, испытывают неблагоприятное давление обстоятельствам, собственная жизнь воспринимается как неосмысленная, отсутствуют как таковые жизненные цели. Юноши и девушки со средним уровнем эмоционального интеллекта отличаются средним уровнем развития принятия риска и жизнестойкости. Юноши и девушки с высоким уровнем эмоционального интеллекта отличаются выраженной жизнестойкостью, а также контролем и принятием риска. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости развития жизнестойкости юношей и девушек. Развитая жизнестойкость позволяет воспринимать собственную жизнь как способ приобретения опыта, они активно противостоят трудным жизненным ситуациям, неблагоприятному давлению обстоятельств, сохраняя при этом психологическое здоровье. Они отличаются активностью, хорошим настроением, наличием целей в жизни, целеустремленностью, способностью управлять своим эмоциональным состоянием. Выраженная жизнестойкость препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания, копинг-стратегий со стрессами и восприятия их как менее значимых.

Список использованных источников

- 1 Леонтьев, Д. А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2011. – 680 с.
- 2 Мадди, С. Смыслообразование в процессе принятия решений / С. Мадди // Смысл. – 2005. – № 6. – С. 87–91.
- 3 Краснопольская, Н. С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и жизнестойкости студентов ВУЗа / Н. С. Краснопольская // Вестник БГУ. – 2011. – № 1. – С. 150–154.

И. С. Верталь

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УРОВНЯ САМОРАСКРЫТИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

В статье освещена сущность самораскрытия личности, её значимость для развития и поддержания межличностных отношений, а также психологического здоровья личности в целом. Автором приводятся данные эмпирического исследования взаимосвязи психологического благополучия и уровня самораскрытия в межличностном общении.

Ключевые слова: психологическое благополучие, эмоциональное самораскрытие, межличностное общение, самораскрытие, позитивные отношения с окружающими, автономия, компетентность, цель в жизни, личностный рост.

С. Джулард под самораскрытием понимал предоставление информации о себе другим людям; осознанное и добровольное открытие другому своего Я. Самораскрытие представляет собой посвящение другого человека в свой внутренний мир, отделяющего «Я» от «Другого». Самораскрытие представляет собой сложный и многоплановый процесс самопрезентации личности в общении, детерминированный индивидуально-личностными, социально-демографическими и ситуативными факторами. Содержанием самораскрытия могут служить мысли, чувства человека, факты его биографии, текущие жизненные проблемы, его отношения с окружающими людьми, впечатления от произведений искусства, жизненные принципы и многое другое [1].

Потребность в самораскрытии присуща каждому человеку, и должна быть непременно удовлетворена. Существуют позитивные и негативные последствия самораскрытия. Самораскрытие способствует психическому здоровью личности коммуникатора вследствие удовлетворения потребности открыть себя другому человеку. Самораскрытие способствует развитию личности посредством самопознания и личностной идентификации. Самораскрытие может выступать в качестве средства саморегуляции личности благодаря механизмам эмоциональной разрядки, уяснения проблемной ситуации через ее вербальный анализ, социального сравнения, механизма отзеркаливания и получения эмоциональной и действенной поддержки от собеседника [2]. Самораскрытие значимо и для партнёра по взаимодействию, так как способствует лучшему пониманию собеседника, даёт ему ощущение того, что в нём нуждаются, что его положительно оценивают, что ему доверяют. Таким образом, самораскрытие способствует развитию и поддержанию межличностных отношений. Негативные последствия самораскрытия наступают в случае нарушения баланса между потребностью в общении и потребностью в конфиденциальности, между презентуемой и скрытой информацией о себе. Человек, который с легкостью рассказывает о себе интимные вещи, воспринимается окружающими как несерьезный, незаслуживающий доверия. Чрезмерное самораскрытие может сделать личность более уязвимой для критики и манипуляций со стороны окружающих.

Опираясь на теорию К. Рифф, сформулированную в рамках гуманистической психологии, понятие «психологическое благополучие» описывает состояние и особенности внутреннего мира человека, которые определяют переживание благополучности, а также поведение, продуцирующее и проявляющее ситуативное благополучие. Благополучие связано с такими личными особенностями, как уверенность в себе, адекватная самооценка, позитивный взгляд на жизнь, доброжелательность, общительность, эмоциональная стабильность.

В исследовании принимали участие 90 респондентов – юношей (45 человек) и девушек (45 человек), средний возраст которых 18 лет. Тестирование производилось с помощью следующих методик: опросник «Эмоциональное самораскрытие личности» (С. Джулард), методика «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф). В таблице 1 представлены результаты исследования по методике «Эмоциональное самораскрытие личности» (С. Джулард).

По шкале «Семейные традиции ЭСР» высокий уровень диагностирован более чем у трети девушек (37,8 %), что может означать, что близкое окружение девушек в большей степени способствует развитию навыков эмоционального самораскрытия. По шкале «Эмоциональность» высокий уровень был выявлен у 40 % девушек и ни у кого из юношей, что свидетельствует о большей лёгкости возникновения эмоций и переживаний и высокоразвитой эмоциональности девушек. Низкий уровень по данной шкале преобладает у юношей (16%), что означает их меньшую эмоциональную подвижность. Согласно данным по шкале «Мотивация ЭСР», у девушек более высокий уровень мотивации к раскрытию эмоций и чувств (26,7 %), чем у юношей. У 30% юношей выявлен низкий уровень и почти ни у кого из девушек, это говорит о нежелании юношей раскрывать своих эмоциональные переживания другим людям. По шкале «Реальное ЭСР» девушек с высоким уровнем (30 %) почти в три раза больше, чем юношей с таким показателем (11 %), следовательно, у девушек стремление к реальному искреннему самораскрытию выше. Боязнь остаться непонятыми, не выслушанными преобладает у юношей (22,2%). По шкале «Значение ЭСР» высокий уровень выявлен у 50% юношей и девушек, что свидетельствует о высокой значимости самораскрытия как для саморегуляции, так и поддержания

близких отношений. По шкале «Отношение к чужому ЭСР» девушек с высоким уровнем положительного отношения к самораскрытию партнера по общению выявлено 60% и всего 16% юношей. У подавляющего большинства юношей (85 %) и почти половины девушек (45 %) готовность стать респондентом эмоционального самораскрытия развита на среднем уровне. По шкале «Выбор партнера для ЭСР» полученные данные свидетельствуют о том, что девушки готовы раскрывать свои эмоциональные переживания большему числу лиц, чем юноши. По шкале «Искренность ЭСР» высокий уровень диагностирован у 22% девушек и у 13% юношей, следовательно, у девушек искренности и правдивости эмоционального самораскрытия больше. По шкале «Языковые трудности ЭСР» рассматривая высокий уровень, можно сказать, что юноши (11%) испытывают языковые затруднения в большей степени, чем девушки (2%).

Таблица 1 – Результаты исследования самораскрытия личности с помощью методики «Эмоциональное самораскрытие личности» (С. Джуард)

Название шкалы	Девушки (в %)			Юноши (в %)			Всего по выборке (в%)		
	выс.	ср.	низ.	выс.	ср.	низ.	выс.	ср.	низ.
Семейные традиции ЭСР	37,8	60,0	2,2	15,6	66,7	17,8	26,7	63,3	10,0
Эмоциональность	40,0	57,8	2,2	0,0	84,4	15,6	20,0	71,1	8,9
Мотивация ЭСР	26,7	68,9	4,4	8,9	64,4	26,7	17,8	66,7	15,6
Реальное ЭСР	26,7	71,1	2,2	11,1	66,7	22,2	18,9	68,9	12,2
Значение ЭСР	48,9	44,4	6,7	42,2	57,8	0,0	45,6	51,1	3,3
Отношение к чужому ЭСР	55,6	44,4	0,0	15,6	84,4	0,0	35,6	64,4	0,0
Выбор партнера для ЭСР	13,3	68,9	17,8	0,0	13,3	86,7	6,7	41,1	52,2
Искренность ЭСР	22,2	68,9	8,9	13,3	51,1	35,6	17,8	60,0	22,2
Языковые трудности ЭСР	2,2	82,2	15,6	11,1	71,1	17,8	6,7	76,7	16,7

В таблице 2 представлены результаты исследования по методике «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф).

Таблица 2 – Результаты исследования психологического благополучия с помощью методики «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф)

Название шкалы	Девушки (в%)			Юноши (в%)			Всего по выборке (в%)		
	выс.	ср.	низ.	выс.	ср.	низ.	выс.	ср.	низ.
Положительные отношения с другими	17,7	62,2	20,0	2,2	84,4	13,3	10,0	73,3	16,6
Автономия	36	51,1	13,3	51,1	42,2	6,6	18,9	46,7	10,0
Управление окружением	48,80	37,7	13,3	2,2	95,5	2,2	25,5	66,6	7,8
Личностный рост	31,1	55,5	13,3	6,6	75,5	17,7	18,9	65,5	15,5
Цель в жизни	11,1	80,0	8,8	0,0	84,4	15,5	5,6	82,2	12,2
Самопринятие	22,2	68,8	8,8	0,0	91,1	8,8	11,1	80,0	8,8

По шкале «Положительные отношения с другими» можно сказать, что девушки заботятся о благополучии других и способны сопереживать (17,7%), когда юношам (2%) сложно быть открытыми, проявлять теплоту и заботиться о других. Анализируя низкий уровень по данной шкале, можно говорить о сложности в проявлении теплоты, заботе о других, сложности быть открытыми, характерными для этой группы юношей и девушек.

По шкале «Автономия» высокий уровень был выявлен у половины юношей (51,1%), они чувствуют себя более самостоятельными и независимыми, а девушки в большей степени зависят от мнения окружающих и в принятии важных решений полагаются на мнение других (36%,).

По данным шкалы «Управление окружением» можно сделать вывод, что почти у половины девушек (48,8%) выявлен высокий уровень: они обладают большей властью и компетенцией в управлении своим окружением. Юношей со средним уровнем развития по данной шкале в два раза больше (95,5%), чем девушек (37,7%) – это говорит, что юноши способны улавливать или создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и целей, а девушки испытывают сложности в организации повседневной деятельности, но контролируя ее.

По шкале «Личностный рост» высокий уровень был диагностирован у 31,1% девушек и 6,6% юношей, что свидетельствует о том, что они воспринимают себя «растущими» и самореализовывающимися, открыты новому опыту

По шкале «Цель в жизни» высокий уровень выявлен у 11,1% девушек, когда юношей он не выявлен вообще, то есть у девушек есть чувство направленности в жизни, имеют намерения и цели на жизнь. 84,4% юношей и 80,0% девушек со средним уровнем придерживаются убеждений, которые являются источниками цели в жизни и считают, что прошлая и настоящая жизнь имеет смысл. В низком уровне выявлено пару человек (юноши – 15,5%, девушки – 8,8%) у которых имеют место быть мысли лишения смысла в жизни.

По шкале «Самопринятие» в высоком уровне количество девушек составило 22,2%, когда юношей 0%, что говорит о принятии себя, включая хорошие и плохие качества у девушек. В среднем уровне оказались почти все юноши (91,1%) и больше половины девушек (68,8%), что говорит о позитивном отношении к себе, знании различных своих сторон, включая хорошие и плохие качества, положительном оценивании своего прошлого. Низкий уровень выявлен у 8,8%, то есть и у девушек, и у юношей есть недовольство собой, разочарование событиями своего прошлого, а также они испытывают беспокойство по поводу некоторых личных качеств, желания быть не теми, кем они являются.

С целью выявления статистически значимой взаимосвязи психологического благополучия и уровня самораскрытия в межличностном общении был проведен статистический анализ данных с помощью коэффициента корреляции Спирмена. В таблице 3 представлены результаты статистического анализа данных, полученных в ходе исследования выборки девушек и юношей.

Таблица 3 – Результаты статистического анализа данных, полученных в ходе исследования девушек и юношей

Анализируемые результаты по шкалам	Значение коэффициента корреляции Спирмена и тип связи	Значимость связи
Семейные традиции ЭСР и общий уровень психологического благополучия	0,392 Слабая и прямая	Ткр = 0,28 Значима
Искренность ЭСР и общий уровень психологического благополучия	0,424 Слабая и прямая	Ткр = 0,28 Значима
Реальное ЭСР и общий уровень психологического благополучия	-0,34 Слабая обратная	Ткр = 0,29 Значима

В результате статистического анализа была выявлена слабая и прямая статистически значимая взаимосвязь между семейными традициями эмоционального самораскрытия и уровнем психологического благополучия. Это значит, что чем выше уровень самораскрытия с помощью семейных традиций у девушек, тем выше общий уровень психологического благополучия. Также была выявлена слабая и прямая, значимая взаимосвязь искренности эмоционального самораскрытия личности и уровнем психологического благополучия у девушек. Это значит, что

чем выше уровень искренности эмоционального самораскрытия, тем выше общий уровень психологического благополучия.

В результате статистического анализа данных при исследовании взаимосвязи психологического благополучия и эмоционального самораскрытия юношей по методикам С. Джурард «Эмоциональное самораскрытие личности» и К. Рифф «Шкалы психологического благополучия» была выявлена слабая и обратная взаимосвязь между уровнем реального эмоционального самораскрытия и уровнем психологического благополучия. Это значит, чем выше уровень реального эмоционального самораскрытия, тем ниже уровень психологического благополучия.

Знания специфики самораскрытия человека в семейной, дружеской и деловых сферах общения, позволят помочь практикующим психологам обучить юношей и девушек способам адекватного самораскрытия, навыкам саморегуляции этого процесса, чтобы сохранить гармонию внешнего и внутреннего мира личности, быть успешным в межличностном взаимодействии, сохранить и поддержать психологической благополучие.

Список использованных источников

1 Амяга, Н. В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении / Н. В. Амяга // Личность. Общение. Групповые процессы. – 1991. – С. 37–74.

2 Шкуратова, И. П. Самовыражение личности в общении / И. П. Шкуратова // Психология личности : учебн. пособие под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. М. : ЭКСМ. – 2007. – С. 241–265.

Е. А. Выходцева

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ С РАЗНОЙ ВЫСЛУГОЙ ЛЕТ

В статье обоснована актуальность изучения проблемы психологического здоровья и стрессоустойчивости военнослужащих, рассмотрены современные подходы к изучению данных вопросов. Автором приводится анализ количественных и статистических данных эмпирического исследования основных составляющих психологического здоровья и стрессоустойчивости военнослужащих с разной выслугой лет.

Ключевые слова: психологическое здоровье, стрессоустойчивость, военнослужащие, структура психологического здоровья.

Изучение проблем психологического здоровья является важной прикладной задачей современной психологии. Вкладывая в понятие «психологическое здоровье» разное содержание ряд отечественных учёных рассматривают психологическое здоровье с точки зрения полноты, богатства развития личности. А. Маслоу связывает психологическое здоровье с самоактуализацией личности и метамотивами, суть которых составляют потребности и ценности роста.

С точки зрения И. В. Дубровиной, психологическое здоровье представляет собой динамическую совокупность психических и личностных свойств, которые обеспечивают ощущение гармонии между различными сторонами личности человека, между человеком и обществом, а также обеспечивают возможность полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности [1, с. 45].

А. В. Козлов предложил вариант структуры психологического здоровья, включающий 11 структурных компонентов: отсутствие психических расстройств; спокойствие духа; просоциальная ориентация; физическое благополучие; гуманистическая позиция; желание быть

собой; творческое выражение; семейное благополучие; любовь к Всевышнему; ориентация на цель; интеллектуальное улучшение и др. [2, с. 110].

Понятие «стрессоустойчивость» рассматривается как «некоторое сочетание характерологических черт, дающих возможность личности переживать существенное интеллектуальное, волевое и эмоциональное напряжение (перегрузки), детерминированные спецификой профессиональной деятельности, без значимых негативных результатов для жизнедеятельности, близкого окружения и своего здоровья» [3, с. 387]. М. З. Газиева утверждает, что устойчивость иногда может быть нецелесообразна, поскольку характеризует отсутствие адекватного отражения изменившейся ситуации, что свидетельствует о недостаточной гибкости и приспособляемости. Исследователь под стрессоустойчивостью понимает «...интегративное свойство личности, в котором взаимодействуют эмоциональные, волевые, интеллектуальные и мотивационные компоненты психической деятельности, что обеспечивает в сложной эмотивной обстановке оптимальное успешное достижение цели деятельности» [4, с. 318].

Повседневная жизнь военнослужащих связана с деятельностью направленной на поддержание боевой готовности воинских частей и гарнизонов. В условиях военно-профессиональной деятельности человек сталкивается с многочисленными проблемными ситуациями, требующими наличия определенного уровня психического ресурса человека для их успешного преодоления. К психологическим особенностям прохождения военной службы Ю. А. Афанасьева и В. В. Ильченко, относятся: значительные психические нагрузки; уставной распорядок дня; дефицит времени; регламентированный режим поведения; необходимость подчиняться; невозможность уединиться; повышенная ответственность; высокое влияние на личность воинского коллектива [5, с. 190]. Военная служба, условия, в которых выполняются задачи по охране государства, требуют хорошего физического развития и устойчивой нервной системы.

Эмпирическое исследование проходило на базе: Войсковая часть г. Новогрудок. Выборочную совокупность составили 146 военнослужащих по контракту в возрасте 20–50 лет, из них срок службы 86 человек составляет до 10 лет, срок службы 60 военнослужащих составил более 10 лет (11–20). Состав психодиагностического инструментария: методика диагностики психологического здоровья (А. В. Козлов); тест на определение стрессоустойчивости (Ю. В. Щербатых). Результаты исследования индивидуальной модели психологического здоровья военнослужащих с разной выслугой лет, полученные с помощью методики диагностики психологического здоровья (А. В. Козлов), представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования индивидуальной модели психологического здоровья военнослужащих с разной выслугой лет, полученные с помощью методики диагностики психологического здоровья (А. В. Козлов)

Шкала	Уровень	Количество военнослужащих со сроком службы (n = 146)		Достоверность различий с помощью критерия ϕ^* -углового преобразования Фишера
		до 10 лет (n = 86)	более 10 лет (n = 60)	
Стратегический вектор	низкий	18	28	ϕ эмп = 3.299 при $p \leq 0,01$
	средний	32	12	ϕ эмп = 2.289 при $p \leq 0,01$
	высокий	36	20	–
Просоциальный вектор	низкий	13	7	–
	средний	62	48	–
	высокий	11	5	–
Я-вектор	низкий	20	14	–
	средний	27	19	–
	высокий	39	27	–

Продолжение таблицы 1

Творческий вектор	низкий	20	31	$\varphi_{\text{эмп}} = 3.555$ при $\rho \leq 0,01$
	средний	24	19	–
	высокий	42	10	$\varphi_{\text{эмп}} = 4.191$ при $\rho \leq 0,01$
Духовный вектор	низкий	10	8	–
	средний	64	42	–
	высокий	12	10	–
Интеллектуальный вектор	низкий	14	28	$\varphi_{\text{эмп}} = 4.007$ при $\rho \leq 0,01$
	средний	61	26	$\varphi_{\text{эмп}} = 3.365$ при $\rho \leq 0,01$
	высокий	11	6	–
Семейный вектор	низкий	17	11	–
	средний	41	28	–
	высокий	28	21	–
Гуманистический вектор	низкий	18	29	$\varphi_{\text{эмп}} = 3.49$ при $\rho \leq 0,01$
	средний	47	15	$\varphi_{\text{эмп}} = 3.674$ при $\rho \leq 0,01$
	высокий	21	16	–

С помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия в следующих уровнях развития стратегического вектора между военнослужащими со сроком службы до 10 лет и более 10 лет:

1. Низкий уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.299 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.299 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет, которых выявлен низкий уровень развития стратегического вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы менее 10 лет (при $\rho \leq 0,01$);

2. Средний уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2.289 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2.289 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы до 10 лет, у которых выявлен средний уровень развития стратегического вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет (при $\rho \leq 0,01$).

Были выявлены статистически значимые различия в следующих уровнях развития творческого вектора между военнослужащими со сроком службы до 10 лет и более 10 лет:

1. Низкий уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.555 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.299 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет, у которых выявлен низкий уровень развития творческого вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы менее 10 лет (при $\rho \leq 0,01$);

2. Высокий уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 4.191 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 4.191 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы до 10 лет, у которых выявлен высокий уровень развития творческого вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет (при $\rho \leq 0,01$).

Выявлены статистически значимые различия в следующих уровнях развития интеллектуального вектора между военнослужащими со сроком службы до 10 лет и более 10 лет:

1. Низкий уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 4.007 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 4.007 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет, у которых выявлен низкий уровень развития интеллектуального вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы менее 10 лет (при $\rho \leq 0,01$);

2. Средний уровень: $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.365 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1.64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 3.365 > \varphi^*_{\text{кр}} = 2.31$ при $\rho \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы до 10 лет, у которых выявлен средний уровень развития интеллектуального вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет (при $\rho \leq 0,01$).

Выявлены статистически значимые различия в следующих уровнях развития гуманистического вектора между военнослужащими со сроком службы до 10 лет и более 10 лет:

1. Низкий уровень: $\varphi^*_{эмп} = 3.49 > \varphi^*_{кр} = 1.64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 3.49 > \varphi^*_{кр} = 2.31$ при $p \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет, у которых выявлен низкий уровень развития гуманистического вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы менее 10 лет (при $p \leq 0,01$);

2. Средний уровень: $\varphi^*_{эмп} = 3.674 > \varphi^*_{кр} = 1.64$ при $p \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 3.674 > \varphi^*_{кр} = 2.31$ при $p \leq 0,01$, что позволяет принять решение о том, что доля военнослужащих со сроком службы до 10 лет, у которых выявлен средний уровень развития гуманистического вектора, статистически значимо выше, чем доля военнослужащих со сроком службы более 10 лет (при $p \leq 0,01$).

Результаты исследования уровня использования деструктивных способов преодоления стрессов военнослужащими с разной выслугой лет, полученные с помощью теста на определение стрессоустойчивости (Ю.В. Щербатых), позволяют утверждать, что преобладающим уровнем использования деструктивных способов преодоления стресса у военнослужащих независимо от срока службы (у 44% военнослужащих со сроком службы до 10 лет и 53% военнослужащих со сроком службы более 10 лет) является высокий уровень. К деструктивным способам преодоления стрессов относятся: употребление алкоголя, курение, «заедание стрессов», агрессивное поведение в адрес окружающих с целью выплеснуть накопившийся негатив, неудовлетворение.

Результаты исследования использования конструктивных способов преодоления стрессов военнослужащими с разной выслугой лет, позволили утверждать, что у 28% военнослужащих со сроком службы до 10 лет и 32% военнослужащих со сроком службы более 10 лет низкий уровень использования конструктивных способов преодоления стресса. У 34% военнослужащих со сроком службы до 10 лет и 28% военнослужащих со сроком службы более 10 лет выявлен высокий уровень использования конструктивных способов преодоления стрессов. Для снятия стрессов они используют такие приемы, как сон, отдых, смена деятельности, общение друзьями, физическая активность (занятия спортом, бег, плавание, футбол, лыжи и т.д.), анализ своих действий, поиск различных решений ситуации, изменение своего поведения.

Военнослужащие со сроком службы более 10 лет отличаются:

- низким уровнем развития стратегического вектора, то есть им тяжело настроиться на рабочее состояние, у них отсутствуют навыки целеполагания. Часто они перекалывают ответственность на других, им свойственна нервность, их легко вывести из себя. В нестандартных ситуациях ощущают затруднения при необходимости принятия решения;

- низким уровнем развития творческого вектора – у них нет хобби, отсутствуют творческие интересы;

- низким уровнем развития гуманистического вектора, так как считают, что материальная поддержка важнее эмоциональной; не готовы жертвовать своими интересами, ради интересов другого;

- средним уровнем развития интеллектуального вектора: они считают, что смогли бы освоить любую деятельность при соответствующем обучении; с интересом относятся к новому, необычному.

- низким уровнем стрессоустойчивости: они излишне переживают за события, происходящие вокруг; отличаются пессимистичностью, чрезмерно серьезным отношением к жизни, работе; часто их посещают мысли о возможных неприятностях и проблемах; у них отмечается беспокойный сон. Также они указывают, что уровень стресса в их жизни в последнее время значительно увеличился.

Полученные результаты показали необходимость повышения уровня психологического благополучия и развития стрессоустойчивости у военнослужащих с выслугой более 10 лет.

Список использованных источников

1 Дубровина, И. В. О воспитании психологической культуры школьников / И. В. Дубровина // Вестник практической психологии. – 2001. – № 3. – С. 43–48.

2 Козлов, А. В. Методика диагностики психологического здоровья / А. В. Козлов // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 110–117.

3 Большой психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2009. – 672 с.

4 Газиева, М. З. Стрессоустойчивость личности как предмет психолого-педагогического изучения / М. З. Газиева // Вестник Пятигорского ГЛУ. – 2008. – № 4. – С. 317–322.

5 Афанасьева, Ю. А. Адаптивные и индивидуально-психологические особенности военнослужащих, проходящих военную службу по контракту / Ю. А. Афанасьева, В. В. Ильченко // Вестник Северо-Осетинского Государственного Университета им. К. Л. Хетагурова. – 2014. – № 4. – С. 189–192.

Н. В. Гатальская

Научный руководитель: **Е. В. Одиночкина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ В СЕТЕВОМ БИЗНЕСЕ

В статье раскрыто понятие мотивации, описаны особенности мотивации в сетевом бизнесе, рассмотрены различия мотивации, мотивационной структуры в сетевом бизнесе и в других формах экономической деятельности.

Ключевые слова: мотивация, сетевой бизнес, преобразование Фишера.

Развитие информационно-коммуникативных технологий способствовало появлению новой формы организации экономической деятельности – сетевого бизнеса, обеспечивающего получение дополнительных конкурентных преимуществ для их участников за счет сокращения транзакционных издержек, более точного прогнозирования спроса, расширения возможности получения новых знаний и информации, необходимых для повышения эффективности инновационно ориентированной деятельности [1]. Вступая в серьезное и совершенно новое дело без всякой подготовки, десятки тысяч людей в скором времени не достигали предполагаемых результатов и покидали сетевой бизнес разочарованными. Многие исследователи связывали это с особенностью мотивации людей [1]. Мотивация представляет относительно устойчивое системное образование, обеспечивающее побуждение, направленность и регуляцию выполнения деятельности [2].

База исследования: сетевая компания NL International, ООО «Старлюкс» кафе «Бургер Люкс». Выборочную совокупность составили 32 представителя сетевой компании NL International, 30 работников кафе. Результаты исследования мотивационной структуры личности респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами организации экономической деятельности, полученные с помощью методики диагностики мотивационной структуры личности (В. Э. Мильмана), представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования доминирующих мотивов личности респондентов

Мотив	Респонденты, занимающиеся		Достоверность различий с помощью крит. φ^* -углового преобразования Фишера (уровень значимости)
	сетевым бизнесом (n = 32)	другими формами экономической деятельности (n = 30)	
Поддержание жизнеобеспечения	8	18	$\varphi^*_{эмп} = 2,853$ при $p \leq 0,01$
Комфорт	19	20	–
Социальный статус	20	12	$\varphi^*_{эмп} = 1,786$ при $p \leq 0,05$
Общение	18	19	–
Общая активность	16	18	–
Творческая активность	12	10	–
Общественная полезность	8	6	–

На основании данных, представленных в таблице 1, представим результаты исследования доминирующих мотивов в мотивационной структуре личности, полученные респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами организации экономической деятельности, на рисунке 1.

На рисунке 1 представлены результаты исследования доминирующих мотивов в мотивационной структуре личности, полученные респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами организации экономической деятельности.

Рисунок 1 – Результаты исследования доминирующих мотивов в мотивационной структуре личности респондентов (в %)

Согласно рисунку 1, у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, преобладают следующие мотивы:

- «комфорт» (у 59 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 67 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности);
- «общение» (у 56 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 63 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности);
- «общая активность» (у 50 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 60 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности).

Менее выраженными у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, являются такие мотивы, как:

- «общественная полезность» (у 25 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 20 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности);
- «творческая активность» (у 37 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 33 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности).

Также необходимо отметить, что у 62 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, преобладает мотив «социальный статус». Также данный мотив выявлен у 40 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности. То есть респонденты, занимающиеся сетевым бизнесом, в большей степени ориентированы на завоевание признания со стороны окружающих, авторитет. В то время как у 60 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, преобладает мотив «поддержание жизнеобеспечения». Данный мотив выявлен также у 25 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом.

С помощью φ^* -углового преобразования Фишера были выявлены следующие статистически значимые различия между респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами экономической деятельности, в выраженности следующих мотивов:

– «поддержание обеспечения» ($\varphi^*_{эмп} = 2,853 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 2,853 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, у которых доминирует мотив «поддержание обеспечения», статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся сетевым бизнесом (при $\rho \leq 0,01$);

– «социальный статус» ($\varphi^*_{эмп} = 1,786 > \varphi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{эмп} = 1,786 < \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, у которых доминирует мотив «социальный статус», статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (при $\rho \leq 0,05$).

Результаты исследования мотивации профессиональной деятельности у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами организации экономической деятельности, полученные с помощью методики «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир в адаптации А. Реан), представлены в таблице 2.

На основании данных, представленных в таблице 2, представим результаты исследования мотивации профессиональной деятельности, полученные респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами организации экономической деятельности, на рисунке 2.

Таблица 2 – Результаты исследования мотивации профессиональной деятельности у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами организации экономической деятельности, полученные с помощью методики «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир в адаптации А. Реан)

Мотив	Респонденты, занимающиеся		Достоверность различий с помощью крит. φ^* -углового преобразования Фишера (уровень значимости)
	сетевым бизнесом (n = 32)	другими формами экономической деятельности (n = 30)	
Внутренний мотив	18	7	$\varphi^*_{эмп} = 2.715$ при $\rho \leq 0,01$
Внешний положительный мотив	21	23	–
Внешний отрицательный мотив	8	10	–

Согласно рисунку 2, преобладающим мотивом профессиональной деятельности, как у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом (66 %), так и респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (77 %), является внешний положительный мотив, который обусловлен высокой зарплатой, стремлением к продвижению по службе, а также потребностью в достижении социального престижа и уважения со стороны других.

Наименее развитым мотивом профессиональной деятельности, как у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом (25 %), так и респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (33 %), является внешний отрицательный мотив. Это свидетельствует о стремлении данной части респондентов избежать критики со стороны коллег, возможных наказаний или неприятностей. У 56 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, у 23 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, развит внутренний мотив профессиональной деятельности, что свидетельствует о том, что данная часть респондентов, стремится к получению удовлетворения от процесса и результата выполняемой профессиональной деятельности, а также возможности наиболее полной самореализации именно в данной деятельности.

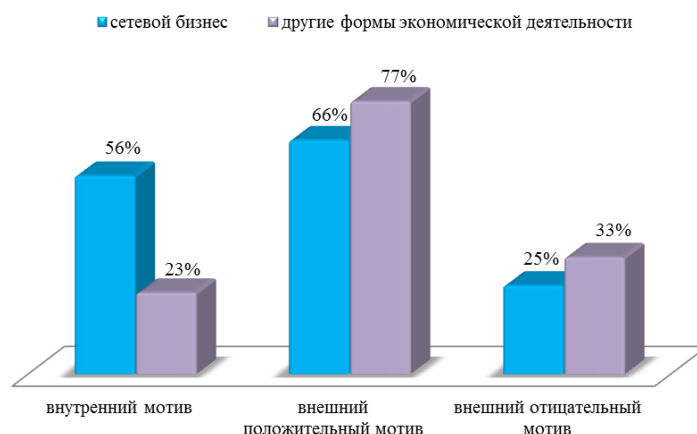

Рисунок 2 – Результаты исследования мотивации профессиональной деятельности респондентов (в %)

С помощью ϕ^* -углового преобразования Фишера были выявлены следующие статистически значимые различия между респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами экономической деятельности, в выраженности внутреннего мотива профессиональной деятельности «внутренний мотив» ($\phi^*_{эмп} = 2,715 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 2,715 > \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, у которых преобладает внутренний мотив профессиональной деятельности, статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (при $\rho \leq 0,01$).

Список использованных источников

- 1 Джидарьян, И. А. О месте потребностей, эмоций и чувств в мотивации личности / И. А. Джидарьян // Теоретические проблемы психологии личности. – 2004. – № 2. – С. 34–37.
- 2 Зуева, Д. С. Сетевой маркетинг как нетрадиционная форма хозяйственной организации / Д. С. Зуева // Экономическая социология. – 2005. – № 4. – С. 67–89.

Н. В. Гатальская

Научный руководитель: **Е. В. Одинокина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ПЕРФЕКЦИОНИЗМА В СЕТЕВОМ БИЗНЕСЕ

В статье раскрыт феномен перфекционизма, описаны особенности перфекционизма, ориентированного на себя и на других в сетевом бизнесе, рассмотрены различия по общему уровню перфекционизма в сетевом бизнесе и в других формах экономической деятельности.

Ключевые слова: перфекционизм, сетевой бизнес, преобразование Фишера.

Ситуация на современном рынке отличается нестабильностью, усложнением внешней организационной среды, ускорением темпов ее изменения, ужесточением конкуренции между торговыми предприятиями, повышением избирательности потребителей, переизбытком товаров и услуг. В этих условиях на первый план выступает необходимость донести до потребителя информацию о товаре, чтобы у него возникла мотивация совершить покупку. Сетевой бизнес дает возможность увеличения скорости внедрения новых продуктов и распространения этих продуктов

благодаря устной коммуникации, где немаловажным фактором является конкуренция за качество преподнесения информации, что связано с понятием перфекционизма [1, с. 106].

В настоящее время феномен перфекционизма приобретает широкое распространение в обществе, где эталонными являются нереалистично высокие стандарты. Нереалистичные требования могут быть направлены как на самого себя и свою деятельность, так и на окружающих. В западной психологии изучением перфекционизма и его составляющих, развитием многомерности данного феномена занимаются П. Хьюитт, Г. Флетт, Р. Фрост, Р. Слэйни, в отечественной психологии – В. А. Ясная, С. Н. Ениколопов, Н. Г. Гаранян, А. Б. Холмогорова, Т. Ю. Юдеева, И. Г. Иванченко, Е. П. Ильин, А. А. Золотарева. Тем не менее при всем разностороннем исследовании перфекционизма, однозначного определения данного феномена нет, возникают вопросы: какие аспекты он в себя включает, является он негативным феноменом или представляет собой способ адаптации, включая позитивные формы адаптивного поведения, позволяющего делать все более качественно [2, 3].

База исследования: сетевая компания NL International, ООО «Старлюкс» кафе «Бургер Люкс». Выборочную совокупность составили 32 представителя сетевой компании NL International, 30 работников кафе. Результаты исследования перфекционизма у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами организации экономической деятельности, полученные с помощью многомерной шкалы перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта (в адаптации И. И. Грачёвой), представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования перфекционизма у респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у респондентов, занимающихся другими формами организации экономической деятельности, полученные с помощью многомерной шкалы перфекционизма П. Хьюитта и Г. Флетта (в адаптации И. И. Грачёвой)

Шкала	Уровень	Респонденты, занимающиеся сетевым бизнесом (n = 32)	Респонденты, занимающиеся другими формами организации экономической деятельности (n = 30)	Достоверность различий с помощью критерия φ^* -углового преобразования Фишера (уровень значимости)
ПОС	Низкий	5	11	$\varphi^*_{эмп} = 1,928$ при $\rho \leq 0,05$
	Средний	14	15	–
	Высокий	13	4	$\varphi^*_{эмп} = 2,499$ при $\rho \leq 0,01$
ПОД	Низкий	8	10	–
	Средний	14	16	–
	Высокий	10	4	$\varphi^*_{эмп} = 1,731$ при $\rho \leq 0,05$
СПП	Низкий	5	5	–
	Средний	21	18	–
	Высокий	6	7	–
ОУП	Низкий	6	10	–
	Средний	14	16	–
	Высокий	12	4	$\varphi^*_{эмп} = 2,247$ при $\rho \leq 0,05$

На основании данных, представленных в таблице 1, представим результаты исследования, полученные респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами организации экономической деятельности, по шкале «Перфекционизм, ориентированный на себя», на рисунке 1.

Согласно рисунку 1, у 16 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 37 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен низкий уровень перфекционизма, ориентированного на себя. Респонденты с низким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, не предъявляют к себе высоких требований, не

стремятся к собственному совершенству и совершенству в той деятельности, которой занимаются. У 44 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 50 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен средний уровень перфекционизма, ориентированного на себя. У 40 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 13 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен высокий уровень перфекционизма, ориентированного на себя. Данная часть респондентов предъявляет себе чрезмерно высокие требования, ставят перед собой труднодостижимые цели. Занимаются самоисследованием, самокопанием, самокритичны. Они стремятся к совершенству во всем, чем занимаются, поэтому не способны расслабиться до тех пор, пока не довели до совершенства начатое дело.

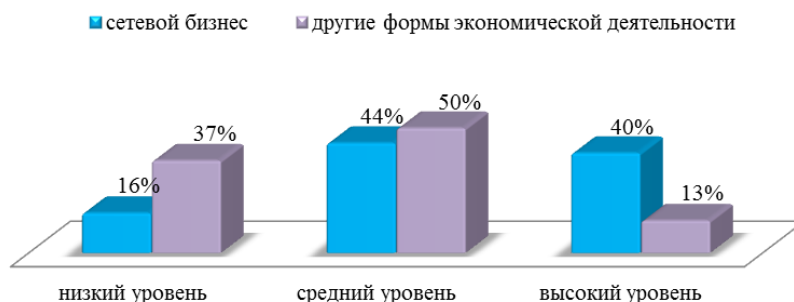

Рисунок 1 – Результаты исследования по шкале «Перфекционизм, ориентированный на себя» (в %)

С помощью ϕ^* -углового преобразования Фишера были выявлены следующие статистически значимые различия:

– в низком уровне ($\phi^*_{эмп} = 1,928 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 1,928 < \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, с низким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся сетевым бизнесом (при $\rho \leq 0,05$);

– в высоком уровне ($\phi^*_{эмп} = 2,499 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 2,499 > \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, сетевым бизнесом, с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на себя, статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (при $\rho \leq 0,01$).

На основании данных, представленных в таблице 1, представим результаты исследования, полученные респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами организации экономической деятельности, по шкале «Перфекционизм, ориентированный на других», на рисунке 2.

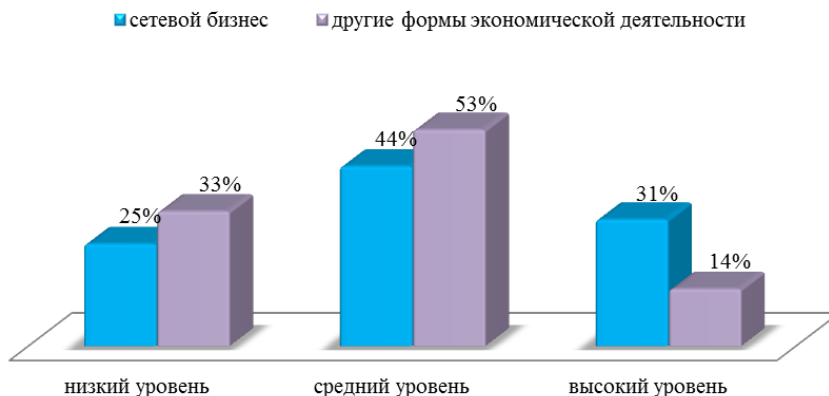

Рисунок 2 – Результаты исследования по шкале «Перфекционизм, ориентированный на других» (в %)

Согласно рисунку 2, у 25 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 33 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен низкий уровень перфекционизма, ориентированного на других. Респонденты с низким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, не склонны предъявлять слишком высокие требования окружающим. Они не критикуют окружающих, за то, что они слишком легко сдаются. В общении с близкими людьми не обращают особого внимания на их успешность. У 44 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 53 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен средний уровень перфекционизма, ориентированного на других. У 31 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 14 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен высокий уровень перфекционизма, ориентированного на других. Испытуемые с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, склонные предъявлять окружающим чрезмерно высокие требования. Они считают, что окружающие люди должны стремиться совершенству, выполняемую деятельность осуществлять качественно. Им неинтересны люди, у которых отсутствует стремление к самосовершенствованию и они не прилагают сил, чтобы стать лучше.

С помощью ϕ^* -углового преобразования Фишера были выявлены следующие статистически значимые различия по шкале «Перфекционизм, ориентированный на других»: в высоком уровне ($\phi^*_{эмп} = 1,731 > \phi^*_{кр} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\phi^*_{эмп} = 1,731 < \phi^*_{кр} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, с высоким уровнем перфекционизма, ориентированного на других, статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (при $\rho \leq 0,05$).

На основании данных, представленных в таблице 1, представим результаты исследования, полученные респондентами, занимающимися сетевым бизнесом, и респондентами, занимающимися другими формами организации экономической деятельности, по шкале «Общий уровень перфекционизма», на рисунке 3.

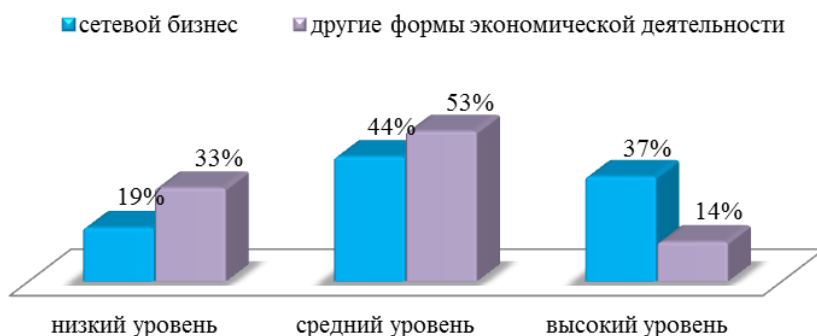

Рисунок 3 – Результаты исследования по шкале «Общий уровень перфекционизма» (в %)

Согласно рисунку 3, у 19 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 33 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен низкий уровень перфекционизма. Данная часть испытуемых не стремится к безупречности, совершенству во всем. У 44 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 53 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен средний уровень перфекционизма, то есть умеренно выраженное стремление к совершенству. У 37 % респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, и у 14 % респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности, выявлен высокий уровень перфекционизма. Данная часть испытуемых стремится к безупречности, совершенству во всем, они ставят перед собой высокие цели, требования и стремятся к их достижению.

Они стремятся к безупречному выполнению своей деятельности, проявляют строгость и критичность к себе и своей профессиональной деятельности. Это является вполне объяснимым, поскольку ведение бизнеса подразумевает под собой, в первую очередь, сильную конкуренцию, что и требует от них максимальной самоотдачи.

С помощью φ^* -углового преобразования Фишера были выявлены следующие статистически значимые различия по шкале «Общий уровень перфекционизма»: в высоком уровне ($\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,247 > \varphi^*_{\text{кр}} = 1,64$ при $\rho \leq 0,05$ и $\varphi^*_{\text{эмп}} = 2,247 < \varphi^*_{\text{кр}} = 2,31$ при $\rho \leq 0,01$). Число респондентов, занимающихся сетевым бизнесом, с высоким уровнем общего перфекционизма, статистически значимо больше, чем число респондентов, занимающихся другими формами экономической деятельности (при $\rho \leq 0,05$).

Список использованных источников

- 1 Слонимская, М. А. Сетевые формы организации экономической деятельности: концепции и модели развития / М. А. Слонимская // Белорусский экономический журнал. – 2019. – № 1. – С. 106–120.
- 2 Кононенко, О. И. Теоретические модели изучения перфекционизма личности в зарубежной психологии / О. И. Кононенко // РЕМ : Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 1. – С. 49–57.
- 3 Токмянина, А. Е. Основные подходы в определении перфекционизма в отечественной и зарубежной психологии / А. Е. Токмянина, Т. В. Терешенок // Инновационные тенденции развития российской науки : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Красноярск (24-26 марта 2015 г) / Красноярский гос. аграр. ун-т ; ред. : Ю. В. Платонова [и др.]. – Красноярск : КГАУ. – 2015. – С. 453–456.

А. П. Захаркевич

Научный руководитель: **Т. В. Тратинко**, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ И МОТИВОВ К ЗАНЯТИЮ СПОРТОМ У СПОРТСМЕНОВ СТУДЕНЧЕСКИХ КОМАНД

В современном мировом сообществе развитие студенческого спорта на национальном уровне и успехи студентов на всемирных универсиадах рассматриваются как все более заметные и влиятельные факторы достижения спортсменами высоких результатов. Мерой эффективности студенческой спортивной команды будет психологическая подготовленность и мотивы к занятию спортом каждого игрока и команды в целом. В данной работе представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление взаимосвязи между показателями психологической подготовленности и мотивами к занятию спортом у студентов спортивных студенческих команд.

Ключевые слова: студенческий спорт, мотивы к занятию спортом, психологическая подготовленность, студенческая спортивная команда.

Сегодня можно говорить о том, что студенческая молодежь является одной из самых больших категорий населения по численному составу, организованной по месту получения образования.

На 2019 год молодежь, занятая в учебно-профессиональном образовательном процессе, составляет 1 462,9 тыс. человек. Из них получают высшее образование на I ступени – 268,1 тыс. человек, на II ступени – 14,7 тыс. человек в 51 учреждении высшего образования Республики Беларусь [1].

Главенствующей целью вуза является образовательный процесс, в ходе которого студент получает профессиональное образование, зачастую не связанное со спортивной специализацией. При этом спортивная деятельность в студенчестве требует высокой мотивации и психологической подготовленности, так как любой спорт – это деятельность, где в сжатые сроки требуется

мобилизовать все свои физические и психические силы, и в конечном итоге достичь наилучшего результата в ситуации жесткой конкуренции с другими спортсменами и спортивными командами [2].

Студенческий спорт и его развитие напрямую связано с уровнем популярности отдельных видов спорта среди школьников, что определяет тесную взаимосвязь детского и впоследствии юношеского спорта. Так, необходимо отметить, что спортивная деятельность в составе студенческих спортивных команд, имеет направленность на достижение высоких спортивных результатов. При этом тренировочный процесс сопряжен со значительными физическими нагрузками, сопровождаемыми дискомфортом, болью, преодолением себя, утомлением и все это на фоне учебной деятельности, которая так же несет за собой, эмоциональное перенапряжение и физическую усталость. Мерой выносливости к действию факторов нагрузки будет психологическая подготовленность, а также сила мотивов, побуждающих спортсмена к деятельности.

Изучение вопроса о психологических ресурсах успешной спортивной деятельности является одной из актуальных тем в сфере спортивной психологии.

Зачастую наличие хороших спортивных данных и высокая степень использования разнообразных физических ресурсов не определяет достижение высоких результатов в деятельности спортсмена. При этом нацеленность на успех занимает очень важное место в жизни спортсмена и является источником его мотивов и чувств.

Анализ научных исследований (Е. В. Мельник, В. Г. Сивицкий, Е. В. Силич, Л. В. Марищук, Н. К. Волков, А. С. Морозов, Ю. Л. Ханин и др.) показал, что авторы разделяют понятие психологической готовности и подготовленности. Готовность определяется достаточным уровнем способностей, конкретными умениями и знаниями, а также накопленным опытом. Психологическая подготовленность определяется как совокупное состояние предстартовой готовности, которая в свою очередь должна характеризоваться высоким уровнем психического регулирования своего состояния, поведения. Специальная психологическая подготовленность нацелена на формирование и создание у спортсмена психологической готовности, а также уверенности к участию в соревновании [3, с.8].

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи психологической подготовленности и мотивов к занятию спортом у спортсменов студенческих команд.

В ходе исследования нами применялся психодиагностический инструментарий: опросник «Психологическая подготовленность» (С. М. Гордон, Л. Т. Ямпольский) и методика «Изучение мотивов занятий спортом» (В. И. Тропникова).

По результатам диагностики «Изучение мотивов занятий спортом» В. И. Тропникова была подсчитана степень выраженности у спортсмена того или иного мотива или потребности.

Так наиболее выраженными мотивами занятия спортом для студентов-спортсменов являются: «физическое совершенство» (3,8), «развитие характера и психических качеств» (3,7), «эстетическое удовольствие и острые ощущения» (3,6).

Наименее выраженными мотивами к занятию спортом являются мотивы «материальных благ» (2,2), «приобретения полезных для жизни умений и знаний» (2,3), «потребность в одобрении» (2,4).

Результаты опросника «Психологическая подготовленность» (С. М. Гордон, Л. Т. Ямпольский) позволили установить, что:

- для большинства 45 (90 %) студентов-спортсменов характерен средний уровень *устойчивости к стрессорам*; высокий уровень у 3 человек (6%) и низкий уровень у 2 человек (4 %);

- по показателю «способность к самоконтролю, саморегуляции» выявлено у 33 человек (66 %) определен средний уровень, высокий уровень имеют 16 человек (32 %), низкий уровень у 1 человека (2 %);

- по показателю «волевая активность» выявлено, что высокий уровень является наиболее выраженным у 34 человек (68%), средний уровень у 16 человек (32%), низкий уровень не выявлен.

Для установления взаимосвязи между показателями психологической подготовленности и мотивами спортивной деятельности у студентов-спортсменов была проведена статистическая обработка полученных данных с использованием коэффициента корреляции Спирмена.

По результатам исследования было установлено, что существует прямая взаимосвязь между:

- «устойчивостью к стрессорам» и мотивами к занятию спортом «познания» ($r = 0,002$; $p \leq 0,01$) и «приобретения полезных для жизни умений и знаний» ($r=0,007$; $p \leq 0,01$). То есть, чем выше показатель устойчивости к стрессорам, тем более выражены мотивы к занятию спортом познание, приобретения полезных для жизни умений и знаний и наоборот. Это свидетельствует о том, что если у студента-спортсмена имеется высокая адаптация к образовательным, физическим, а так же повседневным стрессорам, его мотив занятием спорта будет направлен на стремление расширить свой кругозор, мировоззрение, искать более совершенные методы тренировки, приобретать навыки и знания, которые пригодятся ему в дальнейшей жизни.

- «способность к самоконтролю, саморегуляции» имеет прямую положительную взаимосвязь с мотивом к занятию спортом «познание» ($r=0,009$; $p \leq 0,01$). Следовательно, если студент-спортсмен умеет управлять собственными психологическими и физиологическими состояниями, его мотив занятием спорта будет направлен на стремление к расширению своего кругозора, мировоззрения, к поиску новых методов тренировки.

- «волевая активность» имеет прямую положительную взаимосвязь с мотивом к занятию спортом «эстетическое удовольствие и острые ощущения» ($r=0,005$; $p \leq 0,01$). Так если у студента-спортсмена имеется сознательное регулирование своих целенаправленных действий, вопреки внешним и внутренним препятствиям, его мотив занятием спорта будет направлен на стремление к эстетическому удовольствию от красоты и отточенности выполнения упражнений в выбранном виде спорта, его эмоциональности, физического напряжения, острых ощущений, сложной тактической борьбы на соревнованиях, радости побед.

Таким образом, проведенный анализ проблемы и результаты исследования позволили нами сделать следующие выводы:

Развитие физической культуры и спорта является одним из важнейших направлений государственной социальной политики, эффективным инструментом оздоровления нации и укрепления международного имиджа Республики Беларусь. В современном мировом сообществе развитие студенческого спорта и спортивные успехи студентов становятся не только их личным достижением, но и достоянием высшего учебного заведения, влияя на его репутацию и престиж в целом.

Студенческий командный спорт сопряжен с постоянным «круговоротом» спортсменов, который подразумевает систематическое обновление состава команды, что актуализирует психологическую проблематику в области сопровождения спортивной деятельности в условиях функционирования университетских студенческих спортивных команд.

Психологическая составляющая является важнейшим фактором успешности и достижений спортивной студенческой команды.

Важным психологическим аспектом является психологическая подготовленность, устойчивость мотивов к спортивной деятельности у членов спортивных студенческих команд. К причинам, снижающим мотивацию в студенческой спортивной сфере можно отнести физическую, эмоциональную и интеллектуальную перегруженность; снижение и непостоянство спортивных нагрузок и соревнований; высокий уровень притязаний; адаптация к новым членам команды и новым стратегиям; нарушение командного духа в коллективе; конфликтность; завышенные ожидания окружающих. Все эти аспекты и условия эффективной спортивной деятельности студенческой команды, говорят о необходимости тесной совместной работы в триаде «тренер-спортсмен-спортивный психолог».

Студенческие спортивные команды высокого класса являются ресурсом создания резерва для спорта высших достижений. Однако, для того, чтобы студенческая спортивная команда являлась командой высокого класса, необходимо соблюдение всех условий эффективности, в том числе психологических.

На наш взгляд, развитие студенческого спорта и формирования успешных условий для подготовки студенческих спортивных команд может способствовать усилению профессиональных сборных по различным видам спорта.

Список использованных источников

1 Современное состояние и перспективы развития высшего образования в Беларуси // Белта Новости: материалы круглого стола [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/roundtable/view> – Дата доступа: 20.05.2020.

2 Программа развития студенческого спорта в Республике Беларусь на 2017–2020 гг. // Постановление Министерства образования Республики Беларусь 25 июля 2017 г. № 89. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sporteducation.by/img/file> – Дата доступа: 21.05.2020.

3 Гордон, С. М. Оценка психологической подготовленности спортсмена / С. М. Гордон, Л. Т. Ямпольский. – Москва: ГЦОЛИФК, 1981. – 36 с.

А. П. Захаркевич

Научный руководитель: **Т. В. Тратинко**, старший преподаватель
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СТУДЕНТОВ-СПОРТСМЕНОВ УНИВЕРСИТЕТСКИХ СПОРТИВНЫХ КОМАНД

В современном мировом сообществе развитие студенческого спорта на национальном уровне и успехи студентов на всемирных универсиадах рассматриваются как все более заметные и влиятельные факторы достижения спортсменами высоких результатов. Мерой эффективности студенческой спортивной команды будет психологическая подготовка каждого игрока и команды в целом. В данной статье проанализировано мнение белорусских спортсменов студенческих спортивных команд о сплоченности, лидерстве, роли тренера, эффективном стиле руководства.

Ключевые слова: студенческий спорт, лидерство в команде, роль тренера, стиль руководства тренера, студенческая спортивная команда

Студенческий спорт представляет собой физическую и интеллектуальную деятельность студентов в форме соревнования и подготовки к нему с целью достижения результатов в избранной спортивной специализации.

В качестве главного и приоритетного направления в высшем учебном заведении признается профессиональное образование, однако немаловажная роль принадлежит спортивной деятельности молодого человека, в ходе которой происходит овладение специальными знаниями и умениями, а также способами их рационального применения для самосовершенствования [1].

Психологическая составляющая, которая включает сплоченность, межличностное взаимодействие, психологический климат, лидерство, стиль руководства, авторитет и роль тренера, имеет высокое значение для эффективности и результативности спортивной студенческой команды. По мнению И. П. Волкова, психологическая составляющая играет не самую последнюю роль в достижении победы. Психологическая подготовленность к конкурентным и соревновательным действиям является результатом влияния многих факторов, в том числе и наличие богатых психологических ресурсов [2, с. 6].

Изучением особенностей студенческого спортивного движения были такие исследователи, как И. И. Баринов, Н. Н. Башаев, А. А. Власов и др.

Студенческий спорт, является сферой, в которой образовательная и спортивная деятельность взаимосвязаны, присутствует постоянный «круговорот» спортсменов, подразумевающий систематическое обновление состава команды, что обуславливает отличие социально-психологических характеристик студентов-спортсменов от спортсменов, включенных только в спортивную деятельность.

Нами было проведено анкетирование с целью составления социально-психологического портрета студента-спортсмена. В исследовании приняли участие 50 участников студенческих спортивных команд, в возрасте от 17 до 23 лет, занимающихся командными видами спорта (баскетбол, волейбол) и имеющих спортивный разряд (от 2 взрослого до КМС) в выбранном виде спорта.

Анализируя субъективное мнение каждого из спортсменов о сплоченности спортивного коллектива, роли тренера, а также о личностном статусе внутри команды на основе анкеты получены следующие результаты: лидером в команде считают себя 3 человека (6 %); есть сомнения о безусловном лидерстве в команде 12 человек (24 %); сомневаются в своем лидерстве 25 человек (50 %); не считают себя лидером 9 человек (18 %); абсолютно не считают себя лидером 1 человек (2 %).

Анализ данных, дополненный беседой с участниками анкетирования, показывает, что лидерство в команде соотносится со спортивным стажем. То есть лидером в команде считают себя те спортсмены, которые занимаются данным видом спорта на протяжении, в основном, от 7 до 15 лет, не считают себя лидером те спортсмены, которые занимаются спортом меньше 7 лет. Если говорить о среднем показателе продолжительности занятий спортом, который влияет на положительную оценку себя как лидера, то по данным, полученным в ходе исследования, он составляет 10 лет. Также 50% респондентов ответили, что сомневаются в своем лидерстве.

При оценке верности утверждения «спортивная команда – моя семья» ответы разделились следующим образом: наивысшую отметку – 5 поставили 6 человек (12 %), отметку 4 поставили 14 человек (28 %), 3 – 17 человек (34 %), 2 – 10 человек (20 %), 1 – 3 человека (6 %). По результатам ответов можно сказать, что сплоченность и психологическая атмосфера в студенческих спортивных командах на удовлетворительном уровне.

В большинстве случаев спортсмены студенческих команд оценивают сплоченность в юношеской команде выше, чем в нынешней студенческой, что говорит о наличии благоприятного опыта сплоченности у спортсменов-студентов. Низкая оценка сплоченности студенческих спортивных команд объясняется тем, что в составе университетских спортивных команд существует текучка «кадров», с каждым учебным годом происходит своеобразный «круговорот» студентов-спортсменов, команда пополняется новичками, что требует постоянной «притирки» характеров и стратегий игровой практики. Поэтому актуальность проблемы сплоченности в группе будет всегда высока.

На вопрос «Какая роль должна быть присуща тренеру: наставник, друг, помощник, отец?», ответы следующие: «наставник» – 37 человек (74%); друг – 5 человек (10%); помощник – 2 (4%); отец – 6 (12%) респондентов.

Необходимо отметить, что на разных этапах спортивного совершенствования тренер выполняет различные роли.

В роли опекуна («тренер – отец») – на ранних этапах спортивной деятельности, когда тренеру приходится общаться не только со спортсменами, но и с родителями (в семье), учителями (в школе).

В роли друга («тренер – старший брат») – на более поздних этапах спортивной деятельности, когда еще продолжается становление спортсменов, тренер становится старшим товарищем, другом. В этот период тренер обучает спортсмена в процессе совместной работы.

В роли наставника («тренер – учитель») – на этапах высшего спортивного мастерства возникает необходимость тонкого руководства с целью выбора наиболее оптимальных путей подготовки к различным соревнованиям и целевых установок [3, с. 14].

Это объясняет многочисленный выбор спортсменов студенческих команд ответа «наставник», т.к. в студенческий спорт приходят уже сформировавшиеся спортсмены, у которых имеется довольно продолжительный опыт в данном виде спорта, что говорит о том, что деятельность тренера, должна быть направлена на руководство данными навыками, грамотную подготовку в целях достижения результативности команды.

На вопрос «Какой стиль тренера наиболее эффективный?» были получены следующие ответы: авторитарный стиль – 27 человек (54 %), демократический – 21 человек (42 %), либеральный – 2 человека (4 %).

Либеральный стиль является наименее востребованным, так как данный стиль больше применим к массовому спорту, где руководство и принятие решений главным лицом сведено к минимуму, чем занимающимся предоставляется большая свобода, а сам руководитель является лишь условным организатором деятельности. На наш взгляд, такой стиль для достижения высоких спортивных результатов неприемлем.

Выбор результатов по поводу авторитарного и демократического стиля является неоднозначным. С одной стороны, психологи считают наиболее успешным демократический стиль, но, с другой – именно авторитарный стиль в соревновательной деятельности приводит к большей результативности. При авторитарном руководстве тренер берет на себя ответственность за эффективность действий спортсменов, предусматривает то, на что способен в условиях соревнований каждый из его учеников и контролирует, почему он поступает так, а не иначе в подобной ситуации.

На утверждение «спорт – моя будущая профессия» были даны следующие ответы: с полной уверенностью, что спорт – будущая профессия, ответили 5 человек (10 %), затрудняются ответить – 19 человек (38 %), с полной уверенностью, что «спорт не будет профессией» ответили 26 человек (52 %).

Это объясняется тем, что участие в университетских спортивных командах не исключает получение высшего образования в иной профессиональной сфере, а спортивная деятельность, являясь привычной и соответствующей личностным интересам и склонностям студентов, лишь дополняет период обучения в вузе. Респонденты, которые получают образование в Белорусском государственном университете физической культуры, считают спортивную деятельность своей будущей профессией.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что, студенты-спортсмены студенческих спортивных команд длительно занимаются спортом и имеют спортивный разряд. Лидером в команде считают себя те спортсмены, которые занимаются данным видом спорта более 7 лет и имеют благополучный опыт сплоченности в спортивной команде. Функционирование студенческих спортивных команд сопровождается текучкой спортсменов, что обуславливает необходимость сопровождения адаптации новых участников, возврата к разучиванию наигранных стратегий, вместо отработки их эффективности в командном виде спорта.

Студенты-спортсмены, считают, что тренеру студенческой спортивной команды должна быть присуща роль наставника, предусматривающая тонкое руководство с целью выбора наиболее оптимальных путей подготовки к различным соревнованиям и целевых установок, но при этом, наиболее востребованный стиль руководства тренера – авторитарный.

В основном, все респонденты ответили, что не считают спорт своей будущей профессией, либо сомневаются в этом. Следовательно, при организации тренировочного процесса необходимо учитывать возможности и условия совмещения спортивной деятельности с учебным процессом, без потери качества освоения будущей профессиональной деятельностью.

Внедрение организационно-методических приемов физического воспитания, наличие в университете современной материально-технической базы для занятий физической культурой и спортом, доступный спортивный инвентарь – все это будет способствовать не только спортивным достижениям студентов, но и формированию потребности к занятию спортом и, как следствие, к здоровому образу жизни [4].

В заключении хотелось бы отметить, что развитие университетской спортивной деятельности и формирования успешных условий для подготовки студенческих спортивных команд может способствовать усилению профессиональных сборных по различным видам спорта, тем самым позволяя выявлять спортивные таланты на более поздних этапах спортивного совершенствования и развивать их до профессионального уровня. А студенческие спортивные команды высокого класса являются ресурсом создания резерва для спорта высших достижений.

Спортивные успехи студентов становятся не только их личным достижением, но и достоянием высшего учебного заведения, что в целом влияет и на престиж университета.

Список использованных источников

- 1 Цакоев, А. А. Эффективность занятий физической культурой студентов ВУЗа / А. А. Цакоев // Вестник Университета. – М. : Изд-во ФГБОУ ВПО «Государственный Университет Управления». – 2012. – № 7. – С. 287–291.
- 2 Волков, И. П. Спортивная психология в трудах зарубежных специалистов: хрестоматия / И. П. Волков, Н. С. Цикунова. – Москва: Советский спорт, 2005. – 284 с.
- 3 Мельник, Е. В. Психология тренера: теория и практика: методические рекомендации / Е. В. Мельник, Е. В. Силич, Н. В. Кухтова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 58 с.
- 4 Тратинко, Т. В. Формирование мотивационной сферы спортсменов-юниоров / Т. В. Тратинко // Психология способностей и одаренности: материалы Всероссийской науч.-практ. конф., Ярославль (21–22 ноября 2019 г.) / Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского – Ярославль, 2019. – С. 224–226.

Е. В. Лопатина

Научный руководитель: **С. В. Остапчук**, старший преподаватель
УО «Полоцкий государственный университет»,
г. Новополоцк, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ КИБЕРБУЛЛИНГА У ПОДРОСТКОВ

В статье описаны основные особенности явления кибербуллинга, тесная взаимосвязь кибербуллинга с подростковым возрастом. Представлены результаты исследования буллингового поведения в гимназии: в кибербуллинге подросток может выступать в равной степени в роли жертвы и агрессора. Осознанность родителей об опасностях, с которыми могут столкнуться их дети в Интернете, находится не на высоком уровне.

Ключевые слова: кибербуллинг, подростки, осведомленность родителей, жертва, агрессор, социальные Сети, динамика.

С улучшением и расширением информационных технологий и с привлечением детей и подростков во всемирную паутину и мобильных телефонов зародился такой вид насилия, как кибербуллинг – одна из форм преследования, травли, запугивания при помощи информационно-коммуникационных технологий, которые нередко оказываются для личности очень неприятными, и даже болезненными.

Актуальность данной работы. Целевой аудиторией кибербуллинга являются подростки в возрасте от 12 до 15 лет, которые достаточно активны в Интернете. Растущий диапазон киберзапугивания связан с тем, что подростки не различают виртуальную и реальную жизнь. Они также доверяют свою личную информацию, не опасаясь публичности [1].

По данным исследований немецкого университета Хоэнхайм и EU Kids Online, было получено, что среди подростков практически невозможно выделить явные различия между жертвой и агрессором. Подростки, будучи жертвой кибербуллинга, сами выступали агрессорами в Сети [2]. У жертв кибербуллинга наблюдается целый ряд последствий психологического, физиологического и социального характера, например, депрессия, суицидальные наклонности, самоубийство.

Цель исследовательской работы: изучить особенности кибербуллингового поведения у подростков. Гипотеза 1: в кибербуллинге подросток может выступать в равной степени в роли жертвы и агрессора. Гипотеза 2: у родителей подростков низкая осведомленность о кибербуллинге.

Кибербуллинг – это преднамеренное, повторяющееся враждебное поведение отдельных лиц или групп, намеревающихся нанести вред другим, используя информационные и коммуникационные технологии.

Условиями распространения кибербуллинга является: анонимность, вневременность, опосредованность, не контролируемость.

Кибербуллинг – это травля, виртуальная агрессия, которая осуществляется индивидом или группой лиц, на протяжении долгого времени. Главный его аспект – анонимность [1].

Три возрастные группы, которые включены в исследование HBSC, 11-, 13- и 15-летние школьники представляют самое начало подросткового развития и его ранние этапы. Именно в данный период происходят стремительные изменения подростка.

Основными причинами травли в информационной паутине является использование значимой для пострадавшего среды; нескончаемый поток распускания любой информации, будь она лживой, правдивой или искаженной; провокация чрезмерной эмоциональной обратной связи от пострадавшего [3].

Цель кибербуллинга – усугубления эмоционального состояния пострадавшего или подрыв его социальных отношений.

Существует различные формы кибербуллинга из которых самыми известными являются: использование личной информации жертвы с целью распространения слухов, очерняющих жертву, шантажа, запугивания и т.д.; угрозы и преследование; флейминг; хеппислепинг [4].

В нашем исследовании по изучению особенностей кибербуллинга в подростковом возрасте от 10 до 17 лет, выявление различий в особенностях жертв и булли, а также изучение уровня осведомленности родителей, приняли участие 97 человек, из них 54 подростка и 43 родителя. Исследование проводилось в ГУО "Гимназия №1 города Новополоцк".

В анализе кибербуллинга как социальной проблемы мы использовали собственный опросник для подростков «Кибербуллинг – виртуальный террор», опросник «Кибербуллинг: травля 21 века» – для родителей, содержат соответственно по 18 и 15 вопросов. Вопросы помогают выявить наличие кибербуллинга в жизни подростков, понять их позиции: жертва или булли, а также проследить особенности кибербуллинга среди младших и старших подростков. Выборка подростков составила 54 человека, из них младших подростков - 34 человека и старшие подростки – 20.

На основе опросника мы изучили проявления буллингового поведения (угрозы другим, использование брани в комментариях, реактивность, переживание зависти к другим, использование сплетен) и поведения жертвы буллинга (переживание чувства обиды, проявление возбудимости, стремление скрыть свое негативное отношение к другим).

В данной работе использовали статистический метод обработки эмпирических данных – критерий углового преобразования Фишера.

Проведя расчёты и получив данные, мы пришли к следующим результатам.

Старшие подростки чаще:

1. Угрожают, но не собираются приводить угрозы в исполнение ($\varphi^* = 1.515$).
2. Прибегают к «сильным выражением», если очень злятся ($\varphi^* = 0.983$).
3. Обращают внимание на тех людей, которые их выводят из себя ($\varphi^* = 0.614$).
4. Сплетничают о людях, которых недолюбливают ($\varphi^* = 1.498$).
5. Менее обидчивые, если знакомые подшучивают над ними, они смеются со всеми ($\varphi^* = 0.355$).
6. Более чувствительны к зависти ($\varphi^* = 0.919$).

Полученные эмпирические значения φ находятся в зоне незначимости. Гипотеза о том, что доля лиц, у которых присутствует исследуемый эффект, в младшей выборке больше, чем в старшей выборке – отвергается. Гипотеза о том, что доля лиц, у которых присутствует исследуемый эффект, в старшей выборке больше, чем в младшей – подтверждается.

На вопрос: «Отмечают ли вас в постах, которые вам неприятны или которые могут в дальнейшем плохо на вас отразиться?» 23,5 % младших подростков и 60 % старших подростков ответили положительно.

На вопрос: «Бывало ли так, что вы получали оскорбительные или обидные комментарии и сообщения – публично или в личной беседе?» 52,9% младших подростков и 60 % старших подростков дали положительный ответ.

На вопрос: «Чувствуете ли вы, что временами вы не можете справиться с желанием написать что-то негативное другим?» ответили 79,4% младших школьников и 60 % старших школьников дали ответ «да».

На вопрос: «Часто ли вы угрожаете людям, хотя и не собираетесь приводить угрозы в исполнение?» дали положительный ответ 79,4 % и 60 % младших и старших подростков соответственно.

Исходя из всего этого, можно заметить, что одно и та же возрастная группа 14–17 лет проявляют признаки жертвы и буллы одновременно. В киберпространстве сливается буллинговое поведение, по нашим данным 44,8% старших и младших подростков имеют признаки буллы и 49% подростков имеют признаки жертв.

Самая популярная социальная сеть по версии подростков – это Вконтакте, далее Инстаграмм, Телеграмм, Ask.fm, Фейсбук, Одноклассники, Skype и Твиттер, смотреть рисунок 1.

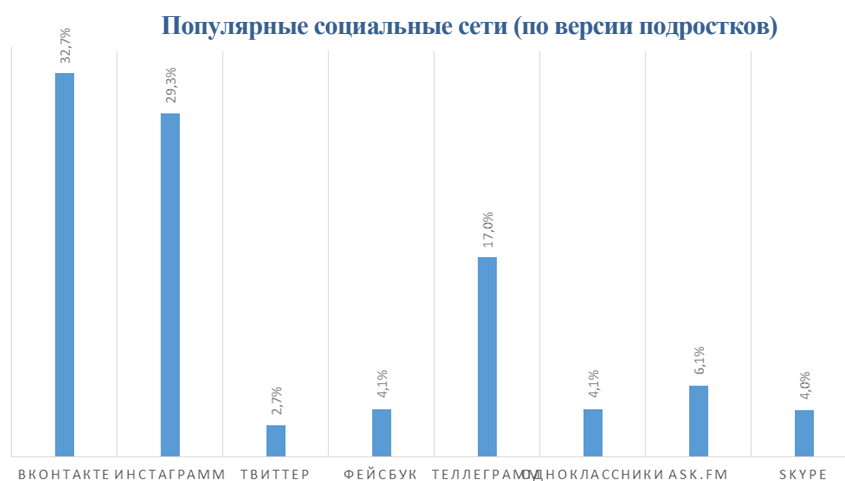

Рисунок 1 – Популярность социальных сетей по версии подростков

Самая популярная социальная сеть среди родителей это Вконтакте, далее Одноклассники, Инстаграмм, Фейсбук, Телеграмм и Skype, смотреть рисунок 2.

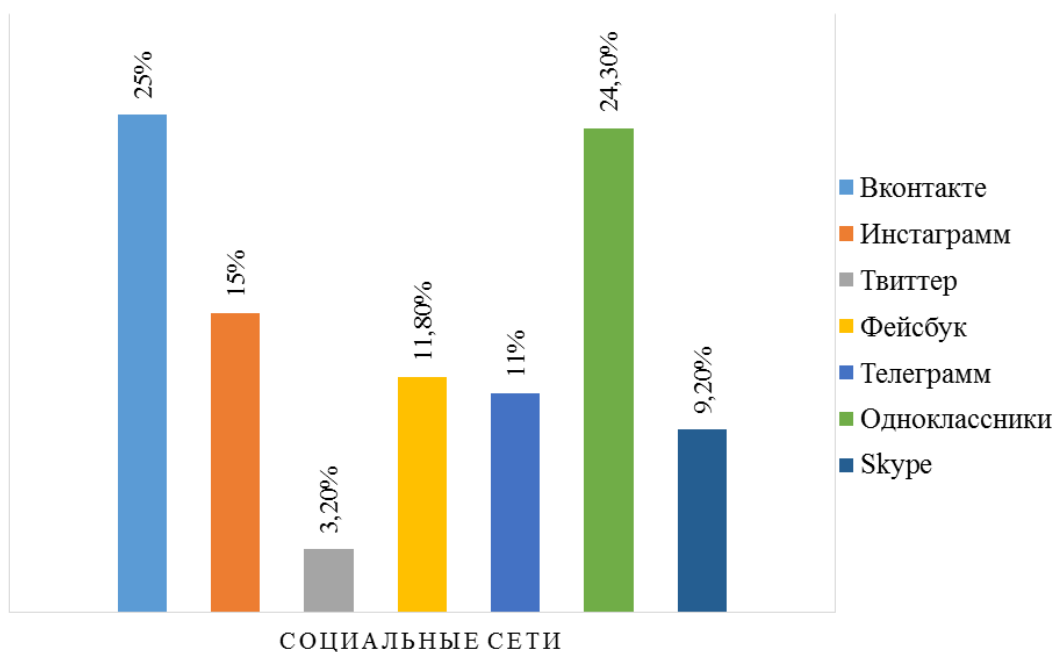

Рисунок 2 – Популярность социальных сетей по версии родителей

Очень часто родители конфликтуют со своими детьми из-за онлайн-жизни ребенка. Причинами конфликтов становится время, проводимое ребенком в Сети. В нашем исследовании осведомленности родителей по проблеме безопасности детей в Интернете приняло участие 43 человека в возрасте от 29 до 57 лет.

Среди подростков количество часов, затрачиваемое на Интернет, возрастает: с 2,7 часов до 5,2 в будние дни и с 4,2 часов до 6,7 часов Родители тратят на Интернет 3,3–3,4 часа и большинство затрачиваемого времени в Интернете уходит на работу, смотреть таблицу 1.

По мнению родителей, дети проводят в Интернете в среднем 2,5 часа и 3 часа в будние и в выходные дни соответственно. Но как показывают полученные нами данные, версия родителей и версия детей различаются в 1,6 и 1,8 раза в пользу детей, смотреть таблицу 1.

Таким образом, подростки чаще уходят в Интернет пространство, чем родители и при этом, родители не замечают всей вовлеченности их детей в Интернете.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика о времени, затрачиваемое на Интернет

Характеристика выборки	Будние дни	Выходные дни
Дети 10-13 лет	2,7 часа	4,2 часа
Дети 14-17 лет	5,2 часа	6,7 часа
Родители	3,3 часа	3,4 часа
Количество часов, затрачиваемое детьми (по версии родителей)	2,5 часа	3,0 часа

81,4 % родителей отмечают, что тема кибербуллинга в той или иной степени им знакома, вне зависимости от возраста или пола ребенка.

Об угрозах в Сети рассказывают 79 % родителей всей выборки. Главная причина кибербуллинга, по версии родителей – это развлечение.

23 % детей, по мнению их родителей, подвергались кибербуллингу, 51,2 % родителей утверждают, что их дети точно не подвергались данному явлению, а по нашим данным 49 % младших и старших подростков подверглись кибератакам. Практически половина родителей (44,2 %) родителей считают, что кибербуллинг не распространен в наше время.

Таким образом, подростки проявляют признаки жертвы и булли одновременно. В киберпространстве сливается буллинговое поведение. Осознанность родителей об опасностях, с которыми могут столкнуться их дети в Интернете, находится на низком уровне.

Список использованных источников

1 Белковец, О. С. Феномен кибербуллинга среди подростков в социальных сетях / О. С. Белковец // Весці БДПУ. – Серыя 1. – 2016. – № 2. – С. 46–49.

2 Takizawa, R. Adult Health Outcomes of Childhood Bullying Victimization: Evidence From a Five-Decade Longitudinal British Birth Cohort / R. Takizawa, B. Maughan // American Journal of Psychiatry. – 2014. – Vol. 171. – № 7. – P. 777–784.

3 Баранов, А. А. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга / А. А. Баранов, С. В. Рожина // Вестник Удмуртского университета. Психология. Педагогика. Философия. – 2015. – Т. 25. – Вып. 1. – С. 37–41.

4 Троллинг и Хейтерство [Электронный ресурс] // Пост Наука. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/73919>. – Дата доступа: 18.11.2019.

Н.А. Миронюк

Научный руководитель: **О. А. Короткевич**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И ОТНОШЕНИЯ К ДЕНЬГАМ У ПОДРОСТКОВ

В статье обоснована актуальность изучения проблемы психологического благополучия личности в подростковом возрасте, а также необходимость исследования психологического аспекта денежных отношений и их составляющих. В статье описаны и проанализированы данные эмпирического исследования взаимосвязи уровня психологического благополучия и отношения к деньгам у подростков.

Ключевые слова: отношение к деньгам, психологическое благополучие, подросток, монетарные отношения, самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, компетентность, цель в жизни, личностный рост.

Интерес к системе денежных отношений во многом обусловлен происходящими процессами социального и экономического расслоения современного общества, а также ориентированностью большинства экономик на рыночные отношения. В действительности деньги не имеют самостоятельной ценности, но они представляют собой некий социальный институт и психологический символ, основанный на согласии индивидов. Экономическая природа денег всегда имеет тесную связь с психологическими, эмоциональными и социальными сторонами жизнедеятельности личности. Многочисленные теоретические и эмпирические исследования доказывают, что основы денежных проблем, заложены не в деньгах как таковых, а в отношении к ним человека, то есть коренятся в психологической сфере.

М. Ю. Семёнов отношение к деньгам рассматривает как компонент целостной системы отношений личности, отражающий ее индивидуальный, субъективно-оценочный, избирательный подход к деньгам как объекту действительности и представляющий собой интериоризированный опыт обращения с деньгами и взаимодействия с другими людьми по поводу денег в специфической социокультурной ситуации. Монетарные отношения личности отличаются относительной устойчивостью и обобщенностью, характеризуют жизненную позицию человека относительно денег, содержат в себе систему более частных монетарных отношений. Монетарные отношения имеют трехкомпонентную структуру: когнитивный (монетарные представления), эмоциональный (оценки денег) и регуляторный или мотивационно-волевой компонент (монетарные ценности, мотивы, социальные установки, нормы поведения) [1, с. 67].

О. С. Дейнека определяет отношение к деньгам как «осознанное и субъективно-избирательное представление о деньгах, проявляющееся в денежном поведении». Отношение к деньгам как к средству, а не цели, когда мотив прибыли сочетается с мотивом самореализации и творчества (характерны траты на повышение профессиональной квалификации, получение дополнительного образования, личностное развитие) можно назвать гармоничным [2, с. 78]. В подростковом возрасте наблюдается всплеск экономической активности и начинает преобладать поведенческий компонент экономического сознания.

В работах К. Рифф психологическое благополучие рассматривается как сложное переживание человеком удовлетворенности собственной жизнью, отражающее одновременно как актуальные, так и потенциальные аспекты существования личности. Это многогранное представление о психологическом благополучии включает шесть компонентов: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, компетентность, цель в жизни, личностный рост. Согласно концепции Д. А. Леонтьева психологическое благополучие определяется смыслом жизни, который можно снискать и в прошлом, и в настоящем, и в будущем [3, с. 17].

Исследование проходило на базе ГУО «Средняя школа № 67 г. Гомеля». Выборочную совокупность составили 100 подростков в возрасте 14–15 лет, из них 50 мальчиков и 50 девочек. Психодиагностический инструментарий: шкалы психологического благополучия (К. Рифф, адаптация Н. Н. Лепешинского); опросник «Отношение школьников к деньгам» (М. Ю. Семёнов).

Первый этап эмпирического исследования был направлен на изучение психологического благополучия подростков с помощью методики «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф, адаптация Н. Н. Лепешинского). Результаты исследования психологического благополучия подростков представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования психологического благополучия подростков с помощью методики «Шкалы психологического благополучия» (К. Рифф), (в %)

Шкалы	Уровень	Результаты в %
Позитивные отношения	низкий	32
	средний	33
	высокий	35
Автономия	низкий	21
	средний	58
	высокий	21
Управление средой	низкий	45
	средний	32
	высокий	23
Личностный рост	низкий	30
	средний	40
	высокий	30
Цели в жизни	низкий	20
	средний	62
	высокий	18
Самопринятие	низкий	36
	средний	38
	высокий	26
Психологическое благополучие	низкий	36
	средний	38
	высокий	26

Согласно данным, представленным в таблице 1, у большинства подростков выявлен средний уровень психологического благополучия (38 %). У 36 % подростков выявлен низкий уровень психологического благополучия. Эта часть подростков имеет немногочисленные доверительные отношения, испытывают сложности в демонстрации открытости, теплоты и заботы по отношению к близким. Они изолированы и фрустрированы в межличностных взаимоотношениях. Подростки с низким уровнем психологического благополучия не умеют идти на компромиссы ради поддержания значимых связей с окружающими. При этом они зависимы от мнения и оценки других людей и полагаются на их мнение в принятии важных решений. Данная часть подростков испытывает трудности в организации повседневной деятельности, они не чувствуют в себе возможностей трансформировать в лучшую сторону существующую ситуацию, иррационально относятся к появляющимся благоприятным перспективам, не способны поддерживать должный контроль над происходящим вокруг. Они осознают отсутствие саморазвития, не испытывают интереса к жизни, ощущают неспособность устанавливать новые отношения. У подростков отсутствует осмысленность жизни, её целенаправленность. Это вызывает недовольство собой, разочарование событиями своего прошлого и беспокойство по поводу личностных черт. У 26 % подростков выявлен высокий уровень психологического благополучия. Эти подростки активно вступают и развивают удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими, в меру заботятся о благополучии других, способны проявлять эмпатию. В качестве основной стратегии взаимодействия используют компромисс. При этом они самостоятельны и независимы, способны противостоять общественному давлению. Подростки обладают высоким самоконтролем,

адекватной самооценкой и чувством непрекращающегося развития. Их жизнь наполнена чувством осмысленности и целенаправленности, они открыты новому опыту, но при этом позитивно оценивают прошлую и настоящую жизнь. В целом они положительно относятся к себе, осознают и принимают как свои позитивные, так и негативные качества.

Представим в таблице 2 результаты исследования особенностей отношения к деньгам у подростков.

Таблица 2 – Результаты исследования особенностей отношения к деньгам у подростков, полученные с помощью опросника «Отношение школьников к деньгам» (М. Ю. Семёнова)

Шкала	Уровень	Количество (n = 100)
Позитивное и рациональное отношение к деньгам	низкий	34
	средний	50
	высокий	16
Фиксация на деньгах. Мотив экономии	низкий	29
	средний	35
	высокий	36
Тревожность из-за денег. Мотив финансовой безопасности	низкий	15
	средний	52
	высокий	33
Негативные эмоции по отношению к деньгам. Напряжение из-за денег	низкий	14
	средний	72
	высокий	14
Терапевтическая функция денег, деньги как удовольствие или лекарство	низкий	14
	средний	32
	высокий	54

На заключительном этапе исследования для выявления взаимосвязи уровня психологического благополучия личности в подростковом возрасте и отношения к деньгам нами была осуществлена статистическая обработка данных с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. Данный коэффициент предназначен для расчета силы и направления линейной зависимости между переменными исследования.

Результаты статистической обработки данных представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Коэффициенты линейных корреляций уровня психологического благополучия личности в подростковом возрасте и отношения к деньгам

Связываемые шкалы	Rs (уровень значимости)	Вид взаимосвязи
уровень психологического благополучия – уровень позитивного и рационального отношения к деньгам	0,873, $\rho \leq 0,01$	прямая сильная
уровень психологического благополучия – уровень тревожности из-за денег	-0,685, $\rho \leq 0,01$	обратная средняя
уровень психологического благополучия – уровень терапевтической функции денег	-0,663, $\rho \leq 0,01$	обратная средняя

Так, в процессе корреляционного анализа были выявлены следующие виды взаимосвязи:

- прямая сильная значимая взаимосвязь между уровнем психологического благополучия подростков и уровнем позитивного и рационального отношения к деньгам ($r_s = 0.873$ при $\rho \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень психологического благополучия

подростков, тем выше уровень позитивного и рационального отношения к деньгам, и наоборот. Чем ниже уровень психологического благополучия подростков, тем ниже уровень позитивного и рационального отношения к деньгам;

- обратная значимая взаимосвязь средней силы между уровнем психологического благополучия подростков и уровнем позитивного и рационального отношения к деньгам ($r_s = -0.685$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень психологического благополучия подростков, тем ниже уровень тревожности из-за денег. Чем ниже уровень психологического благополучия подростков, тем выше уровень тревожности из-за денег;

- обратная значимая взаимосвязь средней силы между уровнем психологического благополучия подростков и уровнем терапевтической функции денег ($r_s = -0.663$ при $p \leq 0,01$). Наличие данной взаимосвязи говорит, что чем выше уровень психологического благополучия подростков, тем ниже уровень терапевтической функции денег. Чем ниже уровень психологического благополучия подростков, тем выше уровень терапевтической функции денег.

Подростков со средним и высоким уровнем психологического благополучия, можно охарактеризовать как положительно и рационально относящихся к деньгам. Их отличает «экономический» склад ума, они отлично владеют искусством управления деньгами и осуществляют личный финансовый учет. Личные финансовые обязательства не отягощают и не гнетут их, так как они бережно, рачительно и внимательно относятся к деньгам и связанным с ними отношениям. Они спокойны и уверены в денежных вопросах, редко испытывают тревожность по поводу денег и не завидуют финансовому благополучию окружающих.

Современные подростки являются активными потребителями и представляют собой широкий сегмент рынка розничных торговых сетей, производителей рекламы и банковских услуг. В ситуации интенсификации рыночных отношений важно помочь детям овладеть навыками финансовой грамотности: принятия решений о тратах и сбережениях, выбора соответствующих инструментов для работы с финансами, планирования бюджета, накопления средств на будущие цели.

Список использованных источников

- 1 Семёнов, М. Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости: дис. ... канд. фил. наук / М. Ю. Семёнов. – Ярославль, 2004. – 178 с.
- 2 Дейнека, О. С. Экономическая психология / О. С. Дейнека. – СПб. : Питер, 2000. – 160 с.
- 3 Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 2003. – 43 с.

И. Н. Науменко

Научный руководитель: **Ю. А. Шевцова**, канд. психол. наук, доцент
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ Я-КОНЦЕПЦИИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК С ЭКСТЕРНАЛЬНЫМ И ИНТЕРНАЛЬНЫМ ЛОКУСОМ КОНТРОЛЯ

В статье представлены рекомендации по развитию Я-концепции у юношей и девушек с экстернальным и интернальным локусом контроля. Описаны следующие возможные направления работы: освоение образцов социального поведения, основанного на внутренней ответственности личности; формирование интернальности на уровне мировоззрения.

Ключевые слова: Я-концепция, локус контроля, экстернальный и интернальный локус контроля, юноши и девушки с экстернальным и интернальным локусом контроля.

Заключительным этапом нашего исследования была разработка рекомендаций психологу, родителям, юношам и девушкам по развитию Я-концепции с разным локусом контроля. Анализ результатов эмпирического исследования показал, что юноши и девушки с экстернальным локусом контроля отличаются негативной Я-концепцией. Это свидетельствует о том, изменение локуса в сторону интернальности может способствовать развитию позитивной Я-концепции. На изменение локуса контроля и будут направлены наши рекомендации.

Для формирования интернального полюса локуса-контроля психологу необходимо использовать следующие методы: социально-психологические тренинги и психокоррекционные программы, целью которых должно стать формирование ответственности за собственную жизнь. В качестве направлений работы, могут быть использованы:

- освоение образцов социального поведения, основанного на внутренней ответственности личности;

- формирование интернальности на уровне мировоззрения.

Одновременно необходимо проводить работу по изменению отношения к себе и другим, обучению уверенному поведению, отказ от образцов поведения в форме «выученной беспомощности». В содержании таких тренинговых программ должны быть включены упражнения, направленные на анализ собственного поведения, анализ трудных жизненных ситуаций, рефлексия связи выбора и достижений [1 с.97]. Для таких программ можно использовать комплекс упражнений, предложенных А. Эллисом в системе рационально-эмоционально-поведенческой терапии. С помощью данного комплекса упражнений, личность учится оценивать свои эмоциональные реакции в отношении внешних ситуаций и старается их рационализировать и далее применить в поведении. Через упражнения, предложенные А. Эллисом, юноши и девушки придут к самоосозанию и самоподдержке [2, с. 123]. Согласно положениям РЭПТ, ошибочно иметь представления о жизненном успехе, в рамках любви, социальных достижений, статусе, как об абсолютной истине успеха. Успех, через понятия терапии А. Эллиса, и отсутствие психологических проблем, трактуется лишь через призму собственных ценностей. В виду этого, все упражнения (оценка собственных эмоций, их рационализация и применение в жизни), направлены на развитие ответственности, которая является одним из составляющих локуса-контроля.

В качестве методов коррекции локуса-контроля, с экстернального, на интернальный, можно использовать индивидуально-направленный метод: метод личной терапии, в рамках транзактного анализа или гуманистической терапии.

Транзактный анализ предложен Э. Бернсом, рассматривая его как метод коррекции локуса-контроля, аналитик работает с эго-состоянием Ребенка у клиента. Эго-состояние Ребенок, через призму положений транзактного анализа, видит успех, как стечение обстоятельств, в виду того что ответственность не свойственна ребенку. Задачей аналитика, является возвращение эго-состояния Взрослый, который принимает на себя ответственность за собственные действия, а, следовательно, видит успех как результат своих достижений. Терапия осуществляется путем общения методом перекрестных трансакций, аналитик из позиции Я-взрослый, вступает в разговор с Я-ребенок клиента, призывая его взять на себя ответственность [3, с. 201].

Работа, в индивидуальном подходе, возможна при любом виде гуманистически направленной терапии (например, клиент-центрированной терапии), используя в качестве положений терапии, идеи о структуре личности, предложенные С. Карпманом. При индивидуальном консультировании, личность, отказывающаяся взять на себя ответственность за свою жизнь, рассматривается как Жертва. Задача психолога заключается в том, чтобы скорректировать утверждения юношей и девушек, характерных для жертвы, отражении ее бессильной позиции и возможностей, которые игнорируются жертвой.

При осуществлении коррекции локуса контроля (внутреннего, внешнего) необходимо расширить поведенческий репертуар юношей и девушек. Необходимо научить их управлять своим эмоциональным состоянием, то есть научить сдерживать или проявлять эмоции, видеть и понимать чувства окружающих людей.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что семейное воспитание, в первую очередь, оказывает влияние на развитие локуса контроля. Поэтому важна роль родителей по коррекции локуса контроля у подростков.

Рекомендации родителям:

1. Необходимо четко знать, что наказание для ребенка является заслуженным с его стороны, а не полученным из-за плохого настроения родителей;

2. Поощрения в семейном воспитании должны присутствовать всегда, а не изредка. Хвалите ребенка, если он действительно старается. Хвалите просто так. Но нельзя поощрять ребенка, который в этот момент провинился, ему нужно дать время осмыслить свой проступок и прочувствовать силу вины.

3. Распределяя правильно меры наказания и похвалы, можно с успехом воспитать человека, обладающего нормой как внутреннего, так и внешнего контроля.

4. Юношам и девушкам важна поддержка со стороны родителей, когда они действительно не виновны в происходящих событиях, а окружающие обвиняют именно их.

Рекомендации юношам и девушкам для формирования интернального локуса контроля:

1. Не перекладывайте ответственность за свои поступки на окружающих.

3. Признавайте свою вину и несите за нее наказание.

4. Будьте уверены в себе, в своих действиях и поступках. Стремитесь быть менее восприимчивыми к мнению окружающих, не бойтесь показать, что ваше мнение не совпадает с мнением других.

5. Старайтесь контролировать свои поступки. Старайтесь меньше отрицательно реагировать на поступки других.

6. Старайтесь менять свою точку зрения, если меняется получаемая вами информация. Так как постоянное «настаивание на своем» не всегда правильное, а ведет за собой обиды и отрицательное отношение. Важно: какую Вы получили информацию, а не то, кто вам преподнес.

7. Проследите за вашим привычным ходом мыслей. Обнаружили, что часто выставляете себя жертвой обстоятельств? Позволяете ли вы себе самооправдания в стиле «у меня не было выбора», «ничего не получается»? Если вы обнаружили у себя подобные мысли, то постарайтесь при обдумывании ситуации отыскать элементы, на которые можно повлиять.

8. Несите ответственность за свои эмоции. Кроме вас никто не может отвечать за то, что вы чувствуете. Чтобы усилить контроль над эмоциональной сферой, обратите пристальное внимание на ощущения и попробуйте назвать их. Развивая самосознание, вы станете добрее к себе, а ваши эмоциональные реакции приведут к продуктивным и положительным результатам.

9. Знайте свои ценности. Это необходимо для принятия решений в трудных ситуациях. У вас должен быть ориентир, принципиальное направление для действия. Если у вас нет четких ценностей, вы рискуете оказаться реагирующим участником в ситуации, а не задавать тон с активной позиции.

10. Ищите опыт для проявления власти над собой. Специальным образом продумайте график, чтобы было больше возможностей для самоконтроля. Добавьте к регулярным утренним процедурам спорт, тренировки, курсы. Подойдет любая дополнительная деятельность, чтобы регулярно доказывать себе, что вы способны выполнить план и двигаться дальше.

11. Принимайте себя такими, какие вы есть, со всеми положительными и отрицательными качествами.

Рекомендации для развития Я-концепции юношей и девушек с интернальным локусом контроля:

1. Для выяснения причины самобвинения использовать различные психологические техники, направленные на работу с внутренним напряжением (упражнения направленные на работу с эмоциональным напряжением и поддержанием психического здоровья; в данном случае эффективны будут техники, связанные с образом, данные техники помогут лучше понять себя и свои желания).

2. Работа над формированием положительной Я-концепции (эффективность оптимистического настроения привлекает в жизнь нужных и более позитивно настроенных людей, что приблизит к достижению целей и успеху; техники, связанные с релаксацией, восстанавливают нервно-психическое равновесие; осознание своих достоинств и недостатков, то есть, принимать себя таким, какой есть,).

3. Проявлять как можно активнее интерес к своему Я (осознание своих физических, интеллектуальных, эмоциональных, волевых свойств; субъективное восприятие внешних факторов; познание самого себя).

4. Объективно оценивать свои достижения и свои поступки, не ущемлять собственное достоинство (способствовать формированию должного внимания и уважения к собственной личности; осознание мотивов своих поступков; осознание своей уникальности и неповторимости; работа на принятием своего Образа-Я).

5. Отказ от самобичевания (крайне сложно улучшить Я-концепцию, регулярно порицая себя, негативно высказываясь в свой адрес по поводу собственных способностей. Следует работать над избеганием отрицательных оценок в отношении своей внешности, личной жизни, карьеры, финансового положения. В приоритете – положительные суждения).

6. Избегать самокритики (работать над прекращением критиковать себя даже в мыслях; исключите негативные высказывания о себе; работа над прекращением винить себя за какие-то ошибки).

Из всего выше сказанного можно сделать следующий вывод. Необходимо организовать такую систему деятельности, которая содержала бы четкие условия и определенный порядок действий, и контроль за этими действиями. В качестве рекомендаций нами были предложенные групповые и индивидуальные методы коррекции локуса контроля, с экстернального на интернальный. Средствами коррекции может выступить социально-психологический тренинг, содержащий в себе комплекс упражнений РЭМПТ (групповой метод), личная терапия: направление транзактного анализ, или терапия с использованием идей С. Карпмана (индивидуальный метод). Предложенные направления терапии, их идеи, могут быть использованы при составлении тренинговых программ.

Список использованных источников

1 Тарасова, Е. О. Влияние локуса контроля на самоотношение людей среднего возраста / Е. О. Тарасова, Н. М. Борисова // Вестник СГТУ. – 2007. – № 2. – С. 93–99

2 Эллис, А. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии / Пер. с англ. Т. Саушкиной. – СПб. : Речь, 2002. – 352 с.

3 Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М. : Прогресс, 1986. – 420 с.

М. А. Пазынич

Научный руководитель: **Н. В. Кухтова**, канд. психол. наук, доцент
Витебский государтсвенный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ СИСТЕМЫ И МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается мотивация и репрезентативная система в процессе обучения. Автором приводятся данные эмпирического исследования психологических особенностей студентов с различной репрезентативной системой.

Ключевые слова: репрезентативная система, визуалы, аудиалы, кинестетики, дигиталы, мотивация, успешность, учебная деятельность, студенты.

Проблема обучения занимает важное место в педагогической психологии и педагогике, поскольку, никакое эффективное взаимодействие с обучающимися невозможно без учета особенностей их мотивации. Важным фактором успешного обучения в вузе является учебная мотивация, ее энергетический уровень и структура. Побудителем и критерием эффективности осуществления образовательного процесса является система мотивов, органично включающая в себя: познавательные потребности, цели, интересы, стремления, идеалы, мотивационные установки, которые придают ей активность и направленность, входят в структуру и определяют ее содержательно-смысловые особенности и характеризуется как устойчивостью, так и динамичностью [1].

Для достижения успеха в обучении необходимо учитывать репрезентативную систему студента. Так, в работах по нейролингвистическому программированию ученые (М. Гриндер, Л. Ллойд, Х. Альдер, Д. Молден, Ж. Эйхер и др.) доказывают, что в процессе познавательной деятельности главная роль принадлежит ведущей репрезентативной системе восприятия. Модальности восприятия рассматриваются как регулирующая основа общения и обучения (И. А. Зимняя, Т. М. Дридзе, А. А. Гостев, В. Н. Носуленко, Ф. Перлз); как основные компоненты учебного поведения, основа регуляции познавательных и учебных стратегий, основа индивидуальных характеристик обучаемого (Б. М. Теплов, М. А. Холодная, М. Монтессори, П. Хэгболдт, М.О. Уэст, М. Chalvin, Н. Trocme-Fabre, R. Lepineux, N. Soleilhas, A. Zerach, M. Grinder).

В.П. Морозов говорит о том, что репрезентативная система – это система представления в сознании закодированной информации об окружающем мире одной или нескольких сенсорных систем: зрительной, слуховой, кинестетической, вкусовой и обонятельной [2]. Исходя из того, какой орган чувств является ведущим выделяют несколько каналов восприятия: визуальный, аудиальный, кинестетический. Но человек обрабатывает информацию внутри себя четырьмя способами, добавляется внутренний диалог, который называют дигитальным каналом. Таким образом людей разделяют на аудиалов, визуалов, кинестетиков и дигиталов. Аудиалы воспринимают информацию с помощью слухового канала, визуалы с помощью визуального канала, кинестетики воспринимают информацию через ощущения. У дигиталов восприятие информации происходит через логическое осмысление.

Исследование является актуальным, так как изучение и полагание на репрезентативную систему студентов позволяет успешно усваивать учебную информацию и достигать высоких результатов в обучении.

Исследование было проведено в ВГУ имени П. М. Машерова на 1, 2, 4 курсе специальности «Психология» и «Социальная работа». В исследовании принимало участие 71 человек. В ходе исследования был использован метод анализа научной, психолого-педагогической литературы; психодиагностические методы (БИАС-тест для определения репрезентативных систем, методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан)), методика «Краткий ориентировочный» (В. Н. Бузин) [3].

По результатам исследования было установлено, что 13 % студентов обладают визуальным ведущим каналом восприятия, 27 % студентов у которых ведущий канал восприятия является аудиальный, с дигитальным каналом восприятия выявлен 41 %, с доминирующим кинестетическим каналом выявлено 18 % студентов. В связи с этим можно сделать вывод, что наибольшее количество студентов в данной группе составляют дигиталы, а самое малое это визуалы.

Для хорошего усвоения материала аудиалам нужно работать в тишине, поскольку шум может их отвлекать. Визуалам лучше всего начинать работу с наглядного материала, благодаря этому они хорошо усвоят информацию. Кинестетикам необходимо давать возможность экспериментально получить результат, самим сделать выводы, прочесть материал, выяснить у преподавателя интересующие их вопросы. Для дигиталов необходима четкость в работе, последовательность и детали.

В процессе исследования было выявлено, что высоким уровнем интеллекта обладает 37 % студентов, средний уровень интеллекта преобладает у 62 % студентов, низким уровнем интеллекта обладает 1 % студента. Из этого следует, что большинство студентов обладают средним уровнем интеллекта. Это позволяет им усваивать материал, добиваться определенных высот в учебе. В результате использования методики на выявления мотивации успеха и боязнь неудачи А. А. Реана были установлены уровни мотивации. Высокий уровень мотивации был выявлен у 28 % студентов, средний уровень у 66 %, низкий уровень показали 6 %. Из этого следует, что большинство студентов имеют средний уровень мотивации на успех. Корреляционный анализ показал, что у студентов-дигиталов чаще всего имеются корреляционные связи по шкале «интеллект». Была обнаружена сильная взаимосвязь интеллекта с креативностью ($r = 0,521, p < 0,01$), мотивацией ($r = 0,424, p < 0,05$) и типом мышления ($r = 0,384, p < 0,05$). В связи с этим можно сказать, что при высоком интеллекте наблюдается высокая мотивация, креативность и мышление.

У студентов-кинестетиков взаимосвязей не выявлено, это может быть связано с тем, что они имеют средние показатели по всем выборкам.

Результаты показали, что у студентов-аудиалов взаимосвязей не наблюдается, это может быть связано с тем, что у аудиалов низкие показатели по всем выборкам.

У студентов-визуалов была выявлена взаимосвязь с типом мышления ($r = 0,706, p < 0,05$), это связано с тем, что у студентов визуалов преобладает образное мышления, поскольку они представляют информацию в картинках, образах, схемах. Присутствует взаимосвязь интеллекта с креативностью ($r = 0,668, p < 0,05$), это означает, что чем выше интеллект, тем выше уровень креативности. Корреляция между успеваемостью, репрезентативной системой и мотивацией не выявлена, в связи с этим можно сделать вывод, что независимо от предпочитаемого канала восприятия и уровня мотивации студенты обучаются по-разному. На успеваемость сказывается не только мотивация на успех, но и интерес к изучаемой профессии, предмету, способности студента, личные особенности, отсутствие интереса к изучению предмета из-за метода преподавания.

В связи с вышеперечисленным можно сделать вывод, что для успешного усвоения учебной информации необходимо учитывать репрезентативную систему, повышать уровень мотивации, что приведет к успеху в учебной деятельности.

Список использованных источников

- 1 Григорьева, Н. Г. Мотивированная учебная деятельность как фактор успешного обучения студентов / Н. Г. Григорьева // Высшее образование сегодня. – 2017. – № 2. – 60–63 с.
- 2 Боденхамер, Б. Учебник магии НЛП / Б. Боденхамер, М. Холл. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2016. – 272 с.
- 3 Истратова, О. Н. Психодиагностика. Коллекция лучших тестов / О. Н. Истратова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 384 с.

М. Н. Сузько

Научный руководитель: **Е. В. Приходько**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕУСТАВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВАХ С РАЗЛИЧНЫМ СТИЛЕМ РУКОВОДСТВА

В статье рассматриваются современные подходы к изучению проблемы неуставных взаимоотношений в воинских коллективах. Приводятся данные эмпирического исследования особенностей проявления неуставных взаимоотношений в воинских коллективах с разным стилем руководства.

Ключевые слова: неуставные взаимоотношения, воинские коллективы, стиль руководства, микроклимат, причины перевода в другую часть.

Проблема неуставных взаимоотношений в воинских коллективах в настоящее время приобрела острый характер. Данная проблема поднимается не только в психолого-педагогической литературе, но и представителями государственной власти, т.к. она вышла за пределы Министерства обороны Республики Беларусь и периодически поднимается в выступлениях Президента Республики Беларусь. Проблема неуставных взаимоотношений, а также связанные с ней последствия в виде получения военнослужащим психологической травмы, увечья, гибель военнослужащих из-за полученной травмы или же суицида, способствовала разрушению нравственной основы личности военнослужащих, а также спровоцировала ряд социальных процессов в обществе. Распространение информации о фактах неуставных взаимоотношений в воинских коллективах сказалось на нежелании юношей служить в армии, спровоцировало снижение мотивации молодежи к воинской службе, способствовало увеличению случаев уклонения юношей от призыва, дезертирства, созданию общественного движения родителей военнослужащих, сказалось на престиже профессии военного, и т.д. [1, с. 35].

В настоящее время проблема неуставных взаимоотношений в вооруженных силах поднимается в трудах К. Л. Банникова, Е. В. Коневой, Ю. Н. Дерюгина, А. А. Пелевиной, В. М. Крук, Р. Ш. Альмухаметова, И. А. Дьячук, И. А. Марина, А. Ю. Солнышкова, Е. А. Моргуленко, С. В. Кониниа, Э. К. Алиевой, О. В. Бабенко, И. Н. Чорного, И. В. Образцова, В. М. Макарова. Необходимо отметить, что в доступной для нас психолого-педагогической литературе отмечается дефицит исследований белорусских психологов, направленных на изучение проблемы неуставных взаимоотношений в воинских коллективах [2, 3].

С целью изучить особенности проявления неуставных взаимоотношений в воинских коллективах с различным стилем руководства нами было проведено исследование на базе «Войсковая часть № 1242 г. Гомеля». Выборочную совокупность составили 86 солдат срочной службы, из них 42 солдата первой роты и 44 солдата второй роты, а также 2 командира первой и второй роты.

Психодиагностические методы: методика «Самооценка стиля руководства» (А. А. Урбановича); экспресс-методика комплексной оценки взаимоотношений (А. С. Калюжный); методика экспресс-диагностики нарушений уставных взаимоотношений (С. В. Назаренко);

Первый этап исследования был направлен на изучение стиля руководства командиров 1-й и 2-й роты. Результаты исследования стиля руководства командиров, исследуемых нами рот, полученные с помощью методики «Самооценка стиля управления» (А. А. Урбановича).

У командира первой роты наблюдается высокая выраженность авторитарного стиля руководства. Командиру присущи стремление к единоличной власти, лидерские качества, непреклонность в намеченной цели и собственных убеждениях, неуступчивость, непреклонность в суждениях, энергичность и жесткая требовательность, неумение учитывать инициативу подчиненных и предоставлять им самостоятельность, чрезмерную резкость в замечаниях, требованиях и критике. Предвзятость и строгость в оценках, честолюбие и несовместимость с подчиненными, злоупотребление наказаниями, игнорирование общественного мнения.

У командира второй роты выявлена высокая степень выраженности демократического стиля руководства. Данный стиль руководства воинским коллективом отражает умение командира управлять, координировать и направлять деятельность коллектива, доверять подчиненным, предоставлять им самостоятельность, поддерживать инициативу подчиненных, внедрять новые, инновационные методы работы, быть справедливым, внимательным, эмпатичным, предупреждать конфликты и создавать высоконравственную атмосферу в коллективе. Командир стремится поддерживать в коллективе атмосферу взаимопомощи и поддержки.

Следующий этап был направлен на изучение особенностей межличностных отношений в воинских коллективах с разным стилем руководства.

Анализ результатов исследования характера межличностных отношений, нравственного потенциала солдат роты с авторитарным стилем руководства и солдат роты с демократическим стилем руководства, полученные с помощью экспресс-методики комплексной оценки взаимоотношений (А. С. Калюжный) позволяет говорить, что у 33 % солдат, стиль руководства

командира ротой у которых является авторитарным, и 64 % солдат, командир которых отличается демократическим стилем, отмечается положительное отношение к членам коллектива. Стоит отметить, что у 38 % солдат роты с авторитарным руководством и 4 % солдат роты с демократическим стилем руководства выявлено отрицательное отношение к членам коллектива.

Так, в роте, командир которой придерживается демократического стиля руководства, отмечается положительное отношение к членам коллектива, что говорит о создании командиром необходимых условий для поддержания в коллективе атмосферы взаимопомощи и поддержки. В то время как командир с выраженным авторитарным стилем руководства, проявляя чрезмерную резкость и критику в сторону отдельных солдат, способствует формированию негативного отношения к отдельным солдатам.

Так, в роте, в которой командир придерживается авторитарного стиля руководства, солдаты испытывают отрицательное отношение к себе со стороны членов коллектива, что связано с атмосферой, которая создана в нем. Те солдаты, которые подвергаются критике со стороны командира, безусловно ощущают негативное отношение к себе с его стороны, а также со стороны членов коллектива, поскольку, априори, в роте создана атмосфера неприятия. В той же роте, где командир создает все необходимые условия для проявления уважения, атмосферы дружелюбия со стороны солдат, солдаты чувствуют себя комфортно, осознают свою важность, ощущают уважительное, достойное отношение, как со стороны командира, так и членов коллектива.

7 % солдат роты с авторитарным стилем руководства и 16 % солдат роты с демократическим стилем руководства характеризуют членов коллектива как порядочных, честных. 45 % солдат роты с авторитарным стилем руководства и 9 % солдат роты с демократическим стилем руководства дают неудовлетворительную оценку нравственных качеств членов коллектива.

Анализ результатов исследования нарушений уставных отношений в ротах солдат с авторитарно-единоличным стилем руководства и единолично-демократическим стилем руководства, полученные с помощью методики социологической экспресс-диагностики нарушений уставных взаимоотношений (С. В. Назаренко) позволил установить причины, оказавшие влияние на желание солдат перевестись в другую воинскую часть, являются:

- наличие конфликтов (43 % солдат роты с авторитарным стилем руководства и 11 % солдат роты с демократическим стилем руководства);
- словесные оскорбления (45 % солдат роты с авторитарным стилем руководства и 7 % солдат роты с демократическим стилем руководства);
- моральное унижение (38 % солдат роты с авторитарным стилем руководства и 2 % солдат роты с демократическим стилем руководства);
- «поборы» денежных средств (14 % солдат роты авторитарным стилем руководства);
- несправедливое распределение служебных обязанностей (28 % солдат роты с авторитарным стилем руководства и 2 % солдат роты с демократическим стилем руководства).

С помощью критерия F^* -углового преобразования Фишера были выявлены статистически значимые различия солдатами из рот с авторитарным стилем руководства и демократическим стилем руководства:

В воинском коллективе первой роты, командир которой отличается авторитарным стилем руководства, проявляющийся в стремлении к единоличной власти, лидерских амбициях, непреклонности в намеченной цели и собственных убеждениях, неуступчивости, непреклонности в суждениях, энергичности и жесткой требовательности, чрезмерной резкости в замечаниях, требованиях и критике. Предвзятости и строгости в оценках, честолюбию и несовместимости с подчинёнными, злоупотреблении наказаниями, игнорировании общественным мнения, солдаты проявляют отрицательное отношение к членам коллектива, также ощущают отрицательное отношение членов коллектива к себе. Они дают неудовлетворительную оценку нравственных качеств членов коллектива. При возможности солдаты данной роты перевелись бы в другую воинскую часть, аргументируя свое желание наличием конфликтов, словесных оскорблений, морального унижения, несправедливого распределения служебных обязанностей. Однако солдаты отрицают наличие неуставных взаимоотношений в их подразделении, что может быть

обусловлено предоставлением социально желательных ответов. В данной роте солдаты проявляют агрессивность при конкуренции, которая препятствует формированию и поддержанию комфортного эмоционального климата в коллективе, сотрудничеству и успешной совместной деятельности.

В воинском коллективе второй роты, у командира которой выявлен демократический стиль руководства, отражающий умение командира управлять, координировать и направлять деятельность коллектива, доверять подчинённым, предоставлять им самостоятельность, поддерживать инициативу подчинённых, внедрять новые, инновационные методы работы, быть справедливым, внимательным, эмпатичным, и создавать высоконравственную атмосферу в коллективе, стремление командира поддерживать в коллективе атмосферу взаимопомощи и поддержки, отмечается положительное отношение к членам коллектива, а также солдаты ощущают положительное отношение членов коллектива к себе. Солдаты точно убеждены, что в их воинском подразделении отсутствуют неуставные взаимоотношения, они отличаются стремлением к установлению дружелюбных отношений и сотрудничеству с окружающими.

Таким образом, стиль руководства командира оказывает непосредственное влияние на микроклимат в воинском коллективе. Сочетание контроля, инициативности и творческого подхода требования сознательного соблюдения дисциплины, проявление демократичности в принятии решений, умение поддержать, быть справедливым и эмпатичным, учитывать индивидуальность подчинённых, уметь продуктивно решать и предупреждать конфликты, формировать и поддерживать эмоционально комфортную атмосферу в коллективе, является фактором, сдерживающим развитие неуставных взаимоотношений в коллективе.

Список использованных источников

1 Ивашкин, В.И. Роль командира (руководителя) в педагогической профилактике конфликтов в воинском коллективе / В. И. Ивашкин // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – № 2–2. – С. 34–38.

2 Самусь, В. Н. Основы военной психологии и педагогики / В. Н. Самусь, Т. Н. Саевич, Н. М. Селивончик. – Минск : БНТУ, 2012. – 83 с.

3 Моргуленко, Е.А. Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант» / Е. А. Моргуленко. – М. : «За права военнослужащих», 2006. – 192 с.

В. С. Трудкова

Научный руководитель: **Е. В. Одиночкина**, старший преподаватель
УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»,
г. Гомель, Беларусь

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ У ЛИЦ ПСИХОСОМАТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА

В статье раскрыто понятие жизнестойкости, рассмотрены особенности пациентов психосоматического профиля трудоспособного возраста, описано исследование жизнестойкости у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста.

Ключевые слова: жизнестойкость, лица психосоматического профиля, трудоспособный возраст.

У пациентов психосоматического профиля в большинстве случаев обнаруживается взаимосвязь между каким-либо инициирующим событием в жизни и возникновением заболевания. Однако, лица с повышенной жизнестойкостью могут рассматривать стрессовые

ситуации и трудные жизненные события не как препятствие, а как жизненный опыт. В таком случае трудности являются для больного личностным ресурсом и поддерживают уровень его жизнестойкости. Повышенная жизнестойкость дает человеку возможность успешно функционировать в обществе несмотря на свою болезнь [1, 2]. Жизнестойкость и ее компоненты являются не просто индивидуальными установками и стратегиями жизнедеятельности. Они отражают систему отношений к самому себе и к миру, которые можно развивать, тренировать, формировать [1, 3]. В связи с этим жизнестойкость, как потенциальная мишень психокоррекционных мероприятий, представляет особый интерес для исследования ее в качестве адаптационного ресурса лиц психосоматического профиля, позволяющего им эффективнее адаптироваться к ситуации болезни, совладать со стрессовой ситуацией [4].

Изучением жизнестойкости личности занимались зарубежные ученые (Д. Вильямс, С. Кобейса, С. Мадди, В. Флориан и др.) и советские авторы (Л. А. Александрова, С. А. Богомаз, Д. А. Леонтьев, О. В. Наливайко, М. В. Логинова, А. Н. Фомина и другие).

База исследования: исследование проходило на базе ГУЗ «ГЦГП», ГУЗ «ГГКБ№1», ГУЗ «ГГКБ№2», ГУЗ «ГГКБ№3», ГУЗ «ГГКБ№4», ГУЗ «БСМП».

Характеристика выборки исследования: выборочную совокупность составили 115 человек, из них 56 лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и 59 здоровых респондента. Пациенты психосоматического профиля имели болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, болезни системы кровообращения. Возраст испытуемых – 26–49 лет.

Результаты исследования уровня жизнестойкости личности у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и здоровых лиц представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты исследования уровня жизнестойкости личности у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и здоровых лиц

Уровень	Лица психосоматического профиля		Здоровые лица	
	Кол-во человек	%	Кол-во человек	%
Высокий	14	25,0	19	32,2
Средний	18	32,1	29	49,1
Низкий	24	48,9	11	18,6

Наглядно результаты исследования уровня жизнестойкости личности у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и здоровых лиц отражены на рисунке 1.

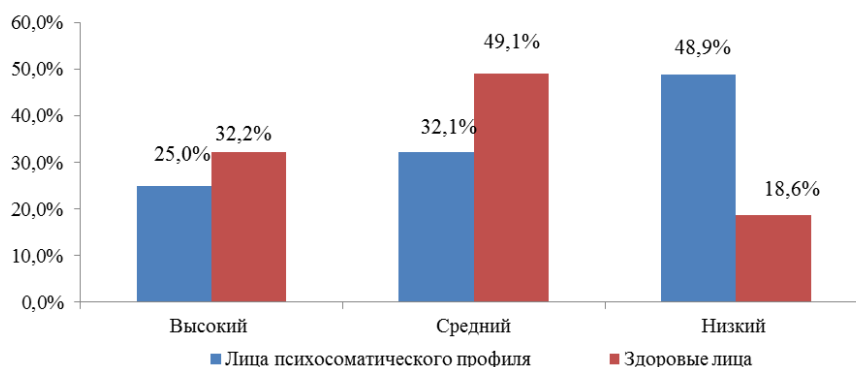

Рисунок 1 – Уровень жизнестойкости личности респондентов

Анализ результатов, представленных на рисунке 1, показывает, что высоким уровнем жизнестойкости личности обладают 25 % лиц психосоматического профиля и 32,2 % здоровых лиц. Эти респонденты имеют сформированную систему убеждений о себе, мире, отношениях с ним, которые позволяют им выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации.

Средний уровень жизнестойкости имеют 32,1 % лиц психосоматического профиля и 49,1 % здоровых лиц. У этих респондентов система убеждений о себе, мире, отношениях с ним, позволяющая преодолевать стрессовые ситуации, недостаточно сформирована.

Низким уровнем жизнестойкости обладают 48,9 % лиц психосоматического профиля и 18,6 % здоровых лиц. У этих респондентов система убеждений о себе, мире, отношениях с ним, позволяющая выдерживать и эффективно преодолевать стрессовые ситуации, слабо развита.

Таким образом, большая часть лиц психосоматического профиля обладает низким уровнем жизнестойкости личности. Здоровые лица характеризуются средним уровнем жизнестойкости личности.

Для оценки достоверности различий между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по уровню жизнестойкости личности был использован критерий U-Манна-Уитни. Результаты математико-статистической обработки данных представлены в Приложении В.

Результаты оценки достоверности различий между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по уровню жизнестойкости представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Результаты оценки достоверности различий между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по уровню жизнестойкости

Параметры	Среднее значение		U _{эмп}	Уровень значимости
	в группе 1	в группе 2		
Уровень жизнестойкости личности	67,3	85,2	948,5	p ≤ 0,05
Примечание: U _{кр} = 1235 при p ≤ 0,01, U _{кр} = 1347 при p ≤ 0,05.				

Анализ результатов, представленных в таблице 2, показывает, что существуют достоверные различия между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по уровню жизнестойкости. Так, уровень жизнестойкости личности выше у здоровых лиц, чем у лиц психосоматического профиля (U = 948,5 при p ≤ 0,05). Это означает, что у здоровых лиц, по сравнению с лицами психосоматического профиля, более сформирована система убеждений и отношения, позволяющая преодолевать трудности.

Рассмотрим более подробно степень выраженности компонентов жизнестойкости личности у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и здоровых лиц (таблица 3).

Таблица 3 – Результаты исследования степени выраженности компонентов жизнестойкости личности у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и здоровых лиц

Уровень	Лица психосоматического профиля		Здоровые лица	
	Ср. знач.	Стат. откл.	Ср. знач.	Стат. откл.
Вовлеченность	35,2	10,07	41,1	9,68
Контроль	19,8	11,33	31,3	10,40
Принятие риска	12,3	4,77	12,8	4,14

Наглядно результаты исследования степени выраженности компонентов жизнестойкости личности у лиц психосоматического профиля трудоспособного возраста и здоровых лиц отражены на рисунке 2. Анализ результатов, представленных на рисунке 2, показывает, что у лиц психосоматического профиля выявлены средние показатели по шкале вовлеченности (32,5), низкие показатели по шкале контроля (19,8), средние показатели по шкале принятия риска (12,3). У здоровых лиц выявлены средние показатели по шкале вовлеченности (41,1), средние показатели по шкале контроля (31,3), средние показатели по шкале принятия риска (12,3).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что у лиц психосоматического профиля умеренно выражена убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности, что говорит о тенденции к возникновению чувства отвергнутости, ощущения себя «вне» жизни.

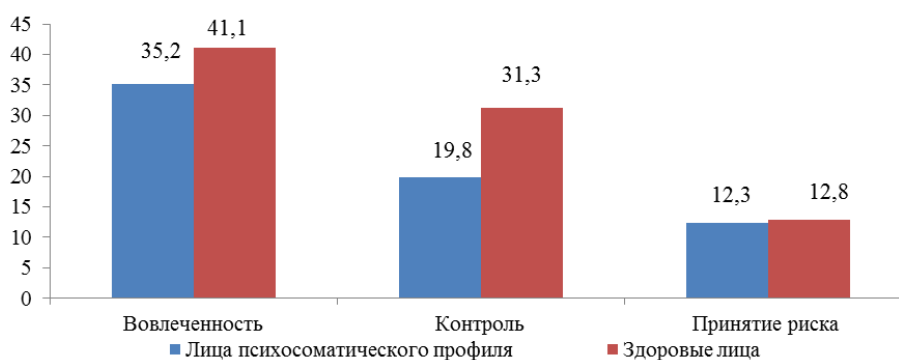

Рисунок 2 – Выраженность компонентов жизнестойкости личности респондентов

У лиц психосоматического профиля слабо выражена убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован, что влечет за собой ощущение собственной беспомощности, неспособность повлиять на ход собственной жизни.

У лиц психосоматического профиля умеренно выражена убежденность в том, что все, что с ними случается, способствует их развитию за счет знаний, извлекаемых из опыта (не важно, позитивного или негативного), что говорит о тенденции к пассивному усвоению знаний из опыта, стремление к комфорту и безопасности.

У здоровых людей умеренно проявляются все компоненты жизнестойкости. Это указывает на умеренную выраженность убеждений, касающихся вовлеченности в активную жизнь, стремления к борьбе за результаты происходящего, а также принятия жизненного опыта.

Результаты оценки достоверных различий между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по выраженности компонентов жизнестойкости личности представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Результаты оценки достоверных различий между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по выраженности компонентов жизнестойкости личности

Параметры	Среднее значение		$U_{эмп}$	Уровень значимости
	в группе 1	в группе 2		
Вовлеченность	35,2	41,1	1044,5	$p \leq 0,05$
Контроль	19,8	31,3	679,0	$p \leq 0,05$
Принятие риска	12,3	12,8	1471,0	$p > 0,01$ не значимы
Примечание: $U_{кр} = U_{кр} = 1235$ при $p \leq 0,01$, $U_{кр} = 1347$ при $p \leq 0,05$.				

Анализ результатов, представленных в таблице 4, показывает, что существуют достоверные различия между группой лиц психосоматического профиля и группой здоровых лиц по выраженности компонентов жизнестойкости личности по компонентам жизнестойкости личности: по шкале «вовлеченность» показатели достоверно выше в группе здоровых лиц, чем в группе лиц психосоматического профиля ($U = 1044,5$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что у здоровых лиц, более выражена убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности, чем у лиц психосоматического профиля; по шкале «контроль» показатели достоверно выше в группе здоровых лиц, чем в группе лиц психосоматического профиля ($U = 6795$ при $p \leq 0,05$). Это означает, что у здоровых лиц, более выражена убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован, чем у лиц психосоматического профиля.

Таким образом, в результате сравнения установлено, что на достоверном уровне у здоровых лиц более выражены такие компоненты жизнестойкости как вовлеченность и контроль, чем у лиц психосоматического профиля. У здоровых лиц более выражена убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности, а также в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован.

Список использованных источников

- 1 Мадди, С. Смыслообразование в процессах принятия решения / С. Мадди // Психологический журнал, 2005. – № 6 – С. 85–112.
- 2 Фомина, А. Н. Жизнестойкость личности: монография / А. Н. Фомина. – М. : Прометей, 2012. – 152 с.
- 3 Леонтьев, Д. А. Тест жизнестойкости / Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова. – М. : Смысл, 2006. – 63 с.
- 4 Александрова, Л. А. К концепции жизнестойкости в психологии / Л. А. Александрова // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов ; редкол.: М. М. Горбатова [и др.]. – М. : Кузбассвузиздат, 2004. – С. 82–90.

Научное электронное издание

**ВЕКТОРЫ ПСИХОЛОГИИ–2020:
Психолого-педагогическое сопровождение личности
в современной образовательной среде**

Международная научно-практическая конференция

(Гомель, 25 июня 2020 года)

Сборник материалов

Подписано к использованию 14.12.2020

Объем издания 6,17 МБ

Издатель и полиграфическое исполнение:

учреждение образования

«Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.

Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

<http://conference.gsu.by>